

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2018. № 435. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 435. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Артамонова А.С. Интуиция бессмертия в рассказе В. Набокова «Ultima Thule»	5
Баженова Я.В. Рассказ И.А. Бунина «Архивное дело»: преобразование литературного «архива» русской классики	12
Драчева С.О., Тумакова Е.В. RAF-тренинг в системе подготовки иностранных граждан к лингводидактическому тестированию по русскому языку	21
Культепина О.А. Социолингвистическое исследование городской лексики Твери	29
Лавошникова Э.К. WORD и малоупотребительная лексика в словарях текстового редактора	40
Сиротенко А.Д. Специфика описания неизменяемых частей речи в лингвистической концепции Абель Матье (1520?–1572?)	48
Старикова Л.С. Метатекстовая структура и способы ее выражения в романе В.Е. Максимова «Кочевание до смерти» (1994)	53

ФИЛОСОФИЯ

Маслов Д.К. Пределы скептицизма и проблема объективности познания	59
Сыров В.Н. К проблеме изучения травмы: опыт одного анализа	66
Шевченко О.К. Методологические перспективы исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве	75

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Каляева Е.Н. Контуры социологии эмоций в концепции социальной солидарности: теоретические истоки в работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда»	84
Труфанов Д.О. Рациональность как предмет социологии	94

ИСТОРИЯ

Аристов С.В. Администрация и охранный персонал нацистских концлагерей на оккупированной территории Украины: преступная деятельность и социально-психологический портрет	108
Водясов Е.В. Средневековые кузнечные инструменты II тыс. н.э. в Западной Сибири	114
Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг.	121
Лазарева Е.В., Берстенева А.А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, Брексит	127
Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в дореволюционный период	135
Петрик В.В. Особенности развития высшего технического образования в Сибири во второй половине 60-х гг. XX в.	143
Румянцев П.П. Деятельность И.М. Огарева в должности первого жандармского штаб-офицера, осуществлявшего надзор за частными золотыми промыслами в Западной Сибири	149
Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в.	155
Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. Система пользования валежником в России в XVIII – начале XX в.	161
Щеглова Т.К. Экология жилища и традиции собирательства топили русским сельским населением юга Западной Сибири в годы войны 1941–1945 гг.: по полевым исследованиям	167

CONTENTS

PHILOLOGY

Artamonova A.S. Intuition of immortality in Vladimir Nabokov's "Ultima Thule"	5
Bazhenova Ya.V. Ivan Bunin's "The Archive Case": The remake of the literary "archive" of Russian classics	12
Dracheva S.O., Tumakova E.V. RAF-training in the preparation of foreign citizens for a linguodidactic test	21
Kultepina O.A. Sociolinguistic research into the regional vocabulary of Tver	29
Lavoshnikova E.K. WORD and low frequency vocabulary in dictionaries of the text editor	40
Sirotenko A.D. The specificity of the invariable parts of speech description in Abel Mathieu's (1520?–1572?) linguistic conception	48
Starikova L.S. Metatext structure and its expression methods in Vladimir Maksimov's <i>Nomad to the End</i> (1994)	53

PHILOSOPHY

Maslov D.K. Limits of scepticism and objectivity of knowledge	59
Syrov V.N. Understanding trauma: A discussion of one analysis	66
Shevchenko O.K. Methodological perspectives of the study of the concept "power" in the Russian civilizational space	75

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Kaliaeva E.N. The outlines of the sociology of emotions in the concept of social solidarity: Theoretical origins in Durkheim's "The Division of Labor in Society"	84
Trufanov D.O. Rationality as a subject of sociology	94

HISTORY

Aristov S.V. Administration and security personnel of Nazi concentration camps in the occupied territory of Ukraine: Criminal activity and a socio-psychological portrait	108
Vodyasov E.V. Medieval blacksmith tools of the second millennium AD in Western Siberia	114
Kirillova S.V., Shevtsov V.V. Nerchinsk – Beijing: Russian trade caravans in 1689–1703	121
Lazareva E.V., Bersteneva A.A. Great Britain in the EU: Entry, retreat, Brexit	127
Larkov N.S. "Potanin's Circle" in Siberia during the pre-revolutionary period	135
Petrik V.V. Features of higher technical education development in Siberia in the second half of the 1960s	143
Rumyantsev P.P. Activities of Ivan Ogarev as the first gendarme staff officer for the supervision of private gold mines in Western Siberia	149
Skubnevsky V.A. Charity work of Altai merchants in the second half of the 19th – early 20th centuries	155
Tyapkin M.O., Tyapkina O.A. The use of coarse woody debris in Russia in the 18th – early 20th centuries	161
Shcheglova T.K. Household ecology and fuel gathering traditions of Russian rural population of the south of Western Siberia during the war years, 1941–45: On the basis of field research	167

ПЕДАГОГИКА

Баранов А.В., Родионов А.И. Формирование базовых представлений о материи, движении и энергии в контексте гносеологии и онтологии XXI в.	177
Горина О.Г. Инструменты корпусного анализа в обучении иностранному языку	187
Костюкова Т.А. Влияние содержания образования на воспитание доверия и согласия школьников (на примере предметной области «духовно-нравственная культура народов России»)	195

ПРАВО

Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией	202
Белик В.Н., Семеновский И.Д. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь в России и Бразилии: анализ законодательства в сфере уголовного судопроизводства	208
Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в.	215
Ершова Е.А. Совместительство: дискуссионные вопросы правового и индивидуального регулирования	234
Зайцева Л.В., Митрясова А.С. Труд водителей такси на основе интернет-платформ: отдельные вопросы правового регулирования	239
Кашуба Ю.А., Нистратова И.С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, имеющих социально значимые заболевания	246
Лозинский И.В. К проблеме дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	254
Мананкова Р.П. Современный этап отечественной цивилистики: достижения и ошибки	260
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	265

PEDAGOGICS

Baranov A.A., Rodionov A.I. The problem of the formation of the basic concepts of matter, motion and energy in the context of the 21st-century gnoseology and ontology	177
Gorina O.G. Corpus research tools in L2 teaching	187
Kostyukova T.A. Influence of the subject area “Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia” for training schoolchildren’s trust and consensus	195

ПРАВО

Anisimov V.F., Akinina N.Yu. Validity of criminal provisions with administrative prejudice	202
Belik V.N., Semenovskiy I.D. Constitutional right to qualified legal assistance in Russia and Brazil: Analysis of the criminal proceedings legislation	208
Gabov A.V., Khavanova I.A. Evolution of robots and the 21st-century law	215
Ershova E.A. Secondary employment: Discussion issues of legal and individual regulation	234
Zaitseva L.V., Mitryasova A.S. Labor of taxi drivers on the basis of Internet platforms: Some issues of legal regulation	239
Kashuba Yu.A., Nistratova I.S. Executing the sentence of imprisonment for minors with socially significant diseases	246
Lozinsky I.V. On the development of the Russian Federation criminal legislation for the protection of social relations in the sphere of economic activity	254
Manankova R.P. Modern stage of Russian civil law: Success and mistakes	260
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	265

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01/09

А.С. Артамонова

ИНТУИЦИЯ БЕССМЕРТИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ULTIMA THULE»

предпринята попытка соотнести философские взгляды Анри Бергсона с эстетикой Владимира Набокова. На примере рассказа «Ultima Thule» показано, как бергсоновская концепция интуитивизма преломляется в творчестве писателя. Такие категории, разработанные Бергсоном, как время, память, интеллект, не заимствуются Набоковым, но творчески преобразуются. Развивая и преобразовывая принципы учения близкого ему по духу мыслителя, В. Набоков как оригинальный творец создает свою философию жизни.

Ключевые слова: Набоков; Бергсон; Ultima Thule; философия жизни; потусторонность; Фальтер.

На сегодняшний день В. Набоков – один из самых исследуемых писателей XX в. (только за последнее десятилетие, согласно библиографическим источникам, было написано более пятисот работ). И если в 60–70-е гг. – период становления набоковедения – исследовательский интерес главным образом был сосредоточен на формальной стороне набоковского письма, расшифровке загадок и аллюзий (К. Проффер, А. Аппель, А. Филд), в 80-е сменившийся на представления о Набокове как этически ориентированном гуманисте (Э. Пайфер, Б. Бойд), то сегодня внимание литературоведов обращено прежде всего на гносеологию и метафизику писателя. Уже никто не оспаривает тот факт, что главной темой писателя является потусторонность. Как о центральной набоковской теме, о «потусторонности» впервые заговорила жена писателя Вера Набокова [1. С. 348]. Сам писатель никогда не давал определения «потусторонности», говоря о ней лишь, что это «тайна, которую он носит в душе и выдать никому не должен и не может» [1. С. 348]. Работы В. Александрова, Д. Бартона Джонсона, А. Арьева, А. Долинина, Б. Аверина, С. Давыдова значительно расширили горизонты набоковедения. Но несмотря на, казалось бы, всестороннюю изученность творчества писателя, оно до сих пор во многом остается «тайной».

Современное набоковедение фокусирует свой взгляд большей частью на философско-мировоззренческих основах творчества Набокова. И здесь важным становится включение писателя в контекст научной парадигмы, складывающейся в конце XIX – первой трети XX в. Соотнесение эстетических взглядов Набокова с философскими концепциями ведущих мыслителей, определивших развитие философской антропологии и психологии, философии культуры XX в. (С. Кьеркегор, А. Бергсон, Ф. Ницше, Л. Шестов, М. Хайдеггер), легло в основу нового подхода к изучению наследия великого писателя. И несмотря на яростное отрицание самим Набоковым любых влияний и возможных сопоставлений, труды, посвященные данной проблематике (Б. Аверин, С. Кибальник, Г. Романова, И. Смирнов), убедительно показывают, что философско-эстетические воззрения писателя развивались в одном русле с философскими и культурологическими исканиями эпохи. Закономерно, что при отсутствии прямых доказательств (ин-

тервью, цитаты) возможные сближения Набокова с философскими концепциями объясняются главным образом типологической общностью творческого сознания.

Исключением, как известно, является А. Бергсон¹. Ему, как правило, отводят ключевую роль в самоопределении писателя. Этому в первую очередь способствовало данное в 1963 г. интервью Олвину Тоффлеру, в котором и появляется имя Бергсона. Набоков включает его в список наиболее значимых для себя «писателей» – именно так определяет его автор [2. С. 154].

Проводя параллели между творчеством Набокова и философской концепцией Бергсона, исследователи обычно ссылаются на четвертую главу «Ады», где профессор Вин размышляет о текстуре времени. И такому вниманию опять же способствовал сам Набоков. В «Юбилейных заметках», отвечая некоему Джефффри Леонарду по поводу ««ткани времени» в предпоследней части “Ады”», писатель направляет его «прямоком» к Бергсону [Там же. С. 593].

Бергсоновская теория времени, безусловно, оказала влияние на Набокова, и это неоднократно подчеркивали исследователи творчества писателя. Не остались без внимания и общие для Набокова и Бергсона темы памяти и интуиции (L. Toker, Г. Романова, А. Блюмбаум, А. Шапиро). Но несмотря на то, что связь творчества Набокова и Бергсона сегодня очевидна, вопрос влияния философии французского мыслителя на метафизику В. Набокова разработан, как кажется, достаточно фрагментарно.

Мы не претендуем в рамках данной статьи на возможно полное рассмотрение этого вопроса, цель работы – найти точки соприкосновения философии Бергсона и мировоззрения Набокова, определить степень и глубину влияния Бергсона на Набокова, а благодаря этому – точнее описать метафизические взгляды писателя. Нам представляется возможным прочитать рассказ «Ultima Thule» в свете метафизики Бергсона и убедиться, что Набоков не просто заимствует те или иные принципы учения близкого ему по духу мыслителя, но, как оригинальный творец, развивая и преобразовывая их, создает свою философию жизни.

Анри Бергсон известен прежде всего как философ-интуитивист, утверждающий приоритет внерацио-

нальных способов познания над рациональными. И если до него представители Нового времени следовали принципу Канта, согласно которому достичь потустороннего мира мы не сможем никаким усилием диалектики, а интуитивной метафизики, с чьей помощью было бы возможно постижение запредельного, человечество лишено, то Бергсон предлагает новую концепцию, где опровергает кантовские методы. Жизнь, по Бергсону, имеет психологическую природу (хотя в общей концепции философа это не исключает ни значительный элемент биологизма, ни метафизическую ее составляющую). Следовательно, сущность жизни познается путем созерцания, самоуглубления в поток переживаний, который, согласно философу, освобожден от эмпирического содержания и потому выступает как чистая длительность, т.е. взаимопроникновение моментов времени. Соответственно новой трактовке жизни и времени Бергсону понадобился и новый философский метод познания, позволяющий освободиться от рассудочного взгляда на мир. И таким методом становится интуиция. Именно она призвана если и не преодолеть интеллект, то, по крайней мере, составить ему конкуренцию, а возможно, и альтернативу в постижении первооснов мира. Вместо «чистого разума» на философскую сцену выступают «чистое восприятие», «чистое воспоминание».

Анализ точек соприкосновения Бергсона и Набокова позволит не только уточнить философско-эстетические взгляды последнего, но и прояснить смысл одного из самых загадочных текстов писателя.

Рассказ «Ultima Thule» – первоначально глава неоконченного романа «Solus Rex» – всегда привлекал внимание исследователей, но в то же время выделялся своей малоизученностью. Как и в большинстве текстов писателя, речь в нем идет о последних вопросах бытия – смысле жизни, существовании Бога, бессмертии. Главный герой рассказа, художник Синеусов, потерявший жену, пытается разгадать тайну жизни и смерти. Разгадать, чтобы найти силы жить после гибели любимой женщины. И помочь ему в этом должен некий Адам Фальтер: когда-то он был репетитором героя, впоследствии стал коммерсантом, а в конечном итоге, случайно открыв «сущность всех вещей», превратился в «сумасшедшего».

О том, действительно ли Фальтер сошел с ума и все его умозаключения являются лишь игрой больного воображения или, возможно, он на самом деле «вышел в боги», читателю остается только догадываться. В предисловии к английской публикации Набоков заметил: «Быть может, закончи я книгу, читателям не пришлось бы гадать: шарлатан ли Фальтер? Подлинный ли он провидец? Или же он – медиум, посредством которого умершая жена рассказчика пытается донести смутный абрис фразы, узнанной или не узнанной ее мужем» [3. С. 103]. Хотя писатель, по своему обыкновению, оставил в рассказе ключ, приоткрывающий дверь к этой тайне. Так, по наблюдению Д. Бартона Джонсона, Фальтер в своих ответах почти дословно повторил слова жены Синеусова, даже не сказанные ею, а написанные «цветным мелком на грифельной доске», когда та была уже безнадежно больна. Какая потусторонняя вечность сообще-

ла Фальтеру о «стихах, полевых цветах и иностранных деньгах», которые «больше всего в жизни» она любила? [4. С. 667].

И если тот факт, что Фальтер, следуя за своим создателем, мог бы произнести уже ставшие хрестоматийными слова: «Я знаю больше, чем могу выразить словами, и то немного, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я большего» [2. С. 157], сомнений не вызывает, то тайна мироздания, которую он постиг, до сих пор не разгадана.

Хотя попытки приблизиться к ее постижению предпринимались.

Так, М. Эпштейн пытается решить метафизическую загадку «Ultima Thule», опираясь на «физическое понятие “неустойчивого вакуума” и его логические, онтологические и теологические импликации» [5. С. 28].

По мнению М. Эпштейна, главное открытие Фальтера заключается в том, что «мир состоит из множества конкретных вещей, и каждая из них может стать точкой отправления в нашем понимании целого. Но в точке прибытия, по мере охвата мира в целом, это Все превращается в Ничто. Тайна всего сущего состоит в том, что оно не существует. Мы живем в мире, которого нет, как нет в нем и нас самих» [Там же. С. 33].

Е. Ляпушкина прочитывает «Ultima Thule» в свете концепций молчания М. Хайдеггера и раннего Л. Витгенштейна. Параллели в философских построениях обоих мыслителей трактуются исследователем исходя из отношений «культурной со-бытийности» [6. С. 83]: подходу к данному вопросу с разных позиций, не учитывая опыт друг друга, Хайдеггер и Витгенштейн в конечном итоге приходят к одним и тем же к выводам. И эта перекличка, но не заимствование, по мысли Е. Ляпушкиной, характерна и для Набокова. Поиск смысловых диалогических связей между концепцией молчания, предложенной двумя философами, и текстом Набокова составляет содержание данного исследования.

Б. Аверин замечает, что рассуждения Фальтера вполне укладываются в рамки философии Л. Шестова. По словам исследователя, «то, что Шестов писал о разуме, попавшем под власть общих суждений и необходимых из них выводов и о почти фантастической возможности сбросить груз ясных, конкретных, математических истин, можно проиллюстрировать, прочтя под этим углом зрения главу “Ultima Thule”» [7. С. 67–68]. Известно, что центральный сюжет философии Шестова – тема грехопадения. И исходя из сопоставления идей философа с набоковским рассказом, Б. Аверин заключает, что откровение Фальтера «было тем самым “анамнезисом” о потерянном рае, о древе жизни (а не о древе познания), о состоянии до грехопадения, о котором писал Шестов» [Там же. С. 75].

Был ли знаком Набоков с работами тех философов, концепции которых легли в основу вышеприведенных исследований, неизвестно. Речь здесь идет не о прямых заимствованиях, но сходстве мышления, принципе типологического родства. На фоне поиска возможных параллелей между творчеством Набокова и различными концепциями, современных ему философов, кажется тем более закономерным рассмотре-

ние рассказа «Ultima Thule» в свете учения А. Бергсона, единственного мыслителя, чье влияние признавал сам писатель.

Известно, что Набокова в теории Бергсона привлекала прежде всего концепция временного существования мира и человека, реализованная в таких категориях, как память и интуиция. Эти темы пронизывают все творчество писателя. Звучат они и в «Ultima Thule». Но прежде чем показать, как они реализуются в тексте, обратимся к не менее значимой проблеме в философских построениях Бергсона – проблеме интеллекта, или разума. Тем более что свою теорию Бергсон сознательно строит как антитезу всей предшествующей рационалистической метафизике. Именно проблема интеллекта предваряет в философии Бергсона его учение об интуиции, предпосылкой которого стала уверенность философа в «неспособности понятийного мышления постичь суть вещей» [8. С. 99].

Согласно концепции философа «наша мысль в ее чисто логической форме не способна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения» [9. С. 5]. По мысли Бергсона, интеллект, имея, как правило, дело с инертной материей, при встрече непосредственно с жизнью в ее не статичной форме, но вечно изменчивой, обращается с «живым, как с инертным, прилагая к этому новому предмету те же самые формы, перенося в эту новую область те же привычки, которые с таким успехом прилагались им к старому» [7. С. 144]. К тому же интеллект не способен уловить единичное, новое, не вписывающееся в привычное. Не способен в том числе и потому, что одной из существенных функций интеллекта является связь «подобного с подобным, и в рамки его могут вполне вписаться лишь повторяющиеся факты» [Там же. С. 147]. Бергсон не отказывает интеллекту в праве на существование. Наоборот, он выступает с проектом создания синтетической формы – «позитивной метафизики». Опыт, приобретенный из непосредственного погружения в реальность, должен, по мнению Бергсона, основываться на результатах научных исследований. Набокову, соединяющему в себе поэта и ученого, эта мысль была особенно близка. Пример тому – ставшее уже хрестоматийным высказывание писателя о том, что «в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей: точности поэзии и восторга чистой науки» [10. Т. 2. С. 568]. Другое дело, что интеллект, разум, здравый смысл исключили из жизни тайну.

Набоков, бесспорно, разделял взгляды французского философа на проблему разума. Об этом свидетельствует не только известное эссе «Искусство литературы и здравый смысл», но и в первую очередь сами тексты писателя. Исключением не стала и «Ultima Thule».

Знаменательно, что Фальтер – человек, претендующий на исключительное знание, – математик. Но в то же время он наделен и даром творца. Так Синеусов вспоминает: «Пожалуй, только еще в самой молодости он <Фальтер> не всегда умел сдержаться и мешал казенное натаскивание гимназиста по казенному предмету с необыкновенно изящными проявлениями

математической мысли, оставлявшими в моей классной какой-то холодок поэзии, когда он, спеша, уходил» [4. С. 119]. Но несмотря на тот факт, что когда-то Фальтер занимался точными науками, истина, ему открывшаяся, лежит вне плоскости логических построений. И об этом читателю догадаться нетрудно – текст изобилует многочисленными намеками на это.

Сомневаясь в том, что Фальтер – обладатель неведомого знания, Синеусов размышляет, как «... довольно, в сущности, обыкновенный, несмотря на “пти же” бывалого ума, и даже чуть вульгарный человек вроде Фальтера действительно и окончательно узнал то, до чего ни один пророк, ни один волшебник никогда-никогда не мог додуматься (Здесь и ранее – курсив мой. – А.А.)» [Там же. С. 124].

Когда же главный герой, пытаясь вызвать своего бывшего учителя на откровенный разговор, заключает: «Итак, Фальтер, вам открылась сущность вещей. Согласен: вы мне ее не скажете; все же я делаю два важных вывода: у вещей есть сущность, и эта *сущность может открыться уму*», – тот в свою очередь с улыбкой оспаривает возможность постижения истины с помощью интеллекта: «Логические рассуждения очень удобны при небольших расстояниях, как пути мысленного сообщения, но круглота земли, увы, отражена и в логике: при идеально последовательном продвижении мысли вы вернетесь к отправной точке... с сознанием гениальной простоты, с приятнейшим чувством, что обняли истину, между тем как обняли лишь самого себя» [4. С. 128–129].

Любая попытка героя подступиться к тайне Фальтера с точки зрения мышления и логики последним немедленно пресекается: «Всякое логическое заключение есть заключение мысли в себе» [Там же. С. 132]. В другой раз Фальтер замечает: «А не вы ли обещали, что не будете мыслить логически?» [Там же. С. 134]. Или: «Но я же вам объяснял, что всякий вывод следует кривизне мышления. <...> Мало того: ваш разум воспримет всякий мой ответ исключительно с прикладной точки, ибо иначе чем в образе собственного креста вы смерть мыслить не можете, а это в свою очередь так извратит смысл моего ответа, что он тем самым станет ложью» [Там же. С. 136].

Фальтер выводит свое знание за пределы интеллектуального и, следовательно, общепринятого постижения. Рассуждения героя о мышлении и логике вполне укладываются в рамки представлений Бергсона о природе интеллекта.

Синеусов приходит к Фальтеру с набором готовых истин, пытаясь на их основе вывести новое знание. Не случайно, сам себя он сравнивает с «традиционным туристом», начинающим знакомство с городом «с осмотра старинной церкви, известной ему по снимкам», – отсюда и первый вопрос: «Существует ли Бог?» Фальтер же отрицает «целесообразность искания истины в области общепринятой теологии», так же как он не уверен в существовании «международных небес», в наличии которых, напротив, рассудок Синеусова «не может не сомневаться».

Фальтер напрямую следует за своим создателем, неприязнь которого к общим суждениям и идеям – порождениям «здравого смысла» – широко известна.

И вполне вероятно, что набоковские взгляды сложились под влиянием именно Бергсона.

Точно так же, как речи Фальтера не укладываются в общепринятую, человеческую, логику, его манера поведения отлична от установленных в обществе. Вспомним, как ведет себя Фальтер со случайными прохожими, или поедает украденные апельсины вместе с кожей, или, сидя на панели, ловит в кулак женские каблук. Он и описывается как «человек, как бы потерявший все: уважение к жизни, всякий интерес к деньгам и делам, *общепринятые или освященные традицией чувства, житейские навыки, манеры, решительно все*» [4. С. 122].

При встрече с Синеусовым Фальтер, увидев фотографию его жены, спрашивает, где же она сама. На что получает ответ: «— Вы же отлично знаете, что она умерла. — Ах да, — заметил Фальтер с нечеловеческой беспечностью и, обратившись ко мне, добавил: — Что же, царствие ей небесное, — *так, кажется, полагают в обществе говорить?*» [Там же. С. 127].

И еще. В разговоре с героем Фальтер обмолвился: «Я усилием воли приучаю себя не выходить из клетки, *держаться правил вашего мышления*, как будто ничего не случилось, то есть поступаю как бедняк, получивший миллион, а продолжающий жить в подвале, ибо он знает, что малейшей уступкой роскоши он загубит свою печень» [Там же. С. 132].

Примечательно, что до своего открытия Фальтер старался не выходить за рамки общих правил и истин, поэтому-то «ничего в нем не предвещало» этого открытия. Воспоминания Синеусова о своем бывшем репетиторе тому подтверждение: «В серой молодости содержавший спившегося отца при помощи уроков, а затем медленно, упрямо и бодро добившийся благосостояния. Его главная заслуга перед собой та, что он сознательно обходил собственные таланты, *делая ставку на дюжинное, общепринятое*, а ведь он был одарен странными, чем-то обаятельными способностями, которые другой, менее осмотрительный, постарался бы практически применить» [Там же. С. 118].

Отсюда недоумение Синеусова, когда он размышляет, почему выбор судьбы пал именно на Фальтера. И единственное объяснение, которое герой находит, заключается в том, что эта была чудовищная случайность, «никак не предсказанная обиходом его рассудка». Набокова, как известно, всегда привлекали «узоры судьбы» и главный ее атрибут — случай. Случай как проявление иррационального и выступает в текстах Набокова антитезой здравому смыслу. Действительно, разум, согласно писателю, не является той определяющей силой, которая способна мир объяснить. Более того, доверившись разуму, человек утратил способность непосредственного «детского» восприятия — теперь он живет в мире общих идей. Характерно, что Фальтер в тексте дважды обращается именно к детскому сознанию. Утверждая, что признаком истины является «отдача», «мгновенный отзыв всего существа» — «явление малознакомое, мало изученное», Фальтер приводит в пример детей. В тот момент, когда «ребенок просыпается или приходит в себя после скарлатины», он и способен получить этот «электрический разряд». Кроме того, в какой-то мо-

мент Фальтер задумался, нельзя ли передать свое знание именно детям и «воспитать новое поколение *знающих*». Детское сознание, свободное от груза прописных истин, способно проникнуть в ту тайну, которая от большинства скрыта слоем общих идей.

Причины, по которым человек, взрослея, становится заложником этих идей, очевидны. Это, как мы увидели, зависимость от «здравого смысла» и общепринятой логики, утрата веры в иррациональное и необъяснимое, невнимательность к мелочам и деталям. В этой связи вспомним слова Фальтера, сказанные им на прощание Синеусову: «Среди всякого вранья я нечаянно проговорился, — всего два-три слова, но в них промелькнул краешек истины, — да вы, по счастью, не обратили внимания» [4. С. 138].

Помимо вышеприведенных причин «поклонения» общей идее есть еще одна — нечувствительность к словам, к их точному значению. Вспомним самого Набокова с его скрупулезностью в выборе слов не только для своих произведений, но и интервью. Об опасности, таящейся в пренебрежении к точному смыслу слова, говорил и Анри Бергсон, полагая, что, расширяя объем слова, мы тем самым сужаем его содержание: «Слово, имеющее четко определенное значение, утратит его, окажется лишенным всякого значения, коль скоро будет прилагаться ко всем вещам» [8. С. 116]. А это ведет к тому, что, «сводя вещи к их понятиям, включая понятия одни в другие, в конце концов приходят к идее идей, полагая, что она-то все и объясняет» [Там же. С. 115]. Такому положению вещей, по мнению Бергсона, во многом способствовала философия Нового времени, поскольку многие из ее представителей были математиками и «в силу своих умственных навыков усматривали в метафизике только более обширную математику, охватывающую собою и качество, и количество». Этим и объясняются «геометрическое единство и простота большинства философских учений, систем, изобилующих окончательно сформулированными и полностью разрешенными проблемами». Так произошло и с религией, где Бог уже давно превратился только в идею, в понятие, «которое содержало в себе все и из которого можно было все вывести». И как следствие это понятие стало неопределенным по своему содержанию, или, скорее, по мысли Бергсона, оно лишилось всякого содержания. Не потому ли Набоков, как и многие его герои, в том числе и Фальтер, так неохотно рассуждают о Боге. И не потому ли Фальтер, подслушивая чужие разговоры, любил расспрашивать «о точном смысле слов», поскольку понял всю опасность приблизительного знания.

Таким образом, и В. Набоков, и А. Бергсон говорят о том, что только с помощью понятийного мышления познать тайну мира невозможно. Соответственно, должен быть иной путь, иной метод познания. В философии Бергсона таким методом становится интуиция: «Насколько же более поучительной была бы подлинно интуитивная метафизика, следующая за изменчивыми контурами реальности! Она не охватывала бы сразу все предметы, но каждому из них давала бы объяснение, в точности соответствующее ему и только ему» [8. С. 100]. Правда, замечает Бергсон,

«философии придется тогда прилагать новое усилие для решения всякой новой проблемы. Ни одно решение не будет геометрически выводиться из другого. Ни одна важная истина не будет добыта как следствие истины уже обретенной» [8. С. 100]. Ни к этому ли призвал и Фальтер?!

Интуиция, определяемая Бергсоном как «сознание непосредственное, видение, едва отличимое от увиденного объекта, познание, представляющее собой соприкосновение и даже совпадение», способна ввести нас внутрь самой жизни, т.е. стать «интуицией жизненного» [Там же]. Представляя собой непосредственный опыт внутренних, психологических переживаний, она в свою очередь не просто связана с определяющей категорией в философии Бергсона – категорией длительности, но родственна ей: «Мыслить интуитивно означает мыслить в длительности» [Там же. С. 102]. Эту связь интуиции и времени Бергсон описывает следующим образом: «Итак, сосредоточимся на том, что в нас одновременно и наиболее отделено от внешнего и наименее проникнуто интеллектуальностью. Поищем в глубине самих себя такой пункт, где мы более всего чувствуем, что находимся внутри нашей собственной жизни. Мы погрузимся тогда в чистую длительность, в которой непрерывно действующее прошлое без конца набухает абсолютно новым настоящим. Но в то же время мы почувствуем, что наша воля напряжена до предела. Резким усилием наша личность должна сжать саму себя, чтобы мы собрали ускользающее от нас прошлое и толкнули его, плотное и неделимое, в настоящее, которое оно создает, проникая в него» [9. С. 147].

Время, таким образом, является не просто внешней характеристикой жизни, а самой ее сущностью. И поскольку время воспринимается Бергсоном не как последовательность моментов, но взаимопроникновение всех «частей» длительности, то необходим добавочный компонент, помогающий не распасться всем этим «частям» на отдельные моменты. И таким посредником является память – еще один важнейший принцип метафизики Бергсона.

Память, или, точнее, воспоминание, как известно, – центральная тема и Набокова, лейтмотивом прошедшая через все его творчество. Согласно писателю, памятью во многом определяется личное существование человека. Процесс воспоминания ведет к самопознанию, приближая тем самым человека к постижению сущности бытия. Бесспорно, что память в философско-эстетической системе писателя является тем средством, с помощью которого становится возможным восстановление личного «я» и в конечном итоге преодоление его границ.

В «Ultima Thule» тема памяти также звучит. Повествование строится как монолог героя, вспоминающего свою жену. Знаменательно, что рассказ начинается со слова «помнишь». И далее герой продолжает: «Если ты не помнишь, то я за тебя помню: память о тебе может сойти, хотя бы грамматически, за твою память и ради крашеного слова вполне могу допустить, что если после твоей смерти я и мир еще существуем, то лишь благодаря тому, что ты мир и меня вспоминаешь» [4. С. 113].

Мотив воспоминания сопровождает читателя на протяжении всего повествования. Любопытно, что Набоков обыгрывает этот сюжет и иронически – предметом иронии оказывается итальянский психиатр, «доказывавший, что все психические заболевания объяснимы подсознательной памятью о несчастьях предков пациента» [4. С. 123]. В его образе без труда угадывается фигура так не любимого Набоковым Фрейда. И не случайно персонаж, исключивший из своего учения сам вектор духовности, не смог пережить новое знание, знание иррациональное, которым с ним поделился Фальтер.

Тема памяти в рассказе так или иначе пересекается с темой смерти. Память включена в контекст смерти, вернее, она становится тем средством, с помощью которого возможно ее преодоление. По крайней мере, на это надеется Синеусов. И в этой связи интересно одно замечание героя. В ходе разговора с Фальтером Синеусов обмолвился: «Ужас, который я испытываю при мысли о своем будущем беспмятстве, равен только отвращению перед умозрительным тленом моего тела» [4. С. 136].

Набоков, как кажется, совсем не случайно ставит рядом два понятия – «беспмятство» и «тлен», тем самым уравнивая их. Тем более примечательно в этой фразе еще одно слово – «умозрительный», в контексте наших размышлений приобретающее дополнительные смысловые оттенки.

Память, как и само время, становится, таким образом, проводником в бессмертие. Но, по всей вероятности, категория времени в бергсоновском понимании интересовала Набокова еще и потому, что он умел видеть красоту этого мира и понимал ценность реальной жизни. Именно французский мыслитель нарушил традицию восприятия времени как своего рода «вместилища» происходящих в мире физических процессов, безразличное к их содержанию. Время стало самой жизнью, формой ее протекания. И, осознав время по-новому, выстроив новые отношения с ним, человек по-новому увидит и окружающую его реальность.

Так Бергсон описывает эти новые отношения: «Если мы осознаем себя такими, какими мы являемся, в плотном и эластичном настоящем, которое мы можем бесконечно растягивать назад, все больше и больше отодвигая экран, заслоняющий нас от самих себя; если мы осознаем и внешний мир таким, какой он есть, не только поверхностно, в настоящий момент, но в глубине, с ближайшим прошлым, которое давит на настоящее, запечатлевая в нем свой порыв; словом, если мы привыкнем видеть все вещи *sub specie durationis*², – то напряженное тотчас расслабится, дремлющее пробудится, мертвое возродится в нашем ожившем восприятии» [8. С. 180].

Приведем еще одно высказывание Бергсона: «*Реальность, себе довлеющая, по необходимости не может быть реальностью чуждой длительности.*...» Нужно стараться здесь видеть, чтобы видеть, а не видеть, чтобы действовать. Тогда Абсолютное открывается совсем вблизи нас и, в известной мере, внутри нас. Сущность его психологическая, а не математическая или логическая» [9. С. 215].

Через проживание времени, таким образом, дается ощущение бесконечности не умозрительно, а чувственно и достоверно, и потому убедительно. Набоков создает свою философию жизни: потусторонность как фантазия ума, как построения разума системы представлений о том, что нас ждет за пределами настоящего бытия, не интересует того, кто способен так тонко понимать красоту мира, чувственно воспринимать реальную жизнь и воспевать чудо творения. Потусторонность пронизывает нашу реальность, она создается здесь и сейчас. А потому задача человека просто не пройти мимо. И не случайно на признание Синеусова о том, что «в минуты счастья, восхищения, обнажения души» он чувствует, «что небытия за гробом нет; что рядом, в запертой комнате, из-под двери которой дует стужей, готовится, как в детстве, пирамида утех; что жизнь, родина, весна, звук ключевой воды или милого голоса, – все только путаное предисловие, а главное впереди; выходит <...> Фальтер, можно жить, можно жить», – Фальтер, «затрясаясь», как делал всякий раз при нелепом выводе собеседника, отвечает иронически, что нужно «перескочить предисловие, – и дело в шляпе!» [4. С. 137]. Перечисленные Синеусовым понятия – «жизнь, родина, весна, звук ключевой воды или милого голоса» – в системе ценностей Набокова занимают исключительно важное место. Потому-то определение их Синеусовым как «путаное предисловие» вызывает недоумение Фальтера. Вряд ли и сам писатель когда-нибудь согласился бы с таким определением.

И Бергсон, и Набоков воспринимают жизнь не как вторичную систему по отношению к вечности или потусторонности, но как саму суть мира, ее первооснову. Соответственно, и к истинному познанию можно приблизиться только изучая жизнь, воспринимая ее не опосредованно, в том числе и с помощью различных гносеологических способов, но непосредственно. Отказавшись от позитивистского взгляда на мир, Бергсон вводит время, длительность в саму основу мира, и мир становится живым – творческим, динамичным и непрестанно развивающимся. Соответственно новому пониманию мира как творческой субстанции приходит и новое понимание человека. Человек – это прежде всего творец. «Во всех областях триумф жизни – это творчество, не должны ли мы допустить, что смысл человеческой жизни состоит в творчестве», – пишет Бергсон [8. С. 42]. Думается, вся

жизнь Набокова и его искусство были реализацией этой идеи.

Потусторонность – главная тема и тайна Набокова. Постигание этой тайны возможно было для него не только посредством погружения в саму ткань жизни, но в большей степени через искусство. И, конечно, не случайно все любимые герои писателя – творцы.

Синеусов – художник. И прежде чем обратиться к Фальтеру в надежде получить от него ответ на такой мучительный для героя вопрос: «Можно ли рассчитывать на загробную жизнь?» [4. С. 134], – Синеусов ищет утешение в искусстве. Пытаясь разгадать загадку вечности, художник говорит о двух возможных вариантах ее решения: «У меня было две возможности: первая из них была моя работа, мое искусство, утешение моего искусства». Вторая – как мы знаем, довериться Фальтеру. Возможно, закончи Набоков роман, тема творчества звучала бы более отчетливо. Но включив в текст историю неведомого иностранца, заказавшего Синеусову серию иллюстраций к поэме «Ultima Thule» и не явившегося за ними, Набоков приоткрывает завесу тайны. Синеусов, прекративший работу после исчезновения заказчика, возвращается к ней вновь, чтобы преодолеть свое горе. Знаменательно, что рассказчик сравнивает процесс творения с достижением той неведомой области, где находится теперь его умершая жена, тем самым утверждая простую истину – искусство приближает к постижению бытия: «Ее <работы> призрачная беспредметная природа, отсутствие цели и вознаграждения, уводила меня в родственную область с той, в которой для меня пребываешь ты, моя призрачная цель, мое милое, мое такое земное творение, за которым никто никуда никогда не придет» [4. С. 125].

Ответы на главные вопросы «Ultima Thule» – жизни, смерти, бессмертия – по определению не могут быть прямолинейны и однозначны. Но, как кажется, прочтение рассказа в свете идей Анри Бергсона многое проясняет.

Ван Вин – творческий наследник Бергсона, герой «Ады», написанной через двадцать с лишним лет после выхода в свет рассказа «Ultima Thule», – задается похожим вопросом: «Кто сказал, что я умру?» [10. Т. 4. С. 511]. Но в его устах звучит он уже как риторический. Судя по всему, и Фальтер задолго до профессора Вина знал точный ответ на этот вопрос. Как, впрочем, и его создатель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Бергсон был невероятно популярен в России в начале XX в. Об этом свидетельствует и то, что переводить его труды в России стали раньше, чем в других странах, и, главное, было издано пятитомное собрание сочинений Бергсона (СПб., 1913–1914).

² С точки зрения длительности (лат.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Набокова В. Предисловие к сборнику: В. Набоков. Стихи (1979) // В.В. Набоков: Pro et contra: антология: [в 2 т.]. СПб., 1997. [Т. 1].
2. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.
3. Набоков В. Предисловие к английскому переводу рассказов «Ultima Thule» и «Solus Rex» // В.В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: [в 2 т.] СПб., 1999. [Т. 2].
4. Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 5. СПб., 2003.
5. Эпштейн М. Двойное небытие и мужество быть. К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4.
6. Ляпушкина Е.И. «...о том следует молчать» («UltimaThule» Набокова и философия молчания) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. Вып. 3. С. 83–91.

7. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.
8. Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь. М.; СПб., 2016.
9. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2015.
10. Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб., 2000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 августа 2018 г.

INTUITION OF IMMORTALITY IN VLADIMIR NABOKOV'S "ULTIMA THULE"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/435/1

Anastasia S. Artamonova, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: art_nastya@inbox.ru

Keywords: Nabokov; Bergson; "Ultima Thule"; philosophy of life; otherworldness; Falter.

The aim of the work is to find the points of contact between Bergson's philosophy and Nabokov's worldview, to determine the extent and depth of Bergson's influence on Nabokov, and due to this to more accurately describe the metaphysical views of the writer. It seems possible to read the story "Ultima Thule" in the light of the metaphysics of Bergson, the only author whose influence the writer himself acknowledged, and to make sure that Nabokov not only borrows some of the principles of the teachings of the thinker close to him, but, as the original creator, transforming them, creates his own philosophy of life. The protagonist of the story, the artist Sineusov, who lost his wife, tries to unravel the mystery of death and immortality. And some Adam Falter should help him in this. He used to be the main character's tutor, later became a businessman, and eventually turned into a "madman", accidentally discovering "the essence of all things". An attempt to understand what Falter's discovery consists in constitutes the content of the article. It is known that in Bergson's theory, Nabokov was primarily attracted by the concept of the temporary existence of the world and man realized in such categories as memory and intuition. These themes permeate the entire work of the writer. They also appear in "Ultima Thule". Besides this, Nabokov shared the views of the French philosopher on the problem of reason. Both of them say that it is impossible to know the mystery of the world only with the help of conceptual thinking. Accordingly, there must be a different path, a different method of cognition. In Bergson's philosophy, intuition becomes this method. In the course of the study, it is shown how the main principles of Bergson's philosophy are realized in Nabokov's text. Based on the comparative and contrastive analysis, the article draws the following conclusion. Both Bergson and Nabokov perceive life not as a secondary system in relation to eternity, or otherworldliness, but as the very essence of the world, its primary principle. Accordingly, true knowledge can be approached only by studying life, perceiving it not indirectly, like using various gnosiological methods, but directly. Rejecting the positivist view of the world, Bergson introduces time, duration into the very foundation of the world, and the world becomes alive – creative, dynamic and continuously developing. In accordance with the new understanding of the world as a creative substance, a new understanding of man also comes. Man is first of all a creator. And for Nabokov, whose main character is always a creator, the comprehension of the mystery of the otherworldness is possible not only by immersion in the very fabric of life, but more through art. The answers to the main questions of "Ultima Thule" – life, death, immortality – by definition cannot be straightforward and unambiguous. But, as it seems, reading the story in the light of Henri Bergson's ideas clears up a lot.

REFERENCES

1. Nabokova, V. (1997) Predislovie k sborniku: V. Nabokov. Stikhi (1979) [Preface to the collection: V. Nabokov. Poems (1979)]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. *V.V. Nabokov: Pro et contra: antologiya: [v 2 t.]* [V.V. Nabokov: Pro et contra: anthology: [in 2 vols]]. Vol. 1. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institut.
2. Mel'nikov, N.G. (ed.) (2002) *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'yū, retsenzii, esse* [Nabokov about Nabokov and other: Interviews, reviews, essays]. Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta.
3. Nabokov, V. (1999) Predislovie k angliyskomu perevodu rasskazov "Ultima Thule" i "Solus Rex" [Preface to the English translation of the stories "Ultima Thule" and "Solus Rex"]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. *V.V. Nabokov: Pro et contra: antologiya: [v 2 t.]* [V.V. Nabokov: Pro et contra: anthology: [in 2 vols]]. Vol. 2. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institut.
4. Nabokov, V. (2003) *Sobranie sochineniy russkogo perioda: v 5 t.* [Collected Works of the Russian Period: in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
5. Epshteyn, M. (2013) Double Nothingness and the Courage to be. To the Philosophy of Unstable Vacuum. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 28–43. (In Russian).
6. Lyapushkina, E.I. (2016) "...there of one must be silent" (Nabokov's "Ultima Thule" and the Philosophy of Silence). *Vestnik SpbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 3. pp. 83–91. (In Russian).
7. Averin, B. (2003) *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg: Amfora.
8. Bergson, A. (2016) *Izbrannoe: soznanie i zhizn'* [Selected works: Consciousness and Life]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. Bergson, A. (2015) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Akademicheskii proekt.
10. Nabokov, V. (2000) *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 t.* [Collected works of the American period: in 5 vols]. St. Petersburg: Simpozium.

Received: 29 August 2018

РАССКАЗ И.А. БУНИНА «АРХИВНОЕ ДЕЛО»: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО «АРХИВА» РУССКОЙ КЛАССИКИ

Рассказ И.А. Бунина «Архивное дело» впервые рассматривается как репрезентация метасюжета русской литературы о персонажах-переписчиках. Сохраняя ключевые мотивы, сформировавшие традицию у его предшественников в XIX в., Бунин на нарративном и оноματοпоэтическом уровнях организации рассказа преобразует сюжет с целью редуцировать его социальное звучание, акцентируя при этом метапозицию автора по отношению к ключевым слагаемым бунинской эстетики – памяти и письму как способу ее сохранения.

Ключевые слова: И.А. Бунин; «Архивное дело»; нарратология; метатекст; оноματοпоэтика; мифопоэтика; метапозиция.

Усилившиеся в начале XX в. процессы институционализации и автономизации литературы закономерно запускали в действие механизмы ее саморефлексии: осмысление роли пишущего человека в онтологическом, философском, историко-культурном и социальном аспектах [1. С. 13–14, 37–38; 2. С. 232–234]. Задачу литературной саморефлексии в культуре начала XX в. М.А. Хатямова формулирует так: «... сохранить в литературоцентричных формах самоценность эстетической реальности от деструктивного воздействия социального хаоса» [3. С. 305]. Наиболее продуктивной формой литературной рефлексии исследовательница называет метатекст, понимаемый как изображение и осмысление процесса письма [Там же. С. 160].

М.Н. Эпштейн в качестве метасюжета XIX в. рассматривает произведения, в центре которых – герой, причастный к письменной деятельности. Исследователь определяет такого героя как *переписчика*, с одной стороны, акцентируя его сходство с древнерусским книжником, воспринимавшим писательство как ремесло, подчиненное сложившемуся сакральному канону, а с другой – отмечая, что переписчиками в литературе XIX в. были именно те герои, которых в литературно-критической и литературоведческой традиции принято объединять в социально-психологический тип так называемого маленького человека [4. С. 27–61].

Если в XIX в. эта «малость», утверждаемая Пушкиным и Гоголем или оспариваемая Достоевским и Чеховым, была главным образом индикатором социального положения персонажа, то на рубеже XIX–XX вв. актуализировано было ранее второстепенное его качество как своего рода «писателя». Та эпоха в истории поэтики, когда на первый план, по С.Н. Бройтману, выдвинулось «рефлексивно[е]» отношение ко всем заданным моделям миропонимания и поведения» [2. С. 223], делала данное преобразование закономерным. Кризис рационалистического мышления, симптомом которого, в частности, и стало появление «нового искусства», был, в первую очередь, кризисом позитивистского, утилитарного, риторического слова и литературной деятельности в целом. И без того расшатанная в течение XIX столетия направленность на образец, канон, жанр сменилась обращением пишущего человека на самого себя, и центральной категорией художественного творчества оказалась личность автора-творца.

Для И.А. Бунина рефлексия художественного слова и легитимация литературы как профессиональной деятельности были центральными вопросами его жизни в искусстве. С этой точки зрения металитературность была двуединым феноменом, с одной стороны, включавшим в себя переосмысление классических сюжетов на уровне литературной техники, названное Т.В. Марченко вслед за Ю.М. Лотманом «переписыванием классики» [5; 6. С. 90–122], а с другой – подразумевавшим ревизию наследия XIX в. с целями автомифологизации, конструирования собственной литературной репутации как «последнего классика» [7. С. 408].

На сегодняшний день в научной традиции исследования важнейшего вопроса о метапозиции Бунина по отношению к его художественному творчеству носят спорадический, разрозненный характер. Так, одной из слабых сторон буниноведения Д. Риникер считает «некритическое отношение к автохарактеристикам Бунина и к его историко-литературным схемам» [8. С. 422], т.е. к тому жизнестроительному мифу, который писатель сам о себе создавал. Тема рефлексивности бунинского текста тонет в более общей – и в целом разрешенной (см. прежде всего классические работы О.В. Сливичкой [9]) – проблеме общеэстетических воззрений писателя и его взглядов на задачи искусства.

В настоящей статье мы опираемся на исследования постструктуралистов, в частности на тезис М. Фуко о том, что «текст всегда содержит в себе некоторое количество знаков, указывающих на автора» [10. С. 36]. В качестве указаний на метапозицию Бунина мы рассматриваем, с одной стороны, появление пишущего (авто)персонажа, а с другой – рефлексивное осмысление писателем собственного имени [11, 12].

Одним из бунинских героев, символически связанных с письмом, является Фисун из рассказа «Архивное дело» (1914). Он дополняет ряд выделенных М.Н. Эпштейном металитературных персонажей, объединенных общей для них деятельностью *переписчиков*, при том что Фисун в чисто практическом смысле не столько создает или копирует письменные знаки, сколько накапливает документы в архиве.

В буниноведении предпринималось несколько попыток специального анализа рассказа с акцентом на установление его историко-культурных и литературных претекстов. Так, в работе Л.П. Пожигановой [13] и

совместном труде Н.В. Пращерук и Л.Р. Клагиной герой «Архивного дела» интерпретируется как сложный, «полиреминисцентный образ» [14. С. 120]. Ученые полагают, что задача Бунина заключалась в создании пародийного, обобщенного варианта сюжета, в котором решался центральный социальный конфликт русской литературы XIX в., в своеобразном подытоживании этого сюжета [Там же. С. 121]. Иной подход демонстрирует К.В. Анисимов: привлекая в своем анализе «Архивного дела» чеховский претекст, ученый ставит в центр не столько проблему сюжетной и тематической преемственности Бунина, сколько осмысление писателем вопроса связи письма и власти [15].

Действительно, именно эта тема – взаимодействие пишущего героя с социальной верхушкой – является решающим моментом фабулы во всех произведениях, выделенных буниноведами в качестве источников «Архивного дела»: в повести Н.В. Гоголя «Шинель» (1839), романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846), рассказах А.П. Чехова «Смерть чиновника» (1883) и «Человек в футляре» (1898). Функция конфликта в этих произведениях заключается в прояснении социальной роли и самосознания «маленького» человека, что, в свою очередь, позволяет трактовать этот тип в рамках гуманистической традиции. Ключе-

вым фактором, привлечшим внимание Бунина, является то, что все персонажи названных произведений так или иначе имеют профессиональное или служебное отношение к слову, языку и письменной деятельности, т.е. носят металитературный характер. Роман Достоевского прямо ориентирован на повесть Гоголя, поэтому Макар Деушкин наследует профессию Башмачкина: оба они являются чиновниками-переписчиками. Социальный конфликт здесь реализуется в со-противопоставлении переписчика с неким «значительным лицом». Та же структура конфликта сохраняется в чеховском рассказе «Смерть чиновника», где Червяков на горе себе докучает генералу. Ситуация несколько видоизменяется под пером Чехова-создателя «Человека в футляре»: здесь наблюдается симбиоз «маленького» человека и устрашающего тирана в едином образе Беликова – учителя древнегреческого языка.

Бунин в «Архивном деле», на первый взгляд, следует за предшественниками, сохраняя разработанный ими сюжет и конфликт. Во-первых, Фисун наследует выделенные М.Н. Эпштейном внешние черты персонажа-переписчика. Характерной деталью их облика является поза склонившегося над текстом книжника – маленький рост и согбенная спина:

Гоголь «Шинель»

«... низенького роста <...> все совершенно *Башмачкины* ходили в сапогах <...> бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в *тощенькой шинелишке* перебежать как можно скорее пять-шесть улиц (курсив здесь и далее наш. – Я.Б.)» [16. С. 117, 122].

Чехов «Человек в футляре»

«... даже в очень хорошую погоду, выходил в *калошах* и с зонтиком и непременно в *теплом пальто на вате*. <...> *маленький, скрюченный*» [17. С. 43, 47].

Бунин «Архивное дело»

«Он был очень *мал ростом*, круто *гнул свою сухую спинку*, носил престранный костюм: *длинный базарный пиджак* <...> и громадные солдатские *сапоги*» [18. С. 35].

Шинель, покрывающая Акакия Акакиевича, является маркером и воплощением его должности титулярного советника, а также репрезентативным знаком, подчеркивающим его социальный статус. У Чехова верхняя одежда разрастается до аллегорического «футляра» Беликова, который, в частности, включает не по сезону теплое ватное пальто. «Родовой» атрибут *Башмачкина*, метонимический по отношению к его фамилии, – башмаки – у Беликова сохраняется в виде калош. Однако если у Гоголя и Чехова материальная оболочка героев является одним из центральных мотивов (что заявлено уже в заглавии произведений) и, став емким символом их натуры, функционально подчеркивает их статус в обществе, то у Бунина функция описания одежды Фисуна иная – интертекстуальная. В «Архивном деле» оба атрибута переписчика – согбенная спина и несомерно большая одежда – каждый раз упоминают-

ся в паре. В то время как Башмачкин и Беликов гиперболизируют значимость шинели и «футляра», для Фисуна забота о его ветхом пиджаке, очевидно, не имеет никакого значения. Если Акакию Акакиевичу на покупку заветной новой шинели не хватает денег, то Фисун за службу получает больше, чем может потратить, и все же не меняет свой старый пиджак на новый: «... терялся, не зная, куда девать такую уйму золота, – настолько были ограничены его житейские потребности» [18. С. 36].

Во-вторых, общая черта персонажей заключается в том, что привязанность к тексту и слову приводит их к чрезмерно точному следованию служебному регламенту, распорядку, правилам, негласным и – особенно – кодифицированным нормам. Более того, в «Шинели» Гоголя и в рассказе Бунина подчеркиваются или рождение героя словно сразу «в службу», или появление самой службы будто «для» героя.

Гоголь «Шинель»

«Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить <...> уверились, что он, видно, *так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове*» [16. С. 118].

Бунин «Архивное дело»

«В управе он служил *чуть не с первого дня ее существования*. И как служил!» [18. С. 36–37].

Ср.: Чехов «Человек в футляре»

«Для него были ясны только *циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь*. <...> это было для него ясно, определенно; запрещено – и basta. В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный» [17. С. 43].

В-третьих, смерть персонажей наступает в результате столкновения с «властью предержащим». Переписчики умирают от начальственного окрика. Причем в

кинестетике текстов они последовательно утрачивают физическую связь с реальным миром через потерю органов чувств и способности к речевой деятельности:

Гоголь «Шинель»

«Тут он *топнул ногою*, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. <...> как вышел на улицу, *ничего уж этого не помнил* Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. <...> не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. <...>» [16. С. 139–140].

Чехов «Человек в футляре»

«И этим *раскатыстым, залихватым «ха-ха-ха»* завершилось всё <...>. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и *ничего не видел*. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лег и уже больше не вставал» [17. С. 52].

Несмотря на все перечисленные сходства героев, ключевым в образе переписчика является характер обращения со словом. Именно в этом аспекте сходство бунинского Фисуна с предшественниками обнаруживает свою проблематичность. У Гоголя, Чехова и До-

Чехов «Смерть чиновника»

«– *Пошел вон!!* – повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. *Ничего не видя, ничего не слыша*, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... *Придя машинально домой*, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер» [19. С. 166].

Бунин «Архивное дело»

«– Да ты кто такой? – *бешено крикнул* первый (Станкевич. – Я.Б.), *затопав в ярости ботинками*.

Но второй (Фисун. – Я.Б.), *вытучив глаза* <...> уже и *лепетать не мог*...

<...> будучи через час после этого *доставлен в бессознательном состоянии домой*, Фисун слег в постель, а вскоре и *душу богу отдал* <...>» [18. С. 42–43].

стоевского персонажи подвергаются со стороны своего окружения осмеянию и унижению, причем основанием для обидных шуток над ними (в случае с Девушкиным Достоевского – напрасных) становится именно их утилитарная связь с письмом, со словом или языком:

Гоголь «Шинель»

«Молодые чиновники *подсмеивались и острились* над ним <...> Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним <...> среди всех этих докук он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: “Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?”» [16. С. 119].

Лишенный сознания и выбора Башмачкин не способен к рефлексии: на насмешку он реагирует только тогда, когда его механистическому занятию препятствуют физически. Для Макара Девушкина письмо является уже не только служебным занятием, но и предметом рефлексии, однако обретение самосознания приводит героя к выводу о бессмысленности его труда: возникает трагическое несоответствие между его социальным статусом и личностью. Работа учителем древнегреческого языка, на взгляд многих в конце XIX в., мертвого и бесполезного, обеспечивает Беликову определенное место в общественной системе, наделяя его привилегиями власти, однако эта власть труслива, она основана на ставшем знаменитым правиле «как бы чего не вышло» [17. С. 43]. Поэтому насмешка над профес-

Достоевский «Бедные люди»

«Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю. Ну что ж тут в самом деле такого, что переписываю! *Что, грех переписывать, что ли?* “Он, дескать, переписывает!” “Эта, дескать, крыса чиновник переписывает!” Да что же тут бесчестного такого?» [20. С. 47].

Чехов «Человек в футляре»

«Какой-то проказник *нарисовал карикатуру* <...> внизу подпись: «*влюбленный антропос*». <...> Карикатура произвела на него самое тяжелое впечатление. <...> Мне даже жалко его стало» [17. С. 49].

сией разрушает всю созданную героями систему иллюзий, выбрасывает их в реальный мир, где «малость» оказывается гораздо более значительной характеристикой, нежели просто низкий социальный статус. Поэтому Башмачкин, Девушкин и Беликов реагируют на насмешку над своим занятием болезненно.

Напротив, шулки по адресу Фисуна, который остается внутри собственной системы ценностей, оказываются безуспешными, не достигают цели. Расхождение между социальным статусом, призванием и личностью для него нерелевантно. Уже с первого абзаца текста бунинского рассказа на первый план выходит не социальная проблема унижения, а филологическая проблема *называния*, семиотический вопрос о соотношении знака и референта:

Бунин «Архивное дело»

«Нас, его молодых сослуживцев, все *потешало* в нем: и то, что он *архивариус*, и не только не находит смешным это старомодное слово, а, напротив, понимает его очень высоко, и то, что его зовут Фисуном, и даже то, что ему за восемьдесят лет» [18. С. 35].

В феноменологическом ключе Бунин отделяет Фисуна от ценности социальной иерархии и перемещает его в новый контекст, связанный с онтологическим осмыслением статуса слова. Для Фисуна иерархия перестает быть функциональной, должность архивариуса не воспринимается ни как социальный лифт, ни как болезненная стигма, а потому герой не стыдится своей профессии и не нуждается в ее оправдании. Система общества в сознании бунинского персонажа оказывается субстанциальной: устойчивой, неподвижной, в литературоведческих терминах – мифопоэтической. Между ее раз и навсегда заданными уровнями нет конкуренции, а также чреватой производством новых смыслов коммуникации: «Фисун <...> твердо держался <...> косного убеждения, что *двум колосьям в уровень никогда не расти*» [18. С. 40]. Архив воспринимается Фисуном как надсистемное, мифологическое пространство, к которому стягивается и в которое входят все категории и элементы мира: «Он полагал, что ни единое человеческое дело немислимо без архива» [Там же. С. 36].

Иначе, по сравнению с предшественниками, в рассказе Бунина расставлены позиции субъекта и объекта власти. В системе социальной иерархии все рассматриваемые переписчики являются объектами власти со стороны генералов, директоров, начальников и т.д. Но Фисун – единственный «переписчик», по отношению к которому со стороны повествователя употребляется слово «начальник». Архивариус сам имеет подчиненного по фамилии Луговой и осознает свою власть над ним: «... что *Фисун облечен был властью*, что *Фисун чувствовал себя* очень строгим *начальником* и заражал Лугового своим чувством, в этом не было ни малейшего сомнения» [18. С. 37]. При этом, в отличие от других переписчиков, коммуникация между этой парой властителя и под-

чиненного осуществляется не с помощью канцелярских документов и циркуляров и даже не через словесный знак, а посредством использования заведомо неконвенциональных ритуалов – общей трапезы и буквально телесной пластики, жестов – знаков иконических: «Фисун *шамкает*, *горбится* от раздражения все круче, почти касаясь хвостом пиджака сапожных голенищ, и крепко *стучит* костылем а тот (Луговой. – Я.Б.), хотя и хмурится, да все-таки *молчит, не поднимает глаз*» [18. С. 37]. Снова власть в рассказе оказывается явлением не социального порядка, а феноменом бытия: «Ведь давно известно, что сила не в самой силе, а в той власти, с которой связана она» [18. С. 37].

Герои Гоголя и Чехова были объектами власти не только в социальном, но и в семиотическом плане: Башмачкин, переписывая, не может отклониться от исходного текста, а Беликов читает распоряжения и в точности их исполняет. Фисун, напротив, выступает как организующая сила архива – субъект власти над знаком.

С.С. Аверинцев замечает, что в Средневековье сакральное отношение к материальному облику книги, к самому алфавиту и буквам, было неотделимо от почитания нетленного смысла написанного: «Книгу можно сжечь, но записанное в книге слово бессмертно» [21. С. 194]. Слово понималось и почиталось как Логос, одухотворенная плоть. В Новое время, эпоху не религий, но светских государств, переписчик имеет дело с канцелярскими документами, превратившимися в чистую функцию. Смысл таких документов всецело определялся утилитарным назначением слова. Тем не менее авторы произведений о переписчиках сохраняют особенности отношений между писцом и текстом. Как фигура средневекового книжника сакрализовалась благодаря приобщению к духовным сочинениям, так и гоголевский персонаж, приобщаясь к бессодержательному документу, сам оказывается репрезентацией – иллюзией, кажимостью, пустой оболочкой. В отсутствие смысла текста персонаж-переписчик обращается к материальному облику слова:

Гоголь «Шинель»

«... он брал, посмотрев *только на бумагу* <...> и тут же пристраивался писать ее. <...> он служил *с любовью*. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой *разнообразный и приятный мир*» [16. С. 119].

Центральным психологическим моментом гоголевской истории является то, что Акакий Акакиевич принципиально не понимает смысла того, что он переписывает и не интересуется им. Слово он воспринимает как инструмент, а потому оказывается способен создать оригинальный текст – как письменный, так и устный. Предмет страсти и почитания для него – материальный, начертательный вид слова. В результате сама плоть Башмачкина – его лицо – стремится стать буквой: «... в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [16. С. 119]. У Беликова восхищение вызывает, ско-

Чехов «Человек в футляре»

«... *древние языки*, которые он преподавал, были для него, в сущности, *те же калоши и зонтик*, куда он *прятался от действительной жизни*» [17. С. 43].

рее, не начертание букв, а звучание и «вкус» слов. Как и Акакий, Беликов вбирает заведомо *мертвый* древнегреческий язык в собственную плоть: «О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищутив глаз и подняв палец, произносил: – Антропос!» [17. С. 43]. Язык, как и в «Шинели», материализован и лишен смысла: он буквально отождествляется с «футлярными» предметами одежды Беликова.

Обессмысливание и овеществление слова сопровождается уходом Акакия Акакиевича и Беликова из

реальной, «живой» жизни в мир репрезентаций, знаков, иллюзий. В отсвете бунинского понимания эти герои облачают собственную живую плоть в оболочку букв и оказываются, говоря по-толстовски, «живыми трупами». Как известно, судьба Башмачкина predetermined уже в акте его именования: мать Акакия в момент выбора имени отходит от обычая нарекать ребенка по месяцеслову в честь святого покровителя. Вместо этого герою даны имя, судьба и должность его отца, что лишает Акакия права на социальное самоопределение. Значение имени *Акакий* – «незловый» – в судьбе героя реализует коннотации покорности и пассивности. В случае же Беликова источником его социопатической тяги к материальной оболочке является, по словам рассказчика Буркина, «явление атавизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге» [17. С. 42]. В координатах бунинской эстетики такого рода эскапизм является признаком вырождения, движение происходит в обратную от культуры сторону.

Фисуна принадлежит к письменной деятельности не одухотворяет – как средневекового писца, но и не умерщвляет – как его предтеч в литературе. Имена его предшественников либо предельно овеществлены – *Башмачкин* (башмак) и *Беликов* (ср.: «беловик»), либо нравственно обусловлены – *Акакий* (гр. незловый) и *Макар* (гр. счастливый) *Девушкин* (безгрешный). Прозвище Фисун образовано от личного имени Афанасий (др.-гр. бессмертный): это значение расположено на ином уровне, где отдельные категории физического, социального и этического объединены в поле онтологического.

Образ Фисуна не поддается категоризации, он в равной степени не принадлежит ни миру живых, ни миру мертвых. Его архив описан как потустороннее, подземное пространство, в котором архивариус является единственным источником света и зрения: «Фисун все еще бродит в своих *темных владениях*, в дугу согнув свою худую спину, держа в бледной, обезображенной ревматизмом руке *пылающий огарок* и заботливо осматривая полки с кипами дел» [18. С. 36–37]. Если в случае с «переписчиками» предшествующей поры власть была буквально процессом иерархизации социума как набора физических тел, то деятельность Фисуна в мифологическом пространстве архива заключается в упорядочивании бестелесных сущностей – знаков. Власть Фисуна не социально достижима, а бессознательна и сущностна:

Бунин «Архивное дело»

«Фисун <...> *гробовыми печатями припечатывал ту жизнь*, что шла где-то наверху <...> а в должный срок нисходила долу, в эту *смертную архивную сень*, грудами <...> ни единой живой души не нужного хлама загромождая полки!» [18. С. 35–36].

Срединное положение Фисуна подчеркивается его прозвищем *Харон*. Этот персонаж древнегреческой мифологии являлся обитателем лиминального пространства между миром живых и царством Аида. В его функции входило не только переправлять души умерших в загробный мир, но и следить, чтобы туда

не проникли неупокоенные, живые души – из-за чего часто Харон наделялся острым взглядом (по Бунину – обязательным качеством для писателя¹).

Важно, что это прозвище относится не только к Фисуну: рассказчик, библиотекарь управы говорит, что и он тоже «Харон в некотором роде» [Там же. С. 36]. И здесь мы подходим к важнейшему отличию «Архивного дела» от других рассказов о переписчиках. Событие смерти архивариуса указывает на значимый слом в повествовании. В нарративе Гоголя единство создается неизменной *морализаторской установкой* повествователя, направленной на раскрытие в Акакии Акакиевиче человека-христианина: социально ничтожного в «земном» мире, но обретающего свое величие после смерти. Та же целостность, хотя, конечно, продиктованная иными причинами, присуща сатирическому нарративу Чехова: здесь статичность рассказчика обусловлена проводимым им *с позиции гуманиста* социально-философским анализом социума, который возводит на пьедестал одновременно и ничтожного, и страшного «приписанной» ему обществом властью Беликова.

Принципиально иная ситуация у Бунина: инстанция фиктивного нарратора в его рассказе расщеплена. В повествовании происходит внезапный переворот, связанный с прозрением библиотекаря-рассказчика. Ретроспективно излагая собственную историю «воспитания чувств», он в начале повествования до некоторой степени в чеховском духе противопоставляет «косного» Фисуна «передовым людям» своего времени (к которым причисляет и себя в молодости). Однако затем смерть Фисуна провоцирует в библиотекаре «прозрение», осознание различия между мизерной жизнью старого архивариуса и его истинным предназначением хранителя Памяти. После этого нарративного слома сатирическая установка уже зрелого рассказчика обретает иную цель: утверждается вневременность, истинность и бесспорность авторитета Фисуна, а объектом развенчания становится другой герой, продолжатель «значительных лиц» классики XIX в. Алексей Алексеевич Станкевич – «лев русской гражданственности» [18. С. 41], представитель прогресса. Вместе со Станкевичем рассказчик дискредитирует и самого себя в молодости, иронично называя себя и остальных людей «нового» мира «молокососами» [Там же. С. 38].

Полемическая интенция Бунина раскрывается и в области жанровой поэтики рассказа. Впервые «Архивное дело» было напечатано в либеральной газете «Русское слово» от 25 декабря 1914 г. под заглавием «Святочный рассказ». Нередко встречающееся у Бунина жанровое название акцентирует металитературность и дает дополнительный ключ к анализу произведения. Е.В. Душечкина пишет, что расцвет святочного рассказа последней четверти XIX в., обусловленный интенсивным распространением периодической печати, довольно быстро сменился кризисом жанра. Осознание его исчерпанности привело писателей к рефлексии о состоянии святочного рассказа, а также к созданию пародий на него [26. С. 206–208]. Использование периферийного жанра позволяло Бунину одновременно реанимировать святочный рас-

сказ и преобразовать классический сюжет в пародийно-полемиическом ключе.

По словам Е.В. Душечкиной, на становление святочного рассказа повлияла специфика его устной разновидности: это словесное творчество было календарно приурочено к периоду святок (25 дек. – 6 янв.), относилось к смене годового цикла и было наделено семантикой умирания и рождения, замены старого новым. Отличие литературной формы жанра от его устной разновидности заключается, по мысли исследовательницы, в том, что «конфликт строится не на столкновении человека с потусторонним злым миром, а на том сдвиге в сознании, который происходит в человеке, в силу определенных обстоятельств усомнившемся в своей неверии в потусторонний мир» [Там же. С. 40]. Таким «сдвигом в сознании» и является в «Архивном деле» душевное прозрение библиотекаря-рассказчика. Таким образом, Бунин на уровне ономастопозтики, жанра и нарративной организации художественного текста «переписывает» тип «маленького» человека и создает собственный, с сильным автобиографическим подтекстом сюжет.

Новая металитературная позиция персонажа-писателя вскрывается также в противопоставлении Станкевича и Фисуна, в их борьбе за слово рассказчика. При этом оба героя обладают метами личности Бунина. В случае Фисуна такой чертой является его работа с письменным словом, а также реальный прототип архивариуса. В.Н. Муромцева-Бунина пишет, что во время службы в статистическом отделении Полтавы в 1892–1893 гг., где для Бунина было специально создано место библиотекаря при архиве [23. С. 130], ему «помогал архивариус, который весь архив знал наизусть: странная дореформенная личность» [Там же. С. 137]. В случае Станкевича след личности автора скрывается в собственном имени героя. Сочетание его имени и отчества – Алексей Алексеевич – дублирует отчество Бунина (далее в его рассказах встретится целый ряд Алексеев Алексеевичей). Фамилия Станкевич отсылает, с одной стороны, к древнему дворянскому роду Станкевичей и актуализирует значимые для Бунина категории памяти и наследственности. С другой стороны, эта фамилия напоминает о так называемом кружке Станкевича, который существовал в России в 1830-х гг. В биографии идеолога этого кружка – Н.В. Станкевича – имелось несколько эпизодов, наверняка известных Бунину из сочинений А.И. Герцена², которые писатель прекрасно знал и любил.³

Пара героев-антагонистов олицетворяет собой два типа отношения Бунина к слову и литературной деятельности. Художественный анализ словесного знака ведется в «Архивном деле» в русле противопоставления устной речи и письменного текста, а в рецептивном отношении – соответственно, слышимого и видимого. В отличие от архива Фисуна, слово Станкевича принципиально представлено как устное. Главной особенностью его публичных речей является риторика идеологического убеждения, власть над умом: «призыв <...> к “забытым словам”, к добру, к правде, к гуманности <...>» [18. С. 39]. В то время как для Фисуна кульминацией деятельности архивариуса яв-

ляется выдача заветной *справки* – письменного текста, речь Станкевича вообще не предназначена для письма⁴. Главное, сам смысл выступления оратора отступает перед второстепенным – воздействующей силой голоса ее автора и дутым авторитетом Станкевича: «А как потом окреп *голос* оратора, как *завучал сталью*, *призывая* без страха и сомнения *вперед на борьбу*, как *поверг* этот голос всю залу <...> сперва в жуткое молчание, а после в неистовый восторг, прорвавшийся *бешеными кликами*, – того и *описать невозможно!*» [18. С. 41]. Речь либерала XIX столетия Бунин описывает в духе характерной для революционного времени агитационной, пропагандистской риторики.

В связи с конфликтом устного и письменного, слышимого и видимого, разница между Фисуном и Станкевичем выражена в самом характере наррации. Так, с одной стороны, библиотекарь-рассказчик говорит о вечности Фисуна, его бессмертном, устойчивом, регулярном труде в архиве. С другой стороны, речь Станкевича является продуктом времени и эпохи, она порождена сиюминутностью, «лихорадкой» «весенних мечтаний»⁵ [18. С. 40].

Идущими вразрез демократической направленности публичной речи оратора оказываются его совершенно нелиберальные слова, сказанные Фисуну перед уборной. После произнесения своей речи Станкевич покидает зал собрания, где «казалось, уже не стало никакого различия между низом и верхом» [Там же]. Произведенный на публику эффект раскрывает установку оратора: она заключается в разрушении той социальной иерархии, которая являлась причиной существования «маленького» человека и мишенью для писателей XIX в. Вместо этой иерархии Станкевич вызывает к утверждению нового общества, основанного на равенстве. Однако, оставив находящуюся под воздействием его слов и голоса публику, он возвращается в привычное для себя символическое пространство с непреодолимыми социальными границами. Соответственно он ведет себя в столкновении с Фисуном возле уборной: «Как? Ты *осмелился* забраться в *господскую* уборную?» [18. С. 42]. Поведение либерала Станкевича, призывающего к равенству и свободе, не совпадает со смыслом его собственных слов, тогда как Фисун, убежденный, что «низ и верх суть два совершенно разных мира» [Там же. С. 38], сохраняет свою идентичность. Столкновение антагонистов доводится до трагикомического абсурда. Социальное неравенство превращается в антропологическое: оно распространяется на те свойства физического тела, которые считаются самыми низменными, но, в то же время, в равной мере присущи каждому человеку.

Противопоставление Фисуна Станкевичу подчеркивается различием в действиях их органов чувств. Станкевич – деятель устного слова, находящийся на виду, в освещенной многолюдной зале, – после своей речи теряет способность видеть: «Опустился Станкевич на свое место и долго, бледный и важный, *как бы ничего не видящий*, сидел, откинувшись к спинке кресла» [18. С. 41–42]. Зрение Фисуна, напротив, становится более четким: «Фисун, хотя и растерялся от этого света, невольно зажмурил свои старые глаза, уже *не мог не видеть, не мог отрицать того, что стало зри-*

мым, явным и несомненным для всех»⁶ [Там же. С. 40]. Однако в противовес одной из выделяемых черт Фисуна является глухота, «всегда холодные восковые уши» [Там же. С. 35], которые он, к тому же, поднимаясь во второй этаж собрания, «повязал <...> свернутым красным платком» [Там же. С. 41]. Там, «наверху», Фисун сначала окончательно теряет слух: ему, «долго стоявшему у входа в зал, за плечами сгрудившейся толпы, *ровно ничего не было слышно*» [11. С. 42]. А затем способность говорить: «Уже и лепетать не мог» [18. С. 42]. В итоге Фисун, будучи ориентирован на письменное слово, оказывается глухонемым, но имеет *острое зрение*. Примечательно, что способность слышать обращена в первую очередь к актуальному, здесь и сейчас звучащему слову, меж тем как зоркость может быть направлена на любой артефакт, сообщенный прошлым настоящему. Слух – синхронен, зрение – панхронно (ср. позицию наблюдателя в музее). Неудивительно, что в этой перспективе Станкевич, владеющий словом устным, оказывается символическим слепцом. Между властью (слепым Станкевичем) и подчиненным (глухонемым Фисуном) отсутствует общий язык, канал связи (в отличие от пары Фисун – Луговой). Единственно возможная коммуникация между ними сводится к абсолютизации вертикали господина и раба.

Итак, «переписывая» один из метасюжетов русской литературы, Бунин меняет социальные коды на культурные. Автор дискредитирует не социальный строй, породивший «маленького» человека, а ораторствующий, ложный гуманизм, провоцирующий нарастание угнетения. Согласно этой мысли гуманистическая традиция литературы XIX в., стремившаяся защитить «униженных и оскорбленных», не только не решала сформулированную социальную проблему, но еще больше ее усугубляла, претворяя жизнь в литературу, понимаемую, скорее, как риторика.

Поэтому социально-психологический аспект, в рамках которого старшими писателями проблематизировалась профессия литератора, дезавуируется Буниным в пользу ее осмысления в категориях бытия, памяти и предназначения.

Преимущество высокого социального положения Станкевича ценностно снижается наряду с ролью *словесного знака* в его образе: его слово не обладает культурной значимостью, оно буквально приравнивается к болтовне, пустому звуку. Устную речь Станкевича невозможно ни записать, ни описать, а потому она обречена на смерть окончательную – на забвение. Напротив, истинную позицию занимает Фисун, который решает задачу сохранения памяти о прошедшем и умершем. Для архивариуса характерно особое ценностно-эмоциональное антиутилитарное отношение к слову и к человеку как носителю слова. Он хранит и отстаивает значимость письменного знака – единственно возможного следа человека на земле. Его архив уподобляется кладбищу, а тексты в нем оказываются памятниками – материальными артефактами культуры, претендующими на вечность.

Несмотря на то что в фабуле главным событием является смерть Фисуна, в сюжете эта история оказывается вторичной по отношению к истории библиотекаря-рассказчика, который выносит окончательный вердикт. Он покидает маргинальное пространство между старозаветным, темным миром архива и псевдопрогрессивным миром либерализма и демократии предреволюционных лет и следует по пути своего предшественника, а Станкевич в границах рассказа остается без наследника.

В итоге метапозиция Бунина, легитимация его писательской деятельности выявляется в фундаментальной борьбе живого человека со смертью и забвением: «Надо, надо оберегать их [архивы], ибо, если бы их не было, если б не существовало Фисунов, как бы сохранился вот хоть этот листок, на котором пишу я бедную и жалкую повесть Фисуна» [18. С. 43]. Библиотекарь-рассказчик, в конце концов, унаследовавший должность и взгляды Фисуна, обретает статус писателя – автора письменного текста не столько о старом архивариусе, сколько о себе самом. Сам рассказ метатекстуально преподносится как справка повествователя, подтверждающая его собственное существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной за 1918 г. сохранилась фраза мужа: «Я только того считаю настоящим писателем, который, когда пишет, *видит то, что пишет*, а те, кто не видят, – это литераторы, иногда очень ловкие, но не художники, так, например, Андреев» [22. Т. 1. С. 180].

² За год до написания «Архивного дела», 26 июля 1913 г., Бунин пишет в дневнике: «Кончил “Былое и думы”. Изумительно по уму, силе языка, простоте, изобразительности. И в языке – *родной мне язык* – язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени» [22. Т. 1. С. 134]. Через тридцать лет, 22 мая 1941 г., упоминается то же сочинение: «... начал перечитывать “Былое и думы”. У Герцена многое очень скучно. Перечитываю, скорее всего, в последний раз в жизни» [Там же. Т. 3. С. 94].

³ Так, например, биографическим фактом, чреватым ревностью со стороны Бунина, могло быть описанное Герценом высокое происхождение Станкевича, полученное им блестящее образование (которого сам Бунин не имел, а об утраченных в юности шансах всю жизнь жалел) и благоприятные условия развития таланта [24. С. 346]. Вместе с тем фигура Станкевича обнаруживает характерную для романтизма, ключевую для русской истории и неизменно привлекающую внимание Бунина оторванность от реальной жизни, пассивность, уход в созерцание и умозрительность [24. С. 326].

⁴ Наиболее репрезентативно конфликт устного и письменного слова Бунин выразил в «Окаянных днях». Языковые реформы и революционные изменения языка создали неприемлемый Буниным «большевистский жаргон» [25. С. 94]. Из бытовой речи он распространяется на газетное, агитационное слово: «Тон газет все тот же, – высокопарно-площадной жаргон» [Там же. С. 81]. В конце концов устное слово проникает в литературу и появляется «заборная литература, [которая] есть кровная родня чуть не всей “новой” русской литературе» [Там же. С. 151]. Таким образом, разрушение языка описывается как разрушение культуры.

⁵ В отличие от Башмачкина и Беликова, Фисун за пределами службы, «в миру», имеет свой дом и супругу. По наблюдению Эпштейна, решение приобрести спутницу жизни становится для персонажей-переписчиков роковым [4. С. 55–56]. Для женатого и престарелого Фисуна аналогом брака являются «всесенние мечтания» – выражение, которое возникло в либеральных газетах осенью 1904 г. по отношению к многообещающим политическим изменениям. В 1914 г. оно могло рассматриваться Буниным как канун и предвестие новой ближайшей революционной катастрофы.

⁶ Важно заметить, что у литературных предшественников Фисуна этот момент прозрения отсутствует. Их материальная оболочка – шинель, «футляр» – остается непроницаемой и полностью заменяет переписчикам органы чувств: зрение и слух. У Гоголя Акакий Акакиевич был «несколько даже на вид подслеповат <...> “Нет, лучше и не глядеть”, – подумал и шел, *закрыв глаза*, и когда открыл их <...> увидел вдруг, что перед ним стоят <...> какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он *не мог даже различить*. У него *затуманило в глазах* и забило в груди» [16. С. 117, 134]. У Чеховского Беликова частью его футляра являются темные очки, о сохранности которых он заботится в первую очередь: «Носил *темные очки*, фуфайку, уши закладывал ватой <...> Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно; встал и потрогал себя за нос: *целы ли очки?*» [17. С. 43, 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Келдыш В.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. Кн. 1. С. 13–68.
2. Теория литературы : учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
3. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.
4. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы : учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
5. Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 730–742.
6. Марченко Т.В. Поэтика совершенства: О прозе И.А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. 208 с.
7. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 464 с.
8. Ринкер Д. «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...». Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 402–563.
9. Сливницкая О.В. «Что такое искусство»? Бунинский ответ на толстовский вопрос // Русская литература. 1998. № 1. С. 44–53.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
11. Мароши В.В. Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2000. 348 с.
12. Деррида Ж. Эссе об имени / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. 192 с.
13. Пожиганова Л.П. Шут в батлейке: синкретизм в поэтике игры в рассказе «Архивное дело» // Пожиганова Л.П. Мир художника в прозе Ивана Бунина 1910-х годов. Белгород: Изд-во Белгород. ун-та, 2005. С. 102–128.
14. Пращерук Н.В. «Литературная канва» «Архивного дела» // Проза И.А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. 206 с.
15. Анисимов К.В. Письмо и / как власть: «Архивное дело» // Анисимов К.В. «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск: Изд-во СФУ, 2015. С. 63–68.
16. Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 117–145.
17. Чехов А.П. Человек в футляре // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 42–54.
18. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1988. Т. 4. 703 с.
19. Чехов А.П. Смерть чиновника // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 164–166.
20. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. С. 13–108.
21. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика. 2004. 480 с.
22. Устами Буниных / под ред. М. Грин: в 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1.
23. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 512 с.
24. Герцен А.И. Былое и думы: в 3 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 1. 536 с.
25. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Эскмо, 2014. 224 с.
26. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 августа 2018 г.

IVAN BUNIN'S "THE ARCHIVE CASE": THE REMAKE OF THE LITERARY "ARCHIVE" OF RUSSIAN CLASSICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 12–20.

DOI: 10.17223/15617793/435/2

Yana V. Bazhenova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 54955594@mail.ru

Keywords: I.A. Bunin; "The Archive Case"; narratology; metatext; onomatopoeitics; mythopoeitics; metaposition.

The article examines a case of Ivan Bunin's reflexive review of the plot with the main character of a copyist that was developed in Russian literature in the 19th century. The material for this study is provided by Bunin's story "The Archive Case". In the article, the hero of this novel – Fisun – is analyzed in the retrospective of the plot on copyist characters. The pattern of this plot was found by M.N. Epstein. The thesis of the researcher is that a copyist was the center of the metastory of Russian literature in the 19th century, and a copyist was the initial form of the social-psychological type of the so-called "little person". For comparison with Fisun, the author studies characters of Bashmachkin in N.V. Gogol's "The Overcoat", Makar Devushkin in F.M. Dostoevsky's *Poor Folk* and Belikov in A.P. Chekhov's "The Man in the Case" as the most representative examples of copyists in the Russian literature of the 19th century. In the study, the author found out that in his story Bunin keeps to the pattern of the plot about copyists identified by M.N. Epstein in compositions of the 19th century. There are constant coinciding motifs in this pattern: features of appearance (small and hunchback), inevitable devotion to service or profession related to writing, the death of a copyist as a result of facing with esubject of power. However, these details obtain a completely opposite meaning in "The Archive Case". Bunin argues with his predecessors when he removes the focus of the story from social problems to the copyist's ontological question about the word's relevance. The analysis of the narratological and onomatopoeic organization of the story is the key to the comprehension of this inversion. The main character in "The Archive Case" is not a copying hero in the plot, but the narrator, the substitution of the author: a librarian who tells the story of Fisun's death in his collision with Stankevich. Bunin offers a new metaposition of the writer through the contrast of antagonists: both Fisun and Stankevich represent an ambivalent comprehension of word and literature. The true point is revealed in the difference between oral speech (Stankevich) as a sign of a temporality and written text (Fisun) as a sign of the eternity and im-

mortality. At the end of the story (which is also the final of the narration), the librarian becomes the successor of Fisun's way of thinking, his beliefs and destiny. Therefore, the main character of Bunin's story is the suggestive figure of the librarian. On the one hand, he includes the pretext of Fisun's life, and, on the other hand, his goal is to produce his own original narrative as a kind of a certificate that confirms his immortal existence.

REFERENCES

1. Keldysh, V.A. (2001) Russkaya literatura "serebryanogo veka" kak slozhnaya tselostnost' [Russian literature of the Silver Age as a complex integrity]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Book 1. Moscow: IWL RAS, "Nasledie".
2. Tamarchenko, N.D. & Broytman, S.N. (eds) (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of literature: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Izdat. tsentr "Akademiya".
3. Khatyamova, M.A. (2008) *Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy treti XX veka* [Forms of literary self-reflection in the Russian prose of the first third of the 20th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Epshteyn, M.N. (2006) *Slovo i molchanie: Metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Lotman, Yu.M. (1997) Dva ustnykh rasskaza Bunina (K probleme "Bunin i Dostoevskiy") [Two oral stories by Bunin (On the problem "Bunin and Dostoevsky")]. In: Lotman, Yu.M., Nechipurenko, O.N., Nikolayuk, N.G. & Chernov, I.A. *O russkoy literature* [On Russian Literature]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.
6. Marchenko, T.V. (2015) *Poetika sovershenstva: O proze I.A. Bunina* [The Poetics of Perfection: About the prose of I.A. Bunin]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna.
7. Baboreko, A.K. (2004) *Bunin: Zhizneopisanie* [Bunin: Biography]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Riniker, D. (2004) "Literatura poslednikh godov – ne progressivnoe, a regressivnoe yavlenie vo vseh otnosheniyakh..." Ivan Bunin v russkoy periodicheskoy pechati (1902–1917) ["The literature of recent years is not a progressive, but a regressive phenomenon in all respects...". Ivan Bunin in the Russian periodical press (1902–1917)]. In: Korostelev, O.A. & Devis, R. (eds) *I.A. Bunin: Nove materialy* [I.A. Bunin: New materials]. Is. 1. Moscow: Russkiy put'.
9. Slivitskaya, O.V. (1998) "Chto takoe iskusstvo"? Buninskiy otvet na tolstovskiy vopros ["What is art"? Bunin's answer to Tolstoy's question]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 44–53.
10. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Translated from French by S.Tabachnikova. Moscow: Kastal'.
11. Maroshi, V.V. (2000) *Imya avtora: istoriko-tipologicheskie aspekty ekspressivnosti* [Name of the author: historical and typological aspects of expressiveness]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
12. Derrida, J. (1998) *Esse ob imeni* [Essay on the name]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: In-t eksperimental'noy sotsiologii.
13. Pozhiganova, L.P. (2005) *Mir khudozhnika v proze Ivana Bunina 1910-kh godov* [The world of the artist in the prose of Ivan Bunin 1910s]. Belgorod: Belgorod State University. pp. 102–128.
14. Prashcheruk, N.V. (2016) "Literaturnaya kanva" "Arkhivnogo dela" ["Literary Outline" of "The Archive Case"]. In: *Proza I.A. Bunina v dialogakh s russkoy klassikoy* [I.A. Bunin's prose in the dialogues with the Russian classics]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
15. Anisimov, K.V. (2015) "Grammatika lyubvi" I.A. Bunina: tekst, kontekst, smysl ["The Grammar of Love" by I.A. Bunin: text, context, meaning]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 63–68.
16. Gogol', N.V. (2009) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t.* [Complete Works and Letters: in 17 vols]. Vols 3–4. Moscow: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii. pp. 117–145.
17. Chekhov, A.P. (1977) *Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols]. Vol. 10. Moscow: Nauka. pp. 42–54.
18. Bunin, I.A. (1988) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Khud. lit.
19. Chekhov, A.P. (1975) *Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 164–166.
20. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 13–108.
21. Averintsev, S.S. (2004) *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of the early Byzantine literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
22. Grin, M. (ed.) (1977) *Ustami Buninykh: v 3 t.* [From the mouths of the Bunin]. Vol. 1. Frankfurt: Posev.
23. Muromtseva-Bunina, V.N. (1989) *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [The Life of Bunin. Conversations with memory]. Moscow: Sov. pisatel'.
24. Herzen, A.I. (1931) *Byloe i dumy: v 3 t.* [My Past and Thoughts: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: GIKhL.
25. Bunin, I.A. (2014) *Okayannye dni* [Cursed Days]. Moscow: Eskmo.
26. Dushechkina, E.V. (1995) *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas story: the formation of the genre]. St. Petersburg: St. Petersburg Language Center.

Received: 28 August 2018

С.О. Драчева, Е.В. Тумакова

РАФ-ТРЕНИНГ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Исследование выполнено в рамках грантового конкурса для преподавателей магистратуры на 2017–2018 гг. Благотворительного фонда В. Потанина, проект «Лингводидактическое тестирование и основы тестологии» (договор ГПК-66/17 от 30 мая 2017 г.).

Тестирование по русскому языку как иностранному является одним из компонентов проверки у иностранных граждан уровня сформированности языковых компетенций. Лингводидактический тест решает важные социальные задачи, свидетельствует об уровне готовности иностранного гражданина жить и работать в условиях русскоязычной коммуникации. Однако не всегда иностранному гражданину удастся успешно сдать тест по русскому языку. Предлагаемый тренинг способствует повышению качества сдачи экзамена, так как демонстрирует основные этапы проверки навыков говорения, подготавливая иностранца к процедуре.

Ключевые слова: мигранты; тестирование по русскому языку как иностранному; комплексный экзамен; коммуникативный тренинг.

Лингводидактическое тестирование иностранных граждан по русскому языку как иностранному, как правило, рассматривается специалистами в двух аспектах: лингвометодическом и социально-правовом. Подобный вид проверки языковых компетенций мигранта представляет собой процедуру, установленную в качестве обязательной на государственном уровне: зафиксированную в Федеральных законах и подзаконных актах.

Так, в соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ «иностран- ный гражданин при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента... обязан подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации одним из следующих документов: 1) сертификатом о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации; 2) документом государственного образца об образовании (на уровне не ниже основного общего образования), выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР, до 1 сентября 1991 г.; 3) документом об образовании и (или) о квалификации, выданным лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию на территории Российской Федерации с 1 сентября 1991 года» [1]. Таким образом, если иностранный гражданин не имеет аттестата об окончании советской школы или диплома Российской Федерации о высшем образовании, он должен пройти процедуру сдачи экзамена, одним из элементов которого является тест по русскому языку.

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ также предполагает обязательное для иностранного гражданина владение русским языком: «Иностранцы граждане и лица без гражданства, достигшие возраста восемнадцати лет и обладающие дееспособностью, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство

Российской Федерации в общем порядке при условии, если указанные граждане и лица: а) проживают на территории Российской Федерации со дня получения вида на жительство и до дня обращения с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет непрерывно; б) обязуются соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации; в) имеют законный источник средств к существованию; г) обратились в полномочный орган иностранного государства с заявлениями об отказе от имеющегося у них иного гражданства; д) владеют русским языком; порядок определения уровня знаний русского языка устанавливается положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» [2]. Указанное в пункте «д» положение утверждено Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2002 № 1325. В соответствии с данным положением иностранный гражданин удостоверяет знание государственного языка Российской Федерации посредством представления документа, подтверждающего «его владение русским языком на уровне, достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды» [3]. Одним из подтверждающих документов в этом случае является сертификат «о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку (в объеме не ниже базового уровня владения русским языком)» [Там же].

Уровни владения русским языком как иностранным языком и требования к ним, форма, порядок выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку и технические требования к сертификату утверждены приказами Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.04.2014 № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» [4] и от 25.04.2014 № 412 «Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку и технических требований к нему» [5].

Таким образом, лингводидактическое тестирование по русскому языку как иностранному представляет собой процедуру, обязательную для большинства иностранных граждан, желающих получить разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание, вид на жительство или гражданство Российской Федерации. Так, по данным Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области, в 2017 г. с целью получения гражданства обратились 2 473 иностранных гражданина, из них сертифи-

кат о прохождении государственного тестирования предъявили 1 885 человек. Следовательно, 76,2% иностранцев сдавали тест по русскому языку. Примерно такая же картина складывается в отношении других видов получаемых иностранными гражданами документов. Соотношение числа обращений иностранных граждан в Управление по вопросам миграции и количества сертификатов, выданных по результатам прохождения мигрантами лингводидактического тестирования, представлено на рис. 1–4.

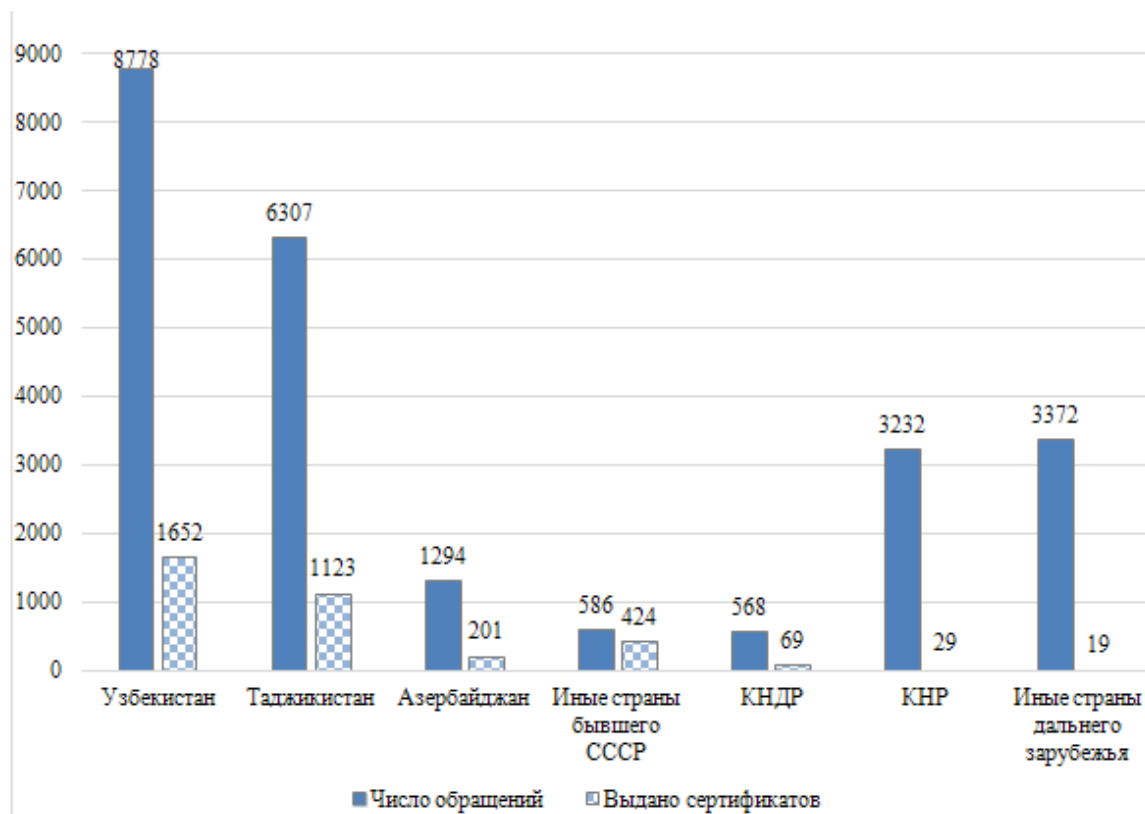

Рис. 1. Соотношение числа обращений иностранных граждан о предоставлении разрешения на работу / патента и выданных в 2017 г. сертификатов

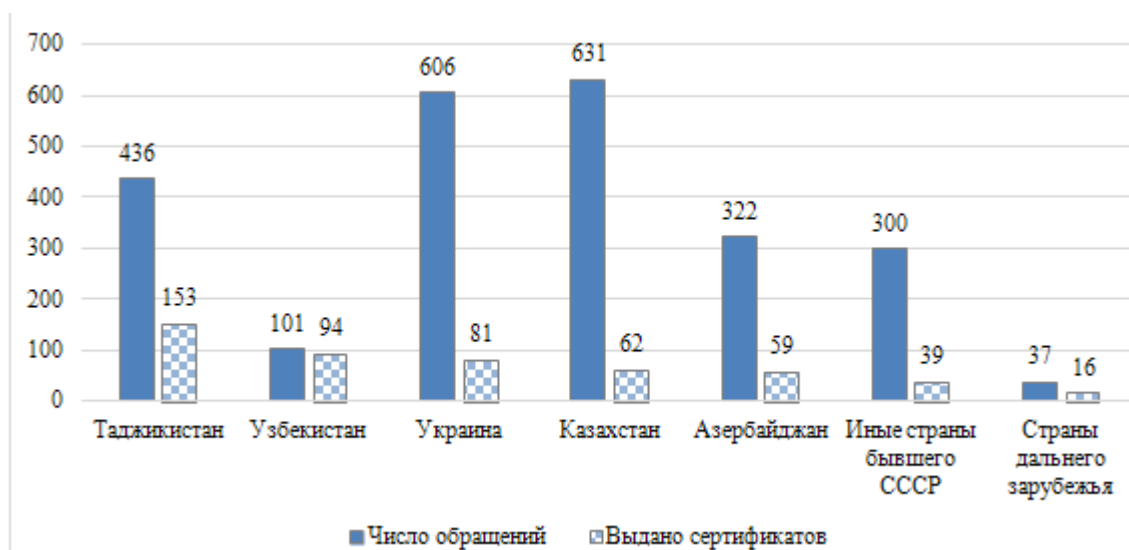

Рис. 2. Соотношение числа обращений иностранных граждан о предоставлении разрешения на временное проживание и выданных в 2017 г. сертификатов

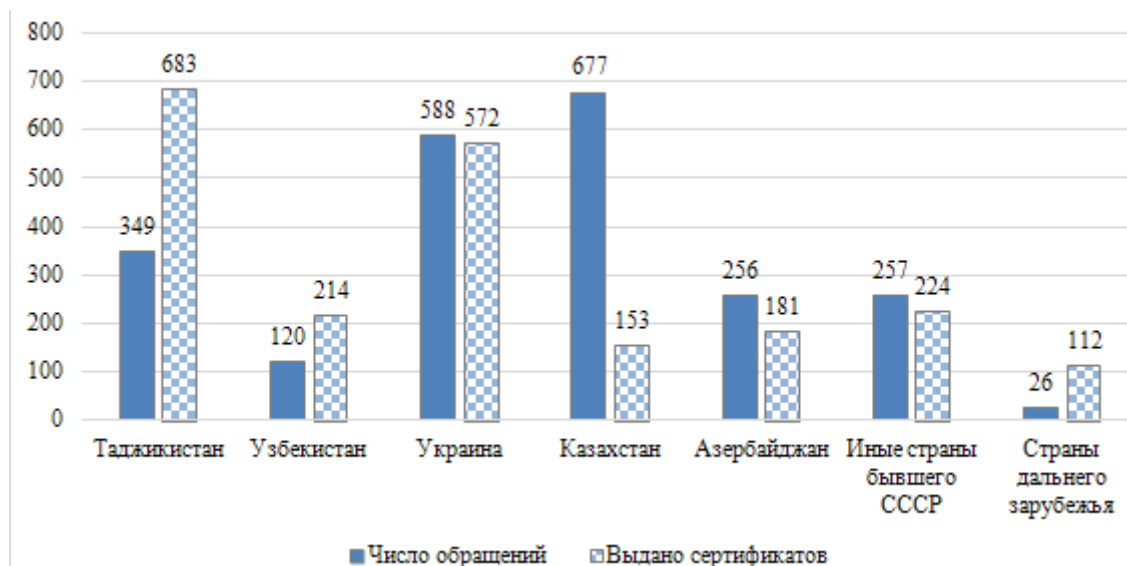

Рис. 3. Соотношение числа обращений иностранных граждан о предоставлении вида на жительство и выданных в 2017 г. сертификатов

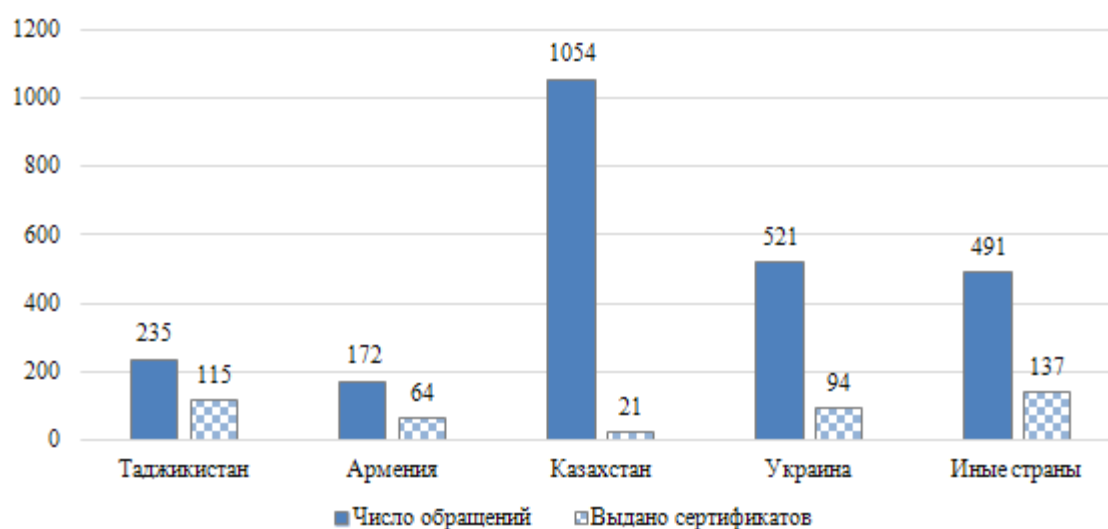

Рис. 4. Соотношение числа обращений иностранных граждан о предоставлении гражданства Российской Федерации и выданных в 2017 г. сертификатов

Одним из обязательных условий владения русским языком является умение иностранного гражданина осуществлять устную коммуникацию на русском языке. Подобная компетенция проверяется посредством сдачи субтеста «Говорение».

RAF-тренинг (от англ. Russian as a foreign language – русский язык как иностранный) – цикл обучающих фильмов, созданных на базе Тюменского государственного университета с целью обеспечить учебно-методическое сопровождение самостоятельной подготовки иностранных граждан к прохождению ими лингводидактического тестирования, а именно субтеста «Говорение». Потребность в данном тренинге обусловлена затруднениями, с которыми сталкиваются мигранты при выполнении отдельных заданий субтеста, направленного на выявление навыков устной коммуникации на русском языке. Экзамен по русскому языку как иностранному вне зависимости от предназначения (для получения российского граж-

данства или вида на жительство, для выдачи разрешения на временное проживание или осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации, для подтверждения уровня владения русским языком) в обязательном порядке включает задания, в которых экзаменуемому предлагается смоделировать несколько коммуникативных ситуаций. Таким образом проверяются умения иностранца начинать и поддерживать диалог в соответствии с определенной интенцией, адекватно реагировать на реплики собеседника, выбирать речевые средства для решения тех или иных коммуникативных задач. Несмотря на кажущуюся простоту заданий (обратиться с просьбой о помощи, получить информацию или рассказать о предмете, выразить намерение сделать что-либо и так далее), многие тестируемые не справляются с ними. Иностранец оказывается в том числе психологически не готовым представить на месте экзаменатора своего родственника, сотрудника Управления по вопросам

миграции, врача в поликлинике или продавца в магазине. Кроме того, осложняет процедуру проведения субтеста наличие записывающего ответы устройства (диктофона или видеокамеры), необходимого для объективной оценки результатов данного вида теста. Поэтому вместо разыгрываемого диалога часто имеет место описание последовательно выполняемых действий («Я приду и скажу... а он мне ответит...»), которое не дает возможности оценить соблюдение норм речевого этикета и по сути подменяет диалог монологическим высказыванием, исключаящим, в свою очередь, участие в нем тестора. В итоге либо считается, что иностранный гражданин не справился с данной частью субтеста, даже несмотря на высокий уровень владения русским языком, либо результаты экзамена могут быть аннулированы по причине нарушения процедуры.

Следует отметить, что сложности, с которыми сталкиваются иностранные граждане при сдаче субтеста «Говорение», зачастую связаны не столько с незнанием языка, сколько с менталитетом мигрантов и психологической неподготовленностью к выполнению задания. У многих восточных народов лицедейство, игра, притворство считается грехом. Так, исследователи указывают, что некоторые мусульмане «по сию пору считают театр и всякое проявление театральности “орудием дьявола (иблиса)”» [6]. Поэтому иностранные граждане, выросшие и воспитанные в рамках восточной культуры (а таких на экзамене большинство), с трудом выполняют задания, требующие от них разыгрывания тех или иных ролей, представления себя и собеседника в различных искусственно смоделированных во время экзамена ситуациях. В то же время в системе российского образования игровые практики являются вполне традиционными: чтение по ролям, разыгрывание сценок, представление вымышленных ситуаций и собственного поведения в них и т.д. Вследствие этого задания, связанные с моделированием ситуаций, возможных в реальной жизни, представляются вполне естественными и логически верными: они призваны проверить возможное коммуникативное поведение человека в различных социально-бытовых обстоятельствах.

Следует также отметить, что выполнение подобных заданий может осложняться психологической неподготовленностью экзаменуемого к тому, что от него потребуется, незнанием процедуры прохождения субтеста. Как известно, любой человек чувствует себя не вполне комфортно на экзамене, его поведение характеризуется скованностью, опасением сказать что-то неправильно. Однако при этом задание требует от экзаменуемого некой раскрепощенности, открытости, коммуникативной активности, готовности к импровизации, к участию в диалоге с незнакомыми людьми (тесторами).

Ситуация на экзамене осложняется еще и тем, что субтест «Говорение» (в соответствии с методическими требованиями к его проведению) должен записываться на аудио- и / или видеоприборы. В подобной ситуации даже носители русского языка будут испытывать некоторый дискомфорт.

Таким образом, визуальное, зрительное представление того, как проходит экзамен по русскому языку,

поможет иностранным гражданам подготовиться к данной процедуре и позволит им чувствовать себя во время сдачи теста более комфортно и уверенно.

Предлагаемый RAF-тренинг систематизирует опыт проведения лингводидактического тестирования сотрудниками Центра адаптационных практик и тестирования Тюменского государственного университета. При разработке учебно-методических фильмов был принят во внимание тот факт, что наиболее проблематично проходит прием субтеста «Говорение» в рамках интегративного (комплексного) экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации, дающего иностранному гражданину право жить и работать на территории России. Основной контингент – граждане Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана и других стран бывшего СССР, приезжающие в Россию на сезонные работы, имеющие, как правило, среднее образование и владеющие русским языком на элементарном уровне. Посещение подготовительных языковых курсов для них представляется крайне затруднительным как по времени, так и по финансовым затратам, а бесплатные консультации перед экзаменом, проводимые специалистами центров тестирования, не всегда оказываются эффективными из-за их массовости и отсутствия индивидуального подхода. Кроме того, из всех субтестов именно «Говорение» является самым закрытым: с приблизительными заданиями субтестов «Аудирование», «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Письмо» можно ознакомиться на сайтах центров тестирования, где размещены примеры заполнения бланков ответов; перечень экзаменационных вопросов по истории России и основам законодательства Российской Федерации находится в открытом доступе на сайте Российского тестового консорциума; и только субтест «Говорение» не имеет наглядных методических материалов.

В основу сценария RAF-тренинга положены требования, предъявляемые к иностранцу, который осваивает русский язык на начальных этапах, а именно: владение русским языком на уровне, позволяющем «удовлетворять самые необходимые коммуникативные потребности при общении с носителями языка в ограниченном числе предсказуемых ситуаций»; связь ситуаций общения «с бытовой, социально-культурной <...> сферами. При этом набор языковых средств, обеспечивающих общение в данных сферах, строго ограничен в соответствии с коммуникативными потребностями данного уровня» [7. С. 4]. В настоящий момент разработаны и внедрены два коммуникативных сценария. Каждый фильм снабжен аудиоподсказкой, подобно той, которую получает тестируемый на экзамене: «Задание выполняется без предварительной подготовки. Вам нужно принять участие в диалогах. Вы познакомились с описанием ситуации и после этого начинаете диалог. Если ситуация покажется вам трудной, переходите к следующей ситуации. Время выполнения задания до 5 минут. Ваши ответы записываются на диктофон».

Сцены, представленные в фильмах, приближены к реальному экзамену. В роли «тестируемых» выступают граждане Китая с переходным (от элементарного к базовому) уровнем владения русским языком и

гражданка Азербайджана (билингв). «Тестор» поддерживает разговор, инициируемый «тестируемыми» в соответствии с предложенными коммуникативными ситуациями.

Ситуация 1. Вы пришли к зубному врачу. Расскажите ему, что вас беспокоит.

Сценарий «У зубного врача». Пациент – тестируемый, врач – тестор.

Пациент: Здравствуйте!

Врач: Добрый день! Что случилось?

Пациент: У меня болит зуб.

Врач: Какой зуб у вас болит: верхний или нижний?

Пациент: Нижний, вот здесь.

Врач: Когда он заболел?

Пациент: Вчера вечером.

Врач: Вы пили таблетки от боли?

Пациент: Нет. Я не знаю, какие таблетки пить.

Врач: Когда вы были последний раз у врача?

Пациент: Полгода назад.

Врач: Хорошо. Посмотрим ваш зуб... Так, здесь нужна пломба.

Пациент: А это больно?

Врач: Нет, я сделаю вам укол.

Пациент: Спасибо! [8].

Ситуация 2. Вы пришли в магазин. Вам нужно купить мобильный телефон. Что вы скажете продавцу?

Сценарий «В магазине». Покупатель – тестируемый, продавец – тестор.

Покупатель: Здравствуйте!

Продавец: Здравствуйте! Чем я могу помочь?

Покупатель: Я хочу купить мобильный телефон.

Продавец: Какой телефон вы хотите?

Покупатель: Мне нужен недорогой телефон.

Продавец: Вам нужен Интернет в телефоне?

Покупатель: Да, конечно.

Продавец: Могу предложить вам вот эту модель.

Покупатель: Мне нравится. Сколько он стоит?

Продавец: 2 000 рублей.

Покупатель: Спасибо. Я возьму этот телефон [9].

В сценарии предъявлены типовые ситуации [7. С. 7], которые относятся к бытовой сфере общения и посредством которых «тестор» проверяет у «иностранца» степень сформированности умений вербально реализовать такие интенции, как здороваться, благодарить, задавать вопрос, сообщать или спрашивать о предмете или действии, времени и месте действия, его причине, качестве предмета, выражать желание, согласие, давать оценку предмету. Диалог «иностранца» и «тестора» выстроен таким образом, чтобы «тестируемый» мог продемонстрировать умение инициировать диалог, понимать коммуникативные намерения собеседника и адекватно реагировать на его реплики с соблюдением норм современного русского языка, в том числе и требований речевого этикета [7. С. 10]. Последнее представляется особенно важным, поскольку на экзамене эта специфическая часть разговора часто опускается мигрантом, в результате чего он теряет баллы.

В сценариях заложены примеры употребления наиболее частотных языковых норм:

– основных интонационных конструкций: *Я возьму этот телефон* (ИК-1); *Сколько он стоит?* (ИК-2);

– падежных форм имен существительных с предлогом и без него: *у меня* (родительный с предлогом в значении «лицо, которому принадлежит что-либо»), *мне* [нужно] (дательный без предлога в значении «лицо, испытывающее необходимость в чем-либо»), [болит] *зуб* (винительный без предлога – «предмет как объект действия»);

– падежных форм личных местоимений: *я* – *у меня* – *мне*;

– форм глагола: *пить* (инфинитив), *нравится* (настоящее время), *возьму* (будущее время);

– наречий в соответствии с их значением: *вчера* (времени), *здесь* (места), *больно* (образа действия);

– порядок слов в предложении, особенности согласования (*мобильный телефон*) и управления (*таблетки от боли*).

Предложения отличаются намеренной синтаксической упрощенностью. С одной стороны, это приближает сценарий к естественной ситуации устного общения с присущей ей односложностью ответа на конкретно поставленный вопрос, а с другой – уподобляет речь актеров речи реальных тестируемых, т.е. целевой аудитории RAF-тренинга.

При проектировании сценариев разработчиками был принят во внимание лексический минимум для базового уровня². В сценарии «У зубного врача» употреблено 64 лексические единицы, из них в лексическом минимуме отсутствуют слова *боль*, *болит* (при наличии *больной*, *болен*, *больница*, *больно*), *верхний* (при наличии *вверх*), *нижний* (при наличии *вниз*), *полгода* (при наличии *год*), *укол*, *пломба*. Сценарий «В магазине» имеет 45 лексических единиц, из которых в лексическом минимуме не представлены слова *недорогой* (при наличии *дорогой*), *мобильный*, *модель*, *предложить*. Несмотря на отсутствие в лексическом минимуме, некоторые из этих слов легко опознаются даже носителями русского языка благодаря их корреляции со знакомыми словами (*болит* – *больно*), продуктивности отдельных словообразовательных моделей (образование антонимов посредством приставки *не-*: *дорогой* – *недорогой*), широкой употребительности (*мобильный*, *модель*). Даже глагол *предложить* (в значении «заявить о готовности продать что-либо») не воспринимается в отрыве от клишированной фразы: *Могу предложить вам...* Поэтому к собственно незнакомой лексике относятся только существительные *укол* и *пломба*, что составляет 0,02% от общего количества слов³.

В целях упрощения подготовки иностранных граждан к тестированию описанные коммуникативные ситуации сопровождаются в видеозаписи субтитрами на национальных языках: таджикском [11, 12], узбекском [13, 14] и азербайджанском [15, 16]. Выбор указанных языков является статистически обоснованным: он базируется на сведениях о количестве иностранных граждан (в разрезе иностранных государств), сдававших комплексный экзамен в Центре адаптационных практик и тестирования Тюменского государственного университета (в период с 01.01.2015 по 01.03.2017) (рис. 5).

Рис. 5. Соотношение численности иностранных граждан, сдававших комплексный экзамен в 2015–2017 гг., по странам исхода

Таким образом, наиболее востребованным комплексный экзамен является для граждан Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана. Граждане Казахстана и Украины, в том числе ЛНР и ДНР, не испытывают трудностей при коммуникации на русском языке, поэтому для них предлагается русскоязычная версия (без перевода).

Использование RAF-тренинга при подготовке к лингводидактическому тестированию значительно повышает результаты сдачи иностранными гражда-

нами субтеста «Говорение». Размещение разработанных Тюменским государственным университетом видеоматериалов в открытом доступе (на телекоммуникационном портале Youtube с дублированием на странице Центра адаптационных практик и тестирования, в разделе «Комплексный экзамен (Патент, РВП, ВЖ)» – «Материалы для самоподготовки») позволяет использовать их при подготовке к тестированию любому иностранному гражданину вне зависимости от места сдачи экзамена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статистические сведения о выданных сертификатах приводятся по результатам деятельности Центра адаптационных практик и тестирования ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», являющегося крупнейшим центром тестирования в Тюменской области. Вследствие действующего законодательства, а также отсутствия соответствующей практики со стороны Управления по вопросам миграции представляется затруднительным выявление места выдачи сертификатов и сроков их предъявления.

² Уровень ТБУМ (базовый для трудовых мигрантов) является пороговым – от элементарного к базовому. В его основу положены минимальные требования к владению иностранцем русским языком, предъявляемые на элементарном уровне, с учетом дополнений, необходимых для осуществления коммуникации в профессиональной (производственной) сфере и при взаимодействии с представителями органов государственной власти.

³ Данный показатель ниже максимального количества незнакомых слов, допускаемых в субтесте «Говорение» государственными стандартами по русскому языку как иностранному для элементарного (1%) и базового (1,5%) уровней [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/
3. Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2002 № 1325 (ред. от 03.09.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39607/
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.04.2014 № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним». URL: <https://минобрнауки.рф/документы/4384>
5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 25.04.2014 № 412 «Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку и технических требований к нему». URL: <https://минобрнауки.рф/документы/4382>
6. Игламов И. Татарский театр и ислам // Петербургский театральный журнал. 2016. № 1 (86). URL: <http://ptj.spb.ru/archive/83/theater-and-religion/tatarskij-teatr-iislam/>
7. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / М.М. Нахабина и др. М. ; СПб. : Златоуст, 2001. 32 с.
8. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 1 [без перевода]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dzNZwQsvNjQ>
9. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 2 [без перевода]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f0VaJ92Mj4&t=12s>
10. Андришина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. СПб. : Златоуст, 2016. 116 с.
11. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 1 (с переводом на таджикский язык). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J-psgZIOEOQ>

12. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 2 (с переводом на таджикский язык). URL: https://www.youtube.com/watch?v=QMxd_qDdzVc
13. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 1 (с переводом на узбекский язык). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KQExo2hgBDU>
14. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 2 (с переводом на узбекский язык). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EQV6KAbE8Io>
15. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 1 (с переводом на азербайджанский язык). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9Q0bXLjP1qM>
16. Коммуникативный тренинг по РКИ: RAF-тренинг. Ситуация 2 (с переводом на азербайджанский язык). URL: https://www.youtube.com/watch?v=_S8MbYliQsU

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 июля 2018 г.

RAF-TRAINING IN THE PREPARATION OF FOREIGN CITIZENS FOR A LINGUODIDACTIC TEST OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 21–28.

DOI: 10.17223/15617793/435/3

Svetlana O. Dracheva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.o.dracheva@utmn.ru

Elena V. Tumakova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.v.tumakova@utmn.ru

Keywords: migrants; Test of Russian as a Foreign Language; integration examination; communicative training.

The research solves methodological problems related to the preparation of foreign citizens for a test of the Russian language within the Integration Examination. The material of the study are videos with recording foreign citizens passing one of the subtests in the Russian language – “Speaking”. During the research, the authors have analyzed the regulatory framework that fixes procedural and substantive requirements for examining the language competencies of a foreigner. The objectivity of the data obtained is confirmed statistically. The Test of Russian as a Foreign Language (*TORFL*) is a standardized technique in the system of methods for assessing the level of language competences of foreign citizens. The test is used for solving important social problem. It shows if a migrant is ready to integrate in Russian society. A migrant should be able to communicate in Russian orally for effective social interaction with the natives. So, *TORFL* checks this skill by passing the subtest “Speaking”. However, a good knowledge of Russian is not a guarantee that a foreigner will successfully pass the examination. Despite the simplicity of assignments (asking for help, getting information or telling about a subject, etc.), many testers do not cope with them. There are several explanations for this. Firstly, it is the subtest form. A foreigner and a tester should simulate, or play, several communicative situations. Gaming is traditional for Russian education. It is recognized as one of the most effective methods. However, a foreigner finds it difficult to imagine his or her relative or a seller in a store instead of an examiner. In addition, the majority of migrants are representatives of Muslim culture, for which the act of hypocrisy is unacceptable. Secondly, the subtest procedure is complicated by using of a voice recorder or a video camera, which are necessary for an objective test results assessment. In this situation, even Russian native speakers will experience discomfort. Most importantly, “Speaking” is the most closed subtest. It does not have any visual methodological materials. Thus, a foreigner cannot get acquainted with the subtest procedure. The “RAF-training” (Eng. Russian as a Foreign Language) is a series of educational films made in Tyumen State University. Its purpose is to help foreign citizens in their self-study for the examination. The films are designed considering the requirements for language competencies and the lexical minimum at the basic level (A2) for labor migrants. They are equipped with the instruction, which is similar to that received by a foreigner in the examination. In the scenarios, typical speech situations and examples of the most frequent norms of the Russian language are presented. The scenes in the films (“In the Store”, “At the Dentist”) are close to the real examination situation. The roles of “tested persons” are performed by real foreign citizens. Their speech is distinguished by intentional lexical and syntactic simplicity. Additionally, the films have subtitles in Tajik, Uzbek and Azerbaijani. It can help migrants with their preparing for the test. The choice of languages is due to the statistical data which demonstrate key nationalities of tested migrants. The training helps to improve results of migrants passing the Integration Examination. It is confirmed by the increased average score of the subtest “Speaking”. It demonstrates the typical stages of oral speech skills testing and prepares a foreigner for the procedure. It has free access in the Internet. Thus, it can be used by any foreign citizen regardless of where the examination is taken.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2002) *Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/. (In Russian).
2. Russian Federation. (2002) *Federal Law No. 62-FZ of May 31, 2002 “On Citizenship of the Russian Federation”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. (In Russian).
3. Russian Federation. (2017) *Decree of the President of the Russian Federation No. 1325 of November 14, 2002 (as amended on September 3, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39607/. (In Russian).
4. Russian Federation. (2014) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 255 of April 01, 2014 “On approval of the levels of proficiency in Russian as a foreign language and requirements for them”*. [Online] Available from: <https://minobrnauki.rf/dokumenty/4384>. (In Russian).
5. Russian Federation. (2014) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 412 of April 25, 2014 “On approval of the form, procedure for issuing a certificate of passing the state test of the Russian language as a foreign language and technical requirements for it”* [Online] Available from: <https://minobrnauki.rf/dokumenty/4382>. (In Russian).
6. Iglamov, I. (2016) Tatarskiy teatr i islam [Tatar Theater and Islam]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal*. 1(86). [Online] Available from: <http://ptj.spb.ru/archive/83/theater-and-religion/tatarskiy-teatr-i-islam/>.
7. Nakhabina, M.M. et al. (2001) *Gosudarstvennyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven'* [The state standard in Russian as a foreign language. Basic level]. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust.
8. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 1 [bez perevoda]* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 1 [no translation]]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=dzNZwQsvNjQ>.
9. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 2 [bez perevoda]* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 2 [no translation]]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=_fOVaJ92Mj4&t=12s.

10. Andryushina, N.P. & Kozlova, T.V. (2016) *Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven'.* Obshchee vladenie [Lexical minimum in Russian as a foreign language. Basic level. General proficiency]. St. Petersburg: Zlatoust.
11. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 1 (s perevodom na tadzhikskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 1 (with translation into Tajik)]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=J-psgZIOEOQ>.
12. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 2 (s perevodom na tadzhikskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 2 (with translation into Tajik)]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=QMxd_qDdzVc.
13. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 1 (s perevodom na uzbekskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 1 (with translation into Uzbek)]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=KQExo2hgBDU>.
14. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 2 (s perevodom na uzbekskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 2 (with translation into Uzbek)]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=EQV6KAbE8Io>.
15. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 1 (s perevodom na azerbaydzhanskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 1 (with translation into Azerbaijani)]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=9Q0bXLjP1qM>.
16. YouTube. (n.d.) *Kommunikativnyy trening po RKI: RAF-trening. Situatsiya 2 (s perevodom na azerbaydzhanskiy yazyk)* [Communicative training in RAF: RAF-training. Situation 2 (with translation into Azerbaijani)]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=_S8MbYliQsU.

Received: 03 July 2018

О.А. Культепина

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ЛЕКСИКИ ТВЕРИ

Приводятся результаты социолингвистического эксперимента 2015–2016 гг., целью которого было выяснить степень влияния экстралингвистических факторов на распознавание и использование лексики города Твери местными жителями. Предпосылкой для исследования стало предположение о возможном изменении в составе региональной лексики и ее постепенном разрушении в речи молодых образованных тверичей под влиянием внешних социальных факторов (высокая мобильность, образование, интернет-коммуникация).

Ключевые слова: региональная лексика; лексика города; регионализмы; региолект; социолингвистика.

К вопросу об исследовании лексики города

Целью настоящей работы являются выявление и анализ социальных факторов, влияющих на узнавание и употребление тверской регионально маркированной лексики, или лексических регионализмов. Кроме того, исследование определяет текущее состояние региональной лексики города Твери и отвечает на вопрос, находится она на стадии разрушения или нет. Одной из гипотез, мотивировавших выбор модели эксперимента, стало предположение, что высокая мобильность молодых тверичей может указать на процесс постепенной утраты регионализмов в Твери из-за влияния других региональных вариантов и литературной нормы.

Понятие лексики города используется как условное обозначение лексики, относящейся к региональному варианту русского языка и бытующей в среде городских жителей, без спецификации в языке определенной социальной группы (например, детей, студентов и др.). Для работы интерес представляли только городские регионально окрашенные слова, которые принадлежат так называемой региональной норме и которые:

- присутствуют в разговорной речи образованного слоя городского населения, тех носителей региональной нормы, кого в регионе считают грамотными носителями русского языка [1];
- ощущаются носителями как уникальные единицы лексики определенного региона;
- не принадлежат исключительно одной закрытой социальной группе и, как правило, не имеют яркой жаргонной окраски (ср.: научка в значении «научная библиотека при ТвГУ» (студенческая среда) или разупыриться в значении «долго и нудно жаловаться на что-либо, как правило, необоснованно» (жаргон));
- могут быть использованы в СМИ наравне с общепотребительной нейтральной лексикой (необязательно).

Вопрос о научной ценности исследования языка города в 1970–1980-е гг. поднимали Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, а ранее – Б.А. Ларин, которые составили классические работы по этой проблематике. Сегодня эта тема особенно актуальна в связи с изучением языкового существования крупных городов с развитой социальной стратификацией [2–5]. И.А. Букринская и О.Е. Кармакова [6] приводят целый ряд фамилий исследователей, которые в свое время занимались изучением речи крупных городов (Вологды, Екатеринбург,

Курска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, Ростова-на-Дону, Саратова и др.).

И все же, как правило, исследователей интересует именно сама лексика и ее положение в отношении к литературной норме русского языка. В работах может описываться состояние городской лексики или ее отдельного сегмента (например, микротопонимы), проводится сравнительный анализ лексики нескольких городов. В целом в указанных выше исследованиях представлена фиксация актуального состояния городской лексики без особого акцентирования на взаимосвязи с конкретным городским языковым сообществом или на возможных источниках изменений в регионально окрашенной лексике. Лексика города рассматривается независимо от влияния социальных факторов (пола, возраста, образования) на ее развитие в речи городских жителей. Из известных работ, демонстрирующих социолингвистический подход к изучению лексики города, можно назвать проект А.И. Матвеева «Регионализмы в городской речи сибиряков» [4] и изданный в 2015 г. «Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска» [7].

В отношении Твери можно с уверенностью утверждать, что никто не интересовался городской лексикой в социолингвистическом контексте. Широко известен среди диалектологов и лексикографов много томный «Тематический словарь тверских городов», изданный под редакцией Т.В. Кирилловой и Л.Н. Новиковой в 2002–2006 гг. [8], однако лексика городских жителей и экстралингвистические факторы влияния на нее не попадали в поле внимания исследователей.

Отдельно необходимо сказать о терминологии исследования в работе следующих определений:

– **региолект** вслед за А.С. Гердом [9] интерпретируется как «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [9. С. 23];

– **лексический регионализм** – специфические для конкретного города лексические единицы, которые активно используются жителями города вне зависимости от их социального, профессионального и другого статуса [10];

– **городское просторечие** – разговорно-обиходная речь необразованных городских слоев.

Двухуровневый эксперимент: модель, выборка и результаты

Для решения исследовательских задач был подготовлен эксперимент, состоящий из двух социолингвистических опросов, проведенных с промежутком примерно в четыре месяца. В первом опросе целевой группой стали тверские респонденты – коренные жители города или проживающие здесь с детских / юношеских лет. Опрос должен был проверить гипотезу, действительно ли пол, возраст, образование и мобильность влияют на узнавание / употребление и успешное / неуспешное определение происхождения лексических регионализмов в среде тверичей.

Второй частью эксперимента также стал онлайн-опрос. Задача на этом этапе состояла в том, чтобы понять, насколько успешно молодые информанты из трех городов Центральной России – Москвы, Твери и Санкт-Петербурга – сегодня определяют **«свои»** и **«чужие»** регионализмы и насколько сильно смешались региональные нормы в речи молодежи. Необходимость проведения второго опроса может быть объяснена несколькими причинами. Во-первых, включение иных региональных групп позволило провести сравнительный анализ и понять, действительно ли тверские регионализмы имеют региональный статус или они известны и за пределами Твери и Тверской области и потеряли свою ареальную специфику. Такое сомнение объясняется отсутствием каких-либо списков или словарей регионализмов Твери. Во-вторых, было интересно выяснить, существуют ли вообще в употреблении молодежи регионализмы и ощущают ли они их как таковые или употребляют, не задумываясь об их региональном происхождении. Группы из Москвы и Санкт-Петербурга были выбраны потому, что между этими городами и Тверью существуют активные контакты и, следовательно, можно было бы ожидать достаточно сильного смешения всех трех региональных словарей.

После проведения первого опроса был сформирован список регионализмов, которые большинство респондентов определяли как исконно тверские и которые в дальнейшем были использованы во втором опросе. Суть в том, что не все регионализмы ощущаются носителями как таковые, и тогда логично встает вопрос об их регионально-специфическом статусе. Именно поэтому по результатам первого опроса было необходимо составить список слов, регионально маркированный статус которых был бы признан наибольшим количеством респондентов и не вызывал бы сомнений.

Первый опрос: регионализмы в речи группы тверских респондентов

Опросник состоял из двух частей – социологической и собственно лингвистической. Первая пред-

ставляла собой анкету респондента, в которой он(а) указывал(а) личные данные: пол, возраст, место рождения, происхождение родителей, частоту поездок в другие области, место отдыха на каникулах в детстве, образование и профессиональную деятельность. Всего анкета содержала 11 обязательных вопросов и 3 дополнительных.

Для первого опросника был создан контрольный список регионализмов для предъявления респондентам. Список состоял из 40 тверских регионализмов и 18 филлеров (от англ. *filler* – лексическая единица, которая вводится в эксперимент для «отвлечения» внимания респондентов от проверяемых для гипотезы слов). Во многом идеи для составления списка первого опроса дали работы западных социолингвистов по *regional vocabulary* и *regional levelling*, использовавших тематические региональные списки [11], толкования регионализмов без их озвучивания [12] и методы интроспекции [13]. Однако ни одна из методик не могла идеально подойти поставленным исследовательским задачам. Поэтому после анализа опыта иностранных исследователей и доступных словарей и проектов словарей русских регионализмов был выбран компромиссный вариант. Часть списка была собрана методом мини-опроса коренных жителей Твери старшего возраста, которые наиболее вероятно могли быть носителями особой региональной нормы. Другая часть была найдена в обсуждениях на форуме «Городские диалекты» [14]: некоторые регионализмы были взяты прямо из тематических рубрик, а другие найдены благодаря приведенным толкованиям интроспективным путем. Все предполагаемые регионализмы были еще раз проверены через систему Wordstat Яндекс, которая показывала географию запросов за последний месяц (ноябрь–декабрь 2015 г., январь 2016 г.), а также на самом форуме «Городские диалекты» и в некоторых доступных словарных статьях. При проверке в словаре [15] значимым подтверждением регионально маркированного статуса являлись либо специальные пометы рядом со словом, либо само отсутствие словарной статьи для регионализма.

Как верно отмечает В.И. Беликов, для успешного поиска распространенных регионализмов единственным выходом остается «целенаправленный поиск межрегиональных лексических различий в определенных лексических полях» [16. С. 43]. Именно поэтому при составлении списков в качестве ориентиров для поиска были выбраны тематические поля, связанные с детством, повседневностью и бытом, городским транспортом, учебными заведениями, общественными местами. Отдельно следует сказать о добавлении в список урбанонимов – «внутригородских топонимов» [17. С. 34], включающих названия микрорайонов, знаковых городских достопримечательностей и мест.

Конечный список для первого опроса приведен в табл. 1. В первой колонке даны регионализмы, которые предъявлялись респондентам без контекста, в одиночной позиции, а во второй – те регионализмы, которые были даны в контексте (например: «А власти в очередной раз **нахомутили** налоги»).

Также в проверочный список были добавлены 18 филлеров: *бадейка, бадлон, барахло, баркан, ватора, гараж-ракушка, глобка, депо, исподники, катуй, киоск, крупень, поребрик, посудник, пышка, пятнашки, трясель, шанежки* (или *шанешки*). Необходимо оговориться, что филлеры также были отобраны целенаправленно. Все они относятся или к диалектам Тверской области, или к регионально

окрашенной лексике Москвы и Санкт-Петербурга. Поэтому в результате весь предложенный проверочный список имел только регионально (диалектно) окрашенную лексику в составе. Хотя, разумеется, московские регионализмы во многом не могли быть восприняты как таковые из-за общей ориентации литературной лексической нормы на московскую (обсуждение этого вопроса см. в [3]).

Таблица 1

Контрольный список регионализмов, использованных в первом опросе

Регионализмы без контекста	Регионализмы в контексте
1. Брызгаться	1. Большая
2. Горбатка	2. Бомж-пакет
3. Горсад	3. Буранька
4. Дебиловка	4. Ведро
5. Камень-ножницы-бумага	5. Гадюшник
6. Лягушатник	6. Догонялки
7. Маршрутчик	7. Игровуха
8. Матюкаться	8. Кулек
9. Пара-выра-за-себя	9. Лягушатник
10. Рыгаловка	10. Нахомутали
11. Склитка	11. Пара-выра-за-себя
12. Сосалка	12. Рюмка
13. Сотик	13. Свечка
14. Стерка	14. Сотик
15. Схудилось	15. Таз
16. Тянушки	16. Трамвайный дрифт
17. Учага	17. Тянушки
18. Фишка	18. Фишка
19. Формовка	19. Формовка
20. Электра	20. Шайба

На основе проверочного списка респондентам предлагалось выполнить два задания: указать степень «знакомства» с приведенными словами (собственное употребление / узнавание регионализмов) и предположить их происхождение (табл. 2). При этом одни слова были даны без контекста, а другие стояли

в одиночной позиции и / или в контексте. Таким образом были сняты возможные затруднения, связанные с многозначностью некоторых слов, которые вне предложения могли быть восприняты как слова из литературного русского языка (например, *ведро, свечка, таз, рюмка, шайба*).

Таблица 2

Вопросы к контрольному списку первого опроса

Употребление и узнавание слов	Происхождение слов
<ul style="list-style-type: none"> Да, знаю, понимаю и употребляю Знаю и понимаю, но никогда не употребляю Знаю и понимаю, ранее употреблял (в детстве, в юности) Не знаю и не понимаю, но догадываюсь Не понимаю и не догадываюсь 	<ul style="list-style-type: none"> Тверь Тверь и Тверская область Местное слово из других городов и областей Общеупотребительное русское слово Другое

В опросе принимали участие респонденты, проживающие в городе Твери и в Тверской области, но

для исследования релевантными являлись только те, кто родился и / или вырос в Твери. Было важно за-

фиксировать результаты именно тех респондентов, чей период освоения языка (language acquisition) прошел в языковой среде этого города. При этом в работе принимается точка зрения некоторых социолингвистов-исследователей языковых изменений во времени [18]: формирование языковой личности может длиться не до 12–13, а до 17–18 лет. Именно поэтому при анализе также принимались во внимание ответы тех респондентов, кто переехал в Тверь для обучения в вузе в возрасте шестнадцати или семнадцати лет.

В итоге для анализа были отобраны ответы только 54 респондентов в возрасте от 13 до 63 лет. Эта выборка дала две большие возрастные группы: 27 человек младше 25 лет и 27 человек старше 25 лет. Возрастной порог разделяет всех респондентов на группу тех, кто родился и вырос в СССР, и группу тех, чье детство прошло после его распада в 1991 г. Такое разграничение информантов было обосновано предположением, что региональные особенности речи детей, выросших в постсоветскую эпоху, должны были попасть под сильное влияние массовых коммуникаций: телевидение, даже местное, передавало литературную норму русского языка, а не региональную [19. С. 210–219]. На изменение региональных особенностей речи мог повлиять и фактор мобильности респондентов. Хотя Тверь и до 1991 г. находилась на активном транспортном участке Санкт-Петербург – Москва, развитие железнодорожного сообщения и увеличение числа электропоездов на Октябрьской железной дороге изменили жизнь молодых тверичей. Так, для респондентов, которым сейчас 20–25 лет, вполне привычно было в старшем школьном возрасте на выходные выезжать в Москву и Московскую область.

Ориентируясь на эти факты, большая языковая изолированность была предположена у тверичей

старше 25 лет, которые не имели в юношеские годы возможность часто выезжать из Тверской области или находиться в межрегиональном языковом сообществе, не покидая пределов Твери.

Первый опрос прошли 19 мужчин и 35 женщин. Из них коренные жители составили 23 человека (14 женщин и 9 мужчин) в группе младше 25 лет и 17 человек (9 женщин и 8 мужчин) в группе старше 25 лет.

Анализ результатов первого опроса

Предварительное замечание: при анализе были использованы условные сокращения: УУ – для обозначения параметра употребления / узнавания регионализмов (данные, полученные из ответов по первому заданию к контрольному списку), П – для обозначения параметра корректного определения происхождения регионализма (второе задание). Сумма за параметр складывалась следующим образом: максимальное число 5 означало, что респондент не понимает и не догадывается о значении слова-стимула (для параметра УУ) и не знает его происхождения (для параметра П), а минимальное 1 зашифровывало положительный ответ для любого из параметров. Таким образом, респонденты с меньшими суммами по обоим переменным более часто употребляют и узнают регионализмы и более успешно определяют их происхождение. Как можно судить из графика, представленного на рис. 1, употребление / узнавание по всей когорте редко превышает 50%. В случае определения происхождения (рис. 2), наоборот, большинство ответов набрали более 50%, и только 5 респондентов не перешли порог 50% или остановились у его черты. Следовательно, в большинстве случаев тверичи плохо распознают региональный статус регионализмов, т.е. могут спутать их со словами другого региона или, что чаще, со словами из литературного русского языка.

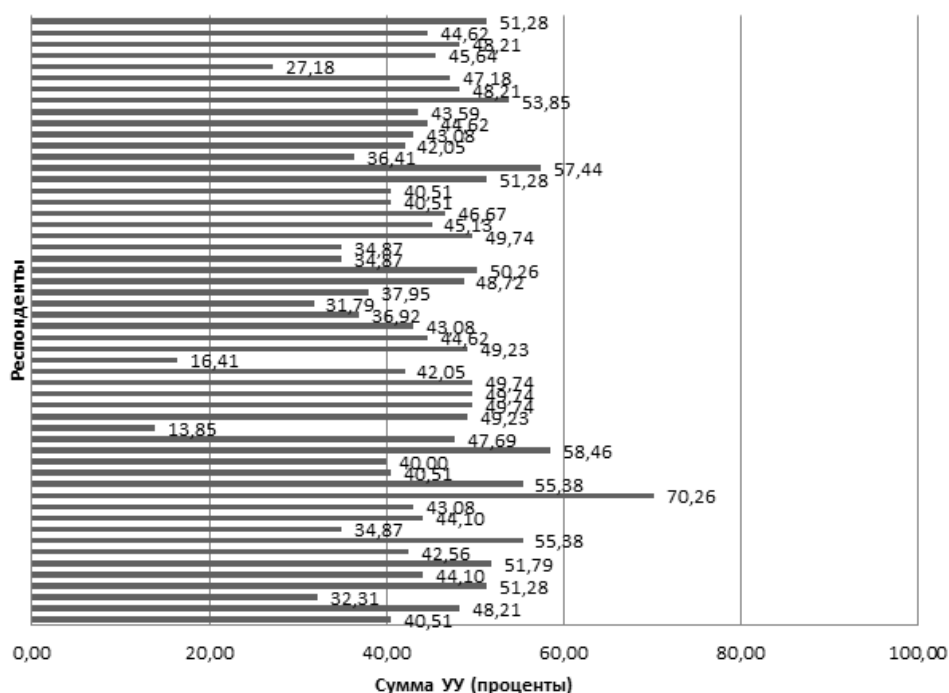

Рис. 1. Сумма УУ (употребление / узнавание) по респондентам

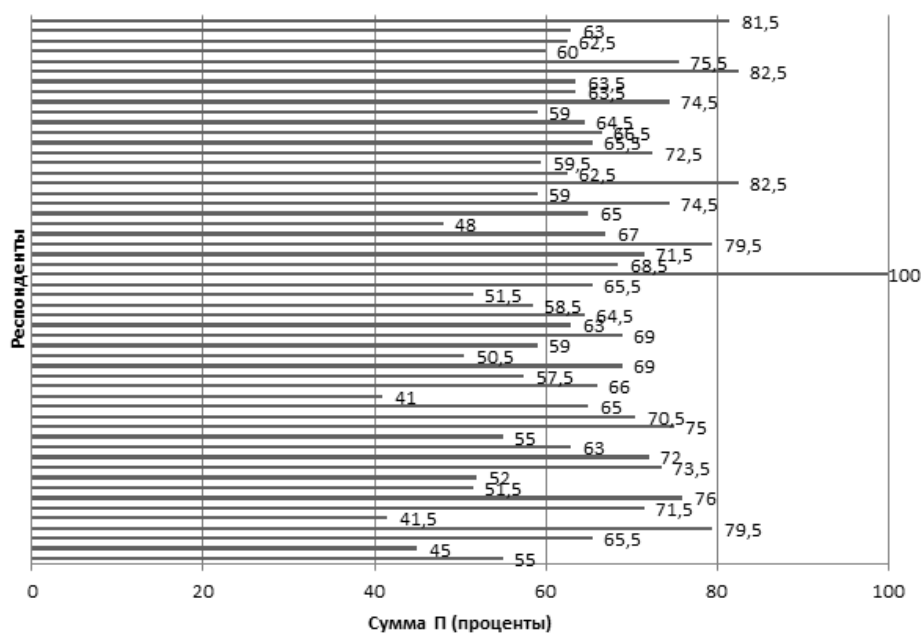

Рис. 2. Сумма П (происхождение) по респондентам

Основным методом анализа полученных в эксперименте данных служил регрессионный анализ, который должен был показать, какие социальные факторы могут предсказать употребление / узнавание и определение / происхождение регионализмов. Кроме того, важным было то, что при использовании регрессии происходит проверка, соответствует ли реальной ситуации построенная модель зависимости одной переменной от ряда предикторов (внешних факторов влияния) и их попарных взаимодействий. Таким образом, регрессионный анализ позволял взглянуть на разные модели влияния экстралингвистических факторов на переменные УУ и П.

При регрессионном анализе зависимой переменной выступали сначала УУ, потом П, а предсказывающими переменными выступали пол, возраст, мо-

бильность и образование – все вместе и попарно. При этом для первой модели (по УУ) формула была сформирована таким образом, чтобы предсказывающие переменные не только показали влияние на зависимую по отдельности, но и сразу в паре с другими параметрами.

Регрессионный анализ четырех независимых переменных, предположительно предсказывающих функционирование УУ, показал, что никакие параметры не влияют ни поодиночке, ни при взаимодействии, а доля объясненной дисперсии, т.е. соответствие построенной модели реальной, вообще является отрицательной (табл. 3). То есть невозможно объяснить УУ влиянием всех четырех параметров во взаимодействии, значит, модель неудачная и не может объяснить реальное распределение.

Таблица 3

Регрессионный анализ по модели с зависимой переменной УУ

Анализ влияния каждого параметра на УУ		Estimate	Std.Error	t value	Pr(> t)
	(Intercept)	114.02444	47.85339	2.383	0.0217*
	Пол	-13.41547	40.89643	-0.328	0.7445
	Возраст	-0.87145	1.30004	-0.670	0.5062
	Мобильность	-2.61396	6.22011	-0.420	0.6764
	Мобильность	-2.15178	8.12226	-0.265	0.7923
	Пол:Возраст	-0.22388	0.64298	-0.348	0.7294
	Пол:Мобильность	2.76445	5.16932	0.535	0.5956
	Пол:Образование	-0.79975	3.93192	-0.203	0.8398
	Возраст:Мобильность	0.05671	0.15432	0.368	0.7150
	Возраст:Образование	0.06319	0.09507	0.665	0.5098
	Мобильность:Образование	0.25337	1.11657	0.227	0.8216
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1					
Residual standard error: 18.47 on 43 degrees of freedom					
Multiple R-squared: 0.1792, Adjusted R-squared: -0.01169					
F-statistic: 0.9388 on 10 and 43 DF, p-value: 0.5084					

Результаты анализа парных регрессионных моделей для УУ

Модель взаимодействия	p-value модели	R- squared модели
УУ ~ Возраст + Пол	0.1357	0.1041
УУ ~ Возраст + Образование	0.3862	0.05835
УУ ~ Возраст + Мобильность	0.2093	0.08587
УУ ~ Пол + Образование	0.6635	0.03085
УУ ~ Пол + Мобильность	0.4408	0.052
УУ ~ Мобильность + Образование	0.5927	0.03699

При изменении параметров модели (исключении парного влияния социальных параметров) данные регрессионного анализа также указывают на большую вероятность отсутствия влияния: данные $\Pr(>|t|)$ варьируются от 0,147 (Мобильность) до 0,587 (Образование), что не имеет статистической значимости.

Далее был построен ряд регрессионных моделей с УУ в качестве зависимой переменной (УУ ~ пол / возраст / мобильность / образование в попарном взаимодействии). Все проведенные анализы также показали

отсутствие какой-либо значимой статистической связи между парами параметров и УУ (табл. 4): $p\text{-value} > 0,05$ или $> 0,5$ и R-квадрат меньше 0,5.

По регрессионному анализу зависимости П от всех разобранных социальных параметров (табл. 5) видно, что мобильность ($\Pr(>|t|) = 0.0384^*$) обладает некоторой значимой способностью предсказать П лексических регионализмов. Поэтому есть основания утверждать, что мобильность в некоторой степени влияет на знание происхождения регионализмов.

Таблица 5

Регрессионный анализ по модели с зависимой переменной П

Анализ влияния каждого параметра на П		Estimate	Std. Error	t value	$\Pr(> t)$
	(Intercept)	101.1969	15.0725	6.714	1.84e-08 ***
	Пол	5.8264	6.2076	0.939	0.3525
	Возраст	0.1870	0.3138	0.596	0.5539
	Мобильность	3.9503	1.8565	2.128	0.0384 *
	Образование	-1.2515	1.8096	-0.692	0.4925
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1					
Residual standard error: 21.65 on 49 degrees of freedom					
Multiple R-squared: 0.1077, Adjusted R-squared: 0.03483					
F-statistic: 1.478 on 4 and 49 DF, p-value: 0.2232					

Однако множественные модели имеют погрешности из-за использования нескольких факторов-предикторов. Как видно из табл. 6, где представлены попарные модели, никакой социальный параметр не показывает статистически значимых результатов. Хо-

тя модель взаимодействия Пол + Мобильность и демонстрирует самые лучшие из всех представленных показатели ($p\text{-value} > 0,05$ и R-квадрат $> 0,1$), этих данных недостаточно, чтобы утверждать какое-либо значимое влияние.

Таблица 6

Результаты анализа парных регрессионных моделей для П

Модель взаимодействия	p-value модели	R- squared модели
П ~ Возраст + Пол	0.7447	0.02416
П ~ Возраст + Образование	0.8671	0.01427
П ~ Возраст + Мобильность	0.7791	0.02138
П ~ Пол + Образование	0.4488	0.05112
П ~ Пол + Мобильность	0.1465	0.1009
П ~ Мобильность + Образование	0.5158	0.0442

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемой выборке на региональную лексику ин-

формантов не имеет значимого влияния ни один из проверенных социальных факторов.

Второй опрос: регионализмы трех городов и межрегиональные группы

Этот опрос должен был проверить, насколько успешно информанты из трех различных городов определяют «свои» и «чужие» регионализмы и как часто употребляют их в собственной речи. Важной задачей было понять, насколько сильно смешались три региональные нормы в среде молодежи и использует ли конкретно тверская молодежь регионально окрашенную лексику.

Второй опрос во многом повторял вопросы первого, однако их количество было уменьшено (убраны вопросы о родителях, окружении и поездках). Но вместо них был добавлен вопрос об актуальном месте жительства (так как опрос был ориентирован на жителей разных городов), а также вопрос на оценку присутствия лексических регионализмов в собственной речи. Ответ на него предположительно мог бы показать уровень осознанности употребления регионализмов в речи респондентов. При анализе этот вопрос был преобразован в отдельный параметр (Рефлексия), по которому можно было бы оценить УУ и П регионализмов в зависимости от сознательной установки на употребление / неупотребление региональной лексики.

Контрольный список для второго опроса претерпел значительные изменения. Так как целью этого опроса была проверка узнавания своей / чужой региональной лексики, то три группы регионализмов – из Твери, Москвы и Санкт-Петербурга – служили друг для друга филлерами. Если московские и питерские регионализмы были собраны в основном из словарей и в меньшей степени из обсуждений форума «Городские диалекты», то формирование списка тверских регионализмов для этого этапа было более сложным. По окончании первого опроса тверские регионализмы были ранжированы по сумме корректных ответов на вопрос о происхождении, и из полученного списка были отобраны региональные городские регионализмы с наибольшими суммами по верному ответу «Тверь» или «Тверская область», включая: *большая* (комната) (10), *бомж-пакет* (7), *брызгаться* (9), *буранька* (17), *ведра* (7), *гадюшник* (8), *горбатка* (43), *горсад* (31), *дебиловка* (11), *догонялки* (3), *игровуха* (9), *кулек* (26), *лягушатник* (13), *маршрутчик* (5), *матюкаться* (7), *нахомутать* (12), *пара-выра-за-себя* (16), *рыгаловка* (8), *рюмка* (28), *свечка* (41), *склитка* (12), *сосалка* (8), *сотик* (24), *схудилось* (9), *таз* (5), *трамвайный дрифт* (23), *тянучки* (9), *учага* (15), *шайба* (38), *электра* (9).

Однако из дальнейшего тестирования были исключены урбанонимы и характерное для Твери выражение *трамвайный дрифт* как абсолютно неизвестные за пределами города и потому не представляющие ценности для анализа межрегиональных групп. Кроме того, слова *большая* (в значении «большая комната») или *дебиловка*, несмотря на достаточно высокую сумму правильных ответов, не были добавлены в список второго опроса: первая из-за слишком неясного значения, отмеченного многими респондентами, а вторая из-за возможной жаргонной окраски,

которая была подтверждена информантами старшего возраста.

Второй опрос прошли три группы информантов, разделенных по происхождению: из Твери, Москвы и Санкт-Петербурга. Ограничения на социальные параметры информантов для этого были более строгими по сравнению с первым. Главной целью отбора респондентов для второго опроса была возможная наибольшая корректность данных на небольшой однородной выборке, поэтому для анализа были отобраны только ответы молодых женщин (так как составляли большую часть респондентов, использующих регионализмы в своей речи), родившихся или давно живущих в указанных городах. В результате по второму опросу сформировались три когорты информантов по 10 женщин из Москвы, Санкт-Петербурга и Твери в возрасте от 21 до 35 лет. При этом только в тверской когорте оказались две респондентки, проживающие в Твери с 8 и 16 лет соответственно, а также три коренные тверичанки, которые на сегодняшний день живут в других городах. Две остальные группы составили проживающие на данный момент в родном городе респонденты. Средний показатель по возрасту составил 24,7 лет, что вполне соответствовало требованиям проверки гипотезы: объектом рассмотрения должны были быть молодые респонденты (рис. 3).

Следует отметить, что возрастные ограничения также выравнивали и показатели по образованию: все респонденты либо уже получили высшее образование, либо еще проходят обучение в университете и часто подрабатывают. Такая гомогенность была полезна для опроса, так как максимально уравнивала группы респондентов.

Анализ данных по второму опросу

При анализе второго опроса главной целью всех примененных статистических тестов было выяснить, как в группе молодых респондентов параметр происхождения влияет на употребление / узнавание регионализмов и на определение их происхождения, а кроме того, понять, есть ли связь между возрастом, происхождением и употреблением / узнаванием и определением происхождения регионализмов.

Происхождение и регионализмы. Первая проверка, связанная с происхождением респондентов, должна была указать, какие регионализмы имеют наибольшую зависимость по переменной УУ или П от происхождения информантов. Анализ показал, какое соотношение существует между УУ и П разных региональных слов и происхождением респондентов, благодаря чему оказалось возможным определить, какая группа регионализмов лучше всего идентифицируется информантами как «чужая». Наибольшую связь между УУ и происхождением респондентов показали тверские регионализмы, что еще раз подтверждает региональный статус этих слов, в отличие, например, от московских регионализмов, которые определяются как регионально специфичные гораздо хуже, на что указывает незначимая статистическая связь между УУ и параметром (табл. 7).

Стабильную связь между УУ/П и происхождением респондента показывают питерские регионализмы, которые тоже успешно определяются как «чужие» московской и тверской группой и, соответственно, как «свои» – питерской. Происхождение московских регионализмов информанты определяют достаточно плохо ($p\text{-value} \geq 0,05$). Никакой статистически значимой связи не было обнаружено между П и происхождением респондентов. Это означает, что все респонденты определяют происхождение регионализмов одинаково, независимо от собственного происхождения.

Остановимся подробнее на тверских регионализмах и причинах невысокого процента П этих слов в группе самих тверичей. Как можно видеть из табл. 8, наименьшая сумма по употреблению / узнаванию тверских регионализмов ожидаемо принадлежит группе тверских респондентов, из чего следует, что они чаще всех понимают и употребляют эти регионально окрашенные слова. Но при этом они хуже всех определяют региональный статус тверских регионализмов (наименьшая сумма корректных ответов по П): часто путают их с общеупотребительными словами или (реже) «чужими» регионализмами.

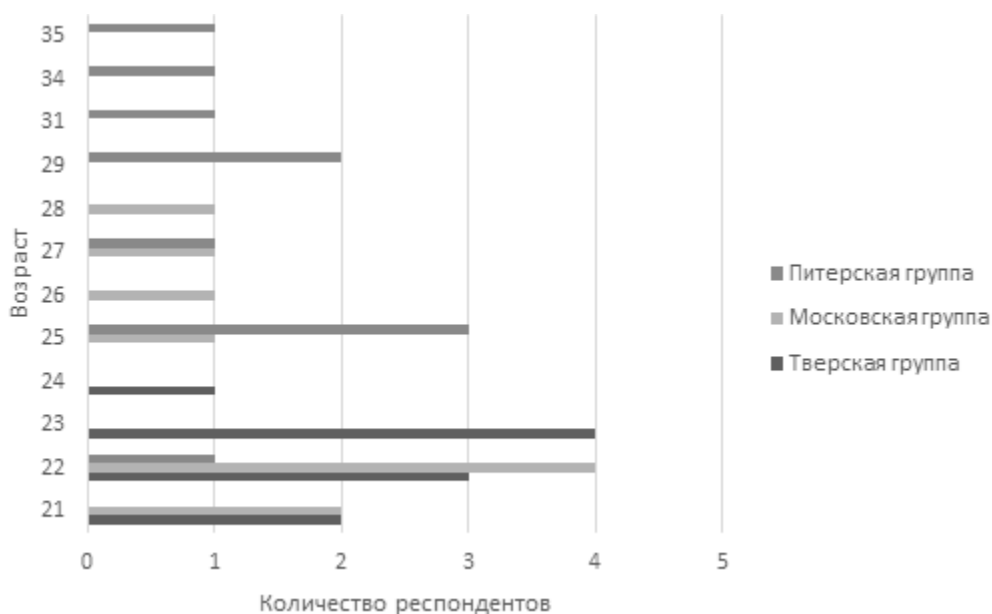

Рис. 3. Сравнение когорт для второго опроса

Корреляционный анализ трех групп регионализмов

Таблица 7

Регионализмы	P-value (УУ)	P-value (П)	Вывод
Тверские	1e-04	0.8965	Наличие значимой связи с УУ и практически отсутствие связи с П
Московские	0.269	0.05145	Наличие достаточно хорошей связи с П и слабой с УУ
Питерские	0.008949	0.0008429	Наличие статистически значимых связей с УУ и П

Таблица 8

Данные по переменной УУ и П и происхождение респондентов (тверские регионализмы)

Информанты	Сумма (УУ)	Сумма (П)
Тверские	334	38
Московские	492	55
Питерские	498	40
Чем больше сумма по УУ, тем меньше респонденты употребляют данные регионализмы. Чем больше сумма по П, тем больше верных ответов по происхождению тверских регионализмов дали респонденты		

Можно предположить, что москвичи и питерцы лучше определяют региональный статус тверских регионализмов именно из-за того, что, не используя эти слова в своей речи, идентифицируют их тверское происхождение методом исключения. Это вполне вероятное объяснение при условии, что региональная лексическая норма двух столиц в какой-то степени известна среди московских и питерских респондентов. Именно поэтому они могли легче определить тверское происхождение регионализмов, в отличие от самих тверичей, которые не могут провести границы между «своими» регионализмами и «чужими» или общеупотребительными словами.

Вывод о высокой степени зависимости УУ от происхождения информанта и о низкой предсказываемости П по тому же параметру подтверждают и данные регрессионного анализа. При отличном показателе действия модели УУ тверских регионализмов ~ происхождения информанта ($p\text{-value} = 1e-04$) регрессионная модель зависимости от происхождения респондента никак не может объяснить П ($p\text{-value} = 0.8965$).

Регрессионная модель для второго опроса: влияние предикторов на социолингвистические переменные УУ и П. Регрессионная модель, предсказывающая зависимость социолингвистических переменных (УУ или П) от социальных параметров, была построена на основе всех собранных данных из анкет информантов (при этом регионализмы из трех городов рассматривались вместе). Предполагалось, что если какие-то значимые параметры не были рассмотрены отдельно, то регрессионный анализ укажет на них. Поэтому были включены следующие параметры: возраст, происхождение, мобильность (состоящая из параметров «переезд» и «каникулы»), образование, деятельность и рефлексия. Предсказывающую силу в этом анализе показал только параметр происхождения информантов ($\Pr(>|t|) = 0.046709^*$), остальные, как и в случае с первым опросом, не показали какого-либо результата.

При регрессионном анализе с П в роли зависимой переменной стало понятно, что параметр регионального происхождения информанта также показывает один из самых высоких результатов. Но в общем статистически этот параметр незначим ($p\text{-value} = 0.383$) и не может указывать на значимую зависимость между ним и П. $P\text{-value}$ модели при этом составило всего 0.2767, а доля объясненной дисперсии – всего 0,03596, что указывает на слабую предсказывающую силу модели. Таким образом, можно резюмировать, что в отношении зависимой П регрессионная модель не смогла выявить реальные факторы влияния.

Выводы

Из отобранных для эксперимента 54 тверичей ни один из предложенных социальных параметров не показал статистически значимых результатов, по-

этому выдвинутая гипотеза о влиянии факторов пола, возраста, мобильности и образования на развитие (или упадок) региональной лексики может быть отвергнута. Как видно из анализов, сегодня не существует особого различия в употреблении городской регионально маркированной лексики в речи разных поколений тверичей и обе проверенные возрастные группы используют регионализмы наравне с общеупотребительными словами литературного языка. Можно с определенной долей уверенности сделать вывод, что на сегодня регионализмы в речи жителей Твери относительно стабильны. Нельзя говорить, что регионально окрашенная лексика города уходит из употребления, как это было предположено изначально.

По результатам второго опроса окончательно выяснился региональный статус небольшого списка отобранных тверских регионализмов: именно жители Твери используют эти слова, носители других региональных норм верно определяют тверское происхождение этих лексических единиц и указывают на отсутствие их в своей речи. Это важный результат, так как большинство из проверяемых регионализмов не зафиксированы где-либо в словарях или списках, и изначально не было стопроцентной уверенности, что все регионализмы относятся к тверской региональной лексике. Относительно самой разработки опросника можно сказать, что метод контрольного списка дал удовлетворительные результаты: градация ответов давала достаточную свободу для выбора информанта и в дальнейшем была удобна для подготовки данных для анализа. Анкета информанта также имела свои преимущества и недостатки. В целом вопросы о поездках и каникулах, которые потом объединялись в своеобразный коэффициент мобильности (см.: [20]), были поставлены успешно, в отличие от менее успешных вопросов о происхождении родителей и дружеских отношениях. Эти вопросы должны были обеспечить данные по параметру «социальные сети», которые, как утверждают некоторые ученые, также влияют на развитие регионально окрашенной лексики: «Вот уже на протяжении многих лет мы стараемся показать, что сильные неформальные социальные связи внутри сообщества создают механизмы, позволяющие говорящим сохранять свои нестандартные диалекты, сельские и городские, несмотря на сильнейшее давление со стороны стандартного языка через такие каналы влияния, как образовательная система и СМИ. Мы пытались оценить эти социальные структуры количественно в терминах *социальных связей*. Наш анализ хорошо согласуется с представлением о том, что на речевое поведение оказывают воздействие различные «языковые рынки» [21. С. 187]. Однако в анкете первого опроса эти вопросы не были сформулированы достаточно четко, и потому ответы на них не могли быть использованы в анализе. Таким образом, метод выявления параметра социальных сетей еще требует детальной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В.И. Что такое лексический регионализм? URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?bid=26&tid=69828&hl=%ec%ee%fl%ea%ee%e2%fl%ea%e8%e9+%fl%e5%e3%e8%ee%ed%e0%eb%e8%e7%ec>. 2006 (дата обращения: 26.11.2015).

2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М. : Языки славянских культур, 2010. 496 с.
3. Беликов В.И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 23–38.
4. Матвеев А.И. Опыт комплексного описания региональной лексики (на материале регионализмов г. Новосибирска и Новосибирской области) // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kompleksnogo-opisaniya-regionalnoy-leksiki-na-materiale-regionalizmov-g-novosibirsk-i-novosibirskoy-oblasti>. 2009 (дата обращения: 12.12.2015).
5. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. М., 2008. № 2 (16). С. 119–136.
6. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2012. № 15. С. 153–164.
7. Ливинская И., Матвеев А.И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. Новосибирск : Свинья и сыновья, 2015. 160 с.
8. Тематический словарь тверских городов / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой: в 5 т. Вып. 1–5. Тверь : Золотая буква, 2002–2006.
9. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 488 с.
10. Резвухина Ю.А. Регионализм: к определению понятия // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya>. 2015 (дата обращения: 12.12.2015).
11. Drake J.A. The Effect of Urbanization on Regional Vocabulary // American Speech. 1961. Vol. 36 (1). P. 17–33.
12. Pederson L., Cassidy F. Chicago Words : The Regional Vocabulary // American Speech. 1971. Vol. 36 (3/4). P. 163–192.
13. Violin-Wigent A. Regional vocabulary levelling: The example of south-eastern French // Journal of Sociolinguistics. 2007. Vol. 11 (3). P. 408–422.
14. Городские диалекты. URL: <https://forum.lingvolive.com/cat/126/> (дата обращения: 20.12.2015).
15. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 25.12.2015).
16. Беликов В.И., Евсеева И.В., Славкина И.А., Степанова Ф.В. Диалектная и региональная лексика : курс лекций. Красноярск, 2008. 145 с.
17. Голомидова М.В. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. Екатеринбург : УрГУ, 1995. С. 76–86.
18. Bowie D., Yaeger-Dror M. Phonological Change in Real Time // Oxford Handbook of Historical Phonology. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 603–618.
19. Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. М., 2005. № 2 (23). С. 210–219.
20. Labov W. The Effect of Social Mobility on Linguistic Behavior // Sociological Inquiry. 1996. Vol. 36 (2). P. 186–203.
21. Милрой Дж., Милрой Л. Механизмы изменений в городских диалектах: роль класса, социальных сетей и гендера // Социоллингвистика и социология языка. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 183–205.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2018 г.

SOCIOLINGUISTIC RESEARCH INTO THE REGIONAL VOCABULARY OF TVER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 29–39.

DOI: 10.17223/15617793/435/4

Olga A. Kultepina, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: okultepina@hse.ru

Keywords: regional vocabulary; city-specific vocabulary; regionalism; regiolekt; sociolinguistics.

The article analyses the data of a sociolinguistic experiment that was conducted in 2015–2016 among the citizens of Tver, Moscow and St. Petersburg. The aim of the research was the regional vocabulary of Tver (Tver regionalisms, Tver local vocabulary). The term means geographically specified words used by the citizens of Tver and “marked” in their speech. The author aimed to test the hypothesis which claimed that some extralinguistic social factors (such as gender, age, mobility and education) had impact on the recognition of regional vocabulary and its usage in Tver citizens’ speech, especially among the youth. Moreover, another aim was to verify the current condition of the local vocabulary in Tver. The regional vocabulary of Tver has never been studied before from a sociolinguistic point of view, though there was some similar research in other regions (Novosibirsk, Vyatka, Pskov) and it often targeted a concrete social group. A sociolinguistic questionnaire was the leading method in the research; it consisted of the question-form (with questions about age, gender, origin etc.) and two check-lists. The experiment was implemented in two steps. Each stage had its own question-form and check-lists which were presented to two different samples of informants. The first sample was made up of only Tver citizens (divided in two groups: younger than 25 years old and older than 25 years old). The second sample consisted of young women who lived in Tver, Moscow and St. Petersburg. The data were analyzed in the statistical program R (the main instrument was regression analysis) so that to reveal the correlation between social factors, usage and recognition of Tver regionalisms. The author came to the following conclusions: (a) no extralinguistic factors of the initial hypothesis influenced the usage of local vocabulary so that it could be called a significant impact, the older generation and the younger generation of Tver both used and recognized ‘their’ regionalisms in a very similar way; (b) the regional vocabulary of Tver still functions today, it is included in the regional norm and is recognized by speakers from other regions (Moscow, St. Petersburg), and is used by Tver citizens in their everyday speech; (c) the model of the experiment (sociolinguistic two-staged questionnaire with a check-list) can be reputed as a satisfying one, yet more concrete questions to display the influence of some social factors that formed the parameter “Social Nets” can reveal more statistically significant results.

REFERENCES

1. Belikov, V.I. (2006) *Chto takoe leksicheskiy regionalizm?* [What is lexical regionalism?]. [Online] Available from: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?bid=26&tid=69828&hl=%ec%ee%fl%ea%ee%e2%fl%ea%e8%e9+%f0%e5%e3%e8%ee%ed%e0%eb%e8%e7%ec>. (Accessed: 26.11.2015).
2. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2010) *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy* [The linguistic existence of the modern citizen: Based on the language of Moscow]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Belikov, V.I. (2004) *Sravnienie Peterburga s Moskvoy i drugie soobrazheniya po sotsial'noy leksikografii* [Comparison of Petersburg with Moscow and other considerations on social lexicography]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Is. 3. Moscow: Russian Language Institute, RAS.

4. Matveev, A.I. (2009) *Opyt kompleksnogo opisaniya regional'noy leksiki (na materiale regionalizmov g. Novosibirsk i Novosibirskoy oblasti)* [The experience of a complex description of regional vocabulary (on the material of regionalisms of Novosibirsk and Novosibirsk Oblast)]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kompleksnogo-opisaniya-regionalnoy-leksiki-na-materiale-regionalizmov-g-novosibirsk-i-novosibirskoy-oblasti>. (Accessed: 12.12.2015).
5. Oglezneva, E.A. (2008) Dal'nevostochnyy regiolet russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya [Far Eastern Regiolect of the Russian language: features of the formation]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (16). pp. 119–136.
6. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2012) Yazykovaya situatsiya v mal'nykh gorodakh Rossii [The language situation in small cities of Russia]. In: *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoy i literaturnoy form yazyka v slavyanoyazychnoy srede* [Studies in Slavic dialectology. Features of the coexistence of the dialect and literary forms of language in the Slavic-speaking environment]. Is. 15. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 153–164.
7. Livinskaya, I. & Matveev, A.I. (2015) *Slovar' regional'noy leksiki i narodnykh toponimov goroda Novosibirsk* [Dictionary of regional vocabulary and folk place names of Novosibirsk]. Novosibirsk: Svin' in i synov'ya.
8. Kirillova, T.V. & Novikova, L.N. (eds) (2002–2006) *Tematicheskii slovar' tverskikh gorodov: v 5 t.* [Thematic dictionary of Tver cities: in 5 vols]. Tver: Zolotaya bukva.
9. Gerd, A.S. (2001) *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: lectures and anthology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Rezvukhina, Yu.A. (2015) *Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya* [Regionalism: on the definition of the concept]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya>. (Accessed: 12.12.2015).
11. Drake, J.A. (1961) The Effect of Urbanization on Regional Vocabulary. *American Speech*. 36 (1). pp. 17–33.
12. Pederson, L. & Cassidy, Fund (1971) Chicago Words: The Regional Vocabulary. *American Speech*. 36 (3/4). pp. 163–192.
13. Violin-Wigent, A. (2007) Regional vocabulary levelling: The example of south-eastern French. *Journal of Sociolinguistics*. 11 (3). pp. 408–422. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2007.00330.x
14. Lingvolive.com. (n.d.) *Gorodskie dialekty* [Urban dialects]. [Online] Available from: <https://forum.lingvolive.com/cat/126/>. (Accessed: 20.12.2015).
15. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (Accessed: 25.12.2015).
16. Belikov, V.I., Evseeva, I.V., Slavkina, I.A. & Stepanova, F.V. (2008) *Dialektnaya i regional'naya leksika: kurs lektsiy* [Dialect and regional vocabulary: lectures]. Krasnoyarsk: [s.n.].
17. Golomidova, M.V. (1995) Urbanonimy v kontekste kul'tury sovremennogo goroda [Urbanonyms in the context of the culture of the modern city]. In: Matveev, A.K. et al. (eds) *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoy kul'tury* [Yearbook of the Research Institute of Russian Culture]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 76–86.
18. Bowie, D. & Yaeger-Dror, M. (2015) Phonological Change in Real Time. In: Honeybone, P. & Salmons, J. (eds) *Oxford Handbook of Historical Phonology*. Oxford: Oxford University Press.
19. Alpatov, V.M. (2005) Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoy Rossii [The language situation in the regions of modern Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 2 (23). pp. 210–219.
20. Labov, W. (1996) The Effect of Social Mobility on Linguistic Behavior. *Sociological Inquiry*. 36 (2). pp. 186–203. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1996.tb00624.x
21. Milroy, J. & Milroy, L. (2012) Mekhanizmy izmeneniy v gorodskikh dialektakh: rol' klassa, sotsial'nykh setey i gendera [Mechanisms of change in urban dialects: the role of class, social network and gender]. Translated from English. In: Vakhtin, N.B. (ed.) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

Received: 25 August 2018

Э.К. Лавошникова

WORD И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЯХ ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА

Рассматривается работа текстового редактора MS Word 2016 и его программы-«подсказки» под названием «корректор» (модификация 2017–2018 гг.). На многочисленных примерах показано, что перегруженность внутренних системных словарей низкочастотной лексикой при не вполне совершенном синтаксическом контроле снижает эффективность работы spell-лера. Это утверждение иллюстрируется на специально (в целях тестирования системы) сконструированных фразах, изобилующих намеренными ошибками и опечатками. Приводятся также списки малоупотребительных слов и архаизмов, которые с большей вероятностью могут появиться в результате ошибок или невнимательности при наборе современных текстов в русском регистре, но пропускаются Word без замечаний.

Ключевые слова: Microsoft Word; WinWord; компьютерная проверка правописания; текстовый редактор; спеллер; устаревшая лексика; орфографические ошибки; нормативное написание; архаизмы; русский язык.

1. Текстовый редактор Word в разных версиях широко распространен, эффективно применяется для компьютерной проверки правописания и заслуженно пользуется большим авторитетом (иногда даже непререкаемым, что, как мы увидим далее на конкретных примерах, не всегда оправдывается). Поставив перед собой задачу протестировать новую версию (модификацию 2017–2018 гг.) системы Microsoft Word 2016, будем сопоставлять результаты работы его spell-лера по выявлению ошибок и опечаток с рекомендациями наиболее авторитетных словарей русского языка, изданных в последнее время.

Написание приводимых примеров будем сверять с Русским орфографическим словарем [1] (далее РОС), Орфографическим словарем русского языка Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой и Л.К. Чельцовой [2] (далее БСЧ), а также (в некоторых случаях) с 6-м изданием Грамматического словаря русского языка А.А. Зализняка [3] (далее ГСРЯ) и толковым двухтомным Новым словарем русского языка Т.Ф. Ефремовой [4] (далее НСРЯ).

Заметим при этом, что словарь БСЧ и одно из предыдущих изданий словаря Зализняка входят в список четырех словарей, грамматик и справочников, рекомендованных в 2009 г. Межведомственной комиссией по русскому языку при Минобрнауки и содержащих нормы современного русского литературного языка.

Необходимо отметить, что один из самых первых spell-леров, получивших широкое распространение под названием «Орфо», базировался на 1-м издании словаря А.А. Зализняка (1977 г.). Слова во всех изданиях этого словаря расположены в обратном (инверсионном) порядке, по алфавиту конечных букв¹. Каждое слово снабжено формализованной пометой, отсылающей к грамматическим таблицам. В 1980-х гг. коллективом Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова словарь был размечен – при скудном, в отличие от типографского, наборе символов на тогдашних ЭВМ – и перенесен на машинные носители (бобины с магнитной пленкой). Электронная версия словаря Зализняка легла в основу большинства современных компьютерных программ, работающих с русской морфологией, в том числе и системы MS Word.

Справедливости ради следует отметить, что в текстовом редакторе Word 2016 устранены многие огрехи, имевшие место в предыдущих версиях системы. Однако к компьютерному анализу согласования слов (во фразе и в отдельных словосочетаниях) вопросов у пользователей систем Word 2013 и последующих стало только больше – по сравнению с предыдущими версиями, основанными на программе «Орфо» (см., например, [5. С. 59]²). И даже в выявлении орфографических ошибок (наиболее разработанное направление), а также в рекомендациях по их исправлению, выдаваемых программой-«подсказкой» «Корректор», остается немало разного рода недочетов, что будет далее показано на примерах.

2. При компьютерной проверке правописания в режиме реального времени spell-лер текстового редактора MS Word (WinWord) *красной волнистой линией* подчеркивает словоформы (или иногда даже части слова при написании через дефис), *отсутствующие* в его системных словарях. Тем самым пользователю предлагается обратить внимание на подчеркнутое красным слово – нет ли в нем ошибки или опечатки. Программа-«подсказка» при ее вызове выдает варианты исправления неопознанного слова, если может их найти в своих внутренних словарях. *Синие линии* в текстовом редакторе Word 2016, а также в Word 2013 (или *зеленые* в предыдущих версиях, разработанных на основе системы «Орфо») отмечают *предположительные* синтаксические огрехи – ошибки в пунктуации или согласованности словоформ в словосочетаниях.

Подчеркиваемые *красной волнистой линией* слова из наших примеров мы *тоже будем подчеркивать*. Если словоформа нами не подчеркнута, то это означает, что она опознается и пропускается spell-лером без замечаний, так как содержится во внутренних системных словарях версий 2016–2018 гг. текстового редактора MS Word.

Программа «Корректор» (т.е. «подсказка» в модифицированной версии 2017–2018 гг.) с помощью замен, вставок, удаления и перестановок букв в слове, *подчеркнутом красной волнистой линией*, ищет в своих словарях полученные такими способами цепочки символов. Если находит, то выдает первые

найденные словоформы как возможные варианты исправления этого не опознанного спеллером слова. Текстовый редактор MS Word 2016 после обновлений 2017 г. стал предлагать *не больше трех* вместо выдававшихся в предыдущих версиях пяти вариантов исправления, но при этом иногда добавляются пояснения – синонимы или слова соответствующей тематики. Нередко среди предлагаемого подсказкой вылезают «подводные камни» – ошибочно включенные или порожденные в системных словарях словоформы³.

Качество проверки синтаксиса и стилистики автокорректором Word 2016, к сожалению, оставляет желать лучшего, что на многочисленных примерах показано в статье [6]. Но даже в выявлении орфографических ошибок остается немало разного рода недочетов.

3. Как будет показано далее на конкретных примерах, «богатство» внутренних словарей текстового редактора, включение в него некоторых редко встречающихся в *современных* текстах слов и словоформ иногда не только не способствует, но *препятствует* выполнению прямой задачи спеллера – выявлению ошибок и опечаток в текстах пользователей.

Задача автоматизированной проверки орфографии распадается на две подзадачи: а) указывать на ошибки и опечатки; б) по возможности не «дискредитировать» словоформы, набранные правильно (исходя из современных норм правописания). Эти два требования зачастую входят в противоречие друг с другом. Какая подзадача важнее? Думается, что первая, хотя подчеркивание красным некоторых слов и словоформ с нормативным написанием может раздражать пользователя или заставлять его сомневаться в своей грамотности. При этом подчеркивание *коротких* слов «напрягает» меньше, в то время как в длинных словоформах (не только в сложносоставных, но и, например, в причастиях или прилагательных превосходной степени) труднее заметить ошибку. Отсюда вывод – желательно делать упор на пополнение системы сложно образованными словами и с осторожностью относиться к включению во внутренние словари коротких низкочастотных слов и словоформ (и не только архаизмов), что, как мы увидим далее, может при проверке правописания приводить к пропуску ошибок и опечаток. Особенно это относится к тем словам, которые графически совпадают с началами или концами более длинных словоформ (незапланированные пробелы или дефисы в текстах пользователей не так уж редко встречаются).

С удовлетворением можно отметить, что из системного словаря наконец убраны некоторые низкочастотные слова, о чем мы писали в своих работах [7 и др.]: *переплотить* (РОС: «к плот»); *поленица* (РОС: «богатырь», наряду со словом *поленица* от *полено*); *пощепать* (от *щепка*, РОС: «к щепать», но малоупотребительное *щепать*, которое может появиться также и в результате ошибки в глаголе *щипать*, пропускается спеллером без подчеркивания); *рожество* (в РОС этого написания нет); *холява* (РОС: «заготовки стекольного производства; голенище»)⁴; *эстокада* (РОС: «в фехтовании»). При этом во внутреннем словаре текстового редактора остается, например, существительное *мысле* (РОС: «название буквы»). По-

этому при не вполне совершенном синтаксическом контроле система не замечает ошибки в глагольной форме *мыслите* («Зачем вы так парадоксально мыслите?» – ожидаемого синего подчеркивания как указания Word'a на неправильный синтаксис этой фразы на настоящий момент нет.).

4. К сожалению, не внесены в системные словари и подчеркиваются красной волнистой линией некоторые слова (представленные в РОС), которые могут быть набраны пользователями с ошибками или опечатками. Это включение в систему особенно желательно для сравнительно длинных или заимствованных слов, например: *бэбиситтер* (*бэбиситтер* тоже подчеркивается), *блицинттервью* (*блиц-интервью*, как и многие дефисные образования, часто даже неправомерно порожденные самой системой, пропускается без замечаний, но «Корректор» предлагает разделение на два слова, а не дефис), *велфер*, *возжжённй* (и *возжжженный*), *дежавю*, *имейл* (дефисное *и-мейл* не подчеркивается), *кремлинолог* (в БСЧ такое же написание), *лабораторский*, *микроЭВМ* (и *суперЭВМ*), *недобдеть* (*перебдеть* не подчеркивается), *нерукопожатный*, *прокремлёвский* (однако *прокремлевский* в системном словаре имеется), *стопятидесятилетие* (склоняется без буквы «а»: «к *стопятидесятилетию*», «о *стопятидесятилети*»), но «Корректор» выдает только один вариант «исправления» – пробел после «сто»), *телегеничность*, *харассмент*, *чрезвычайщина* и др.

Спеллер текстового редактора Word отмечает как ошибочное рекомендуемое современными словарями (в том числе ГСРЯ, БСЧ, РОС) написание *мелочовка* и *плащовка*. При вызове программы «Корректор» предлагается бывшее не так давно нормативным *мелочёвка* (и *мелочевка*). А для *плащовка* эта подсказка выдает максимально возможные три варианта «исправления»: *плащика*, *плутовка*, *плюсовка*.

Подчеркиваются красным и некоторые достаточно часто встречающиеся существительные с префиксоидом «не-», в которых программа «Корректор» 2017–2018 гг. (как и подсказка-2016) предлагает «не» отделять пробелом. Примеры: *неаппетитность*⁵, *невозрастание*, *негуманность* (РОС), *неединственность*, *неидеальность*, *несжимаемость* (соответствующие прилагательные с «не-» в системном словаре имеются). Для слова *невоспроизводимость* (РОС) у спеллера «нет ни одного предложения», хотя слово без «не» *воспроизводимость* в его системном словаре имеется. Не включены во внутренний системный словарь некоторые «женские» варианты существительных, в которых пользователями могли бы быть допущены ошибки, примеры: *риелторша* и *халявищица* (представлены в РОС).

В системном словаре отсутствуют (не порождаются) многие формы превосходной степени, хотя в таких длинных словах более вероятны опечатки. Примеры: *аппетитнейший*, *бездарнейший* («Корректор» предлагает «исправление» *бездомнейший*), *изысканнейший*, *наивыгоднейший* (РОС), *обаятельнейший*, *отменнейший*, а также *свежайший* (РОС) и *свежешейший* (второй вариант в РОС), но только *наисвежайший* пропускается без подчеркивания.

Конечно, пользователь может пополнить словарь для себя лично (в Word предоставлена такая возможность) любыми словоформами – **терминами**, не включенными в системный словарь, и прочими используемыми им низкочастотными или особенными словами, если их подчеркивание при проверке текстов его не устраивает. Приведем пример: существует зоологический термин *бодяга* (РОС), для которого подсказка предлагает исправление *бодягу* (РОС: «водоросль; разводить бодягу, кончай бодягу»). Можно сделать так, чтобы не подчеркивались оба этих написания – но не для других пользователей.

Нередко в текстах «по техническим причинам» происходит **склеивание** соседних слов. Спеллер текстового редактора WinWord не всегда замечает такие огрехи – в результате присутствия в его системных словарях некоторых малоупотребительных лексем. Например, пропускаются и не подчеркиваются глагольные формы *выбрасаете* и *вывершите*, причастие *наседававшие* – от глаголов *выбросать*, *вывершить* и *наседать*, которых нет даже в РОС [1], одном из самых представительных орфографических словарей.

Приведем довольно любопытный факт. В некоторых предыдущих версиях Word были заблокированы «нехорошие» слова: *голубой*, *розовый*, *залететь* (явно имелось в виду не первое значение, но глагол «реабилитирован» системой в 2018 г.), *негр*, *осёл* (написание *осел* тоже было убрано, причем вместе с глагольными формами *осела*, *осело*, *осели*) и др. После многочисленных критических замечаний некоторые слова все же были возвращены, но иногда без своей полной парадигмы: слова *дура* и *шлюха* уже есть, но словоформы *дур* и *шлюх* подчеркиваются красным; слово *подлец* в версии Word 2016 не склоняется (возможно, по ошибке оно приобрело статус междометия); слово *сволочь* спрягается в качестве глагола (*сволочу*, *сволочишь*), но косвенные падежи существительного отсутствуют (*сволочью*, *сволочам* и т.д.).

5. Примеры специально сконструированных фраз с многочисленными ошибками, пропускаемых системой без подчёркиваний синим или красным (см. ниже), демонстрируют некоторые недочеты в работе WinWord. В них мы видим склейки и разбиения слов, а также другие вероятные орфографические ошибки и опечатки, в результате которых получается **малоупотребительная** лексика, имеющаяся в системном словаре текстового редактора Word и пропускаемая по этой причине без красного подчеркивания. Замечаний к сочетаемости слов во фразах (подчеркиваний **синими линиями**) в этих примерах тоже, к сожалению, на данный момент нет.

1) *Не лъзя ли раз обратиться справами сроить трасу, кото рая не пода рок для эко логии наш его кря.* В результате намеренных «опечаток» у нас появились следующие словоформы: отсутствующие в наиболее представительном из цитируемых нами в данной статье словарей РОС *лъзя* (!), *обраться* и *трас* («горная вулканическая порода»); форма существительного *справа* (в толковом НСРЯ одно из значений – «одежда»); вместо *строить* – *сроить* (НСРЯ: «соединить в один рой»); *кото* (РОС: «японская арфа»); родительный падеж существительного *под*; *эко*, которое в РОС

дано только прописными буквами; форма от сомнительного существительного *логия* (в РОС отсутствует); междометие *кря*, получившееся в результате «пропавшей» буквы «а».

2) *Молод ежсь брада пре доставленные отпуска, но по том буде за числена ректор ом.* Здесь «по ошибке» возникли такие словоформы: императив *ежсь* от глагола *ежить* (ёжить); архаизм *брада* (борода) вместо *брала* – результат соседства на клавиатуре «л» и «д»; *пре* – дательный падеж архаизма *пря* (НСРЯ: «устар.: спор, борьба»); союз *буде* – при обрезании высокочастотной словоформы *будет*; краткая форма от *численный*; единица измерения *ом*.

3) *Сморите, как глад ко был изложин отче задругой пери од! Надо работать на советь!* В результате наших «опечаток» получен маловероятный императив глагола *сморить*, а также формы следующих существительных: *глад* (РОС: «устар.; в поэзии»); низкочастотное *изложина* (НСРЯ: «местн.; лог, ложбина»); звательная форма *отче* от *отец* при отсутствии второй буквы «т» в слове *отчет*; *задруга* (НСРЯ: «патриархальная большая семья»); *пери* (НСРЯ: «перен. устар.»); *ода*. Во второй фразе после «на» получился инфинитив вместо существительного *советь*.

4) *Вы мяя обиде ли. Я науцу на вас всю пресс-у. Я всегда мишу за так ой дрему чий и лжи вый материл.* В первой фразе возникло деепричастие от глагола *мять* вместо *меня*. Во второй фразе получилась форма устаревшего глагола *науштить* (*наущать*) вместо *науцу* и опять разбиение словоформы дефисом. В третьей фразе: личная форма низкочастотного глагола *мишит* вместо *мишу* («ш» и «щ» плохо различимы визуально и расположены на клавиатуре рядом); междометие *ой*; *чий* (РОС: «растение»); форма архаизма *выя*; форма глагола *материть* вместо *материал*.

5) *Все млеко питающие обо шлись без цапап ин и уча щенного пульс а. После про верки до статочно дат-ь втору ю дозу вит аминов.* Из-за присутствия в системном словаре архаизма *млеко* (РОС: «устар. поэт. к молоко») без каких-либо предупреждений системой пропускается ошибочное разбиение пробелом. Далее в первой фразе: *цапап* (БСЧ: «в знач. сказ.»); частица *ин*; форма мужского рода от *щённый* (ГСРЯ, но в БСЧ, РОС и НСРЯ слово дано только в женском роде, *щённая* – БСЧ: «о собаке, волчице, лисе»). Во второй фразе: *верки* (НСРЯ: «устар., оборотительные постройки»); форма от *статочный* («Статочное ли дело?»); мягкий знак через дефис; *втора* (НСРЯ: «второй голос в музыкальной партии»); буква «ю» – все без исключения **одиночные буквы** во фразах спеллером Word не подчеркиваются; краткая форма от *витый*; *амин* (ГСРЯ), но в РОС этого существительного нет.

6) *Он пой дет на нас воной и зало жит после рамена все наши ссуд ы!* Здесь появились: краткая форма страдательного причастия от *деть*; *вона* (РОС: «ден. ед.»); *зало* (РОС: «устар. к зал»); форма родительного падежа множественного числа существительного *жито* (НСРЯ: «местн.»); архаизм *рамена* (РОС: «плечи»); одиночная буква «ы» в конце фразы.

7) *Мой ответ: это черти-что, что за дела в та ких фирм ах!* При «ошибочном» удвоении гласной

получилась личная форма глагола *отвелять* вместо существительного *ответ*. Нередко пользователи набирают «черти-что» (РОС: *чёрт-те что*), но Word на эту ошибку не реагирует. Далее: сомнительное де-епричастие прошедшего времени *делав* в результате склейки *дела* с предлогом «в»; непонятное *ких* – в Интернете находим только аббревиатуру КИХ; междометие *ах* в конце фразы.

8) *Живи посредствам: при готовься к ужну уж е сутра!* При склейке с предлогом получилась форма множественного числа существительного *посредство*; *при* – предлог или императив глагола *переть*; при пропуске гласной «и» в словоформе *ужину* возникла личная форма глагола *ужинать* (с ударением на «а», от *жаты*); при склейке с предлогом получилось слово *сутра* (ГСРЯ) – в приложении «Имена собственные» этого словаря имеется словарная статья *Камасутра* [3. С. 746].

Подобные фразы с наиболее вероятными ошибками и опечатками могут быть использованы при тестировании новых версий текстовых редакторов. Другие примеры некорректных фраз и синтагм со специально подобранными ошибками согласования, управления и примыкания – для тестирования автокорректоров – приведены, например, в [7. С. 121].

6. Опытным путем было обнаружено довольно много *малоупотребительных* слов, которые в текстовом редакторе Word 2016 (как и в предыдущих его версиях) пропускаются без подчеркивания, т.е. без указания на возможную опечатку, но могут появляться по ошибке: в результате *пропуска буквы* (например, при недостаточной сильной нажатии клавиши), при нажатии соседней с нужной клавиши и т.п.

6.1. Примеры инфинитивов глаголов, отсутствующих в нормативном словаре БСЧ, но не подчеркиваемых spellером системы Word, которые с *большой вероятностью* могут быть результатом *пропуска одной буквы*: *ботать* (*болтать*), *взмутить(ся)* (*возмутить(ся)*), *взнести(сь)* (*вознести(сь)*), *взрастать* и *взрасти(сь)* (*возрастать* и *возрасти(сь)*), *впивать* (*выпивать*), *вскальзывать* и *вскользнуть* (*выскальзывать* и *выскользнуть*), *виибать(ся)* (*выиибать(ся)*), *вывить* (*выявить*), *высочить* (*высочить*), *вытраивать(ся)* и *вытроить(ся)* (*выстраивать(ся)* и *выстроить(ся)*), *густить(ся)* (*грустить*, *сгустить(ся)*), *завзаться* (*зазеваться*), *запреть* (*запереть*), *запахать* (*запахать*), *затесняться* (*застесняться*), *заушить* (*засушить*, *задушить*), *икриться* (*искриться*), *мрачить(ся)* (*омрачить(ся)*), *надвить* (*надавить*), *наторить* (*натворить*), *окорить* и *окорять(ся)* (*окормить*, *покорить* и *покорять(ся)*), *опороть* (*отпороть*), *оскользнуться* (*поскользнуться*), *оскрести(сь)* (*отскрести(сь)*, *поскрести(сь)*), *остареть* (*постареть*), *отелить* (*отделить*, *отселить*), *отоптать* (*оттоптать*, *потоптать*), *плотнить* (*уплотнить*), *повестить* (*оповестить*), *подирать(ся)* (*подбирать(ся)*), *подтирать(ся)*, *продирать(ся)*), *подлеть* (*подлезть*), *подсочить* (*подсочить*), *подустить* (*подпустить*, *подгустить*), *помститься* (*поместиться*), *попевать(ся)* (*подпевать(ся)*), *поспевать*, *поплевывать(ся)*, *попеть* (*поспеть*, *пропеть*, *подпеть*), *постыть* (*простыть*, *поостыть*), *посунуться* (*просу-*

нуться, *подсунуться*), *потциться* (*потациться*), *пре-стать* – в РОС отсутствует (*перестать*, *предстать*), *примститься* – в РОС нет (*примоститься*), *пробре-сти(сь)* (*приобрести(сь)*), *проглотать* (*проголотать*), *разоняться* – в РОС нет (*разгоняться*), *ристать* – в РОС нет, в словаре Даля ‘скакать, ездить’ (*пристать*), *сбирать(ся)* (*собирать(ся)*), *спахать* (*вспахать*), *спить* (*споить*, *испить*), *ставать* (*вставать*, *уста-вать*), *стаскать(ся)* (*истаскать(ся)*), *тихнуть* (*стих-нуть*, *утихнуть*), *тмить(ся)* (*томить(ся)*), *тро-пить(ся)* (*торопить(ся)*), *умесить* (*уместить*), *уми-рить(ся)* (*усмирить(ся)*), *усевать(ся)* (*успевать*, *усеи-вать(ся)*), *утонить(ся)* и *утонять(ся)* (*уточнить(ся)* и *уточнять(ся)*), *хладеть* (*охладеть*).

6.2. Примеры слов (не только инфинитивов), от-сутствующих в нормативном словаре БСЧ, не подчеркиваемых spellером системы Word, которые с большей вероятностью могут быть результатом *ошибки* или опечатки – *пропуск*, *непроизвольная замена*, *перестановка букв* и т.п. – в более употребительных словах: *вдёржка* и *вдержжка* (*выдержка*), *ветреть* (*вертеть*), *включатель* (*выключатель*), *возращенный* от *возрастить* (*возвращенный*), *впечь(ся)* (*в печь*, *выпечь(ся)*), *вымеищать* (*выме-щать*), *выпушенный* (*выпущенный*), *выскачу* от *вы-скакать* (*выскачу*), *достегать* и *застегать* от *сте-гать* (*достигать*, *застигать*), *завялю(сь)* от *завя-литель(ся)* (*заявлю(сь)*), *зажуриуть(ся)* (*зажму-рить(ся)*), *задуриуть* – «д» и «ж» на клавиатуре нахо-дятся рядом), *замета* (*заметка*), *зацена* (*заценка*), *казанное* (*оказанное*, *сказанное*, *указанное*), *купный* (*крупный*, *купанный*), *лыбиться* – в РОС отсутствует (*дыбиться* – при соседстве «л» и «д»), *млат* – в РОС нет, НСРЯ: «устар.», ‘молот’ (*мулат*), *нажевать(ся)*, *обжевать*, *отжевать*, *пережевать*, *сжевать(ся)* от *жевать* (*наживать(ся)*, *обживать*, *отживать*, *пе-реживать*, *сживать(ся)*), *нервоз* – РОС: «нервное состояние» (*невроз* – РОС: «болезнь»), *огнь* – РОС: «устар., книжн. и поэтич.» (*огонь*), *отчина* – НСРЯ: «устар.; вотчина» (*отчизна*, *вотчина*), *падина* – НСРЯ: «падь» (*впадина*), *плотить(ся)* – РОС: «к плот» (*латить(ся)*), *поветь* – РОС: «помещение в крестьянском дворе, обл.» (*повесть*, *повеять*), *подог* – РОС: «палка, дубинка, трость, обл.» (*подлог*, *полог*, *поджог*), *подрожать* от *дрожать* (*подра-жать*, *подорожать*), *покланяться* (*поклоняться*), *полсть* – РОС: «устар. и обл. к полость – покрывало на ноги в экипаже» (*полость*), *попуск* – в РОС отсут-ствует (*пропуск*, *подпуск*), *постоять* – в РОС нет (*постоять*), *преставление* (*представление*), *при-дельный* – РОС: «от придел» (*предельный*), *приеден-ный* (*приведенный*), *сдой* – в РОС нет (*седой*, *содой*, *слой*), *севр* – РОС: «фарфор» (*север*), *середа* (*череда*: «ч» и «с» расположены рядом), *смериться* (*сми-риться*), *спряжённый* (*сопряжённый*), *средица* (*се-редина*), *сточка* (*строчка*), *уловный* (*условный*), *улы-ба* – в РОС нет, НСРЯ: «разг.; тот, кто много или ча-сто улыбается» (*улыбка*), *умеищать* (*умеищать*), *уто-нение* (*уточнение*), *ухолить* (*уходить*), *четь* – арха-изм со значением ‘четверть’ (*честь*, *сеть*).

7. Низкочастотные слова в словарях, как мы видим, иногда снабжены пометами «поэт.» или «поэтич.». Об

одной из особенностей практики стихосложения приведем цитату: «Стиховедами давно замечено, что стих фонетически плотнее, чем проза: в нем слова короче, и в равный слоговой объем их помещается больше» [8. С. 42]. Ниже даются примеры с подчеркиванием красной волнистой чертой при их цитировании из 6-й книги серии «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»⁶.

1) *Воздух полн полдневных сил приливом...* [9. С. 58].

2) *...Чтоб под шептанье вешних верб / Все люди обнялись как братья...* [Там же. С. 289]. Подсказка «Корректор» выдает: *шептунье, шептуньи, шептунья*, но только не *шептание*. Некоторые слова на -ье, представляющие собой варианты существительных с окончанием «-ие», в системный словарь WinWord не включены (пример: есть *создание*, но весьма употребительный вариант со стяжением *созда~~нь~~е* подчеркивается красным). Обратный случай: *веселье* и отсутствующий в цитируемых здесь словарях, но пропускаемый Word без замечаний архаичный вариант *веселие*. Пропускается также сомнительная форма *людьми* (наряду с нормативной формой *людьми*). Если имеется в виду старое название буквы (*люди*), то оно в словарях отмечено как несклоняемое.

3) *...И упал, и задохся в крови императоров – зверь полукикий...* [Там же. С. 104]. Программа-подсказка слово *задохнулся* не предлагает (первый вариант – *задайся*).

4) *...Поутру, помолясь на восток...* [Там же. С. 292]. «Корректор» деепричастия *помолившись* не выдает – замена -ясь на -ившись при поиске spellером исправлений в системе пока не предусмотрена.

Приведем другие примеры кажущихся вполне нормальными деепричастий прошедшего времени от глаголов *совершенного вида*, часто встречающиеся (особенно в поэзии), но не признаваемые Word: *скло~~нь~~ась* и *скло~~ня~~я* (подсказка форму *склонив* не предлагает), *возвратясь*, *обратясь* (но в подсказке «Корректор» один из трех вариантов – *обретясь*), *остановясь* (в подсказке есть вариант «о становясь»), *превратясь*, *сократясь*, *утомясь* (префикс «у» spellер предлагает отделить) и др. Нет в словаре системы Word формы *отстав* (есть только *отставши*), хотя *отстать* спрягается так же, как *достать* – с деепричастием *до~~став~~(ши)* [3. С. 131].

Сравнительная степень *нежней*, часто встречающаяся в стихотворных текстах, подчеркивается красным, но *нежнее* среди трех выдаваемых вариантов исправления не содержится.

В системном словаре Word нет некоторых вариантов форм существительных на -ою/-ею (ёю): *ба~~ш~~кою*, *вра~~ж~~дою*, *ли~~ств~~ою*, *суд~~ьбою~~*, *то~~ск~~ою*, а также *пи~~щ~~ею*, *стру~~ею~~* (*стру~~ёю~~*) и др. В грамматическом словаре Зализняка (ГСРЯ), положенном в основу текстового редактора, читаем: «В данном подразделе все формы Т. ед. с окончанием -ой, -ёй или -ей имеют параллельный вариант с окончанием -ою, -ёю, -ею <...> В целях сокращения этот вариант в парадигмах не выписывается. В современном языке, в отличие от языка XIX в., вариант на -ою, -ёю, -ею употребляется очень редко

(преимущественно в поэзии)» [3. С. 45]. Однако в системе WinWord это пояснение учитывается не во всех случаях. Пример из стихов Николая Бухарина: *И с нами тихо говорит / Улыбкою Джоконды* [9. С. 98].

Другие примеры из антологии «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» на лексические и грамматические особенности поэтических произведений, во многих случаях диктуемые практикой стихосложения, см. в статье [10].

8. В текстах пользователей нередко можно встретить **ненормативные** словоформы, которые Word обоснованно подчеркивает красным: *ботинков, грузинов, лезгинов, макаронов, румынов, сапогов, солдатов, турков, чулков*. Подсказка «Корректор» не предлагает нормативных форм родительного падежа множественного числа: *ботинок, грузин, лезгин, макарон, румын, сапог, солдат, турок, чулок*. Некоторые из этих подчеркнутых слов подсказка воспринимает как фамилии и предлагает набирать с прописной буквы. Для ненормативных, но не менее «популярных» словоформ *ола~~дь~~ев, солен~~ь~~ев и ясел~~ь~~* исправлений *оладий, солений и яслей* «Корректор» тоже не выдает.

Имеются случаи образования в системных словарях Word разных сомнительных словоформ. В ГСРЯ [3] особыми символами отмечены прилагательные, **краткие формы от которых почти никогда не употребляются** («предположительны» или «затруднительны»). Однако в лексической базе текстового редактора MS Word такие краткие формы образуются: *дальне, дочерня, легонька, миленька, остороженька, прежни, свеженьки, тихонька* и т.п. Намного более вероятным представляется их возникновение в текстах в результате случайного «обрезания» конечной буквы.

9. Елена Виленовна Бешенкова так описывает положение в современной орфографии русского языка: «Рекомендации кодификатора во многом определяют его целью – обеспечить письменную коммуникацию сегодня и понимание текстов какого-то числа предыдущих поколений. Теоретически существует несколько разных способов достичь этого: сохранить существующую систему, сознательно изменить ее или вести письмо к чисто традиционному. И хотя анализ орфографической кодификации последних десятилетий показал, что нормализаторы часто шли за узусом, закрепляя противоречащие системе варианты, все-таки их целью и сегодня остается сохранение и укрепление существующей системы» [11. С. 36].

Однако здесь представляется уместным привести цитату из статьи Владимира Андреевича Успенского: «Автор (Успенский. – Э.Л.) склоняется к тому, что понятие **нормы** имеет в своей основе статистику: если “так говорит” или “так понимает” абсолютное большинство носителей языка, то это и есть **норма**. С противопоставлением **‘правильно–неправильно’** дело обстоит сложнее: единого ответа на вопрос “Что есть истина?” дать, по всей видимости, невозможно. Тем не менее каждый отдельный пример устного или письменного словоупотребления допускает оценку (скорее всего, субъективную) по шкале **‘правильно–неправильно’**. Тогда, хотя бы теоретически, возникает возможность

неправильной нормы, когда нечто неправильно, но все так говорят» [12. С. 539].

В подтверждение этих строк можно заметить, что в узусе исключительно популярны формы *найм* и *займ* при нормативном написании *наём* и *заём* (но подсказка «Корректор» этой нормы «не знает»). Мы видим влияние более употребительных косвенных падежей и «выравнивание» парадигмы. Варианты *найм* и *займ* настолько часто в наше время встречаются в речи и на письме даже у высокообразованных членов общества, что уже почти превращаются в норму. Ненормативное *подскользнуться* в толковом словаре Ефремовой (НСРЯ) [4] имеет помету «разг.» и толкование: «То же, что: поскользнуться». Не исключено, что придется узаконить и вариант *подскользнуться*.

Еще примеры – уже из заимствованной лексики. Разработчики WinWord пошли «на поводу» у пользователей Интернета и включили в свой словарь *кэш*, а написание *кеш* признавать не посчитали нужным (но в РОС – только *кеш* через «е»). При этом наряду с написанием *кэширование* в системном словаре Word есть и *кеширование*. Не очень логичным выглядит подчеркивание красным слов *хеш* (РОС) и *хэштег* при одновременном присутствии во внутреннем словаре вариантов *хештег*, *хэш* и *тег* (последнее из этих слов имеется в РОС) – при этом вариант написания через «э» *тэг* тоже не подчеркивается.

10. Даже авторитетные академические словари, по нашим наблюдениям, не во всех случаях снабжают устаревшие слова соответствующими пометами. Но компьютерные системы проверки правописания MS Word характеризуются полным отсутствием разделения на употребительную и низкочастотную (в современном русском языке) лексику. Нередко включение малоупотребительных и устаревших слов во внутренние словари spellера, как было показано выше, не только не способствует, но фактически во многих случаях препятствует эффективному выполнению задачи проверки и коррекции правописания в текстах пользователей.

Приведем мнение известного лексиколога и лексикографа Леонида Петровича Крысина об изъятии ряда лексем из словарей: «Устранение устаревших и периферийных для литературного языка (узкоспециальных, диалектных и т.п.) лексических значений, так же, как и исключение из словаря такого рода слов, должн<о> осуществляться с осторожностью, поскольку многие несомненные для современного состояния русского языка архаизмы и раритеты встречаются в русской классической литературе XIX – первой половины XX в., и, следовательно, словарь может служить важ-

ным подспорьем для читателя в понимании таких единиц. Тем не менее некоторые лексемы могут быть, кажется, устранены из МАСа (Малый академический словарь. – Э.Л.) без ущерба как для правильного представления о современном состоянии русской лексики, так и для интересов читателя» [13. С. 5].

11. **Выводы.** Стремительный прогресс в компьютерной сфере практически снимает ограничения, связанные с объемами баз данных. С одной стороны, чтобы в каждой очередной версии системные словари текстовых редакторов как можно больше пополнялись. При этом могли бы более широко использоваться механизмы словообразования, создания словарных гнезд. С другой стороны, желательно выявлять низкочастотные словоформы, которые могут *совпасть с искажениями в результате наиболее вероятных ошибок и опечаток* достаточно употребительных словоформ. Такие «подводные камни» системных словарей способствуют пропуску разного рода огрехов (особенно при недостаточно разработанном синтаксическом анализе), а иногда мы их видим в списках рекомендуемых вариантов исправления. «Проблемные» низкочастотные слова и словоформы можно либо заблокировать до появления новых улучшенных версий системы, либо снабжать пометами – предупреждениями для пользователя (желательно с выделением их в текстах каким-то особым образом). Но на первых порах представляется целесообразным заблокировать в системных словарях хотя бы такие *короткие* устаревшие, узкоспециальные или просто низкочастотные слова, которые могут препятствовать выявлению ошибок и опечаток, тем более что опечатки или, наоборот, отсутствие ошибок в подчеркнутых спеллером коротких словах визуально обнаружить легче, чем в длинных.

Мы предлагаем также дополнять системы коррекции правописания сведениями о наиболее вероятных и часто встречающихся искажениях некоторых слов – с их правильными вариантами, чтобы программа «подсказка» выдавала более адекватные рекомендации. Такие сведения о типичных ошибках будут способствовать также и минимизации числа отказов в выдаче вариантов исправления неопознанных слов при компьютерной коррекции текстов.

Справедливости ради следует заметить, что многие недочеты текстового редактора MS Word, о которых мы и другие пользователи Интернета писали, в последнее время уже устранены, но к практике наполнения системных (внутренних) компьютерных русских словарей по-прежнему остается много вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, все инфинитивы глаголов на -ть в словаре Зализняка собраны вместе (что удобно для лингвистов-исследователей), хотя и перемежаются немногочисленными другими вкраплениями: *пять*, *кровать*, *скатерть* и т.п.

² Автор книги Ирина Спира сетует: «Традиционная проверка правописания была реализована в Microsoft Word на высоком уровне. Программа замечала не только орфографические ошибки, но и “чувствовала” весьма тонкие грамматические и стилистические нюансы, решала даже непростые пунктуационные задачи. Но в Microsoft Word 2013 качество проверки правописания русского текста заметно ухудшилось».

³ Примеры: для ошибочного *ассимметричный* с двумя «с» подсказка-2017 предлагает первым вариантом нормативное *асимметричный*, а вторым – ошибочное *ассимметричный*, которое и в текстах тоже не подчеркивается; слово *псевдоклассика* программа «Корректор» предлагает разделить на две части пробелом, хотя отдельного слова *псевдо* в РОС и других словарях нет.

⁴ Ни подсказка-2016, ни новый «Корректор» для подчеркиваемого слова *халыва* написания *халыва* (в РОС это другое слово, с другим толкованием) не выдает, хотя слово *халыва* включено во внутренний системный словарь и при поиске вариантов исправления достаточно поме-

нять всего одну букву. Некоторые рекомендации подсказки «Корректор» производят неожиданный эффект. Например, для просторечного *откудова* программа первым вариантом выдает «исправление» *оттуда*.

⁵ Не все из этих и приводимых далее примеров слов имеются в цитируемых в предлагаемой статье словарях, но сложно требовать от бу-
мажных изданий с их ограничениями на листаж порождения всей картины русского словообразования.

⁶ 6-я и 7-я книги серии были удостоены премии «Лучшие книги и издательства – 2016».

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс книга, 2015. 896 с.
2. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. 4-е изд., испр. М. : АСТ-Пресс книга, 2008. 1296 с.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 6-е изд., стер. М. : АСТ-Пресс книга, 2010. 800 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. 2-е изд. М. : Рус. яз., 2001.
5. Спира И. Microsoft Excel и Word 2013: Учиться никогда не поздно. СПб. : Питер, 2014. 256 с.
6. Лавошникова Э.К. Microsoft Word 2016 и синтаксический контроль // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12, № 2. С. 205–210.
7. Лавошникова Э.К. «Проблемные» слова как причина пропуска ошибок при компьютерной проверке орфографии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 15. С. 113–129. DOI: 10.17223/23062061/15/8
8. Гаспаров М.Л., Скулачев Т.В. Односложные слова в стихе: ритм и части речи // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 35–51.
9. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 6: от Арсения Альвинга до Владислава Ходасевича, включая Глеба Анфилова, Николая Арсеньева, Николая Бухарина, Надежду Гиляровскую, Юрия Сидорова, Александра Тришатов. М. : НИВЦ МГУ – Бослен, 2011. 480 с.
10. Лавошникова Э.К. Вариативность в грамматике стихотворных текстов и их компьютерная коррекция (на материале антологии Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 14. С. 108–122. DOI: 10.17223/23062061/14/7
11. Бешенкова Е.В. Вариативность, узусная норма и политика нормализаторов // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 35–42.
12. Успенский В.А. Субъективные заметки о неправильной норме // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 537–571.
13. Крысин Л.П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 1. С. 3–9.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 августа 2018 г.

WORD AND LOW FREQUENCY VOCABULARY IN DICTIONARIES OF THE TEXT EDITOR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 40–47.

DOI: 10.17223/15617793/435/5

Elina K. Lavoshnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elavoshnikova@mail.ru

Keywords: Microsoft Word; WinWord; computer spell checker; text editor; speller; obsolete vocabulary; spelling mistakes; regulatory writing; archaisms; Russian language.

This article describes problems of computerized spell checking of Russian-language texts. Microsoft Word® 2016™ (2018 modification) text editor's built-in spell checking engine is being investigated and evaluated. It is shown that the inclusion of some obsolete and low-frequency words into the internal (system) computer dictionaries sometimes not only does nothing to improve the work of the speller, but also leads to the skipping of errors and typos. It is worth mentioning that many flaws and gaps of previous MS Word versions have been patched in MS Word 2016. Nevertheless, computerized analysis of word concord – in phrases and in standalone word combinations – raises even more questions, especially when compared with previous Orfo™-based spellers. Even detection of spelling errors (as the most developed analysis area) and prompting of possible corrections are still far from being perfect. The suggesting program of the spell checker suggests possible correction variants of words underlined and unidentified by the system (no more than three options in 2017 edition) or revision of the phrase. The suggestion is not always able to propose the normative spelling of the word, especially if it differs from the underlined one by a few letters. In the list of options, words are often split by a space, without taking into account the coherence of the two resulting words. The article contains examples of words quite frequently used in modern phrases and not known by the WinWord system dictionary, which should not be detected as mistakes but should be skipped without remarks. At the same time, there is no reason to keep rare and low-frequent short lexical units which coincide with beginnings and endings of more commonly used words in the system dictionary, because they may appear when a word is unintentionally split by space. The article contains examples of *especially constructed* phrases with errors: interchange of letters in a word, hyphaeresis or gemination, word split or concatenation. All such words resulting from errors are present or generated within the system dictionary. Word forms do not concord here; however, MS Word is unable to detect syntax errors of this type. Similar phrases can also be used for testing spell checkers of other MS Word versions, not only previous but also newer ones. The author provides a list of *rare words* considered by MS Word as correct despite of a significant chance of an error in writing more commonly used words. It is advisable *to remove* some 'specific' rare words *from internal system dictionaries or deactivate* them for the time being, until the spell checker is more informative about the contextual areas where the words can be used. Many of the flaws described by the author and by other Internet users have recently been eliminated from the MS Word text editor, but the content of its Russian system dictionary and the recommendations of the spell checker suggesting program leave a lot of questions.

REFERENCES

1. Lopatin, V.V. & Ivanova, O.E. (eds) (2015) *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 200 000 slov* [Russian spelling dictionary: c. 200,000 words]. 4th ed. Moscow: AST-Press kniga.
2. Bukchina, B.Z., Sazonova, I.K. & Chel'tsova, L.K. (2008) *Orfograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Spelling dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: AST-Press kniga.
3. Zaliznyak, A.A. (2010) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. Ok. 110 000 slov* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Word Change. C. 110,000 words]. 6th ed. Moscow: AST-Press kniga.

4. Efremova, T.F. (2001) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Interpretive word-formation: in 2 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
5. Spira, I. (2014) *Microsoft Excel i Word 2013: Uchit'sya nikogda ne pozdno* [Microsoft Excel and Word 2013: It is never too late to learn]. St. Petersburg: Piter.
6. Lavoshnikova, E.K. (2016) Microsoft Word 2016 i sintaksicheskii kontrol' [Microsoft Word 2016 and syntactic control]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie – Modern Information Technology and IT-education*. 12(2). pp. 205–210.
7. Lavoshnikova, E.K. (2017) Specific words as a reason for not detecting errors by computerised spell check. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 15. pp. 113–129. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/15/8
8. Gasparov, M.L. & Skulacheva, T.V. (2003) Odnoslozhnye slova v stikhe: ritm i chasti rechi [Monosyllabic words in verse: rhythm and parts of speech]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (5). pp. 35–51.
9. Aydiyanyan, A. et al. (2011) *Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do...* [Poetry of Moscow University: from Lomonosov to . . .]. Book 6. Moscow: NIVTs MGU – Boslen.
10. Lavoshnikova, E.K. (2017) Variability in grammar of poetic texts and their computer correction (on the material of the anthology Poetry of Moscow University: from Lomonosov to...). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 14. pp. 108–122. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/14/7
11. Beshenkova, E.V. (2016) Variants, usual way of writing, codification and policy of orthographists. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 35–42. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/56/3
12. Uspenskiy, V.A. (2006) Sub'ektivnye zametki o nepravil'noy norme [Subjective notes about the wrong norm]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Is. 4. Moscow: Russian Language Institute, RAS. pp. 537–571.
13. Krysin, L.P. (2011) Problema obnovleniya tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [The problem of updating the explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka*. 70(1). pp. 3–9.

Received: 20 August 2018

А.Д. Сиротенко

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АБЕЛЯ МАТЬЕ (1520?–1572?)

Рассматриваются особенности описания неизменяемых частей речи в лингвистической концепции А. Матье. Обращается внимание на то, в какой степени автор следует постулатам греко-латинского канона при определении природы и статуса неизменяемых частей речи, какие классы и группы слов включает в их состав. Особо подчеркивается ведущая роль узального аспекта в концепции А. Матье, а также влияние жанрового своеобразия трактата на целостность отражения в ней частеречной системы французского языка.

Ключевые слова: Абель Матье; французская лингвистическая традиция XVI в.; греко-латинский канон; префикс; предлог; наречие; союз; узус; жанр «рассуждений о языке».

В последние десятилетия все большую актуальность для истории и эпистемологии науки о языке приобретает изучение лингвистических воззрений прошлого. В этом смысле особую значимость представляют так называемые переломные периоды в истории языкознания, связанные с кардинальной сменой научных парадигм. Одним из таких периодов, безусловно, является эпоха Возрождения, время, когда на базе греко-латинского канона закладывались и утверждались качественно новые принципы и подходы к описанию вернакулярных.

Франция относится к тем западноевропейским государствам, которые в числе первых в XVI в. инициировали процесс массовой грамматики национальных языков. В качестве технической базы для данного процесса выступила единая латинская грамматическая модель, названная С. Ору «латинской грамматикой предельно широкого диапазона» или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Etendue*) [1. Р. 18–19]. При этом, как отмечают историки языкознания, первые описания французского языка опирались преимущественно на достижения позднеантичных авторов. Так, внешние атрибуты грамматического описания заимствовались, в большинстве случаев, у Доната (IV в.), а содержание и система грамматических понятий, включая способы деления слов по частям речи и другим категориям, – у Присциана (нач. VI в.) [2. Р. 28; 3. Р. 22; 4. С. 103; 5. С. 20; 6. С. 29; 7. С. 8].

Однако в процессе систематизации фактов французского языка авторы первых грамматик столкнулись с тем, что механическое переложение на него постулатов античного канона далеко не всегда представлялось возможным. Как подчеркивает Е.Н. Михайлова, в особенности это касалось тех грамматических явлений, которые отсутствовали в традиционной схеме античных грамматик или продолжали активно развиваться, не укладываясь в рамки этой схемы [5. С. 23]. Подобные несоответствия между реалиями французского обихода и греко-латинским канонам выводили некоторых авторов на путь выработки иных методологических принципов грамматического описания, в основу которых закладывался не системный, а узальный аспект.

Один из примеров, как нельзя лучше демонстрирующий то, каким образом происходил пересмотр постулатов позднеантичного канона применительно к французскому языку, представляют неизменяемые части речи, описание которых на страницах французских ренессансных грамматик отличается немалым числом разночтений и нестандартных решений. Одно из таких решений принадлежит Абелью Матье (1520?–1572?), автору трех изданий трактата «*Devis de la langue francoyse*» (1559, 1560, 1572). Написанный в редком для сочинений XVI в. жанре «рассуждений о языке», данный трактат вместил в себя весь спектр актуальных для того времени лингвистических проблем, включая проблему происхождения французского языка, его обогащения, а также вопросы орфографии, перевода и поэтики. Описание грамматической системы французского языка составило содержание второй книги «*Devis*» (1560), которая и является объектом нашего внимания.

Итак, класс неизменяемых частей речи во французской теории грамматики традиционно представлен наречиями, предлогами, союзами и, в некоторых случаях, междометиями. При этом, как правило, современные лингвисты предпочитают рассматривать данные категории слов не обособленно, а в рамках общих «сверхкатегорий» соединительных слов (*mots de liaison*), служебных слов (*mots-outils*) и частиц (*particules*) [8. Р. 8–9]. В качестве одной из причин такого подхода следует назвать, вслед за Н.М. Васильевой, практически полное отсутствие формальных отличительных признаков, позволяющих точно отделить одну группу слов от других внутри рассматриваемого грамматического класса [9. С. 117]. С природной размытостью и зыбкостью контуров неизменяемых частей речи связывает основные трудности их классификации и В.Г. Гак. Другая не менее важная причина, по мнению теоретика французского языка, связана со схожестью и многообразием выполняемых ими функций и выражаемых ими оттенков значений. Так, предлог и союз обладают равнозначной связующей функцией; предлог и наречие имеют не только высокую степень семантической, но и этимологической общности [10. С. 213].

Наряду с вышеупомянутыми проблемами, связанными с изучением неизменяемых частей речи, особенно остро в современной теории французского языка предстает проблема четкого разграничения предлога от такого смежного грамматического явления, как префикс. Как и в случае с наречием, предлоги и префиксы не только в большинстве своем имеют общую этимологию, но и выражают одно и то же семантическое значение [10. С. 213]. Более того, некоторые единицы, относимые *a priori* к разряду предлогов, способны, в то же время, выступать в роли полноценных формообразующих элементов. Речь идет, в частности, о таких предлогах, как *avant(-)*, *après(-)*, *contre(-)*, *entre(-)*, *sous(-)* и т.п. [11. Р. 67].

В позднеантичной грамматической традиции неизменяемым частям речи отводится достаточно важное место. Так, в трудах наиболее авторитетных Доната и Присциана наречие, предлог, союз и междометие не только предстают в качестве обязательных объектов описания, но и каждый из них наделяется статусом самостоятельной части речи. В этом им следуют и авторы наиболее известных французских грамматик XVI в. На основании проведенного нами анализа было выявлено, что в работах Л. Мерге (1550), Р. Этьена (1557), Ж. Гарнье (1558), А. Коши (1670) наречия, предлоги, союзы и междометия выступают в качестве самостоятельных элементов частеречной системы, а их описание осуществляется в рамках отдельных глав или книг. Описание такой специфической единицы, как префикс происходит при этом в рамках предлога.

А. Матье, в отличие от большинства своих современников, отходит от опоры на каноническую модель латинской грамматики в том, что касается перечня и состава частей речи. В этом основным источником его рассуждений служит третья книга трактата известного итальянского гуманиста Пьетро Бембо «*Prose della volgar lingua*» (1525). Как отмечает А. Жактен-Годе, третья книга «*Prose*» является полным прототипом второго издания «*Devis*», на что указывает идентичность их структурного построения и тематики [12. Р. 29]. Как и П. Бембо, А. Матье не заявляет используемые им принципы классификации частей речи, так же как и не приводит их фиксированного списка. Тем не менее на основе текстологического анализа «*Devis*» 1560 г. нами было выявлено, что автор не рассматривает неизменяемые части речи в качестве самостоятельных единиц. Наречие, предлог и союз объединяются им в единый класс «частиц» (*particules*) и описываются вместе с глаголом. К «частицам» Абель Матье относит и префикс. Что касается междометия, его описание вовсе отсутствует на страницах второго «грамматического» издания авторского трактата.

Итак, анализ класса «частиц» А. Матье начинается именно с префикса. Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей французского префикса, автор «*Devis*» приводит его дефиницию, как того требовал общепринятый алгоритм грамматического описания частей речи. Он пишет: «*Lesdicts nerfs et liens d'oraison sont simples naturellement et aucunesfoys sont serrez avecquies particules qui les changent, ou les augmentent, ou les diminuent*» (Вышеупомянутые гла-

голы являются простыми от природы, но иногда могут соединяться с частицами, которые изменяют, расширяют или сужают их значение) [13. Ф. 33]. Из данного определения следует, что в отличие от многих других авторов ренессансных грамматик, затрагивающих проблему префикса в своих работах, А. Матье не причисляет его к одной и той же группе слов, что и предлог. А. Жактен-Годе обратила внимание на то, что кроме описания природы и функциональных особенностей французских префиксов А. Матье сумел достаточно точно охарактеризовать их семантические оттенки [12. Р. 212]. В качестве примера функционирования префикса автор «*Devis*» приводит вертикальную схему-парадигму, построенную на принципе бинарной оппозиции, где в левой части оказываются глаголы с исходным лексическим значением, а в правой – с измененным в результате присоединения префикса:

lier, delier _____
faire, parfaire _____
dire, dedire _____
bien faire, malfaire ou mesfaire _____
plaire, desplaire _____

[13. Ф. 33].

Переходя к описанию французского предлога, А. Матье дает ему такое определение: «<...> *par ce moyen changent leurs [verbes] facons de Joindre lez motz par autres particules communes, et autres de mouvement et de repos* <...>» (тем самым меняется их способ [глаголов] присоединения к словам посредством общих частиц, а также частиц, выражающих движение или покой) [Там же]. Несмотря на то что определение предлога у автора «*Devis*» носит остенсивный характер и отличается меньшей развернутостью и эксплицитностью, чем определения данной части речи у большинства авторов французских объяснительных грамматик XVI в. (Л. Мерге, Р. Этьен, П. Рамюс и др.), в целом оно не выходит за рамки греко-латинского канона. Так, в роли главных признаков в характеристике предлога А. Матье признаются его служебная и связующая функции. При этом он акцентирует внимание на том, что способы связи слов с помощью предлога могут варьироваться при наличии или отсутствии глагольного префикса. Свои наблюдения за особенностями французского узуса автор «*Devis*» подкрепляет классическим примером с использованием глагола движения *venir*:

ie viens au temple ---- ie reuiens du temple
ie viens à l'église ----, ie reuiens de l'église

[Там же].

Как видно, в основу данного правила А. Матье закладывает тот же принцип бинарной оппозиции, что и при описании префикса. Фразам слева с использованием глагола *venir* в значении «движение в направлении куда-то» и требующим использования после себя предлога *à* с идентичным значением, он противопоставляет фразы с видоизмененным с помощью префикса глаголом *revenir*, получающим противоположное значение и обязывающим замену предлога *à* на соответствующий по семантике предлог *de*.

Способность французского предлога выражать не только грамматическое, но и лексическое значение

является вторым немаловажным признаком, косвенно затронутым А. Матье в определении данной части речи. Именно на основе различий в оттенках лексического значения предлога авторы грамматик производят выделение основных лексико-семантических групп в его составе. В своей работе А. Матье ограничивается перечислением лишь некоторых единиц, причем в одном ряду у него оказываются как разные типы предлогов, так и слова, принадлежащие к другим частям речи (артикли): «à, aux, de, là, cà, dela, deca» [13. F. 34]. Отказ автора «Devis» от целостного представления системы французского предлога вовсе не означает, что он не различает всех его групп. Особый жанр «рассуждений о языке», избранный А. Матье для изложения собственных воззрений на язык, освобождает его от детального изложения грамматического материала и позволяет сконцентрироваться только на тех явлениях, которые, по его мнению, представляются наиболее значимыми или имеют некоторые особенности в употреблении. Исходя из этого, выбор А. Матье полифункциональных предлогов à и de в качестве модели функционирования всей предложной системы французского языка более чем оправдан. Согласно историкам французского языка, данные предлоги относятся к числу фундаментальных и являются основой для образования целого ряда составных предлогов [14. С. 16; 15. Р. 119; 16. С. 343].

От представления состава и особенностей употребления предлога А. Матье напрямую переходит к описанию системы французского наречия. Отсутствие четкого разграничения между двумя грамматическими классами слов в концепции А. Матье имеет достаточное основание. Как отмечает Ж. Пиккош, вплоть до XVII в. многие наречные слова во французском языке могли одинаково употребляться в качестве предлогов, так же как и многие предлоги выполняли функции наречия [17. Р. 282]. Объясняя, в чем состоит природа и назначение французского наречия, А. Матье пишет следующее: «[il existe] autres particules qui remplissent le nerf, ou luy baillent ornement et figure du temps, du lieu, de qualité, et de quantité» ([существуют] другие частицы, которые дополняют и украшают глагол, придавая ему значение времени, места, количества и качества) [13. F. 34]. Таким образом, в основу характеристики наречия А. Матье закладывает его определительную функцию, что в полной мере соответствует пониманию смысла данной части речи в рассматриваемую эпоху.

О широком разнообразии значений наречия шла речь в большинстве ренессансных описаний французского языка. Как пишет Е.Н. Михайлова, грамматистами XVI в. выделялось до трех десятков их семантических «разновидностей». В центре этой системы находились наречия времени, места, качества и количества, в то время как периферия была представлена такими значениями, как вопрос, ответ, утверждение, отрицание, запрещение, клятва, указание, противоречие, повтор, согласие, сомнение, ликование и др. [18. С. 108]. Исходя из определения наречия, сформулированного на страницах «Devis», из всего вышеперечисленного списка в фокус внимания автора попадают

именно первые четыре типа. Выбор в их пользу вновь продиктован установкой А. Матье на максимальный учет особенностей узуса. Так, по свидетельству историков французского языка, наречия времени, места, качества и количества являлись в то время не только самыми многочисленными, но и обладали наибольшей частотностью употребления [17. С. 282; 19. Р. 53–57; 20. С. 317]. Для представления того, какие слова входят в состав каждого из четырех выделяемых им лексико-семантических типов наречий, А. Матье использует следующую схему-парадигму:

– du temps, tost, tard, plustost, plustard
– du lieu, icy ---- d'icy ---- ou [où] ---- dou [d'où] ---- dont ----
– de qualité, bien ---- mal ---- honnestement ---- meschamment ---- hardiment ---- froidement ---- chaudement ---- bellement ---- vistement.
– de quantité, moins, plus ---- beaucoup ---- peu ---- trop ----

[13. F. 34].

Система французского союза по сравнению с другими неизменяемыми классами слов получила в трактате наиболее сжатое изложение. Называя данные единицы «грациозными связками» (les liaisons gracieuses) А. Матье подчеркивает тем самым важность их использования для создания красивой и производящей эффект речи. В частности, он пишет: «[ces] liaisons gracieuses <...> ont si grand grace à qui en scayt bien user <...> et donnent effect à la parolle et au devis» ([эти] грациозные связки придают изящество тому, что умеет их использовать, и обеспечивают эффектную речь) [Там же]. Из двух основных семантических типов союзов – сочинительных и подчинительных – автор «Devis» в своем изложении отдает предпочтение последним. Обходя стороной вопросы природы и смысла подчинительных союзов, а также их синтаксических свойств, он все же предоставляет список некоторых из них в виде линейной парадигмы:

si ---- veu ---- que ---- combien ---- ia saiche ----

[Там же].

При этом обращает на себя внимание отсутствие каких-либо примеров, иллюстрирующих нормы употребления данного типа союзов, что, впрочем, было частым явлением на страницах французских ренессансных грамматик. Как пишет А. Жактен-Годе, если грамматисты XVI в. и посвящали отдельные параграфы изучению французских союзов, то в большинстве случаев они ограничивались лишь простым перечислением наиболее употребительных из них [12. Р. 53].

Итак, несмотря на кажущуюся лаконичность, воззрения А. Матье на проблему неизменяемых частей речи, получившие отражение во втором издании трактата «Devis de la langue francoyse» (1560), представляют несомненный интерес для исследования. Он выражается тем, что они наглядно демонстрируют один из путей, по которым в XVI в. происходило осмысление тех реалий французского языка, которые требовали выработки качественно новых принципов грамматического описания. Специфика интерпретации неизменяемых частей речи в концепции А. Матье состоит, во-первых, в отказе от рассмотрения их в качестве самостоятель-

ных элементов частеречной системы, что идет вразрез с позицией как позднеантичных, так и ренессансных грамматистов; во-вторых, в размытости и подвижности грамматической парадигматики рассматриваемых единиц, свидетельствующей о незавершенности процесса

их формирования во французском языке на период выхода в свет «Devis». Наконец, она состоит во фрагментарном отображении их системы, что продиктовано главенством узального аспекта в лингвистической концепции А. Матье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne. Liège : Margada, 1992. 399 p.
2. Dumont-Demaizière C. La grammaire française au XVIe siècle: Les grammairiens picards: Thèse, P. : Didier-Erudition, 1983. 1096 p.
3. Colombat B. La Grammaire latine en France à la Renaissance et à l'Âge classique. Théories et pédagogie. Grenoble : ELLUG, 1999. 728 p.
4. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания. М. : Изд. центр «Академия», 2003. 672 с.
5. Михайлова Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения (класс имен) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 298 с.
6. Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). М. : КомКнига, 2006. 304 с.
7. Косарик М.А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии «Лингвистическая доктрина Португалии XVI–XVII веков: Теория и практика описания языка». Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М. : МАКС Пресс, 2013. 228 с.
8. Ponchon T., Shyldkrot H., Bertin A. Mots de liaison et d'intégration: Prépositions, conjonctions et connecteurs. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. 246 p.
9. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Le français. Теоретическая грамматика: ускоренный курс. М. : Высш. шк., 1991. 304 с.
10. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. 832 с.
11. Amiot D. Préfixes ou prépositions? Le cas de sur(-), sans(-), contre(-) et les autres // Lexique. Presses Universitaires de Septentrion. 2004. P. 67–83.
12. Jacquetin-Gaudet A. Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560 / Abel Mathieu ; texte original transcrit et annoté. Paris : H. Champion, 2008. 279 p.
13. Mathieu A. Second devis et principal propos de la langue francoyse. Paris : Richard Breton, 1560. 39 f.
14. Скредина Л.М. История французского языка: на фр. яз. М. : Высш. шк., 1972. 311 с.
15. Marchello-Nizia, Ch. Le français en diachronie : douze siècles d'évolution. P. : Ophrys cop., 1999. 170 p.
16. Скредина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М. : Высш. шк., 2001. 463 с.
17. Picoche J., Marchello-Nizia Ch. Histoire de la langue française. P. : Nathan, 1994. 397 p.
18. Михайлова Е.Н. Проблема наречия в ренессансных описаниях французского языка // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Ярославль, 2009. С. 105–110.
19. Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. T. 6. Syntaxe : particules et verbes. Copenhagen: Goldendalske bogh., Nordisk fori, 1930. 450 p.
20. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1963. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июня 2018 г.

THE SPECIFICITY OF THE INVARIABLE PARTS OF SPEECH DESCRIPTION IN ABEL MATHIEU'S (1520?–1572?) LINGUISTIC CONCEPTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 48–52.

DOI: 10.17223/15617793/435/6

Alina D. Sirotenko, Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation); The Nice Sophia Antipolis University (Nice, France). E-mail: aline-bel@rambler.ru

Keywords: Abel Mathieu; 16th-century French linguistic tradition; Greco-Latin canon; preposition; prefix; adverb; conjunction; usage; reflections on language.

This article deals with the particularities of the invariable parts of speech description in Abel Mathieu's (1520?-1572?) linguistic conception exposed in his treatise “Devis de la langue francoyse” (1559, 1560, 1572). The research is based on the second edition of “Devis” (1560), entirely devoted to the grammatical system of the French language. According to the author of the article, the invariable parts of speech treatment in Abel Mathieu's conception shows much well one of the ways of reconsidering the ancient linguistic canon postulates conformably to the new language-object of the grammatical description. The sense of this way is to take a proper account of the French usage particularities, whose system had gained some specific traits by the 16th century. The analysis undertaken in the research reveals that Mathieu rests upon P. Bembo's “Prose della volgar lingua” (1525) while describing the invariables, in contrary of the majority of French Renaissance grammar authors (L. Meigret, R. Estienne, J. Garnier, J. Pillot, A. Cauchie and others), who depended on Donat's and Priscian's Latin grammar authority. As a result, Mathieu refuses to consider preposition, adverb and conjunction as independent parts of speech, and regroups them under the common class of “particules”. Moreover, he separates preposition and prefix as two different groups of words on principle, and describes them one after the other. Still, Mathieu's reflections on the nature and functions of the invariables conform in full to the typical reflections of the period in question. Another particularity of the invariable parts of speech treatment in Mathieu's conception is its fragmentary character. So, among some three tens of semantic types of adverb, he focuses only on four of them: time, place, quantity and quality. In the frame of the prepositional system description, Mathieu comes to nothing more than a simple enumeration of the most frequently used ones. The same selectivity is proper to the conjunction description. Such a relative lack of an integral invariable parts of speech system representation in “Devis” can be explained, in the author's opinion, by two main reasons. On the one hand, it can be explained by the genre singularity of the treatise. Its genre of “reflections on the language”, allows Mathieu to be concentrated only on the grammatical elements which seem the most important to him, or have some usage particularities. On the other hand, the fragmentary character of the invariable parts of speech treatment in “Devis” can be explained by the predominance of the usage aspect in Mathieu's linguistic conception.

REFERENCES

1. Aurox, S. (ed.) (1992) *Histoire des idées linguistiques* [History of linguistic ideas]. Vol. 2. Liège: Margada.
2. Dumont-Demaizière, C. (1983) *La grammaire française au XVIe siècle: Les grammairiens picards: Thèse* [French grammar in the sixteenth century: The Picard grammarians: Thesis]. Paris: Didier-Erudition.
3. Colombat, B. (1999) *La Grammaire latine en France à la Renaissance et à l'Âge classique. Théories et pédagogie* [Latin Grammar in France in the Renaissance and the Classical Age. Theories and pedagogy]. Grenoble: ELLUG.
4. Amirova, T.A., Ol'khovikov, B.A. & Rozhdestvenskiy, Yu.V. (2003) *Istoriya yazykoznaniya* [History of linguistics]. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".
5. Mikhaylova, E.N. (2000) *Grammaticheskaya traditsiya frantsuzskogo Vozrozhdeniya (klass imen)* [Grammatical tradition of the French Renaissance (class of names)]. Philology Dr. Dis. St. Petersburg.
6. Raevskaya, M.M. (2006) *Ispanskoe yazykovoe soznanie Zolotogo veka (XVI–XVII vv.)* [Spanish linguistic consciousness of the Golden Age (15th–17th centuries)]. Moscow: KomKniga.
7. Kosarik, M.A. (2013) *Opisanie yazykovoy sistemy v rannikh lingvisticheskikh pamyatnikakh Portugalii "Lingvisticheskaya doktrina Portugalii XVI–XVII vekov: Teoriya i praktika opisaniya yazyka"* [Description of the language system in the early linguistic monuments of Portugal "The linguistic doctrine of Portugal of the 16th–17th centuries: Theory and practice of language description"]. Vol. I. Moscow: MAKSS Press.
8. Ponchon, T., Shyldkrot, H. & Bertin, A. (2017) *Mots de liaison et d'intégration: Prépositions, conjonctions et connecteurs* [Link and Integration Words: Prepositions, Conjunctions and Connectors]. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
9. Vasil'eva, N.M. & Pitskova, L.P. (1991) *Le français. Teoreticheskaya grammatika: uskorennyy kurs* [Le français. Theoretical Grammar: A brief course]. Moscow: Vyssh. shk.
10. Gak, V.G. (2000) *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow: Dobrosvet.
11. Amiot, D. (2004) Préfixes ou prépositions? Le cas de sur(-), sans(-), contre(-) et les autres [Prefixes or prepositions? The case of sur(-), sans(-), contre(-) and others]. *Lexique*. 16. pp. 67–83.
12. Jacquetin-Gaudet, A. (2008) *Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560. Abel Matthieu; texte original transcrit et annoté* [Quotation of the French language, 1559; follow-up of the Second quotation and main speech of the French language, 1560, by Abel Matthew; original text transcribed and annotated]. Paris: H. Champion, 279 p.
13. Matthieu, A. (1560) *Second devis et principal propos de la langue francoyse* [Second quotation and main speech of the French language]. Paris: Richard Breton.
14. Skrelina, L.M. (1972) *Istoriya frantsuzskogo yazyka: na fr. yaz.* [History of French: in French]. Moscow: Vyssh. shk.
15. Marchello-Nizia, Ch. (1999) *Le français en diachronie: douze siècles d'évolution* [French in diachrony: twelve centuries of evolution]. Paris: Ophrys cop.
16. Skrelina, L.M. & Stanovaya, L.A. (2001) *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of French]. Moscow: Vyssh. shk.
17. Picoche, J. & Marchello-Nizia, Ch. (1994) *Histoire de la langue française* [History of French]. Paris: Nathan.
18. Mikhaylova, E.N. (2009) [The problem of adverbs in the Renaissance descriptions of the French language]. *Yazyk i mysl': traditsii i novye paradigmy* [Language and thought: traditions and new paradigms]. Proceedings of the Conference. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 105–110. (In Russian).
19. Nyrop, K. (1930) *Grammaire historique de la langue française* [Historical grammar of French]. Vol. 6. Copenhagen: Goldendalske bogh., Nordisk fori.
20. Katagoshchina, N.A., Gurycheva, M.S. & Allendorf, K.A. (1963) *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of French]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yazykakh.

Received: 11 June 2018

УДК 821.161.1

Л.С. Старикова

МЕТАТЕКСТОВАЯ СТРУКТУРА И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ В.Е. МАКСИМОВА «КОЧЕВАНИЕ ДО СМЕРТИ» (1994)

Метатекстовая структура романа отражается через рефлексивный характер повествования, через выбор формы «роман в романе», вставные тексты, которые как метаповествовательные приемы актуализируют общение автора с читателем, влияние на его восприятие и трактовку текста, интертекстуальный диалог с традицией каторжной литературы (смысломоделлирующая функция), подлинность исторического факта (документально-историческая функция), комментарий к тексту, способ завершения романа (композиционная функция).

Ключевые слова: метатекст; метатекстовая структура; рефлексия; вставные тексты; роман в романе; феномен творческой неудачи; лагерная проза; В.Е. Максимов; «Кочевание до смерти».

Роман «Кочевание до смерти» был написан за год до смерти писателя и стал итоговим для Владимира Максимова. В нем он вновь обратился к истории революции, Гражданской войны и к описанию лагерной жизни, эмиграции, основанным частично на его личной биографии, – ко всем основным проблемным векам, трагическим, переломным моментам российской истории XX в. Их автор затрагивал и в предыдущих произведениях и отражал через частного человека, т.е. историческую концепцию личности, складывающуюся, по мнению И.М. Поповой, «из мировоззрения человека определенной исторической эпохи и его представлений о сущности прогресса» [1. С. 170].

В целом проблема нашего исследования заключается в раскрытии образа зоны в метатекстовой структуре произведения. С этой позиции лагерная проза демонстрирует обширный метатекстовый потенциал. Рассматривая образ зоны, мы обнаружили метатекстовые признаки в цикле «Воскрешение лиственницы» В. Шаламова (творческий хронотоп, мышление литературными образами героя-писателя / поэта и т.д.), в повести «Зона» С. Довлатова (структурное построение – письма к издателю, акцент на присутствии автора в тексте и т.д.). Всех этих писателей отличает рефлексия над прошлым и над творчеством, через которое они пытаются отразить свой лагерный опыт. В романе «Кочевание до смерти» Владимир Емельянович Максимов затронул проблемы, напрямую связанные с вопросами творчества и рефлексивным характером повествования, которое выводит нас на уровень метатекста. Это темы писательского призвания, таланта, неудавшегося произведения и неудавшейся писательской судьбы.

Целью данной статьи является анализ и описание метатекстовой структуры романа «Кочевание до смерти», включенного тематически в лагерную прозу; задачами – выявление сфер эксплицитного автора, определение внутренних потребностей героя в творчестве, причин его писательских неудач.

Метатекст, по нашему представлению, – это интерпретация текста по законам его внутренней структуры, его условной реальности, это рефлексия авторского сознания над собственным текстом (литературная саморефлексия; явления второго и третьего ряда), проявляющаяся в композиционной и сюжетной

структуре произведения. Метаповествовательные приемы (для удобства будем использовать устоявшийся термин [2]), из которых складывается метатекстовая структура произведения, понимаются нами как специфические способы отображения метатекста, используемые эксплицитным автором; среди них выделяем следующие: герой является писателем / поэтом; присутствие автора в тексте; непосредственные случаи рефлексии над собственным и чужим творчеством, или авторефлексия; творческий хронотоп, отражающийся в создании художественного образа с помощью литературных отсылок, книжного мышления автора и героев; вставные тексты интертекстуального плана, «текст в тексте»; роман в романе, роман о романе, написание героем собственного текста. Возможны и другие приемы, пока не попавшие в круг нашего анализа.

Метатекст тесно связан с автобиографическим началом, поскольку авторы, рефлексиирующие над своим творчеством либо над жизненным опытом в самом произведении через своих героев-двойников (что мы видим у писателей лагерной прозы), используют для анализа и интерпретации реальный материал, как правило, из своей жизни. Т.О. Личманова, обобщая характеристики такого явления, как «новый автобиографизм», выделяет некоторые важные моменты в отношении метатекстовых проявлений автобиографических произведений: «формирование образа автора-героя, понимание жизни которого максимально приближено к авторскому, что приводит к доминированию личности автора в тексте и моноличности повествования» [3. С. 259]. Роман Максимова во многом автобиографичен, писатель был в лагере, эмигрировал, как и его герой Михаил Бармин. Автобиографический характер произведений писателя отмечают многие исследователи, например А.Р. Дзиов [4], Ю.Л. Дмитриева [5], А.Е. Умнов [6].

Относительно характеристики жанра данного романа, который мы считаем метароманом, хотелось бы прокомментировать утверждения некоторых ученых, считающих «Кочевание до смерти» филологическим романом [7–9], возможно, в силу времени написания их работ (1990-е и начало 2000-х). Например, А.В. Баклыков пишет: «Наличие многочисленных лирических отступлений в романе “Кочевание до

смерти» и использование приема «роман в романе», который, якобы пишет главный герой, позволяет говорить о важности темы творчества, психологии творческого процесса, что дает возможность определить жанровую разновидность произведения как «филологический роман»» [Там же]; «Способы изображения темы творчества в романе Владимира Максимова «Кочевание до смерти» позволяют говорить о нем как о «филологическом романе», в котором творческий процесс, психология и философия творчества писателя занимают важнейшее место, определяя его жанровое своеобразие» [Там же]. Филологический роман – уже устоявшийся жанр (см. например, [10, 11]), это тот роман, в котором герой – филолог, роман о филологе или филологии как науке, профессии, есть отражение отношения героя к культуре через литературоведческое творчество и т.д. «В «филологическом романе» граница между non-fiction и fiction практически неопределима, комментарий растворяется в повествовании, не претендуя на абсолютное выяснение происходящего и его объективное толкование, совмещающиеся тексты функционируют по отношению друг к другу как маргиналии с подвижными границами» [12. С. 133]. С этой точки зрения с утверждением Баклыкова нельзя согласиться. «Кочевание до смерти» – в большей степени исторический роман, реалистическая проза; главная проблема для В. Максимова – не филология (хотя есть проблема творчества, проблема писательской судьбы, герой – писатель, но не филолог), а человек (и Человек, отдельная личность) в Истории.

Продолжая определять жанровую характеристику «Кочевания до смерти», обратимся к мнению исследователей И.М. Поповой и Л.Е. Хворовой, которые издали курс лекций «Проблемы современной русской литературы» (Тамбов, 2004), где 3-я глава «Жанровостилевая диффузия в романах Владимира Максимова 1980–90-х годов» лекции III «Русская литература 1970–90-х годов: динамика художественной системы прозы Владимира Максимова» охватывает роман «Кочевание до смерти». Они считают данный роман примером совмещения принципов реализма и постмодернизма: «Оставаясь в рамках реалистической эстетики, В. Максимов воплотил в своих поздних романах “Прощание из ниоткуда” (1981) и “Кочевание до смерти” (1994) некоторые постмодернистские принципы: “текст как игра”, “мир как текст”, “культура как игра”» [13]. Мы не можем согласиться с данной идеей. Максимов строит свой роман по принципу метатекста, но игры у него нет, тем более в принципах постмодернизма.

В романе разворачивается три уровня повествования: судьба и жизнь главного героя-нарратора Михаила Бармина в настоящем времени (эмиграция, 1960-е гг.); жизнь в прошлом времени (воспоминания героя о юности и молодости, 1930–1960-е гг.); роман главного героя о его отце, воплощающий идею о судьбе отдельного человека в истории (примерно 1910–1960-е). Таким образом, роман построен как взгляд из настоящего в прошлое, как рефлексия над прошедшими событиями.

Герой-рассказчик сам объясняет, почему он рас-

сказывает о прошлом, т.е. объясняет выбор формы своего произведения. Фактически герой-писатель раскрывает замысел своего творчества читателям, что является метаповествовательным приемом – автор делает акцент на своем присутствии в тексте. Одиночество толкает его на разговор с бумагой, и к тому же кошмары прошлого должны найти какой-то выход из памяти человека, чтобы освободить его: «Наверное, Вадим прав: неподъемно для человека отделаться от своего прошлого, пересказав это прошлое на бумаге, оно все равно вернется к нему и будет терзать его до конца дней, а глядишь, и после этого. Но жить с этим наедине я тоже не могу...» [14. С. 605]. Так сразу появляется метатекст, роман в романе, произведение главного героя Михаила Бармина начинается с вопроса «Как возникает книга?» [Там же. С. 531], т.е. с темы творчества, с темы написания романа. Творчество для героя – попытка пережить прошлое, акт творчества становится выходом из одиночества. Это и есть рефлексия: он смотрит в прошлое (свое и страны), анализирует воспоминания и воплощает их в художественный текст на глазах у читателя.

Форма написания романа отражает рефлексивное мышление героя. Поиски смысла жизни, смыслов прошлого и истории находятся в его книге. Следствием личностного поиска является создание романа через повторное переживание своего прошлого и исторического прошлого страны. Все случившееся с ним, исторические события, ломавшие его душу, привели к депрессии, душевному изнеможению и истощению. Неразрешимость поиска, который плавно перетекал в алкогольное опьянение, помогающее воскресить образы прошлого в сознании, привела героя к самоубийству как к выходу из творческого процесса. У героя Максимова особый процесс творчества – в забытьи, из памяти прошлого через пьянство и одурь, через некую бездну, книга затягивает, «как омут» [14. С. 690]. Для Бармина это оказывается закономерным, так как он – «человек с горьким жизненным опытом, опустошенный и разочарованный, мучительно старается понять: что же, какая сила управляет жизнью, почему плодами деятельности человека на планете становятся главным образом зло и несправедливость?» [15. С. 50].

Одно из проявлений метатекстового повествования, по нашему мнению – наличие вставных текстов (в том числе интертекстуального характера) или «текста в тексте», что является отражением работы эксплицитного автора. По мнению М.Н. Кулаковского, вставные конструкции наиболее свойственны автобиографическим произведениям: «Такие вставные конструкции могут передавать дополнительную событийную информацию, связанную с автором (повествователем), а также принимать активное участие в раскрытии внутреннего мира повествователя» [16. С. 16].

Во-первых, рассмотрим самый первый вставной текст – это эпиграф из книги путевых очерков / записок А.П. Чехова «Остров Сахалин» [17]: «В конце концов, изнуренная половым стремлением и голодом, она погибает, и уже в среднем течении реки начинают встречаться во множестве уснувшие экземпля-

ры, а берега в верхнем течении бывают усеяны мертвой рыбой, издающей зловоние. Все эти страдания, переживаемые рыбой в период любви, называются “кочеванием до смерти”, потому что неизбежно ведут к смерти, и ни одна из рыб не возвращается в океан. А погибают в реках» [14. С. 524]. Таким образом В. Максимов сразу ставит свое произведение в контекст лагерной прозы, при этом – первой, каторжной, ссыльной. И.М. Попова так подчеркивает значимость соотношения заглавия романа с Чеховым: «Автор проводит аналогию между рыбой, гибнущей во время нереста, и россиянами, доведенными революцией, гражданской и отечественной войнами, репрессиями до таких страданий, что их жизни превратились в “кочевание до смерти”...» [18]. По мнению А.Е. Умнова, в эпиграфе «заложена одна из главных мыслей писателя – о трагическом противоречии XX столетия, когда в результате революционного переворота началась бесконечная эпоха “кровавого безвременья”» [6. С. 1012–1013]. Название романа имеет различные смыслы, но также оно характеризует и жизнь самого Бармина – автор довел повествование до своей смерти, при этом собственную жизнь он воспринимал как *«долгое путешествие в никуда»* [14. С. 657]. Интересно, что в эпиграфе говорится об уснувших рыбах (сон – смерть), а герой засыпает навечно, включив газ.

Еще одна связь с эпиграфом отражается в размышлениях героя на кладбище эмигрантов об их судьбе: *«Бывая здесь и проходя мимо них, я всегда ловлю себя на зыбкой мысли, что рано или поздно моему имени предстоит пополнить эту непреходящую коллекцию, собранную здесь со всех концов России и ее диаспоры. Что, какой рок, инстинкт, зов, какая Божественная или человеческая воля гнала этих случайных странников по миру, чтобы в конце концов собрать их здесь, под чужим небом и на чужой земле? Сквозь версты и годы, фронты и зоны, через печали и скорби, обдирая в пути бока и души, словно рыба на нерест, они пробивались сюда заканчивать свой век и оставлять потомство для новых странствий»* [14. С. 591]. Выходит, что эмигранты плыли в другую страну умереть, как лосось на нерест (оставить потомство в безопасном месте), но плыли не домой, а из дома. Они нарушили закон родства и патриотизма, их вынудили так сделать, а теперь они умирают на чужой земле. Тема утраченного дома сплетается с темой покинутой родины (Россия = дом) в историческом контексте. Стоит отметить, что главный герой не оставляет после себя потомства.

Метатекстовое повествование проявляется также через ввод такого персонажа в лагерной больнице, как Варлам Шаламов. По представлению В. Максимова, в своих речах Шаламов обличает главные противоречия социальных слоев: ненависть к блатарам и желание спасти мозг нации – интеллигентов. Этим автор одновременно снова акцентирует связь с традициями лагерной прозы и одного из ее первых основателей, а также подчеркивает интертекстуальность повествования, характеризуя творчество писателя через его образ. В. Шаламов сравнивается с лиственницей: *«Был он высок, болезненно худ, но заметно крепок той*

внутренней упругостью, какая отличает бывалого зэка или скрученную в жгут северным солнцем лиственницу» [14. С. 581]. Это описание четко отражает центральные образы творчества В. Максимова: крепкий внутренний стержень негибаемого нравственно человека, образ лиственницы.

Мало того, что сама структура показывает рефлексию автора, книга является романом в романе, так еще и в этих разных пластах повествования есть вставные тексты. Они отражают двойную закодированность по определению Ю.М. Лотмана: «Игра на противопоставлении “реального / условного” свойственна любой ситуации “текст в тексте”. Простейшим случаем является включение в текст участка, закодированного тем же самым, но удвоенным кодом, что и все остальное пространство произведения. Это будут картина в картине, театр в театре, фильм в фильме или роман в романе» [19]. 7-я глава первой части – отрывок из историко-биографического очерка А.И. Деникина «Очерки русской смуты» [14. С. 624]. Основная функция отрывка – документально-историческая, подтверждающая подлинность истории. 13-я глава третьей части романа является косвенным вставным текстом, подтверждающим фактичность истории: автор указывает, что все факты в этой главе взяты из книги Н. Толстого «Жертвы Ялты» (подзаголовок: «Исследования новейшей русской истории»). Под общей редакцией А.И. Солженицына [Там же. С. 719]. Через это произведение и имя Солженицына автор опять же присоединяет свое произведение к направлению лагерной прозы. Также делает акцент на историчности и объективности (*исследования*) описываемых им событий.

Один из самых загадочных вставных текстов в романе (множество фрагментов из газетных статей) – это последняя глава. До этих заключительных фрагментов герой совершает самоубийство. А газетные объявления – некое послесловие автора. Нет никакого комментария и т.п. про его похороны или других героев, так как Бармин сам был рассказчиком. Но все-таки есть последняя глава с газетными вырезками, и это слово автора о призрачности человеческой жизни и ее необходимости. Три раздела в ней в основном отражают три главных события, три главных этапа в жизни любого человека. Структурно заключительная глава разделена на три части, в каждой из которых свои объявления: 7, 9 и 3 объявления соответственно. Основная их часть в каждом разделе однородна. Вся жизнь в итоге свелась к трем разделам (как будто из газеты): 1) гадание на будущее, ожидание, поиск (4 объявления); 2) знакомства, семейное счастье, поиск второй половины (тема любви) (8 объявлений); 3) объявления похоронных бюро и предложение об уходе за могилами (смерть) (3 объявления). Вот и вся жизнь, по автору. И все это – химера, образ которой так важен для писателя на протяжении романа.

Химера как необоснованная, несбыточная идея мучает героя-писателя и не дает покоя, который он в итоге находит в самоубийстве. Этот образ предстает как некий поиск зыбкой истины, которую герой хочет уловить в событиях своей жизни и которой он хочет заполнить внутреннюю пустоту. Он представ-

ляет себя полой скорлупой, «в чьей смрадной пустоте лениво кружатся фантомы и химеры прошлого» [14. С. 525]. Этот образ всплывает параллельно процессу творчества, связывается с темой времени и неразгаданного прошлого, над которым бьется герой: «Хотя порою меня настигает пугающее предположение, что за этой тайной прячется лишь пустота, бездна, ничто, откуда призрачные химеры язвительно подмигивают и показывают мне язык» [14. С. 642]. Роман героя оканчивается смертью отца, и Михаил Бармин, завершив книгу, решает прервать реальную жизнь. Так текст проникает в жизнь, руководит ей: завершение романа требует от писателя реальной трагедии. Как и в случае с рыбой (вспомним эпиграф), которая не может не умереть, выполнив цель продления жизни, герой, придя к концу роману, не может остаться жив.

Итак, вставные тексты выполняют разные функции в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». Во-первых, актуализация интертекстуального диалога, как в случае с эпиграфом (смысломоделирующий элемент); во-вторых, документально-историческая функция подлинности исторического факта (воздействие на читателя); в-третьих, комментарий ко всему тексту, способ завершения романа (структурное построение). Основная функция любых метатекстовых элементов – общение автора с читателем, воздействие на читателя, влияние на его восприятие и трактовку текста: «Средства метатекста, выполняя строевую, связывающую функцию, воздействуют на психическую сферу внимания реципиента, стимулируя тем самым смысловое восприятие» [20. С. 72].

Герой-писатель Михаил Бармин не только рефлексировал над прошлым и над своим тестом, он много размышляет о писательской судьбе, о призвании, о творчестве как об отдельном феномене. Например, он говорит о цене писательской судьбы: «пулю, петлю, тюрьму, суму и те самые медные трубы, оплаченные кровью, изгнанием, одиночеством» [14. С. 555]. От своих собственных изданных книг он сначала испытывает неопишемую радость, а потом приходит лишь «зола забвения» [Там же].

Бармин много размышляет о природе творчества вообще и о своем примере творчества, он признается, что если будет бездарным писателем, то «тогда уж лучше в петлю» [14. С. 556], т.е. не приемлет неудачи в творчестве. Если не состояться на этом поприще, то нужно умереть. Таким образом, можно говорить о феномене неудачного творчества в романе «Кочевание до смерти». «Творческая неудача – прежде всего собственное признание креативной несостоятельности, которому сопутствует радикальное разочарование в выбранном пути... Это горечь несоответствия своего настоящего его идеальной возможности» [21. С. 297]. Герой Максимова чувствует себя недостаточным профессиональным для этого призвания. Написание книги очень сложно и тяжело дается герою, он тратит на нее всю свою душевную силу, отдает всего себя: «Тем труднее мне теперь, когда я берусь за непосильный труд воскресить не пережитое мной, не пропущенное через самого себя, через собственную душу, а события, отделенные от меня могилами не-

скольких поколений, мятежами и войнами, страхом и забвением» [14. С. 691].

Героя мучает даже писательская зависть, Михаил Бармин пишет, но не верит в свой талант: «Я куда больше видел, куда больше знал, куда сильнее чувствовал, но на бумаге оказывался не в состоянии выразить и тысячной доли того, что переполняло, захлестывало, сжигало меня». Он говорит о себе: «...нечто вроде меня, обреченно сгрызаемое прожорливым зверем невоплощенности» [Там же. С. 566] – здесь и рок, и инстинкты, и непризнанность таланта.

Мысли о писательской профессии отражают творческий пессимизм героя – «гора родила мышь»: «Гулкий мир, переполнявший меня, обернулся на бумаге набором расхожих баек из “красивой” воровской жизни» [Там же. С. 565]. Герой, как писатель, ощущает в себе много того, что он хотел бы высказать, а на деле его творчество не имеет значимости. Совершенно другой мир живет внутри него, он пережил нечто, отличающееся от обычной жизни других людей и от той жизни, которой он теперь будет жить. Этот мир нужно воплотить в творчество: «Он грозно гудел во мне – этот мир, готовый выплеснуться на бумагу по первому моему зову» [Там же. С. 657]. Но он не находит должного выхода, герой не может воплотить на бумаге все так, как ему хочется, он не может пережить такой творческой неудачи, для ее преодоления ему нужен алкоголь. Это опьянение, в котором он пишет и творит, показано как параллель писательскому наваждению, у Бармина оно выглядит именно таким образом – как другое состояние жизни, как омут, нечто отличное от обычной жизни.

Когда конец романа и одновременно жизни уже близок, подступает страх, но особый – боязнь не смерти, а не успеть закончить роман: «Дома я прежде всего хватаюсь за рукопись, она почти закончена, мне остается только попрощаться с ее героями и поставить точку. Меня охватывает панический страх, что со мной в любую минуту может случиться самое непоправимое и я не успею, не смогу этого сделать. Я бросаюсь за машинку и почти против моей воли у меня из-под руки появляется фраза» [14. С. 726]. Будто уже сама книга управляет писателем, материал побеждает и поглощает его. Если В. Максимов смог написать о лагере, то его герой Михаил Бармин не сумел преодолеть лагерный опыт: познавательное не перешло в эстетическое осмысление. Он лишь чувствовал, этическое поглотило его: «Я куда больше видел, куда больше знал, куда сильнее чувствовал, но на бумаге оказывался не в состоянии выразить и тысячной доли того, что переполняло, захлестывало, сжигало меня» [Там же. С. 566]. Герой не может провести границу, поэтому может написать историю об отце, но не о своей судьбе. Как следствие – завершая роман, он заканчивает свою жизнь.

Таким образом, метатекстовая структура романа «Кочевание до смерти» представлена многопланово. Герой является писателем, при этом описывает создание своего романа (акцент автора на своем присутствии в тексте). Рефлексия над своим творчеством проявляется как самокритика, герой считает себя

неудавшимся писателем, в итоге роман (материал) поглощает его как личность, окончание романа предопределяет реальный конец (самоубийство) писателя. Вставные тексты работают в романе на различных уровнях: как связь с парадигмой тематического направления лагерной прозы, как подтверждение

правдивости и документальности истории в романе, как связь с читателем. Рефлексивный характер повествования влечет за собой выбор формы написания «Кочевания до смерти» – в произведение введен роман в романе и роман о романе (творчестве и писательской судьбе) героя В. Максимова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова И.М. Принципы изображения истории в романистике В.Е. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (30). С. 170–173.
2. Озкан В.Б. Метароман как проблема исторической поэтики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 46 с.
3. Личманова Т.О. Феномен «нового автобиографизма» в прозе А. Варламова, О. Павлова, М. Шишкина // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6–1 (28). С. 259–262.
4. Дзиов А.Р. Автобиографическое повествование в русской литературе XX века // Литература. Культура. Эстетика. Вып. 1. Сборник научных статей кафедры литературы ШГПИ / сост. А.Р. Дзиов; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2003. С. 27–30.
5. Дмитриева Ю.Л. Автобиографический герой в творчестве Владимира Максимова (на материале романа «Прощание из ниоткуда») // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2013. № 1 (4). С. 68–77.
6. Умнов А.Е. Значимость интертекста романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в творчестве В.М. Максимова // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16, № 4. С. 1012–1016.
7. Дзиов А.Р. Проза Владимира Максимова : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 160 с.
8. Баклыков А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти» : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 20 с.
9. Кольцов Д.А., Попова И.М. Особенности наррации в романистике Владимира Максимова // Вопросы современной науки и практики. 2010. № 1–3. С. 232–237.
10. Разумова А.О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 182 с.
11. Ладохина О.Л. Филологический роман как явление историко-литературного процесса XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2009. 25 с.
12. Петрова Н.А. «Филологический роман» как свод маргинальных текстов (три книги о Сергее Довлатове) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 131–136.
13. Попова И.М., Хворова Л.Е. Проблемы современной русской литературы : курс лекций. Тамбов, 2004. 104 с. URL: <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/popova1.pdf> (дата обращения: 15.10.2014).
14. Максимов В.Е. Кочевание до смерти // Избранное. М. : Терра, 1994. С. 523–735.
15. Дзиов А.Р. Роман «Кочевание до смерти» в творческой судьбе Владимира Максимова // Проблемы современного литературного процесса. Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2007. 141 с.
16. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции как средство создания диалогичности художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 15–19.
17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 14–15: Из Сибири. Остров Сахалин. М. : Наука, 1978.
18. Попова И.М. Путь взыскующей совести. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Владимир Максимов. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2008. 276 с.
19. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 58–78.
20. Буров А.А., Кулага О.В. Метатекст, метамодальность и средства их выражения в художественном тексте // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 3. С. 64–64.
21. Кондакова Ю.В. Переживание творческой неудачи и неудачники от творчества в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А.В. Подчиной и Т.А. Снегиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 297–305. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 октября 2017 г.

METATEXT STRUCTURE AND ITS EXPRESSION METHODS IN VLADIMIR MAKSIMOV'S *NOMAD TO THE END* (1994)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 53–58.

DOI: 10.17723/15617793/435/7

Lyudmila S. Starikova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lyudvig.star@yandex.ru

Keywords: metatext; metatext structure; reflection; inset texts; novel in novel; phenomenon of creative failure; camp prose; V.E. Maksimov; *Nomad to the End*.

The aim of the article is to analyze the metatext structure and to reveal the ways of its expression on the material of the novel *Nomad to the End* by Vladimir Maksimov. Cultural-historical, mythopoetic methods and method of intertextual analysis are used. In the course of the study, the concept of metatext closely related to the autobiographical principle is considered; the genre of the novel *Nomad to the End* with the involvement of the points of view of researchers who previously addressed it is analyzed; the construction of the work is characterized as a view from the present to the past, as a reflection on past events, which is reflected in the structure of the novel. The metatext structure of the novel is reflected through the reflective nature of the narrative, through the choice of the novel in the novel form, inset texts. The narrator describes and analyzes his past and history of Russia, writes, comments and simultaneously presents his novel about his father in the changing epoch of the revolution and civil war to the reader; he often talks about the essence of creativity and comes to a conclusion that he did not succeed as a writer. The metatext structure of *Nomad to the End* is represented in many ways. The character is a writer and describes the creation of his novel. There is an emphasis of the author on his presence in the text. Reflection over his work manifests itself as self-criticism. The hero considers himself an unsuccessful writer; as a result, the novel (material) absorbs him as a person, the ending of the novel predetermines the real end (suicide) of the writer. Inset texts perform different functions in the novel. In addition to the author's communication with the reader, influences on his perception and interpretation of the text, inset texts as metatext techniques actualize the intertextual dialogue between the novel as a work of the

camp prose with the previous tradition of penal literature (“Sakhalin Island” by Anton Chekhov) and camp prose (the names of Varlam Shalamov and Aleksandr Solzhenitsyn are introduced) (the meaning creation function), the authenticity of a historical fact (a documentary-historical function that simultaneously exercises the function of influencing the reader), a commentary on the whole text, the way of completion of the novel (structure, the composition function). The author’s inner-text reflection is represented through the temporary layers of the novel: the fate and life of the protagonist-narrator Mikhail Barmin in the present (emigration, the 1960s); life in the past (memories of the hero about adolescence and youth, the 1930s–1960s); the novel of the main character about his father embodying the idea of the fate of an individual in history (c. the 1910s–1960s). Thus, the novel is constructed as a view from the present to the past, as a reflection on past events. The reflexive character of the narrative leads to the choice of the form of writing *Nomad to the End*: the novel introduces a novel in the novel and a novel about the novel (creativity and writer’s fate) of Vladimir Maksimov’s character.

REFERENCES

1. Popova, I.M. (2013) Printsipy izobrazheniya istorii v romanistike V.E. Maksimova [Principles of imaging history in the novels by V.E. Maximov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12–2 (30). pp. 170–173.
2. Ozkan, V.B. (2013) *Metaroman kak problema istoricheskoy poetiki* [Metanovel as a problem of historical poetics]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
3. Lichmanova, T.O. (2014) Fenomen “novogo avtobiografizma” v proze A. Varlamova, O. Pavlova, M. Shishkina [The phenomenon of “new autobiography” in the prose by A. Varlamov, O. Pavlov, M. Shishkin]. *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatel’naya mysl’*. 6:6–1 (28). pp. 259–262.
4. Dziov, A.R. (2003) Avtobiograficheskoe povestvovanie v russkoy literature XX veka [Autobiographical narrative in Russian literature of the twentieth century]. In: Borisov, S.B. (ed.) *Literatura. Kul’tura. Estetika* [Literature. Culture Aesthetics]. Is. 1. Shadrinsk: Shadrinsk Pedagogical Institute. pp. 27–30.
5. Dmitrieva, Yu.L. (2013) Avtobiograficheskiy geroy v tvorchestve Vladimira Maksimova (na materiale romana “Proshchaniye iz niotkuda”) [Autobiographical hero in the works of Vladimir Maximov (on the material of the novel “Farewell from Nowhere”)]. *Inzhenerno-stroitel’nyy vestnik Prikaspiya*. 1 (4). pp. 68–77.
6. Umnov, A.E. (2010) Znachimost’ interteksta romana F.M. Dostoevskogo “Besy” v tvorchestve V.M. Maksimova [The significance of the intertext of F.M. Dostoevsky’s “Demons” in the works of V.M. Maksimov]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of the TSTU*. 16(4). pp. 1012–1016.
7. Dziov, A.R. (1994) *Proza Vladimira Maksimova* [Prose by Vladimir Maximov]. Philology Cand. Dis. St. Petersburg.
8. Baklykov, A.V. (2000) Zhanrovoe svoeobrazie romana Vladimira Maksimova “Kochevanie do smerti” [Genre originality of the novel “Nomad to the end” by Vladimir Maximov]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tambov.
9. Kol’tsov, D.A. & Popova, I.M. (2010) Osobennosti narratsii v romanistike Vladimira Maksimova [Features of narration in the novels by Vladimir Maximov]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 1–3. pp. 232–237.
10. Razumova, A.O. (2005) “Filologicheskiy roman” v russkoy literature XX veka (genesis, poetika) [A “philological novel” in the Russian literature of the 20th century (genesis, poetics)]. Philology Cand. Dis. Moscow.
11. Ladokhina, O.L. (2009) *Filologicheskiy roman kak yavlenie istoriko-literaturnogo protsessa XX veka* [Philological novel as a phenomenon of the historical and literary process of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Dis. Arkhangelsk.
12. Petrova, N.A. (2016) “Philological novel” as a set of marginal texts. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (33). pp. 131–136. (In Russian).
13. Popova, I.M. & Khvorova, L.E. (2004) *Problemy sovremennoy russkoy literatury: kurs lektsiy* [Problems of modern Russian literature: lectures]. Tambov: Tambov State Technical University. [Online] Available from: <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/popova1.pdf>. (Accessed: 15.10.2014).
14. Maksimov, V.E. (1994) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Terra. pp. 523–735.
15. Dziov, A.R. (2007) Roman “Kochevanie do smerti” v tvorcheskoy sud’be Vladimira Maksimova [The novel “Nomad to the end” in the creative fate of Vladimir Maximov]. In: *Problemy sovremennoy literaturnogo protsessa* [Problems of the modern literary process]. Shadrinsk: Izd-vo OGUP “Shadrinskiy Dom Pechati”.
16. Kulakovskiy, M.N. (2015) Vstavnye konstruksii kak sredstvo sozdaniya dialogichnosti khudozhestvennogo teksta [Inset constructions as a means of creating the dialogueness of a literary text]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 3. pp. 15–19.
17. Chekhov, A.P. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vols 14–15. Moscow: Nauka.
18. Popova, I.M. (2008) *Put’ vzyaskuyushchey sovesti. Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh’ya: Vladimir Maksimov* [The path of a seeking conscience. Spiritual Realism in the literature of Russian abroad: Vladimir Maximov]. Tambov: Tambov State Technical University.
19. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat’i po semiotike kul’tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 58–78.
20. Burov, A.A. & Kulaga, O.V. (2013) Metatext, metamodality and means of their expression in the literary text. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. 3. pp. 64–64. (In Russian).
21. Kondakova, Yu.V. (2015) Perezhivanie tvorcheskoy neudachi i neudachniki ot tvorchestva v romane M. Bulgakova “Master i Margarita” [Experience of creative failure and losers from creativity in the novel by M. Bulgakov “The Master and Margarita”]. In: Podchinenov, A.V. & Snegereva, T.A. (eds) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [Phenomenon of creative failure]. 2nd ed. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 297–305. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000

Received: 18 October 2017

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.3

Д.К. Маслов

ПРЕДЕЛЫ СКЕПТИЦИЗМА И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00113.

Предпринимается исследование скептической аргументации: с одной стороны, выявляется основа скептической аргументации, придающей убедительную силу пирронизму, что позволяет указать способ ограничения притязаний скептицизма, с другой – предполагается выявить онтологическую пресуппозицию, подрывающую объективность познания. Демонстрируется, что скептические аргументы базируются на неочевидной предпосылке, тем самым открывается перспективный путь для обоснования притязаний на познание в рамках различных контекстов, что позволяет достичь ограниченной объективности познания.

Ключевые слова: пирронизм; диалектическая стратегия; природа вещей; объективность познания; эпистемическое разногласие.

Исследование скептицизма является критически значимым не только с точки зрения историко-философских проблем, но и в качестве пропедевтики к современной эпистемологической проблематике. Стоит только заглянуть в любой комpendиум знакомительных текстов по эпистемологии, чтобы убедиться в значимости скептической проблематики для эпистемологии [1]. Не будет преувеличением утверждение, что скептицизм является не только неотъемлемой частью теории познания, сосредоточивая вокруг себя центральные ее проблемы, но также и в определенном смысле он является условием возможности теории познания как таковой: наличие сомнения или разногласия является исходным пунктом для размышлений о природе, границах, принципах и условиях возможности нашего познания. Наиболее репрезентативные и богатые аргументацией формы скептицизма были разработаны в Античности, в особенности это касается пирронизма представленного в трактатах Секста Эмпирика¹. Пирронический скепсис сомневался глубже и тоньше, чем нововременной, и здесь, по нашему мнению, нельзя не согласиться с Гегелем [2], поскольку пирронизм не только лишь ставил под сомнение убеждения о внешнем мире, но касался всех философских положений без исключения внутренней достоверности. Аргументация «картезианского скептика» берет свой исток в античной скептической традиции, в том числе в сочинениях Секста.

Обладая такой значимостью, тем не менее, скептицизм и особенно античный пирронизм как правило, берутся весьма поверхностно или обходятся вниманием, прежде всего в силу того, что философы преследуют сколь благородную и, столь, пожалуй, недостижимую мечту опровержения скептицизма и полного закрытия скептической проблемы. Несмотря на это, раз за разом скепсис, подобно фениксу, возрождается из пепла критики и всякий раз предстает в новом виде после опровержений. Более того, в некотором смысле именно интенция скептиков на излечение от метафизики (см. РН III 280) может считаться доминирующей

в условиях современной философии, которую иногда наделяют эпитетом «постметафизическая» (Хабермас).

Это приводит нас к ситуации, когда необходимо глубже исследовать природу самого скепсиса и его метода, в котором и кроется разгадка его силы и слабости, что позволит выявить предпосылки, обеспечивающие функционирование скепсиса, и наметить путь определения границ скептицизма, т.е. границ силы скептической аргументативной стратегии. Мы остановимся на пирронизме в версии Секста Эмпирика, поскольку он явил наиболее разработанную и глубокую из дошедших до нас версий скептицизма, наследуя всей предшествующей античной традиции. Прежде всего нас будет интересоваться понятие объективности и нашей возможности познавать вещи в свете проблемы разногласия. Скептическая критика объективности познания не теряет своей актуальности, и в этой связи необходимо раскрыть ее основания. С одной стороны, это позволит лучше понять скепсис, с другой – укажет возможные основания для отведения скептических возражений.

В данной работе мы намерены продемонстрировать наиболее фундаментальный скептический ход – использование предпосылок и теорий философов – на примере тропов воздержания от суждения. Наиболее сильные аргументы скептиков, составляющие трилемму Агриппы, опираются на нормы доказательства, которые могут быть пересмотрены (П. Кляйн). Аналогично мы предпринимаем попытку выявления скептической предпосылки, предписывающей определенное понимание природы вещей. Эта посылка касается такого свойства познания, как объективность, которое основывается на понимании природы познаваемых вещей как неизменных, самостоющих и безотносительных. Поскольку это условие познания невыполнимо и данная посылка является необоснованной, она должна быть отвергнута. Тем самым намечаются пути сохранения понятия познания и истины в свете скептической критики.

Можно с уверенностью констатировать единодушные современных исследователей пирронизма, которые сходятся во мнении о ключевой роли «диалектической стратегии» для пирронизма, нашедшей свое воплощение в трудах Секста Эмпирика как отточенный способ аргументации [4; 5. Р. 147–150]². Скептик, не претендуя на обладание истиной, берет на себя роль проверяющего плоды измышлений догматиков (утверждающих истину философов) на прочность и демонстрирует недостатки в обосновании, не позволяющие выдвигать претензию на познание. Скептик довольствуется констатацией недостаточности обоснования, (вос)создавая состояние равной убедительности мнений (РН I 8–10, 25–30).

Скептическая философия выделяется на фоне догматических теорий, утверждающих метафизическую истину, тем, что являет особое понимание поиска истины, который предстает как основная деятельность скептика (само имя – скептик – переводится с греческого как ищущий, исследующий). Такая роль поиска является следствием того факта, что истина (ввиду разногласия и споров) еще не была найдена и поэтому скептик не разделяет и не выдвигает никаких философских или научных положений как истинных, но продолжает исследовать, поскольку истина не была найдена (РН I 1–3). Диалектическая стратегия выполняет ключевую функцию в философии Секста, поскольку она удерживает скептика от принятия положений как истинных (или ложных), т.е. догматического к ним отношения, чем самым позволяет скептику продолжать поиск истины.

В целях исследования этот метод нацелен на критику имеющихся догматических теорий их же собственными средствами. Скептик в дискуссионной практике принимает содержательные посылы и правила вывода оппонентов (догматических философов), выводит следствия, показывая их собственную несущность, тем самым потрясая фундамент метафизики³. Иными словами, Секст показывал, что догматические теории не соответствуют собственным заявленным критериям (М VII 314 и др.). Так, например, Секст констатирует: «... судя по тому, что говорится у догматиков, истина есть небылица, а истинное беспочвенно» (РН II 80), после чего он демонстрирует внутренние проблемы в понимании истины в теориях догматиков. Даже возражения оппонентов против скепсиса Секст обращает против них самих (М VII 433, РН II 1–11). Получается, что скептик как бы с помощью увеличительных зеркал отражает в своих работах внутренние противоречия и неувязки догматиков, выводя их на передний план. Это указывает на реактивность, вторичный и «паразитический» характер скептического метода, а также на существенное обстоятельство – убедительность скептических аргументов проистекает из слабости, внутренних противоречий нормативных предпосылок догматиков. Именно в этом заключается эпистемологическая функция диалектической стратегии в пирронизме, поскольку она демонстрирует невозможность разрешить разногласие и внутренние противоречия в тео-

риях философов, поскольку теории не соответствуют заявленным нормативным предпосылкам об устройстве познания. (Это приводит к воздержанию от суждения при невозможности рационально предпочесть одно положение другому, что влечет за собой достижение скептиком своей этической цели – душевного спокойствия.)

В центре диалектической стратегии находятся тропы воздержания от суждения (РН I 30–179). Среди них центральное место занимают тропы Агриппы (РН I 164–177). Они, в свою очередь, распадаются на тропы относительности и разногласия, которые Роберт Фогелин назвал *the challenging modes*, и триллемму Агриппы против обоснования, которая включает тропы ухода в бесконечность, доказательства по кругу и произвольного принятия посылок. Фогелин назвал их диалектическими тропами [6. Р. 116]. Несомненно, что тропы против обоснования представляют огромную значимость для эпистемологической проблематики, поскольку они не нашли своего решения; поэтому триллемма Агриппы привлекает к себе внимание эпистемологов, хотя, по замечанию Фогелина, и недостаточное [Ibid. Р. 114]. Триллемма использует правила обоснования, принятые среди философов и, принимая их всерьез, показывает, что, в сущности, ни одна теория неспособна удовлетворить строгим требованиям к обоснованию. Поэтому все теории являются неполноценными, ущербными в методологическом отношении, что в свою очередь значит, что они не имеют права претендовать на знание. Практически в каждом витке рассуждений против догматиков Секст применяет тропы Агриппы (для примера можно упомянуть РН II 35–36, 65–69, 85–86 и др.), на основании чего ясно, что тропы составляют костяк аргументации скептиков⁴.

Поскольку тропы до сих пор не были опровергнуты и проблема обоснования возникает вновь и вновь, встает вопрос о том, насколько корректно они сформулированы и насколько они заслуживают исследовательского внимания как проблемы. В свете данной проблемы перспективным представляется подход П. Кляйна [8], который в попытке найти решение проблем, возникающих связи с триллеммой, предлагает изменить наши исходные предпосылки, т.е. нормативные требования к обоснованию. Кляйн указывает на то, что причиной проблем служат требования, выдвигаемые к процессу обоснования, и тем самым он ставит под сомнение адекватность наших собственных предпосылок. Если представить триллемму обобщенно, то скептик исходит из того, что ни одно положение не может полагаться само себя обосновывающим. Если мы признаем одно положение самодостаточным и не требующим основания, то нельзя этого не сделать и для других, соперничающих с ним. Если мы будем пытаться обосновать каждое положение, это с неизбежностью приводит к кругу в доказательстве или уходу в бесконечность. Следствием скептической деятельности является демонстрация того, что нормы обоснования, которые интуитивно принимаются как верные, при строгом и последовательном применении не позволяют нам претендовать на познание. В этом случае в качестве выхода из данной

проблемы естественно указать на неадекватность таких норм и предложить иные. В этом отношении перспективным является допущение различных вариантов эпистемического фундаментализма, когерентизма, контекстуализма или инфинитизма, которые исходят из противоположных скептическим посылок и допускают то, что тропы запрещали.

***

Лежащий в основании пирронической диалектической стратегии принцип противопоставления (РН I 8, 12) актуализирует и заостряет разногласие по поводу истинности спорящих доктрин. Он гласит, что каждому положению можно противопоставить противоположное, равное по убедительности. Кроме очевидного факта наличия разногласия, принцип проистекает из ситуации относительности восприятий и мышления, препятствующих достижению объективного, абсолютного познания. Эти факторы были сформулированы Секстом в виде двух вышеупомянутых, входящих в тропы Агриппы тропов разногласия и относительности. Они являются условием функционирования трилеммы в пирронизме и мотивируют проблему доказательства, что в совокупности, по мысли скептика, приводит к краху попытки познания.

Поскольку по каждому вопросу существуют противоположные точки зрения и доказательства, которые при этом ввиду трилеммы не являются удовлетворительными и вследствие этого не способны безупречно раскрывать и демонстрировать истину (даже если одно из доказательств действительно раскрывает истину), исследование оказывается в ситуации, когда отсутствие единого и неоспоримого доказательства указывает на непреодоленное разногласие. Более того, сама потребность в доказательстве возникает именно тогда, когда имеется разногласие, поскольку там, где нет разногласия, доказательство излишне (РН I 22).⁵ Секст начинает каждую серию аргументов с указания на неразрешенное разногласие среди догматиков по тому или иному вопросу, начиная со спора о том, существует ли данный предмет, мыслим ли, постигаем ли он и так далее (см., например, РН II 19–20, 37–42 и т.д.). Одаренные люди, иными словами философы и будущие скептики, начинают исследование именно для того, чтобы разрешить разногласие (РН I 12, 25). Секст не ограничивается указанием на разногласие и перечислением мнений, но приводит аргументацию в пользу каждой из сторон по каждому вопросу, каждый раз воссоздавая ситуацию неразрешенности по каждому из исследуемых вопросов, что приводит его к невозмутимости. Поскольку имеется множество мнений по каждому вопросу, находящемуся в исследовании, нужно рассудить, какое из этих мнений является верным и нельзя принять ни одно из них без доказательства, поскольку это было бы произвольным действием. Секст пишет: «... ведь ничто из спорного не достоверно без разбирающего суждения» (М VII 340), и чуть далее: «... то, что противоречиво и находится в разногласии, не есть критерий, но само нуждается в судящем» (М VII 346; также РН I 170, 185–186).

В познании очевидным является императив устранения разногласия и установления объективной истины, т.е. достижения рационального консенсуса, основанного на безупречном и всех убеждающем доказательстве. Однако такое единодушие отсутствует, и скептические аргументы только заостряют это обстоятельство. Соответственно, до тех пор, пока с помощью доказательства не будет исключено разногласие, каждое доказательство и критерий будут частью разногласия и поэтому заинтересованными, пристрастными сторонами. Это, в свою очередь, расходится с методологическими правилами обоснования, и такие «пристрастные», необъективные доказательства не могут считаться достаточными. Тем самым ключевое требование объективности, указывающее на безошибочность познания, остается невыполненным⁶.

Разногласие – это наличие различных, борющихся друг с другом суждений по поводу некоторого предмета, т.е. противоречие в суждениях о явлениях и умопостигаемых вещах среди разных субъектов (РН I 10, 12). Из самого факта наличия разногласия совсем не обязательно вытекают скептические следствия, которые подчеркивает Секст Эмпирик (а именно воздержание от суждения), поэтому необходимо пролить свет на исходные онтологические посылки, легитимирующие проблему разногласия и показывающие, почему именно оно представляет собой проблему. Факт разногласия можно интерпретировать в двух направлениях: либо в сторону проблем обоснования, связанных с трилеммой Агриппы, либо же в сторону раскрытия проблематизирующих тропов⁷.

Итак, троп разногласия подчеркивает проблему невозможности определения и установления истины среди конкурирующих претендентов на истину, что приводит к попыткам обоснования позиций. Однако само разногласие находится в тесной связи с тропом относительности, который тематизирует различия в восприятии и мышлении предметов и указывает на зависимость восприятий от перспективы, от некоторого относительного параметра (РН I 135–140, 177). Все десять тропов Энесидема направлены на установление простого факта разногласия разными способами, так что Секст даже возводит все десять к тропу относительности (РН I 39). В некотором смысле именно относительность ответственна за возникновение разногласия, поскольку последнее появляется благодаря разнице в восприятиях и мыслях, которые в свою очередь обусловлены разницей в строении тел, состояний, положений относительно предмета, обстоятельств и условий восприятия и т.д. Тем не менее одно указание на разногласие не представляет проблемы, поскольку по вопросу о том, сладок ли мед, мы скорее будем доверять мнению здорового человека, нежели больного.

Требование объективности или отсутствия разногласия, предъявляемые к познанию, опираются на онтологические предпосылки о свойствах объектов или вещей. Познание – это познание вещей и должно соотнобразовываться с ними. Соответственно, в основании скептической стратегии находится распространенное среди античных философов понимание устройства вещей «самих по себе» или «по природе». Онтологи-

ческие предпосылки в этом отношении определяют нормы познания, и соответствие последних первым призвано обеспечить объективность познания.

В заключение к тропу относительности Секст говорит о невозможности познания вещей по природе: «... если... все существует по отношению к чему-нибудь, то ясно отсюда, что мы не сможем сказать, какова каждая вещь по своей природе и в чистом виде, но только каковой она нам кажется по отношению к чему-нибудь» (РН I 140). При обсуждении этических вопросов Секст обронил следующее замечание: «... если существует какое-либо благо по природе... оно должно быть общим для всех и для всех быть благом...» (М XI 69, 71. Также см. РН III 379). В другом месте он пишет, распространяя указанный аспект на все вещи: «Независимо и в природе не существует истинного постольку, поскольку существующее независимо и в природе приводит в движение всех находящихся в равном положении, как, например, теплое не является теплым по отношению к одному и холодным по отношению к другому, но для всех находящихся в равном положении одинаково является теплым» (М VIII 37, курсив мой. – Д.М., также см. РН II 186–187).

Таким образом, в соответствии с рассуждением Секста можно представить следующую картину, которая заимствовалась им и использовалась против оппонентов. Некая вещь тогда и только тогда обладает некоторым свойством X по природе (т.е. абсолютно, сама по себе), когда это свойство всем, при всех обстоятельствах и в любое время кажется именно таким, и никогда не встречаются противоречащие этому свойству X другие свойства. При выполнении такого условия можно говорить об удавшейся попытке познания и раскрытии природы познаваемой вещи. Например, если Солнце по природе горячее, то оно должно согревать всех и во всех обстоятельствах, тогда как имеются случаи, что кого-то от пребывания на солнце бросает в холод, т.е. солнце предстает как источник холода, а не тепла (РН I 82). Если яд цикуты действительно является смертельным, то он должен убивать всех, тогда как имеются случаи безвредного воздействия на людей и т.д. Естественно, что эти примеры кажутся сегодня наивными, однако они подчеркивают несомненное обстоятельство: вещи ведут себя различным образом в разных обстоятельствах, и в свете принципа непротиворечия и представления о постоянной природе вещей затруднительно объяснить такое несовпадение. Важно держать в уме, что область явлений, феноменальные свойства вещей составляют класс свойств, по формальным параметрам отличающийся от скрытых свойств вещей, т.е. от свойств вещей «по природе», поскольку находятся в противоречии друг с другом и изменяются в зависимости от обстоятельств. При этом не-эмпирические, а умопостигаемые свойства вещей также причисляются к феноменальным в том смысле, что они являются уму. Устранение разногласия равняется выполнению требования объективности познания, соответствия познания объектам.

Представление о неизменной природе вещей было весьма привлекательно и составляло ядро не только

традиционной метафизики, но также лежит в основе современного понимания объективности и фактичности как независимости и самостоятельности познаваемого от познающего агента. Как минимум это имеет место с точки зрения принципов, направляющих наше познание. Например, Н. Решер утверждает, что «конфликтующие принципы могут существовать не более чем конфликтующие истины... Истина как таковая является непротиворечивой и свободной от конфликтов, но иначе с тем, что люди считают истинным» [11. Р. 10]. Секст также считал, что высказывание противоречащих предикатов о вещи согласно ее природе противоречит критерию истины (РН II 63 и др.). Природа вещей, таким образом, понимается внутренней единой и непротиворечивой и не допускает конфликтующих, противоречащих свойств, тогда как область мнений или область феноменов полна такими противоречиями. С точки зрения некоторых философов Античности, вещи не должны изменяться также и во времени, поскольку абсолютное не допускает изменений (ср. свойства пути «есть» по Пармениду).

Секст предъявляет требование отсутствия разногласий при восприятии и мышлении вещей всеми возможными субъектами в качестве базового критерия для познания вещей по природе. Иными словами, для того чтобы были раскрыты подлинные, а не относительные свойства вещи, нужно чтобы все, кто воспринимает вещи, воспринимали их одинаково во всякое время и во всех обстоятельствах. Разногласие в познании должно быть устранено. Это требование выводится из принципа инвариантности воздействия вещи на всех реципиентов (например, благо по природе должно быть всегда и для всех благом и никогда злом). В свою очередь, требование инвариантности воздействия должно указывать на характеристики вещи как неизменной, вечной, себе тождественной, поскольку именно такие свойства могут приводить к инвариантности воздействия и тем самым к одинаковым восприятиям у субъектов [12. Р. 130–131, 138–139; 13. Р. 100–104; 14. Р. 216–219].

Предполагается, что познание должно раскрывать природу вещей, независимую от познающих субъектов, – именно это обстоятельство служит гарантией объективности познания, когда раскрываются подлинные свойства самих вещей. Иными словами, объективность предполагает, что субъективные, инородные элементы исключены и вещи «говорят сами за себя». Требования объективности исключают противоречие в познании вещей. Поскольку все существа (люди, животные, насекомые и т.д.) обладают различным строением и ведут себя различным образом, а также находятся в тех или иных обстоятельствах и условиях, влияющих на процесс познания, они находятся под влиянием той или иной перспективы, и сами эти точки зрения находятся в противоречии. Кроме противоречия, данное обстоятельство препятствует процессу познания тем, что эти условия привносят что-то инородное в процесс познания, поскольку в зависимости от обстоятельств меняются свойства познаваемых объектов. Десять тропов подчеркивают разные аспекты таких условий, вносящих изменения в восприятие и мышление вещей.

Таким образом, мы видим основополагающую для пирронизма посылку, предписывающую определенные свойства объектам познания «самим по себе», или «по природе». Эта посылка касается объекта и объективности и предписывает правила мышления о вещах по природе, при которых всякие субъективные, относительные и случайные свойства вещей исключаются из познания. Иными словами, в исследовании предполагается следующее понимание устройства вещей по природе, которое также направляет и познание вещей. При несовпадении результатов познания с такой нормативной предпосылкой притязания на познание должны считаться провалившимися. Только такое суждение, которое не вызывает разногласия, могло бы считаться раскрывающим подлинные свойства вещей и отвечать нормативным требованиям к познанию. Проблема, однако, состоит в том, что строгое выполнение такого требования необходимо приводит нас к скептической позиции или тезису о непознаваемости природы вещей в силу неустранимого разногласия и относительности восприятий и мышления вещей.

Таким образом, сила пирронической аргументации против философов заключается в слабости посылок самих философов, в данном случае посылки о природе вещей. Тем не менее мотивирующая проблему разногласия онтологическая посылка о природе вещей не является естественной и несомненной. Более того, ввиду указанных затруднений она должна быть при-

знана несостоятельной и подвергнута пересмотру, поскольку она исключает возможность познания как такового⁸. При изменении данной пресуппозиции теряется сила убедительности скептической аргументации, также как открывается способ достижения консенсуса в познании, т.е. познание может иметь место.

В качестве заключения можно выделить следующие положения. Основная сила и слабость скептицизма состоят в использовании сильных онтологических и эпистемологических посылок оппонентов; эти посылки открыты для критики и пересмотра, что открывает новые перспективы в эпистемологии и онтологии. На этом пути возможно ослабление скептицизма. В частности, существенной для успеха скептической критики является онтологическая пресуппозиция о единой, непротиворечивой и самотождественной природе вещей, вещей «по себе», которая исключает достижение объективного знания ввиду разногласия. Изменение этой пресуппозиции может позволить решить проблему объективного познания путем ослабления претензий к познанию и допущению релятивистских, контекстуально зависимых представлений об устройстве вещей. Осуществление этого замысла является делом отдельной работы. В данной работе мы постарались указать на уязвимые места в скептическом (пирроническом) рассуждении и рассмотреть основания для пересмотра используемых в пирронизме онтологических и эпистемологических пресуппозиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее мы цитируем трактаты Секста [2] по распространенной в настоящее время пагинации, обозначая «Пирроновы основоположения» как РН, а «Против ученых» как М, так что римская цифра означает номер книги, а арабская – строфу.

² Это наименование не встречается в трактатах Секста, но является современным концептом, объясняющим скептический метод.

³ В частности, Секст активно использует принцип непротиворечия и ловит догматиков на непоследовательности и противоречивости (см. М I 11; [7]).

⁴ Тропы иногда также именуют как трилемму Мюнхгаузена вслед за жившим в начале XIX в. Я.Ф. Фрисом.

⁵ Речь идет о фундаментальных философских разногласиях, а не тех, которые можно разрешить путем отсылки к свидетельству или обучению. См.: [9].

⁶ Необходимо заметить, что Секст исходит из противоположных трансцендентальному аргументу посылок, когда знание еще не дано и лишь должно быть установлено. В этом отношении Кант исходил из реальности научного разума и истинности науки, и имея перед собой достижения математики и естествознания, искал условия возможности научного и метафизического знания, тогда как Секст не признал бы наличия знания без методически корректного обоснования, ведь иным образом речь бы шла о предвосхищении основания и тем самым о нарушении логических и методологических норм обоснования. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом Менона: до тех пор пока у нас нет знания, мы не сможем ничего познать; когда у нас уже имеется знание, то познание уже не нужно. В случае с обоснованием можно переформулировать парадокс так: если мы исходим из наличия знания, не составит труда его обосновать путем выявления его трансцендентальных условий, если же действовать методически и не предпосылать доказуемое доказательству, то возникает непреодолимый разрыв в обосновании.

⁷ Примечательно, что некоторые исследователи настаивают на самостоятельном характере тропа разногласия, утверждая, что он один может привести скептика к воздержанию от суждения без введения дополнительных аргументов. См.: [10].

⁸ Отказ от данной предпосылки о природе вещей означает отказ от строгого метафизического, абсолютного познания и также отказ от традиционной онтологической метафизической парадигмы. В целом возможно, пожалуй, охарактеризовать эту тенденцию как релятивизацию. Хотя данная тенденция не является новостью, некоторые из ее проявлений несут в себе новизну и поэтому представляют интерес. В частности, в сфере онтологии в качестве таковых могут быть названы контекстуалистские теории М. Габриэля [15] и Г. Вакариу [16, 17], предлагающие отказ от понятия мира как совокупности всех вещей или фактов, единого и единственного всеобщего контекста рассмотрения и исследования всех вещей и замены его на множественную онтологию, допускающую многие самодостаточные «миры»: «поля смысла» (Габриэль) или «эпистемически различные миры» (Вакариу). Осмысленность суждений и, соответственно, их значение истинности меняются в зависимости от того, в каком контексте или мире они рассматриваются. Соответственно, эпистемологически можно предложить введение ограниченной объективности, действующей в рамках разных «миров» с различными критериями для установления консенсуса. В результате возможно достижение ограниченного консенсуса в рамках различных контекстов. Примечательно, что ничто не препятствует понимать такое познание как объективное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Contemporary Debates in Epistemology / ed. by M. Steup, E. Sosa. Blackwell Publishing, 2005. 348 p.
2. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. / под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1976.
3. Hegel G.W.F. Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten // Theoretische Werkausgabe in 20 Bde. Bd. 2. Jenaer Schriften. Hrsg. von E. Moldenhauer und K.M. Michel. F/M.: Suhrkamp, 1986. S. 213–272.

4. La Sala R. Die Züge des Skeptikers. Der dialektische Charakter von Sextus Empiricus' Werk. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. 204 s.
5. Machuca D. Moderate Ethical Realism in Sextus' Against the Ethicists // *New Essays on Ancient Pyrrhonism* / ed. By D. Machuca. Leiden: Brill, 2011. P. 143–178.
6. Fogelin R. *Pyrrhonian reflections on knowledge and justification*. N.Y. : Oxford University Press, 1994. 238 p.
7. Machuca D. Pyrrhonism and the Law of Non-Contradiction // *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy* / ed. by D. Machuca. N.Y. : Springer, 2011. P. 51–77.
8. Klein P. Epistemic Justification and the Limits of Pyrrhonism // *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy* / ed. by D. Machuca. N.Y. : Springer, 2011. P. 79–96.
9. Ribeiro B. Philosophy and Disagreement // *Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofía*. 2011. Vol. 43, № 127. P. 3–25.
10. Bueno O. Disagreeing with the Pyrrhonist? // *Disagreement and Pyrrhonism* / ed. by D. Machuca. N.Y. : Routledge, 2012. P. 24–45.
11. Rescher N. *Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy*. N.Y. : SUNY, 2006. 120 p.
12. Bett R. Sextus's Against the Ethicists: Scepticism, Relativism or both? // *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. 1994. Vol. 27, № 2. P. 123–161.
13. Bett R. Introduction // *Sextus Empiricus. Against the Ethicists* / Sextus Empiricus; transl. and ed. by R. Bett. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. xi–xxxiv.
14. Woddruff P. The Pyrrhonian Modes // *The Cambridge Companion to Ancient scepticism* / ed. by R. Bett. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 208–231.
15. Gabriel M. Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie. F/M. : Suhrkamp, 2016. 507 s.
16. Vacariu G. Epistemologically Different Worlds. Bucharest : University of Bucharest, 2008. 386 p.
17. Vacariu G. Die Relativität von «Welt». Wie Pseudoprobleme in den Neurowissenschaften, der Psychologie und der Quantenphysik durch EDWs zu vermeiden sind. Springer, 2016. 219 s.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 сентября 2018 г.

LIMITS OF SCEPTICISM AND OBJECTIVITY OF KNOWLEDGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 59–65.

DOI: 10.17223/15617793/435/8

Denis K. Maslov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denn.maslov@gmail.com

Keywords: dialectical strategy; Pyrrhonism; nature of things; objectivity of knowledge; epistemic disagreement.

The article undertakes a twofold investigation of sceptical argumentation (in its Pyrrhonical type). On the one hand, the basis for the sceptical argumentation, which gives persuasiveness to Pyrrhonism in general, is uncovered. This enables us to take a closer look on the limits to sceptical arguments. On the other hand, the author aims to shed light on the tacit ontological presupposition, borrowed from the sceptic's opponents, underlies the Pyrrhonic Dialectical Strategy and, being at the core of sceptical argumentation, undermines objectivity of knowledge. At first, the author outlines the way the strongest sceptical arguments – Modes of Suspension of Judgement – work. The Agrippa Trilemma, the core argument against rational proof, is primarily enabled by and therefore depends on problems of disagreement and relativity. These problems stress partiality, perspectivism and hence subjectivity of any epistemic claim. P. Klein has demonstrated that problems raised by the Trilemma can be avoided by revision of normative premises we tacitly take for granted that are used by the sceptic in order to reach his suspension of judgement. Another way to weaken sceptical arguments is to uncover the problematic modes that bring the Trilemma into life. Then, by the same token, the author approaches the original problem of disagreement in order to point a promising way of reaching the objectivity of knowledge and putting limits on sceptical argumentation, trying to nail down problematic presuppositions. At the heart of disagreement, the author argues that an ontological premise is to be found, which prescribes our thinking of “nature of things” or “things in themselves”. In accordance to it, things are to be taken as invariant and internally identical entities, and that condition puts strong restraints on epistemology as far as knowledge is knowledge of things. Given the things exist this way, knowledge must be objective and must tolerate no controversy over what things are; in other words, there cannot be a disagreement in order for knowledge to take place. For it is not the case (the sceptics take advantage of this) and universal agreement is probably impossible, this premise proves untenable and has to be rejected. Thus, the author comes to a conclusion that the sceptical argumentative strategy is based on shaky grounds, and revision of these presuppositions opens a way for justifying knowledge for different contexts, thus a restricted objectivity of knowledge can be attained. A possible solution can be found in ontological and epistemological theories that suggest contextual or relativistic framework that could take away the problem of disagreement.

REFERENCES

1. Steup, M. & Sosa, E. (eds) (2005) *Contemporary Debates in Epistemology*. Blackwell Publishing.
2. Sextus Empiricus. (1976) *Sekst Empirik. Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.W.F. (1986) Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten [Relationship of skepticism to philosophy. Presentation of its various modifications and comparison of the latest with the old]. In: Moldenhauer, E. & Michel, K.M. (eds) *Theoretische Werkausgabe in 20 Bde* [Theoretical edition of the works in 20 vols]. Vol. 2. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 213–272.
4. La Sala, R. (2005) *Die Züge des Skeptikers. Der dialektische Charakter von Sextus Empiricus' Werk* [Traits of the Sceptic. The dialectical character of Sextus Empiricus' work]. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
5. Machuca, D. (2011) Moderate Ethical Realism in Sextus' Against the Ethicists. In: Machuca, D. (ed.) *New Essays on Ancient Pyrrhonism*. Leiden: Brill.
6. Fogelin, R. (1994) *Pyrrhonian reflections on knowledge and justification*. N.Y.: Oxford University Press.
7. Machuca, D. (2011) Pyrrhonism and the Law of Non-Contradiction. In: Machuca, D. (ed.) *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy*. N.Y.: Springer.
8. Klein, P. (2011) Epistemic Justification and the Limits of Pyrrhonism. In: Machuca, D. (ed.) *Pyrrhonism in Ancient, Modern and Contemporary Philosophy*. N.Y.: Springer.
9. Ribeiro, B. (2011) Philosophy and Disagreement. *Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofía*. 43(127). pp. 3–25.
10. Bueno, O. (2012) Disagreeing with the Pyrrhonist? In: Machuca, D. (ed.) *Disagreement and Pyrrhonism*. N.Y.: Routledge.
11. Rescher, N. (2006) *Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy*. N.Y.: SUNY.

12. Bett, R. (1994) Sextus's Against the Ethicists: Scepticism, Relativism or both? *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. 27(2). pp. 123–161.
13. Bett, R. (1997) Introduction. In: Sextus Empiricus. *Against the Ethicists*. Translated from Ancient Greek by R. Bett. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Woddruff, P. (2010) The Pyrrhonian Modes. In: Bett, R. (ed.) *The Cambridge Companion to Ancient skepticism*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gabriel, M. (2016) *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie* [Sense and existence. A realistic ontology]. Frankfurt: Suhrkamp.
16. Vacariu, G. (2008) *Epistemologically Different Worlds*. Bucharest: University of Bucharest.
17. Vacariu, G. (2016) *Die Relativität von "Welt". Wie Pseudoprobleme in den Neurowissenschaften, der Psychologie und der Quantenphysik durch EDWs zu vermeiden sind* [The Relativity of "World". How to avoid pseudoproblems in neuroscience, psychology and quantum physics by EDWs]. Springer.

Received: 05 September 2018

В.Н. Сыров

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТРАВМЫ: ОПЫТ ОДНОГО АНАЛИЗА

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

Предпринят анализ потенциала философского подхода, осуществленного П. Брейкеном, к изучению причин возникновения и способов проработки травмы, а именно к концепции посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Утверждается, что его работа, а именно «Травма: культура, смысл и философия», может рассматриваться как образец реализации философского подхода к конкретной исследовательской проблеме. Показано, что доминирующие исследовательские подходы к изучению травмы, представленные, в частности, когнитивной психологией, опираются на позитивистскую философию, что обуславливает границы их продуктивности. Путь продуктивного решения связывается Брейкеном с феноменолого-герменевтической традицией континентальной философии.

Ключевые слова: травма; посттравматическое стрессовое расстройство; когнитивистский подход в психологии; контекстуализированный подход; тревожность; философские допущения.

Как справедливо отмечает Сергей Ушакин, травматический опыт может быть не только объектом медицинского и психиатрического воздействия, но и предметом социального анализа [1. С. 8]. Очевидно, конечно, что обсуждение этой темы не сводится к проблемам диагноза и определения процедур ее преодоления. Ушакин указывает, что можно «обозначить ряд направлений, по которым может строиться изучение травмы в гуманитарных и общественных науках: травма как опыт утраты, травма как символическая матрица и, наконец, травма как консолидирующее событие» [Там же]. Понятно, что исследователей могут интересовать отдельные аспекты данной темы, и они с полным правом могут игнорировать остальные стороны ее изучения. Но стоит заметить, что между всеми этими аспектами есть глубокая и всесторонняя взаимосвязь и взаимозависимость. В последующем анализе хотелось бы обратить внимание на этот момент, а именно на то, как социально-культурные контексты, связанные с травмой, проникают в сферу медицинского и психиатрического воздействия, что может стать основанием такого проникновения и симптомом каких процессов и явлений следует считать такое воздействие.

Автор работы «Травма: культура, смысл и философия», к анализу которой мы хотим обратиться, отметил, что апелляция к основаниям и предпосылкам современной психиатрии и психологии призвана не доказать, что их теории ложны или что их практика неправильна, но сделать их открытыми для тщательного изучения, которому они обычно сопротивляются, утверждая, что опираются на якобы прочные (необходимые) концептуальные основы [2. Р. 190]. Собственно задача анализируемого текста и заключается в демонстрации определенных допущений, на которых основываются современные исследования травмы, и даже более того, само открытие травмы, а также извлечении всего того богатства следствий, которые этими допущениями порождены. Патрик Брейкен (Patrick J. Bracken), автор книги, утверждает, что «эта работа, по существу, есть обсуждение взаимоотношений между смыслом, культурой и психическим забо-

леванием» [2. Р. 5]. Хотя сам автор являлся психиатром, в частности работал в Восточной Африке в 1987–1991 гг., на страницах своего исследования он неоднократно указывает, что «его цель – не опровергнуть какую-либо конкретную теорию или отрицать эффективность какой-либо конкретной формы терапии, а показать, что этот дискурс работает только тогда, когда мы принимаем определенный набор предположений о природе человеческой реальности и смысла» [Ibid. Р. 8]. Верность избранному подходу Брейкен подтвердил в своем интервью, когда отметил, что именно философия, антропология, история и критическая мысль в целом обладают теми инструментами, которые в состоянии помочь развитию психологии и психиатрии [3]. Вслед за ним мы также хотим отметить, что воспроизведение авторской позиции заключается не в ниспровержении достижений психиатрии и психологии, а в экспликации авторской методологии и демонстрации ее методологической продуктивности.

Рискнем утверждать, что с этой точки зрения текст носит образцовый характер. Иначе говоря, он может рассматриваться как прекрасный пример реализации философского подхода к конкретной исследовательской проблеме, а если утверждать более категорично – как воплощение смысла и ценности современного философского исследования как такового. Реализация данного замысла обусловила структуру текста. Автор начинает с описания основных положений одного из влиятельных направлений современной психологии: когнитивизма, и показывает следствия, к которым приводит его применение к проблеме травмы (говоря иначе, границы и возможности когнитивизма). Поворотной точкой авторского нарратива можно считать тезис о причинах срыва когнитивного подхода, который связывается им не с технологическими потерями эффективности в процедуре лечения или степенью профессиональности соответствующих специалистов, а с базисными допущениями, на которых строится данный подход. Автор предлагает связать их с теми философскими концепциями, которые стали доминировать в европейской научной и фило-

софской мысли с эпохи Просвещения. Соответственно, путь продуктивного решения ищется автором в феноменолого-герменевтической традиции континентальной философии и, прежде всего, в наследии хайдеггеровской мысли. Такова, как представляется, общая схема исследования, которая может быть представлена как модель или инструмент для последующих исследований подобного рода.

Если начать с анализа феномена, то, как отмечают исследователи [2. Р. 63–82; 4. Р. 17–29; 5. Р. 54–58], само понятие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) было введено в 1980 г. С этого времени оно стало широко применяться в клинической практике и научном исследовании [4. Р. 2]. Принято считать, что состояние пациента идентифицируется как ПТСР, если имеет место следующая комбинация симптомов: симптомы повторного переживания травмы через навязчивые тревожные воспоминания, такие как повторяющиеся мысли о травме, кошмарах, воспоминаниях и гипертрофированные реакции при воздействии напоминаний о травме, известные также как «повторные симптомы»; симптомы избегания; такие как попытки уйти от мыслей о травме, усилия, направленные на то, чтобы избежать мест или действий, которые напоминают о травме и свидетельствуют об утрате связи с миром в целом; другие симптомы, такие как раздражительность, бессонница, плохая концентрация и гиперчувствительность. Эти «другие» симптомы иногда описываются как «симптомы повышенного возбуждения». Подчеркивалось, что список симптомов в дальнейшем дополнялся и расширялся, но общая идея трехкомпонентного состава симптомов (вторжение, избегание, повышенное возбуждение) сохранялась.

Отсюда вытекали и предлагаемые процедуры лечения. Это содействие повторному воздействию события и стимулам, связанным с событием для их переоценки; содействие переоценке травматического опыта и его значения и содействие переоценке эмоциональных состояний, к которым относятся эти оценки; содействие прямому снижению эмоционального возбуждения; содействие полезным стратегиям преодоления эмоционального возбуждения и содействие пересмотру ранее проведенных когнитивных стилей и правил для жизни, некоторые из которых могут поддерживать симптомы путем блокирования повторного воздействия, другие из которых могут формировать первичную травматическую оценку [2. Р. 210].

Явно или неявно предполагалось, что данный подход является результатом научного (основанного на эмпирических данных, «объективного») исследования, а потому он не связывался с какими-либо философскими или культурными допущениями и трактовался как универсально применимый к любому месту и времени [Ibid. Р. 47]. В свою очередь оппоненты считали и считают, что данная концепция имеет некоторые присущие ей пределы в охвате всего комплекса способов, посредством которых люди, сообщества и даже целые общества стремятся зафиксировать трагические события. Судя по всему, направления критики связывались, во-первых, с определением степени универсальности данных симптомов, а во-вторых, с опре-

делением путей преодоления травматического состояния.

Уже сами сторонники когнитивистского подхода указывали, что имеют место существенные индивидуальные вариации в способах взаимодействия вторжения и избегания [2. Р. 55]. Также отмечалось, что универсальность данного комплекса симптомов отнюдь не означала одинаковости их значения для разных индивидов в разной социально-культурной среде [Ibid. Р. 75]. Этот же аспект отмечал и известный английский психиатр Дерек Саммерфилд (Derek Summerfield), используя понятие не менее известного американского исследователя, одного из основателей медицинской антропологии Артура Клейнмана (Arthur Kleinman) о категориальном заблуждении [4. Р. 18–19]. «Для кого-то повторяющиеся жестокие кошмары могут восприниматься как неуместные и выявляться только посредством прямых вопросов; другому они могут указывать на необходимость посещения специалиста по психическому здоровью для лечения; для третьего они могут представлять собой полезное сообщение от его предков» [Ibid. Р. 19]. Исследователи указывали, что ощущение тревожности и уязвимости, связанное с потерей осмысленности жизни, может являться не только следствием травмы, но, наоборот, предрасполагающим условием для развития соответствующих симптомов после травматического события, что переворачивало традиционную схему временных и каузальных связей между событием и симптомами [2. Р. 81].

Второе направление критики, как отмечалось выше, было связано с аспектом, который Доменик Ла-Капра вслед за Фрейдом охарактеризовал как «работа над этим и проработка этого» [6. Р. 86–112]. Тема проработки травмы вытекала из характера изучения предшествующего аспекта. Понятно, что идентификация причин травмы обуславливала характер работы с ней. Основной тезис критиков заключался в утверждении, что медицинские модели ограничены, потому что не учитывают социального подхода к психическому здоровью [4. Р. 19]. Это означало, что травматический эффект обуславливался не столько самим предполагаемым травматическим событием, сколько тем значением, которое придавалось индивидами тем или иным его компонентам, а значение это, в свою очередь, обуславливалось социальным, культурным и политическим контекстами. Так, Саммерфилд отмечал, что ветеранов Вьетнамской войны дома осуждали, а ветеранов Фолклендов приветствовали как национальных героев, что радикально влияло на степень необходимости медицинского воздействия и способность ветеранов вернуться к нормальной жизни [Ibid. Р. 19–20].

Но тезис о социально-культурном контексте носит более глубокий характер. Речь идет об интерпретации данного контекста не просто как фактора, лишь усиливающего или ослабляющего реакцию, которая имела место до и независимо от него. Саммерфилд задавался вопросом, что если обеспечение гармоничных отношений с семьей и местным сообществом играет гораздо большую роль, чем собственные индивидуальные мысли, фантазии и стремления [Ibid.

Р. 20]?). Сергей Мирный подчеркивает по поводу катастрофы в Чернобыле, что именно «инфозрыв сделал из крупной технологической аварии катастрофу глобального значения», что «именно информационная составляющая является, на наш взгляд, определяющей чертой Чернобыля, а отнюдь не радиационная, которая лишь вынесла Чернобыль на глобальную инфоорбиту» [7. С. 215]. Если это так, то причиной травмы следовало считать не столько сам факт насилия или социальной / природной катастрофы, сколько разрушение сложившегося образа жизни, а условием проработки травмы – способность его восстановить. Создатель экзистенциального анализа Виктор Франкл в свое время отмечал, что «не последние из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состояли в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать». [8. С. 36]. Саммерфилд ссылается на исследования, где указывалось, что камбоджийские подростки в Австралии чувствовали себя лучше, чем в США, справляясь с чувством вины, поскольку получили возможность воспроизводить традиционные церемонии [4. Р. 21–22]. Он подытоживает, что «травматический опыт должен быть концептуализирован в терминах динамического развивающегося во времени двустороннего взаимодействия между виктимизированной личностью и окружающим обществом, а не только как относительно статичная, обременительная сущность, которая локализована и связана с индивидуальной психологией пострадавших» [Ibid. Р. 22]. На этом основании Брейкен считает возможным выдвинуть тезис, что сложившаяся «терапия может привести к усилению изоляции страдающих индивидов, поощряя их концентрацию лишь на своих собственных воспоминаниях, мыслях и убеждениях. Такие люди более нуждаются в том, чтобы снова почувствовать себя частью сообщества, чувствовать себя рядом с другими людьми, чувствовать себя как дома в мире. Западная психотерапия может порождать противоположный эффект» [2. Р. 211].

Поворотным пунктом, обуславливающим необходимость обращения к философии, в рассуждениях Брейкена становится его диагноз когнитивной психологии и терапии. Он строится на выявлении базисных положений данного подхода и определении основных допущений о природе Я, отношений с другими и миром в целом. Когнитивизм, по его мнению, рассматривает сознание по аналогии с компьютером, где содержание первого трактуется как совокупность зачастую неосознаваемых программ, моделей, правил, схем, которые обеспечивают восприятие и понимание мира, выступают способами отбора и организации поступающей извне информации. С этой точки зрения, травматическое событие трактуется как поток информации, который вступает в противоречие с существующими схемами и, чем более он противоречит сложившимся формам понимания мира и способам обработки информации, тем сильнее «подавляет нашу способность обрабатывать и внедрять новые впечатления» [Ibid. Р. 56]. Отсюда трактовка характера

симптомов. С одной стороны, неспособность программ справиться с новой информацией провоцирует ее сохранение в, так сказать, «активной памяти» и порождает симптом реактуализации травматического события. С другой стороны, попытки программ обработать информацию способствуют возникновению симптома избегания. Это чередование симптомов будет продолжаться, пока существующие программы либо справятся с внесенным противоречием, либо преобразуются, чтобы интегрировать его и снова воссоздать целостную и непротиворечивую систему [2. Р. 60].

Тезис Брейкена заключается в утверждении, что данная программа хотя и настаивает на своей научности, а именно ясности, прозрачности, каузальности и эмпирической верифицируемости своих процедур, но строится на определенных социально-культурных и, соответственно, философских предпосылках. Импульсы к ее формированию он связывает с картезианством, Просвещением и позитивизмом. «Двумя важными последствиями, обусловленными принятием психиатрией позитивистской позиции как в ее медицинских, так и немедицинских формах, являются, во-первых, вывод о том, что психологические проблемы имеют одну и ту же основную форму в межкультурной сфере, и, во-вторых, что историю психиатрии можно рассматривать как прогрессирующую идентификацию истинной природы психического заболевания» [Ibid. Р. 31]. Убеждение в универсальности применения данного подхода, помимо прочего, задавалось доминированием реализма и методологического индивидуализма, а именно сведением взаимодействий к каузальному взаимодействию внешнего мира и отдельного индивида, предполагающему обработку поступающих сигналов посредством совокупности схем, содержащихся в индивидуальном сознании.

В рамках такого подхода формы социальной и культурной жизни трактовались как а) внешний контекст по отношению к внутренним состояниям духа; б) совокупность отдельных дискретных факторов, что позволяло их классифицировать, исчислить, иерархизировать в предполагаемом порядке их значимости; в) совокупность факторов, принципиально вторичных по порядку их действия. Иначе говоря, допускалось, что они могут усиливать или ослаблять внутренние состояния индивида, но не создавать их.

В конечном счете стандартный сценарий реакции на травматическое событие описывался следующим образом: «Индивид, который несет вес собственной определенной истории, сталкивается с травматическим событием. Это чрезвычайно напряженное явление, и у индивида развиваются характерные симптомы, которые указывают на определенные внутренние процессы. Социальные факторы влияют на эти процессы и могут способствовать или препятствовать их развитию, но не определяют их сущности. Отклик на травматические события понимается как гипертрофированный физиологический и психологический отклик на стресс» [Ibid. Р. 77].

Понятно, что применение и даже определенная результативность такого подхода имели под собой конкретные социально-культурные предпосылки. Речь

фактически шла о человеке как продукте западной индустриальной цивилизации. Нет нужды отрицать значимости индивидуализации в современной культуре, общей специфики современных ценностей и практик и превращении их в нерелексированный контекст повседневной жизни. В этом смысле даже восприятие мира в категориях взаимодействия «внутреннего» и «внешнего» можно трактовать как отражение растущей приватизации жизни и достаточно развитого внутреннего мира, обуславливающего как формирование собственного видения окружающего мира, так собственные иллюзии по поводу места и роли социальной среды, а также отношений с ней. Брейкен потому ссылается на радикальное утверждение исследователя Алана Янга (Allan Young), работающего в университете МакГилл (Монреаль, Канада), что ПТСР было сотворено психиатрией в весьма определенный исторический и культурный момент. Это не означало, конечно, что раньше люди не страдали от соответствующих событий человеческой истории или природных катастроф. По Янгу, установленные симптомы и способы их группировки и связи друг с другом отражают весьма специфический способ восприятия и понимания следствий этих событий в весьма определенной культуре [2. Р. 67]. К этому же добавим, что они отражают весьма определенные сложившиеся практики преодоления травмирующих явлений.

Другой вопрос, что установки, предпочтения, формы восприятия и понимания себя и мира, даже иллюзии по этому поводу были абсолютизированы и интерпретированы как выражение некоторой универсальной внеисторической природы человека и некритически спроецированы на понимание и взаимодействие с другими культурами. Поэтому Брейкен полагает, что необходимо найти иной, более продуктивный путь обсуждения темы травмы. Продуктивность он связывает с актуализацией идеи значимости социального контекста для понимания причин, форм реакции и путей преодоления травмы. «Что я хочу подчеркнуть, так это просто тот факт, что социальный контекст не только важен, но что он может быть определяющим обстоятельством» [Ibid. Р. 70]. Поэтому методологическая задача исследования заключается не в простом изменении иерархии факторов, а в определении оснований, которые сняли бы сам вопрос (стиль мысли) о наличии факторов, их типологии и т.д.

Иначе говоря, речь идет о выборе другой концепции человеческого бытия. Брейкен связывает ее с феноменолого-герменевтической традицией, воплощенной, прежде всего, в идеях Мартина Хайдеггера. «Хайдеггеровская философия может помочь нам в поиске оснований для критики традиционных клинических подходов к смыслу и травме, поскольку она напрямую связана с философскими предположениями, на которых они построены. Его идеи обеспечивают поддержку для того вида контекст-центрированного подхода, который развивается в данной работе» [Ibid. Р. 111].

Как правомерно заметил в свое время немецкий мыслитель: «Сущее, анализ которого стоит как задача, это всегда мы сами» [9. С. 41]. Суть данного ана-

лиза, как известно, состояла в выявлении фундаментальных черт или экзистенциалов, составляющих и определяющих специфику бытия такого сущего. Для наших целей важным следует считать тезис Хайдеггера о том, что «не ‘бывает’ ближайшим образом и никогда не дано голого субъекта без мира. И так же в итоге не дано сначала изолированное Я без других» [9. С. 116].

Как возможно трактовать эту мысль. Прежде всего, резонно полагать, что духу хайдеггеровской философии было бы чуждым представление, что сначала существует некое Я с определенным набором качеств, где-то рядом сосуществуют другие с таким же набором качеств, и лишь затем это Я вступает в какое-либо отношение к ним или воздерживается от таких отношений. Бытие-в-мире «есть со-бытие с другими» [Там же. С. 118]. Со-бытие с другими является одним из экзистенциалов, т.е. сущностно необходимым моментом существования вот-бытия: «Со-бытие есть неотчуждаемое определение собственного существования» [Там же. С. 121]. Если сказать иначе, то со-бытие означает, что именно во взаимоотношениях с другими человек становится и является собственно человеческим существом.

Здесь стоит подчеркнуть, что со-бытие или соприсутствие не означает, что «бывают еще и другие моего вида» [Там же. С. 120], что требует учитывать факт их существования, т.е. так или иначе согласовывать свои интересы с интересами других. Хайдеггер метко замечал, что эти индифферентные модусы бытия друг с другом легко сбивают онтологическую интерпретацию на то, чтобы толковать это бытие как чистое наличие многих субъектов [Там же. С. 121]. Но дело здесь даже не том, что человек может обойтись без других или, наоборот, всегда зависим от них. Эти черты вообще не являются «исходными экзистенциальными феноменами». Они возможны лишь на почве уже имеющего место со-бытия.

Если смотреть шире, то резонно трактовать человеческое бытие как отношение, и тогда быть человеком – значит находиться в отношении к чему-то. Говоря иначе, именно отношение конституирует человеческое бытие. Это отношение Хайдеггер характеризовал как заботу, которая употребляется «чисто онтологически-экзистенциально» [Там же. С. 100]. По поводу онтологического статуса заботы можно сказать то же, что и по поводу бытия с другими. Не сначала индивид, обладающий некоторым набором черт, который потом начинает заботиться по поводу тех или иных вещей, а забота как отношение, которое очерчивает круг значимостей для индивида, формирует его сущностные черты или способы (что и как) его видения, понимания и переживания. Недаром Хайдеггер отмечал, что забота не является показателем примата практического над теоретическим. Последнее есть лишь формы ее выражения. «Теория» и «практика» суть бытийные возможности сущего, чье бытие надо определять как заботу [Там же. С. 143].

Трактовка бытия как заботы с необходимостью предполагает и подразумевает один важный аспект, на котором заостряет свое внимание Брейкен. «Дело в том, что наше обычное понимание настроения или

чувства как чего-то частного и внутреннего дает ложную трактовку подлинной природы нашего опыта. Наши настроения находятся не «внутри» и не отделены от «внешнего» мира. Они являются частью процесса, посредством которого мир приведен к свету. Наши настроения имеют социальное измерение, и, как мы видим, всегда культурно обусловлены, как и наше понимание мира. Только в контексте нашей фоновой культурной настроенности на переживания мы можем обладать индивидуальным чувством и настроениями» [2. Р. 153].

Иначе говоря, человеческие чувства, мысли и действия не являются изначально присущими человеку как виду сущего. Они формируются тем типом культуры, в котором индивид появляется на свет. Поэтому его любые желания и переживания также следует трактовать как конституированные тем или иным строем культуры. Можно сказать, что симпатии и антипатии, боли и радости по поводу тех или иных объектов, как и сами по себе те или иные виды переживаний или желаний по поводу тех или иных объектов уже культурно детерминированы. Хайдеггер называет два равноисходных конститутивных способа быть «расположением» (онтически это настроение или настроенность) и «пониманием» как некоторой изначальной понятностью окружающего мира [9. С. 133]. Любой индивид уже застает их в готовом виде, поскольку формируется не в вакууме, а в определенной культуре. Вот почему Хайдеггер неоднократно указывал на «разомкнутость» или «открытость» мира, не тождественную и первичную по отношению к любым познавательным процедурам. В этом смысле понятность не есть совокупность когнитивных схем, посредством которых интерпретируются объекты внешнего мира, а встроенность в сложившиеся формы жизни. Потому Хайдеггер и прояснял, что «мы применяем иногда в онтической речи выражение “понимать в чем” в значении “уметь справиться с делом”, “быть на высоте”, “кое-что уметь”. ...В понимании экзистенциально лежит бытийный способ присутствия как умения быть. Присутствие не есть нечто наличное, в придачу обладающее еще каким-то умением, но оно первично могущее-бытие» [Там же. С. 143]. Потому же он указывал, что якобы философские рассуждения о существовании внешнего мира «предполагают сначала безмирный соотв. неуверенный в своем мире субъект, который должен по сути сперва в мире удостовериться» [Там же. С. 206].

Из этих рассуждений Брейкен делает методологический вывод: «Если посттравматическая тревожность характеризуется потерей смысла, тогда нам прежде всего нужно понять, как для нас присутствует значимый мир. Что уходит от нас в этом состоянии тревожности?» [2. Р. 143–144]. Его тезис о контекстном подходе, основания для которого обеспечиваются хайдеггеровской философией, может тогда быть понят в двух взаимосвязанных смыслах. Прежде всего, это необходимость переосмысления вопроса о причинах травмы. Здесь можно опереться на рассуждения исследователя Дэвида Беккера (David Becker), работавшего в Latinoамериканском институте психического здоровья и прав человека (Чили),

что термин «пост» в тезисе о посттравматическом состоянии указывает на ограниченность травматического события определенными временными границами и, по сути, сводит его к событию, локализованному в пространстве и времени. «Но наши пациенты (речь шла о семьях, ставших жертвами политических репрессий в Чили в 1977 г. – *Прим. авт.*) испытывают непрерывную и все накапливающуюся травму» [10. Р. 101]. Потому Беккер полагал, что правомернее говорить о травме как процессе [Ibid. Р. 106].

Процессуальность также предполагает многоаспектность трактовки. Прежде всего, речь может идти о растянутости травмирующего объекта во времени, где каждое новое событие (даже с временными разрывами) может стать звеном в накоплении и усилении травматического состояния. Второй аспект связан с решением вопроса, а что именно травмировало в происшедшем или происшедшем. Так, причиной может быть не само событие, как оно традиционно понимается (война, к примеру), а его некоторые аспекты или следствия. Например, травмирует не сама война, а порожденные ей разрыв или разрушение привычного образа жизни. Можно, конечно, дискутировать по поводу различия события и его следствий (подразумевает ли война разрыв в образе жизни или он является следствием и составной частью самой войны?). Но, по крайней мере, можно полагать, что в силу многоаспектности источника травмы возникает необходимость актуализировать вопрос о том, а какие именно аспекты произошедшего стали причиной травмы. Как отмечалось выше, Чернобыль был интерпретирован именно как инфотравма. Поиск ответа на подобного рода вопрос может быть связан лишь с определением степени значимости той или иной стороны травмирующего события в определенной культуре.

Здесь возникает еще одна сторона в интерпретации причин травмы. Как подчеркивал Брейкен, «с феноменологической точки зрения потеря смысла происходит в разрушенном мире, а не в разрушенном духе» [2. Р. 147], подчеркивая этим, что травматическое состояние следует связывать не с радикальными сдвигами в когнитивных схемах или мировосприятии, а с разрушением сложившегося образа жизни. Разрыв в мировосприятии может тогда трактоваться как следствие или сопровождение разрушения форм жизни, поскольку открытость и осмысленность мира в рамках феноменолого-герменевтической традиции подразумевают понятность того, что имеет место и зачем. Тогда высказывание типа «Мир потерял смысл» в данном случае предполагает не утрату знаний и объяснений (хотя и это может иметь место), а утрату понимания, как и зачем жить. Понятно, что разрушение мира есть разрушение или потеря привычных связей с другими (семьей, соседями), сложившихся символов и ритуалов, повседневных привычек и т.д. Точнее сказать, что потеря этих связей и отношений и есть разрушение образа жизни.

Очевидно, что такое понимание требует изменения методологии анализа травмы. Как отмечал Беккер, ситуация опознается как «пост» только в тот момент, когда терапевт узнает о страданиях людей, ставших его пациентами [10. Р. 102]. Иначе говоря, надлежит

двигаться не от события к симптомам, а от симптомов к поиску причины их вызвавшей, а вернее от идентификации (интерпретации) тех или иных состояний как симптомов к такой же интерпретации того, что считать причиной. Только так, кстати, может быть продуктивно понятен приводимый Брейкеном тезис Янга о сотворенности травмы современной культурой.

Здесь открывается второй смысл контекстуализированного подхода. Тот же Беккер отмечал неадекватность или ограниченность психиатрического и психоаналитического языка для описания травмы, ее следствий и путей преодоления. «Если мы называем случившееся “расстройством”, мы фактически встаем на позицию насильника и тем самым усугубляем травму» [10. Р. 103]. Повышенная реакция на использование термина «расстройство» по отношению к травмированным индивидам связана с тем, «что важной причиной, по которой они чувствуют, что могут обратиться к нам за помощью, становится тот факт, что мы являемся правозащитным учреждением, а не больницей или институтом для лечения психического расстройства» [8. Р. 104].

Действительно, если травма вызвана разрушением мира, то путь преодоления ее следует связывать либо с восстановлением привычного образа жизни, либо с возможностью его перестройки, предполагающей те или иные формы включения травматического опыта в новый образ жизни. Тогда медицинское лечение и психологическую поддержку следует рассматривать не столько как фундамент, на который опираются другие компоненты (социальные и т.д.), обеспечивающие выздоровление, сколько как составную часть общего комплекса проработки травмы. Поэтому «проработка» есть более удачный термин для описания комплекса способов справиться с травматическим состоянием. Потому «право на получение пенсий, медицинской или терапевтической помощи должно зависеть не от идентификации симптомов ПТСР, а от факта, что кто-то стал жертвой политических репрессий» [10. Р. 108].

Хайдеггеровская мысль о расположении и его модусах подталкивает Брейкена к еще одному тезису. Речь идет об интерпретации состояния, которое в переводе Библихина обозначено как «ужас» [9. С. 184] и противопоставлено «страху»; в переводе Евгения Борисова обозначено как «страх» и противопоставлено «боязни» [11. С. 305], а у Брейкена описано понятием «тревожность» в противовес «страху». Помимо прочего, понятие тревожности, видимо, более вписывается в контекст психологического дискурса, потому используется Брейкеном для того, чтобы отметить одну важную мысль для отстаиваемого им подхода. «Тревожность не является симптомом расстройства или заболевания, но повсеместно доступным и присутствующим состоянием» [2. Р. 140]. По Хайдеггеру, тревожность (ужас), как известно, – это способ, каким некоторые сущностные черты человеческого бытия, а именно то, что может быть описано такими понятиями, как «хрупкость», «конечность», «ненадежность», «неустойчивость», открываются нам. В этом смысле тревожность неустранима (а по Хайдеггеру обеспечивает движение к аутентичности), а те или иные формы

жизни тогда можно интерпретировать как попытки (или симптомы) бегства от тревожности, ее забвения и т.д. Тогда, такие состояния, как страх, депрессия и отчуждение часто сопровождаются или даже обуславливаются тем, что охарактеризовано Хайдеггером как тревожность» [2. Р. 140].

Эти рассуждения позволяют Брейкену выдвинуть еще одно суждение о роли травмы: «Я полагаю, что травматический опыт может иметь эффект пробуждения у индивида состояния тревожности» [Ibid. Р. 143]. С этой точки зрения, тревожность может трактоваться не как последствие или симптом травмы, а как состояние, которое травмой лишь выявлено, усилено или актуализировано. Иначе говоря, тогда травма лишь обнажает то, что в имплицитном состоянии уже присутствовало в обществе. Кэти Каруг отмечает, что «о ветеранах Вьетнама можно сказать, что они травмированы не только войной, но и теми детскими травмами, для которых военные события стали спусковым крючком» [12. Р. 573]. Понятно, что такой подход достаточно радикально меняет интерпретацию как характера симптомов, так и причин их вызвавших. Иначе говоря, необязательно, что тревожность вызывается травмой, и, наоборот, ее отсутствие еще не свидетельствует об отсутствии травмированности. Соответственно и симптомы могут связываться не столько с наличием травматических ситуаций, сколько с общим состоянием тревожности.

Но Брейкен действует более радикальнее. Он историзирует идею первичности тревожности. «Я буду утверждать, что в некоторых культурах тревожность (как состояние духа, характеризующееся чувством безместности и “бездомности”) не за горами» [2. Р. 149]. Это означает, что состояние тревожности можно интерпретировать как общее состояние общества определенного типа, обусловленное не теми или иными случившимися в нем травматическими событиями, а определенными социально-экономическими и культурными процессами. С этой точки зрения травматические события следует считать лишь пусковым крючком, активизирующим имплицитно и перманентно присутствующее настроение и переживание и обуславливающим столь же определенный тип симптомов. Как отмечает Брейкен, «в обществе, в котором метафизические основания (как сформулированные, так и имплицитно содержащиеся в «образе жизни») не функционируют так, чтобы создать сильное чувство согласованности и непрерывности жизни, тяжелая травма или потеря могут более легко привести к определенному типу посттравматической тревожности» [Ibid. Р. 207].

В определении типа общества, где тревожность становится общим состоянием духа, наш автор не оригинален. В согласии со сложившейся исследовательской традицией он связывает его с приходом эпохи постмодерна. То же самое касается характеристик этого общества, где одной из ключевых считается так называемая потеря смысла, проявляющаяся в растущем ощущении хрупкости, уязвимости, бездомности, роста хаоса. Если это так, то дискурс травмы «сам по себе является продуктом определенной культурной озабоченности травмой и ее последствиями в виде

ощущения бессмысленности и безместности» [2. Р. 187]. Иначе говоря, резонно полагать, что травма сотворена современной культурой в том смысле, что на фоне общего растущего состояния тревожности нарушение привычного порядка вещей начинает восприниматься соответствующим образом и порождать весьма определенный тип симптомов.

Дело, конечно, не в том, чтобы на этом основании настаивать на надуманности травмы или сомневаться в возможности использовать этот дискурс для идентификации ситуаций, возникающих в иных культурных мирах. Дело в повышении исследовательской и практической восприимчивости как к анализу симптомов и установлению форм их возможной связи с возможными причинами, так и к определению продуктивных форм проработки травмы. В связи с этим Брейкен неоднократно повторяет тезис о том, что многие современные формы терапии, «направленные на изменение индивидуального поведения через личностное самопонимание, прочно укоренены в концепции человека как отдельного и независимого человека, способного к самореализации в относительной изоляции от конкретных социальных контекстов» [Ibid. Р. 212].

Если вернуться к определению базисных характеристик современной культуры как условий роста тревожности, то рискнем предположить ее связь не столько с ощущением бессмысленности существования, сколько с повышенной чувствительностью современного индивида и ростом комфортности бытия. Принято связывать формирование и усиление этих аспектов с общей утратой религиозности (а именно мироотрицающими религиями), ориентациями на развитие индивидуальности и личности (Брейкен пишет о преувеличенной саморефлексивности [Ibid. Р. 187] и развитием общества потребления. Поэтому тогда резоннее говорить не об утрате смысла, а о повышенной чувствительности к ситуациям, которые могут ее повлечь, и, возможно, беспрецедентному расширению репертуара таких возможных ситуаций.

Однако автор полагает, что наряду с проблемами постмодерн открывает и новые перспективы их обсуждения и решения, которые связываются им с ответственностью за инаковость или фукианской этической чувствительностью. Это, как известно, чувствительность к другим голосам, подавленным доминирующей культурой, критическая рефлексия по поводу сложившихся культурных различий. [Ibid. Р. 203]. Говоря о специфике постмодернистской этики, наш автор отмечает, что «постмодернистская этика – это не о ситуации, когда «все допустимо». Скорее, речь идет о том, чтобы столкнуться с миром, где нет возможности руководствоваться определенными кодексами или принципами. Речь идет о принятии положения дел, в котором амбивалентность и беспорядок не являются лишь временными трудностями, которые необходимо преодолеть путем их более глубокого анализа или применения все более структурированных этических систем» [Ibid.]. Тем самым обращение автора к постмодерну связано не только с анализом состояния современной культуры, но и с применением соответствующих подходов, обычно ввязываемых

с постмодерном и вытекающих, как известно, из отказа от использования метанарративов. Осуществленный исследователем переход от Хайдеггера к постмодерну в этом плане не выглядит парадоксальным, поскольку герменевтика Хайдеггера вполне может рассматриваться как некоторый необходимый и переходный шаг на этом пути.

Тезис о том, что тревожность связана с характером современной культуры и потому требует пересмотра подходов к определению симптомов травмы и путей ее проработки, позволяет автору сделать еще один шаг, о котором он неоднократно заявляет на страницах своей книги, а именно обосновать необходимость применения контекст-центрированного подхода к анализу и решению проблем, которые могут быть опознаны как травматические в неевропейских культурах. Он вновь подчеркивает, что «с постмодернистской точки зрения поиск все более эффективных методов лечения и кодексов поведения является частью проблемы и, как можно ожидать, порождает новые формы угнетения и страдания» [2. Р. 202].

Брейкен отметил это обстоятельство на собственном опыте. «В течение трех лет, слушая людей в Уганде, которые испытали страшные страдания, я убедился, что знания, которые я принес со мной, мало что могут им предложить» [Ibid. Р. 208]. Подводя некоторые итоги, он заключает, что «в настоящее время мы сталкиваемся с следующими вопросами. Если осмысленность мира определяется не структурами, схемами или программами, содержащимися в индивидуальных сознаниях, а практическими действиями людей в их социальной и культурной среде, должны ли мы смотреть на персональные беседы как на решение, когда возникают проблемы смысла? Является ли такая рамка релевантной для межкультурной работы с жертвами насилия?» [Ibid. Р. 211]. Брейкен подчеркивает, что речь идет не об отрицании помощи и поддержки, но о выработке форм соучастия, которые в качестве приоритетных ставят понимание роли контекста и которые функционируют с позиции уважения к культурам и космологиям, с которыми они связаны [Ibid. Р. 214]. Иначе говоря, в ситуации преодоления страданий жертв насилия в других культурах мы должны не просто учитывать специфику культурных традиций того или иного общества, а на их основании строить стратегию помощи. Этот подход связывается им с так называемой новой кросс-культурной психиатрией. Термин был введен еще Артуром Клейнманом в 1977 г., поэтому, как отмечает сам Брейкен, к настоящему времени новая кросс-культурная психиатрия уже не столь нова [Ibid.].

Суть этой новой кросс-культурной психиатрии, по Брейкену, заключается в следующем: «1. Признать важность местных контекстуальных факторов в формировании человеческой реакции на страдания; 2. признать, что реконструкция смысла включает в себя, по большей части, восстановление практического образа жизни; 3. работать с позиции “глубокого уважения” к местным традициям исцеления, местным образам жизни и местной космологии; 4. осознавать свои собственные предпосылки и ориентации; 5. учиться “слушать” местные голоса и учиться навыкам того, что я буду называть “поддерживающим не-

вмешательством» [2. Р. 218]. При этом Брейкен подчеркивает, что данная методология не предполагает разработки новых однозначных критериев идентификации реакции на травму. Это противоречило бы сущности предлагаемого подхода. Смысл его скорее в определении принципов, обеспечивающих разработку подобных критериев. Вернее, суть его в осознании конкретно-исторического характера реакции на травму и, следовательно, невозможности механического перенесения черт, выявленных в определенном месте и времени, на ситуации в другом месте и времени.

Этот же подход автор предлагает применить к анализу положения дел в западной культуре. Брейкен еще раз повторяет, что речь идет не об отказе от психотерапии или психофармакологии. «То, что я ишу, – это демократическая дискуссия о природе вмешательства подобного рода: ценности, которыми оно руководствуется, философские допущения, обеспечившие его разработку и дальнейшую поддержку, и практические приоритеты, которые оно порождает» [Ibid. Р. 223]. Движение в этом направлении автор предлагает назвать пост-психиатрией. Стоит заметить, что приставка «пост» оказалась в этом отношении весьма популярной и по сей день используется в разных контекстах. Но в данном случае пост-психиатрия по смыслу сродни использованию понятия «постмодерн», а именно призыву отка-

заться от поиска окончательных ответов на те или иные вопросы. Как отметил Брейкен, «пост-психиатрия сама по себе не предлагает новые теории о безумии, но посредством деконструкции психиатрии стремится открыть пространства, в которых другие, альтернативные, подходы к безумию (говоря о безумии, автор подразумевает и расстройство, вызванное травмой. – *Прим. авт.*), отрицаемые психиатрией, могут оказать валидными» [2. Р. 223]. «Если использовать пространственную метафору, пост-психиатрия – это не место, не набор фиксированных идей и убеждений. Это больше похоже на набор ориентаций, которые вместе могут помочь нам сдвинуться с того места, где мы сейчас находимся. Она не стремится предписывать конечную точку на этом пути и не утверждает, что есть “правильные” и “неправильные” способы решения безумия» [Ibid. Р. 223–224].

Отсюда вытекает неоднократно повторяемая автором ценность философской рефлексии. «Философия не может помочь нам в клинической практике, но может помочь прояснить, какие ценности используются в ходе применения определенных способов вмешательства» [Ibid. Р. 214]. Добавим к этому, что она также может сформировать продуктивную рамку для поиска и применения эвристичных подходов, о чем свидетельствует данный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушакин С. «Нам этой болью дышать» // Травма: пункты : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
2. Bracken P.J. Trauma Culture, Meaning and Philosophy. Whurr Publishers Ltd., 2002. 258 p.
3. E-interview // Psychiatric Bulletin, 2008. Vol. 32, №. 6, P. 240. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/psychiatric-bulletin/article/pat-bracken> (дата обращения: 2.08.2018).
4. Summerfield D. Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models // Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics / ed. by Rolf J. Klieber. 1995. P. 17–29.
5. Hunt N.C. Memory, War and Trauma. Cambridge University Press, 2010. 233 p.
6. LaCapra D. Writing history, Writing trauma. Johns Hopkins University Press, 2001. 248 p.
7. Мирный С. Чернобыль как инфотравма // Травма: пункты : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 209–246.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
10. Becker D. The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations // Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics / ed. by Rolf J. Klieber, 1995. P. 99–110.
11. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Изд-во «Водолей», 1998. 384 с.
12. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 561–581.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 августа 2018 г.

UNDERSTANDING TRAUMA: A DISCUSSION OF ONE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 66–74.

DOI: 10.17223/15617793/435/9

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Keywords: trauma; posttraumatic stress disorder; cognitivist approaches in psychology; context-centered approach; anxiety; philosophical assumption.

The article discusses the potential of the philosophical approach carried out by the English researcher Patrick J. Bracken to the study of the trauma, namely the concept of posttraumatic stress disorder (PTSD). The author of the article believes that his work, namely “Trauma: Culture, Meaning and Philosophy”, can be considered as a good example of the using of a philosophical approach to a specific research problem. Bracken argues that the dominant research approaches to the study of trauma are unsatisfactory. It is about the boundaries and possibilities of cognitive psychology. As the author writes, its aim is to restore meanings by therapies that focus on the intrapsychic worlds of individual people. Cognitivists insist on its scientific character; independence from one or another philosophical reason. The author claims that this approach is based on certain philosophical assumptions. He connects these philosophical assumptions with the domination of the heritage of Cartesianism, Enlightenment and positivism. Bracken argues that there are two important consequences from psychiatry’s adoption of the positivist position in both its medical and non-medical forms: first, the conclusion that psychological problems have the same basic form cross-culturally and, second, that the history of psychiatry can be seen as a progressive identification of the true nature of mental illness. Opponents criticized this position for, first, identifying the symptoms of PTSD, and, second, the ways of working out the trauma. But philosophy, as Bracken’s book amply illustrates, also offers a positive agenda for change. The author

connects this role of philosophy with the sort of hermeneutic phenomenology developed by Heidegger. Heidegger's phenomenology, as Bracken supposes, provides the theoretical framework for an alternative approach to trauma management, one which, in being interpersonal rather than intrapsychic, and social rather than individual in orientation, is better suited to the needs of very many victims of trauma, particularly those in the non-Western world. Bracken argues that Heidegger's philosophy opens up opportunities for using a context-centered approach. If the trauma leads to a loss of meaning, then from a context-centered approach a loss of meaning occurs in a broken world, not in a broken mind. Bracken also indicates that from a phenomenological point of view anxiety should be interpreted not only as a symptom of PTSD, but also as a consequence of the general state of modern society. As Bracken says, in a society in which the background of metaphysics does not function to create a strong sense of life's coherence and continuity, a severe trauma or loss can more easily lead to a sort of post-traumatic anxiety. In the final of his discussions, the author links productive methodological approaches with postpsychiatry. It incorporates evidence, individual therapy, impersonal diagnostic categories, tools of traditional medical psychiatry. But postpsychiatry, as Bracken argues, de-centres these tools and instead foregrounds questions of values, social contexts and, perhaps most important of all, personal meanings.

REFERENCES

1. Ushakin, S. (2009) "Nam etoy bol'yu dyshat'" ["We will breathe this pain"]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: items]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Bracken, P.J. (2002) *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. Whurr Publishers Ltd.
3. Psychiatric Bulletin. (2008) E-interview. *Psychiatric Bulletin*. 32(6). pp. 240. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/psychiatric-bulletin/article/pat-bracken>. (Accessed: 2.08.2018).
4. Summerfield, D. (1995) Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models. In: Kleber, R.J., Figley, Ch.R. & Gersons, B.P.R. (eds) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. Springer US. DOI: 10.1007/978-1-4757-9421-2
5. Hunt, N.C. (2010) *Memory, War and Trauma*. Cambridge University Press.
6. LaCapra, D. (2001) *Writing history, Writing trauma*. Johns Hopkins University Press.
7. Mirnyy, S. (2009) Chernobyl' kak infotravma [Chernobyl as an info-trauma]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: items]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Man's Search for Meaning]. Translated from English and German. Moscow: Progress.
9. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
10. Becker, D. (1995) The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations. In: Kleber, R.J., Figley, C.R., & Gersons, B.P.R. (eds) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. N.Y.: Plenum.
11. Heidegger, M. (1998) *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [History of the Concept of Time: Prolegomena]. Translated from German by E. Borisov. Tomsk: Izd-vo "Vodoley".
12. Karut, K. (2009) Trauma, vremya i istoriya [Trauma, time and history]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: items]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received: 16 August 2018

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ» В РУССКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сформулировано пять этапов, необходимых для комплексного исследования феномена «русская власть»: 1. Концептуальный анализ понятия «власть» в энциклопедических изданиях, текстах русской классической литературы и современной публицистики и социальных сетях. 2. Анализ состояния современной русской философии власти. 3. Изучение проявлений власти в ясных, опредмеченных формах. 4. Исследование мифообразования, анализ лжемифов. 5. Определение базовых символов и знаков русской власти.

Ключевые слова: русское цивилизационное пространство; философия власти; эпистемология; семантический анализ; дискурсивный анализ.

XXI в. демонстрирует диффузию академического дискурса о бытийствовании цивилизаций с практической сферой международной политики. Так, не секрет, что представление о столкновении цивилизаций, как норме их существования, столь блестяще резюмированное С. Хантингтоном [1. С. 24–27; 32–45; 515–532], явилось предтечей жесточайшего прессинга США и их союзников по Западному миру в отношении иных форм цивилизационного существования человеческих коллективов, а тезисы З. Бжезинского [2. С. 41–64] выступали как предметные планы тактического воплощения концептуализации С. Хантингтона. С точки зрения строгого академического скептицизма трудно утверждать, что, *безусловно*, текст С. Хантингтона явился причиной столкновения цивилизаций в XXI в., а не, скажем, лишь следствием то угасающей, то усиливающейся тенденции Запада к цивилизационному доминированию над ключевыми регионами земного шара. Но факт тесного переплетения его вполне академического текста с конкретными политическими шагами лидеров ключевых западных стран – вещь очевидная и не требующая развернутых доказательств. То же можно отнести к работе П. Бьюкенена, которая покоится на вполне уверенно прописанном принципе борьбы и столкновений цивилизаций в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби. При этом высказанные американским автором пункты угроз, например мексиканской реконкисты в США [3. С. 173–205], явились ключевым моментом в избирательной программе нынешнего президента Д. Трампа. Некоторые концепции, правда, не проходили проверку временем и сливались с политической сферой лишь временно, так на определенном этапе (первая половина 90-х гг. XX в.), международная политика была принципиально единодушна с концепцией Ф. Фукуямы о конце развития цивилизаций [4. С. 503–505], позднее отвергнутой ради жестких тезисов вышеуказанных авторов из американского политического истеблишмента.

Практическая реализация таких глобальных международных проектов, как ШОС, БРИКС, ЕАЭС, инициированных Российской Федерацией и поддержанных целым спектром стран, находящихся далеко за пределами русской цивилизации, демонстрирует эксплуатацию в международной политике фундаментально иных принципов, нежели *столкновение* и *кон-*

фликты. Анализируя программные документы внешней политики Российской Федерации, можно зафиксировать проникновение в их юридические формулы академического дискурса Н.Я. Данилевского [5. С. 485–486] и его интеллектуальных преемников [6. С. 130–161], которые утверждали принцип *сосуществования* или *взаимодействия* цивилизаций [7. С. 5, 7, 20–21, 27–34].

Все это накладывает особый отпечаток на академические дискурсы, посвященные вопросам существования и развития цивилизаций. А учитывая колоссальный рывок Российской Федерации именно в сфере международного сотрудничества и ее целенаправленные попытки сформировать *принцип взаимодействия цивилизаций* как платформу для практического диалога между отдельными странами и культурами, следует признать проблему русского цивилизационного пространства одной из наиглавнейших в современной социальной философии.

Исходя из практической актуальности, наиглавнейшей задачей автора является фиксация теоретической актуальности изучения феномена власти именно в русском цивилизационном пространстве, которая многими исследователями ставится под сомнение. Второй по значимости задачей является постулирование перспективности конкретных методологических линий в исследовании феномена русской власти на основе уже имеющихся достижений в российской и западной философии с неизбежным для такого рода работы оттенком рецензирования ключевых для темы текстов. Последнее совершенно необходимо, ибо анализ методологических находок, успехов или ошибок более титулованных и авторитетных, нежели автор статьи, коллег позволит избежать излишних aberrаций и придаст выдвигаемым постулатам и гипотезам определенную методологическую устойчивость, если не преемственность.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о *цивилизационном пространстве* с сопутствующими, характерными для этой категории атрибутами, а не об абстрактной дефиниции – «цивилизация». В отличие от последней *цивилизационное пространство* – это область конкретных, эмпирически фиксируемых физических объектов, которые находятся в ситуации синергии, когерентности и каузальности. Эта предметная, фиксируемая органами

чувств совокупность может быть подвергнута эмпирическим методам исследования (наблюдению описанию, измерению и сравнению). Лишь эксперимент в строгом, сугубо научном понимании этого слова не может быть применен к описываемой реальности, но такие его модификации: как лингвистический, социологический, психологический или политологический эксперимент являются вполне приемлемыми и даже необходимыми операциями для постижения цивилизационного пространства.

Возвращаясь к теме статьи, обозначим важные с методологической точки зрения вопросы: «Есть ли географическая определенность в понятии “русское цивилизационное пространство”? Или речь идет о носителях определенного типа мировоззрения, вне зависимости от географии? Или это пространство конкретного, в данном случае, русского государства?». Приемлемым кажется *определение русского цивилизационного пространства* как *международного, межгосударственного и межконтинентального сообщества, объединённого причастностью к России и приверженностью к русскому языку и культуре, выражающееся в культурно-исторической деятельности, имеющей конкретное, материальное воплощение*. При этом формы причастности достаточно пластичны и коренятся не в формальных признаках: наличие гражданства (паспорт), поддержке политического режима (физический акт голосования), антропологически выверенного канона (форма лица, цвет глаз и т.д.), а скорее, в ощущениях родственности и в чувстве любви. В этом смысле крымский татарин, ощущающий родство с Россией, оставаясь крымским татарин, представителем одного из тюркских этносов, может быть определен и как актер русского цивилизационного пространства. Хороший тому пример – мироощущение Исмаила Гаспринского, выраженное им в его статьях, политической деятельности и культурно-просветительских усилиях. В предметном плане это может выражаться также в определенном наборе символов, стереотипов поведения и, наконец, в языке. Мощным фактором фиксации наличности русского цивилизационного пространства в современном мире являются социальные сети, позволяющие предельно четко и предметно фиксировать его наличие, структуру и своеобразие.

Вторым исследовательским постулатом является точка зрения, что наиболее основательно, предметно и физически выверено спектр этих идей, ощущений, представлений, восприятий и т.п. выражается в коммуникативно-социальном поле власти, которое во многом служит в качестве ясного идентификатора принадлежности того или иного субъекта, той или иной идеи, того или иного символа к определённом цивилизационному дискурсу. Именно власть в силу хорошо известного свойства специфической консолидации и дисциплинарности [8. С. 246–249], а также благодаря мощной способности к усилению коммуникативности [9. С. 11–34] является фактором, объединяющим разнообразные культуры, нации, страны, этносы в единую цивилизацию. И речь идет не об общей вертикали властных отношений, а о приемлемом для носителей цивилизации властном дискурсе, вы-

ражающемся в политическом обустройстве, юридически зафиксированных принципах правоотношений, архитектурном прославлении конкретного восприятия власти, создании базовых, хорошо известных населению мифов о власти, формам военной муштры, конкретных систем наказания и т.п. Таким образом, сфера распространения дискурса власти, присущей конкретной цивилизации, является удобным маркером определения границ и структуры того или иного цивилизационного пространства.

Очень ярко два вышеприведенных постулата в их симбиотическом единстве проявляются в языке. Так, например, существует колоссальная разница между русским «власть» и английскими словами «power» или «authority». В первом случае это обладание, абсолютная воля, распространенная на строго определенное пространство. Этимологически понятие восходит к термину «волесть». Последнее не просто предметно выраженный надел, «кусочек земли» с зафиксированными границами в физическом пространстве, а определенные полномочия, статусность, авторитетность обладателя этого «куска земли» и т.д. В случае с английским языком речь идет для «power» о мощности, степени, силе, энергии, способности, могуществе. А для «authority» ключевыми являются полномочие, авторитет, основание, влияние, начальство. Существуют «military power» (военная власть), «temporal power» (светская власть), но при этом власть берут всегда определенные личности, конкретные индивиды: «to assume authority». «Home rule» (местная власть), в нашем понимании, лишь управление, лишённое мощи и обладающих могуществом личностей. В принципиально ином языке, но входящем в поле западной цивилизации, в испанском, глагол «poder» (власть) восходит к «posere» из вульгарной латыни, где он обозначает возможность чего бы то ни было, а это роднит его с английским вариантом власти и свидетельствует о единстве цивилизации (несмотря на разные группы языков: германскую и романскую). По сути, испанцы осваивают власть как «la facultad, habilidad, autorización para llevar a cabo una determinada acción» (способность, навык, разрешение на проведение данной деятельности) [10]. При этом, согласно авторитетной «la Real Academia Española (RAE)», такие привычные нам определения власти, как «правительство», «владение чем-то» и т.п., относятся ко второму блоку толкований понятия «Poder» [11]. Уже на данном, достаточно простом примере нетрудно заметить фундаментальную, корневую разницу не просто в употреблении, а в понимании власти носителями *трех* разных языков, принадлежащих к *двум* разным цивилизациям.

Впрочем, недавно появилась довольно обстоятельная статья, в которой авторы, строго сравнив русский и английский варианты определения власти (это очень важно, *определения, а не употребления*), пришли к заключению, что «“власть” и “power” следует рассматривать как две разные вербальные формы одного понятия. Несмотря на определенные различия семантики и этимологии слов, они не обязывают исследователей использовать разные интерпретации «власти»; при этом «лингвистические» аргументы в

пользу той или иной концептуализации не могут считаться решающими [12. С. 36]. Их выводы базируются на обильном лингвистическом материале из авторитетных словарей, цитат из авторитетных академических дискурсов. Но уже в рамках широкого *лингво-социологического эксперимента*, проведенного иными исследователями, обнаружилось довольно существенное различие в ощущениях, восприятиях, пониманиях и их репрезентации власти средствами языка англо-говорящей (американский вариант) и русского-говорящей аудитории [13. С. 144–147], позднее развитой в кандидатской диссертации [14]. Следует согласиться с первой группой исследователей, что академическое понимание власти в принципе способно сформировать единый академический язык, но вот что касается носителей определенной цивилизации, то как на обильном материале продемонстрировала А.А. Шабанова, такое единение идей и образов крайне затруднительно и маловероятно.

В этом смысле ученик Жана Бофре – философ Франсуа Федье, очень изысканно обыграл высказанные выше трудности языкового понимания реальности власти. Он, не прибегая к социологическим исследованиям, работая исключительно с общеизвестными классическими текстами по философии, истории, юриспруденции, культурной антропологии, суммируя объемный лингвистический материал из древнегреческого языка, латыни, французского, английского и немецкого языков, попытался свести разнообразные формы ощущения-восприятия власти в языках и текстах в единую матрицу. Ф. Федье начал свой текст с анализа конструкций власти греческого языка эпохи написания Евангелия [15. С. 93], затем перешел к французскому языку Ш. Монтескье [Там же. С. 94–97], а потом опять вернулся к греческим смыслам, но уже эпохи Фукидида и других греческих авторов [Там же. С. 98–103]. В дальнейшем Ф. Федье уже свободно оперировал французскими и древнегреческими образами, постоянно играя грамматическими формами и словообразованиями [Там же. С. 106–130], иногда, впрочем, обогащая выстроенный дискурс конкретными ссылками на «власть» в немецком и английском языках, не упуская возможности проработать понятие и в классической латыни [Там же. С. 115–117, 130–131]. Он изучал власть в специфических социально-политических и культурных реалиях, как философ, фиксируя, цивилизационно-пространственную границу бытия смысла власти в ландшафтах Эллады, Древнего Рима, современного Западного мира и т.д. и т.п.

Цель Ф. Федье: объективно вскрыть понятие «власть». Автор не стремится найти универсальную дефиницию власти, он формирует смысловое поле, выраженное в конкретных текстовых артефактах, именно современной западной власти, он укладывает в свою концепцию семантические смальты из греческого языка и отдельные, просеянные концепты из конструкций латыни, французского, английского и немецкого языков. Он не довольствуется словарями, а ищет опыт живого общения носителей языка, из которого заимствует смыслы: дипломатические документы, речи в сенате, ультиматумы военачальников, прямая речь из Библии и т.п. и т.д. Это позволяет ему как

философу сработать оригинальный дискурс-анализ, уйти от сугубо лингвистических методов и сформировать яркую индивидуальную, отчетливо выраженную философскую точку зрения на предмет бытия власти.

Философские эксперименты Ф. Федье, как опыты его предшественников, не раз и не два подтверждают *невозможность* сформировать абстрактную дефиницию власти средствами формальной логики или бытовавшими до XX в. методами политической философии при условии проверки искомой дефиниции многоаспектным эмпирическим материалом. Так, например, М. Фуко взял за основу своей концепции власти материалы французские, английские, частично немецкие и итальянские [8. С. 456–477; 16. С. 436–446]. Причем материалы преимущественно из позднего Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. В поздних работах он, правда, уже включает массивный блок из американской жизни (либерализм Чикагской школы) [17. С. 273–333], но продолжает оставаться в рамках эмпирии исключительно Западной цивилизации. Продолжая критический дискурс-анализ М. Фуко и творчески его доработав, Тён ван Дейк создает свой классический текст о власти, но основывает его исключительно на материалах англосаксонской публицистики, анализе речей в парламентах европейских стран, высказываниях лидеров отдельных политических партий, англоязычных учебников [18. С. 98–100, 143–147, 180–189], но опять-таки не выходя за пределы Западной цивилизации.

Резюмируя, следует отметить, что работая с понятием «власть» бесперспективно создавать общие концепции на основе чуждого исследователю языка и цивилизации. Проблема власти всегда укоренена в определенной цивилизации и схемы М. Фуко, созданные на западноевропейском материале, неизбежно характеризуют современную западную цивилизацию, но не в состоянии объяснить феномены цивилизации Индостана. Поэтому использование схем постижения власти и выводов, созданных на основе этих схем для постижения иной цивилизации, методологически ничем не оправданно, кроме интеллектуальной моды и вкусом автора.

Иной аспект – дефиниции, связанные с концептом «политика». Для политики оказалось возможным создание интернациональных комплексов причин и следствий. Политические принципы, сформированные Э. Канетти [19. С. 23–157], одинаково работают и в массах Китая, и в массах Германии. Но ведь политика и власть не синонимы? Это-то уж философски точно утвердили десятки текстов и сотни наблюдений! Данный факт, по существу, является аксиомой отечественной философии власти еще со времен Советского Союза [20. С. 3] и до сего никоим образом теоретически не опровержен. Также как не синонимы «толпа» и «общество». Даже в рамках одной цивилизации национальность автора накладывает столь сильный отпечаток на его тексты, что возможно говорить о разнообразных национальных вариантах понимания власти в рамках одного цивилизационного пространства. Например, понимание «власти» в работах Н. Лумана с его массивным социологизаторством проблемы в контексте «генерализованного средства

коммуникации» [9. С. 10] и позиция Б. де Жувенеля, с присущим этому французу приданию власти своеобразной, почти демонической физиономии и какой-то магической способности власти к экспансии в сознание людей [21. С. 176–194].

И хотя отечественная философия в целом положительно относится к изучению феномена власти, история непрерывного осмысления проблемы началась еще в 1989 г. [20]. К настоящему времени опубликованы прекрасные монографии в рамках концептуализации проблемы на основе англоязычного материала [22], фундаментально проработана герменевтика власти [23]. Защищены докторские диссертации [24], предлагаются смелые нововведения [25]. Однако как массовое явление отсутствуют тексты, поднимающие проблему семантики власти не в трудах тех или иных классиков, а в живом разговорном русском языке, проецирующем образы повседневности. А в XXI в. говорить о философии власти вне повседневной семантики власти, вне пределов феноменологического дискурса-анализа представляется несколько архаичным. Нет серьезных, развернутых и опять-таки массовых размышлений о феномене «власть» в русской философии, русской культуре, русской публицистике. Есть небольшой цикл работ, посвященный авторитетному освоению понятия «власть» в русской литературе [26. С. 18–19; 34], но он остается мало востребованным в современных трудах по философии власти. Есть работы профессиональных филологов [28. С. 4], но исследований профессиональных философов нет. В их трудах семантические штудии, столь важные для ясного понимания феномена власти, у российских авторов в построении русского дискурса власти уместаются на одной странице [29. С. 28–29] либо полностью строятся на англоязычном лингвистическом и отчасти французском материале [22. С. 9–58].

Среди немногих авторов, комплексно вскрывающих *особенности власти в русском цивилизационном пространстве*, следует указать И.В. Федяй, М.Ю. Савельеву и С.А. Королеву. Поэтому стоит проанализировать их тексты на предмет выявления методологических находок и неудач.

Текст И.В. Федяй – это единственная работа, целиком и полностью посвященная осмыслению феномена «власть» в русской философии (но само исследование охватывает артефакты мысли из сферы религии, литературы, искусства в попытке объяснить *русское восприятие сакрального и сакральности*, физичности и метафизичности власти [30. С. 12–18]).

В начале своего текста исследовательница предложила твердую методологическую основу: «Власть органично вырабатывается каждой системой, как начало охраняющее и воспроизводящее именно эту, породившую ее систему, как причинно-следственная связь и основа нормального функционирования элементов именно этой системы. Поэтому рассматривать ее абстрактно, по ее формальной основе, вне системных мировоззренческих корней породившей ее структуры, будет не просто утопичным, но и небезопасным» [30. С. 4–5], однако буквально следующей фразой весь пафос восприятия власти как философской категории редуцируется до узкоспециального термина

«Право»: «Чему пример и представляет собой русская правовая философия конца XIX – начала XX в., закончившаяся разрушением той жизненной системы, в которой и сама существовала» [30. С. 5]. Иной характерный пример сведения в единую абстрактную массу очень разных по смыслу властных реалий: «... митрополит Илларион обращается к обсуждению политических проблем, связанных с выяснением происхождения, сущности и употребления власти. Сущность государства – Божественна, так как в своем назначении она реализует Божественную волю. Носитель верховной власти – “причастник” и “наследник” небесного Царства». Происхождение власти – наследственное, а родословие современных князей митрополит Илларион исчисляет, начиная от «старого Игоря» [Там же]. В первой фразе речь идет о сущности и употреблении власти, но потом поясняется, что осмысливается сущность государства, в третьей фразе появляется «Носитель верховной власти», а потом, в завершение фразы, – прыжок в такую институцию, как «Царство Божие». Завершается этот очень важный для первой главы абзац пассажем о персонализации власти в конкретном биологическом роду – Рюриковичей. Такой «миксированный» подход к очевидно сакрализованной власти, диффузии последней с миром формально внешним, запредельным и миром телесным, биологическим нуждается в серьезном осмыслении, как и понятие «государство», которое в тексте автора столь легко подменяет собой реальности власти как некой формы проявления воли божией. Подобных рассогласованностей в монографии множество, особенно они усиливаются при перечислении концепций власти в допетровскую эпоху (при этом оказывается, что речь автор ведет не столько о власти, сколько об органах управления Московским царством) [Там же. С. 7–11].

Автор второго текста о русской власти М.Ю. Савельева не ставит задачу изучения истории развития власти, а формулирует проблему развития самой власти. Речь идет не об истории власти в умах мыслителей, а об истории власти как исторической реальности. При этом изучается лишь один аспект власти – «Русская монархия». Уже в начале исследования М.Ю. Савельева столкнулась с методологической трудностью разделения собственно власти и тех форматов, которые имеют околотоварный характер. «В конкретных научных методологиях не проводится различие между самой властью и её отдельными инструментами или проявлениями; это можно сравнить с работой патологоанатома, который изучает не живое человеческое тело, а отдельные органы. Таким образом, результаты действия конкретного типа власти не являются абсолютными показателями сущности власти как таковой» [31. С. 7]. В основе монархии и главным предметом своей монографии она видит Человека как властвующего существа, определение человека «в пространстве опыта власти» [Там же]. Свою методологию М.Ю. Савельева определяет следующим образом: «Исследование должно двигаться от власти как предмета к сознанию как способу её понимания и интерпретации. Для понимания власти как таковой нужно рассматривать её как опыт созна-

ния или форму сознания, то есть как нечто, обладающее статусом бытия, основания, а не являющееся совокупностью предметных структур» [31. С. 8].

Исследование представляет собой методологически продуманное описание ключевых символов-мифологем, которые демонстрируют особенности восприятия власти, сосредоточенной в единичном человеческом существе – монархе. При этом речь идет именно о русской реальности и о русской специфике, формируется некий континуум смыслов-образов, которые могут быть восприняты только носителем русской культуры. Но при этом автор предпочел показать один четко фиксируемый во времени отрезок бытия сакральной власти в России, но отказался от формирования концепции этого развития, от системной теории возможного развития дальше и вероятных форм прошлого. Также как он отказался говорить о специфике русскости и методах ее освоения, при этом много внимания уделил линейке понятий от «Власти» до «Сакрального» [Там же. С. 5–68].

В текстах С.А. Королева изучение русской власти предстает под очень необычным ракурсом. В основе его штудий лежит монография 1997 г. [32]. С тех пор вышел цикл статей, усиливающий и раскрывающий отдельные идеи и отдельные фрагменты базового текста 1997 г. [32–34]. В своей первой книге автор так и не указывает, что такое власть, но очень подробно описывает, как это нечто, именуемое властью, трансформирует пространство. На пятнадцатой и шестнадцатой странице автор утверждает, что власть – это система реально существующих технологий власти, по отношению к которой и система субъект-объектных отношений, и «модус обладания» являются как бы «вторичными»... технологии власти – это способ самоорганизации человеческого общества, средство выживания социума в условиях, угрожающих человеческому сообществу внешних опасностей, начиная с враждебной окружающей среды и вплоть до угрозы со стороны других человеческих сообществ» [32. С. 16]. На дальнейших страницах идет детальный пересказ идей М. Фуко о дисциплинарности власти и механизмов этого процесса [Там же. С. 16–30]. Но уже на странице 33 автор не выдерживает фукианской модели в ее наиглавнейшей части. Дело в том, что под давлением фактов из русской истории автор вынужден ввести понятие «центр власти», далее он неоднократно эксплуатирует это понятие, описывая динамику русской колонизации [Там же. С. 33].

Данный шаг С.А. Королева рушит всю стройную теорию рассеянности власти М. Фуко и возникновения властности как характера определенных отношений-столкновений. Дальнейший текст автора, по сути, – удачное осмысление специфики русского пространства с позиций государственно-политико-правового *нечто*, которое крайне удалено от собственно власти. В остальных своих текстах С.А. Королев поднимает интереснейший фактографический материал и эксплуатирует идеи М. Вебера или же возвращается к идеи микросоциумов власти фукианского типа с добротной добавкой идей К.Г. Юнга. Но, уже анализируя Домострой, он постоянно сталкивается с

ситуацией, когда эмпирия вырывается за пределы теорий, заставляя автора снова и снова отходить от каноничных текстов, вводя в оборот кентавров, совмещающих фукианство, веберизм и понятия из Э. Тоффлера: «традиционная власть», «высшая власть», «локальная власть» разбавленных обширными цитатами из Домостроя, В.О. Ключевского, М.С. Соловьева и т.п. [33].

Представленный развернутый анализ наиболее интересных концепций, авторы которых на практике пытались сформировать свое понимание власти в русском цивилизационном пространстве, показал, что ни одна попытка использовать классические западные схемы для анализа русской специфики не удалась. *Успехов удавалось достичь лишь при отказе от каких-либо сдерживающих лекал, укорённых в работах классиков Западной философии власти.* Попытки предвартать эмпирический материал конкретной методологией, разработанной на эмпирическом материале Западной цивилизации, приводили к посредственному результату. Но тогда, когда автор позволял богатому эмпирическому материалу собственно русской истории являться альфой своего текста, то тогда, отбрасывая в сторону существующие традиции понимания власти, он выходил на интереснейшие обобщения и четкую фиксацию имеющихся властных парадоксов, характерных только для русского цивилизационного пространства.

Ключевая проблема видится в том, что в русской философии слабо проработано понятие «власть». Парадоксально, но факт, в истории русской философии объемное, системное философское осмысление концепта Власть¹ было произведено лишь однажды, причем русским философом-эмигрантом на французском языке в 1942 г. [35]. Как следствие этого, более узкое понятие «русская власть» представляется хилым и малофункциональным термином. Данный объективный факт привел вышеуказанных трех авторов к «размягчению» строгой терминологии, заставил их уклониться от четкого этимологического древа используемых терминов. Это проблема, повторимся, объективная и не имеет касательства к ошибкам того или иного автора. Но проблему надо решать, ведь не осознав того, как мы говорим, сможем ли понять, о чем говорим?

Итак, *первым этапом* должен стать это концептуальный анализ понятия «власть» в русском языке, который, генерируя совокупность смыслов власти, даст эмпирический материал для последующего философского анализа. В плане методологическом – это по необходимости работа со словарями, социальными сетями, современной публицистикой, но не только. Слишком многие откровения и серьезные наработки в понимании власти, причем понимании специфически русском, кроются в русской классической литературе. Или мало написано о власти в «Бесах» Ф.М. Достоевского, или микросоциум власти дан где-то более выпукло, чем в его же «Записках из мертвого дома»? Это огромный и крайне неудовлетворительно проработанный пласт концепций, причем отчасти проработанный филологами, но совершенно не затронутый философами (можно привести определенную линейку

авторов русской литературы, в работах которых феномен русской власти дан необычайно развернуто: Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Б.Л. Пастернак, Е.Л. Шварц, Д.М. Балашов, В.А. Усов).

Во-вторых, для уточнения концептуального анализа первого этапа совершенно необходим анализ истории русской философии. Многие элементы, необходимые для понимания особенностей русской власти, спрятаны в хорошо известных, но уже примелькавшихся классических философских текстах. Так, например, автор, сделав запрос в известной системе РИНЦ по терминам «Власть Соловьев», получил ответ, что из имеющихся 25 509 927 текстов указанные термины упоминаются в 29 текстах. Именно термины, не словосочетания, а термины в названиях, ключевых словах, аннотациях. В монографиях, статьях, тезисах и т.п. При этом собственно теме поиска посвящены лишь три статьи. Три статьи из 25 миллионов! При этом запрос «Вл. Соловьев» дал результат в 243 статьи. Неужели В.С. Соловьев ничего не говорил о власти и ему было нечего сказать? Неужели «Краткая повесть об Антихристе» ничего не говорит о своеобразном русском понимании власти? Неужели проблема обладания нравственностью далека от феномена обладания, как стержня русской этимологии власти? А наблюдения В.С. Соловьева о процессе обожествления правителя (кесаря) как предварения богочеловека, при этом кесарь сравнивается с обезьяной [36. С. 64]? Таким образом, вопрос проработки классических философских текстов это необходимый и определяющий этап для последующего феноменологического дискурс-анализа проблемы.

В качестве возможной и оригинальной пролонгации второго этапа представляется возможным осуществить анализ *восприятия смыслов власти* русскими философами, начиная с 1991 г. Речь идет не о знаковых оригинальных авторских концепциях, о схемах восприятия власти, которые философия внедряет в акторов русского цивилизационного пространства. Худо-бедно курс философии, так или иначе, слушают все студенты со всех специальностей, но сколько из них читали сборник «Вехи», или «Царство духа и царство кесаря» Н.А. Бердяева? Уверен, что цифры не сопоставимы. А ведь наиважнейшим является именно *восприятие власти*, которое формирует философия. Формирует ее все-таки тотальная масса современных преподавателей философии (по неполным данным Русского философского общества, это около 4 тысяч человек [37. С. 165]), а не отдельные шедевральные образцы классиков русской философской мысли. Поэтому важно понять, как осваивается власть этими самыми тысячами философов, что они осознают под данным термином, где его границы и т.д.

Для этой цели предлагается использовать метод статистических закономерностей определенных концептов. Речь идет о *квантировании* русских философских текстов о власти. Квантирование – это система цифрового отображения определенных закономерностей в той или иной области. В классическом виде он подразумевает *контент-анализ* в качестве статистической закономерности, частотности употребления определенных концептов в текстах русской филосо-

фии, а также *инвент-анализ* в формате отношений русских философов к определенному циклу событий. Однако квантирование в своей совокупности методов гораздо шире контент- или инвент-анализа. Так, применительно к истории создаются специфические системы математического анализа: квантитативная история, клиометрия, клиометрика [38, 39]. Автором данной статьи созданы методы математического анализа для таких узких гуманитарных областей, как историография и философия управления [40, 41]. Последние предполагается сделать основой для квантированного анализа понятия «власть» в русском философском тексте. Эмпирической базой должны стать те миллионы текстов, которые сгруппированы в крупнейших информационных базах: РИНЦ, Киберленинка, Банк диссертаций – disserCat, Электронная библиотека РГБ. Анализ позволит выявить наиболее востребованные сюжеты в изучении власти и русской цивилизации, даст возможность построить объективную картину изучения современной русской философией феномена «власть». При этом полученная картина призвана носить объективный характер, ибо она будет опираться на реальность всех опубликованных текстов по тематике, а не на субъективное мнение, основанное на выборочной подборке строго ограниченного материала из строго определенного перечня периодических журналов или монографий.

Оговорюсь, статистические матрицы, полученные в ходе этой работы, – не самоцель и даже не костяк методологии. Они выступают качественным расширением эмпирической базы для последующего феноменологического дискурс-анализа с элементами герменевтики – классическим для XX в. набором философского инструментария, по крайней мере, начиная с работ Б. Рассела и Х.-Г. Гадамера.

В-третьих, власть в цивилизационном пространстве русской цивилизации обязана проявлять себя в некоторых ясных опредмеченных формах. Историки фиксируют эту форму в диапазоне от живописи до архитектуры. Более того, даже при отсутствии текста как такового, в форме текста может выступать икона или архитектурные ансамбли, как это прекрасно показал У. Эко в своем «Имени Розы» или М. Фуко в истории дисциплинарной власти. Выявлению именно таких, но сугубо русских форм власти и должен быть посвящен третий этап.

В-четвертых, любая цивилизационная реальность власти покоится на мифах. Вне сферы мифов, ни власти, ни цивилизации быть не может. Но каковы мифы русской власти? В чем своеобразие глубин народного восприятия и передаваемого из поколения в поколения мифа о власти в русском мире? Серьезное исследование мифообразования, мифотворчества и мифоконструктов, анализ лжемифов и имитации мифов позволит выйти на корневые смыслы власти и тем самым усилить результаты первых четырех этапов исследования.

В-пятых, вышеуказанные этапы исследования дают возможность обоснованно заявить о символах и знаках русской власти. Не подменяя реальность власти реальностью государства, а символичность – символикой. При этом под анализ попадет и современный

этап русской истории власти, что позволит проверить на объемном эмпирическом материале многие гипотезы и постулаты, сформированные на основе объективно ограниченной эмпирики истории власти предыдущих эпох.

Таким образом, исследование русской власти должно быть начато с символов-слов, а окончено вполне конкретными знаками из современной русской власти. В начале исследования определяются образы, а на завершающем этапе – смыслы власти. Данный подход позволит сформировать замкнутое,

циклическое пространство исследования, которое в стратегическом смысле предлагается считать введением в «Философию русской власти», а в тактическом частью широкой коллективной исследовательской программы «Смысловые коды в пространстве Русской цивилизации», совершенно необходимой в ситуации трансформации ценностного мира современной России². Таковы пять ключевых методологических перспектив, покоящихся на двух постулатах исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет именно о «власти», а не о «государстве», «политике», «силе» и т.п.

² Вероятно, речь должна идти о федеральной программе, создании группы исследователей при авторитетной академической организации или организации тематического научного журнала. Однозначно, что в полном объеме проблема не сможет быть преодолена усилиями одного или двух исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новиковой, Е. Кривцовой, Т. Велимеева. М.: АСТ, 2005. 603 с.
- Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / пер. с англ. Е.А. Нарочницкая, Ю.Н. Кобыakov. М.: Междунар. отношения, 2005. 288 с.
- Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. 444 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2005. 588 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 247 с.
- Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 15.08.2017).
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Каплуна. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
- Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Практис, 2001. 256 с.
- Merino J.P.P. y M. Definición de poder. URL: <http://definicion.de/poder/> (дата обращения: 15.08.2017).
- Poder // Diccionario de la lengua española. URL: <http://dle.rae.es/?id=TU1KCfY%7CTU2nLT0> (дата обращения: 15.08.2017).
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «лингвистические аргументы» // Politbook. 2016. № 2. С. 26–39.
- Шабанова А.А. Лингвистический анализ концепта «власть»/«power» // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 144–147.
- Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть» / «power» в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. 159 с.
- Федье Ф. Власть / пер. с фр. В.В. Библихина // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье В. Воображаемое. Власть. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 93–136.
- Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
- ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава. М.: УРСС, 2015. 352 с.
- Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: АСТ, 2014. 574 с.
- Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. 328 с.
- Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания / пер. с фр. А.В. Матешук, В.П. Гайдамак. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
- Исаев М.В. Política Hermetica: скрытые аспекты власти. М.: Юрист, 2003. 413 с.
- Соловьева С.В. Феномены власти в бытии человека: дис. ... д-ра философ. наук. Самара, 2011. 341 с.
- Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. М.: ОСЬ-89, 2002. 448 с.
- Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира: на материале художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 25 с.
- Балаклеев Н.А. Онтологические аспекты монархической власти (на материале романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом») // Филология: научные исследования. 2015. № 2. С. 138–147.
- Кипенко М.В. Аксиологический аспект концепта власть в современном русском языковом сознании: на материале газетных текстов первого десятилетия XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2012. 171 с.
- Сенокосов Ю.П. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 184 с.
- Федяй И.В. Проблема власти в истории русской философии (конец XIX – начало XX вв.). Бишкек: КРСУ, 2005. 254 с.
- Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное». К.: Издатель ПАРАПАН, 2007. 412 с.
- Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФРАН, 1997. 234 с.
- Королев С.А. Микросоциумы в российском пространстве власти // Философия и культура. 2011. № 6. С. 55–64.
- Королев С.А. Микроструктуры в российском пространстве власти: архетипы и механизмы функционирования // ВВ: Философские исследования. 2013. № 5. С. 103–165.
- Кожев А. Понятие власти / пер. с фр. А.М. Руткевич. М.: Практис, 2006. 192 с.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–548.
- Дополнительный список членов РФО (уплативших взносы за 2016 г. в IV квартале 2016 г.) // Вестник Российского философского общества. 2016. № 4. С. 155–165.

38. Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. История и математика: макроисторическая динамика общества и государства. М.: КомКнига, 2007. 184 с.
39. Гарскова И.М. Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 77–92.
40. Шевченко О.К. Квантирование власти как базис создания теории управленческих решений // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Владивосток, 7–8 декабря 2016 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федеральный ун-т, 2016. С. 308–310.
41. Шевченко О.К. К вопросу о базовых параметрах квантированной историографии ялтинской конференции 1991–2014 гг. // Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 81–88.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 августа 2018 г.

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF THE STUDY OF THE CONCEPT “POWER” IN THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 75–83.

DOI: 10.17223/15617793/435/10

Oleg K. Shevchenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

Keywords: Russian civilizational space; power philosophy; epistemology; semantic analysis; discourse analysis.

The article concerns the formulation of the key stratagem studies of the “Russian power” phenomenon. The methodological foundations typical of Russian researchers who deal with the problem of the philosophy of power in the history of Russian civilization are studied. Also, foreign classical works on the phenomenon of power in various civilizations have been analyzed. Particular attention is paid to the linguistic analysis of the concept “power” in English, Spanish and Russian. The tradition of studying the “power in Russian philosophy” phenomenon is traced. The text “Power” written by the well-known French author F. Fedier has been taken as a methodological example. The conclusion of the first part of the study is as follows: the concept “power” is insufficiently developed in Russian philosophy. Paradoxically, in the history of Russian philosophy, the overall and systematic philosophical comprehension of the concept “power” was produced only once, by the Russian philosopher-emigrant in the French language in 1942. As a consequence, the narrower concept “Russian power” seems to be a weak and less functional term. Formulated are the five stages of the research program allowing to overcome the negative conclusion: (1) the conceptual analysis of the “power” concept in encyclopedic publications, texts of classical Russian literature, modern journalism and social networks; (2) the analysis of the state of modern Russian philosophy. For this purpose, it has been proposed to use the method of statistical regularities of certain concepts. It refers to quantifying Russian philosophical texts about power; (3) the study of manifestations of power in clear, objectified forms: from painting to architecture; (4) the study of myth-formation and myth-construction, the analysis of false myths and imitations of myths. This will allow us to reach the root meanings of power and thereby strengthen the results of the first four stages of the study; (5) the above-mentioned stages of the research will make it possible to substantiate the symbols and signs of Russian power. Thus, the study of Russian power starts with word-symbols and ends with quite specific signs of the modern Russian power structure. Images are identified at the beginning of the study, and the meanings of power are formulated at the final stage. This approach allows forming a closed and cyclical space of research, which is proposed to be considered strategically as an introduction to the “Philosophy of Russian Power”, and tactically merge into a broad research program “Semantic Codes in the Space of Russian Civilization”.

REFERENCES

1. Huntington, S. (2005) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Translated from English by Yu. Novikova, E. Krivtsova, T. Velimeev. Moscow: AST.
2. Bzhezinskiy, Z. (2005) *Vybor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo* [Choice. Global domination or global leadership]. Translated from English by E.A. Narochitskaya, Yu.N. Kobaykov. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
3. Buchanan, P.J. (2004) *Smert' Zapada* [Death of the West]. Translated from English A. Bashkirova. Moscow: AST.
4. Fukuyama, F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST.
5. Danilevskiy, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.
6. Sultanov, K.V. (2001) *Sotsial'naya filosofiya N.Ya. Danilevskogo: konflikt interpretatsiy* [Social philosophy N.Ya. Danilevsky: a conflict of interpretations]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Russian Federation. (2016) *Presidential Decree No. 640 of November 30, 2016 “On Approving the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation”*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>. (Accessed: 15.08.2017). (In Russian).
8. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Kaplun. Moscow: Ad Marginem.
9. Luhmann, N. (2001) *Vlast' [Power]*. Translated from German by A. Antonovskiy. Moscow: Praxis.
10. Porto, J.P. & Merino, M. (2012) *Definición de poder* [Definition of “power”]. [Online] Available from: <http://definicion.de/poder/>. (Accessed: 15.08.2017).
11. Poder // Diccionario de la lengua española. [Online] Available from: <http://dle.rae.es/?id=TU1KCfY%7CTU2nLT0>. (Accessed: 15.08.2017).
12. Ledyayev, V.G. & Ledyayeva, O.M. (2016) Conceptual analysis of power and “linguistic arguments”. *PolitBook*. 2. pp. 26–39. (In Russian).
13. Shabanova, A.A. (2011) [Linguistic analysis of the concept “power”]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* [Topical problems of philological sciences]. Proceedings of the International Conference. Chita. November 2011. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 144–147. (In Russian).
14. Shabanova, A.A. (2012) *Reprezentatsiya kontsepta “vlast'” / “power” v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Representation of the concept “power” in American and Russian linguistic cultures]. Philology Cand. Dis. Ulyanovsk.
15. Fedier, F. (2002) *Vlast' [Power]*. Translated from French by V.V. Bibikhin. In: Vezin, F. & Fedier, F. *Filosofiya frantsuzskaya i filosofiya nemetskaya. Vobrazhaemoe. Vlast' [French and German philosophy. The Imaginary. Power]*. Moscow: Editorial URSS.
16. Foucault, M. (2007) *Psixhiatricheskaya vlast': kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power: a course of lectures given at the Collège de France in the 1973–1974 academic year]. Translated from French by A.V. Shestakov. St. Petersburg: Nauka.
17. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures given at the Collège de France in the 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.

18. Dijk, T.A. van. (2015) *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: the representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow: URSS.
19. Canetti, E. (2014) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Translated from German by L.G. Ionin. Moscow: AST.
20. Mshvenieradze, V.V. (ed.) (1989) *Vlast': Ocherki sovremennoy politicheskoy filosofii Zapada* [Power: Essays on the modern political philosophy of the West]. Moscow: Nauka.
21. Jouvenel, B. de. (2011) *Vlast'. Estestvennaya istoriya ee vozniknoveniya* [On power. Its nature and the history of its growth]. Translated from French by A.V. Matishuk, V.P. Gaydamak. Moscow: IRISEN, Mysl'.
22. Ledyayev, V.G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
23. Isaev, M.V. (2003) *Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica Hermetica: hidden aspects of power]. Moscow: Yurist.
24. Solov'eva, S.V. (2011) *Fenomeny vlasti v bytii cheloveka* [The phenomena of power in the being of man]. Philosophy Dr. Dis. Samara.
25. Khalipov, V.F. (2002) *Nauka o vlasti. Kratologiya* [The science of power. Cratology]. Moscow: OS'-89.
26. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovaniye i razvitiye kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira: na materiale khudozhestvennykh tekстов* [Functioning and development of concepts of freedom, power and challenge in the Russian language picture of the world: on the material of literary texts]. Abstract of Philology Cand. Dis. Rostov-on-Don.
27. Balakleets, N.A. (2015) Ontological Aspects of Monarch's Power (the Study of Ivan Lazhechnikov Novel 'The House of Ice'). *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2. pp. 138–147. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0749.2015.2.15475
28. Kipenko, M.V. (2012) *Aksiologicheskiy aspekt kontsepta vlast' v sovremennoy russkoy yazykovoy soznanii: na materiale gazetnykh tekстов pervogo desyatiletiya XXI veka* [Axiological aspect of the concept of power in the modern Russian language consciousness: on the material of newspaper texts of the first decade of the 21st century]. Philology Cand. Dis. Tolyatti.
29. Senokosov, Yu.P. (2005) *Vlast' kak problema. Opyt filosofskogo rassmotreniya* [Power as a problem. The experience of philosophical consideration]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
30. Fedyay, I.V. (2005) *Problema vlasti v istorii russkoy filosofii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The problem of power in the history of Russian philosophy (late 19th – early 20th centuries)]. Bishkek: KRSU.
31. Savel'eva, M.Yu. (2007) *Monarkhiya kak forma samoopredeleniya lichnosti. Rossiyskiy opyt stanovleniya fenomena "sakral'noe"* [Monarchy as a form of self-identity. Russian experience of the "sacred" phenomenon]. Kyiv: Izdatel' PARAPAN.
32. Korolev, S.A. (1997) *Beskonechnoe prostranstvo: geo- i sotsiograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo- and sociographic images of power in Russia]. Moscow: IPh RAS.
33. Korolev, S.A. (2011) *Mikrosotsiumy v rossiyskom prostranstve vlasti* [Microsocieties in the Russian space of power]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 6. pp. 55–64.
34. Korolev, S.A. (2013) *Mikrostruktury v rossiyskom prostranstve vlasti: arkhetypy i mekhanizmy funktsionirovaniya* [Microstructures in the Russian space of power: archetypes and mechanisms of functioning]. *NB: Filosofskie issledovaniya*. 5. pp. 103–165. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.5.546
35. Kojève, A. (2006) *Ponyatie vlasti* [The notion of authority]. Translated from French by A.M. Rutkevich. Moscow: Praksis.
36. Solov'ev, V.S. (1988) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 47–548.
37. Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. (2016) *Dopolnitel'nyy spisok chlenov RFO (uplativshikh взносы за 2016 г. в IV квартале 2016 г.)* [Additional list of members of the RPhS (paid contributions for 2016 in the fourth quarter of 2016)]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*. 4. pp. 155–165.
38. Malkov, S.Yu., Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2007) *Istoriya i matematika: makroistoricheskaya dinamika obshchestva i gosudarstva* [History and Mathematics: the macrohistorical dynamics of society and the state]. Moscow: KomKniga.
39. Garskova, I.M. (2011) *Kvantitativnaya istoriya i istoricheskaya informatika: evolyutsiya vzaimodeystviya* [Quantitative history and historical informatics: evolution of interaction]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*. 1. pp. 77–92.
40. Shevchenko, O.K. (2016) [Quantization of power as the basis for creating a theory of management decisions]. *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR* [Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific Region]. Proceedings of the 2nd International Conference. Vladivostok. 7–8 December 2016. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 308–310.
41. Shevchenko, O.K. (2015) On Basic Criteria of Yalta Conference Quanted Historiography 1991-2014. *Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 81–88. (In Russian).

Received: 27 August 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.253

Е.Н. Каляева

КОНТУРЫ СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ В РАБОТЕ Э. ДЮРКГЕЙМА «О РАЗДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА»

Статья представляет собой анализ фундаментальной работы Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» с точки зрения современной социологии эмоций. Выделена роль эмоций в функции разделения общественного труда, в интерпретации механического и органического типов социальной солидарности. Выявлено, какие эмоции обуславливают социальную солидарность в концепции Э. Дюркгейма и как их роль меняется вместе со сменой типа солидарности. Показана преемственность идей Э. Дюркгейма в работах современных социологов эмоций.

Ключевые слова: эмоции; социология эмоций; социальная солидарность; Э. Дюркгейм; коллективные чувства; механическая солидарность; органическая солидарность.

Социология эмоций как область знания начала развиваться в 1970-х гг. Ранее эмоции считались «иррациональными», не поддающимися научному анализу [1]. Современные ученые в области социологии эмоций Кемпер, Тернер, Стетс [2–4] и другие пришли к мнению, что эмоции необходимо изучать не только с точки зрения психологии и биологии, но и социологии, так как эмоции обусловлены культурой; встраиваясь в социальную реальность, они воспроизводят социальную солидарность [5, 6]. Концепция социальной солидарности является неотделимой частью проблемы социального порядка. Можно сказать, что идея социальной солидарности появилась вместе с самой социологией и является одной из главных проблем дисциплины [7]. Существует мнение, что ни одна отрасль знания не способна решить проблему социальной солидарности в одиночку, но и вклад социологии эмоций исключать нельзя [8]. Сегодня исследователи обращаются к определению роли эмоций в изучении солидарности в общественных движениях [9–12], политических процессах [13], спортивных мероприятиях [14, 15]. Однако с нашей позиции недостаточно литературы, отражающей, какие именно эмоции способны вносить вклад в воспроизводство социальной солидарности.

В предложенной работе мы обратимся к анализу эмоций в интерпретации социальной солидарности классиком социологии Эмилем Дюркгеймом в его работе «О разделении общественного труда». Согласно некоторым авторам, среди всех классиков социологии самое пристальное внимание эмоциям уделял Дюркгейм [1]. Большинство научных статей основано на работах «Самоубийство» и «Элементарные формы религиозной жизни» [16–20]. Гейн указывает, что в работе «Самоубийство» Дюркгейм начинает размышлять в стиле социологии эмоций [21]. С другой стороны, труду «О разделении общественного труда» социологи уделяют меньшее внимание. Хотя именно в нем Дюркгейм охарактеризовал типы социальной солидарности и показал роль эмоций в создании социальных связей. Согласно Дж. Фишу [22], в «Элемен-

тарных формах религиозной жизни» были развиты идеи, первоначально освещенные в труде «О разделении общественного труда», который был опубликован на четыре года раньше, в 1893 г. Несмотря на то что труд «О разделении общественного труда» не представляет собой целенаправленный анализ эмоций, а только предпосылки идей, которые находят отражение в современной социологии эмоций, Дюркгейм неявно выделял роль эмоций в поддержании социальной солидарности. Стоит отметить, что в основном классики, рассуждая об эмоциях, использовали слово «чувства», но Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» неоднократно использует слово «эмоции» [23. С. 78, 97–99, 101, 279, 325]. Современные авторы преимущественно используют концепцию Дюркгейма «коллективного вскипания» [24–26], однако остается неизученным, какие именно эмоции и при каких условиях способны поддерживать социальную солидарность, на чем и будет сфокусировано наше исследование. Обращая внимание на то, что у Дюркгейма все, что связано с обществом, имеет моральный характер, работа сосредоточена на моральных эмоциях [27]. Дюркгейм сконцентрировался на идее коллективных чувств, которые обуславливают социальную солидарность. Такие моральные эмоции, как гнев, месть, симпатия, альтруизм, отражаясь согласованно в каждом индивидуальном сознании, способны поддерживать социальную солидарность. Книга «О разделении общественного труда» является главным произведением Дюркгейма в определении социальной солидарности, поэтому невнимание социологов к работе в этом ключе оставляет пробел в изучении теоретических истоков социологии эмоций и затрудняет изучение социологией эмоций проблемы социального порядка.

Работа имеет целью показать, что эмоции обуславливают социальную солидарность, проследить, как Дюркгейм определял социальную природу эмоций, их роль в описании типов социальной солидарности, какие эмоции участвуют в создании социальных связей с позиции Дюркгейма. Мы ставим задачу

определить контуры современной социологии эмоций в идеях Дюркгейма, которые заслуживают внимания для дальнейшей разработки этой темы. Используя размышления Дюркгейма о роли эмоций в поддержании социальной солидарности, мы можем определить предпосылки решения проблемы социального порядка.

Работа представляет собой следующую структуру. Вначале мы определим роль эмоций в характеристике понятия «разделение общественного труда». Затем покажем, какие эмоции обуславливают механическую солидарность. В следующей части обозначим, как поменялась роль эмоций при воспроизводстве социальной солидарности вместе со сменой типа солидарности на органическую. Вместе с тем работа демонстрирует переосмысление и преемственность идей Дюркгейма в современной социологии эмоций. В завершение представлены выводы по итогу проделанного анализа.

Роль эмоций в функции разделения общественного труда. Центральным в работе Дюркгейма выступает понятие «разделение общественного труда». Неоспоримым является то, что разделение общественного труда – это источник цивилизации. Однако если бы это было основной функцией, то оказываемые общественным разделением труда услуги «сводились бы к восстановлению причиняемых им самим потерь» [23. С. 56]. Поэтому, объясняя на житейских примерах дружбы и семьи, Дюркгейм доказывает, что истинной функцией разделения общественного труда является воспроизводство социальной солидарности. Дружба основывается не только на взаимном влечении, но и на различиях. При этом чтобы создавать взаимное влечение, различия должны взаимно дополнять друг друга. Дюркгейм утверждает, что с осознанием своего несовершенства люди ищут в друзьях недостающие качества. В результате создаются ассоциации друзей, где происходит обмен услугами: «один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет» [Там же. С. 58]. Именно такое разделение функций способствует выстраиванию дружеских отношений. Аналогичным образом, каждой отдельной функции соответствует своя эмоция: сопереживания, сострадания, жалости, заботы и т.д. Таким образом, эмоции участвуют в создании социальных связей, способствуя образованию ассоциации друзей.

В случае с семьей брак основан на взаимной любви, что предполагает гармонию мыслей и чувств. Однако, согласно Дюркгейму, «мужчина и женщина ищут друг друга именно потому, что они различаются» [23. С. 58]. Например, в первобытные времена дифференциация полов была очень слаба, следовательно, слаба была и солидарность в семье. Но с развитием цивилизации, с появлением большего числа правил, которые должны соблюдаться в семье, увеличилось и различие между женщинами и мужчинами, «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой – интеллектуальными» [Там же. С. 61].

Таким образом, Дюркгейм заключает, что настоящая функция разделения общественного труда заключается не в создании самих обществ, а в создании со-

лидарности в этих обществах. Предложенные Дюркгеймом примеры демонстрируют, что эмоции участвуют в образовании социальных связей, сопровождая процесс разделения труда. Согласно К. Харберу, выражение эмоций инициирует социальную связь, формирует когнитивное развитие, способствует эмоциональной регуляции и обеспечивает социальную интеграцию [28]. Однако общества, основанные на разделении труда, устроены иначе, чем общества, основанные на притяжении подобного подобным, следовательно, и роль эмоций в таких обществах может быть оценена по-разному. В результате размышлений Дюркгейм приходит к выводу, что сходства могут быть основаны не на одной только симпатии.

Для того чтобы определить степень, в которой производимая разделением общественного труда солидарность способствует интеграции общества, Дюркгейм считает необходимым рассмотреть разные типы социальной солидарности. Но социальная солидарность – «чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точечному наблюдению, ни особенно измерению» [23. С. 65]. Поэтому автор считает необходимым классифицировать типы солидарности, основываясь на таком видимом символе, как право, поскольку «право воспроизводит основные формы социальной солидарности» [Там же. С. 69]. Виды права Дюркгейм классифицирует на основании репрессивных санкций, которым соответствует механическая солидарность, и реститутивных, которым соответствует органическая солидарность.

Таким образом, мы определили, что эмоции сопровождают процесс разделения общественного труда, участвуя при этом в создании солидарных обществ. Далее переходим к анализу интерпретации Дюркгеймом каждого из названных типов солидарности. Когда мы рассмотрим виды социальной солидарности, получим представление о том, какую роль играют эмоции в процессе воспроизводства социальной солидарности и как эта роль менялась со сменой типов социальной солидарности.

Роль эмоций в интерпретации механической солидарности. В концепции Дюркгейма механическая солидарность основывается на общих идеях, верованиях и чувствах. Общность мыслей достигает такой степени, что для индивидуального не остается места, все индивидуальное полностью поглощается коллективным. Поэтому Дюркгейм говорит об общем или коллективном сознании, которое «является психическим типом общества, не зависит от частных условий индивидов» [23. С. 80] и связывает между собой поколения. Поэтому можно сказать, что эмоции обеспечивают солидарность в обществе во времени и являются средством социализации индивидов. Когда индивиды коллективно испытывают негативные эмоции и чувства относительно того или иного поступка, этот поступок становится социально дурным. Также коллективные чувства могут происходить, например, из удовольствия или сострадания. Однако здесь существует риск, что если в обществе нарушено общее понимание удовольствия в определенном предмете, то нежелательный для общества поступок может даже ставиться в пример.

Коллективные чувства, по словам Дюркгейма, обладают высокой интенсивностью, потому что каждая эмоция, возникая в отдельном сознании, отражается в других, соединяется с собственными идеями индивидов, в результате появляется более живая эмоция, которая находит отражение в сознании каждого индивида. Самой высокой интенсивностью обладают эмоции, вызванные преступлением. Коллективная эмоциональная реакция индивидов на преступление должна быть не просто общей, но происходить у всех членов общества согласованно; для этого необходимо, чтобы сопротивление общего сознания внешнему раздражителю было также коллективным. «Взросшее малопомалу волнение сильно притягивает друг к другу всех сходных между собой и соединяет их в одном месте» [23. С. 103]. Так как оскорбленные чувства находятся во всех сознаниях, то преступление вызывает одно и то же негодование среди всех, кто его видел или знает о нем. Значит, преступление, имея последствием, негативные эмоции, «объединяет честные души» [Там же. С. 102]. Так Дюркгейм объясняет социальную природу эмоций. Автор приводит пример маленьких городов, когда люди собираются вместе на площадях или ходят в гости, чтобы сообщить о произошедшем. Таким образом, следуя мысли Дюркгейма, образуется «общественный гнев» [Там же. С. 102]. Благодаря гневу в условиях противоречий атакованный человек получает дополнительные силы. Мнение, что гнев представляет собой только разрушительную силу, ошибочно. У Дюркгейма гнев состоит из скрытых сил, которые помогают противостоять опасности, активизируя и мобилизуя эти силы.

Согласно Дюркгейму, в условиях механической солидарности коллективные эмоции преимущественно вызваны преступлением, которое возмущает во всяком здоровом сознании одинаковые чувства. Мы коллективно испытываем чувство отвращения к вору, мошеннику и человеку, изменившему своему отечеству. Таким образом, в условиях нарушения норм уголовного права негативные эмоции (антипатия, отвращение, негодование) могут быть катализатором социальной солидарности. Однако оскорбление коллективных чувств не может быть определено только преступлением, так как оскорбление может произойти и без преступления. Поэтому необходимо отличать эмоции, вызванные преступлением, от любых других. Чувства, вызванные преступлением, четко определены в уголовном праве, поэтому всем понятны. Именно определенность чувств характеризует их силу в обществе. А чувства, такие как, например, милосердие, представляют собой «неопределенные стремления к весьма общим объектам» [23. С. 80].

Стоит обратить внимание, что наиболее сильно механическая солидарность была представлена на первых этапах развития общества и воспроизводилась посредством религии. Моральные нормы, например в Орде, определяли то, как человек должен есть, одеваться и какие использовать жесты, что гарантировало эмоциональную однородность. В племенной конфедерации к единомышленникам люди чувствовали милосердие. В первобытных обществах наказание являлось средством отпущения. Здесь Дюркгейм гово-

рит об эмоции мести, которую в индустриальных обществах стал определять как акт защиты. Ошибочно, по его мнению, полагать, что месть заключается только в механической реакции к безрассудному желанию разрушить. Желание разрушить возникает как инстинктивная ответная реакция на угрозу, на опасность к нормам уголовного права и общественному сознанию. Поэтому месть не имеет такой отрицательной роли, которую ей приписывают. Автор делает вывод, что эмоция мести определяется инстинктом самосохранения. Ограничение здесь в том, что месть не поддается регулированию, эта эмоция возникает самопроизвольно; мы можем контролировать действия, порождаемые эмоцией мести, но не саму эмоцию. Другим видом наказания, являющимся моральным, является позор. Позор мы используем, когда других видов морального наказания недостаточно или когда другого наказания нет. С позором тесно связана эмоция стыда. С одной стороны, люди объединяются, чтобы опозорить человека, нарушившего моральное право, с другой – объединению служит тот факт, что люди видят, каким может быть наказание. Очевидно, что эмоции появляются там, где происходит нарушение норм как ответная реакция на это нарушение. Поэтому мы можем сделать вывод, что стыд является мощным средством поддержания социальной солидарности. Из описанного выше можно сделать вывод, что месть и стыд связаны. Будучи реакцией на преступление, месть и позор способны вызвать эмоцию стыда у преступника в отсутствие другого вида наказания. Именно из условий, в которых возникают чувства мести и стыда, мы понимаем социальную природу этих эмоций, которую определял Дюркгейм.

С другой стороны, то, что способствует разрушению коллективных эмоций, разрушает социальные связи и подвергает опасности общество. Ослабление социальной солидарности может быть следствием потери энергии общественного сознания, которую эмоциональная реакция группы неспособна компенсировать. Общие чувства, обеспечивая единение умов, являются призывом к наказанию или, как пишет Дюркгейм, к возмещению зла, нанесенного преступлением обществу. Помимо этого, наказание призвано «залечить раны, нанесенные коллективным чувствам» [23. С. 107]. На защиту общественно сознания от опасности нацелен «нервный ток» [Там же. С. 96], когда мы испытываем негодование, если что-то угрожает целостности сознания. Нервный ток означает чувство, которое проникает в нас от внешнего субъекта. Внешний субъект старается побудить в нас те же чувства, те же эмоции, которые испытывает сам. Если же в сознание проникает убеждение, противоположное нашему, разгорается конфликт. Стоит отметить, что такой конфликт происходит на поверхностном уровне сознания, поэтому сильно на нас не отражается. Однако если речь идет о дорогом нам человеке, то конфликт происходит уже на более глубоком уровне. Мы возмущаемся, защищаем его. Такие чувства провоцируют определенные действия: мы начинаем избегать человека, задевшего наши чувства, отстраняемся, можно сказать, изгоняем его из своего общества. В то же время Дюркгейм обра-

щает внимание, что при противоположных убеждениях возможно проявлять терпимость, в этом случае социальная солидарность будет поддерживаться. Важно, что симпатия обязательно должна быть сильнее антагонизма противников, иначе победит антагонизм. Дюркгейм приводит пример обоюдной терпимости в религиозных войнах, но в нашем понимании, терпимость нельзя отождествить с солидарностью.

Переосмысливая наследие Дюркгейма, современные социологи используют его идеи в своих разработках. Фиш пишет, что в обществах, основанных на механической солидарности, социальный порядок достигается благодаря наличию у людей сильных эмоциональных сходств, которые имеют религиозные основы [29]. Согласно современным теориям наказания процесс наказания преступников поддерживает уровень социальной сплоченности, который возникает из взаимного понимания гражданами их сходства в моральных убеждениях [30]. Теоретически для социальной аудитории, которая является свидетелем преступления, слышит об этом через средства массовой информации или другие информационные каналы, преступный акт поднимает несколько важных вопросов: 1. Какая доля общества продолжает поддерживать нарушенные социальные и моральные нормы? 2. Насколько сильно люди защищают эти нормы? 3. Имеют ли правовые органы, представляющие это «коллективное или общее сознание», достаточную решимость и ресурсы для обеспечения соблюдения этих общих убеждений? [30]. А истинная функция наказания – не исправление преступника, а сохранение целостности общественной связи, смягчение негативных эмоций, вызванных преступностью, например страха и гнева [Ibid]. Согласно Шиллингу, нормативный порядок социального мира, выраженный в его коллективе совести, является достижением культурного и эмоционально настроенного ума [31]. Основываясь на Дюркгеймовской концепции «коллективного тока», Р. Коллинз разработал идею «эмоциональной энергии» [32], которую он определяет как континуум от высокой уверенности и энтузиазма до состояния депрессии и недостатка инициативы. Согласно Коллинзу, люди, наполненные эмоциональной энергией, чувствуют себя лучше. А чувства моральной солидарности вызывают альтруизм или любовь.

Таким образом, механическая солидарность в концепции Дюркгейма основана на общности идей, верований и чувств, и тем солидарность сильнее, чем интенсивнее коллективные эмоции. Важно отметить, что в условиях механической солидарности не только общая симпатия приводит к сплочению, но и общий гнев, месть или отвращение. Главное условие в поддержании солидарности – это не факт положительных или отрицательных эмоций, а их общность в случае, когда коллективное сознание подвергается опасности нарушением уголовного права. При этом эмоции должны быть не просто общими, а возникать в сознании каждого отдельного индивида согласованно. С другой стороны, ослабление нервного тока, в интерпретации Дюркгейма, или «эмоциональной энергии», в концепции Р. Коллинза, способно привести к ослаблению социальной солидарности. Важно обра-

тить внимание на то, что современные теоретики оценивают социальную природу эмоций и их роль в поддержании социальной солидарности в Дюркгеймианском ключе.

Роль эмоций в интерпретации органической солидарности. Органическая солидарность в интерпретации Дюркгейма основана на реститутивной санкции и имеет целью не наказание, а восстановление порядка в обществе. Тот, кто нарушил закон, приговаривается не к страданиям, а к подчинению закону, а судья в данном случае утверждает право, а не наказание. Органическую солидарность обуславливает разделение общественного труда. Согласно Дюркгейму, там, где есть разделение общественного труда, есть солидарность. В условиях органической солидарности человек может развиваться только в одной из двух реальностей – либо коллективно, либо индивидуально. В случае с механической солидарностью индивида полностью поглощает коллективное сознание. В противоположность этому, органическая солидарность построена на индивидуальных различиях. С одной стороны, чем выше специализация каждого индивида, тем больше он индивидуализирован, возникающие отношения не только не объединяют, но стремятся к тому, «чтобы лучше отделить то, что соединилось силой обстоятельств» [23. С. 116], поместить каждого в его собственные границы. С другой стороны, чем больше разделен труд, тем сильнее индивид связан с обществом. Таким образом, по сравнению с механической солидарностью меняется характер солидарности, основанной на разделении общественного труда. Следовательно, вместе с этим меняется и роль эмоций в воспроизводстве социальной солидарности.

Дюркгейм утверждает, что с изменением способа солидаризации общества меняется и социальная структура. Значительную часть работы автор посвящает описанию развития органической солидарности, основанной на разделении труда, начиная от орды и кланов, однако мы не будем углубляться в это описание до появления в нем эмоциональной составляющей. В своем изложении автор переходит к деревне и закрытому ее характеру: «Никто не может поселиться в деревне без единодушного молчаливого или явного согласия всех жителей» [Там же. С. 175]. Иными словами, для того чтобы стать частью жителей деревни, солидаризоваться с ними, необходимо наличие положительных эмоций, таких как симпатия и пр. Стоит отметить, что сегодня деревня уже утратила такие черты и закрытый характер присущ деревням только традиционного общества. Об этом же пишет и Дюркгейм, говоря, что территориальные деления теряют свое значение. Таким образом, мы видим, что с развитием органической солидарности симпатия выходит за пределы семьи и дружбы, как это было при механическом типе солидарности. В современной науке К. Кларк утверждает, что симпатия представляет собой «клей для социальных связей» [33], эмоционально соединяет людей разных классов, этнической принадлежности, возрастов и гендеров во времена бед, таким образом, обуславливая социальный порядок.

Дюркгейм обращает внимание на то, что дарвинистские теории игнорируют элемент моральной жизни общества, а именно «умеряющее влияние, которое общество оказывает на своих членов и которое умеряет и нейтрализует жестокое действие борьбы за существование и отбор» [23. С. 187]. В своем рассуждении автор приходит к выводу, что в обществе есть альтруизм, потому что есть солидарность. У Дюркгейма мы видим несколько примеров наличия альтруизма с первобытных времен, когда дикарь приносит свою жизнь в жертву, если этого требует общество, а вдова в Индии следует за своим мужем после смерти. По словам Дюркгейма, такая способность привязываться – признак здорового общества. Изначально поведение человека эгоистично, и альтруизм возник именно из эгоизма. Однако, например, у дикарей эгоизм вмешивается в низшие представления (физические потребности), а у цивилизованного человека – в высшие (каждый человек имеет свое мнение, свои стремления и верования). Эгоизм вмешивается и в альтруизм тогда, когда человек выбирает собственный способ быть альтруистом в зависимости от своих убеждений и характера. Следовательно, место эгоизма в нашей жизни расширилось, играя не меньшую роль в создании солидарности, чем альтруизм. В современной социологии с опорой на идеи Дюркгейма З. Куза вводит понятие «культурная травма», которая позволяет чувствовать и принимать страдания других как свои собственные [34].

По мере того как менялось общество и механическая солидарность сменилась органической, появилось больше способов приобретать собственность и, соответственно, ее красть, однако не увеличилось чувство уважения к чужой собственности. Раз увеличилось количество возможных преступлений и оскорбляемых чувств, то правила нужно перечислять в соответствие с тем, к какому чувству они относятся. В соответствие с этим тезисом Дюркгейм разработал таблицу криминологических типов [23. С. 150], в которой собраны правила, запрещающие поступки, противостоящие коллективным чувствам. Правила относятся к религиозным, национальным, семейным чувствам, касающимся половых отношений, труда, органа общего сознания, индивидуальных личностей, вещей индивида и групп индивидов (как их личностей, так и имущества). Таким образом, очевидно, что социальная солидарность связана с исполнением правил, основанных на чувствах и эмоциях, действиях и поступках, которые не оскорбляют коллективных чувств. Однако с разделением труда большая часть этих типов исчезла.

Если механическая солидарность основана преимущественно на уголовном праве, то органическая – на других его видах. Юристы различают два вида прав: вещные (право собственности, ипотека и т.п.) и обязательственные. Отсюда формируется вещная солидарность, которая связывает не личности между собой, а личность с вещами. С одной стороны, в таком праве нет враждебных отношений и негативных эмоций, но, с другой стороны, здесь нет и активного сотрудничества, консенсуса. В противоположность Дюркгейм анализирует семейное право. Эта часть

права определяет способы, которыми распределяются семейные функции. Следовательно, семейное право выражает солидарность членов семьи вследствие разделения семейного труда. В первую очередь солидарность в семье рассматривают именно как следствие общности чувств и положительных эмоций. Говоря о солидарности, основанной на кооперативном, конституционном и трудовом праве, Дюркгейм никак не обращается к теме эмоций. Однако стоит отметить, что в каждом частном случае эмоции имеют место как причина исполнения каждого вида права. Поэтому представляется, что эмоции необходимо учитывать при анализе любого вида права, так как от них напрямую зависит наличие или отсутствие социальной солидарности, которая определяется конкретным видом права.

Сегодня мы можем встретить рассуждения об эмоциях в статьях по праву. Авторы анализируют значение эмоций практически в каждом виде права, в том числе уголовном, конституционном и трудовом [35–38]. В условиях договорной солидарности связь между людьми основывается на нормальном обмене, который представлен в форме договора. Таким образом, солидарность становится согласием индивидуальных интересов. Однако для солидарности в профессиональной сфере необходимо согласовывать договорные нормы с моральными правилами. Отношения в любых профессиональных группах сопровождаются сводом моральных правил, нарушение которых определяет гораздо большее осуждение, чем любые другие профессиональные проступки. Следовательно таким моральным правилам сопровождается моральными эмоциями. Желание индивида избежать этих эмоций будет обеспечивать соблюдение моральных норм. Следуя логике Дюркгейма, жизнь в обществе не строится на единичных мимолетных контактах вследствие разделения труда. Жизнь членов общества сопровождается некоторым постоянством выполняемых функций, эти функции включают индивида в сеть взаимодействий, которые необходимо поддерживать. Каждая выполняемая индивидом функция зависит от функций, выполняемых другими членами общества. Альтруизм для Дюркгейма является основанием общественной жизни. Люди не могут жить вместе без взаимных соглашений, поэтому всякое общество – моральное общество. Как следствие, человек рассматривает себя как часть целого, как «орган организма» [23. С. 215]. Поэтому Дюркгейм делает вывод, что общество, основанное на кооперации, является не только экономическим объединением, но также обладает нравственностью. И эта нравственность развивается по мере укрепления личности. В условиях разделения труда индивид получил возможность самостоятельно выбирать профессию, род деятельности и некоторые семейные функции, однако как только выбор приобретает социальный характер, общество накладывает некоторые обязанности. С этим тезисом, как представляется, схожа идея А. Хохшильда, которая предлагает перспективу управления эмоциями. Социальные ориентиры, которые направляют нас на то, как мы хотим себя чувствовать, могут быть описаны как совокупность социально раз-

деленных, хотя и часто скрытых правил [39]. Например, на стюардесс для поддержания порядка на борту самолета накладывается правило испытывать эмоцию радости, но не отвращения или гнева [40].

Говоря о коллективном сознании, необходимо сказать и о среде обитания группы. Находясь в одинаковых условиях, индивиды испытывают одинаковые эмоции. Например, все племя одинаково наслаждается солнцем и одинаково страдает от дождя. Но с увеличением объема общества меняется и характер коллективного сознания. Дюркгейм считает, что коллективное сознание должно становиться более общим и абстрактным вместе с распространением по широкой территории. Однако условия жизни везде разные, поэтому возникающие чувства не могут быть одинаковыми. Дюркгейм приводит пример из религии, когда в кланах Бог был более конкретным и олицетворен в тотемах, в отличие от современных обществ. То же самое происходит с правовыми и моральными нормами. Изначально связанные с местными условиями, по мере разрастания общества они становятся более общими и абстрактными. Но силу коллективное сознание получает не только от общности мышления и территории, но и от предыдущих поколений. Чтобы форма поведения стала общей, необходимо время, поэтому она – продукт прошлого. Так создается авторитет традиций. В то же время автор приходит к выводу, что чем больше общество расширяется, тем меньше сдерживает желание индивидов к различию, так как повышаются возможности географической миграции и мобильности. Чем обширнее становится группа, тем менее внимательно коллективное сознание. Поэтому говорят, что лучше всего скрыться в толпе. В таком случае коллективное сознание не становится сильнее, требуется контроль за слишком большим количеством элементов, что сделать невозможно. Так же ослабевает интерес и к личности. Мы интересуемся личностью, если она пробуждает в нас эмоции из прошлого, если нет – стараемся избегать. Так объясняется коллективное любопытство, которое тем сильнее, чем чаще личное общение между индивидами. Чем больше лиц, с которыми он взаимодействует, тем такие контакты реже и короче. В этих условиях слабые чувства начинают терять свою силу, например, неисполнение религиозных обрядов уже не возмущает, как раньше. Сильные чувства и эмоции теряют свою энергию – например, богохульство вызывает уже меньшее возмущение, чем раньше.

С развитием общества и разделением труда классик связывает прогресс счастья. Дюркгейм первым сформулировал основную дилемму современного общества – поддержания социального порядка и защиты индивидами своей автономии и свободы в поисках счастья [34]. Впоследствии эмоция счастья была классифицирована социологами как первичная [41]. Существует мнение, опровергаемое Дюркгеймом, что причина разделения труда исходит именно из стремления к счастью. Автор рассуждает, что с прогрессом науки, искусства, увеличения производства продуктов, совершенствованием промышленности человек испытывает необходимость все это иметь, так как думает, что чем больше он имеет, тем становится

счастливее. Именно желание счастья заставляет человека все больше специализироваться. Согласно рассматриваемой точке зрения счастье увеличивается пропорционально приросту производительной силы труда. По мере увеличения числа и интенсивности приятных возбуждений растет и счастье, тогда, чтобы больше наслаждаться, человек начинает больше производить. Однако, как утверждает Дюркгейм, человеческая способность к счастью очень ограничена. В этом контексте он опровергает Спенсера, который говорил, что счастье возрастает вместе с производительной силой труда [23. С. 257].

Описанное выше явление сменил тезис, что удовольствие не сопровождается ни слишком сильными, ни слишком слабыми состояниями сознания. Как недостаточная, так и чрезмерная деятельность способна привести к страданиям. А удовольствие находится между этими крайностями. Дюркгейм приходит к выводу, что если бы разделение труда прогрессировало исключительно для увеличения нашего счастья, то уже и разделение труда, и основанная на нем цивилизация остановились бы. По аналогии с животными, у которых не происходит изменения веками, потому что они достигли состояния равновесия, также и человечество пришло бы к состоянию покоя. Социолог делает очень важный вывод, что не всякое удовольствие полезно, удовольствие и польза не изменяются в одном направлении и отношении. Счастье ограничивается самим человеком, его природой, все телесные потребности ограничены, поэтому счастье ограничивается человеческим темпераментом, степенью достигнутого развития, следовательно, физическое удовольствие не может безгранично увеличиваться.

В то же время результаты труда могут появиться слишком поздно, увидит их уже другое поколение. Поэтому вовсе не ожидание счастья вовлекает людей в труд. Социолог делает вывод, что тезис «счастье индивида возрастает по мере того, как он прогрессирует» очень безоснователен. Дюркгейм обращает внимание, что в современное ему время труд для большинства людей является наказанием и бременем. Стоит отметить, что и сегодня нам время немало людей воспринимают труд таким же образом. Следовательно, не сам труд приводит к счастью. По той причине, что физическое ограничено в человеке, мы не можем понять степень счастья наших предков, например. Нервная система, став более чувствительной, стала доступна более слабым возбуждениям, чего не было у предков. При такой логике с более интенсивной чувствительностью неприятное возбуждение способно доставлять нам большее страдание, чем приятное – наслаждение. Поэтому большая чувствительность способна больше препятствовать счастью, чем способствовать. Социолог подтверждает сказанное выше тем, что самые утонченные нервные системы живут в страдании [23. С. 226]. Счастье выражает здоровье физической и моральной жизни. «Счастье – указатель состояния здоровья» [23. С. 227]. Поэтому счастье не может быть больше там, где деятельность богаче, оно одинаково везде, где эта деятельность носит здоровый характер. По этой логике житель Севера не поменяет место своего жительства на более

теплую страну, несмотря на неблагоприятный климат и бедствия. Однако здесь стоит отметить, что в XXI в. мы не можем применить это правило для современных людей. Люди стали более мобильными, проще меняют место жительства на более благоприятное в поисках счастья и лучшего качества жизни. В современной науке схожее мнение имеет Дж. Фиш. По его мнению, захватывающие новые возможности для работы привлекают людей вдали от своих мест рождения, что, в свою очередь, ослабляет традиции, вытесняя тех ранних защитников, старшего поколения, которые больше не в состоянии передавать, прививать и обеспечивать соблюдение тех эмоциональных сходств, которые порождаются «обычаями предков» [22]. Тем не менее многие не обрывают связь с родиной, ищут соотечественников на новом месте и образуют некие разновидности коммун и общин.

Рассуждая о счастье, Дюркгейм представляет первые идеи о самоубийстве. Люди предпочитают жизнь смерти, значит, счастья в любом случае больше, чем несчастья. Зная число самоубийств можно определить, преобладает счастье в обществе или нет, измерить изменение общего счастья в обществе. Дюркгейм утверждает, что самоубийства появляются только с цивилизацией. В низших обществах самоубийства происходили из лучших побуждений или из-за религиозных предписаний, например у кельтов [23. С. 230]. На карте самоубийств, составленной автором, число самоубийств больше там, где выше развита цивилизация. Количество самоубийств свидетельствует о регрессе счастья, потому что и число самоубийств и счастье одновременно повышаться не могут. Автор заключает, что абсолютного счастья, к которому приближаются люди, не существует: счастье мужчины и женщины разное, низших и современных обществ – разное. Поэтому изменение счастья и разделение труда никак не связаны. Но желание стать счастливее может объяснить прогресс в обществе. Когда разделение труда происходит не принудительно, а по инициативе индивида, некоторые люди могут думать, что найдут счастье в осуществлении своих природных склонностей. Дюркгейм в своем рассуждении не обращается прямо к роли счастья в воспроизводстве органической солидарности, но, основываясь на его идеях, мы можем сказать, что счастье присутствует только в солидарных обществах. Не стремление к счастью приводит к разделению общественного труда, но здоровое разделение труда вызывает счастье, тем самым обеспечивая связь индивида с обществом.

В противоположность счастью Дюркгейм уделяет внимание аномическому разделению труда. Если нормальное разделение труда производит социальную солидарность, то аномическое – наоборот. Автор убежден, что аномическое разделение труда нельзя игнорировать, потому что «изучение отклоняющихся форм позволит лучше понять нормальное состояние общества» [23. С. 328]. Логика Дюркгейма такова, что если будут известны обстоятельства, которые перестают обеспечивать солидарность, мы будем знать что необходимо разделению труда для нормального функционирования. Автор приводит пример в промышленной сфере в 1845–1869 гг, когда рабочие под-

нимали бунты в целях поднятия заработной платы. Так, с повышением возмущения рушилась солидарность между рабочими и наемниками. Противопоставляя этому пример из Средних веков, когда работник был всегда рядом с хозяином.

В завершение своей работы Дюркгейм утверждает, что нравственность (учения и нравы) испытывает регресс, а новая нравственность, соответствующая новому времени, еще не развилась. Регресс моральности отмечает и ряд современных авторов. Дж. Фиш утверждает, что в современных индустриальных обществах ослабление коллективных чувств особенно очевидно [22]. Следствием предположения Дюркгейма о том, что нравственность имеет свое происхождение в обществе, является тезис: религиозная связь, состоит в том, что распад в обществе означает разложение морали [42]. Современные теории наказания, построенные на основе идей Дюркгейма, осмысливают деморализацию как снижение: 1) уровня сплоченности среди граждан, характеризующегося более низким воспринимаемым сходством в моральных убеждениях и социальном доверии, и 2) уважения к юридическим властям и закону [30].

Дж. Фиш критикует концепцию Дюркгейма при анализе древнего города-государства. По его словам, защита национальной религии делает анализ ранней органической солидарности у Дюркгейма противоречивым, подразумевая постоянную потребность в эмоциональном сходстве, несмотря на более широкие трансцендентальные изменения, которые происходят в древнем городе-государстве в то время. Автономная природа чувств, возникающих в условиях органической солидарности, согласно Фишу, препятствует тому, что средневековые люди полностью подчинились общей совести так же, как люди, живущие в механических обществах [22].

Таким образом, с разделением труда появляются большая индивидуальность, больше различий в испытываемых чувствах. Вместе с изменением характера социальной солидарности меняется и роль эмоций в воспроизводстве солидарности. Несмотря на то что социальные эмоции представителей одной профессии становятся чуждыми другим классам, а функциональная дифференциация неизбежно влечет за собой моральную, с прогрессом разделения общественного труда индивид становится зависимым от общества, от деятельности других индивидов. В анализе органической солидарности большее внимание уделяется эмоциям симпатии, альтруизма и счастья. Счастье способствует социальной солидарности, будучи следствием разделения общественного труда, а не его причиной. Нравственность у Дюркгейма состоит в том, чтобы быть солидарным с группой. Если исчезнет социальная жизнь, то и жизнь моральная тоже исчезнет, так как не будет точки опоры. Обязанности индивида к самому себе, а значит, и к обществу (уважение к человеческому достоинству) соответствуют коллективным чувствам, которые непозволительно оскорблять. Разделение труда становится основанием морального порядка и источником социальной солидарности. Без общих чувств «человек не человек» [23. С. 372].

Выводы. Нами была проанализирована работа классика социологии Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда». В работе было выделено место эмоций в интерпретации социальной солидарности. Ранее анализ работы в этом ключе не проводился ни среди российских, ни среди зарубежных исследователей.

Согласно Дюркгейму механическая солидарность основана на общих идеях, чувствах и верованиях, индивидуальное в данном случае поглощается коллективным. Механическая солидарность в интерпретации автора основывается преимущественно на негативных эмоциях, которые вызваны преступлением: гнев, месть и стыд. Несмотря на то что гнев и месть являются негативными, в интерпретации Дюркгейма они представляют собой ответную реакцию на оскорбляющие коллективные чувства поступки и являются средством защиты и, следовательно, поддержания социальной солидарности. Люди объединяются, чтобы вместе испытывать гнев относительно преступлений, создавая социальные связи. А симпатия присутствует только в рамках семьи и дружбы. В противопоставление этому, органическая солидарность основана на разделении общественного труда, имеет индивидуальный характер. Согласно автору с появлением разделения общественного труда меняется социальная структура, характер солидаризации общества и, следовательно, роль эмоций. Эмоции имеют социальную природу и присутствуют в создании социальных связей с первобытных обществ, а с развитием общества и сменой типов социальной солидарности присутствуют во все большем числе видов права. Индивидуализируясь, индивид становится зависим от деятельности других людей. Мы обнаружили, что в описании Дюркгейма стали преобладать позитивные эмоции, такие как альтруизм, симпатия, выходящая за пределы семьи и дружбы и появляющаяся в трудовых отношениях, счастье. Выделенные эмоции возникают

вследствие разделения труда. Дюркгейм аргументировал, что счастье образуется в солидарных обществах и является признаком здорового общества. В целом можно заключить, что разделение общественного труда, имея целью сделать общество солидарным, сопровождается эмоциями. Мы можем сказать, что с разделением общественного труда эмоции, соответствуя отдельным видам деятельности, помогают создавать социальные связи. Поэтому Дюркгейм определял важную роль эмоций в поддержании социальной солидарности, обосновывал социальную природу эмоций. Через весь труд социолога проходит понятие «коллективных чувств», несмотря на то что при механической солидарности коллективные чувства возникают из общих идей, а при органической – из разделения общественного труда, именно коллективные чувства обуславливают социальную солидарность в обществе.

Основываясь на работе Дюркгейма, мы делаем вывод, что солидарность будет укрепляться в тех обществах, где индивиды действуют в соответствии с правилами, не оскорбляющими коллективных эмоций. При этом характер эмоций или конкретный вид не так важен, важна общность испытываемых эмоций. Можно сказать, что эмоции обеспечивают социальную интеграцию в общества, а накапливая предыдущий опыт, обеспечивают социальную солидарность во времени через поколения. Благодаря моральным эмоциям человек чувствует себя частью целого. В то же время ослабление социальной солидарности может быть обусловлено потерей энергии общественного эмоционального сознания. По результату проделанного анализа можно сделать вывод, что положения, разработанные классиком, могут быть актуальными и для современного нам общества и быть основаниями для дальнейшей разработки решения проблемы социальной солидарности в области социологии эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weyher L.F. Emotion, Rationality, and Everyday Life in the Sociology of Emile Durkheim // *Sociol. Spectr.* 2012. Vol. 32, № 4. P. 364–383.
2. Turner J.H. The sociology of emotions: Basic theoretical arguments // *Emot. Rev.* 2009. Vol. 1, № 4. P. 340–354.
3. Kemper T.D. Toward a sociology of emotions: Some problems and some solutions // *Am. Sociol.* 1978. C. 30–41.
4. Stets J.E., Turner J.H. The sociology of emotions // *Handb. Emot.* 2008. C. 32–46.
5. Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations // *Nations Natl.* 2017. Vol. 23, № 2. P. 227–247.
6. Симонова О.А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: Основные направления исследований // *Социологический ежегодник*. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 95–142.
7. Гофман А.Б. Что такое социальная солидарность? // *Когита!py*. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/chto-takoe-socialnaya-solidarnost> (дата обращения: 14.12.2017).
8. Sribljinić A., Božić J. Implications of the Sociology of Emotions for the Restoration of Social Order // *Emot. Rev.* 2013.
9. Krivosos D. And After That We All became Like Brothers: Emotions, Affectivity and Communication in a Pro-governmental Youth Movement in Russia // *YOUNG*. 2016. Vol. 24, № 2. P. 102–117.
10. Jacobsson K., Lindblom J. Moral reflexivity and dramaturgical action in social movement activism: The case of the plowshares and animal rights Sweden // *Soc. Mov. Stud.* 2012. Vol. 11, № 1. P. 41–60.
11. Rosenberger S., Winkler J. Com/passionate protests: Fighting the deportation of asylum seekers // *Mobilization Int. Q.* 2014. Vol. 19, № 2. P. 165–184.
12. Jasper J.M. Emotions and social movements: Twenty years of theory and research // *Annu. Rev. Sociol.* 2011. Vol. 37. P. 285–303.
13. Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // *Int. Polit. Sociol.* 2014. Vol. 8, № 1. P. 1–19.
14. Dolan P., Connolly J. Emotions, violence and social belonging: An Eliasian analysis of sports spectatorship // *Sociology*. 2014. Vol. 48, № 2. P. 284–299.
15. Von Scheve C. at ol. Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup // *Curr. Sociol.* 2014. Vol. 62, № 1. P. 3–23.
16. Heider A., Warner R.S. Bodies in Sync: Interaction Ritual Theory Applied to Sacred Harp Singing* // *Sociol. Relig.* 2010. Vol. 71, № 1. P. 76–97.

17. Ismer S. Embodying the nation: football, emotions and the construction of collective identity // *Natl. Pap.* 2011. Vol. 39, № 4. P. 547–565.
18. Scheve C. von, Ismer S. Towards a Theory of Collective Emotions // *Emot. Rev.* 2013.
19. Dohrenwend B.P. Egoism, Altruism, Anomie, and Fatalism: A Conceptual Analysis of Durkheim's Types // *Am. Sociol. Rev.* 1959. Vol. 24, № 4. P. 466–473.
20. Lester D. The role of shame in suicide // *Suicide Life. Threat. Behav.* 1997. Vol. 27, № 4. P. 352–361.
21. Gane M. Durkheim's scenography of suicide // *Econ. Soc.* 2005. Vol. 34, № 2. P. 223–240.
22. Fish J.S. Religion and the changing intensity of emotional solidarities in Durkheim's *The Division of labour in society* (1893) // *J. Class. Sociol.* 2002. Vol. 2, № 2. P. 203–223.
23. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991а. 1991.
24. Levang L.E. at ol. Musikkfestivalens kollektive effervesens // *Tidsskr. Samfunnsforskning.* 2017. Vol. 58, № 01. P. 62–83.
25. Dimond R., Bartlett A., Lewis J. What binds biosociality? The collective effervescence of the parent-led conference // *Soc. Sci. Med.* 2015. Vol. 126. P. 1–8.
26. Деева М. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое Обозрение.* 2010. Т. 9, № 2.
27. Симонова О.А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // *Журнал Исследований Социальной Политики.* 2014. Т. 12, № 4.
28. Harber K.D. Can the Lone Ranger, Molly Bloom, and Emile Durkheim Be Friends? // *Emot. Rev.* 2009.
29. Fish J.S. Talcott Parsons and the Sociology of Emotion // *Sociol. Perspect.* 2016.
30. Pickett J.T., Baker T. Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions // *J. Exp. Criminol.* 2017. Vol. 13, № 2. P. 217–240.
31. Shilling C. Emotions, embodiment and the sensation of society // *Sociol. Rev.* 1997. Vol. 45, № 2. P. 195–219.
32. Collins R. Stratification, emotional energy, and the transient emotions // *Res. Agendas Sociol. Emot.* 1990. P. 27–57.
33. Clark C. *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life.* : University of Chicago Press, 2007. 332 p.
34. Kusá Z. *Za hranicou solidarity. Obhajovanie princípu dôstojnosti pre všetkých.* 2017.
35. Moore D., Singh R. Seeing crime, feeling crime: Visual evidence, emotions, and the prosecution of domestic violence // *Theor. Criminol.* 2018. Vol. 22, № 1. P. 116–132.
36. Sharp C. #fear&loathing in Sydney: Law, Justice and the Experience of Fear in a Hashtag World // *Law Lit.* 2018. Vol. 30, № 1. P. 29–52.
37. Sajó A. Emotions in Constitutional Institutions // *Emot. Rev.* 2016. Vol. 8, № 1. P. 44–49.
38. Berk H.L. The Legalization of Emotion: Managing Risk by Managing Feelings in Contracts for Surrogate Labor // *Law Soc. Rev.* 2015. Vol. 49, № 1. P. 143–177.
39. Hochschild A.R. Emotion work, feeling rules, and social structure // *Am. J. Sociol.* 1979. Vol. 85, № 3. P. 551–575.
40. Hochschild A.R. *The managed heart: Commercialization of human feeling.* 1991.
41. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер/ 12. Социология.* 2016. № 4.13.
42. Hookway N. Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim // *J. Sociol.* 2015. Vol. 51, № 2. P. 271–284.

Статья представлена научной редакцией «социология и политология» 13 мая 2018 г.

THE OUTLINES OF THE SOCIOLOGY OF EMOTIONS IN THE CONCEPT OF SOCIAL SOLIDARITY: THEORETICAL ORIGINS IN DURKHEIM'S "THE DIVISION OF LABOR IN SOCIETY"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 84–93.

DOI: 10.17223/15617793/435/11

Ekaterina N. Kalieva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekalyaeva@hse.ru

Keywords: emotions; sociology of emotions; social solidarity; Durkheim; collective sentiments; mechanical solidarity; organic solidarity.

The article is devoted to the analysis of Durkheim's "The Division of Labor in Society" in terms of the sociology of emotions. The social solidarity problem is one of the fundamental problems of sociology. There is an opinion that it is impossible to resolve it excluding emotions. "The Division of Labor in Society" is one of the main works in the field of social solidarity. Durkheim considered and characterized types of social solidarity. In contemporary science, however, the authors prefer "*The Elementary Forms of the Religious Life*" for analysis. It leaves gaps in the study of the origins of the sociology of emotions and the role of emotions in maintaining social solidarity. Durkheim's ideas are rethought and reflected in the works of contemporary sociologists of emotions. The article demonstrates that current authors rely on Durkheim's ideas in their arguments. The aims of the article are to identify the background of the sociology of emotions in "The Division of Labor in Society", to present how Durkheim determined the social nature of emotions, their role in the description of social solidarity types, what types of emotions are involved in creating social ties from the position of Durkheim. With the help of Durkheim's ideas we can identify the outlines for solving the problem of social solidarity. We can make a conclusion that the role of emotion in the maintaining of social solidarity changes with the change of the social solidarity types in Durkheim's concept. Mechanical solidarity is based on common ideas, feelings; the individual is completely absorbed by the collective. Crimes arouse negative emotions such as anger, revenge and shame, which become instruments of protection. Sympathy exists only in the institutions of family and marriage. In opposition, organic solidarity is based on the division of social labor; the collective is replaced by the individual. As a result of changing the social solidarity type, positive emotions participate in its reproduction: altruism, sympathy that goes beyond family and friendship and appears in labor relations, happiness. In Durkheim's concept, emotions have to be common and collective for the reproduction of social solidarity. The kind of specific emotions is not very important. Social solidarity can be destroyed with the loss of the collective nature of emotions. It is concluded that Durkheim's ideas can be relevant for the contemporary society and can be the basis for further development of the solution of the problem of social solidarity in the field of the sociology of emotions.

REFERENCES

1. Weyher, L.F. (2012) Emotion, Rationality, and Everyday Life in the Sociology of Emile Durkheim. *Sociol. Spectr.* 32(4). pp. 364–383. DOI: 10.1080/02732173.2012.664049
2. Turner, J.H. (2009) The sociology of emotions: Basic theoretical arguments. *Emot. Rev.* 1(4). pp. 340–354. DOI: 10.1177/1754073909338305
3. Kemper, T.D. (1978) Toward a sociology of emotions: Some problems and some solutions. *Am. Sociol.* 13. pp. 30–41.
4. Stets, J.E. & Turner, J.H. (2008) The sociology of emotions. In: Stets, J. & Turner, J.H. (eds) *Handbook of the Sociology of Emotions*. Springer.

5. Stråth, B. (2017) Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations. *Nations Natl.* 23(2). pp. 227–247.
6. Simonova, O.A. (2011) Sovremennaya sotsiologiya emotsiy i problema sotsial'noy solidarnosti: Osnovnye napravleniya issledovaniy [Modern sociology of emotions and the problem of social solidarity: The main directions of research]. In: Pokrovskiy, N.E. & Efremenko, D.V. (eds) *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow: INION RAN.
7. Gofman, A.B. (2012) *Chto takoe sotsial'naya solidarnost'?* [What is social solidarity?]. [Online] Available from: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/chto-takoe-socialnaya-solidarnost>. (Accessed: 14.12.2017).
8. Srbljinović, A. & Božić, J. (2013) Implications of the Sociology of Emotions for the Restoration of Social Order. *Emot. Rev.* 6(2). pp. 152–159. DOI: 10.1177/1754073913503371
9. Krivosos, D. (2016) And After That We All became Like Brothers: Emotions, Affectivity and Communication in a Pro-governmental Youth Movement in Russia. *YOUNG.* 24(2). pp. 102–117. DOI: 10.1177/1103308815611324
10. Jacobsson, K. & Lindblom, J. (2012) Moral reflexivity and dramaturgical action in social movement activism: The case of the plowshares and animal rights Sweden. *Soc. Mov. Stud.* 11(1). pp. 41–60. DOI: 10.1080/14742837.2012.640529
11. Rosenberger, S. & Winkler, J. (2014) Com/passionate protests: Fighting the deportation of asylum seekers. *Mobilization Int. Q.* 19(2). pp. 165–184.
12. Jasper, J.M. (2011) Emotions and social movements: Twenty years of theory and research. *Annu. Rev. Sociol.* 37. pp. 285–303. DOI: 10.1146/annurev-soc-081309-150015
13. Hutchison, E. (2014) A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *Int. Polit. Sociol.* 8(1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/ips.12037
14. Dolan, P. & Connolly, J. (2014) Emotions, violence and social belonging: An Eliasian analysis of sports spectatorship. *Sociology.* 48(2). pp. 284–299. DOI: 10.1177/0038038512474729
15. Von Scheve, C. et al. (2014) Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup. *Curr. Sociol.* 62(1). pp. 3–23. DOI: 10.1177/0011392113507463
16. Heider, A. & Warner, R.S. (2010) Bodies in Sync: Interaction Ritual Theory Applied to Sacred Harp Singing. *Sociol. Relig.* 71(1). pp. 76–97.
17. Ismer, S. (2011) Embodying the nation: football, emotions and the construction of collective identity. *Natl. Pap.* 39(4). pp. 547–565. DOI: 10.1080/00905992.2011.582864
18. Scheve, C. von & Ismer, S. (2013) Towards a Theory of Collective Emotions. *Emot. Rev.* 5(4). pp. 406–413. DOI: 10.1177/1754073913484170
19. Dohrenwend, B.P. (1959) Egoism, Altruism, Anomie, and Fatalism: A Conceptual Analysis of Durkheim's Types. *Am. Sociol. Rev.* 24(4). pp. 466–473.
20. Lester, D. (1997) The role of shame in suicide. *Suicide Life. Threat. Behav.* 27(4). pp. 352–361.
21. Gane, M. (2005) Durkheim's scenography of suicide. *Econ. Soc.* 34(2). pp. 223–240. DOI: 10.1080/03085140500054602
22. Fish, J.S. (2002) Religion and the changing intensity of emotional solidarities in Durkheim's The division of labour in society (1893). *J. Class. Sociol.* 2(2). pp. 203–223.
23. Durkheim, E. (1991a) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka.
24. Levang, L.E. et al. (2017) Musikkfestivalens kollektive effervesens [The music festival's collective effervescence]. *Tidsskr. Samfunnsforskning.* 58(01). pp. 62–83. DOI: 10.18261/ISSN.1504-291X-2017-01-03
25. Dimond, R., Bartlett, A. & Lewis, J. (2015) What binds biosociality? The collective effervescence of the parent-led conference. *Soc. Sci. Med.* 126. pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.12.005
26. Deeva, M. (2010) Ot individual'nogo k razdelyaemomu affektu: postdyurkgeymianskaya traditsiya v sotsiologii emotsiy [From Individual to Partial Affect: Post-Durkheimian Tradition in the Sociology of Emotions]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie.* 9(2).
27. Simonova, O.A. (2014) The Sociology of Shame and the Research of Poverty: the Consequences for the Social Policy. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noy Politiki – Journal of Social Policy Studies.* 12(4). (In Russian).
28. Harber, K.D. (2009) Can the Lone Ranger, Molly Bloom, and Emile Durkheim Be Friends? *Emot. Rev.* 1(1). pp. 90–91. DOI: 10.1177/1754073908099128
29. Fish, J.S. (2016) Talcott Parsons and the Sociology of Emotion. *Sociol. Perspect.* 48(1). pp. 135–152. DOI: 10.1525/sop.2005.48.1.135
30. Pickett, J.T. & Baker, T. (2017) Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions. *J. Exp. Criminol.* 13(2). pp. 217–240. DOI: 10.1007/s11292-017-9287-1
31. Shilling, C. (1997) Emotions, embodiment and the sensation of society. *Sociol. Rev.* 45(2). pp. 195–219.
32. Collins, R. (1990) Stratification, emotional energy, and the transient emotions. In: Kemper, T.D. (ed.) *SUNY series in the sociology of emotions. Research agendas in the sociology of emotions.* Albany, NY, US: State University of New York Press.
33. Clark, C. (2007) *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life.* Chicago: University of Chicago Press.
34. Kusá, Z. (2017) *Za hranicou solidarity. Obhajovanie princípu dôstojnosti pre všetkých* [Beyond solidarity. Defending the principle of dignity for all]. Bratislava: Sociologický ústav SAV
35. Moore, D. & Singh, R. (2018) Seeing crime, feeling crime: Visual evidence, emotions, and the prosecution of domestic violence. *Theor. Criminol.* 22(1). pp. 116–132. DOI: 10.1177/1362480616684194
36. Sharp, C. (2018) #fear&loathing in Sydney: Law, Justice and the Experience of Fear in a Hashtag World. *Law Lit.* 30(1). pp. 29–52. DOI: 10.1080/1535685X.2017.1348577
37. Sajó, A. (2016) Emotions in Constitutional Institutions. *Emot. Rev.* 8(1). pp. 44–49. DOI: 10.1177/1754073915601224
38. Berk, H.L. (2015) The Legalization of Emotion: Managing Risk by Managing Feelings in Contracts for Surrogate Labor. *Law Soc. Rev.* 49(1). pp. 143–177. DOI: 10.1111/lasr.12125
39. Hochschild, A.R. (1979) Emotion work, feeling rules, and social structure. *Am. J. Sociol.* 85(3). pp. 551–575.
40. Hochschild, A.R. (1991) *The managed heart: Commercialization of human feeling.* Berkeley, CA: University of California Press
41. Simonova, O.A. (2016) Basic principles of the sociology of emotions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology.* 4. pp. 12–27. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401
42. Hookway, N. (2015) Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim. *J. Sociol.* 51(2). pp. 271–284. DOI: 10.1177/1440783313514644

Received: 13 May 2018

Д.О. Труфанов

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Представлен опыт эпистемологической рефлексии в отношении рациональности как социологической категории. Рассмотрена проблема качественной определенности рациональности, выделены ее существенные признаки. Критически обсуждены социологические концепции рациональности, дана их классификация по основанию моделей дефиниции данного понятия. Сформулированы критерии социологического дискурса о рациональности. Дано социологическое определение рациональности как когнитивной самореференции социума.

Ключевые слова: предмет социологии; рациональность; признаки рациональности; социологические теории рациональности; постнеклассический социологический подход; универсальная теория рациональности.

Как известно, предметом социологии выступают свойства ее объекта – социальной реальности. Рациональность – одно из фундаментальных свойств социальной реальности – входит в предметное поле социологии и представляет собой теоретическую и методологическую проблему. К проблеме рациональности обращались и обращаются многие классические и современные авторы, она имеет обширную библиографию и сохраняет актуальность. Но при всех достижениях социологической мысли многие вопросы существования и развития рациональности не получили ясных ответов. Крайне дискуссионными остаются проблемы дефиниции и критериев рациональности, статуса рациональности как социального явления, общей социологической теории рациональности, отделения понятия рациональности от оценочных интерпретаций и ряд других теоретических затруднений [1. С. 5–6]. Ключевой методологической проблемой выступает отсутствие общих критериев социологического понимания рациональности. С одной стороны, это обусловлено множеством подходов к ее объяснению, которые используют разные языки описания своего предмета. С другой стороны, во многих социологических текстах наблюдается смешение философских и социологических принципов изучения рациональности. При этом если в философском дискурсе обсуждается рациональность как предмет философского изучения [2–7], вырабатываются критерии и нормы философского осмысления рациональности, публикуются учебные пособия [8, 9], в которых рассматриваются эти критерии и нормы, то в социологии явно ощущается недостаток эпистемологической рефлексии в отношении критериев социологического подхода к исследованию рациональности. Это приводит к произвольному употреблению термина «рациональность» в социологических текстах в десятках различных, нередко конфликтующих значениях, а также к теоретическому плюрализму, в результате которого социологический дискурс о рациональности распадается на множество разрозненных неинтегрированных фрагментов знания. Указанные обстоятельства делают анализ рациональности как предмета социологического изучения актуальной задачей социологического теоретизирования.

Цель статьи – осмысление рациональности как предмета социологии. Статья призвана внести вклад в

дискуссию о рациональности и способствовать выработке общих критериев социологического дискурса о рациональности. Начать такое осмысление следует с рассмотрения существенных признаков рациональности, выражающих ее качественную определенность. Эта задача заставляет нас обратиться к философии, в рамках которой был сформулирован концепт рациональности.

Проблема качественной определенности рациональности. Впервые оппозиция рациональный – иррациональный получает обсуждение в философии пифагорейцев, где рациональность рассматривается как *мера, выражающая соизмеримость величин* [10. С. 58–61]. Несоизмеримые величины (не имеющие общей меры) были названы иррациональными. Письменную фиксацию данной интерпретации получила в «Началах Евклида» [11. С. 101]. Она имеет основополагающее значение для дискурса о рациональности, так как здесь задана система координат для всех последующих ее интерпретаций. Данная система устанавливает наличие двух начал – измеряемого и измеряющего. Первое – объективно и содержит свойства соизмеримости и несоизмеримости вещей как они есть в действительности, второе – субъективно и указывает на способ отражения (измерения) этих свойств человеческим сознанием. Отношение между этими началами, которое может быть выражено определенной общей мерой (теми или иными единицами измерения), есть рациональность; отношение, которое такой мерой не выражается, есть иррациональность. Рациональность, таким образом, предполагает удвоение позиций – выделение «трансцендентных точек отсчета и специфического угла зрения, с позиций которого оценивается и систематизируется реальность» [12. С. 45]. Иррациональность, напротив, обозначает слитость, неразделенность, неизмеримость реальности, в которой отсутствует позиция измеряющего субъекта.

Эффект удвоения позиций обуславливает рефлексивный характер рациональности как ее базовое условие. Как известно, основанием осуществления рефлексии выступает наличие метапозиции по отношению к рефлектируемому объекту – когда рефлектирующий субъект отделен от объекта и обладает собственной точкой наблюдения. Характерно, что рациональность и рефлексивность связывают многие авторы [13. С. 42–43; 14. С. 74; 15. Р. 92–100; 16. С. 44; 17.

С. 3; 18. С. 21–25]. Таким образом, рациональность в ее изначальной идее обозначает любое отношение между субъектом и объектом, оформленное посредством определенной меры (системы измерения). Учитывая, что способность к измерению – это свойство человеческого сознания, оперирующего символическими системами (языками), рациональность предстает как *когнитивная репрезентация объекта*.

В последующем развитии осмысления рациональности ее интерпретации различались главным образом по основанию меры, оформляющей соизмеримость вещей и явлений действительности. В качестве такой меры в различных подходах постулировались когнитивная (вербальная) оформленность (осознанность, возможность выразить реальность посредством слов, противоположность эмоциональному, аффективному отражению) [19. С. 26; 20. С. 16; 21. С. 13; 22. С. 83], законосообразность (соответствие законам логики (правильного мышления) [23. С. 5; 24. С. 135], законам природы и общества [25. С. 49–50; 26. С. 49; 27. С. 188]), разумность (соответствие нормам, стандартам, структурам разума, который понимался в различных смыслах – как целесообразность [28. С. 30–31; 29. С. 604–605; 30. С. 77], нормативность, стандартизованность [31. С. 268–299; 32. С. 45; 33. С. 62; 34. С. 5], истинность [35. С. 85; 36. С. 116–123; 37. С. 64–67], эффективность [38. С. 123; 39. С. 12–22; 40. С. 43], способность к целеполаганию [41. С. 42–43; 42. С. 41]), умопостигаемость (осознание всеобщего – законов существования и развития мира, не данных в чувственном познании, «движение мышления по логике бытия») [43. С. 69; 44. С. 21; 45. С. 9]. Данный ряд значений может быть продолжен. Содержания реальности, выражимые посредством этих измерений, считаются рациональными; невыражимые, выходящие за их пределы, – иррациональными.

В результате такого многообразия подходов изначальная идея рациональности оказалась расщепленной на множество частных экспликативных схем. Так были оформлены различные модусы и типы рациональности. Это позволило подробно изучить ее многообразные проявления, описать закономерности их существования и развития. Вместе с тем в процессе умножения концепций и подходов к пониманию рациональности произошло размывание ее сущности. По причине углубления специализации частных концепций исследователи во многом утратили видение общих существенных признаков рациональности, постулированных в ее изначальной идее. По мере осознания этого обстоятельства в дискуссиях о рациональности был поставлен вопрос о поиске ее универсального референта, который может стать основанием для формулирования общей теории. В условиях плюрализма версий рациональности необходимость общей теории стала очевидной для многих исследователей. Тем не менее теоретические поиски не привели к выделению универсально-объективного референта рациональности и формализации метатеории. Произошло это, главным образом, вследствие того, что в качестве общего существенного признака рациональности как таковой предлагались частные ее характеристики, лежащие в основании частных концепций

(целесообразность, эффективность, калькулируемость, нормативность и т.д.). Как отмечает В.Г. Федотова, «вместо того, чтобы увидеть в каждом представлении о рациональном, соответствующем определенному типу деятельности, выражение всеобщего, его принимают за это всеобщее и навязывают другим областям» [46. С. 237]. При этом сведение универсального референта рациональности к тем или иным из частных критериев зачастую осуществлялось произвольно и не имело достаточных оснований. Так обстоит дело с разумностью как признаком рациональности: многие авторы указывают на неправомерность их отождествления, а сам разум признается неопределенной категорией и понимается в десятках различных смыслов, в некоторых случаях противоречащих друг другу. В результате таких теоретических затруднений в работах исследователей появляется вывод о неопределенности и дискуссионности понятия рациональности, его оценочном характере [47. С. 187–208; 48]. Это стало признаком теоретического кризиса, где оказался процесс научного осмысления рациональности, преодолеть который посредством имеющихся познавательных инструментов затруднительно.

На наш взгляд, для преодоления кризисной ситуации, которая наблюдается в социологическом изучении рациональности, целесообразно обратиться к ее начальной философской трактовке и извлечь из нее существенные признаки, достаточные для различения рациональных и иррациональных явлений. Мы постараемся показать далее, что эти признаки имплицитно присущи всем частным версиям рациональности, что может выступить основанием для формирования общей системы ее описания.

Согласно первоначальной идее рациональность есть когнитивная репрезентация объектов реальности, процесс выражения соизмеримости фрагментов реальности посредством определенных мер. Эта идея утверждает «всеобщую способность человеческой мысли осваивать внутренние, качественно многообразные структурные связи и отношения бытия» [49. С. 9]. С этой точки зрения рационализация есть процесс придания определенной размерности, структурирования изначальной целостной неструктурированной реальности. Данный процесс осуществляется путем осознания (осмысления) познающим субъектом соотношения различных фрагментов реальности с помощью тех или иных способов измерения.

Существенные признаки рациональности, которые содержатся в ее начальной идее и выражают ее качественную определенность, могут быть сведены к следующему минимальному набору:

1. Дискретность. Для рациональности характерно прерывистое, разделенное на фрагменты отражение действительности. Оно обусловлено применением измеряющего инструмента, предполагающего выделение элементарной меры, лежащей в его основе (числа, слова, логической связи и т.д.). С помощью такой меры в объекте измерения выделяются части, соответствующие мере, – смыслы, отрезки, величины, различные иные качественные определенности. В результате мир предстает перед измеряющим субъектом как структура – совокупность отдельных фраг-

ментов, вступающих в те или иные связи и отношения. Иррациональность, напротив, указывает на существование цельной, непрерывной, неструктурированной реальности, которая не редуцируется познающим сознанием к составляющим ее фрагментам.

2. Нормативность. Рациональность предполагает существование норм и правил применения тех или иных средств измерения реальности. Данные правила являются необходимым условием для повторного использования измеряющего инструмента (меры): повторное использование предполагает воспроизведение способов измерения, использованных при предыдущем замере. Это позволяет рациональности существовать в виде правил, которые образуют познавательные модели, разделяемые многими субъектами познания. Пример таких правил содержится уже в упомянутых «Началах Евклида»: «... для заданной прямой существует бесконечное количество прямых как соизмеримых, так и несоизмеримых, [причём] некоторые [соизмеримы или несоизмеримы] только линейно, другие же и в степени. Назовём теперь заданную прямую рациональной, а соизмеримые с ней, как и линейно и в степени, так и только в степени, будем называть рациональными, несоизмеримые же с ней – иррациональными» [50. С. 101]. Здесь задано правило соизмерения прямых, при выполнении которого возникает явление рациональности. Иррациональность не предполагает подобных измерений и, следовательно, не подвержена действию данного правила, ненормативна.

3. Символическая оформленность. Выделение любой меры, предназначенной для выявления соизмеримости фрагментов реальности, осуществляется через обозначение ее конкретными символами – алгебраическими, геометрическими, логическими, вербальными и пр. Рациональность выражена посредством символической системы – естественного или искусственного языка. Ясно, что основной и первичной символической системой, выражающей рациональность, выступает вербальная система общения как необходимое условие формализации искусственных языков. Любой искусственный язык есть социальная конвенция, появление которой возможно при условии уже существующей системы естественной коммуникации, оперирующей конкретной системой дефиниций. Тем самым, рациональность выступает в первую очередь как вербальная оформленность содержаний реальности. Иррациональность символически не выражена и выходит за пределы вербального оформления мира.

4. Рефлексивность. Рациональность носит рефлексивный характер, так как представляет собой эффект удвоения мира, выделение измеряемого и измеряющего начал. Как было отмечено, данное удвоение, предполагающее наличие метапозиции по отношению к объекту измерения (отражения), выступает необходимым условием рефлексии. Такую метапозицию по отношению к реальности занимает сознание, осмысливающее реальность, оперирующее символами, подчиняющееся нормам, воспринимающее действительность дискретно. При этом не требует специальных доказательств, что сознание остается частью действительности и не выходит за ее пределы. Таким обра-

зом, рефлексивность как свойство рациональности есть *процесс когнитивной самореференции реальности* – рекурсивное отражение реальности когнитивными средствами (естественными и искусственными символическими системами). Подчеркнем, речь идет о явлении рекурсии, предполагающем, что такое отражение осуществляется в пределах реальности, элементами которой выступают и отражаемый объект, и средства его отражения.

Таким образом, рациональность есть там, где существует рефлексивная дискретная символическая нормативно обусловленная репрезентация реальности. Выделенные признаки во многом тавтологичны и не существуют друг без друга. Так, дискретное отражение объектов невозможно вне символических систем измерения, так как отсутствие единиц измерения делает невозможным фрагментацию отражаемого объекта. В свою очередь, использование любой системы измерения – это всегда конвенция, договоренность субъекта о нормах и правилах применения единиц измерения, поскольку вне норм и правил их применения измерительные шкалы не существуют. Наконец, когнитивная репрезентация объекта невозможна без рефлексивной позиции, обладающей собственной точкой наблюдения, так как в отсутствие такой позиции объект не способен отразить собственные свойства и характеристики. На наш взгляд, эти суждения не требуют дополнительной аргументации, поскольку достаточно объяснены в философской и социологической литературе.

Таковы основные выводы, которые следуют из начальной философской идеи рациональности. Теперь обратимся к социологическому прочтению выделенных признаков. Здесь мы непосредственно приступаем к обсуждению рациональности как предмета социологии. Социологический анализ существенных признаков рациональности позволяет сформулировать три ее базовых характеристики как предмета социологического изучения.

1. Если философия изучает рациональность с точки зрения поиска ее качественной определенности, универсального референта, общих закономерностей, то социология в силу ее специфики рассматривает рациональность в рамках своего объекта – социальной реальности, сквозь призму соответствующей понятийной системы, основными категориями которой выступают категория социального и ее производные – социальный актор, социальная норма, социальная группа, социальная система и т.д. При этом социология не отказывается от поиска универсального референта рациональности, но рассматривает его в конкретных условиях социальных контактов социальных акторов – личностей, социальных общностей, институтов, общества в целом. Из этого следует первая базовая характеристика рациональности как предмета социологии: *рациональность рассматривается как когнитивная репрезентация социальной реальности*¹. Далее мы постараемся показать, что иное прочтение рациональности невозможно, так как рациональность, являясь коммуникативным продуктом, не существует за пределами социальной реальности. Любая когнитивная репрезентация внесоциальных явлений проис-

ходит в том случае, если эти явления артикулированы в ходе групповой коммуникации или получили оформление посредством выработанных в социуме символических систем описания (языков). Если в философии рациональность может обсуждаться как абстрактно-всеобщее содержание, то с позиций социологического подхода она предстает как эмпирически конкретное социальное явление, возникающее в процессе социально-групповых взаимодействий. Изменяющийся субъект также предстает перед социологом не в виде условно-абстрактного сознания, реализующего функцию измерения, а как социальный актор, когнитивные свойства которого обусловлены социальной системой – обществом, группой, организацией, частью которых он является.

2. Приведенные выше признаки рациональности – дискретность, нормативность, символическая оформленность, рефлексивность – рассматриваются социологией с точки зрения их социальной сущности. Необходимым условием реализации данных признаков выступают социально-групповые взаимодействия и, шире, способность человека к коммуникации [51]. Здесь сформулируем вторую базовую характеристику рациональности как предмета социологии: *рациональность есть коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий*. Рациональность (т.е. дискретность, нормативность, символическая оформленность социальной реальности) есть результат социальных конвенций и актуализируется в ходе групповой коммуникации. Ясно что для появления любой системы символов и правил ее применения необходим групповой консенсус, готовность социальных акторов использовать эти символы для структурирования социальной реальности. Примерами могут служить любые шкалы и системы фрагментации, задающие размерность социальной жизни – шкалы времени, профессиональной квалификации, цен на товары и услуги, режим дня в детских учреждениях и т.д. Таким образом, коммуникация – ключевой фактор актуализации способности субъекта к рациональному отражению действительности, осмыслению мира как структуры. Данная способность развивается в процессе социализирующего воздействия культуры общества, в которое включен субъект, в ходе которого он воспринимает и усваивает социальные нормы и символические системы (как естественные, так и искусственные). В связи с этим социализация может быть представлена как процесс овладения рациональностью [52. Р. 9–11]. Иррациональность с этой точки зрения представляет собой эмоционально-аффективное отражение социальной жизни, выходящее за пределы символических способов оформления реальности.

Следующий признак рациональности – рефлексивность – также формируется в процессе групповой коммуникации. Взаимодействие в группах – ключевое условие формирования когнитивной позиции, отражающей социальные объекты, явления и процессы посредством оценок, коллективных мнений и норм. В силу ограниченного объема статьи не будем здесь останавливаться на описании механизма данного процесса, он достаточно прояснен в социологии и смеж-

ных науках (Дж. Мид, Ч. Кули [53. С. 116–122, 172–179], А. Шохов [54], Н. Луман [55. С. 210–211], Д. Беккер [56. С. 189–193], Л.С. Выготский [57. С. 611–613] и др.).

Приведенные характеристики показывают, что рациональность для социологии выступает как свойство социальной реальности, которое не может существовать за ее пределами. «Вне общества нет позиции, способной на коммуникацию» [58. С. 206], следовательно, рациональность также не существует за пределами общества. В этом смысле рациональность – «тотемный символ особого положения человека в существующем мире» [59. С. 4], свойство, отличающее мир культуры от мира природы², человеческое – общество от иных ассоциаций.

3. Результаты рационализации социальной жизни (т.е. дискретного нормативного символического ее отражения) закрепились в опыте коллективного социального субъекта – группы, организации, общества, сообщества, и составляют содержание его культуры. Это любые символические оформленные продукты опосредованного отражения действительности, как материальные, так и нематериальные. К нематериальным относятся выраженные в языке социальные конвенции: нормы и правила, групповые оценки и ценности, коллективные мнения, смыслы, традиции, структурирующие социальную жизнь, а также знания, различного рода информация и другие продукты когнитивной деятельности индивидов и групп. Индивид сталкивается с ними уже в семье, где действуют семейные запреты и допущения. Материальными продуктами рационализации являются все объекты, составляющие материальную культуру общества. Такие объекты представляют собой продукты деятельности индивидов и групп, неотделимые от дискретного нормативного символического способа их оформления. Появление и существование данных объектов – от ученической линейки до современных космических аппаратов – есть материальное выражение когнитивной репрезентации социальной практики, т.е. предполагают осуществление рационализации.

Продукты рационализации социальной жизни имеют внешнее по отношению к индивидам существование и оказывают на них принудительное воздействие, т.е. выступают как совокупность социальных фактов в дюркгеймовском смысле. В ходе социализации в конкретном обществе социальный субъект сталкивается с необходимостью принятия и интернализации этих продуктов как ключевым условием вхождения в данное общество. Тем самым, рациональность представляет собой совокупность социокультурных предубеждений, которые принудительно влияют на индивида и выступают фактором детерминации его социального поведения. Это третья базовая характеристика рациональности как предмета социологии: *рациональность (как способ когнитивной репрезентации социальной жизни и его результаты) есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества*. Этот тезис утверждает статус рациональности как социального факта со всеми присущими этому статусу свойствами [62].

Таким образом, базовыми характеристиками рациональности как предмета социологического изучения необходимо считать следующие:

1. Рациональность есть когнитивная репрезентация социальной реальности: социальных субъектов, событий, явлений и процессов. Если существуют доказательства осуществления когнитивных процессов, воплощающих существенные признаки рациональности, за пределами человеческого общества, то можно допустить расширение практики рационализации на иные популяции. На данный момент, на наш взгляд, убедительных доказательств этого нет. Усматривая рациональное поведение у различных животных, исследователи, по нашему мнению, скорее, переносят собственные структуры сознания на изучаемые объекты, чем выявляют присущие этим объектам признаки рациональности. Так, изучая жизнь муравьев, авторы называют социальный порядок муравейника рациональным, имея в виду его целесообразность и эффективность [63, 64]. Означает ли это, что социальная организация муравейника действительно рациональна? Полагаем что нет, так как муравьи не обладают способностью к рефлексивному символическому нормативному дискретному оформлению своей социальной жизни, в связи с чем муравьиный «социум» когнитивно не реферирован. В нем отсутствует эффект удвоения позиций (выделение измеряемого и измеряющего начал), о котором мы говорили выше и который является необходимым условием рациональности. Данный эффект – выделение трансцендентных точек отсчета – есть отличительная черта человеческого общества. Поэтому исследователи, называя социальную организацию муравейника рациональной, характеризуют тем самым не муравейник как таковой, а собственно человеческое общество. Именно его референциями выступают когнитивные целесообразности и эффективности (т.е. мыслительные конструкции, устанавливающие идеальное соотношение цели и средств деятельности (целесообразность), а также цели, средств и средовых условий целедостижения (эффективность)). Такие когнитивные формируют инструменты познания и восприятия, сквозь призму которых исследователи изучают объекты действительности, в частности социальную жизнь муравьев. В этой связи утверждение рациональности социальной организации муравейника – это продукт специфически человеческого способа когнитивного отражения данного объекта, экстраполяции свойств человеческого общества на муравейник.

2. Рациональность – это коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий. Способность к рациональному отражению действительности присуща Homo Sapiens как виду. Она актуализируется в ходе групповых коммуникаций. Как показывают факты естественной мауглизации, вне коммуникации в человеческих ассоциациях способность к дискретному символическому нормативному отражению действительности у индивидов не развивается и остается в потенциальном состоянии. Также феральные люди, лишенные человеческой коммуникации, не обладают способностью к рефлексивной деятельности и отра-

жают действительность непосредственно, с помощью органов чувств.

3. Рациональность есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества. В этом смысле рациональность, с одной стороны, представляет собой совокупность способов дискретного нормативного символического оформления объектов реальности (когнитивные практики обыденного сознания, различных профессиональных фреймов, науки, философии), с другой – совокупность материальных и нематериальных продуктов когнитивного отражения действительности. Эти содержания близки к тому, что К. Поппер назвал «вторым» и «третьим» мирами соответственно («первый мир» составляют физические объекты – реальность, существующая объективно) [65]. Они составляют собственный рекурсивный слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами ее существование и развитие.

Подчеркнем, что, обсуждая вопросы социологического анализа рациональности, мы не отрицаем роль и значение иррациональных факторов в социальной жизни. Иррациональные содержания, наряду с рациональными, составляют структуру любого социального объекта, на что мы обращали внимание в предыдущих работах [66]. Акцент на рациональной стороне социального в данной статье обусловлен ее целью – обсуждением рациональности как предмета социологии.

На наш взгляд, выделенные характеристики являются основными чертами социологического прочтения рациональности и выступают критериями социологического дискурса об этом предмете. Логика дальнейшего анализа рациональности как предмета социологии требует обращения к современному состоянию данного дискурса, рассмотрению его основного содержания.

Современное состояние социологического дискурса по проблеме рациональности. Как было отмечено, современный социологический дискурс о рациональности расщеплен на целый ряд частных экспликативных схем, которые используют различные подходы к ее пониманию и во многих случаях вступают в противоречия друг с другом. Анализ современного состояния теоретического поля в социологическом изучении рациональности приводит к выводу о преобладании в нем постмодернистской ситуации со всеми ее характерными чертами. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Характеристиками постмодернистского теоретизирования как такового, по мнению современных авторов, выступают отсутствие (отрицание) общей теории объекта изучения, контекстуальный характер и фрагментация знания, внутренняя детерминация знания (детерминированность ценностями, содержаниями жизненных миров социальных субъектов), наличие разрывов в познании, релятивность и открытость для противоречий [66. С. 640–641; 67. С. 106, 541–542; 68. С. 122–123; 69 и др.]. Современная ситуация научного изучения рациональности обладает основными чертами такого теоретизирования, а социологическое осмысление рациональности в настоящее время несет характеристики постмодернистской методологии. Такими характеристиками выступают следующие.

1. *Отрицание универсального признака рациональности* – универсально-объективного референта, устанавливающего ее качественную определенность. Рациональность нередко характеризуется как неопределенное, псевдопредметное понятие или оценочная категория. Это обуславливает отсутствие общей социологической теории рациональности, задающей методологические стандарты и нормы ее социологической экспликации и интерпретации. Нормы если и существуют, то носят локальный характер и не выходят за пределы отдельных подходов. Отсутствие метанарратива, задающего общий референт рациональности, санкционирует неограниченное появление новых концепций, произвольно маркирующих рациональность различными частными признаками. В этом контексте рациональность утрачивает свою тождественность и все более напоминает исчезающую улыбку Чеширского Кота.

2. *Контекстуальный характер концепций рациональности*. Исследователи выделяют различные рациональности в разных социальных контекстах. Такие версии рациональности выражают особенности контекстов и не образуют единой описательной системы – «обыденно-публичная, научная, культурная, цивилизационная, политическая, рыночная – между ними острые противоречия» [70. С. 53]. Спектр контекстуальных версий рациональности в настоящее время достаточно широк: рациональность обыденной жизни (Б. Вальденфельс), инженерная и технологическая рациональность (В.Д. Комаров, Е.Е. Елькина, В.П. Котенко), научная рациональность (С. Matheson, А.Ф. Зотов, И.С. Панкратов, В. Пироженов и др.), экологическая (environmental) рациональность (Т. Prinsen, F. Nobre, D. Walker, R. Harris, В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев), экономическая рациональность (Э. Калинин, Е. Чиркова, Н.Н. Покровская, А.Н. Сорочайкин, А.В. Филатова), юридическая рациональность (Т.П. Агафонова, А.Ю. Мамычев, В.В. Попов), педагогическая рациональность (Л.В. Ведмич), проектно-педагогическая рациональность (Ю.С. Тюнников), политическая рациональность (М.М. Федорова, G. Palavicini, M. Beeson, A. Firth) и пр.

3. *Зависимость концептов рациональности от оценочных суждений*. В литературе распространено мнение об оценочном характере категории рациональности, которая выражает не свойства предмета, а ценностное отношение субъекта к нему (Б. Герт, Р. Коллинз, Г. Зиммель, Т. Парсонс, В.И. Моисеев, И.Т. Касавин, З.А. Сокулер). Это во многом отражает ситуацию в социологическом изучении рациональности, когда ее дефиниции обусловлены скорее не объективными критериями и логически установленными существенными признаками, а мировоззренческими ориентациями исследователей (неявными базовыми предпосылками, в терминологии А. Гоулднера). Позитивные оценки тех или иных аспектов реальности при таком подходе связывают с рациональностью, негативные – с иррациональностью по формуле «рациональность – это хорошо, иррациональность – это плохо». Плюрализм и многообразие ценностных систем, с позиции которых осуществляется такая оцен-

ка, приводят к крайней релятивизации концепта рациональности.

4. *Наличие разрывов в поле теоретической интерпретации рациональности*. Выражаясь словами Т. Парсонса, социологические интерпретации рациональности в настоящее время являются разрозненными неинтегрированными фрагментами знаний, не объединенными в ясно очерченные теоретические системы. По мнению ученого, «знание является научным лишь тогда, когда эти фрагменты интегрируются в ясно очерченные теоретические системы» [71. С. 59–60]. В этом состоит теоретическая проблема социологического изучения рациональности – несистемном использовании различных эксплицитных схем, конфликтных, несводимых друг к другу, использующих разные языки описания рациональности.

5. *Открытость для противоречий, которые становятся частью концепта рациональности*. Так, своеобразная интервенция иррациональности прослеживается в ряде современных концепций рациональности. Она выражена в конструировании таких подходов, как концепция гибридной рациональности, «иррациональной рациональности», которая указывает на сопряженность целерациональных практик с иррациональными эффектами – высоким уровнем риска и инструментальным отношением к человеку, который понимается как средство достижения утилитарных целей (С.А. Кравченко); концепция «новой рациональности», которая включает иррациональные элементы, трактуемые как новые формы рациональности (внелогические действия, субъективно-чувственные формы отражения действительности (Г.Г. Зейналов)), концепция множественности форм рациональности и ее перехода в свою противоположность (Н.Н. Зарубина) и т.д. Такие подходы, призванные проявить современные тенденции общественного развития, в то же время делают категорию рациональности более размытой и нетождественной ее изначальной идее как меры, выражающей соизмеримость величин.

Таким образом, обобщение существующих сегодня социологических интерпретаций рациональности указывает на признаки постмодернистского типа теоретизирования. С одной стороны, такая практика проявляет сложность и многоаспектность проблемы рациональности, с другой – размывает научный статус этого концепта и существенно затрудняет его применение в анализе социальной реальности.

Существующие в этих условиях социологические подходы к пониманию рациональности могут быть классифицированы по основанию применяемых способов определения рациональности. Анализ показывает, что существуют три модели дефиниции рациональности, которые отличаются группировкой ее признаков. Первая модель основана на выделении какого-либо одного свойства, которое утверждается как существенный признак рациональности; вторая предполагает объединение нескольких свойств в общий признак, выступающий продуктом их синтеза; третья модель основана на утверждении одновременного существования нескольких не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности, в основе которых лежат

разные признаки. Данная классификация позволяет выделить три типа социологических подходов к проблеме рациональности: монистические (монофакторные), комплексные и плюралистические (полифакторные).

Монистические (монофакторные) подходы к пониманию рациональности основаны на утверждении одного существенного признака рациональности. Основными интерпретациями рациональности, выполненными в рамках данного подхода, выступают следующие.

Рациональность как целесообразность (целенаправленность). Это классический подход, восходящий к социологии М. Вебера. В качестве признака рациональности он утверждает идеальную модель связи цели деятельности и средств ее достижения. Рациональность здесь выражает предельную целесообразность, т.е. максимальное соответствие целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности [72. С. 71–77]. Это одна из наиболее распространенных интерпретаций рациональности в современной социологии; ссылки на авторов, в работах которых представлен данный подход, даны во втором разделе нашей статьи.

Рациональность как эффективность. В отличие от предыдущей интерпретации, понятие эффективности выражает связь выбора средств деятельности и контекста ее осуществления, предполагает учет средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение. Данная дефиниция легла в основу многих социологических теорий рационального выбора.

Рациональность как нормативность, стандартизованность, конвенциональность. Здесь существенным признаком рациональности считается соответствие поведения и деятельности социального актора нормам и стандартам целедостижения, основным социальным конвенциям, действующим в конкретном обществе. Совокупность норм и правил, складывающихся в процессе накопления опыта целедостижения, ценностно-ориентированного поведения, формирует стандарты связи цели и средств в различных сферах практики. Они определяются как стандарты рациональности. С данной точки зрения рациональной является деятельность, в которой упомянутые стандарты воплощены, нерациональной – деятельность, в которой они нарушены.

Рациональность как законосообразность. В этой интерпретации в качестве признака рациональности постулируется соответствие наблюдаемых явлений, процессов, действий объективным законам, о существовании которых известно. При этом рациональность обсуждается в гносеологическом и онтологическом аспектах. В гносеологическом аспекте она выражает соответствие рассуждений законам правильного мышления (законам логики). Иррациональным считается знание, содержащее логические ошибки. В онтологическом аспекте рациональность есть соответствие социальной практики законам природы и общества. Здесь оппозиция «рациональное – иррациональное» выражает категории порядка и хаоса, где порядок есть воплощение рациональности, а хаос

представляет собой непредсказуемую стихию иррационального.

Рациональность как осознанность. Эта интерпретация наиболее близка по содержанию к изначальной идее рациональности как когнитивной референции объектов реальности. Здесь рациональность отождествляется с когнициями, выражающими познавательный (мыслительный) процесс. Когниции выражены символически, прежде всего, вербально и противостоят эмоциональному, аффективному переживанию объектов действительности.

Рациональность как истинность. В этой интерпретации рациональными признаются рассуждения, смыслы, действия, знание, которые соответствуют истине, взятой в значении какого-либо образца, эталона. Такие образцы могут быть различными: универсальный закон, стандарты когнитивной деятельности, социальная консолидация, верифицируемость знания, определенная ценностная система и др. Чем ближе тот или иной объект к эталону, тем более он рационален и наоборот.

Рациональность как способность к целеполаганию. Здесь рациональность предстает как характеристика человеческой деятельности, проявленная в способности человека к построению идеального плана действий в его соотнесенности с целью и условиями среды. Этот признак рассматривается в качестве отличительного свойства *Homo Sapiens*, маркирующего человеческий разум. С этой версией рациональности тесно связана другая, в которой признаком рациональности утверждается автономность социального субъекта, его способность самостоятельно принимать решения, быть свободным от нерациональной детерминации.

Комплексные подходы к пониманию рациональности объединяют несколько содержательных аспектов в общий признак рациональности, выступающий продуктом их синтеза. К таким подходам мы отнесли любые концепции, в которых в общий признак соединены как минимум две монофакторные версии рациональности. Так, довольно часто можно встретить интерпретации рациональности, в которых слиты признаки целесообразности и эффективности, а также целесообразности и нормативности. Существуют более сложные подходы, объединяющие несколько интерпретаций рациональности. Приведем примеры таких подходов.

Рациональность как особая установка сознательной деятельности социального субъекта, для которой характерны признаки логичности, целесообразности, упорядоченности и системности [73. С. 11].

Рациональность как характеристика человеческого поведения (а также метод его оценки), включающая шесть элементов: находчивость (активность в отношении поиска и достижения желаемых состояний), ограниченность (осуществление выбора в контексте ограниченных возможностей целедостижения), ожидание (экспектации относительно происходящих событий), оценка (рассмотрение различных состояний действительности с ценностной точки зрения), мотивированность (стремление к достижению состояний, имеющих более высокую оценку по срав-

нению с теми, в которых человек находится; целеполагание), осмысленность (ориентация в возникающих ситуациях на основе имеющегося знания, поиск нового знания в новых, непредвиденных ситуациях) [74. Р. 635–636].

Рациональность как особенность формальных организаций, для которой характерны признаки осознанности, целесообразности, логической упорядоченности [75. С. 96].

Плюралистические (полифакторные) подходы к пониманию рациональности содержат указание на несколько не сводимых друг к другу аспектов рациональности. Один из таких подходов представлен в феноменологической социологии А. Шютца, который различает рациональность как методологический принцип научного наблюдения за социальной жизнью и рационализацию как процесс прогрессивной типизации, структурирующий социальный мир индивидов [76. С. 171, 179–181, 187–188]. На уровне научного наблюдения принцип рациональности выражен в трех ее интерпретациях: как законосообразности в гносеологическом аспекте (соответствие действий актора принципам формальной логики), как знания, воспринимаемого актором ясно и различимо и выступающего условием рационального выбора, и как эффективности, характеризующей выбор актора, отбирающего из доступных ему средств наиболее соответствующие цели. На уровне повседневной жизни рационализация есть трансформация иррационального (целостного нередуцированного мира) в структуру, которую индивид может понять, контролировать и предсказать. Такая рационализация, как отмечает А. Шютц, близка по своему значению к веберовскому «расколдовыванию мира».

Другой пример – подход Б.С. Сивирioва, который различает два аспекта рациональности: деятельностную рациональность и внутреннюю рациональность социальных систем [77. С. 3]. Первая связана с познавательно-преобразующей деятельностью индивидов и групп, вторая – с функционированием социальных систем, их структурной логикой, способностью к самореференции и саморегуляции. Утверждается, что рациональность – это, с одной стороны, функция активности отдельного человека, с другой – функция общественных образований по отношению к социальной реальности.

Нетрудно заметить, что во многих приведенных подходах имплицитно представлены основные признаки рациональности, выделенные нами во втором разделе статьи. Так, признаки дискретности и символической оформленности выражены в прямом или косвенном утверждении осознанности как условия рациональности в различных ее версиях. Это характерный момент, так как вне осознанности невозможно дискретное символическое отражение действительности. Также прямо или косвенно в различных подходах прослеживается признак нормативности, который связывают с нормами различной природы – стандартами социального поведения, логическими законами, требованиями истинности и пр. Наконец, в приведенных подходах выражен признак рефлексивности, обозначающий удвоение позиций, наличие особой точки

наблюдения за объектами действительности. Он прослеживается в концепциях рациональности как целеполагания, автономности субъекта, целесообразности и других версиях и проявляется в утверждении дистанцированной от объектов позиции наблюдения, которую занимает социальный субъект.

Вместе с тем исследователи не выходят на обобщение данных признаков рациональности и остаются в рамках перечисленных частных подходов к ее пониманию. При этом данные подходы нередко конфликтуют, что мешает их рассмотрению как взаимодополнительных. Так, логическая связь цели и средств (целесообразность) не обуславливает с необходимостью высокую степень эффективности деятельности, так как является идеальной и не учитывает реальных средовых условий целедостижения. Реальная эффективность связи цели, средств и условий деятельности не всегда является осознанной и, значит, может существовать как неформальное и случайное (иррациональное) содержание. Следование установленным стандартам деятельности как воплощению рациональности не представляет собой с необходимостью эффективный способ достижения цели, который может потребовать применения нестандартных творческих и инновационных решений. Выход за пределы стандартов рациональности (иррациональное действие) может быть более эффективным в конкретных условиях (нормативность социальной организации может вступать в конфликт с требованием эффективности, особенно если нормативные практики целедостижения не обеспечены в данном обществе доступными институциональными условиями их реализации). Законосообразность того или иного социального явления, действия не есть с необходимостью предмет осознания и может не иметь артикулированности в рефлексивном поле действующего субъекта. Упорядоченность и непротиворечивость как характеристики социальной организации не гарантируют реализацию принципа законосообразности ее деятельности: такая упорядоченность способна вступать в противоречие с объективно изменившимися средовыми условиями, требующими изменения установленного порядка. Тем самым, рациональное в рамках одного подхода может трактоваться как иррациональное в рамках другого и наоборот.

В этих обстоятельствах среди исследователей закономерно появляется пессимизм относительно возможности решения проблемы рациональности. Как было отмечено выше, преодолеть данные теоретические затруднения посредством распространенных в социологии подходов крайне проблематично. Для решения этой задачи необходима новая теоретическая позиция – рефлексивная точка наблюдения, позволяющая подвергнуть анализу существующую практику изучения рациональности в социологии. На наш взгляд, такую позицию способен предложить постнеклассический социологический подход. Эпистемологическая рефлексия с позиции такого подхода открывает дополнительные возможности социологического изучения рациональности и позволяет преодолеть указанные теоретические затруднения путем утверждения существенных признаков рациональности, общих для всех ее аспектов и проявлений.

Постнеклассический подход к проблеме рациональности. Большинство упомянутых выше концепций рациональности, как следует из анализа их содержания, – продукт классического способа теоретизирования в социологии. Об этом свидетельствует позиция «идеального наблюдателя», имплицитно присутствующая в их выводах. Она проявлена в том, что познающий субъект выводится за пределы анализа и рациональность предстает как самостоятельная сущность, оторванная от собственных социальных оснований. Это лишает данные подходы возможности выявить существенные признаки рациональности *per se*, так как, согласно первоначальной идее, она есть отношение между *двумя началами* – измеряемым и измеряющим, мера, выражающая соизмеримость величин. Преодолеть это затруднение возможно с помощью принципов постнеклассического подхода в социологии [78]. Среди его методологических принципов ключевое значение для решения проблемы рациональности имеют принцип дополнительности и опора на диатропическую познавательную модель. Первый позволяет включить в область анализа позиции наблюдателя и наблюдаемого и рассмотреть их как элементы одной реальности, вторая предоставляет теоретический инструмент для выявления общих элементов различных версий и подходов к пониманию рациональности. Принципы постнеклассического подхода в социологии достаточно описаны в научной и учебной литературе [79], поэтому здесь не будем останавливаться на их подробной характеристике.

На основании данных принципов нами была сформулирована постнеклассическая (универсумная) теория рациональности, в которой предложены решения основных теоретических затруднений, сложившихся в социологическом дискурсе о рациональности. Ее обоснование представлено в наших предыдущих публикациях [1], поэтому здесь тезисно приведем основные выводы, имеющие значение с точки зрения цели данной статьи.

Диатропический анализ всех концепций рациональности позволяет выделить признак *когнитивной оформленности содержаний реальности* как инвариантное качество, в том или ином виде присутствующее во всех концепциях рациональности. Чтобы это доказать, достаточно рассмотреть все концепции рациональности с позиции принципа дополнительности. С этой точки зрения *концепции рациональности* – это *социальные объекты*, природа которых обусловлена двумя основаниями. Одно из них – познающий субъект (исследователь), формулирующий теоретические постулаты и являющийся продуктом жизненных и социально-групповых структур, в которые он включен. Другое основание – объект познания, т.е. явления и связи реальности, которые исследователь рассматривает и определяет как рациональность. Таким образом, концепция рациональности предстает не как совокупность теоретических постулатов, раскрывающих содержание понятия «рациональность», а как *кейс (частное проявление, случай) рациональности* – факт осознания реальности сквозь призму онтологических и гносеологических характеристик познающего субъекта. Таким кейсам присущи *все признаки* рациональности, выделенные во второй части статьи: дискрет-

ность, символическая оформленность, нормативность, рефлексивность.

Нетрудно сделать следующий шаг и экстраполировать вывод, полученный при сопоставлении концепций рациональности на любые факты когнитивного оформления объектов действительности, независимо от их содержания. В результате рациональность предстает как особый слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами ее существование и развитие. Этот слой отражает реальность дискретно (выделяя в ней части и элементы), символически (используя различные языки ее описания), нормативно (вырабатывая нормы и стандарты когнитивных практик). Также данный слой представляет собой рефлексивную позицию по отношению к реальности, одновременно выступая частью этой реальности, т.е. является рекурсивным. Иррациональность с этой точки зрения есть совокупность некогнитивных содержаний социальной реальности, выходящих за пределы символического способа оформления.

На макроуровне (уровне общества и его макроструктур) рациональность предстает как когнитивная самореференция социума и отдельных его компонентов. Подчеркнем, что речь идет о рекурсии – эффекте описания системы, ее объектов и процессов, которое происходит внутри самой системы. Этот эффект близок к содержанию понятия «аутопоэзис», которое использовал Н. Луман для анализа социальных систем. На микроуровне (уровне индивида и малой группы) рациональность есть любой рефлексивный акт (его процесс и результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью символических (прежде всего вербальных) средств коммуникации.

Основные выводы.

1. Современный социологический дискурс о рациональности представляет собой фрагментированное теоретическое поле, в котором представлены различные концепции рациональности, использующие разные подходы к ее определению. В силу того, что многие подходы произвольно и зачастую без достаточных оснований утверждают разные признаки рациональности, они не представляют собой единой системы ее описания и во многих случаях вступают друг с другом в противоречия. В результате в социологическом изучении рациональности наблюдаются признаки постмодернистского типа теоретизирования, что выражается в нерешенности проблемы универсального признака рациональности (отсутствии ее общей теории), контекстуальном характере концепций рациональности, их зависимости от оценочных суждений, наличии разрывов в поле теоретической интерпретации рациональности и открытости для противоречий. Методологической проблемой выступает отсутствие критериев социологического дискурса о рациональности, задающих основные рамки социологического изучения данного предмета.

Для решения этих проблем, а также формализации социологического дискурса о рациональности мы посчитали целесообразным рассмотрение начального концепта рациональности, который сформировался в философии пифагорейцев.

2. Обращение к содержанию начальной философской идеи рациональности как меры, оформляющей

соизмеримость величин, позволяет выделить четыре существенных признака рациональности, описывающих ее качественную определенность: дискретность (прерывистое, разделенное на фрагменты отражение действительности), символическую оформленность (использование различных языков описания), нормативность (нормы и правила применения средств измерения реальности), рефлексивность (эффект удвоения позиций, выделение измеряемого и измеряющего начал).

В результате социологического прочтения этих признаков (рассмотрения с точки зрения их социальной сущности), выделены три базовые характеристики рациональности как предмета социологического изучения:

1. Рациональность есть когнитивная репрезентация социальной реальности: социальных субъектов, событий, явлений и процессов.

2. Рациональность есть коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий.

3. Рациональность есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества.

С нашей точки зрения, эти характеристики являются рамочными для социологического анализа рациональности и должны рассматриваться как критерии социологического дискурса об этом предмете. Выход за пределы данных рамок при анализе рациональности может свидетельствовать о переходе процесса исследования в другие дискурсы.

3. В социологическом дискурсе выделены три типа подходов, различающихся способами проблематизации рациональности: монистические (моnofакторные), утверждающие один признак рациональности, комплексные, объединяющие несколько

свойств рациональности в общий ее признак, и плюралистические (полифакторные), утверждающие несколько не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности. В этих подходах имплицитно представлены четыре существенных признака рациональности, но это не приводит к формированию общей ее теории, исследователи рассматривают рациональность с точки зрения частных концепций, что обуславливает сохранение признаков постмодернистского теоретизирования в данном теоретическом поле.

4. Преодолению теоретического кризиса в социологическом изучении рациональности может способствовать постнеклассический социологический подход, опирающийся на принцип дополнительности и использующий современные познавательные модели. Принцип дополнительности позволяет включить в поле анализа наряду с объектом, субъект познавательной деятельности, что является необходимым условием для социологического изучения рациональности. Диатропическая познавательная модель дает возможность выделить общие черты всех подходов к пониманию рациональности и продвинуться в поиске универсального ее референта. Универсальная социологическая теория рациональности, сформулированная в рамках этого подхода, предлагает общую дефиницию рациональности, выражающую ее сущность как предмета социологического изучения. Рациональность определена как когнитивная самореференция социума и его элементов.

Приведенные результаты подлежат обсуждению и являются приглашением к дискуссии всех заинтересованных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под социальной реальностью здесь понимается реальность человеческого общества. Мы не обсуждаем в рамках данной статьи биологическую социальность нечеловеческих популяций, полагая, что она не содержит выделенных в статье признаков рациональности.

² Не случайно исследователи рассматривают рациональность как ценность культуры и цивилизации [60, 61].

ЛИТЕРАТУРА

1. Труфанов Д.О. Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсальный) подход. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. 124 с.
2. Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. 225 с.
3. Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 1995. Т. 1. 350 с.
4. Исторические типы рациональности / отв. ред. П.П. Гайденок. М. : ИФ РАН, 1996. Т. 2. 348 с.
5. Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. 368 с.
6. Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 2. 464 с.
7. Новикова О.В., Сайганова В.С. Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерения // Философия и социальные науки. 2014. № 2. С. 56–60.
8. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та. Воронеж : МОДЕК, 2006. 256 с.
9. Попов В.В., Щеглов Б.С. Теория рациональности (неклассический и постнеклассический подходы) : учеб. пособие. Ростов-н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 268 с.
10. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та; Воронеж : МОДЕК, 2006.
11. Начала Евклида. Книги VII–X / пер. с гр. и ком. Д.Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии И.Н. Веселовского. М., Л. : Гос. изд-во технико-теоретич. лит., 1949.
12. Зарубина Н.Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 38–48.
13. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
14. Демина Н.А., Павлов А.П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 71–75.
15. Korsgaard Ch.M. The Sources of Normativity. New York : Cambridge University Press, 1996.
16. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.

17. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.
18. Мартишина Н.И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. 2000. № 2. С. 21–25.
19. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
20. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19.
21. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 3–16.
22. Колбановский В.В. Иррациональность и консерватизм // Вопросы социологии. 1996. № 6. С. 82–87.
23. Мудрагей Н.С. Очерки истории западно-европейского иррационализма. М. : Наука, 2002. 112 с.
24. Черная А.Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 2. С. 134–141.
25. Комаров В.Д. Технологическая рациональность и особенности технологических наук // Научная рациональность: возможности диалога. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 49–50.
26. Феньвеш Т.А. Социально-антропологические аспекты рациональности в контексте философии русского космизма // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности. Красноярск, 2010. С. 48–86.
27. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
28. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
29. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.
30. Лапин Н.И. Проблема рациональности и перспективы развития российской социологии // Вопросы социологии. 1996. № 6. С. 77–80.
31. Никифоров А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия. (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. С. 295–313.
32. Пироженов В. Наукова раціональність: ціннісна норма і методологічний регулятив // Вісник Національної Академії наук України. 2002. № 8. С. 45–52.
33. Белозеров А.Б. Коммуникативная рациональность в контексте постнеклассической науки // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 62–65.
34. Зейналов Г.Г. Поиски новой рациональности в науке // Учебный эксперимент в образовании. 2012. № 2. С. 5–12.
35. Липский Б.И. Рациональность, истина, коммуникация // Человек – Философия – Гуманизм : тез. докл. и выступления Первого Рос. филос. конгресса (4–7 июня 1997 г.): в 7 т. Т. 3: Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997. С. 85–87.
36. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
37. Флишберг Б. И. Рациональность и власть: еще раз о кей-стади // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 1–22.
38. Хунагов Р.Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 122–131.
39. Генов Н. Организационная рационализация в Восточной Европе: достижения и пределы // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 1–27.
40. Швери Р. Теория рационального выбора : аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43–57.
41. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
42. Маслова С.В. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 39–42.
43. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М. : Наука, 1988. 287 с.
44. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та; Воронеж : МОДЕК, 2006. 256 с.
45. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
46. Федотова В.Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. С. 231–263.
47. Касавин И.Т. О ситуациях проблематизации рациональности // Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. С. 187–208.
48. Trufanov D.O. Rationality as a Sociological Category, Free from Evaluation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Т. 6, № 8. Р. 1195–1204
49. Найдыш В.М. Рационализм и постмодернизм // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 6–14.
50. Начала Евклида. Книги VII–X / пер. с греч. и ком. Д.Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии И.Н. Веселовского. М.; Л. : Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1949.
51. Здравомыслов А.Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 3–15.
52. Trufanov D.O. Socialization from the Point of View of Postnonclassical (Universum) Sociological Theory of Rationality // Socialization – A Multidimensional Perspective R. Morese, S. Palermo, J. Nervo. London, UK, IntechOpen, 2018. Р. 1–19.
53. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
54. Шохов А. Схема научного исследования в постнеклассической науке. URL: <http://www.socium.com.ua/shema.doc> (дата обращения: 29.07.2018).
55. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 194–218.
56. Беккер Д. В обществе – об обществе // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 189–193.
57. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Мышление и речь : сб. М. : АСТ: Астрель, 2011. 637 с.
58. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 194–218.
59. Шевченко А.А. Устойчивое развитие и эволюция идеи рациональности. Новосибирск : Изд-е ИФиПр СО РАН, 1994. 19 с.
60. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
61. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
62. Труфанов Д.О. Рациональность как социальный факт // European Social Science Journal. 2012. № 3. С. 309–318.
63. Захаров А.А. Муравей, семья, колония. М. : Наука, 1978. 140 с.
64. Луговской В. «Распределенный мозг» муравьиной семьи // Наука и жизнь. 2007. № 3. С. 66–71.
65. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
66. Труфанов Д.О. Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсальный) подход // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 60–69.
67. Кравченко С.А. Социология: парадигмы сквозь призму социологического воображения: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2007. 750 с.

68. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
69. Мнацаканян М.О. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 335 с.
70. Артамонов Г.Н. Системное управление развитием интеллектуального потенциала учащейся молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М. : Гос. ун-т управления, 2016. 503 с.
71. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
72. Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. С. 71–77.
73. Карташев Д.Е. Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009.
74. Lindenberg S. Social rationality versus rational egoism // Turner J. (ed.) Handbook of Sociological Theory. New York : Kluwer Academic/Plenum, 2001. P. 635–668.
75. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М. : Интерфакс, 1995. 295 с.
76. Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 163–190.
77. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.
78. Немировский В.Г. Неклассические и постнеклассические подходы в современной российской социологии // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2005. № 2. С. 19–31.
79. Немировский В.Г., Немирко Д.Д., Гришаев С.В. Социология: Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности : учеб. пособие. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 557 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 27 августа 2018 г.

RATIONALITY AS A SUBJECT OF SOCIOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 94–107.

DOI: 10.17223/15617793/435/12

Dmitry O. Trufanov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: krassocio@yandex.ru

Keywords: subject of sociology; rationality; signs of rationality; sociological theories of rationality; postnonclassical sociological approach; universum theory of rationality.

The article discusses rationality as a subject of sociological research. Topical theoretical problems of rationality are the problems of definition and criteria of rationality, the status of rationality as a social phenomenon, the general sociological theory of rationality, the separation of the concept of rationality from the assessing interpretations. The main methodological problem is the lack of common criteria of sociological understanding of rationality. As a result, the modern sociological discourse on rationality is a fragmented theoretical field with the features of postmodern type of theorizing. In sociological discourse, the author identifies three types of approaches that differ in the ways of rationality problematization. Monistic approaches claim one sign of rationality; comprehensive approaches unite several properties of rationality in a general one; pluralist approaches argue several different interpretations of rationality. As a result of the analysis of the initial philosophical idea of rationality, the author identified four main features of rationality, describing its qualitative certainty: discreteness (intermittent, fragmented reflection of reality), symbolic design (use of different languages of description), normativity (norms and rules of application of means of measuring reality), reflexivity (the effect of doubling positions, the selection of the measured and measuring principles). As a result of a sociological analysis of these features, the author formulated three basic characteristics of rationality as a subject of sociological study: rationality is a cognitive representation of social reality: social subjects, events, phenomena and processes; rationality is a communicative product, which is the effect of social-group interactions; rationality is a set of social facts that make up the culture of society. In the author's opinion, these characteristics are the framework for sociological analysis of rationality and should be considered as criteria of sociological discourse on this subject. The postnonclassical sociological approach based on the principle of complementarity and using modern cognitive models can help to overcome the theoretical crisis in the sociological study of rationality. The principle of complementarity allows to include the subject of cognitive activity, along with the object, in the field of analysis, which is a necessary condition for sociological research of rationality. The diatropic cognitive model makes it possible to identify common features of all approaches to the understanding of rationality and to advance in the search for a universal referent of rationality. The universal sociological theory of rationality, formulated in the framework of this approach, offers a general definition of rationality, expressing its essence as a subject of sociological research: rationality is the cognitive self-direction of society and its elements.

REFERENCES

1. Trufanov, D.O. (2013) *Ratsional'nost' kak fundamental'naya kharakteristika sotsial'nykh sistem. Postneklassicheskiy (universumnyy) podkhod* [Rationality as a fundamental characteristic of social systems. Post-non-classical (universal) approach]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
2. Pruzhinina, B.I. & Shvyreva, V.S. (eds) (1995) *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research]. Moscow: IPh RAS.
3. Lektorskiy, V.A. (ed.) (1995) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Vol. 1. Moscow: IPh RAS.
4. Gaydenko, P.P. (ed.) (1996) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Vol. 2. Moscow: IPh RAS.
5. Lektorskiy, V.A. (ed.) (1999) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
6. Gaydenko, P.P. (ed.) (1999) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 2. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
7. Novikova, O.V. & Sayganova, V.S. (2014) The Phenomenon of Rationality in Modern Culture: Anthropological and Cognitive Dimensions. *Filosofiya i sotsial'nye nauki – Philosophy and Social Sciences*. 2. pp. 56–60.
8. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikh.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
9. Popov, V.V. & Shcheglov, B.S. (2006) *Teoriya ratsional'nosti (neklassicheskiy i postneklassicheskiy podkhody)* [Theory of rationality (non-classical and postnonclassical approaches)]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
10. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikh.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
11. Euclid. (1949) *Nachala. Knigi VII–X* [The elements. Books VII–X]. Translated from Ancient Greek by D.D. Mordukhay-Boltovskiy. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoy lit.

12. Zarubina, N.N. (2009) Evolving rationality in a globalizing world under impact of money. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 38–48. (In Russian).
13. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Demina, N.A. & Pavlov, A.P. (2011) Ratsional'nost' kak osnova reprezentatsii sotsial'noy real'nosti [Rationality as a basis for the representation of social reality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (14):II. pp. 71–75.
15. Korsgaard, Ch.M. (1996) *The Sources of Normativity*. New York: Cambridge University Press.
16. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturalizatsii* [The Disposition of Society: An Essay on Structuration Theory]. Translated from English by O.V. Inshakov. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.
17. Sivirinov, B.S. (2003) Sotsial'naya ratsional'nost' kak komponent sotsial'noy perspektivy [Social rationality as a component of a social perspective]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
18. Martishina, N.I. (2000) Ratsional'nost' i nauchnost': k opredeleniyu sootnosheniya ponyatiy [Rationality and scientificity: to the definition of the correlation of concepts]. *Filosofiya nauki*. 2. pp. 21–25.
19. Toshchenko, Zh.T. (2008) *Paradoksal'nyy chelovek* [A paradoxical person]. Moscow: YuNITI-DANA.
20. Nemirovskiy, V.G. (2006) Massovoe soznaniye i bessoznatel'noye kak ob'ekt postneklassicheskoy sotsiologii [Mass consciousness and the unconscious as an object of postnonclassical sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 13–19.
21. Zaslavskaya, T.I. (2002) O sotsial'nom mekhanizme postkommunisticheskikh preobrazovaniy v Rossii [On the social mechanism of post-communist transformations in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 3–16.
22. Kolbanovskiy, V.V. (1996) Irratsional'nost' i konservativizm [Irrationality and conservatism]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 82–87.
23. Mudragey, N.S. (2002) *Ocherki istorii zapadno-evropeyskogo irratsionalizma* [Essays on the history of Western European irrationalism]. Moscow: Nauka.
24. Chernaya, A.N. (2010) Vzaimosvyaz' ratsional'nogo i irratsional'nogo v kontseptsii filosofii istorii A. Toynbi [Interrelation of rational and irrational in A. Toynbee's concept of philosophy of history]. *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*. 2. pp. 134–141.
25. Komarov, V.D. (2009) Tekhnologicheskaya ratsional'nost' i osobennosti tekhnologicheskikh nauk [Technological rationality and features of technological sciences]. In: Ivanov, B.I. et al. (eds) *Nauchnaya ratsional'nost': vozmozhnosti dialoga* [Scientific rationality: the possibilities of dialogue]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo.
26. Fen'vesh, T.A. (2010) Sotsial'no-antropologicheskie aspekty ratsional'nosti v kontekste filosofii russkogo kosmizma [Socio-anthropological aspects of rationality in the context of the philosophy of Russian cosmism]. In: Trufanov, D.O., Fen'vesh, T.A. & Starikov, P.A. *Obshchestvo, kul'tura, tvorchestvo v kontekste problemy sotsial'noy ratsional'nosti* [Society, culture, creativity in the context of the problem of social rationality]. Krasnoyarsk: Branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law.
27. Moiseev, N.N. (1998) *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. The path of reason]. Moscow: Izd-vo MNEPU.
28. Pareto, V. (2008) *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium on General Sociology]. Translated from Italian by A.A. Zotov. Moscow: HSE.
29. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress. pp. 602–643.
30. Lapin, N.I. (1996) Problema ratsional'nosti i perspektivy razvitiya rossiyskoy sotsiologii [The problem of rationality and the prospects for the development of Russian sociology]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 77–80.
31. Nikiforov, A.L. (1999) Sootnosheniye ratsional'nosti i svobody v chelovecheskoy deyatel'nosti [The correlation of rationality and freedom in human activity]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (ROSSPEN).
32. Pirozhenko, V. (2002) Naukova ratsional'nist': tsinnisna norma i metodologichniy regulyativ [Scientific rationality: value norm and methodological regulation]. *Visnik Natsional'noi Akademii nauk Ukraini*. 8. pp. 45–52.
33. Belozеров, A.B. (2011) Kommunikativnaya ratsional'nost' v kontekste postneklassicheskoy nauki [Communicative rationality in the context of postnonclassical science]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 62–65.
34. Zeynalov, G.G. (2012) Poiski novoy ratsional'nosti v nauke [The search for new rationality in science]. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii*. 2. pp. 5–12.
35. Lipskiy, B.I. (1997) [Rationality, truth, communication]. *Chelovek – Filosofiya – Gumanizm* [Man – Philosophy – Humanism]. Abstracts of the First Russian Philosophical Congress. 4–7 June 1997. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 85–87. (In Russian).
36. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
37. Flivbjerg, B. (2007) Rationality and power: once again on case study. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 1–22. (In Russian).
38. Khunagov, R.D. (1995) Problema ratsional'nosti organizatsionnykh struktur [The problem of rationality of organizational structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 122–131.
39. Genov, N. (2007) Organizational rationalization in Eastern Europe: achievements and limits. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 1–27. (In Russian).
40. Shveri, R. (1995) Teoriya ratsional'nogo vybora: analiticheskiy obzor [The theory of rational choice: an analytical review]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 43–57.
41. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
42. Maslova, S.V. (2007) Post-modern rationality as the factor of forming the myth destructing and myth constructing tendencies in modern culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 301. pp. 39–42. (In Russian).
43. Avtonomova, N.S. (1988) *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason Mind. Rationality]. Moscow: Nauka.
44. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikholog.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
45. Mamardashvili, M.K. (2010) *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
46. Fedotova, V.G. (1999) Sotsial'naya ratsional'nost' i demokraticeskoe obshchestvo [Social rationality and a democratic society]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (ROSSPEN), Kn. 1. pp. 295–313.
47. Kasavin, I.T. (1995) O situatsiyakh problematizatsii ratsional'nosti [On problematization of rationality]. In: Pruzhinina, B.I. & Shvyreva, V.S. (eds) *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research]. Moscow: IPh RAS.
48. Trufanov, D.O. (2013) Rationality as a Sociological Category, Free from Evaluation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 6(8). pp. 1195–1204.
49. Naydysh, V.M. (2012) Rationalism and postmodernism. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 2. pp. 6–14. (In Russian).
50. Euclid. (1949) *Nachala. Knigi VII–X* [The elements. Books VII–X]. Translated from Ancient Greek by D.D. Mordukhay-Boltovskiy. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoy lit.

51. Zdravomyslov, A.G. (1990) Printsip ratsional'nosti v sovremennoy sotsiologicheskoy teorii (gnoseologicheskie i kul'turologicheskie osnovaniya) [The principle of rationality in modern sociological theory (gnoseological and cultural grounds)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 3–15.
52. Trufanov, D.O. (2018) Socialization from the Point of View of Postnonclassical (Universum) Sociological Theory of Rationality. In: Morese, R., Palermo, S. & Nervo, J. (eds) *Socialization – A Multidimensional Perspective*. London, UK: IntechOpen.
53. Dobren'kova, V.I. (ed.) (1994) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty* [American sociological thought: Texts]. Moscow: Moscow State University.
54. Shokhov, A. (n.d.) *Skhema nauchnogo issledovaniya v postneklassicheskoy nauke* [A scheme of scientific research in postnonclassical science]. [Online] Available from: <http://www.socium.com.ua/shema.doc>. (Accessed: 29.07.2018).
55. Luhmann, N. (1991) Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in the self-description of modern society]. Translated from German. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
56. Becker, D. (1991) V obshchestve – ob obshchestve [In society about society]. Translated from English. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
57. Vygotskiy, L.S. (2011) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow: AST: Astrel'.
58. Luhmann, N. (1991) Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in the self-description of modern society]. Translated from German. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
59. Shevchenko, A.A. (1994) *Ustoychivoe razvitiye i evolyutsiya idei ratsional'nosti* [Sustainable development and evolution of the idea of rationality]. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law, SB RAS.
60. Stepin, V.S. (1989) Nauchnoye poznanie i tsennosti tekhnogennoy tsivilizatsii [Scientific cognition and values of a technogenic civilization]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–18.
61. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
62. Trufanov, D.O. (2012) Rationality as a social fact. *European Social Science Journal*. 3. pp. 309–318. (In Russian).
63. Zakharov, A.A. (1978) *Muravey, sem'ya, koloniya* [An ant, a family, a colony]. Moscow: Nauka.
64. Lugovskoy, V. (2007) "Raspredeennyy mozg" murav'inoi sem'i ["Distributed Brain" of the ant family]. *Nauka i zhizn'*. 3. pp. 66–71.
65. Popper, K.R. (2002) *Ob'ektivnoye znanie. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. An evolutionary approach]. Translated from English by D.G. Lakhuti. Moscow: Editorial URSS.
66. Trufanov, D.O. (2013) Rationality as an issue of sociology. Post-nonclassical (universum) approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 60–69. (In Russian).
67. Kravchenko, S.A. (2007) *Sotsiologiya: paradigmy skvoz' prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniya* [Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination]. 3rd ed. Moscow: Ekzamen.
68. Ritzer, J. (2002) *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theory]. Translated from English by A. Boykov, A. Lisitsyn. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
69. Mnatsakanyan, M.O. (2015) *Postmodernizm. Proiskhozhdenie, priroda i mesto v sovremennoy sotsiologii* [Postmodernism. The origin, nature and place in modern sociology]. Moscow: YuNITI-DANA.
70. Artamonov, G.N. (2016) *Sistemnoye upravleniye razvitiem intellektual'nogo potentsiala uchashcheyshya molodezhi* [System management of the development of the intellectual potential of students]. Sociology Dr. Dis. Moscow.
71. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
72. Davydov, Yu.N. (1996) M. Veber i problema interpretatsii ratsional'nosti [M. Weber and the problem of interpreting rationality]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 71–77.
73. Kartashev, D.E. (2009) *Ratsional'nost' kak sotsial'nyy fenomen* [Rationality as a social phenomenon]. Abstract Philosophy Cand. Dis. Saransk.
74. Lindenberg, S. (2001) Social rationality versus rational egoism. In: Turner J. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York: Kluwer Academic/Plenum.
75. Prigozhin, A.I. (1995) *Sovremennaya sotsiologiya organizatsiy* [Modern sociology of organizations]. Moscow: Interfaks.
76. Shyutts, A. (2003) Problema ratsional'nosti v sovremennom mire [The problem of rationality in the modern world]. In: Alkhasov, A.Ya. (ed.) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Translated from English by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova. Moscow: In-t fonda "Obshchestvennoye mnenie".
77. Sivirinov, B.S. (2003) Sotsial'naya ratsional'nost' kak komponent sotsial'noy perspektivy [Social rationality as a component of a social perspective]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
78. Nemirovskiy, V.G. (2005) Neklassicheskie i postneklassicheskie podkhody v sovremennoy rossiyskoy sotsiologii [Non-classical and postnonclassical approaches in modern Russian sociology]. *Sotsiologiya. Zhurnal Rossiyskoy sotsiologicheskoy assotsiatsii*. 2. pp. 19–31.
79. Nemirovskiy, V.G., Nevirko, D.D. & Grishaev, S.V. (2003) *Sotsiologiya: Klassicheskie i postneklassicheskie podkhody k analizu sotsial'noy real'nosti* [Sociology: Classical and postnonclassical approaches to the analysis of social reality]. Moscow: RSUH.

Received: 27 August 2018

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.8 + 343.819.5

С.В. Аристов

АДМИНИСТРАЦИЯ И ОХРАННЫЙ ПЕРСОНАЛ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Данная статья выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых ученых МК – 928.2017.6.

На основе широкого круга источников из отечественных и зарубежных архивов проанализирована деятельность управленческого и охранного персонала двух нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Украины – Яновского лагеря во Львове и Сырецкого в Киеве. Охарактеризованы преступная деятельность, состав комендантов и коллаборационистских подразделений, охранявших концлагеря, а также представлен социальный портрет лагерных функционеров и психологическая мотивация их преступлений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; нацизм; оккупация; Яновский концлагерь; Сырецкий концлагерь; коллаборационизм.

Изучение деятельности администрации и охранных подразделений нацистских концентрационных лагерей является одной из важнейших составляющих анализа функционирования нацистской концлагерной системы. Несмотря на то что данному вопросу был посвящен ряд исследований, в первую очередь зарубежных ученых, различные аспекты проблемы до сих пор остаются слабо изучены [1–3]. К числу подобных, неисследованных в должной мере вопросов относится анализ состава и деятельности функционеров концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза, в частности лагерей, располагавшихся в занятых районах Украины – Яновском концлагере во Львове и Сырецком в Киеве.

Яновский лагерь был создан нацистами в ноябре 1941 г. и фактически стал первым концентрационным лагерем на оккупированных советских территориях, выполняя функции эксплуатации и уничтожения заключенных. За три года функционирования в нем погибло не менее 35–50 тыс. человек, тогда как Чрезвычайная государственная комиссия оценивала это число в 200 тыс. человек, относя к ним всех жертв нацистских преступлений в районе концлагеря и близлежащих мест расстрелов, например в Лисиничском лесу [4. С. 338; 5. С. 191; 6. Р. 255; 7. Р. 5538].

Сырецкий концентрационный лагерь в Киеве начал создаваться оккупационными властями в мае 1942 г. в непосредственной близости от Бабьего Яра, на территории бывших казарм воинского гарнизона. Максимальная площадь лагеря составляла примерно 3 км². Лагерная территория была обнесена высоким проволочным забором, находившимся под напряжением, по периметру располагались наблюдательные вышки. В самом концентрационном лагере, в центре большой так называемой рабочей зоны размещалась огороженная колючей проволокой «жилая зона», разделенная на мужское и женское отделения.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии, на территории Сырецкого концлагеря было обнаружено 650 трупов заключенных, при этом часть захо-

ронений так и не была вскрыта. По мнению немецкого исследователя Корда Пагенштехера, в Сырецком лагере могло погибнуть как минимум 5 тыс. человек [8. С. 92]. Однако точное число, с учетом тех, кто был отправлен на расстрел в Бабий Яр, вряд ли когда-то будет установлено, в связи с отсутствием документов, тщательно уничтожавшихся нацистами при отступлении.

Главной фигурой в администрации концентрационных лагерей являлся комендант. Он назначался личным распоряжением Гиммлера по представлению начальника Инспекции концентрационных лагерей. В служебной инструкции для лагерного персонала отмечалось, что «комендант должен осведомляться обо всех происходивших в лагере процессах и упорядочивать работу персонала» [9. Л. 13]. Следуя предписанию, во все лагерные отделы ежедневно поступали его письменные распоряжения, касавшиеся вопросов их функционирования и поддержания казарменного порядка. Наиболее важные приказы, в первую очередь о массовых убийствах, за исполнение которых комендант нес персональную ответственность перед руководством Инспекции, он озвучивал устно, назначая непосредственных исполнителей операции.

Комендант имел право инициировать наказание эсэсовцев, переводить их в другой концентрационный лагерь, повышать или понижать в должности. Подобные возможности позволяли коменданту поддерживать дисциплину в рядах подчиненных. Комендант был единственной инстанцией в лагере, кто мог санкционировать различные виды наказаний узников, вплоть до смертной казни, требовались лишь формальный запрос в Инспекцию концентрационных лагерей и ее разрешение. В реальности, отказов Инспекции комендантам не было. Более того, подобные запросы вполне могли осуществляться, когда казнь или экзекуция узника уже состоялась.

Хотя совершавшиеся в лагере преступления координировались и направлялись, в первую очередь, его комендантами, фактическим создателем Яновского концлагеря, который принимал в его управлении ак-

тивное участие, был хауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр, отнюдь не комендант, а руководитель филиала нацистского концерна «ДАВ» (от нем. DAW – Deutsche Ausrüstungswerke GmbH) во Львове с июля 1941 г. по май 1944 г. О Фрице Гебауэре известно, что он родился в 1906 г. в Бреслау (Германия). Окончил начальную школу и ремесленное училище, получив профессию механика. В 1931 г. вступил в ряды НСДАП и СС [10].

Первым официальным комендантом концлагеря во Львове стал Густав Вильхауз. Он родился в 1910 г. в Форбахе, где закончил начальную школу и строительное училище. В 1932 г. вступил в нацистскую партию и СС. В ноябре 1941 г. получил звание унтерштурмфюрера СС, а весной 1942 г. был командирован во Львов, где стал комендантом, выполняя свои обязанности в течение года – с июня 1942 г. по июль 1943 г. [11].

На этом посту Вильхауза сменил хауптштурмфюрер Фридрих Варцок, ставший последним комендантом Яновского концлагеря (с июля по ноябрь 1943 г.). Варцок родился в 1903 г. в местечке Рогова в Польше и происходил из семьи рабочих. Он окончил начальную школу, а затем учился на строителя. С 1922 по 1927 г. являлся участником одного из националистических формирований, распространенных в Германии после Первой мировой войны. В 1931 г. Варцок вступил в НСДАП и СС, а с 1941 г. возглавлял лагерь принудительного труда в Ласки-Велкие и аналогичный лагерь в округе Злошов в Польше. Одновременно входил в штаб начальника полиции и СС в дистрикте «Галиция» Фрица Катцмана в качестве референта по «еврейскому вопросу» [12].

Среди других управленцев Яновского концлагеря в документах и воспоминаниях бывших узников назывались заместитель коменданта (июль–декабрь 1942 г.) унтерштурмфюрер СС Рихард Рокита и Адольф Колонко – руководитель охраны (январь–июль 1942 г.), отдела труда (июль 1942 г. – март 1943 г.), комендант филиала Гродек-Ягелонски (март–июль 1943 г.) [5. S. 434–435].

Что же касается деятельности комендантов концлагеря, то имеется значительное количество свидетельств, подтверждающих преступления. Фриц Гебауэр, по воспоминаниям выживших заключенных, собственноручно забивал людей до смерти [13. Л. 53 об.]. Густав Вильхауз расстреливал узников, находившихся на территории лагеря, из окна своей канцелярии. Особенно часто жертвами становились заключенные, стоявшие в очереди на получение пайка у лагерьной столовой. Трупы убитых, число которых иногда достигало двухсот человек, не убирали по нескольку дней, и они скапливались в помойной яме рядом с кухней [14. Р. 2]. В 1942 г. к 54-летию Гитлера Вильхауз лично расстрелял 54 узника [15. Л. 142 об.; 16. Р. 4]. По свидетельствам бывших заключенных, нередко в стрельбе участвовала и его жена – Оттилия [17. Л. 573], зачастую на глазах их маленькой дочери, которая, не понимая, что происходит, радостно приветствовала происходившее [18. Л. 39]. Сменивший Вильхауза Фридрих Варцок, как сообщали свидетели, подвешивал заключенных вниз головой, а затем расстреливал их [15. Л. 23 об.].

Комендантом Сырецкого концентрационного лагеря являлся штурмбанфюрер СС Пауль Радомский (родился в 1902 г. в Меве, Восточная Пруссия) [19. S. 74]. Член НСДАП с 1928 г., он даже в нацистских кругах имел репутацию алкоголика и садиста, за которым среди эсэсовцев закрепилось прозвище «бешеный пес» [20. Р. 10]. Один из бывших узников охарактеризовал его как человека, имевшего «вид всегда пьяного кокаиниста» [21. Л. 88]. Радомский лично участвовал в убийствах и избиении заключенных [22. Л. 29].

По свидетельствам бывших заключенных, его непосредственным заместителем был некто Ридер, по прозвищу «Рыжий», а переводчиком – Иван Рейн [23. Л. 149]. Отдел гестапо в лагере возглавлял унтерштурмфюрер СС, бывший офицер тайной полиции в Заксенхаузене Хельмут Даннел, который наполнил лагерь сетью своих агентов [20. Р. 4].

Охранный персонал Яновского концлагеря на протяжении его функционирования был представлен несколькими подразделениями. Первые бараки, давшие начало лагерю, на протяжении ряда месяцев охранялись немецкими солдатами дивизии «Дирлевангер» [24. S. 21; 25. S. 251–263]. Сформированная в 1940 г., она в течение нескольких лет состояла преимущественно из браконьеров. Лишь с июля 1942 г. в нее были впервые рекрутированы узники концлагерей. Массовый же набор заключенных начался только летом 1943 г. Сборным пунктом стал концлагерь Заксенхаузен, куда первое время нацисты отправляли добровольцев из категорий «профессиональных преступников» и «асоциальных». Тадеуш Боровский – бывший узник Аушвица – вспоминал, как заключенные, отобранные для дивизии «Дирлевангера» из убийц и преступников, причинявших немало страданий заключенным в лагере, учились ходить строем, разучивали патриотические песни [26. Р. 161]. В конце 1944 г. к группам заключенных, из которых можно было производить набор в дивизию, к «криминальным» и «асоциальным» добавились «политические». По распоряжению Гиммлера во всех основных концентрационных лагерях было отобрано 1 910 узников из бывших политических оппонентов, которые, «по мнению комендантов лагерей, внутренне переродились и желают доказать это посредством участия в борьбе великогерманского рейха» [25. S. 257]. В реальности же подобные призывы к добровольному участию проявились в принудительной отправке заключенных в дивизию.

С весны 1942 г., после появления на посту коменданта Густава Вильхауза, Яновский концлагерь охранялся «травниками», которых администрация, а вслед за ней и узники, называли «аскары» по аналогии с названием полиции в немецких колониях в Африке [27]. Во Львов «травники» попадали либо сразу после обучения в одноименном тренировочном лагере [28. Р. 19], либо после охраны Майданека [29. Р. 21]. Отслужив в Яновском концлагере, «травники» зачастую направлялись в польские лагеря, однако были и другие варианты. Например, весной 1944 г., в последние дни существования львовского концлагеря, группа из 16 вахманов совместно с немецким составом

охраны и руководством были направлены на охрану Бухенвальда [30. Р. 74].

Общее количество охранников из числа «травников», одномоментно находившихся в лагере, было около 100 человек. При этом число немецкого персонала – офицеров и рядовых солдат полицейских батальонов – составляло не более 30 человек [31. Р. 152]. Нередко «травники» совершали побеги из лагеря и тогда их состав полностью заменялся.

Как и остальные коллаборационистские отряды, «травники» не только охраняли Яновский концлагерь, но и конвоировали узников на работу, участвовали в транспортировке заключенных к местам уничтожения как поблизости от лагеря, так и в центры уничтожения (Бельжец и Трешлину) и принимали непосредственное участие в массовых казнях.

Охранный корпус Яновского концлагеря имел свою иерархию, которая полностью дублировала иерархию, существовавшую в лагере Травники: вахман (рядовой охранник), обервахман, группенвахман (командир отделения охранников) и цугвахман (командир взвода охранников). В сохранившихся трофейных документах о переводе «травников» в Яновский лагерь из Люблина отмечалось, что звание цугвахмана было лишь у Сергея Малова [32. Р. 149]. По свидетельствам «травников», Малов прибыл в Яновский лагерь на смену некоего Пескова, который был убит партизанами весной 1943 г. Вместе со своим подразделением он принимал участие в убийствах евреев вплоть до осени 1943 г., когда по невыясненным причинам покончил жизнь самоубийством. По всей вероятности, эта бригада «травников» прибыла специально для проведения расстрелов. Вполне возможно, что в нее были отобраны проверенные, наиболее «отличившиеся» ранее на службе вахманы, которые бесспорно были готовы убивать.

Руководители охранного корпуса «травников» размещались в отдельном бараке, имели право свободного выхода в город. Рядовые вахманы располагались в бараке на территории концлагеря, дополнительно огороженном колючей проволокой. Перед вступлением в наряд вахманы проходили инструктаж, который проводил С. Малов. Тогда же выдавались оружие и боеприпасы [33. Р. 40].

Помимо «травников» в свидетельствах коллаборационистов упоминаются охранники-немцы и «фольксдойчи», которых было незначительное количество [34. Р. 197]. По свидетельствам самих «травников», узников группами по 100 человек сопровождали на расстрел 2–3 немецких охранника и 6–7 вахманов-коллаборационистов [33. Р. 41].

Одним из масштабных убийств, в котором принимали участие коллаборационисты Яновского концлагеря, стала осенью 1943 г. акция «праздник урожая» – последняя стадия «операции Рейнгардт» по уничтожению евреев в Генерал-губернаторстве, которая стала еще и реакцией нацистов на восстания узников в центрах уничтожения. В течение 3–4 ноября 1943 г. только в Майданеке было расстреляно 18 тыс. евреев. Расстрелы евреев в ходе этой акции также были осуществлены и в других лагерях района Люблин – Травниках, Понятове. В Яновском лагере во Львове массовые расстрелы начались 25 октября, когда были

убиты практически все узники – участники рабочих бригад. 19–20 ноября 1943 г. в лагере было уничтожено еще около 5 тыс. евреев [24. С. 29].

О деятельности 23-го батальона СД, охранявшего Сырецкий концлагерь, известно немного. Он был создан в 1942 г. в Киеве и возглавил его хауптштурмфюрер Виллибальд Регитчинг. Батальон состоял из 400–500 человек, половина из которых была немцами, а вторая половина – украинцами [35. С. 6]. Основной целью батальона была борьба с партизанами. В период своей дислокации в столице Украины коллаборационисты несли охрану Сырецкого концентрационного лагеря. Функции, которые они выполняли, ничем не отличались от коллаборационистских подразделений, действовавших в Яновском концлагере – они охраняли здания СД в Киеве (на улице Мельника, 48), конвоировали узников, охраняли периметр концлагеря и участвовали в расстрелах, происходивших в Бабьем Яру [36]. Осенью 1943 г. одна из рот 23-го батальона СД располагалась в минском концлагере Малый Трешенец.

Вахманы 23-го батальона принимали участие в расстрелах узников на протяжении всего периода функционирования Сырецкого концлагеря [22. Л. 27–28]. Однако особенно значительна их роль была в последние месяцы оккупации Киева, которые характеризовались очередным витком эскалации террора. Приближение линии фронта вело к зачистке всех, с точки зрения нацистов, подозрительных элементов, способных в критический момент оказать поддержку наступающим советским войскам. Кроме того, интенсификация депортации трудоспособного населения Киева в рейх, когда начиная с весны 1943 г. в Германию должны были вывозиться до 6 тыс. рабочих ежедневно [37. Р. 470], привела к резкому увеличению числа уклонявшихся, также становившихся мишенью для репрессий. Местное население, по заявлениям нацистских руководителей, должно было работать на рейх или погибнуть [38]. В результате в эти последние перед отступлением нацистов из Киева месяцы в Бабьем Яру было уничтожено еще как минимум 10–20 тыс. человек.

Что же можно сказать о социальной и психологической характеристике административного и охранного персонала нацистских концлагерей на оккупированной Украине? В чем заключались особенности моделей их поведения и мотивации?

Относительно социального портрета комендантов и охранников Яновского и Сырецкого концлагерей можно отметить, что он в целом соответствовал аналогичным характеристикам функционеров других концлагерей на оккупированной территории Советского Союза. Гебауэр, Вилльхауз, Варцок, Радомский представляли собой убежденных нацистов средних лет, с невысоким уровнем образования, ориентированных на беспрекословное исполнение приказов вышестоящего руководства.

Абсолютное большинство охранников по возрастному составу и социальному происхождению были схожи с комендантами. Это были мужчины 30–40 лет, выходцы из рабочих и крестьянских семей. В их среде не шла речь о бывших уголовных элементах. Среди

проанализированных автором следственных дел не было ни одного, в котором бы отмечалось, что обвиняемый имел в прошлом судимость. Предельным уровнем образования вахманов являлось неоконченное профессиональное. Только несколько человек были комсомольцами или членами ВЛКСМ, абсолютное большинство было беспартийными.

Что же касается психологической мотивации поведения комендантов и коллаборационистов, то здесь также имеются некоторые сходства. Среди всех руководителей концлагерей на оккупированной территории Советского Союза можно выделить несколько основных типов поведения, которые полностью соответствовали моделям поведения лагерных комендантов в Третьем рейхе [39. С. 79–81]. Первый тип – «идейные бюрократы», не только стремившиеся к неукоснительному исполнению приказов начальства, но и предвосхищавшие его решения своими действиями. Второй тип – «меркантильные чиновники», осуществлявшие волю руководства и при этом не забывавшие о личном интересе. Они не стремились предлагать собственные идеи, зато пользовались моментом, чтобы получить максимум выгоды от своего положения. Наконец, третьи – «садисты», получавшие удовольствие от насилия и стремившиеся применять его даже тогда, когда оно не было ничем мотивировано и никем из руководства не направлялось. Эти три типа сложно выделить в ком-то из комендантов «в чистом виде»; в большинстве случаев они смешивались и доминировали в разные периоды их деятельности.

Не были исключением и коменданты украинских концлагерей. В их среде преобладали представители второй группы – функционеры, которым был отдан приказ по выполнению определенной работы и которые старались ее выполнить, не задумываясь об этических проблемах [40. С. 245]. Разрешение на преступления, полученное от вышестоящего руководства, позволяло им чувствовать свою безнаказанность либо представлять себя абсолютно невиновным. Единственное, о чем они беспокоились, – это о своем личном благополучии, стараясь получить максимальную выгоду от занимаемой должности и рассматривая свои назначения в лагерной иерархии как продвижение по службе.

Психологические мотивы поведения охранников-коллаборационистов, если речь шла о бывших военнопленных, изначально основывались на желании выжить в условиях пленения. Однако в дальнейшем они начинали использовать свое положение с целью продвижения по карьерной лестнице в нацистской

иерархии или как минимум улучшения своего существования за счет других. Более того, впервые в жизни получив в свои руки власть, фактически имея санкцию на неограниченный террор, они пользовались ей, не задумываясь о последствиях. Даже в тех случаях, когда руководство не требовало применения насилия в отношении заключенных, коллаборационисты проявляли собственную инициативу. Тем более, что преступление, совершенное в составе группы, превращало индивидуальную ответственность в коллективную [1. С. 51].

Если же у кого-либо из коллаборационистов возникали проблемы с исполнением наиболее тяжелых с психологической точки зрения приказов, например с участием в многодневных массовых расстрелах, использовался алкоголь. Ни в одном из уголовных дел не содержится ни одного факта отказа вахмана от выполнения распоряжений нацистов. Лишь один из руководителей роты «травников» покончил жизнь самоубийством после проведения масштабной акции по уничтожению евреев. Однако доподлинно неизвестно, что стало причиной подобного решения. Только приближение советских войск и боязнь скорой расплаты за свои преступления заставляли преступников бежать, на этот раз от немцев, и скрываться от советского правосудия, в том числе и под чужими именами.

Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории Советского Союза в целом и на Украине в частности были важнейшим элементом нацистского террора. В них содержались все основные категории населения, преследовавшиеся нацистами – евреи, военнопленные, партизаны, политические активисты и представители гражданского населения, недовольные нацистской политикой. Кроме того, и Яновский и Сырецкий концлагеря реализовывали две основные функции – эксплуатации и уничтожения заключенных, характерные для «классических» концлагерей Третьего рейха.

Администрация и охранный персонал данных концлагерей, как это ни парадоксально, имели много сходств в социальном происхождении и мотивах деятельности в концлагерях. Анализ биографий этих функционеров позволяет по аналогии с американским исследователем Кристофером Браунингом охарактеризовать их как «заурядных исполнителей» [41], которые, тем не менее, приняли активное участие в уничтожении десятков тысяч людей, оказавшихся в оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. 2007. № 1. С. 31–59.
2. Ort K. The concentration camp personnel // Concentration camps in Nazi Germany: the new histories / ed. by J. Caplan, N. Wachsmann. L., N.Y. : Routledge, 2010. P. 44–57.
3. Orth K. Die Konzentrationslager – SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 2004. 332 s.
4. Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München : Oldenbourg, 1997. 399 s.
5. Sandkühler T. Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. 592 s.
6. The Holocaust in the East: local perpetrators and Soviet responses / ed. M. David-Fox Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2014. 265 p.
7. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg (ZSL). AR-Z 294/59. Bd. 25.

8. Pagenstecher C. Arbeitserziehungslager // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Hrsg. W. Benz, B. Distel. München : Verlag C.H. Beck, 2005. Bd. 9. S. 75–99.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 92.
10. Yad Vashem Archive (YV). О. 68. File 117.
11. YV. О. 68. File 850.
12. YV. О. 68. File 847.
13. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 77.
14. YV. О. 62. File 97.
15. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75.
16. YV. О. 62. File 143.
17. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 130.
18. ГАРФ. Оп. 116. Д. 83.
19. Ermittlungen gg. Radomsky wg. NS- und Kriegsverbrechen im Lager Haidari (Chaidari) bei Athen (Griechenland) // ZSL. AR 1.378/68.
20. Prusin A. A Community of Violence // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21, № 1. P. 1–30.
21. Протокол допроса Берлянта С.Б. // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
22. Протокол допроса обвиняемого Быстрова В.В. // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46839.
23. Протокол допроса свидетеля З. Трубакова // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
24. ZSL. AR-Z 192/59.
25. Auerbach H. "Die Einheit Dirlwanger" // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 1962. Vol. 10, № 3. S. 251–263.
26. Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2004. 549 p.
27. Фридман Ф. Убийство львовских евреев. URL: <https://web.archive.org/web/20101106061403/http://www.mankurty.com:80/fridru.html> (дата обращения: 29.01.2018).
28. United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol.1.
29. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 60. Case Skorochod M.M.
30. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 75. Case Zinov'ev A.P.
31. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 76. Case Kharchuk P.F.
32. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 2.
33. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 3.
34. USHMM. RG-31.018M. Reel 79. Case Magura O.S.
35. Bericht eines Wiener Juden, Name unbekannt // YV. О 33. S. 6.
36. Из протокола допроса в МГБ в качестве обвиняемого бывшего полицейского украинской полиции Н. Пацьоры, 25.09.1950. URL: <http://www.kby.kiev.ua/book1/documents/doc94.html> (дата обращения: 29.01.2018).
37. Berkhoff K. Hitler's Clean State. Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine, 1941–1944. A PhD Thesis : University of Toronto, 1998. 547 p.
38. Воспоминания советских граждан об уgone в немецкую неволю и о жизни на фашистской каторге (г. Киев) // ДАКО. Ф. Р – 4826. Оп. 1. Д. 531.
39. Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М. : Молодая гвардия, 2017. 319 с.
40. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
41. Browning C. Ordinary men: reserve police Battalion 101 and the final solution in Poland. N.Y. : Harper Collins, 1992. 231 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 апреля 2018 г.

ADMINISTRATION AND SECURITY PERSONNEL OF NAZI CONCENTRATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF UKRAINE: CRIMINAL ACTIVITY AND A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/435/13

Stanislav V. Aristov, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

Keywords: Great Patriotic War; Nazism; occupation; Janowska Concentration Camp; Syrets Concentration Camp; Collaborationism.

The aim of the article is to analyze the activities, social composition and psychological motivation of the administrative and security personnel of the Nazi concentration camps in the occupied territory of Ukraine – the Janowska Concentration Camp in Lviv and Syrets in Kiev. The source base of the research is presented by materials from Russian and foreign archives: State Archive of the Russian Federation (Russia), Yad Vashem Archive (Israel), Archive of the Security Service (Ukraine), Holocaust Memorial Archive (USA). In particular, the testimonies of former prisoners, criminal cases against the administrative and security personnel of the concentration camps convicted in the postwar trials were analyzed. As a result of the research, the author has come to a conclusion that the chief figure in the administration of the concentration camps was the commandant. The official commandants of the concentration camp in Lviv were Gustav Willhaus and Friedrich Warzok. The commandant of the Syretsky Camp in Kiev was Paul Radomsky. All of them not only initiated crimes in the camps, but also took part in the murders. In the article, the author considers the security staff of the concentration camp in Janowska, which was represented by the Dirlwanger Division, as well as by several battalions of "Trawniki". The concentration camp in Kiev was guarded by representatives of the 23rd SD battalion. The author notes that the social portrait of the commandants and guards of the Janowska and Syrets concentration camps coincided with the similar characteristics of the functionaries of other concentration camps in the occupied territory of the Soviet Union. Commandants were middle-aged Nazis, with a low level of education, focused on the unquestioning execution of orders of higher management. The absolute majority of guards were similar to commandants in terms of age and social background. The article emphasizes that among the commandants, functionaries predominated, who tried to carry out orders without thinking about ethical problems. The permission for crimes obtained from the superior leaders allowed them to feel their impunity, or to present themselves completely innocent. The only thing they were worried about was their personal well-being, trying to get the maximum benefit from their position and considering their appointments in the camp hierarchy as promotion. The author comes to a conclusion that guards also used their position to advance their career in the Nazi hierarchy, or at least to improve their existence at the expense of others. The article emphasizes that guards, who received power for the first time in their life, who in fact had the sanction for unlimited terror, used it without thinking about the consequences. Even in cases where the leaders of the camps did not require the use of violence against prisoners, the collaborators showed their own initiative. Moreover, crimes committed within a group turned individual responsibility into a collective one.

REFERENCES

1. Prusin, A. (2007) Ukrainskaya politsiya i Kholokost v general'nom okruge Kiev, 1941–1943: deistviya i motivatsii [Ukrainian Police and the Holocaust in the General District of Kiev, 1941–1943: Actions and Motivations]. *Golokost i suchasnist'*. 1. pp. 31–59.
2. Orth, K. (2010) The concentration camp personnel. In: Caplan, J. & Wachsmann, L. (eds) *Concentration camps in Nazi Germany: the new histories*. N.Y.: Routledge.
3. Orth, K. (2004) *Die Konzentrationslager – SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien* [The concentration camps – SS. Social structural analysis and biographical studies]. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH.
4. Pohl, D. (1997) *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens* [National Socialist Persecution of the Jews in Eastern Galicia 1941–1944: Organization and Execution of a State Mass Crime]. Munich: Oldenbourg.
5. Sandkühler, T. (1996) *Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944* [Final Solution in Galicia. The murder of Jews in Eastern Poland and the rescue initiatives of Berthold Beitz 1941–1944]. Bonn: J.H.W. Dietz.
6. David-Fox, M. (ed.) (2014) *The Holocaust in the East: local perpetrators and Soviet responses*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press.
7. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg [Central Office of the State Justice Administrations in Ludwigsburg] (ZSL). AR-Z 294/59. Bd. 25.
8. Pagenstecher, C. (2005) Arbeitserziehungslager [Labor education camp]. In: W. Benz, W. & Distel, B. (eds) *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager* [The Place of Terror. History of Nazi concentration camps]. Vol. 9. Munich: Verlag C.H. Beck.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 148. File 92. (In Russian).
10. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 117.
11. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 850.
12. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 847.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 67. File 77. (In Russian).
14. Yad Vashem Archive (YV). O. 62. File 97.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 67. File 75. (In Russian).
16. Yad Vashem Archive (YV). O. 62. File 143.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 149. File 130. (In Russian).
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). List 116. File 83. (In Russian).
19. ZSL. AR 1.378/68. *Ermittlungen gg. Radomsky wg. NS- und Kriegsverbrechen im Lager Haidari (Chaidari) bei Athen (Griechenland)*. (In German).
20. Prusin, A. (2007) A Community of Violence. *Holocaust and Genocide Studies*. 21(1). pp. 1–30. DOI: 10.1093/hgs/dcm001
21. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa Berlyanta S.B.* [Record of interrogation of S.B. Berlyant].
22. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 5. File 46839. *Protokol doprosa obvinyaemogo Bystrova V.V.* [Protocol of interrogation of the accused V.V. Bystrov].
23. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa svidetelya Z. Trubakova* [Protocol of interrogation of the witness Z. Trubakov].
24. ZSL. AR-Z 192/59. *Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg* [Central Office of the State Justice Administrations in Ludwigsburg].
25. Auerbach, H. (1962) “Die Einheit Dirlwanger” [“The unit Dirlwanger”]. *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*. 10(3). pp. 251–263.
26. Langbein, H. (2004) *People in Auschwitz*. The University of North Carolina Press.
27. Friedman, F. (1945) *Ubiystvo l'vovskikh evreev* [Murder of Lviv Jews]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20101106061403/http://www.mankurty.com:80/fridru.html>. (Accessed: 29.01.2018).
28. United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol.1.
29. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 60. Case Skorochod M.M.
30. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 75. Case Zinov'ev A.R.
31. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 76. Case Kharchuk P.F.
32. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 2.
33. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 3.
34. USHMM. RG-31.018M. Reel 79. Case Magura O.S.
35. Yad Vashem Archive (YV). O 33. pp. 6. *Bericht eines Wiener Juden, Name unbekannt* [Report of a Viennese Jew, name unknown].
36. Kby.kiev.ua. (1950) *Iz protokola doprosa v MGB v kachestve obvinyaemogo byvshego politseyskogo ukrainskoy politzii N. Pats'ory, 25.09.1950* [From the interrogation report of the former Ukrainian police officer N. Patzory as the accused. Ministry of State Security. September 25, 1950]. [Online] Available from: <http://www.kby.kiev.ua/book1/documents/doc94.html>. (Accessed: 29.01.2018).
37. Berkhoff, K. (1998) *Hitler's Clean State. Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine, 1941–1944*. A PhD Thesis: University of Toronto.
38. State Archive of Kiev Oblast (DAKO). Fund R – 4826. List 1. File 531. *Vospominaniya sovetskikh grazhdan ob ugone v nemetskuyu nevolyu i o zhizni na fashistskoy katorge (g. Kiev)* [Memories of Soviet citizens about being held in German captivity and about living in fascist penal servitude (Kiev)].
39. Aristov, S. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' natsistskikh kontsentratsionnykh lagerey* [Everyday life of Nazi concentration camps]. Moscow: Molodaya gvardiya.
40. Milgrem, C. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyy vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: a scientific view on power and morality]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
41. Browning, C. (1992) *Ordinary men: reserve police Battalion 101 and the final solution in Poland*. N.Y.: Harper Collins.

Received: 09 April 2018

Е.В. Водясов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЗНЕЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ II ТЫС. Н.Э. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта 17-11-70002 а (р) «Феномен элитных средневековых захоронений “кузнецов” (Томская область)».

Обобщается и анализируется весь известный кузнечный инструментарий II тыс. н.э. в Западной Сибири. Впервые публикуются каменные орудия металлургов Томского Приобья и железные кузнечные молотки с городища Кижирова. Рассматриваются хронологические различия кузнечных инструментов. Сделан вывод, что в погребальных комплексах кузнечный инструментарий, как правило, сопровождается разнообразным богатым инвентарем (оружие, конская упряжь, украшения, культовые вещи и пр.), что усложняет однозначную интерпретацию социального статуса умерших как «кузнецов».

Ключевые слова: кузнечные инструменты; Западная Сибирь; погребальные обряд; эпоха Средневековья.

В качестве яркого индикатора развития средневекового кузнечного ремесла выступает не только многообразие железной продукции, но и сам набор кузнечных инструментов. Орудия кузнеца II тыс. н.э., найденные в различных комплексах Западной Сибири, составляют особую категорию изделий. Однако найти их – большая удача для археолога, поскольку сегодня известно всего 19 археологических памятников на огромной территории Западной Сибири, где они обнаружены. Отметим, что до сих пор специального исследования, посвященного этой категории артефактов в Западной Сибири, проведено не было. В этой связи встает актуальная задача проанализировать весь известный кузнечный инструментарий II тыс. н.э. на рассматриваемой территории и попытаться выделить его характерные хронологические и типологические особенности. Археологические источники показывают, что массовое освоение железоделательных руд и появление в Западной Сибири крупных металлургических очагов произошло только в начале II тыс. н.э. [1], поэтому интересно также проследить взаимосвязь расцвета черной металлургии и ассортимента кузнечных орудий в тех регионах Западной Сибири, где в это время произошел резкий технологический перелом.

Кузнечный инструментарий II тыс. н.э. Источники

По материалу изготовления все известные средневековые орудия мастеров делятся на *каменные* и *железные*.

К *каменным* орудиям относятся наковальни и молоты, впервые публикуемые в настоящей статье. Каменные наковальни обнаружены в металлургическом объекте 6 на *городище Шайтан-IV*, а также в металлургическом объекте в межкурганном пространстве могильника *Шайтан-II* [2. С. 93]. Указанные памятники входят в круг Шайтанского археологического комплекса, крупнейшего средневекового железоделательного центра, расположенного на юге Томской области [3].

Первая наковальня с *городища Шайтан-IV*, исследованного автором в 2010 г., находилась непосред-

ственно рядом с предгорновой ямой и самым тепло-техническим сооружением, разрушенным еще в древности (металлургический объект 6). Каменная наковальня имеет эллипсоидное углубление в центре из-за многократных проковок металлургической продукции (рис. 1, 1).

Интересно также, что на наковальне имеются следы вторичного использования. На ее обратной стороне виден слой прикипевшего шлака (рис. 1, 1), что указывает на использование наковальни в качестве элемента плавильной конструкции. Хотя возможно и обратное: сначала уплощенный камень служил какое-то время стенкой железоплавильного горна, а затем функционировал в качестве наковальни непосредственно рядом с объектом. Вес наковальни составляет около 4 кг. На основании керамического материала и серии радиоуглеродных дат *городища Шайтан-IV* существовало в пределах XI–XIV вв. [2. С. 79].

Вторая наковальня обнаружена рядом с крупнейшим в Обь-Томском междуречье железоплавильным горном в межкурганном пространстве *могильника Шайтан-II*. Минимальный объем плавильной камеры составлял 0,3 м³. Южная часть объекта, являвшаяся предгорновой ямой, была обильно заполнена крупными фракциями шлаков общим весом до 140 кг. Рядом с объектом найдены 4 сопла для подачи воздуха, венчик керамического сосуда X–XV в., а также каменная наковальня, судя по следам сработанности и выбоинам на верхней рабочей части (рис. 1, 2). Вес наковальни около 6 кг. Скорее всего, она служила для первичной проковки горновой крицы непосредственно рядом с этим крупным металлургическим объектом.

Молоты в количестве 2 экз. обнаружены на *городище Шайтан-I* (рис. 1, 3–4). Их длина около 18 см. На рабочих краях видны следы от ударов. Один молот (рис. 1, 3), найденный в шурфе в южной части *городища Шайтан-I* [4. Рис. 41], имеет два желоба для крепления к рукояти. Керамический материал с шурфа, где обнаружен молот, датируется в рамках X–XV вв. Похожий молот с желобком известен в средневековых материалах Хакасии из улуса Трошкин [5. С. 55. Рис. 24].

Рис. 1. Каменные орудия металлургов-кузнецов: 1, 2 – наковальни; 3, 4 – молоты.
1 – городище Шайтан-IV; 2 – могильник Шайтан-II; 3, 4 – городище Шайтан-I

Другой молот (рис. 1, 4) происходит с северо-западной части того же городища из жилища 3. В самом жилище, помимо молота, керамики и костей животных, обнаружены многочисленные остатки железодельного производства (шлаки, руды и стенки горнов), что указывает на производственное назначение исследованной постройки. Серия радиоуглеродных анализов из столбовых ям жилища и его заполнения позволяет датировать мастерскую в пределах VIII–X вв. [2. С. 37].

Подобные молоты, обнаруженные на территории Шайтанского археологического комплекса, могли использоваться для дробления железной руды, а также для первичной проковки кричного железа в целях удаления шлаковых включений из металлургического конгломерата. Для дальнейших технологических операций в кузнечном ремесле использовались уже железные инструменты. Хотя надо отметить, что для выделения из множества каменного инвентаря куз-

нечных инструментов необходимы трасологические исследования, которые, к сожалению, до сих пор остаются белым пятном в изучении кузнечного инструментария Западной Сибири. Я убежден, что в археологических коллекциях «скрывается» великое множество еще не атрибутированных каменных кузнечных орудий. Например, в ходе экспериментально-трасологических исследований каменных орудий южно-таежной зоны Средней Сибири Е.В. Князевой удалось выявить многочисленные инструменты, использовавшиеся в металлургической деятельности [6], что еще раз подчеркивает перспективность трасологического изучения железодельного и кузнечного производства.

Железные кузнечные орудия в Западной Сибири, в основном, найдены в погребальных комплексах и являются довольно редкой категорией инвентаря.

В **Томском Приобье** клещи и молотки первой половины II тыс. зафиксированы в погребениях *Астра-*

ханцевского курганного могильника, на котором неоднократно были исследованы железоплавильные горны в насыпях курганов [7. С. 10–34]. В кургане 32 наряду с другим инвентарем погребение содержало кузнечные инструменты (рис. 2, 1, 12), представленные железными клещами и молотком [Там же. Рис. 38, 2, 3]. В кургане 63 к инструментам, которыми мог пользоваться кузнец, можно отнести клещи (почти рассыпались при снятии) и молоток (рис. 2, 13). Могильник датирован XIII–XIV, возможно XV вв. [Там же. С. 116. Рис. 44, 9; 47, 4].

В могильнике Басандайка, находящегося в Томском Приобье, в богатом различным инвентарем погребении 2 кургана 15 была обнаружена единственная в Томском Приобье железная пешня-гладилка (рис. 2, 7) для разглаживания металла [Там же. С. 37–38]. Данное изделие является самым массивным кузнечным инструментом из известных в Обь-Иртышье. Длина рукояти 38 см при

толщине 1 см. Рабочая часть, предназначавшаяся для выглаживания поверхностей поковок послековки, имела длину 10 см и толщину 1,5 см. Курган 15 датирован Л.М. Плетневой XII–XIV вв. [7. С. 113].

Аналогичная гладилка (рис. 2, 6), опять-таки единственная, но уже для **Северной и Центральной Барабы**, найдена в богатом погребении № 659 могильника Сопка-2 [8. С. 20. Рис. 40]. Интересно, что для обеих гладилок характерны приостренные концы железных рукоятей, что, возможно, имело функциональное значение для кузнечного дела.

Возвращаясь к материалам могильника Басандайки, упомянем о чрезвычайно богатом погребении 3 кургана 1 [9]. По мнению автора раскопок К.Э. Гриневича, здесь был погребен знатный воин с полным набором вооружения и двумя «шкурами» лошадей [10. С. 35]. У плеча покойного найден железный молоток с заостренной задней частью (рис. 2, 11).

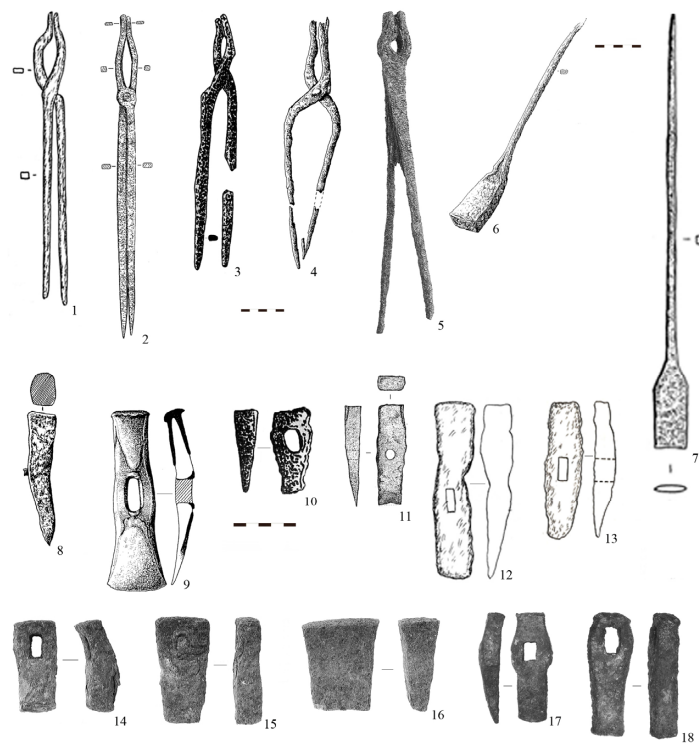

Рис. 2. Железные кузнечные инструменты II тыс. н.э. в Западной Сибири. 1–5 – клещи; 6–7 – пешни; 8–13, 17 – молотки-зубила; 14–15, 18 – молотки; 16 – наковальня. 1, 7, 12, 13 – по: Плетнева, 1997, рис. 38, 2, 3; рис. 47; рис. 87, 5; 2 – по: Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 276, рис. 5; 3, 10 – по: Адамов, 2000, рис. 44, 11, 17; 4, 8 – по: Васютин, Зиняков, Онищенко, 2007, рис. 1, 6, 14; 5, 14–16 – по: Беликова, 2010, с. 104–108, рис. 65–67; 6 – по: Молодин, Соловьев, 2004, табл. XVI, 2; 9 – по: Тишкин, 2009, рис. 113, 5; 11 – по: Зинченко, 2013, рис. 9; 17–18 – Из фондов МАЭС ТГУ (Коллекция № 6900)

В Новосибирском Приобье в могильнике Березовый остров в погребении 1 кургана 9 наряду с различным инвентарем могила содержала железные клещи (рис. 2, 3), ножовку и молоток (рис. 2, 10) [11. Рис. 44, 11, 16, 17]. А.А. Адамов датировал могильник X–XII вв. [Там же. С. 64]. Похожие молотки в количестве двух экземпляров с округлым проушным отверстием и острым зауженным задком найдены в слое XIV–XV вв. Городка Эмдер, а также на городище Искер конца XV–XVI вв. [12. С. 62–63].

Еще один кузнечный инструмент в Новосибирском Приобье обнаружен в кургане 1 могильника Ташара-Карьер-2. Железные клещи (рис. 2, 2) находились в насыпи кургана, ограбленного и частично разрушенного из-за осыпания берега [13. С. 276. Рис. 5]. Возможно, клещи происходили из погребения. Точный набор инвентаря установить невозможно. Удалось обнаружить шесть железных наконечников стрел, железную пряжку, мотыжку, возможно, остаток ножа. Памятник отнесен к басандайской культуре, датирован XI–XIII вв. [13. С. 338].

В **Кузнецкой котловине** кузнечные инструменты (рис. 2, 4, 8) найдены в кургане 8 *могильника Порывайка*. В могиле наряду с другими разнообразными вещами были специально уложены друг на друга кузнечные клещи и зубило [14. Рис. 1, 6, 14]. Ю.В. Ширин датировал *могильник* XI–XII вв. [15. С. 226].

В **Сургутском Приобье** кузнечный инструментарий первой половины II тыс. малочислен и представлен крупными железными клещами с *городища Барсов городок I/31* IX–XVI вв., железными клещами и ювелирным молотком из богатого «элитного» погребения 34 XIII–XIV вв. *Сайгатинского-III могильника*, а также проушным молотком с конусовидным задком с *городища Кучиминское IX*, датированного концом IX–XII вв. [12. С. 60–63].

Изучаемые инструменты эпохи позднего Средневековья известны по материалам *городища Искер* в **Среднем Прииртышье**, *Городка Эмдер* в **Нижнем Приобье**, *Пачангского* и *Тискинского курганных могильников* в **Нарымском Приобье**, *городища Кижирова* в **Томском Приобье**, а также по материалам *Зырянского* и *Тигалдатского курганных могильников* в **таёжном Причулымье**. Железные клещи, наковальня и два молотка (рис. 2, 5, 14–16) обнаружены О.Б. Беликовой в богатом погребении кургана 1 *Зырянского курганного могильника таёжного Причулымья* [16. С. 104–108. Рис. 65–67]. Курган датирован в пределах конца XVI–XVII вв. [Там же. С. 148]. Подобные по форме молотки в количестве двух штук происходят с *городища Кижирова* XVI–XVII вв. (рис. 2, 17–18), находящегося в **Томском Приобье** [Там же. С. 106], а также из слоя XVI в. *Городка Эмдер* в **Нижнем Приобье** [12. С. 62]. Еще одна наковальня, кроме упомянутой из кургана 1 *Зырянского курганного могильника*, найдена в кургане 3 XVI–XVII вв. *Тигалдатского курганного могильника (таёжное Причулымье)* вместе с различным инвентарем [17. Рис. 12, 1].

В **Нарымском Приобье** молоток-зубило найден в погребении 2 кургана 1 *Пачангского курганного могильника* XVI–XVII вв. [18. Табл. VII, 4], ещё два молотка происходят из погребений XVI–XVII вв. *Тискинского курганного могильника* [19. Табл. 11, 5; 13, 11]. На *городище Искер* XV–XVI вв. были обнаружены редкие виды кузнечных инструментов Обь-Иртышья: два железных пробойника для прошивок сквозных отверстий в изделии, два молотка и пять напильников [12. С. 62–64].

Обсуждение материалов

Таким образом, в Обь-Иртышье автору известно 19 средневековых археологических памятников II тыс. н.э., где найдены кузнечные инструменты, 9 из которых находятся в **Верхнем Приобье**. Такая концентрация находок кузнечного инструментария, на мой взгляд, связана с тем, что именно в **Верхнем Приобье** на рубеже I–II тыс. н.э. происходят радикальные перемены в хозяйстве, вызвавшие расцвет черной металлургии [1; 20]. Так, свидетельства железоделательного и кузнечного производств в **Томском Приобье** обнаружены практически на каждом средневековом поселении. Обилие памятников черной

металлургии и наличие железорудных баз послужили основанием для выделения этой территории в отдельный рудно-металлургический район [2; 21. С. 308. Рис. 1]. Не исключено, что бурное развитие металлургии стало причиной того, что именно здесь мы находим наибольшее количество кузнечных инструментов во всей Западной Сибири. При чем точно такая же ситуация характерна и для предшествующей эпохи раннего Средневековья. Например, все известные кузнечные клещи I тыс. н.э. в Западной Сибири найдены исключительно на территории **Томского Приобья** [22].

Касательно набора кузнечных инструментов в конкретных погребальных комплексах, обращает на себя внимание характерная комбинация из клещей и молотка, находящихся в одной могиле. Важно, что традиция укладывать вместе с умершим эти важнейшие инструменты кузнеца прослеживается на протяжении всей эпохи Средневековья в Западной Сибири. В **Томском Приобье** клещи и молоток найдены в *Астраханцевском курганном могильнике* (курганы 32, 63). В **Новосибирском Приобье** кузнечные клещи вместе с молотком обнаружены в кургане 9 *могильника Березовый остров*, в **Сургутском Приобье** – в погребении 34 *Сайгатинского-III могильника*, в **Кузнецкой котловине** эта ситуация выявлена в *могильнике Порывайка*, для **Причулымья** такая комбинация прослежена в кургане 1 *Зырянского курганного могильника*.

Кузнечные клещи относятся к группе захватывающих инструментов, в рассматриваемое время по размерам и форме представлены двумя основными видами. К первому относятся большие двуручные клещи с характерными дугообразными клещевинами и плотно прилегающими губами для обхвата крицы, а также достаточно крупных заготовок (рис. 2, 1, 2, 5). Второй вид представлен небольшими одноручными клещами с плотно прилегающими друг к другу клещевинами для удержания мелких изделий или заготовок (рис. 2, 3, 4).

Интересно, что для предшествующего периода I тыс. н.э. в Западной Сибири двуручные клещи не известны, а все клещи представлены малыми экземплярами, предназначавшимися вероятнее всего для проковки небольших заготовок.

Все известные ударные инструменты кузнеца II тыс. н.э. (рис. 2, 8–15, 17, 18) представлены **молотками-зубилами** и **молотками**. Все они – проушные с прямоугольным или округлым отверстием для насадки рукояти. Стоит согласиться с О.Б. Беликовой в том, что молотки с несомкнутой втулкой бытовали исключительно в I тыс. н.э. [16. С. 106–107], позже в комплексах развитого и позднего Средневековья распространение получают молотки с отверстием для насадки. Такие молотки встречаются в материалах *городища Кижирова* XVI–XVII вв. в **Томском Приобье**, *Зырянском курганном могильнике* XVI–XVII вв. в **таёжном Причулымье** [Там же. С. 106], а также в слое XVI в. *Городка Эмдер* [12. С. 62].

Иногда молоток мог выполнять также функции зубила, когда обратная сторона ударной части имела заточенное лезвие (рис. 2, 8–13). Такие молотки-

зубила в количестве двух экземпляров обнаружены в *Астраханцевском курганном могильнике*, один инструмент с заостренным концом (молоток-зубило) обнаружен в могильнике *Порывайка*, один молоток найден в могильнике *Березовый Остров*, один подобный молоток происходит из клада железных вещей монгольского времени в *Денисовой пещере* Горного Алтая [23. Рис. 12–13], один молоток известен по материалам раскопок *городища Кижирова* (рис. 2, 17), еще один происходит из *Пачангского курганного могильника* [18. Табл. VII, 4].

Все указанные орудия, сочетающие в себе функцию молотка и зубила, встречаются на протяжении всего II тыс., но больше характерны для первой половины II тыс. н.э., поскольку в эпоху развитого Средневековья все без исключения молотки имеют заточенное лезвие на обратной стороне. Скорее всего, это объясняется хронологической особенностью развития кузнечного инструментария на рассматриваемой территории.

Для изготовления кузнечных инструментов средневековые мастера использовали различные технологии. Молоток-зубило развитого средневековья (рис. 2, 12) из кургана 32 *Астраханцевского курганного могильника* откован из среднеуглеродистой стали ($C=0,6\%$), после окончательной отделки конец лезвия был подвергнут закалке [7. С. 146–147]. Позднесредневековые молотки из *Зырянского курганного могильника* изготовлены из неравномерно науглероженной стали [16. С. 419], молоток с *городища Искер* откован из высокоуглеродистой (C до $0,8\%$) стали [12. С. 63]. Кузнечные клещи развитого Средневековья из могильника *Березовый остров* были изготовлены из низкоуглеродистой сырьевой стали [21. С. 212], как и клещи XVI–XVII вв. из *Зырянского курганного могильника* [16. С. 419].

Анализ приведенных материалов показывает, что широкое распространение кузнечных инструментов в Западной Сибири приходится на начало II тыс. н.э. Наибольшая концентрация орудий кузнеца сосредоточена главным образом в Верхнем Приобье. По всей видимости, это связано с миграциями скотоводов-металлургов из южных регионов, и, как следствием, с бурным развитием черной металлургии и кузнечного ремесла, что освещалось выше.

Как мы уже говорили, почти весь изучаемый инструментарий происходит из погребальных комплексов, некоторые из которых содержат многочисленный и богатый инвентарь (Погребения из курганных могильников *Басандайка*, *Порывайка*, *Сопка-2*, *Сайгатинский-III*, *Зырянский*). Подобные, крайне редко встречающиеся в некрополях Западной Сибири погребения с кузнечными инструментами и богатым инвентарем сложно однозначно интерпретировать как захоронения кузнецов [24]. По этнографическим данным известно, что в представлениях многих народов Сибири кузнецы зачастую превосходили шаманов по магической силе, а порой являлись самыми сильными шаманами в обществе [16. С. 180–181; 25]. Ярким подтверждением тесной связи кузнеца и шамана являются материалы погребения 3 XIII–XVI вв. могильника *Капонир* (*Северное Приангарье*), где вместе с кузнеч-

ным инструментом (напильником) найдены железные подвески шаманского костюма [26], а также материалы кургана 1 *Зырянского могильника* (*таёжное Причулымье*), в котором наряду с многочисленным инвентарем обнаружен набор кузнечных инструментов и детали шаманского костюма [16. С. 180–188].

Такой человек, естественно, имел особое положение в социуме, и после его смерти участники похорон могли отразить в погребальном обряде всю специфику его деятельности. Подтверждением этому может служить одновременное присутствие во многих представленных выше могилах кузнечных инструментов, оружия, уздечного набора и культовых предметов. Возможно, в «элитных» захоронениях кузнечные инструменты подчеркивали высокий социальный статус умерших, связанных с кузнечеством на мифологическом уровне.

Хотя нельзя также забывать, что в Западной Сибири кузнечные инструменты найдены и в «невзрачных» инвентарях захоронениях (например, погребения *Астраханцевского курганного могильника*, *Пачангского курганного могильника* и др.). Поэтому любые вопросы, связанные с интерпретацией социального статуса умершего, не могут быть решены однозначно и усложняются тем фактом, что прижизненный социальный статус индивида не всегда отражался в погребальном обряде и наборе сопровождающего инвентаря [27. Р. 94].

Заключение

Подводя итог, целесообразно кратко изложить основные результаты нашего исследования. Во-первых, развитие черной металлургии в начале II тыс. н.э. совпало с наибольшей концентрацией кузнечных инструментов в погребальных комплексах, что еще раз подчеркивает важную роль металлургии в хозяйственной и духовной сферах населения Верхнего Приобья.

Во-вторых, разные типы железных клещей и молотков объясняются хронологическими отличиями. Небольшие одноручные клещи с плотно прилегающими друг к другу клещевинами характерны для I тыс. н.э. Во II тыс. н.э. бытовали клещи более крупных размеров с закругленными клещевинами и плотно прилегающими губами. Для железных молотков Обь-Иртышья выявлены следующие хронологические особенности: в VI–X вв. были распространены молотки с несомкнутой железной втулкой, для X–XV вв. характерно сочетание в одном инструменте молотка и зубила, когда обратная сторона молотка имела заточенное лезвие; в XV–XVII вв. известны проушные молотки с прямоугольным отверстием для насадки рукояти.

В-третьих, в погребальных комплексах кузнечный инструментарий, как правило, сопровождался разнообразным богатым инвентарем (оружие, конская упряжь, украшения, культовые вещи и пр.), что свидетельствует об особом статусе умерших. При этом традиция «элитных» захоронений с кузнечными инструментами на территории Западной Сибири существовала всю эпоху Средневековья и закончилась русской колонизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таёжном Обь-Иртышье // *Stratum Plus*. 2017. № 6. С. 237–250.
2. Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 234 с.
3. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // *Археологические микрорайоны Северной Евразии*. Омск, 2004. С. 37–40.
4. Барсуков Е.В. Отчет о работе Шайтанского отряда археологической экспедиции ТГУ в 2005 г. Томск, 2006. Архив ИА РАН. № 26030.
5. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск : Наука, 1979. 191 с.
6. Князева Е.В. Каменные орудия труда как источник изучения хозяйственной деятельности населения южно-таежной зоны Средней Сибири в раннем железном веке – средневековье (на основе экспериментально-трассологического анализа) : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 21 с.
7. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
8. Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья. 184 с.
9. Зинченко А.С. Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана 1 (XIII–XIV века) Басандайского могильника (Томское Приобье) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 56 (4). С. 134–145.
10. Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1948. 220 с., 92 ил.
11. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
12. Зыков А.П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири в II–XVII веках : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 240 с.
13. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
14. Васютин А.С., Зиняков Н.М., Онищенко С.С. Кремированное погребение начала II тыс. н.э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 49–53.
15. Ширин Ю.В. Культурные особенности памятников Среднего Притомья в начале II тысячелетия // *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-геологической конференции*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 225–229.
16. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таёжного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.
17. Беликова О.Б. Р.А. Ураев и его раскопки средневековых могильников в Причулымье // *Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 153–186.
18. Дульзон А.П. Остатки могильника XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // *Ученые Записки Томского государственного педагогического института*. Томск : Изд-во ТГПИ, 1955. Т. 13. С. 97–154.
19. Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // *Из истории Сибири*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.
20. Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The appearance and development of iron production on the border between the «steppe» and «taiga» cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // *Rossiysky Istorichesky Zhurnal (Russian Historical Journal) Bylye Gody*. 2015. Vol. 37, Is. 3. P. 472–478.
21. Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири : учеб. пособие для вузов по специальности «Археология». Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 368 с.
22. Водясов Е.В. Кузнечные инструменты эпохи раннего средневековья Западной Сибири // *Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири : материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930)*. Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. / отв. ред. А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. Красноярск, 2017. С. 138–141.
23. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск : Наука, 1994. Ч. I. 262 с.
24. Водясов Е.В. Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины // *Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии*. Материалы V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 307–309.
25. Лыгденова В.В. К вопросу о культе кузнецов у баргузинских и курумканских бурят // *Вестник Томского государственного университета. История*. № 2 (22). 2013. С. 62–66.
26. Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Средневековые погребальные комплексы могильника Капонир (Северное Приангарье) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 221–232.
27. Pearson M.P. *The Archaeology of Death and Burial*. College Station: Texas A&M University Press, 2000. 250 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 апреля 2018 г.

MEDIEVAL BLACKSMITH TOOLS OF THE SECOND MILLENNIUM AD IN WESTERN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 114–120.

DOI: 10.17223/15617793/435/14

Evgeniy V. Vodyasov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Keywords: blacksmith tools; burial rite; Middle Ages; Western Siberia.

The article is devoted to the blacksmith tools of Western Siberia in the second millennium AD. The aim of the article is generalization and analysis of all known blacksmith tools in Western Siberia of the second millennium AD. For the first time, stone tools of medieval smelters of the Tomsk Ob River Region and iron forging hammers from the Kizhirovo Hillfort are published. Chronological distinctions of blacksmith tools are considered. The author came to a conclusion that the forging tongs of Early Middle Ages are characterized by tightly fitting bits and small dimensions. In the second millennium AD, two types of tongs were widespread in Western Siberia. The first type is represented by large two-hand tongs with characteristic arched bits and closely fitting lips. The second type is represented by small one-handed tongs with tight-fitting bits for retaining small items or small iron bars. Hammers and chisels of the 1st millennium AD have bushings for fastening the handles. At the turn of the second millennium AD the smith's bushing tools disappeared, and hammers and chisels with a hole for fastening the handles were spread in the Middle Ages. For the 10th–15th centuries, the combination of hammer and chisel in one tool is characteristic. These tools have a sharpened blade on the reverse side of the hammer head. Hammers with a rectangular hole for the handle are most popular in the 15th–17th centuries. The article also examines the role of forging tools in the burial rite of the population of Western Siberia. It was concluded that the combination of blacksmith tools and rich grave goods in these burials (a full set of weapons, rich belts, cult and art artifacts) reflected the high social status (the ruling elite) of the deceased. The black-

smith's tongs and hammers played a symbolic function and were the attributes of power in these burial rites. Perhaps, the presence of tongs and hammers in burials symbolized the connection of the ruler-warrior with the magical power, associated with the mythical figure of blacksmith in the beliefs of medieval societies in different regions of Eurasia. However, forging tools are also found in Siberian Middle Ages burials that do not contain prestigious elite items. In this case, perhaps, blacksmith tools reflected the professional specialization of the deceased as blacksmith-craftsman. The tradition of "elite" burials with blacksmith tools on the territory of Western Siberia existed throughout the Middle Ages and ended with Russian colonization only.

REFERENCES

1. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2017) Ternistyy put' chernoy metallurgii v taezhnom Ob'-Irtyshe [The thorny path of ferrous metallurgy in the taiga Ob-Irtys region]. *Stratum Plus*. 6. pp. 237–250.
2. Vodyasov, E.V. (2012) *Chernaya metallurgiya v Ob'-Tomskom mezhdurech'e v epokhu srednevekov'ya* [Ferrous metallurgy in the Ob-Tom interfluvium in the Middle Ages]. History Cand. Dis. Tomsk.
3. Zaytseva, O.V., Barsukov, E.V. & Gusev, A.V. (2004) O vydelenii Shaytanskogo arkhologicheskogo mikrorayona na yuge Tomskoy oblasti [On the identification of the Shaytan archaeological microdistrict in the south of Tomsk Oblast]. In: *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological microdistricts of Northern Eurasia]. Omsk: Omsk State University. pp. 37–40.
4. Archive of IA RAS. No. 26030. Barsukov, E.V. (2006) *Otchet o rabote Shaytanskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii TGU v 2005 g.* [Report on the work of the Shaytan detachment of the TSU archaeological expedition in 2005]. Tomsk.
5. Sunchugashev, Ya.I. (1979) *Drevnyaya metallurgiya Khakasii (epokha zheleza)* [Ancient metallurgy of Khakassia (the era of iron)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Knyazeva, E.V. (2015) *Kamennye orudiya truda kak istochnik izucheniya khozyaystvennoy deyatel'nosti naseleniya yuzhno-taezhnoy zony Sredney Sibiri v rannem zheleznom veke – srednevekov'e (na osnove eksperimental'no-trasologicheskogo analiza)* [Stone tools of labor as a source for studying the economic activities of the population of the southern taiga zone of Central Siberia in the early Iron Age – the Middle Ages (based on experimental and trace analysis)]. Abstract of History Cand. Dis. Novosibirsk.
7. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region at the beginning of the 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Molodin, V.I. & Solov'ev, A.I. (2004) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi* [Monument Sopka-2 on the Oma River]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
9. Zinchenko, A.S. (2013) A 13th–14th Century AD "Horse Skin Burial" at Basandaika Kurgan 1, Western Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 56 (4). pp. 134–145. (In Russian).
10. Tomsk State University. (1948) *Basandayka: sb. materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [Materials and research on the archeology of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob region in the 10th–14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Zikov, A.P. (2008) *Kuznechnye izdeliya naseleniya Severo-Zapadnoy Sibiri v II–XVII vekakh* [Smithery of the population of North-Western Siberia in the second – seventeenth centuries]. History Cand. Dis. Moscow.
13. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2006) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of the era (Basanday culture)]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
14. Vasyutin, A.S., Zinyakov, N.M. & Onishchenko, S.S. (2007) Kremirovanoe pogrebenie nachala II tys. n.e. s kuznechnymi instrumentami i soпровoditel'nym zakhoroneniem loshadi na mogil'nikе Poryvayka [Cremated burial of the beginning of the 2nd millennium AD with blacksmith tools and accompanying burial of a horse at the Poryvaika burial ground]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Altai-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its development by nomads]. Barnaul: Altai State University. pp. 49–53.
15. Shirin, Yu.V. (2005) [Cultural features of the monuments of the Middle Tom region at the beginning of the II millennium]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Proceedings of the XIII West Siberian archaeological and geological conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 225–229. (In Russian).
16. Belikova, O.B. (2010) *Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI–XVII v. taezhnogo Prichulyum'ya v svete arkheologii i arkhobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana)* [Zyryansky burial ground of the late 16th–17th centuries of the taiga Chulym region in the light of archeology and archeobotany: (The experience of a comprehensive study of one mound)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Belikova, O.B. (2000) R.A. Uraev i ego raskopki srednevekovykh mogil'nikov v Prichulyum'e [Uraev and his excavations of medieval burial grounds in the Chulym region]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Works of the Tomsk Regional Museum of Local History]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 153–186.
18. Dul'zon, A.P. (1955) Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanova na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th and 17th centuries near the village Molchanovo on the Ob]. *Uchenye Zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97–154.
19. Chindina, L.A. (1975) O pogrebal'nom obryade pozdnikh mogil'nikov Narymskogo Priob'ya [On the burial rite of the late burial grounds of the Narym Ob region]. In: Dremov, V.A. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Is. 16. Tomsk: Tomsk State University. pp. 61–93.
20. Vodyasov, E.V. & Zaitceva, O.V. (2015) The appearance and development of iron production on the border between the "steppe" and "taiga" cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region). *Rossiyskiy Istoricheskiy Zhurnal – (Russian Historical Journal) Bylye Gody*. 37(3). pp. 472–478.
21. Zinyakov, N.M. (1997) *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoy Sibiri* [Ferrous metallurgy and blacksmith craft of Western Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
22. Vodyasov, E.V. (2017) [The blacksmith tools of the early Middle Ages of Western Siberia]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary research in archeology, ethnography and history of Siberia]. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of the scientist and public figure Nikolai Auerbach (1892–1930). Krasnoyarsk. 27–30 September 2017. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 138–141.
23. Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (1994) *Denisova peshchera* [Denisova cave]. Pt. 1. Novosibirsk: Nauka.
24. Vodyasov, E.V. (2010) [Medieval burials with blacksmith tools in the south of the West Siberian Plain]. *Evraziyskoe kul'turnoe prostranstvo. Aktual'nye problemy arkheologii, etnologii, antropologii* [Eurasian cultural space. Topical problems of archeology, ethnology, anthropology]. Proceedings of the V(L) Russian (with international participation) archeological and ethnographic conference of students and young scientists. Irkutsk: Izd-vo "Ottisk". pp. 307–309. (In Russian).
25. Lygdenova, V.V. (2013) To the question about blacksmiths cult in Barguzinsky and Kurumkansky regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (22). pp. 62–66. (In Russian).
26. Garkusha, Yu.N., Grishin, A.E. & Marchenko, Zh.V. (2013) Medieval Complexes Associated with the Caponier Burial Ground (the Northern Angara River Basin). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12(5). pp. 221–232. (In Russian).
27. Pearson, M.P. (2000) *The Archaeology of Death and Burial*. College Station: Texas A&M University Press.

Received: 09 April 2018

НЕРЧИНСК – ПЕКИН: РУССКИЕ ТОРГОВЫЕ КАРАВАНЫ В 1689–1703 гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Представлена характеристика первого этапа российско-китайской торговли – от заключения в 1689 г. Нерчинского договора до закрытия в 1703 г. Пекина. Рассмотрены социальный состав, особенности и характер русских торговых караванов (государственный, частный, смешанный); отношение России и Китая к экономическому сотрудничеству в условиях переговорного процесса и практической деятельности; роль в нем политических факторов; влияние русско-китайской торговли на положение Нерчинска.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; Китай; Восточное Забайкалье; Нерчинск; рубеж XVII–XVIII вв.; международная торговля.

Делопроизводство Нерчинской таможни и воеводской канцелярии, а также ряда дел Сибирского и Посольского приказов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов [1], дают возможность представить динамику становления и развития российско-китайских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. Научное изучение этих источников было начато в конце XVIII в. историком и археографом Н.Н. Бантыш-Каменским [2], а в середине XX в. продолжено советскими историками Е.П. Силиным [3], П.Т. Яковлевой [4], О.И. Кашиком [5], В.А. Александровым [6]. Институтом востоковедения РАН было осуществлено издание сборников «Русско-китайские отношения 1689–1916» [7], «Русско-китайские отношения в XVII в. 1689–1691» [8], «Русско-китайские отношения в XVIII веке. 1700–1725 гг.» [9], которые содержат документы и материалы о начальном периоде становления русско-китайских пограничных и экономических связей.

В исследовательской литературе содержание и значение Нерчинского договора обычно оцениваются с позиций, прежде всего, установления прочных торговых отношений между Россией и Китаем. П.Т. Яковлева называла подписанный документ договором «о мире и торговле», который в течении 200 последующих лет служил основанием для организации «возраставших взаимовыгодных торговых связей для обеих стран» [4. С. 13]. По П.И. Кабанову, тема организации международной торговли была «основной в ходе нерчинских переговоров» [10. С. 21–22]. М.И. Сладковский утверждал, что договор определил «правовые основы для равноправной торговли, в чем оба государства были заинтересованы» [11. С. 26].

Действительно, основная задача российского посольства Ф.А. Головина, отправленного в Китай в 1687 г., заключалась в установлении широкой, свободной и взаимной торговли [4. С. 134]. Во встрече с богдыханом Сюань Е подъячий Посольского приказа Иван Логинов просил: «Которые из городов стороны царского величества <...> поданные будут приезжати с торгами в Китайское государство или в приграничные города, и богдыханово величество <...> велит их пропускать без задержания и велит давать им торг привольный». В ответ Россия взаимно обязывалась, что «в городах их царского величества дан им [китай-

ским купцам] будет торг привольной» [1. Кн. 1063. Л. 726–732]. Однако китайская сторона в отношении «повольного торга» предложила принимать российские торговые караваны в Пекине только один раз в пять лет.

Таким образом, для цинских властей вопрос о торговле с северным соседом был второстепенным по отношению к демаркации границы, если вообще имел какое-то значение. Когда китайская сторона представила согласованный с императором окончательный текст договора, то пункт о торгово-экономических отношениях в них вовсе отсутствовал. После протеста Ф.А. Головина Китай предложил этот пункт в следующей редакции: «... торговым людям с проезжими грамотами с обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повольно будет» [Так же. Ф. 62. Л. 1138/1133]. Текст удовлетворил русского посла, кроме неясной фразы о свободном проезде торговых людей, без указания, что ими должны быть именно поданные России. После ряда согласований пятая статья Нерчинского договора получила следующую редакцию: «Вследствие ныне заключенной дружбы и установленного вечного союза люди какого бы то ни было положения, имеющего охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли» [8. С. 650]. Но буквально накануне процедуры подписания, 21 августа 1689 г., этот пункт, по настоянию китайской стороны, был изменен и вошел в окончательный вариант соглашения в следующем виде: «Поданным обеих государств границы не переходить. Что касается торговли, то после заключения мирного договора русские купцы с разрешения императора смогут вести вольный торг, а китайским купцам в Россию ходить не за чем» [7. С. 537–538].

Этот неожиданный поворот в переговорном процессе, хотя юридически и закрепил коммерческие интересы России в Китае, но поставил их в прямую зависимость от воли богдыхана, который использовал данное право для решения политических вопросов. Главным из них был вопрос о границе, поскольку демаркации подвергся лишь небольшой ее участок по

рекам Аргунь и Амур. Миссией Ф.А. Головина были уступлены уже занятые русскими земли по правобережью Амура (Албазинское воеводство), хотя притязания Цинской империи простирались на сибирские территории вплоть до Якутска и берегов Байкала. Позже Сюань Е и его европейские советники Е.Ф. Жербильтон и Т. Перейра признавали, что в ходе переговоров цинская делегация пыталась получить земли, о которых она не имела понятия, и убедительных доказательств их принадлежности Китаю [7. С. 623, 651]. Спустя 11 лет, в августе 1700 г., тот же Сюань Е в своем указе отмечал, что он получил то, на что не имел права претендовать, а население Приамурья задолго до Нерчинского договора было присоединено к России [9. С. 51].

О второстепенном характере для Китая экономической стороны Нерчинского договора свидетельствует и то обстоятельство, что на всем тысячеверстном пути от Приангурска до Великой Китайской стены, занимавшего по времени около одного месяца, китайская сторона так и не создала ни одного пункта для отдыха, ночевки и корма животных, не обеспечила русские караваны подводами, пропитанием и охраной. Уже с 1693 г. цинские власти стремились ограничить доступ русских в Пекин, сократив их время пребывания в столице до минимума и определив для международной торговли пограничную маньчжурскую деревню Наун (современный Цицикар). Здесь насчитывалось несколько сотен лавок, на постоянное жилье оставалась основная часть русских работных людей, обслуживавших перевозки из Нерчинска в Пекин [12].

Для урегулирования возникших проблем в 1693 г. в Китай было направлено второе посольство во главе с датским купцом И. Идесом (он играл заметную роль в Немецкой слободе и имел связи в правительственных московских кругах, включая самого Петра I). Сюань Е заверил, что удовлетворен условиями Нерчинского договора, но пропуск караванов непосредственно в Пекин связывал с признанием Россией вхождения в состав Китая Северной Монголии и размежеванием российско-монгольской границы. И. Идес извещал Петра I, что свободные торги получат продолжение из Нечинска только после «отделения монгольской земли» и Китай даже имеет намерение отправить в Россию свой торговый караван [2. С. 74; 9. С. 343–346]. В ожидании согласия России на новую демаркацию границы, Китай соблюдал условие Нерчинского договора о торговле несколько лет, «закрывая» глаза на то, что российская сторона направляла караваны не один раз в три года, как было оговорено Нерчинским договором 1689 г., а ежегодно. Однако правительство России решило сохранять сдержанность к новым инициативам южного соседа – в ноябре 1696 г. оно известило цинские власти о своем нейтралитете в войне Китая с Монголией и отказе в помощи джунгарскому хану Галдану, поэтому надеялось на благосклонное отношение к своим торговым экспедициям [13. С. 240]. Однако препятствия, чинимые русским купцам, дополнились требованиями сократить количество торгующих и вооруженного конвоя, выжиганием степи и поощрением местного даур-

ского населения к нападениям на проезжающих [13. С. 245]. Так продолжалось до тех пор, пока Россия не направила в 1725 г. в Китай новую посольскую миссию во главе с С.В. Рагузинским для демаркации монгольской границы и подписания нового (Кяхтинского) договора 1727 г.

Всего за период с 1689 по 1703 г. из Нерчинска в Пекин было направлено 11 российских торговых экспедиций, занимавших по времени от 10 до 12 месяцев. У всех торговых караванов был один и тот же путь, найденный еще в середине XVII в. при помощи даурских жителей, когда частные торгующие люди Нерчинского острога на свой страх и риск проникали с товарами вглубь Маньчжурии. Путь этот был описан в дневнике Николая Спафария (1675 г.) – он вел от Нерчинска к Аргунскому пограничному острожку, где после переправы через реку Аргунь начинались китайские владения. Много дней и ночей многолюдные и многотележные караваны в составе купцов, казачьего конвоя и работных людей шли голой степью по направлению рек Хабур, Ган, Тербула, Мерген, Хинган, Каникал, Хайлар, Дзадун, Унера, Улучи и далее уже по коренным китайским владениям [14. С. 104–113].

Отправка и прибытие первых торговых караванов тщательно документировались Нерчинской таможней, что позволяет получить представление о численности и социальном составе участников, руководители и определить их характер – казенный, частный или смешанный (табл. 1 и 2). Основание для такого разделения – соотношение московского купечества (их интересы представляли торговые агенты) и принадлежавших им вывозимых и ввозимых товаров с местными нерчинскими торговыми людьми и их товарами (хотя в Нерчинском договоре содержалось условие «повольной» торговли для всех желающих). Именно столичные купцы имели право от имени государства реализовывать его монополию на продажу сибирской пушнины [6. С. 212]. Например, в 1699 г. в Селенгинский, Удинский и Нерчинский остроги было послано распоряжение зачитать статьи Нерчинского договора и объявить запрещение ходить на соболиные промыслы и продавать пушнину китайцам, «чтоб посольским договорным статьям нарушения не было». Охота разрешалась только агентам столичных купцов, как и скупка ими шкурок пушного зверя у охотников по всей Сибири [15. С. 56].

Первый торговый караван 1689–1690 гг., направленный в Пекин по распоряжению Ф.А. Головина, возглавлялся нерчинским сыном боярским Григорием Лоншаковым. Он носил смешанный характер. Интересы именитых московских купцов Евстафия Филатьева, Семена Лузина, Ивана Ушакова и Гаврилы Никитина представляли их агенты – Василий Лобанов, Роман Романов, Иван Алексеев, Кузьма Степанов, Иван Белозеров, Яков Яковлев, Иван Саватеев, Игнатий Пинега и Афанасий Ендомский. Частными торговыми людьми из Нерчинска были Прокопий Бурдуковский, Василий Бушков, Любим Губкин и Евстафий Никифоров. Из числа более 35 промышленных «гулящих» и работных людей известна группа из 10 человек во

главе с Дементием Ивановым. В Россию были ввезены шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелковые

нити, золото, серебро, жемчуг, чай, бадьян, посуда и различная бытовая утварь.

Таблица 1

**Торговые караваны Нерчинск – Пекин (1689–1703 гг.)
и Нерчинск – Наун (1707–1728 гг.) (определено по: [6. С. 204–230])**

Последовательность	Период	Торговый комиссар		Характер каравана
1	Декабрь 1689–1690	Григорий Лоншаков	Нерчинский сын боярский	Смешанный
2	Июнь 1691–март 1692	Афанасий Казаринов	Нерчинский казачий пятидесятник	Смешанный
3	Декабрь 1692–октябрь 1693	Семен Молодой, Любим Уваров	Нерчинские дети боярские	Частный
4	Июль 1693 – июнь 1694	Исбрандт Идес	Российский посол в Пекин, датский купец	Казенный
5	Август 1695 – октябрь 1696	Фамилия не установлена		Смешанный
6	Лето 1696 – лето 1697	Спиридон Лянгузов	Московский купец	Казенный
7	Июль 1697 – август 1698			Смешанный
8	1698–1699			Частный
9	1699–1700	Андрей и Иван Бейтоны	Иркутские дети боярские	Частный
10	1700–1701	Григорий Быков	Нерчинский купец	Частный
11	1702–1703	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный
12	1707–1708	Петр Худяков	Нерчинский торговый человек	Частный
13	1710–1711	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный
14	1711–1713	Петр Худяков	Нерчинский торговый человек	Частный
15	1713–1715	Григорий Осколков	Купец из Великого Устюга	Частный
16	1716–1717	Михаил Гусятников	Купец	Частный
17	1720–1722	Федор Юринский	Купец	Частный
18	1724–1728	Федор Истоппников и Степан Третьяков	Купцы	Частный

Таблица 2

Социальный состав участников торговых караванов из Нерчинска в Пекин [6. С. 206]

Категории участников	Год отправки торгового каравана										
	1689	1691	1692	1693	1695	1696	1697	1698	1699	1700	1702
1. Агенты гостей и купцов гостинной сотни	9	23	1	26	5	17	2	–	–	–	–
2. Другие (частные) торговые люди	4	12	–	2	13	13	8	–	–	–	–
3. Промышленные «гулящие» и работные люди	Более 35	42	17	158	98	113	–	–	–	–	338
4. Служилые люди (в том числе конвой)	40	19	37	23	41	–	–	–	–	–	–
Итого:	88	96	55	209	157	143	10	478	–	–	338

Во втором караване 1691–1692 гг., возглавляемым казачьим пятидесятником Афанасием Казариновым, состояло уже 23 агента купцов гостинной сотни и 12 частных торговых людей. Первые представляли интересы столичных купцов братьев Филатьевых, Г. Никитина, Ивана Ушакова, Семена Лузина и Никиты Кириллова. География частных предпринимателей расширилась путем включения купцов, прибывших из

различных российских городов: Дмитрий Гречанин, Гаврила Смольников, Григорий Осколков, Иван Шангин, Василий Юринский, Иван Нечаевский, Матвей и Ларион Фомины, Иван Бобровский, Михаил Шульгин и Матвей Тарасов. Но и они (всего 35 человек) не смогли превысить число местных нерчинских торговцев, зачисленных в промышленные «гулящие» и работные люди (42 человека) по причине требования

китайской стороны сократить число торговых людей. Казачьим конвоем командовал пятидесятник Агапит Плотников. Он вез письмо иркутского воеводы Ф.И. Скрипицына китайскому вельможе Сонготу, подписывавший от имени Цинского правительства Нерчинский договор. В письме, адресованному императору, наряду о караване А. Казаринова сообщалось также и о том, что Россия «крепко соблюдает» заключенный договор о границе и дружбе, поэтому отвергает предложение Джунгарии стать союзником в войне против Китая [1. Ф. 214. Кн. 1063. Л. 193]. Сонготу поблагодарил за письмо и разрешил россиянам торговать свободно, предоставив прибывшим подводы, провожатых, корм и постоялый двор. Однако предупредил, что Китай впредь не будет оказывать подобных услуг всем русским торговым людям.

Третий караван 1692–1693 гг. во главе с нерчинскими детьми боярскими Семеном Молодым и Любимом Уваровым не удалось сформировать как казенный. Он почти полностью состоял из нерчинских торговых людей и позже примкнувшего к ним приказчика московского «гостя» Евстафия Филатьева – Петра Худякова. Общее количество участников, по сравнению с предыдущим, сократилось вдвое и составило 55 человек, из которых 37 были казачьим конвоем.

В 1693–1694 гг. в Пекин была отправлена торгово-дипломатическая миссия датского купца И. Идеса. По численности она в четыре раза превышала предыдущий торговый караван. Состав участников носил смешанный характер – интересы столичных купцов представляли 26 агентов. К миссии присоединились нерчинские купцы, которые вновь выехали в составе категории промышленных «гулящих» и рабочих людей, возросшей до 158 человек.

О руководителе пятого смешанного каравана 1695–1696 гг. нет сведений. Известно только что, 76,3 % всех вывозимых в Китай товаров принадлежали «первостатейным» московским купцам Евстафию Филатьеву и Семену Лузину [4. С. 212].

В 1696–1697 гг. купец Спиридон Лянгузов возглавил шестой караван, сформированный в Москве и отправленный с дипломатической поддержкой в виде «проезжей грамоты» из Сената. Согласно этому документу, он объявлялся первым официально государственным. Москву представляли 17 торговых агентов, 13 торговых людей были из городов Центральной России. Для обеспечения торгов в Пекине была собрана вся имеющаяся в стране пушнина, которая составила 70% от всех отправленных из Москвы в Китай русских товаров. Меха (горностаи, соболи, белки и другие) составили 9 634 единицы на сумму 101 32 руб. 27 алтын. Это количество было дополнено мехами нерчинских частных, которые вывезли их в Китай на сумму 210 230 руб. [6. С. 225–227], т.е. в 2,5 раза больше того, что сумело собрать государство.

Причина этого видится в сложившихся контрабандных торговых связях нерчинцев с китайскими соседями, которые не считались преступлением, поскольку до 1689 г. между Россией и Китаем не было твердо установленной границы и торгового договора. Кроме того, у нерчинских торговых людей отпускная

стоимость товаров была меньше, чем у столичных, которые в местах формирования своих караванов уплачивали по Новоторговому уставу 1667 г. 20% таможенной пошлины, что приводило к удорожанию их товаров [Там же. С. 226]. После 1689 г. контрабандный провоз товаров стал укрепляться по мере отхода Москвы от условия Нерчинского договора о свободной беспошлинной торговле, с целью монополизировать ее в интересах первостатейных столичных купцов в ущерб нерчинским торговым людям. Китайские партнеры более охотно сотрудничали с рядовыми нерчинскими торговцами, не считавшими обязанным следовать правилам, распространявшимся на официальные караваны. Примером тому служит факт того, что прибывающие в Пекин караваны находили местные рынки заполненными «русским товаром» по более низким ценам и охотно покупаемым местным населением, о чем сообщал Л. Ланг [16. С. 130].

С. Лянгузов, поселившись в Нерчинске, провел в Пекин еще две торговые экспедиции. В 1697–1698 гг. в Пекин поехали всего 2 агента «гостей» и 8 частных торговых людей. О других категориях частных каравана данных не имеется, но это, скорее всего, были все те же нерчинские торговцы, завуалированные под вспомогательный персонал. Скорее всего, они же и представляли состав последних караванов в Пекин, которые с 1700 г. организовывались и возглавлялись уже преимущественно самими нерчинскими купцами. Сведения о прибытии в Нерчинск «элитных» купцов уже отсутствуют, кроме общего числа караванщиков. Десятому (в 1700–1701 гг.) и одиннадцатому (в 1702–1703 гг.) караванам нерчинских купцов Григория Быкова и Ивана Савватеева, в целях личной безопасности и сохранности грузов, пришлось вернуться домой через монгольские степи и Селенгинск.

С 1703 г. государственные торговые караваны не отправлялись больше в Китай из Нерчинска, а отправляясь более кратким и безопасным путем из Селенгинска через Северную Монголию. Во избежание дипломатических осложнений, в 1706 г. Петр I издал указ «О непропуске в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа», что ограничило официальную внешнеторговую деятельность частных торговых и служилых людей Нерчинска [17]. В 1707 г. торговля Нерчинска с Китаем переместилась в пограничный маньчжурский Наун, где уже не требовалось «проезжих грамот». С 1707 по 1728 г. из Нерчинска было совершено семь торговых экспедиций в Наун, далее которого цинские власти уже не пропускали. В 1720 г., по причине запрета въезда уже и в Наун, китайские власти разрешили прибывшим купцам основать в монгольской Урге русскую торговую слободу – Ургинский Маймачен. Просуществовала она до 1726 г.: возведенные постройки были сломаны, а русские купцы вместе с Л. Лангом возвратились в Селенгинск по требованию китайской стороны.

При всех трудностях развития российско-китайской торговли в конце XVII – начале XVIII в., Нерчинск пережил в этот период экономический подъем. После упразднения отошедшего к Китаю Албазинского воеводства, он превратился в самый крупный опорный военный и торговый центр Забайкалья

близ российских рубежей на Аргуни. Создав базу в Нерчинске, россияне заняли господствующее положение на крайнем востоке страны и на китайском рынке, вытеснив с него джунгаров, которым путь в Пекин был воспрещен из-за джунгаро-маньчжурской войны 1690–1697 гг. Различные слои местного населения, помимо основных забот по городской службе, вовлекались в сферу товарно-денежных отношений. Дома и дворовые постройки сдавались в аренду, по-скольку приезжих и привозимых ими товаров местные постоялые и Гостинный двор не вмещали. Когда наступала пора формирования караванов, население Нерчинска увеличивалось многократно при постоянном списочном составе более 1 000 человек [18. С. 1–4]. Из новоприбывших были десятки столичных аген-

тов и торговых людей, сотни промышленных «гулящих» и работных. Последние стекались со всех уголков Восточной Сибири в поисках заработка, часть из них оставалась на постоянное жительство в Нерчинске и Науне. Оставляемые в Нерчинске после торговли в Китае купеческие приказчики, «ларешные» и работные люди продолжали мелкие торговые операции, добывали в лесах пушного зверя или скупали его, сами превращаясь в самостоятельных торговцев [3. С. 150]. В результате военно-пограничный Нерчинск приобретал черты купеческого города. После заключения в 1728 г. Кяхтинского трактата «о границе, торговле и купечестве» роль главных ворот зарубежной торговли с Китаем и Монголией перешла от Нерчинска к Кяхтинскому форпосту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский Государственный архив древних актов.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань : Тип. Императорского университета, 1882. 565 с.
3. Силян Е.П. Кяхта в XVIII в.: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
4. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 212 с.
5. Кашик О.И. Торговля в Восточной Сибири в XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: [Б.и.], 1961. С. 197–198.
6. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск : Хабаров. книж. изд-во, 1984. 275 с. (первое издание – М. : Наука, 1969).
7. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М. : Изд-во вост. лит., 1958. Т. 2. 142 с.
8. Русско-китайские отношения в XVII в. 1686–1691. Материалы и документы. М. : Наука, 1972. Т. 2. 790 с.
9. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 гг. М. : Наука, 1978. 704 с.
10. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск : Амур. книж. изд-во, 1959. 254 с.
11. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М. : Внешторгиздат, 1957. 455 с.
12. Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индии // Памятники древней письменности и искусства. М. : [Б. и.], 1899. С. 14–35.
13. Идес И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М. : Наука, 1967. 404 с.
14. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита : Экспресс-изд-во, 2009. 180 с.
15. Жалсараев А.Д. Время, события, люди. Хронологический перечень дат и фактов этнической Бурятии. Улан-Удэ : Республ. типография, 2011. 408 с.
16. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725 гг.). М. : Наука, 1978. 704 с.
17. О непропуске в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа. 28.01.1706 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 4. № 2089.
18. Найденов Н.А. Сибирские города. Материалы для их истории XVII–XVIII столетий: Нерчинск, Селенгинск. Якутск. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1886. 146 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 апреля 2018 г.

NERCHINSK – BEIJING: RUSSIAN TRADE CARAVANS IN 1689–1703

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal, 2018, 435, 121–126.

DOI: 10.17223/15617793/435/15

Sesegma V. Kirillova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sesegkirillova@mail.

Vyacheslav V. Shevtsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toleben@yandex.ru

Keywords: Russia; Siberia; China; Eastern Transbaikalia; Nerchinsk; turn of 18th century; international trade.

The article presents a description of the first stage of Russian-Chinese trade after the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689. The Russian side was primarily interested in the trade “discovery” of China, and tried to develop this new economic direction by sending large trade caravans to Beijing annually (while under the treaty their frequency had to be established only once every three years). Changes in composition and guidance of these 11 expeditions attest to the fact that Russian-Chinese trade was not exclusively governmental, carried out by the Moscow merchant class. Commercial interests, knowledge and experience of Nerchinsk merchants were a necessary condition for its successful development. Trade expeditions to Beijing were mostly privately-owned (5), mixed (4) and only finally official (2). The basis for such a differentiation was the ratio between the Moscow merchants (their interests were represented by trade agents) and their exported and imported goods with local merchants from Nerchinsk and their goods (the Treaty of Nerchinsk contained the condition of free trade for all comers). Consistent with traditional isolationist policy, the Chinese side did not consider the possibility of trade with Russia as a necessary and economically beneficial direction. Direct opposition to including the trade item into the Treaty of Nerchinsk was changed by the tactics of coordination and bringing its regime according to the political tasks (border demarcation, Russia’s consent to accession of Mongolia to China) and the factual course on gradual replacement of Russian trade from the center of the empire (Beijing) to its periphery (in the Manchurian Naun). The growing trading activity of Russians aroused dissatisfaction of the Chinese authorities with the official and unofficial economic contacts of their subjects with the northern neighbor. The Qing authorities forced Russian merchants out of Beijing in 1703, Naun in 1720, and the Mongolian Urga in 1726. This was the end of the first stage of Russia’s international trade on the easternmost border of the country. During

the period of unilateral Russian-Chinese trade, the military-border Nerchinsk experienced an economic recovery and acquired the character of a merchant city. After the abolition of Albazin Voivodship, which was ceded to China, Nerchinsk became the largest military and trade center of Transbaikalia near the Russian border on the Argun River. Different strata of local population, in addition to their main activity in urban service, were involved in the sphere of commodity-money relations.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Ancient Acts. (In Russian).
2. Bantysh-Kamenskiy, N.N. (1882) *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792 g.* [Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta.
3. Silin, E.P. (1947) *Kyakhta v XVIII v.: Iz istorii russko-kitayskoy torgovli* [Kyakhta in the 18th century: From the history of Russian-Chinese trade]. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo.
4. Yakovleva, P.T. (1958) *Pervyy russko-kitayskiy dogovor 1689 g.* [First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow: USSR AS.
5. Kashik, O.I. (1961) *Torgovlya v Vostochnoy Sibiri v XVIII v. (po dannym tamozhennykh knig Nerchinska, Irkutsk, Ilimska)* [Trade in Eastern Siberia in the 18th century. (according to the customs books of Nerchinsk, Irkutsk, Ilimsk)]. In: *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Questions of the history of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 197–198.
6. Aleksandrov, V.A. (1984) *Rossiya na Dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Frontier (second half of the 17th century)]. 2nd ed. Khabarovsk: Khabarov. knizh. izd-vo.
7. Skachkov, P.E. & Myasnikov, V.S. (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations, 1689–1916. Official documents]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit.
8. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1972) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v. 1686–1691. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century. 1686–1691. Materials and documents]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
9. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century. Materials and documents]. Vol. 1: 1700–1725. Moscow: Nauka
10. Kabanov, P.I. (1959) *Amurskiy vopros* [The Amur question]. Blagoveshchensk: Amur. knizh. izd-vo.
11. Sladkovskiy, M.I. (1957) *Ocherki ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitaem* [Essays on the economic relations of the USSR with China]. Moscow: Vneshtorgizdat.
12. Dolgov, S.O. (1899) *Vedomost' o Kitayskoy zemle i glubokoy Indii* [Report about Chinese land and deep India]. In: Dolgov, S.O. & Sobolevskiy, A.I. *Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva* [Monuments of ancient writing and art]. Moscow: [s.n.] Tipografiya V. pp. Balasheva i K°.
13. Ides, I. (1967) *Zapiski o russkom posol'stve v Kitae (1692–1695)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692–1695)]. Moscow: Nauka.
14. Spafariy, N.G. (2009) *Puteshestvie cherez Sibir' do granits Kitaya* [A trip through Siberia to the borders of China]. Chita: Ekspres-izd-vo.
15. Zhalsaraev, A.D. (2011) *Vremya, sobytiya, lyudi. Khronologicheskiy perechen' dat i faktov etnicheskoy Buryatii* [Time, events, people. Chronological list of dates and facts of ethnic Buryatia]. Ulan-Ude: Respubl. tipografiya.
16. Lang, L. (1978) *Zapiski L. Langa o poezdke v Pekin* [Notes by L. Lang on a trip to Beijing]. In: Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII v.: materialy i dokumenty (1700–1725 gg.)* [Russian-Chinese relations in the 18th century: materials and documents (1700–1725)]. Moscow: Nauka.
17. Russian Empire. (1830) *O nepropuske v Kitay torgovykh lyudey bez gramot iz Sibirskogo prikaza. 28.01.1706* [About non-admission to China of trade people without letters from the Siberian Chancery. 28.01.1706]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of the laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4. No. 2089. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
18. Naydenov, N.A. (1886) *Sibirskie goroda. Materialy dlya ikh istorii XVII–XVIII stoletiy: Nerchinsk, Selenginsk. Yakutsk* [Siberian cities. Materials for their history of the 17th–18th centuries: Nerchinsk, Selenginsk. Yakutsk]. Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova.

Received: 25 April 2018

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ЕС: ВСТУПЛЕНИЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ, БРЕКСИТ

На основе анализа широкого круга источников и литературы исследована политика Великобритании в отношении евроинтеграции в период 1973–2017 гг. Выявлены основные этапы, особенности и факторы британского политического курса в данном направлении. Показано, во-первых, что при вступлении в ЕЭС Соединенное Королевство стремилось к получению экономических выгод от участия в Сообществе. Во-вторых, отступление и пересмотр условий членства связаны с отстаиванием национальных интересов Великобритании. В-третьих, Брексит стал реакцией на обострение социально-экономических и политических противоречий в ЕС и в самой Великобритании в условиях кризиса.

Ключевые слова: Великобритания; Европейский союз; евроинтеграция; европейская политика; национальные интересы; Брексит.

Проблема европейской интеграции как многовекового процесса и роль в ней Великобритании на протяжении последних десятилетий являются предметом анализа как западных, так и российских ученых. Однако актуализация данной темы произошла в 2016 г. в связи с проведением референдума и победой сторонников выхода Британии из Евросоюза. Данное событие обусловило активный политический и научный дискурс, развитию которого способствует интенсивное расширение источниковой базы. Содержание английской политики евроинтеграции представлено международными договорами, соглашениями, документами британского правительства, парламента, выступлениями, предвыборными манифестами, отчетами, речами политических лидеров, а также официальной перепиской Лондона и Брюсселя. Показательно, что в наши дни происходит тематическое изменение исследовательского пространства, поскольку возрос интерес к различным аспектам истории взаимоотношений Соединенного Королевства и с Европейским экономическим сообществом и с Европейским Союзом, и, как следствие, идет переосмысление значения многих событий данного периода. Анализ европейской политики в контексте неконсервативного подхода, во многом обусловившего курс Лондона в 1972–2017 гг., позволяет проследить динамику и специфику интеграции, а также выявить соотношение объективного и субъективного факторов в вопросе выхода из Евросоюза.

Обращаясь к проблеме вступления Великобритании в ЕЭС, отметим, что в 1960-х гг. в стране сложилась новая ситуация, заключавшаяся в том, она из «великих держав» превратилась в «страну второго ранга» и это подогревало имперские амбиции. В идейном плане такие амбиции проявились в трансформации доктрины английского консерватизма с помощью положений традиционного либерализма. Лидеры страны почувствовали необходимость обновления. Центром движения «новых правых» в Великобритании стала Консервативная партия; в ней не только в руководстве, но и у рядовых членов неолберальные идеи завоевали широкую популярность. В начале 1970-х гг. лидеры консерваторов пришли к убеждению, что введение монетарного контроля и ликвидация государственного регулирования позволят выйти из экономического застоя [1. Р. 35]. Данная теория получила название неоконсерватизма и изначально была направлена на ослабление госрегулиро-

вания и снижение налогообложения крупного бизнеса, а также на стимулирование предпринимательства и сокращение социальной функции власти.

Анализируя специфику английского варианта евроинтеграции, важно учитывать, что опыт вхождения в ЕЭС стал важной внешнеполитической предпосылкой формирования британского неоконсерватизма. Первоначально Британия воздержалась от участия в интеграции, объединившей шесть государств. Английское правительство стремилось сохранить особые отношения со Штатами и влияние Британского Содружества наций. Также лидеров страны беспокоил вопрос состояния аграрного сектора и размер взноса в Общий рынок. Созданная в 1960 г. при активном английском участии Ассоциация свободной торговли оказалась не очень эффективной, поэтому в Лондоне было принято решение вступить в Европейское экономическое сообщество.

Успехи интеграции и экономический подъем на континенте, на фоне кризиса в Англии, убедили правительство Г. Макмиллана в 1961 г. подать заявку в ЕЭС. Однако Ш. де Голль наложил вето на вступление новых членов, поскольку он рассматривал Англию как «троянского коня американцев» и опасался поглощения ЕЭС «колоссальным атлантическим сообществом» [2. С. 121]. При этом в условиях падения производства британское руководство видело возможность стабилизации положения в стране только путем участия в европейской экономической интеграции [3. С. 57]. В 1967 г. новый премьер-министр Г. Вильсон вновь предпринял попытку вступления в Сообщество, но де Голль вторично использовал право вето, мотивируя это финансовой нестабильностью страны. Ситуация изменилась в 1969 г., когда сменивший де Голля Жорж Помпиду снял вето, признав улучшение экономического положения в Великобритании.

В 1972 г. после принятия Британским Парламентом Билля о Европейских Сообществах [4. Р. 19] новый премьер-министр, лидер консерваторов Э. Хит, приступил к координации переговоров по присоединению страны к ЕЭС. В 1973 г. в Брюсселе «шестерка» заключила Договор о вступлении [5. С. 6], внося 100 млн фунтов стерлингов, приняв Общую аграрную политику и лишившись экономических преференций в Британском Содружестве [6. С. 82].

Важно заметить, что в 1973 г. Соединенное Королевство вошло в объединение, которое было сформиро-

ровано в интересах развития шести стран-создателей и не учитывало специфику остальных государств. В результате экономическая ситуация в Великобритании сложилась так, что ее сталелитейная, машиностроительная и станкостроительная отрасли однозначно выигрывали. На состояние цветной металлургии и нефтепереработки интеграция в ЕЭС не оказала заметного влияния. При этом начали проигрывать некоторые отрасли легкой промышленности (обувная, кожевенная, ткацкая) и особенно сельское хозяйство, поскольку оно поддерживалось за счет государственных субсидий.

В Великобритании доля сельского хозяйства в ВВП меньше по сравнению с остальными членами Сообщества, поскольку очень малая часть населения занята в аграрном секторе, однако в соответствии с договором о вступлении страны в Экономическое Сообщество, Англия обязывалась прекратить дотации. Одновременно происходила переориентация импорта продовольствия на страны – члены ЕЭС. Не менее серьезной проблемой островной экономики оставался дефицит платежного баланса, хотя отмена многих барьеров могла способствовать снижению издержек производства. В результате возникли существенные издержки членства: принятие условий Общей сельскохозяйственной политики и применение единого внешнего тарифа привели к росту цен на сельскохозяйственную продукцию. При этом большой объем торговли Британией стал причиной ее непропорционально высоких взносов в бюджет Сообщества [7. Р. 59].

Помимо бюджетных, торговых и продовольственных противоречий Британии и ЕЭС, значимым направлением взаимодействия являлась финансовая сфера. По решению Совета министров стран Европейского Сообщества в 1972 г. были установлены ограничения колебаний валютных курсов государств-членов до плюс-минус 2,25%, образуя «валютную змею». Но в 1974 г., когда начался мировой экономический кризис, фунт стерлингов вышел из «валютной змеи». В этом случае ЦБ обязан был скупать свою валюту, что привело к росту инфляции и снижению конкурентоспособности британской продукции. Несмотря на отрицательные последствия вступления в ЕЭС: рост цен, бюджетных расходов, налогов, Лондон шел на уступки в ожидании скорых выгод от расширения торговли, подъема промышленного производства и т.д. Кроме того, правительство подчеркивало, что участие в интеграции позволяет решать стране и глобальные задачи.

Обращаясь к проблеме «отступления», поясним, что здесь нами понимается деятельность нескольких премьер-министров, направленная на внесение изменений в условия членства Великобритании в ЕЭС. Причина активного отстаивания национальных интересов заключалась в стремлении к увеличению выгоды от интеграции и к минимализации отрицательных последствий для государства. Эти меры кардинально отличались от политики всех других, как старых, так и новых стран – членов Общего рынка, и именно они сформировали репутацию Великобритании как «неудобного участника» или «партнера поневоле». Под-

черкнем, что твердая, прагматичная позиция глав британских правительств на переговорах обусловлена тем, что участие в Европейской интеграции стало одним из важнейших факторов внутренней политики.

Говоря об основном содержании английского курса, связанного с «отступлением» от существовавшей в континентальной Европе практики, нужно заметить, что Консервативный кабинет, возглавляемый Э. Хитом, чьей заслугой стало проведение процедуры вступления, в 1974 г. ушло в отставку. Далее руководство осуществляли лейбористские лидеры: Г. Вильсон (1974–1976 гг.) и Д. Каллаган (1976–1979 гг.).

Знаменательно, что уже на следующий год после вхождения Соединенного Королевства в ЕЭС, правительство Лейбористов потребовало пересмотра условий договора. В апреле 1974 г. Д. Каллаган выдвинул требования пересмотра суммы взноса и изменения условий английского участия в общей сельскохозяйственной политике. Кроме того, правительство выразило сомнение в необходимости валютного регулирования и настаивало на сохранении своих торговых преференций в Британском Содружестве [8. Р. 187]. Как следует из документов, целью новых переговоров, кроме бюджетных споров, являлось стремление притормозить дальнейшую интеграцию для обеспечения собственного контроля национальной экономики [9. Р. 63]. Г. Вильсон вызвал недовольство европейских лидеров тем, что, по их мнению, он фактически сворачивал движение страны с курса политической интеграции. На этом внешнеполитическом фоне в Великобритании развернулись дебаты по поводу сохранения членства страны в ЕЭС. Голосование Кабинета министров по проблеме членства в Сообществе показало поддержку: 16 голосов против семи, но этот результат вызывал внутрипартийный раскол [10. Р. 91].

В сложившейся ситуации правительство Лейбористов объявило проведение общенационального референдума о дальнейшем членстве страны в Общем рынке. Саму идею референдума, назначенного 1975 г., Г. Вильсон использовал для удержания Соединенного Королевства в Сообществе. Уже при подготовке к голосованию успешно завершились переговоры Лондона и Брюсселя. Новые условия были одобрены Британским Парламентом, благодаря этому возросла поддержка населением сохранения членства. Результатом первого в истории Великобритании референдума 1975 г. стало положительное решение – 67,2% голосов за продолжение участия в евроинтеграции [11. С. 46].

Важно подчеркнуть, что и правительство, и население Туманного Альбиона рассматривало Общий рынок как торговый и дипломатический блок, а его трансформация к созданию политического блока не считалась приемлемой. Именно политические инициативы в докладе Еврокомиссии 1975 г. вызвали нестроjenность британских лидеров: сначала Г. Вильсона, а затем Д. Каллагана. Оба премьер-министра старались воздерживаться от участия в новых европейских проектах.

При этом Д. Каллаган в марте 1976 г. поднял вопрос о размере британских взносов в бюджет ЕЭС.

Его позиция отличалась признанием неэффективности аграрной и бюджетной политики Сообщества. Кроме того, Британский лидер выразил нежелание делегировать дополнительные полномочия европейскому парламенту для принятия в Сообщество трех новых членов – Греции, Испании и Португалии. Расширение ЕЭС рассматривалось в Лондоне как способ углубления евроинтеграции за счет Британии. Для согласования позиций партнеров была создана организация «Британия в Европе», возглавленная Р. Дженкинсом [12. С. 133]. В 1977–1978 гг., благодаря его усилиям, усложнялся процесс согласования новых инициатив в ЕЭС, что привело к некоторому ослаблению политического влияния Франции и Германии.

Необходимо отметить, что на политический курс Великобритании в отношении евроинтеграции во второй половине 1970-х гг. влияли и тесные отношения Лондона с Вашингтоном, что традиционно воспринималось политической элитой Туманного Альбиона как возможность участвовать в решении глобальных мировых проблем в качестве одного из ведущих игроков. Однако это нередко осложняло отношения Британии с Брюсселем, поскольку у государств по разные стороны Атлантики и политические задачи были различные. Также большую роль в европейской политике Великобритании играли ее отношения со странами – лидерами европейской интеграции – Германией и Францией. Противоречивость стремления быть на ведущих позициях в Европе в сочетании с отстаиванием своих интересов во многом ослабили позиции Лондона в объединенной Европе.

В 1976 г., после смены Бреттон-Вудской золотовалютной системы Ямайской системой плавающих курсов, возобновились усилия ЕЭС по стабилизации обменных курсов, однако Великобритания предпочла остаться наблюдателем и справляться собственными силами. В результате в 1979 г. в Европейской валютной системе (ЕВС), привязывающей курсы европейских валют к единой европейской валюте (эку), приняло участие восемь из девяти государств – членов ЕС. Для Великобритании, переживающей высокую инфляцию, присоединение к ЕВС стало бы рискованным с экономической точки зрения шагом. Кабинет Д. Каллагана руководствовался политической логикой: на европейском уровне было озвучено намерение со временем присоединиться к системе, и это несколько разрядило напряженность в отношениях с континентальными партнерами [13. Р. 60].

Отмечая специфику начального этапа участия в евроинтеграции, важно подчеркнуть, что стратегия Соединенного Королевства выражалась в выжидательном поведении Лондона на переговорах, в оппозиции инициативам ЕЭС и в восприятии углубления интеграции как угрозы национальным интересам страны. Наиболее яркими проявлениями британского курса в Европе стало решение не присоединяться к Сообществу на этапе зарождения объединения, внутрипартийный раскол, сопровождавший ратификацию заявки на вступление в Сообщество в 1971 г., пересмотр условий членства в ЕЭС и референдум 1975 г., а также бюджетные прения, недовольство аграрной,

торговой и валютной политикой. Основной причиной этой позиции являлась экономическая, политическая, институциональная и культурная особенность Великобритании, что вызвало многочисленные кризисы в отношениях с европейскими партнерами. Поэтому Британия стала одним из наиболее проблемных членов Сообщества, заработав имидж «неудобного партнера».

Таким образом, в период 1973–1978 гг. Британией европейское объединение рассматривалось как торговый и дипломатический блок. Его трансформация в сторону создания политического союза считалась Лондоном неприемлемой. Именно это и определяло осторожную позицию британских лидеров – Г. Вильсона и Д. Каллагана. Несмотря на то что в 1974 г. правительство совершило «поворот на 180 градусов» европейского курса, анализ их политики показывает, что главным направлением оставалось повышение роли Великобритании в «Общем рынке» и получение более весомых преимуществ от участия. В данном контексте подготовка к проведению референдума о членстве явилась, в определенном смысле, дополнительным сильным аргументом в переговорах с Брюсселем, который использовали британские лидеры, что позволяет говорить о них как о приверженцах и сторонниках интеграции.

Следующий качественный период в отношениях Соединенного Королевства и Европейского Сообщества начался в 1979 г., когда после победы на выборах, страну возглавила лидер Консервативной партии М. Тэтчер. Данная эпоха ознаменовалась изменением британского курса в отношении евроинтеграции в сторону усиления евроскептицизма. Отметим, что евроскептицизм, как критическое отношение к процессам экономического и политического сближения стран Европы, возник в середине 1970-х гг., когда в Англии шли дебаты относительно членства в Общем рынке. Евроскептикам свойственно представление, что ЕЭС являясь громоздкой бюрократической структурой, в реальности не только не приносит пользы, но доставляет серьезные неудобства.

Евроскептицизм М. Тэтчер характеризовался согласием с членством в Европейском Сообществе при критическом отношении к части его правил и принципов, а также опасением превращения ЕЭС в федеративное государство. М. Тэтчер стала рассматривать евроинтеграцию, с одной стороны, как средство поддержания мира на континенте, а с другой – как торгово-экономический блок, членство в котором может способствовать восстановлению глобальной роли Британии. Европейский вектор новой леди-премьера сразу обозначился резким конфронтационным подходом, поскольку Европейское Сообщество представлялось ей как своеобразный Франко-Германский клуб. В сложившихся условиях Центр политических исследований разработал основные направления новой идеологической платформы Консервативной партии, а их проводником стала лидер партии и премьер-министр М. Тэтчер, чей неконсервативный политический курс получил название «тэтчеризм».

Для М. Тэтчер, в силу ее убеждений, была неприемлема европейская модель с субсидиями, активной

социальной политикой и расширением участия государства в экономике, что стало одной из основных причин оппозиции европейским инициативам [14. Р. 19]. М. Тэтчер препятствовала развитию европейских институтов для недопущения дальнейшей политической интеграции. Кроме того, она считала, что процесс воссоединения Германии должен проходить согласованно, с участием НАТО, Европейского Сообщества и 35 стран – участниц СБСЕ. Представляется закономерным, что в качестве «поля битвы» железная леди на долгие годы выбрала проблему бюджетного взноса Британии и Общую аграрную политику. Вся ее деятельность на этом направлении была подчинена трем целям. Во-первых, устранению противоречий между аграрной политикой, принципами формирования бюджета ЕЭС и собственными экономическими установками в пользу последних. Во-вторых, политическому усилению страны путем роста национальной экономики и упрочения позиций в Сообществе. В-третьих, защите национальных интересов Великобритании. Таким образом, через разрешение противоречий премьер стремилась повысить авторитет Соединенного Королевства, и, по возможности, встать в один ряд с Францией и Германией. В 1979–1984 гг. это стало магистральным направлением европейской политики М. Тэтчер.

В результате между Лондоном и Брюсселем шла тяжба по поводу размера взноса Великобритании в бюджет ЕЭС; правительство Тэтчер жестко требовало его снижения. Уже в декабре 1979 г. на Дублинской встрече премьер-министр предлагала сократить английский взнос в бюджет на 2 млрд долл. Другие члены ЕЭС соглашались только на 1 млрд 300 млн. В результате в мае 1980 г. в Брюсселе было заключено временное соглашение, которое устанавливало сумму возмещения Великобритании по платежам за 1980 г. в размере 1 175 млн экю и по платежам за 1981 г. – 1 410 млн экю [15. Р. 79]. Таким образом, был урегулирован и порядок возмещения расходов Великобритании в случае превышения платежей над расчетными суммами. Из бюджета ЕЭС выделялись деньги в виде компенсации для развития определенных отраслей и регионов в Англии.

Тем не менее Великобритания продолжала оставаться вкладчиком средств в бюджет ЕЭС, а остальные страны-члены получали из бюджета больше, чем внесли в него. В мае 1982 г. Лондон добился соглашения, по которому получал годовую компенсацию в 485 млн фунтов стерлингов [16. С. 135]. На встрече в Брюсселе в 1984 г. разногласия вновь обострились, и британский премьер пригрозила прекратить взносы в бюджет. Это, по мнению ведущих изданий, означало, что Тэтчер находится «в состоянии войны с Сообществом» [17. Р. 2].

Неурегулированность вопроса о размере взносов Великобритании в бюджет препятствовала достижению договоренности по аграрной политике (в марте 1984 г. было сорвано подписание комплекса важных решений по сельскохозяйственной политике), форсировала бюджетный кризис и блокировала, в конце концов, вступление Испании и Португалии в Сообщество. В июне 1984 г. переговоры завершились подпи-

санием договора Фонтенбло, в котором был зафиксирован размер возмещения Англии, равный двум третям разницы между ее общими взносами в бюджет и размером получаемых из бюджета дотаций.

Что касается сельскохозяйственной политики ЕЭС, в 1980-х гг. она оставалась областью, в которой интересы Британии напрямую сталкивались с другими странами. Конфликт углубился с присоединением к Общему рынку новых членов, которые были заинтересованы в расширении аграрной интеграции. При этом программы промышленной и научно-технической политики, которые могли обеспечить улучшение конкурентных позиций ЕЭС с США, испытывали острую нехватку средств. Только под жестким давлением Лондона члены Сообщества приняли решение сокращения дотаций сельскому хозяйству.

Великобритания, единственная из членов Сообщества, оказалась в оппозиции принятому в 1979 г. валютно-курсовому принципу Европейской валютной системы. Данная система, учрежденная по инициативе Западной Германии и Франции, вводила фиксированные валютные курсы исходя из оценки экономического потенциала той или иной страны, что противоречило Ямайской системе плавающих курсов. При этом в Лондоне полагали, что сначала надо создать экономический союз и только затем валютный, поэтому отказались присоединиться к ЕВС (хотя и вошли МВФ). Британские лидеры полагали, что в ЕВС курс фунта будет завышен, что снизит конкурентоспособность британского экспорта, а правительство будет лишено возможности корректировать курс фунта. При этом М. Тэтчер считала механизм валютных курсов способом Германии захватить власть в Европе.

Отказ Лондона принять участие в валютной системе подорвал основы единой валютной политики ЕЭС. Однако курс фунта стерлингов снизился до уровней, при которых членство могло стать выгодным, поэтому подход британского премьер-министра к вопросам развития ЕВС вызвал разногласия внутри ее кабинета. В 1989 г. Соединенное Королевство все же начало сотрудничать в финансовых вопросах, хотя М. Тэтчер по-прежнему была против учреждения ЦБ и создания единой валюты. Постепенно положение системы упрочилось, и Великобритания присоединилась к ЕВС в 1990 г., но уже в 1992 г. вышла из нее в связи с негативным влиянием валютных ограничений на конкурентоспособность британских товаров. Важно подчеркнуть, что монетаристский подход М. Тэтчер к политическим и экономическим вопросам, в частности отрицательное отношение к единой валюте, дало основание полагать, что железная леди противодействует европейской интеграции. Парламент счел, что такой курс не отвечает Британским интересам, это нанесло непоправимый урон репутации М. Тэтчер и способствовало ее отставке в 1990 г. [18. Р. 83].

Д. Мейджор унаследовал от М. Тэтчер расколотую партию, склоняющуюся к евроскептицизму. Однако в своих первых же выступлениях на европейскую тематику Д. Мейджор подчеркивал, что Англия намерена «играть центральную и положительную роль в Европе». Поэтому новый премьер отвергал проекты европейского институционального строительства, которые

вели к усилению контроля над экономикой и росту бюрократической надстройки. Он выделил четыре основные цели для Сообщества: экономический либерализм, политическая демократия, прогресс в конституционных проблемах и согласованность внешней политики. По мнению Д. Мейджора, развитие интеграции не должно было ослаблять суверенитеты стран – участниц ЕЭС [19. С. 52].

Таким образом, различия в позиции Великобритании с ее европейскими партнерами прослеживались в вопросах полномочий Европарламента, формирования бюджета ЕЭС, проведения единой внешней политики и создания единой валютной системы. В результате возникла «двухскоростная» Европа, где у Великобритании была собственная позиция.

Показательно, что Соединенное Королевство не вошло в Шенгенскую зону под предлогом того, что пограничный контроль является важным средством борьбы с контрабандой наркотиков. Официальный Лондон также категорически отверг предложения Бонна о повышении роли Европарламента и о создании Европола. Британия добилась пересмотра многих невыгодных для нее условий членства в Сообществе и выдвигала инициативы, свидетельствующие о ее заинтересованности в развитии долгосрочных перспектив. Однако отношения Лондона и Брюсселя продолжали оставаться сложными в период работы над договором о Европейском союзе, когда обсуждались главные направления дальнейшего развития. При этом Германия стремилась как к углублению интеграционных процессов, так и к расширению союза на Восток. Франция, опасаясь роста могущества ФРГ, поддержала только углубление сотрудничества, без присоединения новых членов. Позиция же кабинета Д. Мейджора была противоположна Франции – он старался не допустить излишне быстрой интеграции, но одобрял расширение Евросоюза [20. Р. 16].

Отметим, что курс Великобритании в отношении Сообщества в 1979–1992 гг. характеризовался рядом особенностей. Во-первых, Соединенное Королевство проявило недоверие к валютно-финансовому союзу, это объяснялось и внутривнутриполитическими причинами, и неопределенностью экономических последствий введения единой валюты [21. Р. 126]. Во-вторых, защита Англией своих интересов приводила к конфликтам внутри ЕЭС и мешала углублению экономического сотрудничества. В-третьих, континентальные партнеры Британии стремились ограничить ее противодействие интеграции валютно-финансовой сферы. Многие вопросы, касающиеся ЕЭС, вызвали острые разногласия, поскольку для Британии тема взаимоотношений с Сообществом напрямую затрагивала ее безопасность и внешнеполитические приоритеты: быть с Европой или США. По мнению британских исследователей, «Европейский вопрос» сочетал в себе проблемы суверенитета и идентичности с проблемами политической экономии в совершенно новом качестве [22. Р. 39].

После победы на выборах 1997 г. лейбористов, главой правительства стал их лидер Т. Блэр. Интересно, что за год до этого партия претерпела реформирование; в Манифесте 1996 г. появился пункт о под-

держке рыночной экономики [9], означавший смену вектора политики с социально ориентированной к либерально-ценностной, что получило название Нового Лейборизма. Что касается европейского курса, то новое правительство сразу включилось в переговоры по согласованию изменений Европейского договора. При обсуждении большинства вопросов лейбористы придерживались тактики компромиссов. В итоге в Амстердамском договоре 1997 г. были подтверждены главные цели и расширен раздел по ведению внешней политики. В 2007 г. произошла смена лидера, Кабинет возглавил Г. Браун, сразу включившийся в обсуждение реформ ЕС. Он сумел выстроить неплохие отношения с главами Франции и ФРГ, добиться определенных преференций для Великобритании, благодаря чему Британский парламент ратифицировал Лиссабонский договор. При этом усилиями обоих премьер-министров лейбористов укреплялось положение Британии в Евросоюзе, которая играла роль посредника между Вашингтоном и Брюсселем. Одновременно были упрочены традиционные «особые отношения» с основным партнером – США, в том числе в рамках НАТО.

Обращаясь к проблеме Брексита, подчеркнем, что переход власти в 2010 г. к консерваторам и назначение их лидера Д. Кэмерона премьер-министром произошло в период экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. В течение 2010–2011 гг. Великобритания испытывала серьезные трудности, имея один из самых больших в ЕС дефицит бюджета и связанные с этим негативные последствия в социальной сфере. В таких условиях, после очередных инициатив руководства ЕС по углублению интеграции, Д. Кэмероном озвучил идею проведения референдума, на который предложил вынести вопрос о продолжении членства Соединенного Королевства в Евросоюзе. Общественная кампания за выход из ЕС началась в 2011 г. с петиции, набравшей более ста тысяч подписей, однако Британский парламент отказался рассматривать данное предложение, посчитав его несвоевременным. Тем не менее обозначилось наличие широкого общественного запроса на более выгодные отношения с ЕС или же на разрыв с ним. В период 2012–2013 гг. Д. Кэмерон оказался под давлением евроскептицистски настроенных членов Парламента (преимущественно английского происхождения) и стал инициатором новых переговоров с Евросоюзом. Важным фактором, повлиявшим на развитие ситуации, явился рекордно высокий размер взноса в 1,7 млрд фунтов, выставленный Великобритании в 2014 г. [23].

Инициативу организации кампании за выход из ЕС взяла на себя британская евроскептицистская Партия независимости Соединенного Королевства, победившая на британских выборах в Европейский парламент в 2014 г. Успех этой партии во многом закономерен, поскольку на это время пришелся рост популярности евроскептицистских партий и в других странах Евросоюза. Непосредственная подготовка к проведению референдума и к пересмотру условий членства Британии в ЕС началась в 2015 г. Правительство Д. Кэмерона вырабатывало основные принципы будущего соглашения, на которые могли пойти

страны ЕС. В письме от 10 октября председателю Европейского Совета Д. Туску были обозначены главные требования Лондона на предстоящих переговорах. Суть состояла в следующем: отказ от односторонних решений стран Еврозоны, усиление конкурентности между странами ЕС, признание права членов ЕС не участвовать в дальнейшей политической и экономической интеграции, ограничение доступа рабочих мигрантов к британской системе социального страхования [24].

Данная политика оказалась эффективной, и ее результатом стал Договор от 19 февраля 2016 г. [25] о Новом Статусе Британии в Европейском Союзе как результат компромисса между позициями Д. Кэмерона и Д. Туска. По сути, был установлен новый принцип экономического управления в Евросоюзе. Основные уступки заключались в признании независимости не только Британской банковской системы, но и национальных банков всех стран, не входящих в зону евро и Европейский Банковский союз от ЕЦБ, а также право не оказывать финансовую помощь странам еврозоны, страдающим от экономического кризиса. При этом признавалось, что для дальнейшего развития необходимо продолжение политической интеграции стран Еврозоны. Кроме того, фактическое неучастие Британии в европейской системе распределения мигрантов было сохранено. Однако решения не были достигнуты по таким вопросам, как единая сельскохозяйственная политика и проблема рыболовства. В целом основная часть требований Британии была принята, благодаря чему произошло расширение ее политической и экономической автономии в составе Евросоюза. То, что это успех, признавал и Кабинет Д. Кэмерона, но после заключения данного соглашения референдум не был отменен. В условиях очередного экономического кризиса процесс подготовки играл роль политической трибуны. Позиция Д. Кэмерона изменилась на «remain» – поддержку сохранения членства Великобритании в ЕС [26].

Отметим, что, несмотря на выгодные условия нового Договора, они не удовлетворили большинство консерваторов – сторонников выхода и, тем более, евроскептиков. Вопреки ожиданию, общественная кампания за выход страны из Евросоюза продолжала набирать обороты, сменив своих фактических лидеров. При этом основная часть Лондонского Сити была против выхода страны из ЕС, но многие владельцы хедж-фондов инвестировали в кампанию за выход, рассчитывая на увеличение доходов от большей волатильности рынков в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Сам Д. Кэмерон считал, что Британия уже добилась более выгодного статуса в ЕС, поэтому в выходе нет необходимости. Также премьер отказался от публичных дискуссий с оппозицией по данному вопросу. Лидерами консерваторов-евроскептиков стали бывший мэр Лондона и нынешний глава Британского МИД Б. Джонсон и министр юстиции лорд-канцлер М. Гоув. Основным аргументом сторонников выхода являлась ставка на долгосрочные выгоды, которые Британия может получить от выхода из ЕС, такие как политическая независимость, значительный экономический рост, самостоятельное решение миграционных

проблем, что находило наибольший отклик у британских граждан. 23 июня 2016 г. в Великобритании прошел общенациональный референдум по вопросу возможного выхода страны из Европейского Союза. Несмотря на то что соцопросы стабильно показывали численный перевес сторонников сохранения членства Британии в ЕС, с перевесом в 4% и более чем в 1 млн голосов победили сторонники выхода. За продолжение членства проголосовали 48,1%, за выход – 51,9% избирателей Соединенного Королевства [27].

По мнению экспертов, организаторы «выхода» мобилизовали и привели на избирательные участки больше своих единомышленников, чем сторонники сохранения членства в ЕС. Кроме политического фактора, отмечается еще демографический; явка молодых жителей крупных городов была низкой и этнической; исход референдума был решен англичанами в ущерб шотландцам, ирландцам и многонациональному населению британских агломераций [28].

Первым политическим событием после подсчета голосов стала отставка британского премьер-министра Д. Кэмерона. Британский премьер заявил: «Я бился против выхода всем сердцем, но британцы выбрали иной путь. Значит, им нужен новый премьер-министр» [29]. На выборах нового лидера Консервативной партии в июле 2016 г. Т. Мэй, заручившись поддержкой 199 парламентариев, стала премьер-министром Великобритании и второй в истории женщиной на этом посту. До референдума Т. Мэй выступала против выхода страны из Евросоюза, однако, возглавив страну, изменила свою риторику на противоположную. Уже в первом интервью она заявила, что хочет видеть «независимую Великобританию, которая прокладывает собственный путь в мире» и что страна обязательно «извлечет выгоду от выхода из ЕС», при этом признав, что ожидаются некоторые трудности [30]. Значительный интерес представляет программная речь премьер-министра 5 октября 2016 г. на Конференции Консервативной партии, после которой такие авторитетные издания, как «The Economist» и «NY Times», написали о явлении «революционного консерватизма» Т. Мэй. Именно тогда были четко обозначены позиция нового консервативного правительства на будущих переговорах о выходе, основные контуры соглашения и объявлено строительство «новой Британии» – не европейской, но глобальной [31]. Лондон и Брюссель в декабре 2017 г. определили, что Великобритания выйдет из Евросоюза в марте 2019 г., после чего 2 года продлится переходный период, в течение которого будут подготовлены новые экономические соглашения.

В заключение отметим, что с нашей точки зрения, Брексит не являлся закономерным или неизбежным итогом участия Соединенного Королевства в евроинтеграции, скорее, он стал результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов. К ним ухудшение положения во всех странах, включая Великобританию, и, как следствие, обострение противоречий в ЕС в период экономического кризиса, который, в свою очередь, совпал в Европе с мощным миграционным кризисом. В этих условиях Лондон продолжал прово-

дить политику отстаивания национальных интересов для максимализации выгод от интеграции. Правительство консерваторов вторично использовало такой способ давления на Брюссель, как подготовка референдума о членстве в Евросоюзе. Руководство ЕС пошло на реальные уступки, однако ситуация вышла из-под контроля британского Кабинета, поскольку усиление социального недовольства и напряженности привело к обострению политической борьбы и росту популярности оппозиционных сил, выступавших за выход.

Анализ проблемы участия Британии в евроинтеграции показал, что теоретическим обоснованием данной политики стала концепция неоконсерватизма. Специфика заключалась в том, что на начальном этапе Соединенное Королевство не участвовало в евроинтеграции, но в 1960-х гг. правительство поняло, что дальнейшее дистанцирование экономически невыгодно и политически нецелесообразно. Целью вступления Великобритании в ЕЭС являлись извлечение максимальной выгоды из хозяйственной интеграции и восстановление своего влияния на континенте. Проблема «отступления» и формирования репутации «неудобного партнера» связана с периодическим пересмотром условий пребывания Англии в Сообществе, с активным отстаиванием национальных интересов и сохранением внешнеполитических приоритетов. Не вызывает сомнений, что в основе британской модели европейского строительства находился экономический приоритет. Результатом интеграции стали, с одной стороны, усиление, а с другой – столкновение хозяйственных комплексов стран партнеров, которые так и не образовали «единый механизм». В целом же генеральная линия – использование преимущества открытых границ при сохранении политической и хозяйственной независимости от Брюсселя – оставалась неизменной на протяжении всех 45 лет членства Соединенного Королевства в Европейском Объединении. При этом, в значительной мере, именно участие в евроинтеграции позволило Великобритании успешно пройти период постимперской модернизации, укрепившись экономически и усилившись политически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Holmes P.M. Thatcherism: Scope and Limits 1983–1987. Oxford, 1989.
2. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012.
3. Громыко А.А. Из истории вступления Англии в ЕЭС // Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 54–72.
4. Young S.Z. Terms of Entry: Britain's Negotiations with the European Community. L., 1973.
5. Глоссарий по европейской интеграции. Договоры о присоединении. М., 1998.
6. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Документы Европейского Союза. М., 1999.
7. Commissions Proposals on the Fixing of Prices for Certain Agricultural Products and on the Certain Related Measures. Bull. of the European Communities. Brussels, 1976.
8. Russell H. The Making of New Labor's European Policy. Palgrave, 2001.
9. Labour Party General election Manifesto 1900–1997. L.; N.Y., 1997.
10. Gotland D. Arthur Reluctant Europeans: Britain and European Integration, 1945–1998. Longman, 1999.
11. Хесин Е.С. Великобритания // МЭМО. 2001. № 8. С. 42–56.
12. От единого рынка к Европейскому Союзу. М., 1994.
13. Knutson K. Britain's Functional Approach to Integration. Missouri, 2000.
14. Press conference after a European Council meeting in Dublin. Dublin, 1979.
15. May A. Britain the Commonwealth and Europe: The Commonwealth and Britain's Applications to Join the European Communities. N.Y., 2001.
16. Зуев В.Н. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского союза. М., 2008.
17. The Financial Times. 1984. 22.04.
18. Fella S. New Labour and the European Union: Policy Transition, Electoral Strategy and the Amsterdam Treaty Negotiation. L., 2002.
19. Капитонова Н.К. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997). М., 1999.
20. Holmes M. John Major and Europe. The Failure a Policy 1990–1997. L., 1997.
21. Dyson K., Kevin F. The Road to Maastricht. Negotiating Economic and Monetary Union. Oxford, 2009.
22. Dunleavy P., Gamble A. Richard and Peele, Gillian Developments in British Politics. Macmillan. L., 2003.
23. UK European Parliament election results. 06.05.2014. URL: <http://www.bbc.com/news/events/vote2014/eu-uk-results> (request date: 03.09.2017).
24. Письмо Д. Кэмерона Д. Туску от 10.11.2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/475679/Donald_Tusk_letter.pdf (дата обращения: 11.05.2016).
25. Jensen M.D., Snaith H. When politics prevails: the political economy of a Brexit // Journal of European Public Policy. 29.04.2016. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2016.1174531>. (request date: 17.12.2017).
26. A New Settlement for the United Kingdom within the European Union. 19.02.2016. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/2714671-FINAL-DRAFT-st00016-en16.html>. (request date: 12.12.2017).
27. Referendum results. BBC. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. (request date: 05.09.2017).
28. Introducing the YouGov Referendum Model. YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/06/21/yougov-referendum-model>. (request date: 03.12.2017).
29. Дэвид Кэмерон объявил о решении уйти в отставку. 24.06.2016. РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/06/2016/576ce1809a7947e9f001ad1a> (дата обращения: 11.12.2016).
30. Тереза Мэй предупредила британцев о «трудных временах» в связи с Brexit. URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/09/2016/57cb5f649a7947703f9abadf> (дата обращения: 20.12.2017).
31. Theresa May's keynote speech at Tory conference in full. Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-speech-tory-conference-2016-in-full-transcript-a7346171.html>. (request date: 05.01.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2018 г.

GREAT BRITAIN IN THE EU: ENTRY, RETREAT, BREXIT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 127–134.

DOI: 10.17223/15617793/435/16

Elena V. Lazareva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: levburo@mail.ru

Arina A. Bersteneva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: arinachudinova@mail.ru

Keywords: Great Britain; European Union; Euro-integration; European politics; national interests; Brexit.

In the article, based on a wide range of sources and literature, the British policy on the Euro-integration in 1972–2017 was investigated. It is shown that this problem is topical both in Russian and in English historiography. The aim of the study is to analyze the peculiarities of the European policy of the United Kingdom and the causes of Brexit. The article shows that the UK initially did not participate in the Euro-integration. However, in the 1960s, the British government realized that this is economically unprofitable and politically impractical. The goal of the UK's accession to the EEC was to maximize the economic benefits of integration and to increase its influence in Europe. Particular attention is paid to the theme of “retreat”. This is due to the periodic review of the conditions for England's membership in the EEC, the upholding of national interests and the preservation of foreign policy priorities. The theoretical basis of this policy was the concept of neoconservatism. The study revealed that the result of integration was, on the one hand, strengthening and, on the other hand, a clash of economic complexes of partner countries that did not create a “single mechanism”. In general, the policy of taking advantage of the open borders, while maintaining political and economic independence from Brussels, remained unchanged for 45 years of the United Kingdom's participation in European integration. England pursued a consistent policy of deepening economic integration and hampered the development of European social and political projects. The authors came to a conclusion that Brexit was the result of the aggravation of the contradictions in Europe due to the economic crisis that coincided with the migration crisis. In these conditions, London continued to pursue a policy of upholding national interests in order to maximize the benefits of integration. The Government of the Conservatives once again used the preparation of a referendum on membership in the European Union as a method of pressure on Brussels. The EU leadership made real concessions. However, the situation got out of the control of the British Cabinet, because the intensification of social discontent led to an aggravation of the political struggle and an increase in the popularity of the opposition forces that supported the withdrawal. The article concludes that participation in the Euro-integration allowed Britain to successfully pass the period of post-imperial modernization, to become economically stronger and to grow politically.

REFERENCES

1. Holmes, R.M. (1989) *Thatcherism: Scope and Limits 1983–1987*. Oxford.
2. Obichkina, E.O. (2012) *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollia do Sarkozy (1940–2012)* [French foreign policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow: Aspekt Press.
3. Gromyko, A.A. (1980) Iz istorii vstupleniya Anglii v EES [From the history of Britain's entry into the EEC]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 54–72.
4. Young, S.Z. (1973) *Terms of Entry: Britain's Negotiations with the European Community*. London: Heinemann.
5. Gorskiy, V.A. (1998) *Glossariy po evropeyskoy integratsii. Dogovory o prisoedinenii* [Glossary on European integration. Accession Agreements]. Moscow: Interdialekt+.
6. Borko, Yu.A. (ed.) (1999) *Evropeyskiy Soyuz: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Dokumenty Evropeyskogo Soyuz* [European Union: past, present, future. Documents of the European Union]. Moscow: Interdialekt+.
7. Bull. of the European Communities. (1976) Commissions Proposals on the Fixing of Prices for Certain Agricultural Products and on the Certain Related Measures. *Bull. of the European Communities*. Brussels.
8. Russell, H. (2001) *The Making of New Labor's European Policy*. Palgrave.
9. Dale, I. & Kavanagh, D. (eds) (1997) *Labour Party General Election Manifesto 1990–1997*. London; N.Y.: Routledge.
10. Gotland, D. (1999) *Arthur Reluctant Europeans: Britain and European Integration, 1945–1998*. Longman.
11. Khesin, E.S. (2001) Velikobritaniya [United Kingdom]. *MEMO*. 8. pp. 42–56.
12. Borko, Yu.A. (ed.) (1994) *Ot edinogo rynka k Evropeyskomu Soyuzu* [From the single market to the European Union]. Moscow: Pravo.
13. Knutson, K. (2000) *Britain's Functional Approach to Integration*. Missouri: University of Missouri-Columbia.
14. Thatcher, M. (1979) *Press conference after a European Council meeting in Dublin*. Dublin.
15. May, A. (2001) *Britain the Commonwealth and Europe: The Commonwealth and Britain's Applications to Join the European Communities*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
16. Zuev, V.N. (2008) *Fenomen nadnatsional'nogo khozyaystvennogo mekhanizma Evropeyskogo soyuz* [The phenomenon of the supranational economic mechanism of the European Union]. Moscow: HSE.
17. *The Financial Times*. (1984) 22 April.
18. Fella, S. (2002) *New Labour and the European Union: Policy Transition, Electoral Strategy and the Amsterdam Treaty Negotiation*. London: Ashgate Publishing Limited.
19. Kapitonova, N.K. (1999) *Prioritety vneshney politiki Velikobritanii (1990–1997)* [British foreign policy priorities (1990–1997)]. Moscow: ROSSPEN.
20. Holmes, M. (1997) *John Major and Europe. The Failure of a Policy 1990–1997*. London: Bruges Group.
21. Dyson, K. & Kevin, D. (2009) *The Road to Maastricht. Negotiating Economic and Monetary Union*. Oxford: Oxford University Press.
22. Dunleavy, P. et al. (eds) (2003) *Developments in British Politics*. 7th ed. London: Palgrave Macmillan.
23. BBC. (2014) *UK European Parliament election results*. 06 May. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/events/vote2014/eu-uk-results>. (Accessed: 03.09.2017).
24. Cameron, D. (2015) *A new settlement for the United Kingdom in a reformed European Union*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/475679/Donald_Tusk_letter.pdf. (Accessed: 11.05.2016).
25. Jensen, M.D. & Snaith, H. (2016) When politics prevails: the political economy of a Brexit. *Journal of European Public Policy*. 29 April. [Online] Available from: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2016.1174531>. (Accessed: 17.12.2017). DOI: 10.1080/13501763.2016.1174531
26. European Council. (2016) *A New Settlement for the United Kingdom within the European Union*. [Online] Available from: <https://www.documentcloud.org/documents/2714671-FINAL-DRAFT-st00016-en16.html>. (Accessed: 12.12.2017).
27. BBC. (2016) *Referendum results*. [Online] Available from: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. (Accessed: 05.09.2017).
28. YouGov. (2016) *Introducing the YouGov Referendum Model*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/news/2016/06/21/yougov-referendum-model>. (Accessed: 03.12.2017).
29. RBK. (2016) *Devid Kameron ob "yavil o reshenii uyti v otstavku* [David Cameron announced the decision to quit]. 24 June. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru/politics/24/06/2016/576ce1809a7947e9f001ad1a>. (Accessed: 11.12.2016).
30. RBK. (2016) *Tereza Mey predupredila britantsev o "trudnykh vremenakh" v svyazi s Brexit* [Theresa May warned the British about “difficult times” in connection with Brexit]. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru/politics/04/09/2016/57cb5f649a7947703f9a6adf>. (Accessed: 20.12.2017).
31. The Independent. (2016) *Theresa May's keynote speech at Tory conference in full*. [Online] Available from: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-speech-tory-conference-2016-in-full-transcript-a7346171.html>. (Accessed: 05.01.2018).

Received: 04 April 2018

УДК 94(47+57)(571.1/5)

Н.С. Ларьков

«ПОТАНИНСКИЙ КРУЖОК» В СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Исследуются появление и функционирование в начале XX в. в сибирском городе Томске «Потанинского кружка» – неформального объединения интеллигенции вокруг известного учёного, путешественника, общественного деятеля Григория Николаевича Потанина. Обозначены два периода в истории кружка – дореволюционный и период Революции 1917 г. и Гражданской войны. Охарактеризованы основные направления и формы участия Г.Н. Потанина и его окружения в общественно-политической и культурной жизни региона в дореволюционный период. Установлены примерная численность и состав кружка, наличие устойчивого деятельного ядра из числа наиболее близких друзей и единомышленников Г.Н. Потанина, разделявших идеи сибирского областничества. Выявлено свыше 30 имён участников «Потанинского кружка».

Ключевые слова: Сибирь; Томск; начало XX в.; сибирское областничество; Г.Н. Потанин; «Потанинский кружок».

Во второй половине XIX – начале XX в. в общественно-политической жизни России большую роль играли оппозиционно настроенные неформальные объединения студентов, представителей интеллигенции, других слоёв общества. В Сибири наиболее влиятельным объединением такого рода был кружок, сложившийся в начале XX в. в Томске вокруг известного учёного, общественного деятеля, идеолога сибирского областничества Григория Николаевича Потанина.

Отдельные аспекты истории «Потанинского кружка» освещались в публикациях, посвящённых, главным образом, сибирскому областничеству, биографии Г.Н. Потанина, событиям Гражданской войны в Сибири [1–5 и др.]. Ряд сюжетов, связанных с деятельностью кружка, нашёл отражение в материалах научных конференций [6, 7 и др.]. Однако у исследователей к настоящему времени не сложилось цельного представления о «Потанинском кружке» как своеобразном историческом феномене периода социальных катаклизмов в России начала XX в. По-прежнему нет ясности относительно численности и состава кружка, его эволюции, формах и методах деятельности, степени влияния на происходившие события. Поэтому назрела необходимость восполнить имеющиеся историографические пробелы. Наряду с традиционными методами исследования, в процессе воссоздания истории «Потанинского кружка» применялись, в частности, метод просопографии, а также историко-антропологический подход, который, по справедливому замечанию О.А. Харусь, «открывает дополнительные возможности для реконструкции не только разнообразных поведенческих практик, но и образа мыслей, чувствований конкретных людей и локальных социальных общностей» [8. С. 168].

История «Потанинского кружка» явственно разделяется на два периода – дореволюционный и период Революции 1917 г. и Гражданской войны, существенно отличавшиеся друг от друга, поэтому целесообразно посвятить каждому из них отдельную статью. В настоящей статье на основе преимущественно источников личного происхождения и газетной периодики исследуется дореволюционный период существования кружка.

Приобщение Г.Н. Потанина к кружковой деятельности началось в пору его обучения в Санкт-

Петербургском университете с вхождения в 1859 г. в состав небольшого землячества сибирских студентов. Кружковцев объединяло стремление посвятить себя служению Сибири. После скорого распада этого кружка землячество сибирских студентов по инициативе Г.Н. Потанина было воссоздано. Возглавил новый кружок Н.М. Ядринцев, приехавший в августе 1860 г. в Санкт-Петербург из Томска и вскоре ставший ближайшим другом и единомышленником Г.Н. Потанина [5. С. 55–60].

Традиции объединения студентов – уроженцев одной местности или страны в землячества с целью материальной и культурной взаимопомощи были заложены ещё в университетах средневековой Европы. Студенчество российских университетов восприняло эти традиции, однако с той разницей, что здесь землячества создавались и существовали без санкции властей. Временные правила организации студенческих учреждений (кружков, касс взаимопомощи, столовых, читален и др.) в России впервые были изданы лишь в 1901 г. [9. С. 802]. Иначе говоря, землячества во второй половине XIX столетия создавались и существовали фактически нелегально. В то же время, как отмечал впоследствии Г.Н. Потанин, «нам и в голову не приходило, что мы – тайное общество: мы ни от кого не прятались и совершенно беззаботно распивали чай около самовара. У нас не было никакой организации, никаких протоколов не составлялось» [10. С. 49].

На сибирские студенческие вечеринки, которые, по свидетельству Г.Н. Потанина, устраивались еженедельно, собиралось порой свыше 20 человек. «Политической окраски эти собрания не имели, и серьёзных политических разговоров на них не велось» [Там же. С. 49]. Тем не менее внимание кружковцев постепенно стали занимать вопросы колониального положения Сибири в составе Российского государства, пути преобразований в ней, её будущего. В результате в недрах землячества оформилась своя программа, ставшая основой сибирского областничества. Участие в земляческих кружках в Санкт-Петербурге стало временем приобщения Г.Н. Потанина к общественно-политической жизни [5. С. 65, 68].

Осенью 1862 г., так и не доучившись в университете, Г.Н. Потанин был вынужден покинуть столицу. Уже в следующем году он принял участие в организации пропагандистского кружка в Омске из числа

знакомых ему местных офицеров. После переезда осенью 1864 г. в Томск Г.Н. Потанин вместе с переехавшим вслед за ним Н.М. Ядринцевым организовал здесь новый кружок, главным образом, из представителей местной интеллигенции. Особенностью томского кружка явилась попытка широкой пропаганды областнических идей на страницах газеты «Томские губернские ведомости». Участники кружка занимались также организацией публичных лекций, литературных вечеров и других мероприятий. Впоследствии Г.Н. Потанин с присущей ему сдержанностью в оценках называл эту достаточно масштабную по условиям того времени работу «скромной просветительской деятельностью» [4; 11. С. 31].

Томский кружок, как и сибирское землячество в Петербурге, не представлял собой оформленную тайную организацию. На это ещё более полувека назад обращали внимание историки, исследуя архивные документы, относившиеся к кружковой деятельности Г.Н. Потанина в 1865 г. [12. С. 504]. Тем не менее пропаганда идей сибирского областничества вызвала обеспокоенность местных властей. В результате в конце весны – летом того же года Г.Н. Потанин и другие члены кружка были арестованы и обвинены в сепаратизме. Девять последующих лет Г.Н. Потанин провёл в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Получив в 1874 г. свободу, он затем на протяжении четверти века занимался преимущественно научной работой – участвовал в экспедициях, обрабатывал полученные материалы, готовил отчёты и научные публикации.

Заключительный этап кружковой деятельности Г.Н. Потанина вновь оказался связанным с Томском, куда он перебрался в апреле 1902 г. из Иркутска. В одном из первых своих писем Григорий Николаевич сообщал: «Живая просветительная деятельность здешней интеллигенции, более живая, чем в Иркутске, надеюсь, втянет меня в томскую жизнь и овладеет мной» [13. С. 56]. Однако на первых порах процесс «втягивания» идеолога сибирского областничества в просветительно-пропагандистскую работу протекал не просто. «По своим убеждениям и стремлениям я не имею единомышленников, – сетовал Г.Н. Потанин. – Я встречаюсь часто с здешними журналистами и передовыми людьми, но я не солидарен с их программами или солидарен только в немногих пунктах. Это чувство пустыни мучительно...». Кроме того, Г.Н. Потанина угнетало, по его собственному признанию, отсутствие «политической свободы» [Там же. С. 72, 98].

Тем не менее Григорий Николаевич достаточно быстро был «поглощён местной деятельностью». Он познакомился с профессорами томских вузов – И.А. Базановым, Н.Ф. Кашенко, М.И. Боголеповым, И.А. Малиновским, М.Н. Соболевым, В.В. Сапожниковым, с ректором технологического института Е.Л. Зубашевым, с юристами либеральной политической ориентации А.В. Витте, А.Н. Гаттенбергером. Посещал художественные вечера, устраиваемые Л.П. Базановой. Однажды до 4 часов ночи пробыл на «декадентском вечере». Вскоре на своей квартире Г.Н. Потанин стал устраивать так называемые журфиксы¹, на которые собирались от двух-трёх до

десятка с лишним представителей местной интеллигенции – от профессоров до курсисток и учительниц [13. С. 69–72, 81].

Григорий Николаевич стал активно сотрудничать в местных газетах. В его окружение вошёл ряд томских журналистов, редакторов, издателей, среди которых были С.П. Швецов, М.Н. Загibalов, А.А. Грацианов, А.Н. Шипицын. Сам Г.Н. Потанин вместе с А.М. Головачевым и П.И. Макушиным в 1903–1904 гг. участвовал в редактировании иллюстрированного воскресного приложения к газете «Сибирская жизнь», в 1903 г. был приглашён в редколлегия «Сибирского вестника» [Там же. С. 79, 101], а некоторое время спустя принял участие в проекте издания в Томске газеты «Народное дело». Издателем выступал врач Н.В. Соколов, а Г.Н. Потанин вместе с А.А. Силиным должны были стать ответственными редакторами. В начале января 1906 г. было получено разрешение на издание газеты, однако проекту этому не суждено было осуществиться [14. С. 224]. На страницах местной печати, прежде всего, в газете «Сибирская жизнь», в дореволюционный период увидели свет десятки публикаций Г.Н. Потанина, в том числе его основополагающая работа «Областническая тенденция в Сибири» в 4 частях, обширные «Воспоминания» и др. [15. С. 116–120].

Активной публицистической деятельностью занимались многие единомышленники Григория Николаевича, составившие его ближайшее окружение, фактически основу «Потанинского кружка». Они не только регулярно печатались на страницах газет и журналов, но и участвовали нередко в формировании редакционной политики. В частности, М.Н. Вознесенский и П.В. Вологодский в 1904–1905 гг. входили в состав редакции газеты «Сибирский вестник», П.В. Вологодский в 1916–1917 гг. был соредактором самой влиятельной региональной газеты «Сибирская жизнь». Вс.М. Крутовский работал ответственным секретарём «Сибирской жизни». А.В. Адрианов в этой же газете заведовал в 1910 г. сибирским отделом, а в 1912 г. вошёл в редакционный совет «Сибирского товарищества печатного дела» в Томске. М.Б. Шатилов некоторое время в 1912 г. редактировал «Сибирскую жизнь», а в 1914–1916 гг. – журнал «Сибирский студент».

Активизация общественной жизни в начале XX столетия в России, появление различного рода общественных объединений открыли дополнительные возможности для пропаганды идей и взглядов сибирских областников, для расширения их просветительской деятельности с целью формирования сибирского областного самосознания. Почти сразу же после переезда в Томск, 29 мая 1902 г. Г.Н. Потанин был избран здесь в совет Общества попечения о начальном образовании, возглавив его музейную комиссию [16. С. 132]. С 6 марта 1904 г. Григорий Николаевич стал председателем Общества попечения о начальном образовании, а П.В. Вологодский – его товарищем (заместителем) [17. С. 104]. Г.Н. Потанин и А.В. Витте сыграли ведущую роль в организации клуба «Парус». На состоявшемся 3 сентября 1905 г. первом его общем собрании было выбрано постоянное правление, в

состав которого вошли А.В. Витте, Е.А. Семенов, А.М. Головачев, М.Р. Бейлин и И.И. Печокас. Целью «Паруса» была организация досуга местной интеллигенции в форме обмена мнениями по поводу новинок литературы и публицистики. К началу сентября в клубе состояло 35 членов, но уже вскоре их количество выросло [18. С. 145, 169]. Однако в условиях спада Первой русской революции и некоторое время после её подавления общественно-политическая жизнь в Томске стараниями власти была заглушена. В результате клуб «Парус» просуществовал всего лишь несколько месяцев [Там же. С. 169]. Постановлением временного Томского генерал-губернатора К.С. Нолькена 30 января 1906 г. была прекращена и деятельность Общества попечения о начальном образовании [17. С. 113].

Новое оживление началось после отмены в Томске с 1 мая 1908 г. военного положения. Особенно плодотворным для Г.Н. Потанина и его ближайшего окружения был период с осени 1908 г. до начала 1911 г. – время пребывания в должности Томского губернатора Н.Л. Гондатти – учёного, автора ряда работ в области антропологии, этнографии. «Томск с уходом Нолькена зажил головокружительно, – с удовлетворением отмечал Г.Н. Потанин. – Сколько лекций, сколько заседаний учёных обществ, концертов, юбилеев, литературных вечеров» [13. С. 313–314]. Действительно, в этот период при непосредственном участии Г.Н. Потанина в Томске был создан Литературно-артистический кружок, первое собрание которого состоялось 20 сентября 1909 г. в присутствии 27 человек. Г.Н. Потанин с А.Н. Гаттенбергером были избраны кандидатами в члены правления кружка. В правление входили М.Б. Шатилов, В.Я. Шишков, М.Е. Вейнберг, М.М. Щеглов, Вс.М. Крутовский. Главной целью кружка было «общение и объединение деятелей литературы и искусства и распространение в публике интереса к литературе и искусству» [5. С. 208–209; 13. С. 193, 196; 19]. Вместе с А.В. Адриановым, А.М. Головачевым, Н.Я. Новомбергским и другими Г.Н. Потанин выступил в качестве члена – учредителя Общества попечения о народном образовании в Томске [20. С. 9–10], открывшегося 8 ноября 1909 г.

Ближайший друг и единомышленник Г.Н. Потанина А.В. Адрианов принял участие в создании Первого Сибирского хорового певческого общества, открытого в Томске 14 декабря 1908 г. (избран членом его правления), и Томского общества содействия вечерним общеобразовательным классам (избран председателем, а А.Н. Гаттенбергер – товарищем председателя) [21. С. 119, 132; 22. С. 268]. В следующем году он вместе с Г.Н. Потаниным выступил инициатором создания Томского общества любителей художеств и избран его секретарем. Общество устраивало ежегодные художественные выставки, организовало классы живописи и рисования [17. С. 123; 22. С. 269].

В 1909 г. в Томске была реализована идея издания литературно-художественного журнала «Молодая Сибирь», в котором печатались Г.Н. Потанин и входившие в его кружок А.В. Адрианов, Н.Я. Новомбергский, Г.А. Вяткин, Г.Д. Гребенщиков. В 1910 г. вместо «Молодой Сибири» издавался журнал «Сибирская

новь», большинство номеров которого редактировал Г.Д. Гребенщиков.

Г.Н. Потанин был одним из учредителей Сибирских высших женских курсов, открывшихся осенью 1910 г. в Томске. Он состоял в совете Томского педагогического общества [21. С. 123], в Юридическом обществе при Томском университете, куда входили областники Н.Я. Новомбергский, А.М. Головачев, П.В. Вологодский, В.И. Анучин, М.Н. Вознесенский, А.В. Витте, А.Н. Гаттенбергер. Многие из них участвовали в подготовке «Проекта основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», в выработке предложений о реформе местного суда в Сибири и др. [18. С. 131, 274]. Г.Н. Потанин был избран также почётным членом Томского церковно-историко-археологического общества, торжественное открытие которого состоялось 1 мая 1916 г. [23. С. 335–336].

Развитием и пропагандой идей областничества было призвано заниматься организованное при непосредственном участии Г.Н. Потанина и его ближайшего окружения Томское общество изучения Сибири, открывшееся 23 апреля 1909 г. Г.Н. Потанин входил в совет общества в качестве товарища председателя. А.В. Адрианов первоначально избирался секретарём, а с 24 апреля 1911 г. стал его председателем. На 1 января 1911 г. в Обществе состояло 72 человек, в том числе 13 иногородних [18. С. 305; 21. С. 105; 22. С. 269]. После трёхлетнего существования Общества изучения Сибири на общем собрании 8 марта 1912 г. по докладу Г.Н. Потанина единогласно было принято решение о его преобразовании в Томский отдел Императорского русского географического общества [18. С. 317; 24].

Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов состояли почётными членами «Сибирского кружка томских студентов», образованного в 1907 г. при Томском университете. К ноябрю 1908 г. кружок насчитывал около 60 человек. На его заседаниях обсуждались проблемы, связанные с насущными потребностями региона. На одном из заседаний кружка Г.Н. Потанин выступил с докладом «Областническая тенденция в Сибири» [18. С. 256; 25. С. 15].

В 1909 г. А.В. Адрианов стал членом инициативной группы по созданию в Томске «этнографического и археологического музея народов Сибири под открытым небом». Городская дума 3 февраля 1911 г. приняла решение о создании «областного Сибирского научно-художественного музея», в состав комитета по организации которого вошли Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов (в качестве секретаря) [21. С. 155–156; 22. С. 198, 269].

13 февраля 1911 г. Г.Н. Потанин писал М.Г. Васильевой: «У меня завелись журфиксы (пятницы) для молодых литераторов. Собираются Гребенщиков, Шишков, Корнилов (якут), Крутовский (секретарь «С[ибирской] жизни»), Прохоров (художник, ученик Репина), Анохин (собирает монгольских и тюркских вокальных мотивов) и Адрианов» [13. С. 351]. В частности, в «Потанинском кружке» прочитал ряд своих произведений, в том числе первый вариант повести «Тайга», будущий известный российский писатель В.Я. Шишков [26. С. 18].

Впрочем, не только пятницы у Г.Н. Потанина были насыщены встречами. Об этом свидетельствуют его письма к М.Г. Васильевой: «Днём мне не даёт опомниться общественная жизнь; я всё на людях, всё на улице...» (15 октября 1909 г.) [13. С. 205]. «Каждый вечер хожу куда-нибудь на заседание; сейчас вот только с заседания правления Общества художников, вчера утром – на чествовании памяти Лесгафта, обедал в 4½ часа у Сапожникова с шампанским (пили в честь 20-летнего его служения науке), третьего дня в годовичном собрании Общества изучения Сибири; завтра буду на засед[ании] Общества женского унив[ерсите]та в Сибири под председательством Маргариты Мечиславовны Гондатти, в пятницу – годовичное собрание Литерат[урного] кружка, в субботу – вечер у Обручева и в воскресенье – общее собрание художников» (из письма от 4 февраля 1910 г.) [Там же. С. 249]. «В субботу и утром, и вечером были гости; утром адвокатура, Головачев и Вологодский, вечером Крутовский... В воскресенье... вечером меня посетили супруги Вейнберги и опять Крутовский... А завтра у меня в квартире заседание совета Общества изучения Сибири» (28 февраля 1911 г.) [Там же. С. 360–361].

Посетовав в одном из писем в декабре 1910 г., что у него отнимают время «разные вечера, концерты, на которых необходимо быть для засвидетельствования сочувствия», Григорий Николаевич тем не менее с удовлетворением признавался: «Я люблю полноту умственной и общественной жизни и теперь живу вовсю» [Там же. С. 313–314]. Свою активную общественную деятельность он объяснял следующим образом: «Я получаю пенсию из двух источников, но оба эти источника черпают свои средства из главного источника – из народных денег. Поэтому я считаю себя обязанным возратить народу эти деньги своим трудом; считаю своим долгом служить сибирскому народу, нужды которого я лучше чувствую. Я должен защищать его интересы» [Там же. С. 285]. Между прочим, через Г.Н. Потанина в течение многих лет осуществлялась передача денег, собранных для политкаторжан и ссыльных революционеров [3. С. 253].

«Служение сибирскому народу» в полной мере было присуще и окружению Г.Н. Потанина. Так, П.В. Вологодский в дореволюционный период входил в состав 15 различных обществ, причём в 13 из них состоял членом правления [27. С. 21]. Едва ли не то же самое можно сказать о А.Н. Гаттенбергере. «В Томске, кажется, не было ни одной общественно-политической, культурно-просветительной организации, в которой бы А.Н. Гаттенбергер не состоял председателем или товарищем председателя», – отмечалось в местной газете (Цит. по: [28. С. 31]). Г.Н. Потанин и участники его кружка предпринимали небезуспешные попытки расширить свою деятельность далеко за пределами Томска. Так, В.И. Анучин в 1912 г. совершил «лекционное турне» по городам Сибири. В Иркутске, Новониколаевске, Барнауле и Бийске он прочитал лекции «О прошлом Сибири» и «О шаманстве» [29].

Таким образом, в начале XX в. разнообразная просветительно-пропагандистская деятельность для Г.Н. Потанина и его ближайшего окружения по-

прежнему находилась на первом месте. Протекала она далеко не без трудностей. Сам Григорий Николаевич отмечал, что многие из членов просветительных обществ «не живут интересами своих обществ, не зажимаются теми целями, для которых общества основаны». В результате деятельность «ведётся в каждом из них только небольшой группой членов» [29]. Основу таких групп как раз и составляли участники «Потанинского кружка».

Постепенно менявшаяся в России социально-политическая и экономическая ситуация – события Первой русской революции, выборы в Государственную думу, появление многопартийности, ускорившаяся динамика экономического развития Сибири с проведением Транссибирской железнодорожной магистрали и др. – побуждали участников «Потанинского кружка» расширять направления, формы и методы своей деятельности.

Областники стали принимать активное участие в органах местного самоуправления. Так, П.В. Вологодский, начиная с 1901 г., на протяжении последующих полутора десятков лет избирался гласным Томской городской думы, входил в состав более 20 думских комиссий и возглавлял некоторые из них, в частности исполнительную Училищную комиссию, комиссию по разработке программы празднования 300-летнего юбилея Томска [27. С. 21; 30. С. 150]. Гласными Томской городской думы избирались и другие участники «Потанинского кружка» – А.В. Адрианов, А.А. Грацианов, А.Н. Шипицын, М.Н. Загibalов. Они также входили в различные комиссии, создававшиеся думой: в 1905 г. – в комиссию по сбору материалов и подготовке проектов земской реформы (А.Н. Шипицын, П.В. Вологодский, М.Н. Загibalов) [18. С. 135], в 1912 г. – в ревизионную комиссию (А.В. Адрианов) [22. С. 269]. А.А. Грацианов возглавил созданную 16 декабря 1915 г. комиссию для разработки вопроса о расширении избирательных прав населения при выборах гласных в городскую думу и о расширении бюджетных и финансовых прав томского городского общественного управления. Он являлся также председателем ревизионной комиссии Томской городской думы, заведовал санитарным бюро городской управы, а в апреле 1915 г. в Омске, будучи делегатом съезда представителей городов Западной Сибири, избирался товарищем (заместителем) председателя съезда [18. С. 363–364, 371]. П.В. Вологодский в ноябре 1904 г. участвовал в качестве делегата от Томской городской думы в работе первого Всероссийского земского съезда в Москве, после возвращения с которого вместе с Г.Н. Потаниным, М.П. Головачевым, С.П. Швецовым вошёл в созданную в Томске организационную комиссию по проведению банкетной кампании, инициированной II съездом «Союза освобождения» [18. С. 117]. Сам Г.Н. Потанин в сентябре 1905 г. принял участие в съезде городских и земских деятелей в Москве. П.В. Вологодский в 1906 г. избирался выборщиком от Томска на выборах в 1-ю Государственную думу, а в мае 1907 г. был избран депутатом 2-й Государственной думы от Томской губернии [31. С. 13–14].

На революционной волне 1905 г. Г.Н. Потаниным и его единомышленниками была предпринята попытка организационного оформления сибирского областничества. В мае 1905 г. М.Н. Вознесенский опубликовал в газете «Сибирский вестник» статью о необходимости создания Сибирской областной думы. 28–29 августа на квартире П.В. Вологодского состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором были приняты его «Основные положения». Однако, по признанию самого Г.Н. Потанина, эта попытка объединения в 1905 г. сибирского общества идей Областной думы оказалась преждевременной. Тем не менее, по справедливому утверждению исследователей, областники «приобрели первый опыт участия в реальной политической жизни Сибири» [4. С. 142].

Таким образом, с переездом в начале XX столетия в Томск вокруг Г.Н. Потанина постепенно образовалось неформальное объединение – кружок представителей местной интеллигенции, разделявших идеи областничества, почитателей его таланта, научного творчества, его энциклопедических знаний. Однако авторитет и влияние идеолога сибирского областничества в тот период распространялись далеко за пределы Томска. «Григорий Николаевич, – по словам М.М. Щеглова, – был центром передовой мыслящей интеллигенции Сибири» (Цит. по: [32. С. 339]). В результате можно говорить о своеобразной «географической периферии» «Потанинского кружка», которую составляли в Иркутске, Красноярске и некоторых других сибирских городах такие видные общественные деятели, как К.В. Дубровский, Н.Н. Козьмин, И.И. Серебренников, Г.Б. Патушинский.

Неформальный статус «Потанинского кружка» не даёт возможности точно определить его численность и состав. Один из ведущих исследователей истории сибирского областничества М.В. Шиловский называет, кроме самого Григория Николаевича, имена 10 человек из ближайшего его окружения, составлявших, фактически, основу кружка. Это А.В. Адрианов, П.В. Вологодский, А.Н. Гаттенбергер, М.Б. Шатилов, Н.Я. Новомбергский, В.И. Анучин, Н.В. Соколов, Ф.И. Зобнин, А.Н. Шипицын, Вс.М. Крутовский [33. С. 186]. Сохранившаяся групповая фотография «Потанинского кружка», сделанная предположительно в 1912 г., на которой запечатлены 14 человек, позволяет дополнить этот список именами М.М. Голодникова, В.Я. Шишкова, Г.Д. Гребенщикова, М.М. Щеглова, М.Г. Васильевой-Потаниной, М.А. Бауэра, Г.А. Вяткина [34. Ил. 6 между с. 128 и 129]. Кроме того, анализ различных исторических источников даёт основание отнести к числу участников «Потанинского кружка» в дореволюционный период также С.П. Швецова, М.Н. Вознесенского, А.А. Грацианова, В.В. Сапожникова, М.Н. Загibalова, Л.М. Загibalова, М.О. Курского, А.В. Витте, С.К. Просвиркиной, А.М. Головачева, М.П. Головачева, Л.П. Базановой, С.М. Прохорова, А.В. Анохина, Корнилова, Л.А. Уткина, А.А. Ворониной (Уткиной). Таким образом, с учётом ряда безымянных участников кружка, в том числе посетителей Потанинских журфиксов, его численность достигала нескольких десятков человек.

При этом нужно иметь в виду, что состав «Потанинского кружка» на протяжении полутора десятков дореволюционных лет не был постоянным. В результате некоторые его члены оказывались даже лично не знакомыми между собой. Такая текучесть была обусловлена как добровольными переездами, так и репрессиями со стороны властей. В частности, М.О. Курский, переехавший в 1907 г. в Томск, спустя 5 лет вернулся обратно в Барнаул. М.М. Щеглов жил в Томске с 1906 по 1913 г., Г.Д. Гребенщиков – в 1909–1912 гг., Вс.М. Крутовский – с 1909 до 1916 г., С.М. Прохоров – в 1910–1913 гг. В.И. Анучин появился здесь лишь в 1911 г., переехав из Красноярска. Ещё позднее, осенью 1914 г., перебрался из Барнаула в Томск Ф.И. Зобнин. Студент Томского университета Л.М. Загibalов, будучи в годы Первой русской революции отчислен из вуза, продолжал обучение в Германии. В Томске он вновь оказался только в конце 1917 г. В 1906 г. в административном порядке на несколько месяцев высылался из Томска ближайший единомышленник Григория Николаевича П.В. Вологодский [35]. Другой деятельный участник кружка, А.В. Адрианов, в 1913 г. по постановлению министра внутренних дел был выслан из города «как изобличенный в революционной агитации» [22. С. 270]. В Томск он вернулся только в начале 1917 г. В поисках лучших условий для жизни и творчества оставили Томск некоторые молодые кружковцы. Г.Н. Потанин был весьма огорчён, в частности, переездом в Тифлис супругов Уткиных [36. С. 29], на Украину – М.М. Щеглова. Узнав о переезде в 1915 г. в Петроград В.Я. Шишкова, упрекал его: «Это измена Сибири. Вы забудете Сибирь. Вы ей нужны. Она так бедна талантами!» [37. С. 57].

Участники «Потанинского кружка» различались по возрасту, роду занятий, уровню образования. Здесь были университетские профессора (Н.Я. Новомбергский, В.В. Сапожников), студенты, курсистки, недавние выпускники университета (Л.А. Уткин, М.Б. Шатилов), представители художественной интеллигенции (композитор А.В. Анохин, художник-скульптор С.К. Просвиркина, художники М.М. Щеглов, Л.П. Базанова, С.М. Прохоров, А.А. Уткина), писатели и поэты (Г.Д. Гребенщиков, В.Я. Шишков, Г.А. Вяткин, М.Г. Васильева-Потанина), журналисты, учителя (М.О. Курский), врачи (Н.В. Соколов, А.А. Грацианов), мировой судья, позднее – инспектор страхового общества, статский советник А.Н. Гаттенбергер, чиновник акцизного управления Ф.И. Зобнин и др. Некоторые из них под влиянием Г.Н. Потанина занимались не только широкой просветительской деятельностью, но и научными изысканиями, участвовали в экспедициях. К примеру, А.В. Анохин изучал музыкальную культуру, мифологию, верования коренных народов юга Сибири, принимал участие в экспедициях по Южной Сибири, Монголии, Восточному Казахстану.

«Потанинский кружок» объединял как беспартийных, к числу которых принадлежал сам Григорий Николаевич, так и отдельных представителей политических партий, с которыми началось в этот период взаимодействие сибирских областников. Здесь были

бывшие политические ссыльные С.П. Швецов, А.Н. Шипицын, революционер-народник М.Н. Загибалов, члены партии народной свободы А.В. Витте, А.Н. Гаттенбергер, Вс.М. Крутовский, Н.Я. Новомбергский, социалисты-революционеры М.Н. Вознесенский, М.Б. Шатилов, некоторое время примыкавший к эсерам П.В. Вологодский. Из числа эсеров в окружении Г.Н. Потанина оказался сомнительный в моральном отношении В.И. Анучин, который был не чужд фальсификациям и подлогам, за что Г.Н. Потанин охарактеризовал его в 1913 г. как «морального анархиста», а А.В. Адрианов назвал «жуликом» [35. С. 90]. Однако интеллигентский по социальному составу «Потанинский кружок» в основе своей вместе с лидером оставался надпартийным, хотя по идеологической окраске тяготел всё же к конституционным демократам. Нельзя не отметить также, что уровень восприятия кружковцами идей сибирского областничества в силу разных причин был неодинаковым. Наряду с убеждёнными областниками, в ядро кружка входили и умеренные «сибирефилы». К примеру, А.Н. Гаттен-

бергер, переехавший в Сибирь из Европейской России, не был «крайним областником» [28. С. 29].

Подводя итог дореволюционному периоду деятельности «Потанинского кружка», можно отметить следующие его характерные черты: признанное идейное лидерство, моральный авторитет Г.Н. Потанина; объединяющая кружковцев идея сибирского областничества, «сибирефильство»; неформальный характер; наличие устойчивого деятельного ядра из числа наиболее близких друзей и единомышленников Григория Николаевича; более-менее регулярные встречи участников кружка в разных форматах и составах, на разных площадках (на частных квартирах, общественных мероприятиях, в редакциях газет и др.); распространение влияния «Потанинского кружка» далеко за пределы Томска; реализация задач преимущественно просветительского и пропагандистского характера; начавшаяся активизация общественно-политической деятельности в условиях углублявшегося системного кризиса Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журфикс (от фр. *jour fixe* – фиксированный день) – в дореволюционной России определенный день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приема гостей, которые могли приходить без приглашения.

ЛИТЕРАТУРА

- Вегман В.Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией (К истории возникновения Сибирской областной думы) // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–117.
- Разгон И.М., Плотникова М.Е. Г.Н. Потанин в годы социалистической революции и Гражданской войны в Сибири // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 158. Сер. историческая. Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965. С. 138–153.
- Славнин В. Потанинская эпопея // Томск сокровенный. Томск : Том. кн. изд-во, 1991. С. 241–272.
- Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
- Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск : ИД «Сова», 2004. 244 с.
- Ларьков Н.С. О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История Белой Сибири : материалы 6-й Междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 года. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. С. 206–211.
- Виноградова Ю.В. Формирование кружка Г.Н. Потанина // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов Всерос. молодежной науч. конф. (18–20 апр. 2012 г.). Томск : Том. гос. ун-т, 2012. Вып. 8. С. 21–25.
- Харусь О.А. Юридическая интеллектуальная элита Томска в начале XX века: Contra революция (из теоретического наследия И.А. Малиновского и И.В. Михайловского) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424.
- Университет // Энциклопедический словарь. Т. XXXIV^А / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902.
- Потанин Г.Н. Воспоминания (отрывки) // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; Сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002.
- Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. 12 янв.
- Кошелев Я.Р., Пелих Г.И. К вопросу о кружке Г.Н. Потанина в Томске (неопубликованные материалы) // Учёные записки Томского государственного педагогического института. 1957. Т. XVI.
- Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004.
- Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.
- Сибирское областничество: библиографический справочник. Томск; Москва : Водолей, 2002.
- Родионова Т.В. Участие Г.Н. Потанина в деятельности музея прикладных знаний в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4 (16).
- Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Т. 1: 1880–февраль 1917 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013.
- Сибирская жизнь. Томск. 1909. 22 сент.
- Устав Общества попечения о народном образовании в г. Томске. [Томск] : Пар. тип. Н.И. Орловой, [1909].
- Весь Томск: Адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. [Томск], 1911.
- Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007.
- Из епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1916. 15 мая. № 10.
- Сибирская жизнь. Томск. 1912. 10 марта.
- Шиловский М.В. Концептуальные подходы Г.Н. Потанина к развитию образования в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28).
- Казаркин А. Вехи литературной жизни Томска // Томские писатели. Томск : [Красное знамя], 2008.
- Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.
- Звягин С.П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011.

29. Потанин Г.Н. Культурная жизнь в Томске в 1912 году // Сибирская жизнь. 1913. 8 февр.
30. Казакова Е.А. Документальные материалы Государственного архива Томской области о деятельности П.В. Вологодского в дореволюционный период // Документ в меняющемся мире : материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Том. гос. ун-т, 2004.
31. Вульф Д.Г., Ларьков Н.С., Ляндрес С.М. П.В. Вологодский и его дневник // П.В. Вологодский. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.
32. Колосова Г.И. Письма как источник раскрытия взаимоотношений Г.Н. Потанина с представителями художественной среды Томска начала XX в. // Документ: история, теория, практика : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.
33. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : ИД «Сова», 2008.
34. Азадовская Л.В., Азадовский К.М. История одной фальсификации. М. : РОССПЭН, 2011.
35. П.В. Вологодский // Сибирская жизнь. 1917. 23 авг.
36. Уткина А. Мои встречи и знакомство с Григорием Николаевичем Потаниным // Сибирская старина. Томск. 1994. № 6.
37. Еселев Н. Шишков. М. : Молодая гвардия, 1973.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2018 г.

“POTANIN’S CIRCLE” IN SIBERIA DURING THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 135–142.

DOI: 10.17223/15617793/435/17

Nikolay S. Larkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Keywords: Siberia; Tomsk; early 20th century; Siberian regionalism (oblastничество); G.N. Potanin; “Potanin’s Circle”.

The article aims to reconstruct the history of the so-called “Potanin’s Circle” – an informal group of Siberian intellectuals in Tomsk that gathered around the famous scientist, civic leader and the ideologist of Siberian oblastничество (regionalism) Grigory Potanin. On the one hand, the work of the circle reflected the escalating socio-political instability in Russia at the beginning of the twentieth century; on the other hand, it demonstrated the aspiration of the intellectual elite to have progressive influence on social, political and cultural life in Siberia. Thus far, Potanin and the Siberian oblastничество have been widely discussed in the historical literature. However, this discussion covers only a few aspects and subjects related to this circle. The history of Potanin’s Circle can clearly be divided into two periods: the pre-revolutionary period and the period of the Revolution of 1917 and the Russian Civil War. This article discusses the pre-revolutionary period of the circle’s history and focuses on such little-studied topics as the formation and the evolution of the circle, its size and social structure, the main directions and the forms of cultural-educational and socio-political work of its members, its role and place in the socio-political life of Tomsk and, on the whole, in the socio-cultural landscape of Siberia. The author uses a prosopographic method and a historical-anthropological approach along with the traditional principles and methods of the historical research. This research is mostly based on personal records (letters, memoirs) and periodicals from this period. The conducted research shows that the formation of the circle was related to Potanin’s moving to Tomsk to reside there in 1902. A few factors became a bonding basis of the circle: the fact that Potanin was a well-known scientist, traveller and civic leader; his high moral authority among Siberian intellectuals; the idea of Siberian oblastничество. Some members of the circle, like Grigory Potanin himself, were politically uncommitted, but there also were representatives of the political parties that Siberian regionalists were collaborating with at that time. Still, by its nature Potanin’s Circle remained non-partisan although its members were leaning towards constitutional-democratic ideas. Due to various reasons, the members of the circle did not have the same understanding of the ideas of oblastничество. The circle had a few prominent features: its informal character, its stable and active core consisting of Potanin’s close friends and associates; its regular meetings that took place in various forms and circumstances (private apartments, public events and venues, newspaper editorial offices, etc.); its wide influence that went far beyond Tomsk; its mostly educational and propagandist tasks; its intensifying social and political activity against the background of the escalating systemic crisis in the Russian Empire.

REFERENCES

1. Vegman, V.D. (1923) Oblastnicheskie illyuzii, rasseyannye revolyutsiei (K istorii vozniknoveniya Sibirskoy oblastnoy dумы) [Regional illusions scattered by the revolution (On the history of the Siberian Regional Duma)]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 89–117.
2. Razgon, I.M. & Plotnikova, M.E. (1965) G.N. Potanin v gody sotsialisticheskoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Sibiri [G.N. Potanin during the years of the socialist revolution and the civil war in Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva*. 158(2). pp. 138–153.
3. Slavnin, V. (1991) *Tomsk sokrovennyy* [The inmost Tomsk]. Tomsk: Tom. kn. izd-vo. pp. 241–272.
4. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopaedist of Siberia: Experience of understanding the personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
5. Shilovskiy, M.V. (2004) “*Polneyshaya samootverzhennaya predannost’ nauke*”. G.N. Potanin: Biograficheskyy ocherk [“A complete selfless dedication to science.” G.N. Potanin: A biographical essay]. Novosibirsk: ID “Sova”.
6. Lar’kov, N.S. (2005) [On the role of “Potanin’s Circle” in the consolidation of anti-Bolshevik forces in Siberia]. *Istoriya Beloy Sibiri* [History of White Siberia]. Proceedings of the 6th International Conference. 7–8 February 2005. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 206–211. (In Russian).
7. Vinogradova, Yu.V. (2012) [The formation of the Circle of G.N. Potanin]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Questions of history, international relations and documentation management]. Proceedings of the All-Russian Conference. 18–20 April 2012. Is. 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–25. (In Russian).
8. Kharus’, O.A. (2017) The legal elite of Tomsk in the early twentieth century: contra the revolution (based on theoretical writings by I.A. Malinovsky and I.V. Mikhailovskiy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 158–174. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/23
9. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1902) Universitet [University]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXIVA. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron).
10. Potanin, G.N. (2002) Vospominaniya (otryvki) [Memories (excerpts)]. In: Serebrennikov, N.V. *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The case of the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Potanin, G. (1914) Vospominaniya [Memories]. *Sibirskaya zhizn’*. 12 January.
12. Koshelev, Ya.R. & Pelikh, G.I. (1957) K voprosu o kruzhke G.N. Potanina v Tomske (neopublikovannye materialy) [On the issue of the Circle of G.N. Potanin in Tomsk (unpublished materials)]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. XVI.

13. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) "*Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu*": *Perepiska* ["I want to serve you, to dress you in my love"]: Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the city of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Bykova, S.S. et al. (eds) (2002) *Sibirskoe oblastничество: biobibliograficheskiy spravochnik* [Siberian regionalism: a biobibliographic reference]. Tomsk; Moscow: Vodoley.
16. Rodionova, T.V. (2011) G.N. Potanin's contribution to the development of tomsk museum of applied knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (16). (In Russian).
17. Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyakh* [Day after day, year after year: a chronicle of the life of Tomsk in the 17th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Chernyak, E.I. (ed.) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
19. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) 22 September.
20. Anon. [1909] *Ustav Obshchestva popecheniya o narodnom obrazovanii v g. Tomsk* [The Charter of the Society for the Care of Public Education in the city of Tomsk]. [Tomsk]: Par. tip. N.I. Orlovoy.
21. Chavykin, G.V. (1911) *Ves' Tomsk: Adresno-spravochnaya knizhka na 1911–1912 gg.* [All of Tomsk: Address book for 1911–1912]. [Tomsk]: [s.n.].
22. Adrianov, A.V. (2007) "*Dorogoy Grigoriy Nikolaevich...*": *pis'ma G.N. Potaninu* ["Dear Grigory Nikolayevich...": letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) Iz eparkhial'noy khroniki [From the Diocese Chronicle]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 May. 10.
24. *Sibirskaya zhizn'*. (1912) 10 March.
25. Shilovskiy, M.V. (2014) Conceptual Approaches of G.N. Potanin to the Development of Education in Siberia (the Second Half of the XIX Early XX Centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (28). (In Russian).
26. Kazarkin, A. (2008) Vekhi literaturnoy zhizni Tomsk [Milestones of the literary life of Tomsk]. In: Kryukov, V. & Skarlygin, G. *Tomskie pisateli* [Tomsk writers]. Tomsk: [Krasnoe znamya].
27. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' (1863–1920 gg.)* [P.V. Vologodsky: personality and socio-political activities (1863–1920)]. Abstract of History Cand. Dis. Tomsk.
28. Zvyagin, S.P. (2011) *Rukovoditeli Tomskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [The leaders of Tomsk Province during the Civil War (1918–1919)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
29. Potanin, G.N. (1913) Kul'turnaya zhizn' v Tomsk v 1912 godu [Cultural life in Tomsk in 1912]. *Sibirskaya zhizn'*. 8 February.
30. Kazakova, E.A. (2004) [Documentary materials of the State Archive of Tomsk Oblast on the activities of P.V. Vologodsky in the pre-revolutionary period]. *Dokument v menyayushchemsya mire* [Document in a changing world]. Proceedings of the First All-Russian Conference. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
31. Vul'f, D.G., Lar'kov, N.S. & Lyandres, S.M. (2006) P.V. Vologodskiy i ego dnevnik [P.V. Vologodsky and his diary]. In: Vologodskiy, P.V. *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile: The diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and the émigré in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastnyy izdatel' P. A. Tribunskiy.
32. Kolosova, G.I. (2012) [Letters as a source of disclosure of the relationship of G.N. Potanin with representatives of the artistic environment of Tomsk at the beginning of the 20th century]. *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: history, theory, practice]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
33. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: ID "Sova".
34. Azadovskaya, L.V. & Azadovskiy, K.M. (2011) *Istoriya odnoy fal'sifikatsii* [The story of a falsification]. Moscow: ROSSPEN.
35. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) P.V. Vologodskiy. *Sibirskaya zhizn'*. 23 August. (In Russian).
36. Utkina, A. (1994) *Moi vstrechi i znakomstvo s Grigoriem Nikolaevichem Potaninym* [My meetings and acquaintance with Grigory Potanin]. *Sibirskaya starina*. 6.
37. Eselev, N. (1973) *Shishkov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Received: 12 September 2018

В.В. Петрик

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х гг. XX в.

Рассматриваются особенности развития высшего технического образования в Сибири во второй половине 1960-х гг. На базе архивных источников и материалов охарактеризована подготовка инженерных кадров в различных группах технических вузов. Анализируются изменения в их материально-технической базе, структуре факультетов и специальностей, соотношении форм обучения – дневного, вечернего и заочного. Особое внимание уделено вопросам социально-бытового устройства преподавателей и студентов.

Ключевые слова: высшая техническая школа; Сибирь; факультеты и специальности; материальная база вузов; контингент студентов.

Развитие производительных сил Сибири в послевоенный период явилось объективной основой для роста высшей технической школы, которая к середине 1960-х гг. уже представляла сеть учебных заведений, условно разделяемую на две группы.

Первую группу составляли политехнические институты. Это крупные учебные центры, которые вели подготовку кадров на широкой общенаучной, общинженерной основе по самым различным специальностям. К примеру, в 1966/67 учебном году Томский политехнический институт (ТПИ) вел подготовку кадров по 46 специальностям, Алтайский (АПИ), Иркутский (ИПИ), Кузбасский (КузПИ) и Омский (ОмПИ) технические вузы соответственно по 15, 17, 16 и 12 [1]. Практика показывала, что именно крупные вузы экономически более выгодны. В небольших труднее было сформировать высококвалифицированные научно-педагогические коллективы, оснастить лаборатории современным оборудованием, вести серьезную научную работу. Поэтому они не могли обеспечить качественную подготовку высококвалифицированных инженерных кадров.

Вторую группу технических вузов в рассматриваемый период составляли отраслевые институты, готовившие специалистов для железнодорожного, водного и автомобильного транспорта, строительства, связи, радиоэлектроники, геодезии и картографии. Их характерной особенностью было меньшее число специальностей и факультетов. Так, в 1966/67 учебном году Новосибирский электротехнический институт связи (НЭИС) готовил инженерные кадры по четырем специальностям на трех дневных факультетах, Сибирский автомобильно-дорожный институт (СиБАДИ) – по пяти на трех, Новосибирский институт инженеров водного транспорта (НИИВТ) – пяти на трех, Омский институт инженеров транспорта (ОмИИТ) – пяти на четырех, Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (НИИГАиК) – пяти специальностям на двух дневных факультетах [2]. Несколько отраслевых вузов – Новосибирский электротехнический институт (НЭТИ), Сибирский металлургический институт (СМИ), Красноярский институт цветных металлов (КрасИЦМ) – занимали промежуточное положение. НЭТИ, например, будучи номинально отраслевым институтом, в 1966/67 учебном году имел шесть факультетов и 16 специальностей, СМИ – пять факуль-

тетов и 15 специальностей, КрасИЦМ – четыре факультета и 12 специальностей [3].

Кроме того, подготовка инженерных кадров осуществлялась в сельскохозяйственных институтах (Алтайском, Иркутском, Новосибирском, Омском) и в трех университетах (Новосибирском, Томском, Иркутском). В последних в связи с объективными требованиями науки и производства расширение естественнонаучных кафедр и факультетов стало ведущей тенденцией. В Томском государственном университете (ТГУ) за вторую половину 1960-х гг. численность студентов возросла с 4,5 тыс. до 10 тыс. человек, были открыты физико-технический факультет, пять проблемных лабораторий, вычислительный центр [4]. Вузом особого типа стал Новосибирский госуниверситет. Основанный на базе Сибирского отделения Академии наук СССР (СО АН СССР) он был тесно связан с 20 академическими научно-исследовательскими институтами (НИИ), где студенты получали значительный запас знаний, опыт самостоятельной работы. Здесь фактически объединились вуз и НИИ для повышения качества подготовки специалистов [5. Л. 35–36]. Помощь академических институтов университету проявлялась также в участии крупных ученых в преподавательской работе. В 1966/67 учебном году из них в НГУ работало 70 академиков, членов-корреспондентов, профессоров, докторов наук [6. Л. 59].

Университетское образование является одной из ведущих форм высшего образования. Университеты – крупные учебные и научные центры. Здесь в описываемый период осуществлялась подготовка кадров по самым различным естественным и гуманитарным специальностям, студенты получали глубокие специальные знания на широкой общетеоретической основе. В университетах были сконцентрированы высококвалифицированные научно-педагогические коллективы. Поэтому увеличение в университетах удельного веса инженерных специальностей было явлением прогрессивным, способствующим в целом улучшению качества подготовки кадров для сферы материального производства.

Рассмотрим подробно особенности развития высшего технического образования Сибири во второй половине 1960-х гг. Они проявлялись прежде всего в изменении соотношения форм обучения – дневного, вечернего и заочного.

Преимущественное развитие той или иной формы обучения определяется главным образом потребностями производства. Но оно зависит также и от экономических возможностей страны. Расходы на подготовку инженерных кадров на дневных отделениях всегда выше, чем на вечерних и заочных. Так, средняя стоимость обучения одного студента в год за 1964–1966 гг. составила в Томском политехническом институте на дневных отделениях 1 031,99 руб., вечерних – 404,96 руб., заочных – 294,59 руб.; в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники соответственно 970,35; 383,7; 385,62 руб.; Томском инженерно-строительном институте (1964 г.) – 815,7; 381,65; 278,58 руб. [7. С. 10].

Для Сибири в рассматриваемый период экономическая выгода подготовки кадров без отрыва от производства заключалась в том, что позволяла предприятиям закреплять специалистов. Как правило, данная категория работников обеспечивалась жилплощадью [8. Л. 119].

Вместе с тем развитие системы вечернего и заочного обучения отвечало и субъективным интересам лиц, не получившим в свое время высшего образования. Поступление их на дневное отделение было связано со значительными материальными трудностями, затруднено из-за особенностей возраста, наличия семьи.

Обучение студентов без отрыва от производства являлось в те годы не только важной экономической, но и социальной задачей, связанной с созданием в СССР бесклассового общества. Исследование показало, что многие студенты-вечерники и заочники были рабочими или детьми рабочих. Получение ими высшего образования усиливало социальную мобильность общества, способствовало преодолению существенных различий между умственным и физическим трудом.

Однако данная форма обучения имела и негативные стороны. Главная из них – низкое качество подготовки: второгодничество и, как следствие, большой отсев студентов, удлинение сроков учебы.

Скажем, в ряде вузов Новосибирска второгодничество составляло более 50%. Не случайно поэтому в 1969/70 учебном году из 259 человек, защитивших дипломные проекты в институте инженеров водного транспорта (НИИВТ), обучались в вузе 5 лет – 4 человека (1,5%), 6 лет – 77 (29,7%), 7 лет – 78 (29,8%), 8 и более лет – 100 человек (39,1%). Средний срок обучения составлял 7,3 года [9. Л. 115–116].

Эти издержки в подготовке специалистов без отрыва от производства объяснялись несколькими причинами. Прежде всего – недостаточной общеобразовательной подготовкой. Кроме того, они были вызваны тем, что здесь значительно был сокращен очный контакт «студент–преподаватель». Если на обязательных занятиях на дневных отделениях отводилось на весь период обучения 4–4,5 тыс. ч, то на заочных – 1 500–1 800 часов [10. С. 304]. В таких условиях главную роль в приобретении знаний должна играть самостоятельная работа, однако в силу ряда обстоятельств, объективного и субъективного характера (неритмичность в работе предприятия, служебные командиров-

ки, неумение распределять свое свободное время и т.д.), ей уделялось недостаточное внимание.

Положение, на наш взгляд, осложнилось и несовершенством системы контроля со стороны Минвуза за подготовкой кадров без отрыва производства. Из 39 показателей, по которым вузы ежегодно отчитывались перед МВ и ССО РСФСР, результаты работы с вечерниками и заочниками включались только в один.

Таким образом, подготовка инженерных кадров по вечерней и заочной формам обучения – явление сложное, имевшее не только положительные, но и значительные негативные стороны.

Между тем начатое с середины 1950-х гг. непрерывное расширение обучения студентов без отрыва от производства привело к его неоправданному преувеличению. Так, в 1965/66 учебном году удельный вес вечерников и заочников в инженерных вузах Сибири составил 58% [11. С. 54].

Поэтому в соответствии с указаниями ЦК КПСС и Совета Министров СССР о преимуществах подготовки кадров через систему дневного образования [12] за вторую половину 1960-х гг. было достигнуто более оптимальное соотношение между существующими формами обучения. Контингент студентов-вечерников и заочников был сокращен за счет уменьшения приема на одни специальности и закрытия его вообще на другие, где из-за отсутствия условий невозможно было обеспечить качественную подготовку инженерных кадров. В результате доминирующее положение заняла дневная форма обучения (52,8% в 1969/70 учебном году) [13].

Кроме того, за вторую половину 1960-х гг. в вузах произошли изменения в структуре специальностей, на которых шло обучение студентов. Оно сводилось к трем основным моментам: во-первых, увеличилось число специальностей по новой технике; во-вторых, расширились масштабы воспроизводства инженеров-экономистов, строителей, специалистов для легкой и пищевой промышленности; в-третьих, началась подготовка управленческих кадров. Эти изменения отражали линию руководства страны на ускорение научно-технического прогресса, что, в частности, предполагало выпуск специалистов «с учетом требований современного производства, науки, техники, культуры и перспектив их развития» [12].

Следует сказать, что научно-технический прогресс порождает новые тенденции в развитии материального производства. Ранее сложившиеся пропорции между отдельными отраслями промышленности меняются, дополняются новыми, развивающимися более быстрыми темпами. Изменения в материальном производстве ломают существующее разделение труда. Меняются потребности в различных профессиональных группах инженерно-технических кадров. Поэтому и в высшей школе, как основном источнике роста высококвалифицированных специалистов, происходят соответствующие структурные сдвиги.

Все эти процессы в вузах Сибири находили более отчетливые проявления из-за уникальных природных богатств края, с одной стороны, и острой нехватки трудовых кадров – с другой. Сибирь в рассматриваемый период, хотя и выделялась среди других эконо-

мических районов страны по темпам развития, по существу оставалась краем далеко не полностью реализованных возможностей. Ее доля вместе с Дальним Востоком в общесоюзном объеме промышленного производства составляла 10% [14. С. 16]. В то же время здесь было расположено свыше 60% запасов торфа страны, 70% каменного угля, огромные гидроресурсы, а запасы нефти и газа, по прогнозам, превосходили суммарные запасы Урала и Поволжья [15. С. 90].

Однако освоение всех этих уникальных природных богатств было затруднено из-за острой нехватки квалифицированных кадров. Причем проходивший до конца 1950-х – начала 1960-х гг. интенсивный механический прирост населения приостановился. Снижился в начале 1960-х гг. и естественный прирост, так как в возраст наивысшей рождаемости стал вступать меньший по численности контингент женщин рождения военных лет. Низкая же приживаемость и высокая пространственная мобильность населения из-за отставания восточных районов по целому ряду показателей уровня жизни (реальной заработной плате, обеспеченности жильем, культурно-бытовым обслуживанием и т.д.) вели к значительному его оттоку [16. С. 22, 37].

В таких условиях превращение Сибири в важнейший экономический район возможно было только за счет интенсификации производства. Это предполагало насыщение последнего современной техникой и увеличение численности дипломированных специалистов. Фактически же отрасли народного хозяйства Сибири были обеспечены ими хуже, чем европейская часть страны. Так, в 1964 г. на 1 000 работающих лиц с высшим образованием приходилось в Центральном районе – 131, Северо-Западном – 122, Центрально-Черноземном – 102, в Сибирском – только 74 [17. С. 101].

Подготовка кадров специалистов за пределами региона по этим же причинам (более низкого уровня жизни) не была достаточно эффективной. С предприятий г. Омска, например, каждый пятый специалист, окончивший вузы европейской части СССР, уезжал в течение первых трех лет [18. Л. 96]. Поэтому проблема должна была решаться за счет развития собственной высшей школы.

В связи с этим за вторую половину 1960-х гг. в высших технических учебных заведениях Сибири было открыто 12 новых факультетов, 29 специальностей – большинство из них по новой технике и новым направлениям в традиционных ориентациях научно-технического прогресса [19]. Наиболее быстрыми темпами развивались Новосибирский электротехнический, Сибирский металлургический, Томский и Красноярский политехнические институты.

В Новосибирском электротехническом институте к шести существующим факультетам (радиотехническому, электронной техники, электроэнергетическому, автоматике и вычислительной техники, электромеханическому и машиностроительному) добавились еще три – физико-технический, электротехнический и самолетостроительный. Прием на I курс дневного отделения увеличился на 300 человек, а контингент студентов – на 1 280 (с 6 304 в 1964 г. до 7 584 – в 1969 г.) [20].

Старейший в Сибири Томский политехнический институт, имевший в своем составе такие факультеты, как физико-технический, электрофизический, автоматических систем, автоматики и вычислительной техники и др., отражавшие новые направления в развитии НТП, увеличил контингент студентов-очников с 11 106 в 1966 г. до 12 369 в 1970 г. Было открыто четыре новых специальности [21. Л. 268].

Второй особенностью структурных изменений, как уже отмечалось, явилось возрастание подготовки инженеров-экономистов, строителей, специалистов для легкой и пищевой промышленности. Такие сдвиги диктовались следующими обстоятельствами.

Введение принципов новой системы хозяйственного руководства промышленностью вызвало дополнительные потребности в кадрах экономистов. В связи с этим был открыт инженерно-экономический факультет в Кузбасском политехническом институте, создана кафедра экономики и организации производства в Красноярском политехническом институте, началась подготовка экономистов в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта [22].

Необходимость же создания мощной строительной индустрии в Сибири привела к расширению подготовки инженеров-строителей. Были открыты специальности сельскохозяйственного в Новосибирском и сельскохозяйственного и городского строительства в Томском инженерно-строительных институтах [23]. Кроме того, был увеличен прием со 100 до 150 человек на строительный факультет Сибирского металлургического института, открыт факультет промышленного и гражданского строительства в Сибирском автомобильно-дорожном институте [24]. Стала решаться и проблема подготовки специалистов для легкой и пищевой промышленности. В Сибири в рассматриваемый период времени не было ни одного вуза, готовившего специалистов указанного профиля. Поэтому эти отрасли дипломированными инженерными кадрами были укомплектованы слабо. Для снятия этих проблем в 1966 г. в Новосибирске был открыт филиал Московского института легкой промышленности, на четыре специальности которого было принято 304 человека. В дальнейшем прием увеличился на 140% (425 человек в 1970 г.), а контингент студентов – на 135% (1 415 человек в 1970 г. против 1 040 человек в 1966 г.) [25]. К 1975 г. филиал должен был стать самостоятельным вузом с числом студентов около 3 тыс. человек [26].

В связи с интенсификацией производства, во второй половине 1960-х гг. возникла потребность в подготовке инженерных управленческих кадров. Поэтому в 1968 г. в Томском политехническом институте был открыт первый в стране факультет организаторов производства по двум специализациям: «Исследование производственных операций» и «Организация производств». Комплектовался он за счет лиц, успешно окончивших два курса любого технического вуза или университета и проявивших способности к организаторской работе. Здесь, кроме научно-технических дисциплин, студенты изучали вопросы психологии, социологии, трудового, гражданского права. Учебный процесс обеспечивали наиболее вы-

сококвалифицированные профессорско-преподавательские кадры института, университета, ведущие практические работники предприятий и учреждений города. Окончившие факультет стали пополнять ряды руководителей «среднего командного звена» предприятий приборостроительной и машиностроительной промышленности: начальники участков, лабораторий, цехов, отделов [27].

В описываемый период уделялось большое внимание как увеличению контингента студентов, так и улучшению их быта, расширению материальной базы учебных заведений. Вместе с тем полного соответствия между этими тенденциями не было. Темпы развития первой нередко опережали темпы увеличения второй. Это порождало серьезные диспропорции. Например, в Кузбасском политехническом институте, рассчитанном на 1 500–1 800 студентов, обучалось в 1967 г. 7 тыс. человек [28]. С аналогичными трудностями сталкивались и другие высшие учебные заведения, вынужденные проводить занятия в две смены, арендовать помещения, не приспособленные для учебного процесса, у других организаций и учреждений [29. Л. 104].

Очень остро стояли вопросы бытового устройства студентов. Объяснялось это двумя причинами: во-первых, недостаточным, по сравнению с потребностями, строительством студенческих общежитий; во-вторых, заселением большого количества площадей в них преподавателями. До 1958 г. Совет Министров РСФСР постановлением от 8 сентября № 1053 переложил эту функцию на местные советы депутатов трудящихся. Выполнялась она неудовлетворительно. Все вузы республики стали в пять раз меньше получать квартир. К примеру, согласно специальному постановлению Совета Министров РСФСР, Томский облисполком был обязан выделить вузам города в течение 1965–1967 гг. 20 тыс. м² жилой площади, а фактически выделил лишь 7,1 тыс. м² [30. Л. 15].

Между тем развитие высшей школы, увеличение числа преподавательских кадров вынуждали администрацию вузов предоставлять последним квартиры в студенческих общежитиях.

В силу этих причин происходило перенаселение, отрицательно сказывавшееся как на воспитательной работе, так и здоровье студентов [31. Л. 28]. Так, концентрация углекислого газа в общежитиях Томского политехнического института, по данным санэпидемстанции, даже в дневное время, когда жильцы находились на занятиях, в три-четыре раза превышала допустимые нормы [32. Л. 169].

Во второй половине 1960-х гг. материально-техническая база вузов была значительно укреплена. Средства, затраченные на строительство и оснащение оборудованием учебно-лабораторных и научных зданий, студенческих общежитий, жилых домов для преподавателей по Минвузу РСФСР в 1970 г. в полтора раза превысила уровень 1966 г. Это позволило увеличить полезную площадь учебных и лабораторных помещений вузов на 25%, а количество мест в студенческих общежитиях – на 40% [33. С. 80]. Значительное строительство в 1966–1970 гг. развернулось в Сибири.

Увеличили учебные площади вузы Кузбасса. Сибирский металлургический институт с 23 319 м² в 1965/66 учебном году до 28 893 м² в 1969/70 учебном году, Кузбасский политехнический соответственно – с 11 102 м² до 17 321 м². Контингент студентов дневного отделения за это время возрос на 2 818 человек. Тем самым на каждого вновь принятого студента строилось 4,2 м² учебной площади [34].

Была расширена материальная база высших учебных заведений г. Новосибирска. За вторую половину 1960-х гг. в городе для всех 14 вузов, из которых шесть готовили кадры для инженерной деятельности, было построено и строилось 16 учебных корпусов, 12 студенческих общежитий, два спортивных комплекса, семь жилых домов для профессорско-преподавательского состава и другие объекты [35. Л. 21]. Это позволило, например, увеличить рабочие помещения для студентов дневной формы обучения Новосибирского электротехнического института с 6,6 м² на одного человека в 1966 г. до 8,5 м² в 1969 г. [36. Л. 180–181].

В Томске на эти цели было ассигновано 32,6 млн руб., т.е. столько же, сколько выделялось за все послевоенные годы [37]. Общая (учебная, учебно-вспомогательная, подсобная, жилая) площадь в ТПИ, ТИСИ, ТИРиЭТе увеличилась на 71 214 м² и составила в конце 1970 г. 281 274 м² [38. Л. 187–188].

В Красноярском политехническом институте в 1966/67 учебном году на 3 965 студентов-очников приходилось 22 356 м² учебных и учебно-вспомогательных помещений, а в 1969/70 учебном году на 4 789 – 33 480 м² [39. Л. 170].

Таким образом, развитие высшего технического образования в Сибири во второй половине 1960-х гг., несмотря на определенные трудности системного характера, носило поступательный и непрерывный характер. Это позволило значительно увеличить подготовку инженерных кадров для народного хозяйства страны в целом и для ее восточных регионов, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текущие архивы Томского, Алтайского, Кузбасского и Омского политехнических институтов. Годовые отчеты о работе вузов за 1966/67 учебный год.
2. Текущие архивы Новосибирских: электротехнического института связи, института инженеров водного транспорта, института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Сибирского автомобильно-дорожного института. Годовые отчеты о работе вузов за 1966/67 учебный год.
3. Текущие архивы Новосибирского электротехнического, Сибирского металлургического институтов и Красноярского института цветных металлов. Годовые отчеты о работе вузов за 1966/67 учебный год.
4. Данилов А.И. Университет накануне XXIII съезда КПСС // За советскую науку. 1966. 14 марта.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 77. Д. 119. 1967 г.
6. ГАНО. Ф.П-4. Оп. 77. Д. 120. 1967 г.
7. Горюнов А.П. Об эффективности подготовки инженерных кадров // Известия Томского политехнического института. 1967. Т. 181. С. 29–30.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 88. Д. 34. 1968 г.
9. ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 1713. 1969–1970 гг.

10. Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М. : Высш. шк., 1968. 445 с.
11. Трубицына Г.Т. Развитие инженерного образования без отрыва от производства в вузах Западной Сибири за годы семилетки // Доклады третьей научной конференции кафедр общественных наук, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Томск, 1970.
12. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР от 3 сентября 1966 г. «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» // Правда. 1966. 9 сент.
13. Статистические отчеты вузов (форма 3-НК) за 1966–1970 гг.
14. Орлов Б.П. О масштабах и методах освоения природных ресурсов Сибири // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1971. Вып. 1, № 1.
15. Бесчестная А.В. Воплощение ленинских идей о будущем Сибири // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1970. Вып. 1, № 1.
16. Перевезенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск : Наука, 1966. 235 с.
17. Тимонина А.Т. Средняя специальная школа Сибири и некоторые проблемы ее развития // Вопросы трудовых ресурсов и уровня жизни населения восточных районов. Новосибирск, 1966. Вып. 7. 135 с.
18. Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 4. Оп. 57. Д. 11. 1968 г.
19. Справочник для поступающих в высшие учебные заведения СССР. М. : Высш. шк., 1969. 378 с.
20. Текущий архив Новосибирского электротехнического института. Статистические отчеты (форма 3-НК) НЭТИ за 1965–1970 гг.
21. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 320. Оп. 10. Д. 33. 1966–1970 гг.
22. Текущие архивы Кузбасского и Красноярского политехнических институтов, Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. Годовые отчеты о работе вузов за 1966–1970 гг.
23. Текущие архивы Новосибирского и Томского инженерно-строительных институтов. Годовые отчеты о работе вузов за 1966–1970 гг.
24. Текущие архивы Сибирского металлургического и Сибирского автомобильно-дорожного институтов. Годовые отчеты о работе вузов за 1966–1970 гг.
25. Текущий архив Новосибирского филиала института легкой промышленности. Годовые отчеты вуза за 1966–1970 гг.
26. Иванова Л. Сегодня – филиал, завтра институт // Советская Сибирь. 1968. 20 мая.
27. За кадры (ТПИ). 1972. 13 апр.
28. Овсянников П.М. Перегрузки, перегрузки // За инженерные кадры (КузПИ). 1967. 29 апр.
29. ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 226. 1967 г.
30. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3797. 1965–1967 гг.
31. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 115. Д. 127. 1968 г.
32. ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 10. Д. 94. 1968 г.
33. Харитонов Д.Н. Повышать эффективность капитальных вложений // Вестник высшей школы. 1972. № 3.
34. Текущие архивы Сибирского металлургического и Кузбасского политехнического институтов. Статистические отчеты вузов за 1966–1970 гг.
35. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3876. 1960 г.
36. ГАНО. Ф. П-269. Оп. 32. Д. 3. 1966–1969 гг.
37. Планы партии – планы народа // Красное знамя (Томск). 1966. 1 марта.
38. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4206. 1970 г.
39. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 48. 1966–1970 гг.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 июля 2018 г.

FEATURES OF HIGHER TECHNICAL EDUCATION DEVELOPMENT IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1960S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 143–148.

DOI: 10.17223/15617793/435/18

Valeriy V. Petrik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: v.v.petrik@mail.ru

Keywords: higher technical school; Siberia; faculties and specialties; material resources of universities; students.

The author of the article explores the features of the development of higher technical education in Siberia in the second half of the 1960s. The study is based on documentary materials of Siberian archives, including those first introduced into scientific discourse, and periodical press. Special attention is paid to the characteristics of the network of educational institutions. The author's classification of universities by main groups is presented. By the beginning of the period under review, the training of engineers in the region was conducted in polytechnic, sectoral, agricultural institutes, as well as in universities. Giving specific examples, the author came to a conclusion that it was large universities that were more economically profitable than small ones. The article analyzes in detail the changes that occurred in the correlation of forms of education – full-time, part-time and distance learning. It is noted that, in the described period for Siberia, the economic benefit of on-the-job training was that it allowed enterprises to consolidate specialists. No less important for the state in those years was the fulfillment of the social task associated with the creation of a classless society in the USSR. The study showed that many part-time and distance learning students were workers or workers' children. Their higher education increased the social mobility of society, helped to overcome significant differences between mental and physical labor. At the same time, according to the author, part-time and distance learning as educational forms had a negative side – a low quality of training: course repetition, a large dropout rate, longer study. The changes in the structure of faculties and specialties of the higher technical school of Siberia were identified and analyzed. It is noted that these changes reflected the line of the country's leadership to accelerate the scientific and technological progress and assumed the release of specialists taking into account the requirements of the production of the time. The article shows the activities of the leading technical institutes of the region: Tomsk Polytechnic, Novosibirsk Electrotechnical, Siberian Metallurgical and others. During the period under review, great attention was paid to both increasing the number of students and improving their lives, expanding the material base of educational institutions. Specific examples are given. The author comes to a conclusion that the development of higher technical education in Siberia in the second half of the 1960s, despite certain systemic difficulties, was progressive and continuous. This significantly increased the training of engineers for the national economy as a whole and its eastern regions, in particular.

REFERENCES

1. Current archives of Tomsk, Altai, Kuzbass and Omsk Polytechnic Institutes. *Annual reports on the work of institutes for the 1966/67 academic year*. (In Russian).

2. Current archives of Novosibirsk Electrotechnical Institute of Communication, Institute of Water Transport Engineers, Institute of Geodesy Engineers, Aerial Photography and Cartography, Siberian Automobile and Road Institute. *Annual reports on the work of institutes for the 1966/67 academic year*. (In Russian).
3. Current Archives of Novosibirsk Electrotechnical, Siberian Metallurgical Institutes and Krasnoyarsk Institute of Non-Ferrous Metals. *Annual reports on the work of institutes for the 1966/67 academic year*. (In Russian).
4. Danilov, A.I. (1966) Universitet nakanune XXIII s"ezda KPSS [University on the eve of the XXIII Congress of the CPSU]. *Za sovetskuyu nauku*. 14 March.
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 77. File 119. 1967. (In Russian).
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 77. File 120. 1967. (In Russian).
7. Goryunov, A.P. (1967) Ob effektivnosti podgotovki inzhenernykh kadrov [On the effectiveness of engineering training]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta*. 181. pp. 29–30.
8. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast. Fund 127. List 88. File 34. 1968. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 33. File 1713. 1969–1970. (In Russian).
10. Zinov'ev, S.I. (1968) *Uchebnyy protsess v sovetskoj vysshey shkole* [The educational process in the Soviet higher education]. Moscow: Vyssh. shk.
11. Trubitsyna, G.T. (1970) [The development of engineering education without discontinuing production in the universities of Western Siberia over the seven-year period]. *Doklady tret'ey nauchnoy konferentsii kafedr obshchestvennykh nauk, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Lenina* [Reports of the third scientific conference of the departments of social sciences, devoted to the centenary of the birth of V.I. Lenin]. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
12. Pravda. (1966) Postanovlenie TsK KPSS, CM SSSR ot 3 sentyabrya 1966 g. "O merakh po uluchsheniyu podgotovki spetsialistov i sovershenstvovaniyu rukovodstva vysshim i srednim spetsial'nym obrazovaniem v strane" [Resolution of the Central Committee of the CPSU, CM of the USSR of September 3, 1966, "On measures to improve the training of specialists and the management of higher and secondary special education in the country"]. *Pravda*. 9 September.
13. Statistical reports of universities (form 3-NK) for 1966–1970. (In Russian).
14. Orlov, B.P. (1971) O masshtabakh i metodakh osvoeniya prirodnnykh resursov Sibiri [On the scales and methods of developing the natural resources of Siberia]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1(1).
15. Beschestnaya, A.V. (1970) Voploshchenie leninskikh idey o budushchem Sibiri [The embodiment of Leninist ideas about the future of Siberia]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1(1).
16. Perevezentsev, V.I. (1966) *Migratsiya naseleniya i trudovye problemy Sibiri* [Migration of the population and labor problems of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
17. Timonina, A.T. (1966) Srednyaya spetsial'naya shkola Sibiri i nekotorye problemy ee razvitiya [Secondary special school of Siberia and some problems of its development]. In: *Voprosy trudovykh resursov i urovnya zhizni naseleniya vostochnykh rayonov* [Questions of labor resources and the standard of living of the population of the eastern regions]. Is. 7. Novosibirsk: Izd-vo IEiOPP SO AN SSSR.
18. Documentation Center of the Modern History of Omsk Oblast. Fund 4. List 57. File 11. 1968. (In Russian).
19. Vysshaya shkola. (1969) *Spravochnik dlya postupyayushchikh v vysshie uchebnye zavedeniya SSSR* [Handbook for entering higher educational institutions of the USSR]. Moscow: Vyssh. shk.
20. Current Archive of Novosibirsk Electrotechnical Institute. *Statisticheskie otchety (forma 3-NK) NETI za 1965–1970 gg.* [Statistical reports (form 3-NK) NETI for 1965–1970].
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 320. List 10. File 33. 1966–1970. (In Russian).
22. Current Archives of Kuzbass and Krasnoyarsk Polytechnic Institutes, Novosibirsk Institute of Railway Engineers. *Annual reports on the work of institutes for 1966–1970*. (In Russian).
23. Current Archives of Novosibirsk and Tomsk Engineering and Construction Institutes. *Annual reports on the work of institutes for 1966–1970*. (In Russian).
24. Current Archives of the Siberian Metallurgical and Siberian Automobile and Road Institutes. *Annual reports on the work of institutes for 1966–1970*. (In Russian).
25. Current Archive of the Novosibirsk Branch of the Institute of Light Industry. *Annual reports of institutes for the 1966–1970*. (In Russian).
26. Ivanova, L. (1968) Segodnya – filial, zavtra institut [Today a branch, tomorrow an institute]. *Sovetskaya Sibir'*. 20 May.
27. *Za kadry* (TPI). (1972) 13 April.
28. Ovsyannikov, P.M. (1967) Peregruzki, peregruzki [Overload, overload]. *Za inzhenernye kadry* (KuzPI). 29 April.
29. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 115. List 10. File 226. 1967. (In Russian).
30. State Archive of the Russian Federation. Fund A-605. List 1. File 3797. 1965–1967. (In Russian).
31. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 607. List 115. File 127. 1968. (In Russian).
32. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 320. List 10. File 94. 1968. (In Russian).
33. Kharitonov, D.N. (1972) Povyshat' effektivnost' kapital'nykh vlozheniy [Increase the efficiency of capital investments]. *Vestnik vysshey shkoly*. 3.
34. Current Archives of the Siberian Metallurgical and Kuzbass Polytechnic Institutes. *Statistical reports of institutes for 1966–1970*. (In Russian).
35. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 33. File 3876. 1960. (In Russian).
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-269. List 32. File 3. 1966–1969. (In Russian).
37. Krasnoe znamya. (1966) Plany partii – plany naroda [Party plans are plans of the people]. *Krasnoe znamya* (Tomsk). 1 March.
38. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 4206. 1970. (In Russian).
39. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund R-2234. List 1. File 48. 1966–1970. (In Russian).

Received: 05 July 2018

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.М. ОГАРЕВА В ДОЛЖНОСТИ ПЕРВОГО ЖАНДАРМСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА, ОСУЩЕСТВЛЯВШЕГО НАДЗОР ЗА ЧАСТНЫМИ ЗОЛОТЫМИ ПРОМЫСЛАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Выявляются некоторые аспекты учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири, рассматривается вопрос о выборе первой кандидатуры на эту должность. Основное внимание сосредоточено на анализе деятельности И.М. Огарева, первым занимавшим эту должность. Основными источниками для написания статьи послужила жандармская документация, находящаяся в архивах. Делается вывод о достаточно успешном выполнении Огаревым возложенных на него функций, соответственно, его деятельность оправдывала правительственные ожидания от функционирования жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; XIX в.; золотопромышленность; жандармский надзор; И.М. Огарев.

В обыденном сознании сложилось представление, что жандармское ведомство в Российской империи выполняло функции надзора за чиновничьим аппаратом и пыталось контролировать общественно-политическую ситуацию в стране, в первую очередь, стараясь не допустить распространения в России революционной «заразы». Для выполнения поставленных задач, принято считать, жандармы не гнушались использовать далеко не самые благородные средства, как, например, чтение частной переписки, доносы и интриги против отдельных лиц, провокация и т.п. Вместе с тем в поле зрения жандармских чинов попадали многие другие вопросы, по сей день не заслужившие пристального внимания со стороны исследователей. Независимое положение жандармов от местных властей давало им возможность иметь свой взгляд на отдельные процессы, происходящие в различных сферах жизни общества, что находило отражение в жандармских донесениях своему начальству. Поэтому нет ничего удивительного, что жандармское ведомство осуществляло как тайный, так и открытый надзор за промышленными отраслями, положение дел в которых вызывало озабоченность правительства. В том числе такой надзор был установлен и за частной золотодобычей в Сибири, являвшейся главной промышленной отраслью в регионе в XIX в.

Цель статьи заключается в выявлении некоторых аспектов учреждения жандармского надзора за деятельностью частных золотых промыслов в Сибири, а также рассмотрении деятельности самого первого жандармского штаб-офицера на этой должности — подполковника И.М. Огарева.

История появления жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири стала получать освещение в отечественной исторической науке сравнительно недавно, несмотря на то, что о таком надзоре упоминалось еще в работе В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», являющейся, пожалуй, самым ключевым в дореволюционный период исследованием по истории сибирской золотопромышленности [1. С. 138]. В советский период отечественные исследователи специально не уделяли внимания этому вопросу. И только с недавне-

го времени стали выходить исследования, посвященные истории возникновения такого надзора [2–4]. Инициатива введения жандармского надзора за деятельностью частных золотых приисков в Западной Сибири и положения рабочих на них исходила от лица высшей исполнительной власти в регионе и во многом являлась следствием правительственной политики как ответ на крупные выступления приисковых рабочих, произошедших в конце 30-х гг. XIX в. Так, генерал-губернатор Западной Сибири князь Петр Дмитриевич Горчаков обратился к Шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу отношением от 8 марта 1841 г. за № 292, в котором он сосредоточил внимание на негативных явлениях, происходящих в золотопромышленной среде. Общий вывод этого отношения сводился к следующей просьбе: «...почему и обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой — исходатайствовать Высочайшее соизволение на определение для наблюдения собственно за порядком на частных золотых приисках особого благонадежного офицера от Корпуса Жандармов, который находился бы там постоянно во время производства работ и об оказывающемся доносил непосредственно мне и Начальнику 8-го округа Корпуса Жандармов» [5. Л. 1 об.].

А.Х. Бенкендорф внял просьбе Горчакова, посчитав вполне разумным учреждение жандармского надзора за частными золотыми приисками в Западной Сибири. Вскоре Шеф жандармов по этому вопросу напрямую обратился к императору Николаю I, который дал свое согласие, наложив на прошение Бенкендорфа резолюцию «Назначить совершенно надежного штаб-офицера», и уже 9 мая 1841 г. вышел именной царский указ об учреждении жандармского надзора за частными золотыми промыслами в Западной Сибири [6. С. 381].

Однако выбор кандидатуры на эту должность вызвал определенные трудности, так как необходимо было совпадение мнений по данному вопросу между жандармским ведомством и высшей исполнительной властью в регионе, прямо заинтересованных в таких качествах кандидата, как ответственность и исполнительность. Первоначально рассматривалась кандида-

тура адъютанта при штаб-офицере в Екатеринославской губернии майора Герсевича, который даже уже получил назначение жандармского штаб-офицера к золотым приискам в Западной Сибири. Однако вскоре выяснилось, что в связи с расстройством здоровья этот жандармский штаб-офицер не сможет отправиться на новое место службы. Тогда Бенкендорф в отношении от 5 марта 1842 г. предложил Горчакову новую кандидатуру – подполковника Я.Д. Казимирского, состоящего офицером по особым поручениям при начальнике 7-го округа Корпуса жандармов. Но генерал-губернатор Западной Сибири был не согласен с таким выбором, указав в своем ответе, что Казимирский в свое время причинил немало неприятностей, «занимаясь только интригами» против самого Горчакова. Пришлось в срочном порядке искать замену Казимирскому, что в итоге и привело к выбору подполковника И.М. Огарева, возглавлявшего жандармское управление по Тобольской губернии. Шеф Корпуса жандармов сообщил об этом Горчакову в своем отношении № 1007 от 12 марта 1842 г. Фигура самого Огарева, видимо, не вызвала у начальника Западной Сибири сомнений, так как от его имени не последовало никаких бумаг по этому назначению (подробнее об этом см.: [7]).

Самое время дать краткие биографические данные Огарева. Иван Михайлович Огарев родился в 1796 г., происходил из дворян Тобольской губернии. Как большинство дворянских отпрысков, служить он начал с младых ногтей, в 1812 г. получив звание подпрапорщика. Участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., где получил немало ранений. Именно ухудшение здоровья привело его к преждевременной отставке с военной службы в начале 1820-х гг. Закончив военную карьеру, Огарев занимал ряд административных должностей на гражданской службе, как, например, должность полицмейстера в начале в Туле, а затем в Рязани [8]. Однако, видимо, желание вернуться на военную службу существовало у Огарева всегда, что и объясняется его стремлением поступить на службу в Корпус жандармов. Несмотря на то что он подходил по всем критериям к этой службе, имея в первую очередь боевой опыт армейского офицера, тем не менее, начальник штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельт 21 июля 1835 г. ответил Огареву за Шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа следующим образом: «Его Сиятельство при всем желании иметь вас под своим начальством не находит никакой возможности определить вас в Корпус жандармов по той причине, что ныне в сем Корпусе решительно нет ни одной штаб-офицерской вакансии» [9. Л. 7–7 об.].

Однако по наложенной резолюции Дубельта на это прошение «иметь в виду, когда будут вакансии» видно, что про Огарева не забыли и нет ничего удивительного, что через пару лет Огарев принимается на службу в Корпус жандармов и в чине майора направлен на должность жандармского штаб-офицера в Иркутской губернии [10. С. 6]. Достаточно скоро его заметили как ответственного работника, и в 1840 г. Огарев был откомандирован к Н.Я. Фалькенбергу, начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа

офицером по особым поручениям. В 1841–1843 гг. Огарев уже исполнял обязанности жандармского штаб-офицера в Тобольской губернии, откуда он в 1842 г. и был вызван на новую для себя должность – жандармский штаб-офицер на частных золотых приисках в Западной Сибири, при том, что предыдущая должность также сохранялась за ним. Огарев доносил генерал-губернатору Горчакову, что в Томск он прибыл 25 мая 1842 г. и ожидает получить сведения, относящиеся до золотого промысла в губернии, после чего планирует выехать на эти промыслы для должного надзора за ними [11. Л. 181–181 об.].

Итак, из приведенной выше информации можно увидеть, что у Огарева отсутствовали знания по золотому промыслу, тем самым надзор за местной золотопромышленностью представлялся для него новым поприщем в его профессиональной деятельности. В этой сфере он в первую очередь руководствовался инструкцией для штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Западной Сибири. Составление этого нормативного документа было долгим процессом, в нем приняли участие представители самых различных ведомств, как центральных, так и местных органов власти, каждый из которых предлагал свое видение поле деятельности жандармского чина. Поэтому на согласование этого документа ушло немало времени и нет ничего удивительного, что инструкция была утверждена на второй год возникновения жандармского надзора за частной золотопромышленностью – 16 мая 1842 г. (подробнее см.: [12]).

Согласно указанной инструкции, жандармскому чину вменялось постоянно находиться на частных золотых приисках с 1-го мая по 1-е октября. Во время нахождения на приисках он должен был наблюдать за действиями рабочих, в том числе проверять, чтобы каждый рабочий имел специальное разрешение от местных властей на право нахождения на золотых промыслах. Также жандармский штаб-офицер обязан был принимать все жалобы, как от рабочих, так и владельцев этих промыслов. Обо всех замеченных на приисках беспорядках, нарушениях и происшествиях ему необходимо было сообщать местной полиции. Еще одна важная обязанность этого жандармского офицера состояла в составлении ежегодных отчетов, где фиксировалась вся важная информация о положении местной золотопромышленности. Отчеты эти адресовались на имя генерал-губернатора Западной Сибири и начальника 8-го округа Корпуса жандармов, куда входила вся зауральская территория Российской империи [13. Л. 2–5].

Тем самым можно увидеть, что деятельность жандармского штаб-офицера ограничивалась простым наблюдением за состоянием золотого промысла, а не активными действиями, связанными с правом вмешательства в его развитие. Тем не менее у жандармов имелась хорошая возможность вмешиваться в золотопромышленный процесс, используя для этого рапорты, донесения на имя как своего непосредственного начальства, так и генерал-губернатора Западной Сибири. Как показывает проведенное нами исследование, такой канал являлся довольно эффективным ин-

струментом по контролю со стороны местной исполнительной власти в регионе за состоянием золотопромышленности (подробнее см.: [14]).

В первый год деятельности Огарева на указанной должности (1841 г.) не было выявлено какой-либо документации от него по золотопромышленным вопросам. Тем самым можно предположить, что в это время он знакомился с новой для себя сферой деятельности. Зато уже на втором году (1842 г.) от его лица составлялись донесения, а также был написан итоговой ежегодный отчет о положении золотого промысла в крае. Так, рапортом № 19 от 26 июня 1842 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова Огарев докладывал о следующих увиденных им нарушениях на золотопромышленных предприятиях. На Спасском и Преображенском золотых промыслах Абалацкой компании 2-й гильдии купца Тита Зотова с компанией под видом разведки было добыто 19 золотников золота с долями, цифра, которая не была записана в специальной шнуровой книге, где следовало фиксировать количество всего добытого благородного металла. По данному вопросу жандармский подполковник обратился к горному ревизору, чтобы последний провел специальное расследование по этому делу.

Помимо вышеизложенного инцидента внимание жандармского чина привлек тот факт, что управляющий этими промыслами мещанин Фортунат Яковлев имел доверенность на управление от компаньона Екатеринбургского 2-й гильдии купца Гавриила Лазарева, засвидетельствованной в волостном правлении, что, по предположению Огарева, выглядит подозрительно для документа такого уровня. На наш взгляд, интересно отметить тот факт, что названный управляющий обращался к жандармскому офицеру с просьбой обратиться к хозяевам промыслов о понуждении их выслать деньги на различные расходы. Из приведенного примера видно, что в лице жандармов золотоискатели видели своих заступников и помощников. Дальше в своем донесении Огарев сообщает, что им был оставлен жандарм для выявления незаконной продажи краденного золота и спирта в лежащем по соседству от приисков селе Тисюль. Все указанные в рапорте беспорядки, по мнению жандарма, должно приписать Козьме Гаврилову Зотову как уполномоченному от Абалацкой компании, соответственно, делается вывод о возможности лишения его права на дальнейшую разработку приисков [15. Л. 2–3].

Генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков немедленно отреагировал на полученный рапорт: 11 июля того же года отношением за № 939 он обратился к Главному начальнику Алтайских горных заводов, где приводилась информация из донесения Огарева, а заканчивалось оно следующим распоряжением: «...я покорнейше прошу Ваше Превосходительство к отвращению того, что только допущено на тех приисках противно законам как по части технической, так и по полицейской, принять зависящие от Вас меры» [15. Л. 1].

По означенному делу вскоре последовала переписка между должностными лицами Алтайского гор-

ного правления. В итоге было принято следующее решение: «...иметь строжайшее наблюдение, чтобы никто из промышленников и ни под каким видом не соизволял производить работы под предлогом разведок или шурфовки, не получивши от Горного Правления шнуровой книги для записывания золота» [Там же. Л. 17 об.]. Таким образом, на указанном примере можно увидеть достаточную эффективность жандармского надзора за частной золотопромышленностью с самого начала его функционирования.

В конце своего второго года на пребывании в должности жандармского штаб-офицера по частным золотым промыслам Огарев составил годовой отчет о состоянии местной золотопромышленности за 1842 г. – первый жандармский отчет о положении дел в этой отрасли. Начинается этот документ с информации общего характера о самой золотопромышленности – дается краткая история открытия золота в Сибири, основные золотоносные системы в Западной Сибири, перечисляются главные золотопромышленные компании, количество промытого песка и добытого золота на них, численность рабочих и т.п. Далее автор дает характеристику деятельности должностных лиц в золотопромышленной сфере – горному ревизору, отдельному заседателю, начальнику казачьей команды. Огарев не прошел мимо основных происшествий на приисках, случаев нарушений горного законодательства со стороны разработчиков золотых промыслов. Особое внимание в отчете было сосредоточено на описании положения рабочего класса – их материально-бытовому положению, величине заработка, выходу с приисков после окончания промысловой операции. Отдельно жандармский подполковник остановился на вопросе технической стороны процесса золотодобычи. Одним из важных событий в золотопромышленном мире он выделил новую золотопромывальную машину, изобретенную каинским мещанином Львом Бурлаковым, управляющим Аполлоновским прииском золотопромышленной компании Поповых. В качестве достоинства этого изобретения Огарев указал, что с помощью данной машины возможно промывать золотоносного песку до 20 тыс. пудов в день, в то время как другие устройства способны промывать только до 8 тыс. пудов. Несомненными достоинствами этого изобретения жандармский офицер считал простоту устройства («обыкновенный плотник устроить ее может») и дешевизну самого механизма («будет стоить только 1 200 руб.»). В итоге он выступил перед своими начальством с ходатайством о поощрении изобретателя. Жандармское ведомство, рассмотрев все нюансы этого дела, поддержало ходатайство Огарева, что, в конечном счете, привело Бурлакова к награждению серебряной медалью с надписью «за полезное» для ношения на Анненской ленте [16. Л. 1–57].

В следующем году (1843) жандармский подполковник Огарев также составил годовой отчет о положении дел в местной золотопромышленности. По своей структуре он мало чем отличался от предыдущего и в нем также перечислялась основная информация по состоянию отрасли. Однако при внимательном его прочтении можно увидеть, что Огарев стал

намного лучше разбираться в золотопромышленных делах, не только констатируя факты из приисковой жизни, но и делая свои выводы и предложения по улучшению дел в золотом промысле. Из таких замечаний можно выделить следующие. Жандармский подполковник предложил сформировать по губернии пункты для найма рабочих, а сам процесс найма подчинить благонадежным чиновникам. Такими мерами, по мнению Огарева, можно будет препятствовать злоупотреблениям волостных властей (в первую очередь, в лице волостных писарей), дававших разрешение местным крестьянам и ссыльнопоселенцам на право отлучаться из мест своих жительств с тем, чтобы идти на золотые прииски. Еще одно предложение жандармского офицера заключалось в необходимости составления подробной карты всей местности, на которой идет процесс добычи золота, «...чтобы можно видеть прииски, принадлежащие казне в туне лежащие, частным промышленникам, а главное остальную местность, чтобы новому лицу, желающему приобрести прииск, не впасть в ошибочно на заявленную площадь или в туне лежащую и не подвергнуть себя неминуемой тяжбе, что в настоящее время нередко случается». В конце своего отчета Огарев приходил к выводу о кризисе золотопромышленного дела: «Томские промысла против прошлых лет упали, из этого сравнительного взгляда видно, что, если пользуются хорошими выгодами только гг. Рязановы и Андрей Попов, прочие имеют самые ничтожные выгоды, а некоторые сводят концы, зарывают же капиталы одни неопытные, новые промышленники и доверенные лица, которым неизвестна местность или имеют свои виды; но при хорошем хозяйстве еще много способов к приобретению золота» [17. Л. 15, 18, 23, 23 об.].

Однако в следующем году (1844 г.) деятельность жандармского подполковника И.М. Огарева по надзору за частными золотыми промыслами была завершена. Состоялось назначение нового жандармского штаб-офицера на указанную должность – Дмитрия Гавриловича Пономарева, который совсем недавно был переведен в Корпус жандармов из Архангельского таможенного округа. Такая замена, можно предположить, была связана с тем, что назначение Огарева на золотые прииски, как мы увидели, носило временный характер и, как только была найдена постоянная кандидатура на эту должность, Огарева отозвали на

прежнее место службы – жандармским офицером в Тобольскую губернию. В подтверждении этого можно привести тот факт, что Пономарев прослужил на золотых приисках в течение 14 лет, вплоть до 1858 г., когда эта должность была ликвидирована.

Несмотря на то что деятельность И.М. Огарева в должности жандармского штаб-офицера на частных золотых промыслах в Западной Сибири была непродолжительной, тем не менее, можно сделать ряд следующих выводов.

Жандармское ведомство и высшая исполнительная власть в регионе тщательно отнеслись к выбору кандидата на названную должность, остановившись на фигуре И.М. Огарева, которая устроила все стороны. Деятельность этого жандармского офицера продемонстрировала, что жандармский надзор оправдывает ожидания властей, хотевших видеть в нем эффективный инструмент правительственного контроля за состоянием частной золотопромышленности в Сибири. Донесения и отчеты Огарева являлись достаточно достоверным каналом информации для власти обо всем, что происходило на частных золотых промыслах, где находилось большое количество рабочих. Интересно отметить, что все участники золотопромышленного процесса позитивно смотрели на нахождение жандармского чина на золотых приисках, видя в нем защитника именно их интересов, поэтому неудивительно, что и рабочие, и представители администраций золотопромышленных предприятий, как мы видели, стали обращаться к нему со своими жалобами. Также в заслугу Огареву можно поставить тот факт, что за те два года, что он пробывал на золотых промыслах, на них не произошло крупных волнений, которые имели место в конце 30-х гг. XIX в. Поэтому нет ничего удивительного, что как центральная, так и региональная местная власть были заинтересованы в сохранении жандармского надзора, и как только удалось найти новую кандидатуру на эту должность (напомним, что Огарев совмещал надзор за золотыми промыслами с работой в жандармском управлении по Тобольской губернии), сам надзор продолжил свое функционирование. Приемник Огарева подполковник Пономарев оказался достойной заменой и продолжил осуществление надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семецкий В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 1.
2. Бакшт Д.А. Жандармский надзор за золотопромышленностью в Енисейской губернии (Енисейский округ) во второй половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность : сб. науч. тр. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 82–90.
3. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
4. Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 5–10.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 541.
6. Именной указ, объявленный шефу жандармов Военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири» (9 мая 1841 г.) [№ 14537] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1-е. С. 381.
7. Румянцев П.П. К вопросу о выборе кандидата на должность первого жандармского штаб-офицера по частным золотым промыслам в Западной Сибири // Перспективы развития современного гуманитарного знания : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 19–20 марта 2018 г. / отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 212–215.
8. Филатов С. Патриот Отечества // Рейтар. 2013. № 50. URL: <http://napoleonic.ru/история/персоналии/огарев-иван-михайлович>, свободный (дата обращения: 09.06.2018).

9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 549.
10. Бакшт Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной золотопромышленностью в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 6. С. 5–11.
11. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071 (Т. 3).
12. Бибииков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 166–171.
13. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2017.
14. Румянцев П.П. Борьба надзирающих за частной золотопромышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волостного крестьянского правления // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 2 (10). С. 60–64.
15. Государственный архив Алтайского края. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6849.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 64. Д. 169.
17. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2018 г.

ACTIVITIES OF IVAN OGAREV AS THE FIRST GENDARME STAFF OFFICER FOR THE SUPERVISION OF PRIVATE GOLD MINES IN WESTERN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 149–154.

DOI: 10.17223/15617793/435/19

Petr P. Rumyantsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

Keywords: Siberia; 19th century; gold mining industry; gendarmerie supervision; I.M. Ogarev.

The article is devoted to the identification of some aspects of the establishment of gendarmerie supervision of private gold mining in Western Siberia in the 1840s. The aim of the article is to analyze the activities of Ivan Ogarev, the gendarme staff officer, who was the first to carry out this supervision. The objectives of the article are the following: establishing the circumstances and reasons for Ogarev's election to this post; a comprehensive analysis of Ogarev's activities in this position; an attempt to evaluate Ogarev's activities, and also to answer the question of the effectiveness of gendarmerie supervision of private gold mining. The main source for the study was the gendarmerie documentation (reports, records, correspondence), which is stored in central and regional Russian archives. During the research, the author came to the following conclusions. The gendarmerie agency and the highest executive power in the region had carefully considered the candidates for that post. As a result, the choice fell on the candidacy of Ogarev, who suited all parties because of his successful activities in other gendarmerie positions – primarily, the gendarme staff officer in Tobolsk Province. The activity of this gendarme officer in a new position demonstrated that gendarmerie supervision justified the expectations of the authorities who wanted to see an effective instrument of government control over the private gold mining industry in Siberia, which then was the main industrial sector in the region and brought a considerable income to the treasury in the form of mined gold. The dispatches and reports of Ogarev were a fairly reliable channel of information for the authorities about all events occurring in private gold mines where a large number of workers were located. All the participants in the gold mining process positively looked at the presence of the gendarme in the mines, seeing him as a defender of their interests. That is why it was not by chance that both the workers and representatives of administration of the gold mining enterprises turned to the gendarme staff officer with their complaints, petitions, denunciations, etc. Also, it is Ogarev's merit that during the two years he was in gold mines, there were no major unrests that occurred in the late 1830s and which actually led to the establishment of gendarmerie supervision of the private gold mining industry. Thus, the work of Ogarev on supervising the private gold mining industry can be highly appreciated, which was noted by the authorities who were directly interested in maintaining this supervision in the future.

REFERENCES

1. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers in the Siberian gold mines]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
2. Baksht, D.A. (2011) Zhandarm'skiy nadzor za zolotopromyshlennost'yu v Eniseyskoy gubernii (Eniseyskiy okrug) vo vtoroy polovine XIX v. [Gendarme supervision of the gold industry in the Yenisei Province (Yenisei district) in the second half of the 19th century]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'* [The Yenisei North: history and modernity]. Is. 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
3. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
4. Baksht, D.A. & Rumyantsev, P.P. (2016) “The gendarme supervision” of a private gold mining in Siberia (1870–1880-ies): its essence, forms and problems of realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (44). pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/1
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 541. (In Russian).
6. Russian Empire. (1842) Imennoy ukaz, ob'yavlennoy shefu zhandarmov Voennym ministrom “O naznachenii zhandarm'skogo shtab-ofitsera dlya nablyudeniya za poryadkom na chastnykh zolotykh priiskakh v Sibiri” (9 maya 1841 g.) [№ 14537] [Czar's Edict announced to the gendarme chief by the Minister of War “On the appointment of a gendarme officer to monitor order in private gold mines in Siberia” (May 9, 1841) [No. 14537]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 16. Pt 1. pp. 381. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
7. Rumyantsev, P.P. (2018) [On choosing a candidate for the position of the first gendarme headquarters officer for private gold mines in Western Siberia]. *Perspektivy razvitiya sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [Prospects for the development of modern humanitarian knowledge]. Proceedings of the International Conference. Sterlitamak. 19–20 March 2018. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of Bashkir State University. pp. 212–215. (In Russian).
8. Filatov, S. (2013) Patriot Otechestva [Patriot of the Fatherland]. *Reytar*. 50. [Online] Available from: <http://napoleonic.ru/istoriya/personalii/ogarev-ivan-mikhaylovich>. (Accessed: 09.06.2018).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 549. (In Russian).
10. Baksht, D.A. (2017) About the appointment of gendarmerie officers, authorized in supervision of the private Siberian gold mining in the first half of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/1

11. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 2071 (Vol. 3). (In Russian).
12. Bibikov, G.N. (2017) "Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlastyam". Instruktsii zhandarmskim shtab-ofitseram na zolotykh promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. ["So that the working people who are in the fields have proper obedience to the local authorities." Instructions to gendarme staff officers in the gold mines of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv*. № 2. pp. 166–171.
13. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 2017.
14. Rumyantsev, P.P. (2017) The struggle of gendarme officers who supervised the private gold industry in Siberia with the corruption of volost peasant management. *Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy vestnik – Eastern European Scientific Journal*. 2 (10). pp. 60–64. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai. Fund 2. List 2. File 6849. (In Russian).
16. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 64. File 169. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 593. (In Russian).

Received: 13 June 2018

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассмотрены вопросы благотворительности предпринимателей Алтая, прежде всего гильдейского купечества, во второй половине XIX – начале XX в. Выделена группа предпринимателей из числа отставных горных служащих, которые имели более высокий уровень образования и культуры, чем основная масса купечества пореформенного периода. Показано влияние городской реформы 1870 г. на рост благотворительности местного купечества. Рассматривается благотворительность в сферах народного образования, здравоохранения, церковного строительства. Выявлены имена наиболее крупных меценатов из числа предпринимателей.

Ключевые слова: благотворительность; Алтай; купечество; городская реформа 1870 г.; православная церковь; народное образование.

В постсоветской отечественной историографии тема благотворительности, прежде всего купечества, стала весьма популярной. Хотя и в советский период историки и искусствоведы не могли пройти мимо имен наиболее крупных меценатов, прежде всего коллекционеров произведений искусства, например, таких как Павел и Сергей Третьяковы, Савва Мамонтов в Москве [1. С. 5], братья Ханенко в Киеве [2. С. 5] или В.П. Сукачев в Иркутске [3. С. 420–421]. Повышению внимания к теме меценатства купечества способствовало появление книги А.Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» [4], в которой автор отметил, что «благотворительность была широко распространена среди предпринимателей, являлась определенной исторической традицией, что позволяет оценивать ее как типичную классовую черту» [4. С. 7].

Пройти мимо столь интересной и до 90-х гг. XX в. слабо разработанной темы не могли и сибирские историки. Практически во всех региональных научных центрах Сибири данная проблематика получила развитие. Отметим труды Ю.М. Беспаловой [5], В.П. Бойко [6], Н.И. Гавриловой [7], В.П. Шахерова [8], Н.М. Дмитриенко и В.П. Зиновьева [9], О.Н. Разумова [10]. Разработке данной темы способствовало объединение сибирских исследователей (под руководством Д.Я. Резуна) в проекте по созданию «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири» [11], в котором содержится более 3 тыс. статей и заметок по истории купеческих семей, отдельных предпринимателей, разумеется, неодинаковых по объему и информативности. Но в оборот был введен огромный новый материал, в том числе о предпринимателях Алтая.

В Алтайском государственном университете, в Барнауле, в 90-х гг. также сложился коллектив авторов по исследованию истории предпринимательства на Алтае и в Сибири. Не могли авторы пройти мимо темы благотворительности. Прежде всего отметим работы А.В. Старцева, Ю.М. Гончарова и их соавторов [12–15].

Несмотря на значительное количество трудов по истории предпринимательства на Алтае, ряд вопросов нуждается в дальнейшем исследовании. В данной статье термины «предприниматели» и «купцы» используются как синонимы, так как подавляющую часть предпринимателей составляли именно гильдей-

ские купцы, а предприниматели прочих сословий, например дворяне, если занимались коммерческой деятельностью, то выбирали временные купеческие свидетельства. Купечество Алтая уступало по отдельным количественным (по численности) и качественным (более позднее формирование, меньший объем капиталов) показателям купечеству Томска, Иркутска, Красноярска. Его формирование имело определенную специфику, так как условия «кабинетского» Алтайского горного округа не способствовали частной инициативе и только отмена в 1861 г. крепостного права привела к росту частного предпринимательства и соответственно росту купечества. Одной из особенностей гильдейского купечества Алтая была значительная доля проживающих в сельской местности. В 1897 г. в сельской местности Алтайского округа проживало 407 лиц (обоих полов) купеческого сословия, или 43,7% [16. С. 2]. Выявлять данные о сельском купечестве сложнее, чем о городском, так как источниковая база о первой из отмеченных групп была более узкой. Обширную информацию о городском купечестве несут документы органов городского самоуправления.

Одной из особенностей формирования слоя предпринимателей на Алтае было участие в этом процессе отставных горных инженеров и служащих, что влияло и на их общественную деятельность, в том числе благотворительность. С нашей точки зрения, на рост благотворительности позитивно повлияла и городская реформа 1870 г., работа гласными городских дум многих предпринимателей. Хотя ряд исследователей, например В.П. Бойко [6. С. 223–225], отмечают пассивность купцов и незаинтересованность в работе органов городского самоуправления. Но, видимо, пассивность или активность в данном вопросе следует рассматривать в динамике, учитывая смену поколений и рост грамотности данной социальной группы.

При изучении благотворительности купечества виден еще один интересный аспект – попечительство (помощь) не в своих городах, а за их пределами, часто в отдаленных местах от места проживания жертвователя.

Таким образом, предметом исследования в данной статье стали вопросы благотворительности предпринимателей Алтая второй половины XIX – начала XX в., в том числе из числа отставных горных слу-

жащих, влияние городской реформы 1870 г. на благотворительность, влияние смены поколений на рост грамотности и характер благотворительности и др. Помимо справочных изданий, прежде всего энциклопедий, в статье были использованы делопроизводственные документы городских дум и управ, прежде всего Барнаула, барнаульской конторы Госбанка (личные дела клиентов), формулярные списки служащих горного ведомства, источники личного происхождения, периодика и другие.

Отмена крепостного права, земская и городская реформы способствовали развитию благотворительности в стране [17. С. 240]. На Сибирь, как известно, земская реформа не распространялась, но распространялась городская. По определению Е.А. Дегальцевой, «городские думы являлись (до появления самостоятельных формирований) единственными рычагами общественной деятельности в регионе» [18. С. 121].

В пореформенный период в числе предпринимателей выделялась группа из числа отставных служащих горного округа или их ближайших родственников. В одной из статей мы уже обращались к этому сюжету [19]. Не будем повторять информацию о предпринимательской деятельности данной группы, в данном случае нас интересует их благотворительная деятельность, которая, можно предположить, зависела и от достаточно высокого уровня образования.

Центральное место в данной группе занимали потомственные дворяне, отец и сын Платоновы. К.П. Платонов был совладельцем Иткульского винокуренного и стекольного заводов в Бийском округе, Барнаульского водочного завода, мельницы в Барнаульском округе, золотых приисков. Все эти предприятия были основаны в 60–70-х гг. XIX в. Позже дело перешло к сыну Ивану. К.П. Платонов учился в Пермской мужской гимназии, но полного курса не завершил, «по случаю назначения на службу» [20. Л. 143 об.]. Иван Платонов учился в Петербургском университете, но не завершил образования, так как в 70-х гг. стал участником народнического движения и был отчислен из вуза. В большей мере как благотворитель проявил себя Иван Платонов. Он был активным гласным Барнаульской городской думы, в 1898 и 1911 гг. избирался городским головой, был активным членом Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле. Именно И. Платонов подписал в 1898 г. прошение томскому губернатору разрешить строительство в Барнауле Народного дома, и в 1900 г. Народный дом был открыт [21. С. 178]. На его же средства в деревне Соколовой, где размещались винокуренный и стекольный заводы, в 1884 г. была открыта частная Константиновская школа. Школу посещали и мальчики, и девочки. Число учеников в 1889 г. было 30, в 1894 г. – 72 человека. При школе имелись библиотека и метеостанция. По санитарным показателям, таким как площадь помещения, кубатура воздуха в расчете на одного ученика, она была одной из лучших школ в округе [22. С. 94, 124, 139]. Там же, в Соколовой, в 1892 г. была построена на средства И. Платонова церковь.

И.К. Платонов избирался попечителем мужской и женской гимназий Барнаула в начале XX в. Постоян-

но жертвовал деньги на нужды народного образования, здравоохранения, городского хозяйства Барнаула. Так, в 1899 г. на его средства были построены для городского пожарного депо кузнечный, шорный и плотничный цеха. За благотворительную деятельность И.К. Платонов был награжден орденами Святой Анны 3-й степени (1901 г.), Святого Станислава 3-й степени (1902 г.) и 2-й степени (1912 г.) [23. С. 160–161].

Н.А. Давидович-Нащинский, горный инженер, выпускник Горного института, занимал ряд должностей в Алтайском горном округе, в том числе управляющего Павловским сереброплавильным заводом [24. Л. 182 об.]. В пореформенный период он был владельцем золотых приисков, конного завода, занимался добычей соли. Был первым городским головой в Барнауле, после введения Городового положения 1870 г. В 1880 г. он на собственные средства купил дом для двухклассного городского мужского училища. В 80-х гг. в этом училище обучались от 100 до 150 учеников [25. С. 304].

На собственные средства содержали школу и владельцы содового завода в Барнауле супруги Пранг, сначала М.Б. Пранг, а после его смерти в 1890 г. вдова Ю.А. Пранг. Сам основатель завода был художником, выпускником Академии художеств в Петербурге. На Алтае служили два его брата, оба горные инженеры. Они и основали содовый завод в 1864 г., который в 1870 г. передали (продали?) младшему брату. М.Б. Пранг хорошо знал химию и успешно руководил заводом. В школе при заводе в начале 90-х гг. обучались только 10 детей, а занятия вела дочь владельцев, но в середине 90-х гг. число учеников увеличилось до 30 человек, совместно обучались и мальчики, и девочки. В этом же источнике отмечалось, что рабочие завода обеспечивались бесплатными медикаментами, а в случае необходимости лечились в больнице за счет владельцев [26. С. 162].

Назовем фамилию еще одного жертвователя, о котором, впрочем, мало что известно. Умерший в 1900 г. титулярный советник И.Д. Красиков завещал на пользу города на содержание мужской и женской городских богаделен 6 150 руб. и государственный пятипроцентный билет в 1 тыс. руб., а также на хранение капитал в 8 665 руб. на постройку церкви во имя Святой Троицы [27. Л. 290–290 об.].

Все же группа предпринимателей-жертвователей из числа отставных горных служащих была невелика, значительно уступая гильдейскому купечеству. Многие исследователи данного вопроса (Г.Н. Ульянова, В.П. Бойко и др.), определяя причины благотворительности, на первое место ставят религиозность купечества. Так, Г.Н. Ульянова пишет: «Благотворительность имеет религ[иозный] подтекст. В концепциях христианства, мусульманства, иудаизма издревле провозглашалась необходимость ежегод[ной] передачи богатыми 1/10 части нажитого нуждающимся» [17. С. 237]. В.П. Бойко связывает благотворительность купцов с основными догматами православия [6. С. 241].

Сразу же отметим, что, как пишет Г.Н. Ульянова, благотворительность была свойственна и для пред-

ставителей иных конфессий, а не только для православных. Крупный урало-сибирский предприниматель, католик А.Ф. Поклевский-Козелл щедро жертвовал деньги на строительство костелов на Урале и в Западной Сибири и, по свидетельству тобольского купца А. Сыромятникова, был одним из немногих, кто давал своим бывшим рабочим пенсии и оказывал помощь своим служащим, оказавшимся в беде [28].

Безусловно, одной из причин благотворительности купцов было и тщеславие, в частности, стремление получать ордена и звания [6. С. 241].

Для преимущественно русского купечества Алтая действительно благотворительность в пользу церкви была одним из главных направлений. Большинство церквей, монастырей, церковно-приходских школ строились и содержались прежде всего на купеческие деньги. В Барнауле еще в начале XIX в. (освящена в 1815 г.) на средства купца Ильи Пуртова была построена Одигитриевская церковь [29. С. 79]. Во второй половине XIX – начале XX в. крупнейшей благотворительницей в данном направлении была Е.И. Бадьина (Судовская), совладелица Иткульского винокуренного и Барнаульского водочного заводов. Исключительно на ее средства был заложен и развивался Богородице-Казанский женский монастырь в окрестностях Барнаула. Женская община получила статус монастыря в 1900 г., тогда она насчитывала 162 человека, в том числе 30 девочек школьниц. В 1904 г. для монастыря был построен крупнейший в Барнауле храм в честь Казанской иконы Божьей Матери, вмещавший до 1,5 тыс. человек. Одновременно были выстроены другие постройки – келейный корпус, двухэтажное здание церковно-приходской школы, жилые дома [30. С. 76–77]. Одновременно Судовская жертвовала средства на нужды народного образования и другие цели.

Щедро жертвовали деньги на нужды церкви бийские купцы, прежде всего супруги Морозовы и М.С. Сычев. В основном на средства А.Ф. Морозова был построен в Бийске Троицкий собор, а его супруга, уже после смерти мужа, выделила 40 тыс. руб. на домовую церковь при бийском мужском училище [31. С. 146, 150–151]. М.С. Сычев 18 лет избирался старостой Успенской церкви и ежегодно выделял деньги на содержание церковного хора, покупал иконы, выделял средства на ремонт здания. Он также выделил деньги на строительство архиерейского дома (обширное каменное здание) и церкви при нем [32. С. 113–114].

На средства каменского купечества в центре села (село Камень Барнаульского уезда, с 1915 г. – город) в 1902 г. была выстроена большая церковь Богоявления. По свидетельствам жителей Камня-на-Оби, большие деньги на сооружение храма внес местный миллионер, купец 1-й гильдии А.И. Винокуров, он же заказал в Томске колокол весом в 61 пуд и доставил его водным путем в Камень. На его же средства были закуплены строительные материалы и оплачивался труд строителей [33. С. 53]. На деньги Винокуровых также была построена церковь и на их родине, в селе Тюменцевском, того же Барнаульского уезда.

Благотворительность в сферах народного образования, здравоохранения, городского хозяйства тесно была связана с последствиями проведения городской

реформы 1870 г. В Барнауле и Бийске купцы составляли значительную часть гласных городских дум, как правило, из их среды избирали городских голов. По делопроизводственным документам, прежде всего журналам заседаний, городских дум хорошо прослеживается благотворительность гласных. Наиболее активными гласными городских дум были представители второго и третьего поколений предпринимателей, которые имели более высокий уровень образования, чем их предки. Так, купеческий сын П.И. Федулов окончил столичный технологический институт [34. Л. 1 об.], другой купеческий сын, Н.А. Ворсин, имел диплом инженера-химика [35. Л. 2], П.Д. Сухов, барнаульский купец 1-й гильдии, учился в Московском коммерческом училище, но не окончил полного курса учебного заведения [36. Л. 1 об.], П.Г. Грязнов окончил механико-техническое училище [12. С. 49] и т.д.

Отметим активное участие перечисленных купцов в разных комиссиях Барнаульской городской думы. Так, в 1912 г. П.И. Федулов являлся членом комиссий финансовой, телефонной, строительной; П.Д. Сухов – финансовой, по благоустройству города, санитарной [37. Л. 141 об.–142]. Большая группа купцов – гласных думы избиралась попечителями учебных заведений города, в их числе П.Д. Сухов, Ф.К. Козлов, Н.В. Голев, А.Ф. Ворсин, Е.В. Ельдештейн, П.Г. Грязнов Ф.А. Шадрин, М.А. Морозов и др. [38. Л. 197 об.]. Так, в попечительский совет женской гимназии (1906–1912 гг.) входили самые именитые купцы города – А.Г. Морозов, братья Ворсины, И.К. Платонов, П.И. Федулов, В.Д. Сухов, Г.В. Грязнов, С.Я. Яковлев и только один представитель интеллигенции – архитектор И.Ф. Носович [39. Л. 18].

Особенно значительными были пожертвования на нужды образования, здравоохранения, социальные цели купца В.Д. Сухова, что стало причиной присвоения ему звания почетного гражданина города Барнаула. В 1898 г. он совместно с братьями Прокопием и Павлом на деньги оставленные отцом (2 679 руб.) приступил к строительству школы, в 1907 г. выделил 3 тыс. руб. и 100 тыс. штук кирпича стоимостью 1,5 тыс. руб. на строительство городского училища, в 1902 г. выделил 3 тыс. руб. на строительство городской больницы, выделял он 500 руб. на приобретение книг для городской библиотеки, выделялись им средства (2 тыс. руб.) на строительство Народного дома и другие цели [40. С. 119–120, 124, 162, 189].

Значительные средства на развитие культуры, народного образования, медицины Барнаула жертвовали и купцы других городов. Эта традиция была свойственна для всей Сибири и свидетельствует не столько о деловых связях предпринимателей разных городов, сколько о восприятии Сибири как единого пространства, что, например, хорошо прослеживается и по содержанию газет и журналов того периода.

Так, на строительство Народного дома в Барнауле известный сибирской меценат И.М. Сибиряков пожертвовал 5 тыс. руб., бийский купец А.Ф. Морозов – 2 тыс. руб. [41. С. 459]. Е.Г. Морозова пожертвовала в 1898 г. 10 тыс. руб. на барнаульскую лечебницу. Ее супруг А.Ф. Морозов в начале 90-х гг. сделал несколько крупных пожертвований в пользу других регионов.

Так, 30 июля 1890 г. он передал в Томское губернское казначейство 25 тыс. руб. в пятипроцентных билетах Госбанка на постройку Томской губернской гимназии [42], а в декабре 1891 г. выделил 25 тыс. пудов ржи и ржаной муки в распоряжение тобольского губернатора [43]. Напомним, что в начале 90-х гг. многие губернии России, в том числе и Тобольскую, охватил неурожай.

Но особенно щедрые пожертвования делали Морозовы в родном Бийске. А.Ф. Морозов пожертвовал 3,2 тыс. руб. на развитие Владимирской школы, в 1875 г. построил одноэтажное каменное здание стоимостью 12 тыс. руб. для приходского училища, в 1880 г. пожертвовал 20 тыс. руб. на открытие женской прогимназии. Е.Г. Морозова по завещанию пожертвовала здание стоимостью 19 тыс. руб. для низшего ремесленного училища им. Алексея и Елены Морозовых [30. С. 144–146, 151].

Барнаульские купцы также жертвовали значительные суммы на лечебные заведения. Так, И.Г. Поляков завещал 3 тыс. руб. на содержание городской бесплатной лечебницы [44. Л. 28]. На благотворительность купечества влияла не только их работа в органах городского самоуправления, но и участие в общественных организациях, прежде всего в барнаульском и бийском Обществах попечения о начальном образовании, первое было создано в 1884 г., второе – в 1902 г. Активными членами барнаульского общества являлись И.К. Платонов и его первая супруга Е.М. Платонова, В.М. Вершинин, В.Н. и В.Д. Суховы, И.И. Поляков, Е.И. Судовская и др., бийского – А.Ф. и Е.Г. Морозовы, Н.И. Асанов, А.Д. Васенев, А.П. Копылов и др. [12. С. 35, 39, 42–43, 60, 79, 92].

В маленьких городах (Кузнецк, Колывань), торговых-промышленных селах (Камень, Змеиногорское, Усть-Чарышская Пристань), как правило, в роли главных благотворителей выступал кто-либо из наиболее зажиточных купцов, в Кузнецке – С.Е. Попов, в Колывани – Е.А. Жернаков, в Змеиногорском – Митины, в Камне – Винокуровы. Так, кузнецкий купец С.Е. Попов, который неоднократно избирался городским головой, щедро жертвовал деньги на церковные нужды, народное образование, здравоохранение, был инициатором строительства Народного дома (1906 г.). Общие суммы его пожертвований составили, вероятно, по неполным подсчетам, более 19 тыс. руб. Ему заслуженно было присвоено звание почетного гражданина города Кузнецка [45. С. 176].

Таким образом, благотворительность предпринимателей Алтая, прежде всего наиболее крупных городов – Барнаула и Бийска – развивалась в целом в тех же направлениях, что и в прочих сибирских городах, в сферах народного образования, здравоохранения, попечительства о церквях. По суммам отпускаемых средств алтайские меценаты значительно уступали иркутским Сибиряковым, Трапезниковым, красноярскому купцу М.К. Сидорову, томскому З.М. Цибульскому. Но у них и не было таких значительных капиталов, как у перечисленных выше предпринимателей общесибирского масштаба. И все же таких предпринимателей Алтая, как бийские купцы Морозовы, барнаульские Суховы, Е.И. Судовская, Платоновы, следует отнести к щедрым благотворителям, которые реально способствовали улучшению ситуации в культурной и социальной сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коган Д. Мамонтовский кружок. М. : Изобразительное искусство, 1970. 220 с.
2. Киевский музей западного и восточного искусства: фотопутеводитель / авт.-сост. В.Е. Герасимчук и др. Киев : Мистецтво, 1986. 159 с.
3. История Сибири: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л. : Наука, 1968. Т. 3. 530 с.
4. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М. : Наука, 1989. 192 с.
5. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв. Тюмень : Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 1998. 202 с.
6. Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII–XIX веков. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
7. Гаврилова Н.И. Благотворительная деятельность в общественном быту горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков : сб. ст. Иркутск : Оттиск, 2005. Вып. VI. С. 64–76.
8. Шахеров В.П. Иркутск купеческий. История города в судьбах и лицах. Хабаровск : Изд. Дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
9. Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Кухтерины // Деловая элита старой Сибири: истор. очерки / отв. ред. А.В. Старцев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 111–125.
10. Разумов О.Н. Цибульский // Деловая элита старой Сибири : истор. очерки / отв. ред. А.В. Старцев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 241–249.
11. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2012. Т. 1. 450 с.; 2013. Т. 2. 464 с.
12. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая 1861–1917 : энциклопедия предпринимательства. Барнаул : Демидовский фонд, 1996. 112 с.
13. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. 241 с.
14. Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул : БЮИ МВД России, 2016. 446 с.
15. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2009. 276 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : ЦСК МВД, 1904. Т. 79. XXV, 246 с.
17. Ульянова Г.Н. Благотворительность // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия / отв. ред. Ю.А. Петров. М. : РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 237–244.
18. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX веков / Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А. и др. Новосибирск : Сова, 2006. 352 с.
19. Скубневский В.А. Предпринимательство чиновников и горных служащих на Алтае в пореформенный период // Сибиряки : региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2009. С. 104–109.
20. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5853.
21. Скубневский В.А. Платоновы // Деловая элита старой Сибири : истор. очерки / отв. ред. А.В. Старцев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 168–179.
22. Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул : Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2017. Т. 5. С. 76–146.

23. Скубневский В.А. Платоновы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. С. 160–161.
24. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5994.
25. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул : Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2017. Т. 4. 544 с.
26. Подробный указатель по отделам всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIII. Сибирский. М. : Типо-литография Русского Т-ва печатного и издательского дела, 1896. 154 с.
27. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3.
28. Сибирский листок (Тобольск). 1891. 3 окт.
29. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1997. 408 с.
30. Скворцова Т.В. Богородице-Казанский женский монастырь и его роль в развитии народного просвещения в Барнауле // История православия на Алтае (Материалы II Свято-Макарьевских чтений, 17–20 сент. 2001 г.) : сб. ст. Барнаул : Азбука, 2001. С. 75–81.
31. Старцев А.В. Морозовы // Деловая элита старой Сибири : истор. очерки / отв. ред. А.В. Старцев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 140–155.
32. Старцев А.В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая // Предпринимательство на Алтае XVIII в. – 1920-е годы / отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул : День, 1993. С. 113–128.
33. Скубневский В.А., Зенухина Т.Н. Винокуровы // Очерки истории Камня-на-Оби / отв. ред. А.В. Старцев. Камень-на-Оби : АО Алтай-кокс, 1996. С. 47–57.
34. ГААК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 44.
35. ГААК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 5.
36. ГААК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 37.
37. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11.
38. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17.
39. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 15.
40. Барнаульская городская Дума. 1877–1996. Сборник документов. Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. 305 с.
41. Краткий очерк XXV-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле (1884–1909): прочитан на торжественном собрании 8 ноября 1909 года / сост. Ф.М. Гаврилов // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул : Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2017. Т. 3. С. 452–460.
42. Сибирский листок. 1891. 21 февр.
43. Сибирский листок. 1892. 13 февр.
44. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 5047.
45. Шадрин А.С. Попов Степан Егорович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. С. 176.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 мая 2018 г.

CHARITY WORK OF ALTAI MERCHANTS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 155–160.

DOI: 10.17223/15617793/435/20

Valery A. Skubnevsky, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: koi@hist.asu.ru

Keywords: charity; Altai; merchantry; Municipal Reform of 1870; Orthodox Church; public education.

The article deals with the charity work of Altai merchants of the second half of the 19th – early 20th centuries. The information sources for the article were reference books, first of all, encyclopedias, funds of the State Archive of Altai Krai – documents of the Barnaul Municipal Council, of the Barnaul Branch of the State Bank (customers' personal files), service lists of the Mines Department office workers who were engaged in commerce, periodicals. The author notes that merchants' charity work was determined by their religiosity, striving to gain rewards, including orders. The charity increase was influenced by an increase of the educational level of some merchants; in the main it concerns representatives of the second and third generations of merchants' families. There was a special group of merchants in the second half of the 19th century composed of retired office workers of the Mines Department. As a rule, they had higher or secondary education and were distinguished by a higher cultural level in comparison with the majority of guild merchants. First of all, they donated money to public education. I.K. Platonov and M.B. Prang set up schools for children of workers of their plants. Together with their wives, the merchants were members of the Board of Trustees for elementary education. N.A. Davidovich-Nashchinsky bought a house for a municipal trade school in Barnaul for his own money. A larger number of Altai business owners were guild merchants. Their social activity was positively influenced by the Municipal Reform of 1870. Working in public Municipal Councils, they were elected trustees of schools and trade schools, hospitals and libraries, which stimulated the financial support of the institutions. The author pays attention to another interesting aspect: donation for different purposes to not only their own, but also other towns or provinces of Siberia. So, the famous merchant from Irkutsk I.M. Sibiryakov gave a considerable sum of money to Barnaul, the merchant A.F. Morozov from Biysk donated money to Tomsk, Barnaul and Tobolsk provinces. Further the author points out that typical charities to which merchants gave money were the financial support of churches (construction and arrangement of temples and monasteries), public education and public health. Among the most generous benefactors in Altai were the Sukhovs, the Platonovs, Ye.I. Sudovskaya in Barnaul, the Morozovs, M.S. Sychev, N.I. Assanov, A.D. Vasenev in Biysk, S.E. Popov in Kuznetsk. On the whole, charity work of merchants had a positive effect on the situation in social and cultural spheres.

REFERENCES

1. Kogan, D. (1970) *Mamontovskiy kruzhok* [Mamontov circle]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
2. Gerasimchuk, V.E. et al. (1986) *Kievskiy muzey zapadnogo i vostochnogo iskusstva: fotoputevoditel'* [Kiev Museum of Western and Eastern Art: a photo guide]. Kiev: Mistetstvo.
3. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri: v 5 t.* [History of Siberia: in 5 vols]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
4. Bokhanov, A.N. (1989) *Kollektsionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and patrons in Russia]. Moscow: Nauka.
5. Bespalova, Yu.M. (1998) *Tsennostnye orientatsii v kul'ture zapadnosibirskogo predprinimatel'stva vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Value orientations in the culture of West Siberian entrepreneurship of the second half of the nineteenth – early twentieth centuries]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University.
6. Boyko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo kontsa XVIII–XIX vekov. Iz istorii formirovaniya sibirskoy burzhuzii* [Tomsk merchants of the late 18th–19th centuries. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodoley.

7. Gavrilova, N.I. (2005) Blagotvoritel'naya deyatel'nost' v obshchestvennom bytu gorozhan Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [Charity activities in the public life of the citizens of Irkutsk Province in the second half of the nineteenth century]. In: Shakherov, V.P. (ed.) *Sibirskiy gorod XVIII – nachala XX vekov* [Siberian city of the 18th – early 20th centuries]. Is. 6. Irkutsk: Ottisk.
8. Shakherov, V.P. (2006) *Irkutsk kupecheskiy. Istoriya goroda v sud'bach i litsakh* [Merchant Irkutsk. The history of the city in fates and faces]. Khabarovsk: Izd. Dom "Priamurskie vedomosti".
9. Dmitrienko, N.M. & Zinov'ev, V.P. (2005) Kukhteriny [The Kukhterins]. In: Startsev, A.V. (ed.) *Delovaya elita staroy Sibiri: istor. ocherki* [Business elite of the old Siberia: historical essays]. Novosibirsk: Sova.
10. Razumov, O.N. (2005) Tsibul'skiy [Tsibulsky]. In: Startsev, A.V. (ed.) *Delovaya elita staroy Sibiri: istor. ocherki* [Business elite of the old Siberia: historical essays]. Novosibirsk: Sova.
11. Rezum, D.Ya. (ed.) (2012, 2013) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary on the history of the merchants and commerce of Siberia: in 2 vols]. Novosibirsk: Geo.
12. Skubnevskiy, V.A., Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (1996) *Predprinimateli Altaya 1861–1917: entsiklopediya predprinimatel'stva* [Entrepreneurs of the Altai 1861–1917: Encyclopedia of Entrepreneurship]. Barnaul: Demidovskiy fond.
13. Skubnevskiy, V.A., Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2001) *Kupechestvo Altaya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The merchants of the Altai in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Barnaul: Altai State University.
14. Startsev, A.V. (2016) *Sibir' i sopredel'nye territorii: istoriya, istoriografiya, metodologiya* [Siberia and adjacent territories: history, historiography, methodology]. Barnaul: BYuI MVD Rossii.
15. Goncharov, Yu.M. & Lityagina, A.V. (2009) *Ocherki istorii goroda Biyska (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Essays on the history of the city of Biisk (second half of the nineteenth – beginning of the twentieth century)]. Barnaul: Azbuka.
16. Russian Empire. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 79. St. Petersburg: TsSK MVD.
17. Ul'yanova, G.N. (2008) Blagotvoritel'nost' [Charity]. In: Petrov, Yu.A. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g.: entsiklopediya* [Economic History of Russia from Ancient Times to 1917: Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
18. Ankusheva, K.A. et al. (2006) *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [The history of public self-government in Siberia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Novosibirsk: Sova.
19. Skubnevskiy, V.A. (2009) *Predprinimatel'stvo chinovnikov i gornykh sluzhashchikh na Altae v poreformenny period* [Entrepreneurship of officials and miners in the Altai in the post-reform period]. In: Rodigina, N.N. (ed.) *Sibiryaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve* [Siberians: a regional community in the historical and educational space]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
20. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 5853. (In Russian).
21. Skubnevskiy, V.A. (2005) Platonovy [The Platonovs]. In: Startsev, A.V. (ed.) *Delovaya elita staroy Sibiri: istor. ocherki* [Business elite of the old Siberia: historical essays]. Novosibirsk: Sova.
22. Rylova, E.P. (2017) Nachal'naya shkola v Altayskom okruge v 1894 godu [Primary school in Altai district in 1894]. In: Kladova, V.P. et al. (eds) *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [The Altai in the writings of scientists and travelers of the 18th – early 20th centuries]. Vol. 5. Barnaul: Alt. kraev. univer. nauch. b-ka im. V.Ya. Shishkova.
23. Skubnevskiy, V.A. (2013) Platonovy [The Platonovs]. In: Rezum, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary on the history of the merchants and commerce of Siberia: in 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo.
24. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 5994. (In Russian).
25. Kladova, V.P. et al. (eds) (2017) *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [The Altai in the writings of scientists and travelers of the 18th – early 20th centuries]. Vol. 4. Barnaul: Alt. kraev. univer. nauch. b-ka im. V.Ya. Shishkova.
26. Anon. (1896) *Podrobnyy ukazatel' po otdelam vserossiyskoy promyshlennoy i khudozhestvennoy vystavki 1896 g. v Nizhnem Novgorode. Otdel KhIII. Sibirskiy* [Detailed index on the departments of the All-Russian industrial and art exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Sector XIII. Siberian]. Moscow: Tipo-litografiya Russkogo T-va pechatnogo i izdatel'skogo dela.
27. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 51. List 1. File 3. (In Russian).
28. *Sibirskiy listok* (Tobolsk). (1891) 3 October.
29. Altai Krai Administration. (1997) *Dokumenty po istorii tserkvey i veroispovedaniy v Altayskom krae (XVII – nachalo XX v.)* [Documents on the history of churches and religions in Altai Krai (17th – early 20th century)]. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya.
30. Skvortsova, T.V. (2001) [The Virgin-Kazan Convent and its role in the development of public education in Barnaul]. *Istoriya pravoslaviya na Altae* [History of Orthodoxy in the Altai]. Proceedings of the II St. Macarius Readings. 17–20 September 2001. Barnaul: Azbuka. pp. 75–81. (In Russian).
31. Startsev, A.V. (2005) Morozovy [The Morozovs]. In: Startsev, A.V. (ed.) *Delovaya elita staroy Sibiri: istor. ocherki* [Business elite of the old Siberia: historical essays]. Novosibirsk: Sova.
32. Startsev, A.V. (1993) Obshchestvennaya i kul'turnaya deyatel'nost' predprinimateley Altaya [Social and cultural activities of entrepreneurs of the Altai]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Predprinimatel'stvo na Altae XVIII v. – 1920-e gody* [Entrepreneurship in the Altai in the 18th c. – 1920s]. Barnaul: Den'.
33. Skubnevskiy, V.A. & Zenukhina, T.N. (1996) Vinokurovy [The Vinokurovs]. In: Startsev, A.V. (ed.) *Ocherki istorii Kamnya-na-Obi* [Essays on the history of Kamen-na-Obi]. Kamen-na-Obi: AO Altay-koks.
34. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 82. List 1. File 44. (In Russian).
35. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 82. List 1. File 5. (In Russian).
36. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 82. List 1. File 37. (In Russian).
37. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 51. List 1. File 11. (In Russian).
38. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 51. List 1. File 17. (In Russian).
39. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 51. List 1. File 15. (In Russian).
40. Skubnevskiy, V.A. (ed.) (1999) *Barnaul'skaya gorodskaya Duma. 1877–1996. Sbornik dokumentov* [Barnaul City Duma. 1877–1996. Collection of documents]. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya.
41. Gavrilov, F.M. (2017) Kratkiy ocherk XXV-letney deyatel'nosti Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Barnaule (1884–1909): prochitan na torzhestvennom sobranii 8 noyabrya 1909 goda [A brief essay on the 25 years of activities of the Care Society about primary education in the city of Barnaul (1884–1909): read at the ceremonial meeting of November 8, 1909]. In: Kladova, V.P. et al. (eds) *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [The Altai in the writings of scientists and travelers of the 18th – early 20th centuries]. Vol. 3. Barnaul: Alt. kraev. univer. nauch. b-ka im. V.Ya. Shishkova.
42. *Sibirskiy listok*. (1891) 21 February.
43. *Sibirskiy listok*. (1892) 13 February.
44. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 5047. (In Russian).
45. Shadrina, A.S. (2013) Popov Stepan Egorovich [Stepan Egorovich Popov]. In: Rezum, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary on the history of the merchants and commerce of Siberia: in 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo.

Received: 28 May 2018

М.О. Тяпкин, О.А. Тяпкина

СИСТЕМА ПОЛЬЗОВАНИЯ ВАЛЕЖНИКОМ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Рассматривается опыт лесопользования в Российской империи на примере особой категории лесных материалов – валежного леса. В основу статьи были положены исследования дореволюционных лесоводов, законодательные источники и архивные материалы. В ходе исследования было установлено, что благодаря особенностям системы отечественного лесопользования в лесных массивах скапливалось огромное количество валежной древесины, что осложняло пожарную обстановку в лесах и способствовало распространению болезней и вредителей леса. Основными способами очистки лесных дач от валежника являлись проведение лесных работ и организация льготных и бесплатных отпусков древесины.

Ключевые слова: лесное хозяйство; лесопользование; охрана лесов; недревесные лесные ресурсы; валежник; Лесной устав; Лесной кодекс.

Лесные экосистемы планеты предоставляют человеку возможность пользоваться разнообразными ресурсами, которые современная наука подразделяет на древесные и недревесные. Безусловно, древесина представляет собой важнейший объект эксплуатации, однако исследователями неоднократно отмечался тот огромный потенциал, которым обладают недревесные лесные ресурсы, при условии их комплексного использования [1–3]. Примерный перечень недревесных лесных ресурсов закреплён в действующем Лесном кодексе Российской Федерации (2007 г.) и выглядит следующим образом: пни, береста, кора деревьев и кустарников, хворост (древесина менее четырёх сантиметров толщины в диаметре), веточный корм, еловые, пихтовые, сосновые лапы, ели для новогодних праздников, мох, лесная подстилка, камыш, тростник и т.п.

Валежная древесина до недавнего времени, в соответствии с лесным законодательством Российской Федерации, относилась к древесным ресурсам. С точки зрения лесоводческой науки это оправдано, поскольку валежник представляет собой лежащие на поверхности почвы мёртвые стволы деревьев или их части, образующиеся при естественном отмирании деревьев, ветровале, буреломе, снеголоме, повреждении насаждений вредными насекомыми, грибными болезнями и лесными пожарами, а также при рубках [4. С. 45]. Однако подобная градация затрудняет организацию рационального лесопользования, поскольку режим использования древесных и недревесных ресурсов в нашей стране имеет существенные отличия.

В соответствии с действующим Лесным кодексом граждане имеют право заготавливать и собирать недревесные лесные ресурсы для удовлетворения собственных нужд. Однако отсутствие в упоминаемом выше перечне недревесных материалов валежника фактически означает, что его заготовка должна осуществляться на общих с другими видами древесины основаниях, что предусматривает необходимость заключения договора аренды лесного участка или купли-продажи лесных насаждений (в случае, если лесной участок не предоставляется). Сбор валежника без наличия соответствующих разрешительных документов *de jure* является противоправным деянием, за которое предусмотрена административная или уголов-

ная ответственность, вплоть до лишения свободы на срок до двух лет. Правоприменительная практика в разных регионах нашей страны по вопросам преследования лесонарушений в виде сбора валежного леса в последние годы не отличалась единством. В ряде регионов власти не препятствовали гражданам в сборе сухого леса на отопление своих жилищ, однако в других, следуя букве закона, заставляли оформлять соответствующие договоры и соблюдать все лесозаготовительные регламенты.

На протяжении нескольких последних лет от депутатов и представительных органов власти субъектов Российской Федерации, в частности Алтайского краевого законодательного собрания, в Государственную думу были направлены на рассмотрение пять законопроектов. Все они предусматривали внесение изменений в действующий Лесной кодекс в части перевода валежника из категории древесины в категорию недревесных лесных ресурсов. Наконец, в апреле 2018 г. Государственная дума приняла соответствующий закон, который вступает в силу с 1 января 2019 г. Принятие этой новеллы есть лишь начало большой работы по совершенствованию системы правового регулирования отношений в сфере лесопользования и лесоохраны. В дальнейшем потребуется большая организационная работа по подготовке правил пользования валежником. Эта работа должна вестись с учётом лесохозяйственных особенностей отдельных регионов, существующего зарубежного опыта, с опорой на исторические традиции отечественного лесопользования.

В рамках данной статьи мы хотели бы остановиться на рассмотрении процесса формирования и развития системы пользования валежным лесом, а также характеристике основных черт, которые были ей присущи на протяжении XVIII – начала XX в. История использования валежного леса напрямую связана с уровнем развития лесного хозяйства, она затрагивает не только лесоэксплуатационное, лесоохранное, лесокультурное и лесоинженерное направления деятельности специализированных государственных органов, но и социально-экономическую сферу, демонстрируя уровень зрелости отношений между государством и населением.

Леса Российской империи в дореволюционный период делились на государственные (казенные и

имевшие особое предназначение), общественные и частные. Исходя из того, что наиболее многочисленной категорией являлись государственные леса, а также учитывая, что только в рамках казенного лесного хозяйства могла сложиться единая система пользования валежником, имевшая, помимо экономической составляющей, очевидную социальную направленность, мы остановимся на характеристике лесопользования в государственных лесах.

В дореволюционной справочной лесоводческой литературе «валежник», или «валеж», определялся как «лес, лежащий и утеревший уже некоторые качества свежесрубленного леса, образовавшийся из поваленных и поломанных ветром, навалом снега, ожеледью или другими причинами целых деревьев или частей их, а также из срубленных и невывезенных из лесу деревьев, равно как и оставшиеся в лесу от заготовок лесных материалов вершины, сучья и части стволов, но не щепы и мелкие ветви» [5. С. 47]. Как мы видим из этого определения, основные признаки валежника без каких-либо существенных изменений сохранились до наших дней. Дореволюционное лесное право также не отделяло валежник от древесной лесной растительности, однако система его использования и предоставления права пользования им населению была, по сравнению с современной, более гибкой.

С момента начала формирования отечественной лесной отрасли в первой четверти XVIII в. валежный лес, непригодный для нужд армии и флота, рассматривался правительством как альтернатива использования качественного строевого леса на топливо. Уже Петр I предписывал, под страхом денежного и телесного наказания, использовать на дрова исключительно валежник, а также деревья, негодные на «хоромное и корабельное строение» [6. С. 150]. В вальдмейстерской инструкции, которая стала венцом законотворческой деятельности Петра I в сфере лесного хозяйства, было подтверждено, что пользование валежником, если он негоден для корабельного строения, должно осуществляться преимущественно перед растущим лесом. Заготовка таких лесоматериалов на собственные надобности могла вестись населением по упрощенной схеме, при которой разрешения ответственных за состояние лесов вальдмейстеров не требовалось [7. С. 174–181].

Многие леса, особенно в малонаселенных районах страны, были в буквальном смысле завалены валежником до непроходимого состояния. На характер лесопользования (в том числе валежной древесины) существенное влияние оказывали региональные особенности, присущие разным частям Российской империи, которые определялись как природными факторами региона, так и укладом жизни населения. Так, в прибалтийских губерниях были распространены сервитутные права населения на круглогодичное пользование валежником из казенных лесных дач без каких-либо ограничений за символическую плату. В лесах Прибалтики, а также густонаселенных южных и центральных губерний валежник практически отсутствовал, так как выбирался и использовался на нужды населения. В более лесистых и менее населенных местностях, особенно в Сибири и северных губерни-

ях, население предпочитало брать на отопление домов растущий лес высокого качества, бросая старые деревья, а для очистки лесов от валежника местные жители прибегали к помощи огня, провоцируя тем самым лесные пожары [8. С. 16].

Источниками накопления мертвой древесины в лесах являлись не только природные причины (ветровалы, пожары, вымокания, жизнедеятельность животных и насекомых), но и сама лесохозяйственная система. Уборка порубочных остатков (вершинник, отрубы, крупные сучья, кора, ветви) в казенных лесах долгое время возлагалась на тех, кто покупал лес или получал его бесплатно, что было самым простым, но, к сожалению, не самым эффективным способом борьбы с захламленностью лесных дач. По мере интенсификации лесного хозяйства в административных недрах созрела мысль о необходимости проведения этой лесохозяйственной операции исключительно силами лесной стражи либо специально нанимаемых рабочих. В середине XIX в. была разработана система денежных залогов, которые поступали лесному ведомству в случае, если лесозаготовитель не выполнял своих обязательств по очистке делянок. Лесозаготовители очень неохотно выполняли эту часть договора, предпочитая оставлять залогов в лесничествах. Но и у лесного ведомства сил и средств на своевременную уборку порубочных остатков не хватало, поэтому они убирались преимущественно в легкодоступных местах.

Решать проблему очистки лесных дач от валежника было необходимо комплексно, в том числе с использованием достижений лесоводческой науки. В теоретических исследованиях и практических руководствах по лесоведению и лесоводству содержались доказательства вреда, наносимого находящейся в лесу мертвой древесиной и обоснования необходимости ее удаления. Н.С. Шафранов писал, что «весьма часто лесные пожары усиливаются до страшных размеров, благодаря накопившемуся в лесах сухому валежному лесу. Огонь, двигаясь по поверхности лесной почвы и сжигая почвенный покров, дойдя до нагроможденных куч валежного леса, охватывает его своим пламенем, взвивается и поджигает собою нижние сучья растущих деревьев, быстро переходит в вершину дерева и распространяется по вершинам, истребляя весь лес на повал» [9. С. 26]. Помимо пожарной опасности валежник и другие поврежденные деревья представляют угрозу для растущего леса, поскольку создают благоприятные условия для распространения вредителей и болезней леса. Специалисты призывали смотреть на очистку лесных дач не как на «финансовую операцию, стоимость которой должна непременно окупиться продажной суммой валежного леса, а как на авансовую хозяйственную лесоохранительную затрату, имеющую целью предотвратить неисчислимые убытки, грозящие в будущем» [Там же. С. 26–27].

Рост промышленного производства в первой половине XIX в., увеличение численности населения при господстве примитивной агротехники, предполагавшей расчистку лесных площадей под пашню, привели к увеличению нагрузки на лесные массивы европейской части страны и существенному сокращению ле-

систости [10. С. 201]. В ряде центральных и южных губерний уже в первой половине XIX в. лесное ведомство было вынуждено ограничить объемы отпуска растущего леса из казенных дач (а в отдельных местностях вовсе прекратить), заменяя его валежной, сухостойной и ветровалной древесиной. Для удовлетворения домашних потребностей в топливе, а также для жжения угля, сидки дегтя и изготовления поташа предписывалось использовать исключительно сухостойный и валежный лес.

Возросшая потребность государства в качественной древесине и постепенная коммерциализация лесного хозяйства заставляли правительство рассматривать валежник как источник доходов. По мере проникновения в лесную отрасль рыночных отношений казенным лесным ведомством стали практиковаться заготовка валежника своими силами и его дальнейшая реализация «по настоящим ценам без упущения». В лесных уставах получила закрепление норма, согласно которой при заготовке строевых деревьев лесозаготовитель был обязан использовать валежный, буреломный, а также сухостойный лес, если он удовлетворял требованиям качества.

Модернизация казенного лесного хозяйства Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. предполагала создание условий для интенсивной эксплуатации всех лесных ресурсов, а не только растущего леса. Лесное законодательство делило деревья на несколько типов: корабельные, строевые, поделочные, дровяные. К первой категории относились наиболее ценные породы, вторую составляли все годные для постройки, из поделочной древесины изготавливались разного рода деревянные изделия, а дровяные, в силу своего низкого качества, могли быть использованы только на дрова. Причем к последней категории могли относиться не только сухостойные или поврежденные, но и растущие деревья, не подходящие ни к одной из оставшихся категорий. Валежный лес не обязательно относился к категории дровяной древесины, поскольку ветром могло повалить и вполне здоровое, годное для строительства дерево. Такое подразделение было необходимо для составления лесохозяйственных планов, оборотов рубок и определения таксовой стоимости древесины.

Очистка лесных дач от валежника могла осуществляться путем хозяйственной заготовки древесины силами казенного лесного ведомства, в ходе проведения лесных работ или путем предоставления лесных участков лесопромышленникам и населению.

В дореформенный период лесные работы являлись одной из натуральных повинностей государственных крестьян. После отмены обязательного труда работы в казенных лесных дачах проводились за счет специальных сметных отчислений, поступающих на места из Лесного департамента. В целях экономии департамент предписывал губернским и областным управлениям производить уборку валежного и сухостойного леса «без затраты денежных средств со стороны казны, посредством продажи этого леса» или хозяйственным способом с дальнейшей реализацией заготовленной древесины [11. С. 30]. Еще одной формой расчета с крестьянами могло стать предоставление в

их пользу собранного валежного леса, пригодного на дрова.

Правила рационального ведения лесного хозяйства требовали постоянного контроля со стороны лесного ведомства за осуществлением лесопользования в рамках утвержденных годовых смет. Сверхсметные отпуска леса в зачет сметы будущего года или без зачета могли производиться только при наличии обоснования. Одним из немногих исключений являлось использование валежной древесины. Со второй половины XIX в. губернские управления государственных имуществ и местные лесничие (в зависимости от суммы отпускаемых лесоматериалов) получили право осуществлять сверхсметные отпуска валежного леса потребителям в неограниченном количестве, без зачета в сметные назначения текущего и будущего годов [12. С. 420–422]. Сухостойный, буреломный и поврежденный до степени прекращения роста лес отпускался, хотя и сверхсметно, но с зачетом в сметные отпуска будущего года. Таксовая стоимость такой древесины, частично утратившей свои деловые качества, однако, не могла понижаться более, чем на 50%, а ее реализация осуществлялась по упрощенной схеме, без проведения процедуры торгов.

При подготовке в 1913 г. проекта нового Лесного устава было предложено в целях обеспечения неистощительного лесопользования и сокращения объемов рубок растущего леса отпуска мертвого и поврежденного леса (даже валежного), занимающего значительные сплошные площади производить сверхсметно, но с обязательным зачетом в сметные назначения [13. С. 71–72].

Вопрос об использовании валежника выходил за рамки исключительно экономической плоскости. Грамотное использование этой категории древесины являлось весьма эффективным орудием в руках государства для ликвидации так называемого лесного голода, вызываемого дефицитом лесоматериалов. Древесное топливо в условиях сурового российского климата приобретало значение фактора выживания населения, особенно крестьян. Существовавшая система бесплатных и льготных отпусков древесины на дрова отдельным категориям населения, прежде всего малоимущим, имела четко выраженную патерналистскую направленность. Н.С. Шафранов, обращаясь к частным лесохозяевам, предлагал им принять участие в решении острейшей социальной проблемы «лесного голода» путем предоставления возможности населению даром или за символическую плату самостоятельно заготавливать «продукты лесного хозяйства, не имеющих в нем особенной цены» (пни, сучья, ветви, мелкий валежник и т.п.). Подобная практика, с успехом использовавшаяся в странах с развитой лесохозяйственной системой (Германия, Франция), могла бы устранить повод к покушениям на похищение леса со стороны беднейших окрестных жителей, получающих возможность снабдить себя бесплатным топливом. Необходимо учитывать, что основной причиной самовольного лесопользования являлось отсутствие возможности на законных основаниях удовлетворить потребность в строевом и дровяном лесе [14].

Дореволюционное лесное законодательство разделяло лесопользование на основное и побочное. К последнему относились сидка дегтя, добыча смолы, изготовление поташа и древесного угля, заготовка коры (дубовой, ивовой, еловой – для дубления кож, липовой – для получения лыка и мочала), различных лесных растений, листвы, мха, плодов, древесного сока, торфа, песка и глины, пастьба скота, а в некоторой степени охота и рыболовство. Побочное лесопользование осуществлялось на платной основе по специальным билетам, которые необходимо было получать в лесничестве.

Сбор валежника и хвороста, заготовка жердей и кольев, пней и корней и т.п. не относились к побочным пользованиям, поскольку речь шла о заготовке древесины. Для заготовки стоящего на корню, а также лежащего леса требовалось приобретение билета, в котором указывалось, кому разрешается заготовка леса, на каких основаниях, размеры отпуска, сумма оплаты и ее поступление, время и условия проведения заготовки древесины и другие сведения. На льготные или бесплатные отпуска леса, в том числе валежного, также должны были оформляться соответствующие билеты.

Самовольный сбор буреломных и валежных деревьев приравнивался к порубке и являлся уголовно наказуемым деянием. Приравнивалась к самовольной порубке также и продажа полученной бесплатно или приобретенной по льготной цене древесины. В ст. 157 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, оговаривалось, что собирание валежника и хвороста в казенных лесах не являлось преступлением, если эти действия не противоречили положениям Лесного устава. Между тем в лесных уставах не содержалось четкого указания на то, что понимается под законным пользованием валежником и хворостом, что дало основание Н.И. Фалееву заявлять, что эта правовая норма не имеет никакого юридического содержания и помещается в уставе только «по недоразумению» [15. С. 302]. Поскольку нормы лесных уставов не регламентировали порядок пользования валежником, этот вопрос нашел отражение в ведомственном нормотворчестве Лесного департамента. В частности, в 1870-х гг. департамент предоставил региональным управлениям право разрешать крестьянам бесплатно собирать валежник при соблюдении ими ряда условий, которые оговаривались в специально составляемом приговоре сельского общества [16. С. 341]. Регламентировались время и место, а также ответственность за потенциальный ущерб, который могли нанести своими действиями сборщики валежника растущему лесу.

Перечень лесопользователей, имевших право на безденежное получение или приобретение древесины по сниженным ценам, содержался в лесных уставах и подвергался постоянным корректировкам, преимущественно в сторону сокращения, что было продиктовано развитием рыночных отношений в лесной сфере, а также постепенным завершением землеустройства крестьянского населения. По мере завершения землеустроительной кампании объемы бесплатного снабжения крестьянского населения древесиной снижались, поскольку основным источником строевой и

дровяной древесины должны были стать земельные и лесные наделы, получаемые крестьянами.

Однако и после наделения крестьян земельными и лесными наделами снабжение населения древесиной, в том числе валежной, из казенных лесов продолжало практиковаться. В Российской империи наблюдался плюрализм форм собственности на лес и режимов эксплуатации его эксплуатации, однако ограничения пользования спорными, общими или въезжими лесами не распространялись на валежник; население могло его свободно собирать, но только для своих надобностей. В местностях, богатых лесом, например в таежных районах Сибири, право бесплатного получения валежника из казенных лесных дач было неограниченно и распространялось на все категории населения.

В годы обострения социальных противоречий, а также в военное время возрастали объемы бесплатных и льготных отпусков, в первую очередь нижним воинским чинам, призванным в действующую армию, и их семьям. Удовлетворение потребности этой категории населения в топливе происходило преимущественно за счет заготовки валежной древесины. Так, после начала Первой мировой войны Лесной департамент направил в губернские управления земледелия и государственных имуществ предписание, по которому в военное время беднейшие семьи нижних чинов имели право на бесплатное получение валежного леса на дрова в размере 3 куб. саж. на семью [17. Л. 41–48]. Лесничим предписывалось «идти навстречу» солдатским семьям, отпуская им древесину в удобных для них местах. Беднейшие солдатские семьи (сначала крестьянские, а с 1915 г. и проживавшие в городах) имели право бесплатно получать частями или целиком указанную годовую норму.

В послереволюционный период социальная нагрузка на лесную отрасль многократно возросла. Право на бесплатное получение валежника для отопления получили не только солдатские семьи, но и беднейшее население деревень и городов. Советская власть, несмотря на объявленную национализацию природных ресурсов и проведенную ревизию законодательства дореволюционного периода, оставила механизм пользования валежным лесом без существенных изменений. Там, где позволяли условия, в пользу трудового населения и на общественные нужды в первую очередь отпускался именно валежный лес. Как и в предшествующий период, такие отпуска могли осуществляться сверхсметно и без зачета в лесоотпускные сметы.

Таким образом, система пользования валежной древесиной, несмотря на свою конкретность и кажущуюся узконаправленность, затрагивает разнообразные сферы общественной жизни. Можно выделить как минимум три важнейшие ее составляющие, самым тесным образом связанные друг с другом: лесокультурную (очистка лесных дач от лежащей древесины в интересах правильного хозяйствования), экономическую (заготовка и дальнейшая реализация валежной древесины с получением прибыли и сохранением растущего леса для будущего использования), социальную (удовлетворение потребности

населения в топливе). Другими словами, налаженная и эффективно действующая система пользования валежной древесиной позволяет решать комплексную задачу сохранения лесного фонда страны и рационального ведения лесного хозяйства в интересах личности, общества и государства. Анализ исторического опыта лесопользования на примере такой катего-

рии лесных материалов, как валежник, показывает, что предоставление населению права свободного доступа к этому ресурсу отвечает интересам лесного хозяйства, однако сама процедура его заготовки должна находиться под контролем органом и должностных лиц, ответственных за лесозексплуатацию и лесоохрану.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильичев Ю.Н. Недревесные ресурсы леса: проблемы и перспективы использования // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014. X Международные научный конгресс и выставка (Новосибирск, 8–18 апр. 2014 г.). Международная научная конференция «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесозащитное, управление недвижимостью»: сб. материалов. Новосибирск, 2014. Т. 2. С. 287–290.
2. Кравченко А.А., Рыгалова Н.В. Потенциал недревесных ресурсов Алтайского края // География и природопользование Сибири : сб. ст. Барнаул, 2015. Вып. 19. С. 89–95.
3. Макаренко Е.Л. Использование лесов Сибири: оценка перспективного развития // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 19 (394). С. 12–43.
4. Лес России: энциклопедия / под общ. ред. А.И. Уткина, Г.В. Линдемана, В.И. Некрасова, А.В. Симолина. М., 1995.
5. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.
6. О нерубке годных к корабельному строению лесов. Именной указ от 28 февраля 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 5, № 2890.
7. Инструкция обер-вальдмейстеру от 3 декабря 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 7, № 4379.
8. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910.
9. Шафранов Н.С. Лесоохранение. 2-е изд. СПб., 1875.
10. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.
11. Гайковский Ф.А. Лесное законоведение. СПб., 1895.
12. Правила об отпуске лесных материалов из дач ведомства Министерства государственных имуществ. Высочайше утверждены 13 мая 1869 г. // Полное Собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 25. Отд. 1, № 47084.
13. Зайцев Д.М. Лесное законодательство (комментарии к проекту нового Устава лесного). СПб., 1913.
14. Тяпкин М.О., Демчик Е.В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 145–152.
15. Фалеев Н.И. Лесное право. М., 1913.
16. Романовский М. Курс русского лесного законодательства. СПб., 1881.
17. Государственный архив Томской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 879.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июля 2018 г.

THE USE OF COARSE WOODY DEBRIS IN RUSSIA IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 161–166.

DOI: 10.17223/15617793/435/21

Mikhail O. Tyapkin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Olga A. Tyapkina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: olgaat@rambler.ru

Keywords: forestry; forest use; protection of forests; non-wood forest products; coarse woody debris; Forest Charter; Forest Code.

The article aims to examine the genesis of the use of coarse woody debris and characterize its main features for a period of the 18th – early 20th centuries. It is shown on the example of state forests which were the most numerous category of forests during the pre-revolutionary period. One of the objectives of the article is the analysis of the historical experience in the sphere of forest use. This issue is particularly urgent since a law under which coarse woody debris is requalified from the category “wood” to the category “non-wood forest products” will come into force on January 1, 2019. The population has acquired the right to gather coarse woody debris for their home needs for fuel. Articles of pre-revolutionary forestry researchers as well as legislative acts and archive data are the basis of the article. The methodological basis is a systemic approach and some general and specific scientific methods. The authors came to the following conclusions. Interest in using coarse woody debris in Russia appeared simultaneously with the emergence of forestry as a separate branch of industry in the first quarter of the 18th century. In contrast to ship timber, coarse woody debris could be used with no restrictions. During the end of the 18th and the beginning of the 19th centuries, the Russian government tried to modernize forestry, including due to the increase in the gathering of coarse woody debris and other damaged wood which did not lose its useful properties and their further selling to the population. Using coarse woody debris for fuel was considered as a measure of preservation of the growing wood and of increase in state forestry profitability. Coarse woody debris was gathered by forces of state forestry with its further selling at lower rates. Besides, there were purposeful cleanings of forest areas of lying wood during forest works. At last, certain forest areas could be given to peasant communities that cleaned them by their own efforts and took coarse woody debris as payment. The law defined categories of the population, public and state organizations and institutions that had the right to receive coarse woody debris for heating for free. In that case, coarse woody debris was supplied from state forest areas apart from the established volumes of the growing wood. In the period of worsened social contradictions and in wartime, the volumes of free and preferential distributions of coarse woody debris to the lower military ranks who served in the army and their families were increased. Thus, the system of coarse woody debris use pursued several aims: economic, social and forest cleaning. It promoted an increase of income from forest use, rationalization of forestry and reduced acuteness of the “forest question” by supplying the population with wood fuel.

REFERENCES

1. Il'ichev, Yu.N. (2014) [Non-timber forest resources: problems and prospects for use]. *Interekspo GEO-Sibir'-2014* [Interexpo GEO-Siberia-2014]. X International Scientific Congress and Exhibition. Novosibirsk. April 8–18, 2014. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodopol'zovaniya, zemleustroystvo, lesoustroystvo, upravlenie nedvizhimost'yu* [Economic Development of Siberia and the Far East. Environmental economics, land management, forest management, real estate management]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Novosibirsk: SGG. pp. 287–290. (In Russian).
2. Kravchenko, A.A. & Rygalova, N.V. (2015) Potentsial nedrevesnykh resursov Altayskogo kraya [Potential of non-timber resources of Altai Krai]. In: Baryshnikova, G.Ya. (ed.) *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri* [Geography and environmental management of Siberia]. Is. 19. Barnaul: Altai State University. pp. 89–95.
3. Makarenko, E.L. (2015) The use of forests of siberia: assessing the prospects of development. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 19 (394). pp. 12–43. (In Russian).
4. Utkin, A.I. et al. (eds) (1995) *Les Rossii: entsiklopediya* [Forest of Russia: encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
5. Verekhha, P.N. (1898) *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovary* [The experience of silvicultural terminological dictionary]. St. Petersburg: tip. Spb. gradonachal'stva.
6. Russian Empire. (1830) O nerubke godnykh k korabel'nomu stroeniyu lesov. Imennoy ukaz ot 28 fevralya 1715 g. [On the non-cutting of woods suitable for ship construction. Czar Edict of February 28, 1715]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 5. No. 2890. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
7. Russian Empire. (1830) Instruksiya ober-val'dmeysteru ot 3 dekabrya 1723 g. [Instructions to the Ober-Waldmeister of December 3, 1723]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 7. No. 4379. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
8. Zaytsev, D.M. (1910) *Gosudarstvennoe lesnoe khozyaystvo v svyazi s agrarnoy reformoy i nuzhdami promyshlennosti* [State forestry in connection with the agrarian reform and the needs of industry]. St. Petersburg: Spb. lesoustroitel. i zemel.-tekh. t-vo.
9. Shafranov, N.S. (1875) *Lesookhraneniye* [Forest conservation]. 2nd ed. St. Petersburg: A.F. Devrien.
10. Tsvetkov, M.A. (1957) *Izmeneniye lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the 17th century to 1914]. Moscow: USSR AS.
11. Gaykovskiy, F.A. (1895) *Lesnoe zakonovedeniye* [Forest Law]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
12. Russian Empire. (1830) Pravila ob otpuske lesnykh materialov iz dach vedomstva Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. Vysochayshe utverzhdeny 13 maya 1869 g. [Rules for the release of forest materials from country houses of the Ministry of State Property. Highly approved on May 13, 1869]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 25. No. 47084. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
13. Zaytsev, D.M. (1913) *Lesnoe zakonodatel'stvo (kommentarii k projektu novogo Ustava lesnogo)* [Forest legislation (commentaries to the draft of the new Forestry Charter)]. St. Petersburg: Zhurnal "Lesopromyshlennik".
14. Tyapkin, M.O. & Demchik, E.V. (2017) Kharakteristika samovol'noy porubki lesa v istoricheskoy retrospektive [Characteristics of unauthorized logging in a historical retrospective]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2 (94). pp. 145–152.
15. Faleev, N.I. (1913) *Lesnoe pravo* [Forest Law]. Moscow: Tipografiya T-va I.D.Sytina.
16. Romanovskiy, M. (1881) *Kurs russkogo lesnogo zakonodatel'stva* [Course of Russian forest legislation]. St. Petersburg: A.F. Devrien.
17. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 240. List 1. File 879. (In Russian).

Received: 30 July 2018

Т.К. Щеглова

ЭКОЛОГИЯ ЖИЛИЩА И ТРАДИЦИИ СОБИРАТЕЛЬСТВА ТОПЛИВА РУССКИМ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ПО ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

На полевых материалах рассматривается собирательство русского сельского населения как адаптивная практика по обеспечению крестьянского жилища топливом в годы войны. Анализируются трудовые традиции, состав участников и их обязанности, способы заготовки и доставки, средства транспортировки и тяговая сила. Выявляются места и традиции хранения топлива. Делается вывод о зависимости собирательства от «кормящего ландшафта» и выделены географические зоны с преобладающими видами топлива.

Ключевые слова: культурная антропология; русское сельское население; Сибирь; война; собирательство; топливо; природная среда; трудовые традиции.

Культура жизнеобеспечения русского сельского населения, состоящая из базовых систем – жилище, пища, одежда, имеет ряд подсистем, напрямую связанных с жизнедеятельностью изучаемого этноса [1–2]. Для жилища такой подсистемой является его экология, включающая обеспечение температурного режима и влажности, которая стоит в одном ряду с подсистемой санитарии жилища, в том числе обеспечение чистоты и борьба с насекомыми и др. В совокупности они образуют базовые компоненты традиционной культуры. Но в современной историографии по этнографии русских эти системы и подсистемы культуры жизнеобеспечения рассмотрены неравномерно как в отношении их изученности, так и в акцентуации роли традиций русского населения в контексте исторических событий XX столетия. Например, жилище, с одной стороны, регулярно находится в поле зрения исследователей [3–5], с другой стороны, традиционно основное внимание уделяется срубным строительным традициям, планировке жилища и гораздо меньше – экологии жилища. Отметим, что традиции русских преимущественно рассматривались этнографами в досоветской деревне и ограниченно анализируются в контексте событий советского времени, в том числе войны 1941–1945 гг., изменившей условия жизнедеятельности русского сельского населения [6]. На примере жилища эта особенность также заметна [7].

Целью публикации является попытка ликвидировать пробелы в изучении экологии жилища и рассмотреть адаптационные практики русского сельского населения в обеспечении его топливом, особенно в годы войны 1941–1945 гг. Основными источниками исследования являются материалы историко-этнографических экспедиций автора, основанные на методах этнографии и устной истории (oral history) с опорой на историческую память носителей традиций, являвшихся участниками жизни сибирской деревни в рассматриваемое время, а также выявленные в муниципальных архивах воспоминания, материалы опросов тылового населения и другие документы личного происхождения. Гипотезой является утверждение автора о важном значении традиционных навыков и умений крестьянской семьи в борьбе с холодом как важнейшей составляющей экологии жилища русского населения, которые базировались на знании и традициях освоения

природно-географической среды окрестных мест и реализовывались через собирательство.

В традиционной культуре русских обеспечение теплового режима и отопление жилища при долгих сибирских зимах являлись элементом культуры жизнеобеспечения, связанном с поддержанием полноценного функционирования жилища. Для русских сибиряков важнейшими видами топлива были дрова [8]. Приверженность к ним всегда сохранялась у русского сельского населения. Для заготовки дров, как в дореволюционное время, когда лес являлся кабинетской собственностью, так и в советское время, когда лес стал государственной собственностью, нужно было пройти процедуру согласования с уполномоченными органами. Заготовка и доставка оставались проблемой сельской семьи. Однако разнообразие природно-географических условий не исключало и других видов топлива, особенно на безлесных территориях.

В годы Великой отечественной войны повсеместно отмечается замена дров второстепенными в традиционной культуре русского сельского населения видами топлива. Как говорят респонденты, «топили, кто чем мог» [9]. В условиях замены дров всем, что горело, пригодились навыки и умения русского населения, адаптировавшегося к трудным условиям в период освоения и обживания сибирских просторов.

Обеспечение топливом в годы войны жители села осуществляли двумя путями. Первый путь – сбор в доступных окрестностях села всего, что горело. Этот вариант зависел от возможностей «кормящего ландшафта» и состава семьи как производственного коллектива. Второй путь был связан с трудовыми традициями изготовления топлива. Эти традиции были напрямую связаны со скотоводством, так как сырьем для кизяка служил навоз домашнего скота. Первый вид топлива, к которому относились шишки, сучки, хвоя, полынь, камыш и т.п., можно назвать нерукотворным, второй вид (кизяки) – рукотворным, так как «делался» руками и ногами человека. Эта разница маркируется в материалах интервью глаголами: в первом случае корреспонденты говорят «собирали лепешки (коровий помет)», «заготавливали хворост», «заготавливали сухую полынь»; во втором случае употребляют термины «делали кизяк», «топтали ки-

зяк». Как правило, во всех русских сельских семьях заготовка топлива носила смешанный характер, что подтверждается многочисленными устными свидетельствами: «Мы сильно замерзали, печь топить нечем было. Топтали кизяки, собирали лепешки, заготавливали *попынь*» [10. Антоник (Рощик) Раиса Ивановна, 1939 г.р.] или: «Топили в основном кизяком. Летом все дети, в том числе и мы, заготавливали хворост, сухую полынь и делали кизяк на зиму» [10. Сидоренко (Кобозева) Анна Михайловна, 1938 г.р.].

Сбор топлива был традиционной обязанностью всех членов семьи: «Ни дров, ни угля не было, мне приходилось ходить по околкам и носить вязанки сушняка для топки» [Там же. Токарева (Арндт) Паулина Конрадовна, 1931 г.р.]. Им занимались попутно с другой работой: «Лес самостоятельно рубить было нельзя, даже поваленную ветром сухую лесину брать было нельзя. Мама очень рано отгоняла корову в стадо и уходила с ней далеко в лес, чтобы обратно захватить хворост. То, что упало, хворост, сухой валежник, брать было можно. Притащит домой, меня разбудит: “Талья, пойдем пилить”. Я научилась пилить дрова с шести лет» [11. С. 143].

Но в силу занятости трудоспособного населения в колхозном производстве сбор топлива стал в первую очередь обязанностью детей, подростков и нетрудоспособных пожилых людей. В рассказах респондентов зафиксирован широкий ассортимент собираемого топлива. Среди заготавливаемых детьми горючих материалов называют высокий осенне-зимний травяной сухостой (попынь, борщевик и т.д.), валежник, чащу, солому и т.д. «Это ужас! Угля не было, дров... Это полынь, солома какая-нибудь чаще была» [Там же. С. 86]. «Топили печь кизяком и объедами от соломы» [10. Агафонова (Будко) Валентина Петровна, 1933 г.р.]. «И как-то же ещё и выжили! Нароботаешься, идёшь домой и горе горюешь – чем печь топить? Кизяком да соломой не много тепла добудешь, приходилось ходить в лес за березняком» [11. С. 17].

Набор собираемого топлива определялся природно-географическим положением региона и возможностями кормящего ландшафта. Анализ полевых материалов позволяет выделить несколько природно-географических зон Алтая, которые влияли на традиции заготовки топлива русским сельским населением в годы войны. Это степные безлесные территории, лесотаежные территории, приборовые территории.

На **приборовых территориях** русское сельское население в годы войны спасала от холода связь крестьянской культуры с сосновым бором. Как известно, ленточные боры имеют протяженность с юга на север, и вдоль них исторически формировались цепочки сел. В ходе многовекового освоения приборовых территорий как в дореволюционное, так и послереволюционное время сложились традиции использования леса, лесохраны и института объездчиков.

Крестьянская цивилизация выстроила экологически рациональные взаимоотношения с природной средой, которые стимулировались податной политикой региональных властей по расчистке леса, рек, ручьев, родников. Поэтому в сосновых борах топливом, кроме положенных на душу крестьян дров, вы-

даваемых в дореволюционный период каждой семье ежегодно (нормы заготовки дров варировались по волостям) [8], традиционно служили валежник, сушняк, сучья. Эти навыки пригодились русскому сельскому населению в советское время с отчуждением крестьян от леса. В Романовском районе в селах вдоль бора – Бурановке, Мормышах, Гуселетове, в соседних приборовых селах Волчихинского района – Селиверстове, Усть-Волчихе, Усть-Кормихе – домашним промыслом до войны и в годы войны для колхозного крестьянства стала заготовка сухих сучьев сосны. В годы войны этим занимались пожилые женщины и подростки, которые заготавливали и носили вязанки сучьев и хвороста. М.Е. Любанский из с. Рассвет Романовского района рассказывал: «В то время спали мы на голых досках, а маленькие ребятки – на печи. Холодно ночами было, особенно зимой. Ранним утром дед ходил в лес за дровами. Напилит *сучков*, принесет домой, затопит печь, хорошо, тепло» [10. Любанский Михаил Ефимович, 1931 г.р.].

Эта традиция являлась частью культуры жизнеобеспечения жителей приборовых сел десятка сельских районов Алтайского края. В 1930–1950-е гг. это стало обязанностью крестьян преклонного возраста. Заготовка сучьев была им под силу. Дети не участвовали в этом еще и потому, что могло быть опасно отправлять их в лес. Р.Д. Сычева рассказывает: «У меня и мама была, дров¹ наготовим. Придем, смотрим – нет. А потом смотрю, мама с дровами [сосновыми сучками] идет да говорит: “Че это я из поленицы брать буду”. Уже в возрасте таком была. Потом мы не стали ей разрешать. То говорит: “Да я вот и принесу и мне дня три [хватит]”. Сучки сосновые, теперь вывезли уже лес» [12].

Процесс заготовки сучков был прост, но требовал определенных усилий и достаточно высокого роста человека, чтобы достать до засохших веток. Как известно, сосна имеет высокую крону и нижнюю оголенную часть. Поэтому обычно использовали «крючки». Ими могли служить ветки деревьев с сучками, образующими крюк. В некоторых семьях были металлические самокованные крюки, которые, как ухват, нанизывались на древко. Но носить было их тяжело. Обычно такой крюк брали с собой, если организовывался коллективный выход. Часто им пользовались старики. При этом, как смеются респонденты, его использовали по дороге как посох. Вот как описывали это респонденты: «Сучки... Крючки... К сосне пойдешь, возьмешь такое сухое, обломаешь, приносишь, складываешь, вот это и топились» [Там же].

К заготовке сучков привлекались и подростки. Они часто ходили в лес, беря с собой младших братьев и сестер. При этом старшие подростки занимались заготовкой сучков, а младшие заготавливали сухую хвою, которой подтапливали печи. Она загоралась быстро и давала хороший жар. В культуре жизнеобеспечения русского сельского населения приборовых территорий в годы войны и другие трудные годы хвоя заменяла «щепу». Р. Д. Сычева на вопрос, кто занимался сбором, отвечала: «Ну, детвора... [ей было в начале войны 13 лет] Ага, и сучки мы, они сухие. Даже, бывает, нагребем, с хвоей принесем.

В загородке все [складывается], это отдельно. Это отдельно [хвоя отдельно, сучки отдельно]. Хвою положил, хоть что положи, оно будет гореть» [12].

Заготовка сучьев в годы войны кроме утилитарного значения напрямую отражала культуру русских крестьян, которая включала бережное отношение к лесу, кормящему ландшафту, природе. В материалах интервью отражаются забота и стремление поддерживать ее способности возрождения, ответственность за состояние леса и окрестных мест: «А лесообъездник пойдет и метки поставит, сколько тебе кубиков. Вот, уже знаешь, что это твои березы. Так вот ты и спиливай, и коли. Прибирай сучки, сроду. Если березу свали, так вычистишь, все сучки изрубят и поверх поленицы наложат. Вот, тятя помню, скажет: "... а вот сучки складывайте не на чисто место, а где пенек, так на пенек складывайте, потому что на чистом месте пусть травка растет. Да косить, выкашивать [в покос]. А пенек то че? Пусть тут стоит, гнивает все это самое»» [14].

Для детей более доступным являлся сбор шишек в сосновых борах. В приборовых селах собирательство шишек в годы войны превратилось в их трудовую обязанность. Дети получали задание заготовить за день определенное количество шишек. М.В. Денисова из села Лебяжье так говорила: «А как же, каждый день... обязанность такая... мешок и в бор за шишками... Вместе с подругой ходили И попробуй не принеси в день... Наберешь... надерешь, в мешок и прешь... Ссыпали кучами под навес... Всю зиму топили... Жаркие...» [15]. Или: «В лесу шишки на зиму собирали и тоже на *крышу* складывали» [10. Хорошавина (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.].

Обычно заготовка шишек велась весной и летом, с того момента, как сходил снег и шишки прогревались и просыхали на солнце. Раннее утро было неподходящим временем, так как усыпанная шишками земля покрывалась росой или инеем. Мокрые шишки становились тяжелыми, а главное – могли запреть в кучах. Поэтому респонденты подчеркивают: «Летом заготавливали в бору шишки, чтобы протопиться зимой. Мать нам давала задание – каждый день собрать по два мешка» [Там же. Михайличенко (Хромешкина) Ефросинья Иосифовна, 1934 г.р.].

Адаптация практик собирательства к природно-географическим условиям проявлялась в том, что вокруг цепочки сел, протянувшихся вдоль сосновых боров, в западной переселенческой зоне Алтайского края были расположены озера (приозерные села), которые также становились источниками заготовки топлива – камыша и «вымочек». Это расширяло возможности русского сельского населения данных территорий. Более разнообразный «ассортимент» топлива на приборовых территориях отражен в следующем отрывке из интервью Р.Д. Сычевой из с. Гуселетово, расположенного около бора на берегу щелочного Камышенского озера: «А топили дровами [сучки]... А дрова носили, шишки собирали. Много заготавливали шишек, чтоб на зиму хватило... Вымочку... Вымочки – это озеро высохнет, пенки останутся, вот и собираешь» [12].

В тех лесостепных и степных зонах, где было много озер, жители сел заготавливали и использова-

ли камыш. Его заготовка представляла собой традиционное скашивание при помощи «литовок» и серпов. Для отопления жилых помещений камыша требовалось много. Н.А. Маркина из с. Мормыши Романовского района так описывала заготовку камыша: «В семье остались мама, бабушка, брат и сестра Валентина. Обязанностей прибавилось. Косили камыш литовкой. На телегу по 15 снопов ложили и возили домой. Чтобы протопить печь, надо было 300 снопов на зиму. Брат косил, а я собирала и вязала» [10. Маркина (Маматова) Наталья Александровна, 1928 г.р.].

Таким образом, для русского сельского населения с приборовым и приозерным «кормящим ландшафтом» главным топливом являлись «субпродукты» соснового бора и многочисленных соленых озер. В семьях заготавливали на зиму и шишки, и сучки, и валежник, и сухой камыш, и «вымочку», и хвою.

Совсем иные традиции заготовки топлива сложились в **степных** зонах. Они формировались в менее благоприятных условиях отсутствия лесного массива. Некоторые территории были полностью безлесными и безводными, на других росли березовые колки, рощи, чащи вдоль рек и озер. Ярким примером являются традиции районов, расположенных по ту и другую сторону ленточных сосновых боров: Мамонтовского, Романовского, Волчихинского, Егорьевского, Новичихинского, Михайловского. Их села делились на две группы – «лесные», расположенные при борах, и степные, расположенные вдали от леса, в степи. Например, в Волчихинском районе вдоль бора располагались Селиверстово, Солоновка, Усть-Волчиха, Усть-Кормиха, а в степи – Гилев Лог и др. В Романовском районе вдоль бора располагались Гуселетово, Мормыши, Бурановка и другие, а в степи – Закладное и др.

Разница в возможностях «кормящего ландшафта» была настолько очевидна, что респонденты сами разделяют традиции заготовки топлива у «степняков» и «боровиков». Сравнение традиций сельчан в разной природной среде содержится в интервью Валентины Дмитриевны Бойко (1937 г.р., Малышев Лог – Закладное), которая в годы войны сначала жила в приборовых выселках Кусты («Воля Жизни»), а затем переехала в степное село Закладное. Она прямо говорит, что «сюда в Закладное переехали, топили соломой... в Романово, кто дальше от леса, в основном они топились соломой, камышом. Так вот, ну, много надо [заготовить соломы], конечно. Снопы вязали, а потом топились... Топтали кизяки из помета скотины. Конями месят с соломой. В кучку и в формы и топтали. И топили. Бывало, соломой топили [в Закладном]». А в приборовых селах в их семье заготавливали «шишки в закром... [с. Кусты] Топили сосновыми дровами. А, наверное, загородка, положат, привяжут, надо, взяла» [Там же. Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г.р.].

Материалы интервью в степных селах подтверждают собирательский характер заготовки топлива: «Топились полынью, подсолнухом... Холодно было. Полынь собирали старшие с матерью» [10. Гребенюк Владимир Степанович, 1935 г.р.]. Проведенный кон-

тент-анализ показывает, что наиболее распространенным трудовыми традициями по заготовке топлива в степных селах Западного Алтая являлись *солома* и *попынь* («попынь»).

Солома как вид топлива была малоэффективна, но более доступна. Отнести ее заготовку к традиции собирательства будет не совсем верно. Выдача соломы была одним из средств расчета колхозов с колхозниками по трудодням. Осенью ее вывозили с полей сами колхозники, за ней могли ездить зимой, так как в период колхозных сельскохозяйственных работ летом и осенью они не могли заниматься домашним хозяйством. Однако тепла от соломы было мало, а ее заготовка была трудоемкой. Вот как об этом говорят сами крестьяне: «Мать с темна до темна работала в колхозе, на пашне, а мы дома печку топили соломой. Тепла на час» [Там же. Киян (Шлейхер) Екатерина Кондратьевна, 1942 г.р.].

Солома часто выступала как средство растопки. Как топливо ее использовали для повсеместно распространившихся в деревнях военного времени железных печурках или голландках. Они быстро накалялись от горящей соломы и отдавали тепло жилому помещению, как и печь-голландка, используемая часто также для обогрева. Для русской печи, которая служила больше не для «сугрева», а приготовления пищи, нужен был кизяк. Это отмечается самими респондентами: «... голландку топили соломой. Вот сидишь, принесут везанку. Везанку это значит... это... или в сетки какой-либо соломой ворох. И сидишь туда подталкиваешь все в это время. Пока спалишь эту соломой, голландка становится горячей. Тепло очень было. А русскую печь топили кизяком. Так назывался. Раньше мусор никуда не вывозили. Все сжигали» [13].

Заготовкой соломы занимались женщины и подростки, а главным тяглом являлись коровы и быки. Мария Егоровна Харлова так описывала свой опыт вывоза сена для колхоза в зимнее время: «И на быках пахали, и на быках скирдовали. Я работала на быках, возили мы зимой сено. Вот поедем, вот пошлет нас бригадир. Скажет, где мы на покосе работали [где летом косили], мы знаем, где это место. Приехали, а что же там, зимы какие были! Приехали. Сказал нам: “Вот тут и вот тут [сено]. Лопаты возьмите”. Мы лопаты взяли. Приехали, как он нам растолковал, тут. А не знаем, где брать [все замело]! Вот мы вилами штырять, штырять! Все закатило снегом. Вроде бы здесь, спотыкаются вилы. Здесь стог! Вот начали мы копать. А ну как, сейчас трактор даст и обчистит. Сейчас зимами не возят, сейчас летом все вывозят. Вот мы копать! Вот мы копать, копать-копать-копать... А кто мы были? Мы трое, приехали три девчонки! Вот копали-копали, раскопали. Так его надо весь стог раскопать, не то что верхушку! Тогда она [сено, солома] будет браться. Он же стог не прямо! Он же вот так вот [пласты сена утрамбованы], не тянется. Да, мы приехали к вечеру. Два раза съездили. Мы ели натеребили [сена] и приехали» [14].

Но считать, что солома использовалась исключительно в степных районах, неверно. Каждая колхозная семья сохраняла в структуре подсобного хозяйства

корову как потенциальный и надежный источник питания и топлива. Основной кормовой базой для крупного рогатого скота в годы войны являлась солома, поэтому она была практически в каждом дворе и переселенческого степного, и старожильского предгорного и притаежного населения. В силу этого солома служила одним из источников отопления повсеместно, в том числе и в центральной и восточной части, например в Топчихинском районе с преобладанием старожильского населения, расположенном по другую сторону Барнаульского ленточного бора: «Или соломой прямо в дом заносили, топили соломой» [11. С. 178].

Более того, соломой утепляли дом. М.Е. Малахов, 1937 г. рождения из с. Огни Усть-Калманского района рассказывал, что их семья имела пятистенный дом. Зимой все жили в избе, а горницу забивали соломой, чтобы она не промерзала сильно, так как топили только русскую печь в избе. Загатавливать топлива на весь дом сил у семьи не было. И зимой все жили в однокамерной избе – тесно, но тепло. Солому брали из горницы и на подтопку, и на обогрев. А весной остатки соломы выносили: «А мышей-то было в ней!!!! Прямо гнезда с выводками. Во дворе разводили костер и бросали прямо в него соломой с мышами, только писк стоял!».

В Центральном Алтае, к которому принадлежал Усть-Калманский район, вместо соломы собирали для топлива дудки подсолнухов. За ними ходили по снегу за несколько километров на бригады. Михаил Ефимович Малахов так рассказывал: «Брат Николай пришел с фронта без руки. Сделал санки без полозьев. Прямо сколотил из досок, затесал носки. Вот на них укладывали длинные дудки вдоль санок. Высоко накладывали. А чтобы не рассыпалось, прихватывали поперек веревками. Накладывал я петлю на плечи и тащил. А сестра сзади страховала».

Распространенным объектом собирательства являлась *попынь*, или, как ее часто называли респонденты, «попынь». Ее загатавливали вручную. Летом ее косили литовкой (жали): «Жали *попынь* – это было основное топливо для суровой сибирской зимы» [10. Беседина (Савченко) Анастасия Ивановна, 1930 г.р.]. Но чаще занимались заготовкой *попыни* на зиму по осени, когда *попынь* отцветала и засыхала. Обычно это происходило с середины сентября и до глубоких снегов, которые перекрывали путь в поля и погребали под сугробами окрестности деревни. Н.С. Изотов рассказывал: «Ну, и ходили... *попынь* растет, когда она высохнет, мы ходили ломали ее, загатавливали, топили грубку» [9]. Кроме заготовки на зиму, *попынь* использовали и в ежедневной практике. «Запряжем, бывало, ночью свою корову и поедем собирать *попынь*, чтобы протопить печку наутро» [10. Герасименко (Трифонов) Дарья Николаевна, 1932 г.р.].

В степной части Алтайского края с наличием кустарника, березовых рощ и околков объектом собирательства являлся сушняк – хворост, а в боровых территориях с сосновым лесом его аналогом был валежник. Так в селах Романовского района, где существовали березовые околки с кустарниками, их вычищали дочиста. Респонденты рассказывали: «Пеньки и суш-

няк собирали в околках, ими топили печь» [10. Сапа (Дьякова) Анна Никитична, 1939 г.р.]. Поэтому до сих пор старожилы не могут относиться равнодушно к засорению околков, чащи, леса. Хворост собирали и в околках Топчихинского района. Г.П. Кондрашева рассказывала: «Иногда разрешали собирать хворост, но колки никогда не разрешали рубить, ни в коем случае! <...> И от женщины, которые работали до самого позднего, приходили домой, запрягали коров и ехали еще за хворостом в колки» [11. С. 178].

Традиционным видом топлива в степных районах являлась трава перекати-поле, в Романовском районе ее называли «катуны». В степи, в отличие от приборовых территорий, сбор и сушняка, и катунов, и полына являлся трудовой обязанностью детей всех возрастов. Задание они получали от взрослых – матери, бабушки, дедушки: «Так как печи топили соломой, полынем, собирали катуны² и коровьи лепёшки, каждый день получали задание от бабули привезти целую тележку топлива. Собиралась детвора гурьбой, поскольку тележки были не у всех, и шли в степь или близлежащие околки выполнять задание» [10. Николаенко (Мирко) Любовь Егоровна, 1937 г.р.].

Сформировались традиции транспортировки перекати-поля. Малолетних детей научили его вязать и переносить. Вот как об этом рассказывает Валентина Ивановна Рзянина (Илющенко): «Заготовкой топлива занимались и мы – детвора. Где-то в августе все ребята ходили собирать катуны (перекати-поле), почему-то в те годы их было много. Их откуда-то приносило ветром, и они катились, такие огромные, голимые ветром, подпрыгивали, как мячики. Их прибивало к кустам, заборам, ими набивались канавы. Наша задача – натаскать этих катунов как можно больше. Мама научила нас связывать два катуна за комли, и мы с сестрой, взявшись за середину, приносили сразу два катуна. Ими топили печи, когда было еще не так холодно. Зимой в морозы топили печку сучками и кизяком [Там же. Рзянина (Илющенко) Валентина Ивановна, 1938 г.р.].

В таких случаях многодетность семей являлась благоприятным фактором. Другим благоприятным фактором были «общинные» традиции, взаимопомощь соседей. Особенно это проявлялось в объемных, трудозатратных работах. Женщины, по их же словам, сообща успевали содержать дом, готовить на зиму корм для скотины, дрова. «Бывало, приходилось в стужу идти за дровами в колки или защитные полосы, за соломой – в поле. Соседи жили дружно» [Там же. Камчатова (Кудрявская) Мария Никитична, 1920 г.р.].

В предгорных и горных районах юга Алтая традиция сбора на дрова всего, что горело, дополнялась использованием мелкого кустарника. В отличие от русских степняков, жители Краснощековского предгорного района называли его «собашник» и «таволжник», в Чарышском районе – «карагайник». Это растение, как сорняки огородов, затягивало берега горных рек, облепляло выступы гор, забивало ложбины. В словаре Даля, как и в других словарях, таволожник связывают с таволгой – кустарником. Он относит это слово к сибирскому наречию. Но разнообразие названий растения – «степная березка», «степной лабаз-

ник», «каменная таволга», «лужный таволжник» – показывает его широкое распространение по территории России. В Сибири этот кустарник достигает 1,5 м в высоту, растет и по берегам водоемов, и в болотистой местности, по полям, дорогам, на суходольных лугах, в луговых степях, на опушках берёзовых лесов. Но, в отличие от других территорий, здесь его использовали только как топливо, тогда как в других регионах «тонкие и крепкие прутья идут... на шомпола и на кнутовища... таволжаная тросточка, посошок». Таволжник заготавливали вязанками, сушили и топили им печи, дополняя «ассортимент» топлива тем же, что и жители степной и лесостепной местности, например Краснощековского района, села которого располагались частью в предгорьях, частью в горах, небогатых лесом.

В горах Чарышского района основным топливом выступал «карагайник» – народное название «желтой акации» или «караганы древовидной». Этим древовидным кустарником порастали подножья гор. В низинах карагайник мог достигать до нескольких метров в высоту, особенно вдоль рек, ручьев. Но чем выше в горы, тем ниже он становился, превращаясь в низкий неряшливый кустарник с торчащими в разные стороны веточками. В начале лета этот кустарник цвел желтыми цветами, превращавшиеся в стручки, из которых повсеместно изготовлялись детскими свистульки. Этот карагайник заготавливался так же, как и таволжник, с той лишь разницей, что в горной местности мальчишки вырубали его по склонам гор, ногами скатывали вниз и уже внизу связывали и укладывали на приспособления для доставки.

Горные тасжные массивы находились далеко и были недоступны населению деревни, поэтому население там также использовало и полынь, и облепиху, и кизяки. М.Е. Харлова говорила: «Печь топили, “дрова” готовили, ездили в забоку... таволожник рубили ездили. Бывало так, что на зиму дров не хватало. Ездили зимой же в забоку, рубили – рубили и топили. А они же – разожгешь, если разожгешь, сухие есть, а если нет их – трудно разжечь сырые. Сырые где же разожгешь? Рубили и топили <...> А топить нечем было» [14]. Можно предположить, что на предгорных и горных южных территориях (Краснощековский, Усть-Калманский, Смоленский, Алтайский районы) вырубка «сорных деревьев», таких как ветлы (ивы), тополя, калина, боярышник, черемуха и мелкий кустарник, например акация (горошник), «собашник», «карагайник» и таволжник, по берегам рек, таких как Чарыш и его притоки, и в ложбинах гор не подвергалась жесткой регламентации.

В приведенном выше отрывке респондент говорит о заготовке дров, что, по-видимому, включало ветлы и другие «сорные» породы деревьев. В целом это отвечало крестьянским общинным традициям чистки рек, в том числе от деревьев и кустарников, затягивающих берега и засоряющих русло. То же касалось и кустарника, за которым также ездили в забоку. Как известно, забокой в Сибири назывался, по В. Далю, «берег, край, обочина; лесок вдоль берега речки, озера; урема; ветвь или часть чего-либо, отделившаяся вбок; речной рукав, образующий с настоящим руслом

остров». Кустарники затягивали также производственные участки земли, и их вырубка являлась частью крестьянской экологии. «В войну топили печку мы дровами. Угля не было. Дрова сами заготавливали, рубили ходили. Возле речки там у нас есть такой остров, там все время и рубили дрова, там много их было... Из бригады примерно женщины, где вот дрова, дрова зайдут, дров вязанку завяжут и тащат на себе» [17].

Несколько иная ситуация была в притаежных селах восточных районов Алтайского края у подножья Салаирского кряжа, где у истоков горных рек заготавливали лес для сплава по Чумышу (Кытмановский, Залесовский, Заринский, Тогульский и другие районы). Колхозники вылавливали «топленников» – затонувший лес. Но и в этих более благоприятных районах подспорьем к «дровам» были и полынь, и солома, и подсолнечник. «Еще у нас тут вот лог был, сеяли семечки, мы дудки ходили собирали от подсолнухов этих. Они высохнут и хорошо горят» [Там же].

Собирательство топлива в окрестностях села, часто на далеких расстояниях, ставило проблему его доставки и размещения на семейной усадьбе. Способы транспортировки зависели от «ассортимента» материалов для топки, их количества, объема и тяжести, а также расстояний доставки и участников трудового процесса. Проблема решалась в зависимости от конкретных обстоятельств. В крестьянском обществе существовали давние традиции доставки. Способы доставки можно разделить на переноску вручную и на транспортировку с помощью тягловой силы.

Если речь шла о хворосте или валежнике, т.е. заготовках в ближайшем лесу и околках, то наиболее распространенным способом была переноска вязанок – связанных веревкой пучков сушняка. Так носили найденные ветки и сучки из ближайших окрестностей: их складывали, крепко перевязывали и, перекинув через плечо, несли домой. Распространенным способом было изготовление вязанок с помощью травы или конопляных веревок. Вот как он описан респондентом: «Полынь наломаешь – вязанку и веники [получаются], на Ясной Поляне печка русская была, большая “груба” [печь] была» [10. Жига (Кабанова) Анна Трофимовна]. В годы войны вязанка хвороста, вязанка стеблей сухой полыни или конопли, связки высохшего подсолнечника были традиционным способом переноски. Чаще этим занимались взрослые нетрудоспособные члены семьи и подростки. Они уходили на доступные расстояния в поисках сушняка. Вязанкой носили домой сушняк и женщины, которые набирали его по дороге домой с полевых работ или из бригады. «Готовили еду только на печи, а для нее надо было приготовить топливо, топливом были кизяк да полынь, которую на себе носили целыми вязанками» [Там же. Геккель (Василенко) Лидия Григорьевна, 1935 г.р.]. Это же делали подростки. «Ни дров, ни угля не было, мне приходилось ходить по околкам и носить вязанки сушняка для топки» [Там же. Токарева (Арндт) Паулина Конрадовна 1931 г.р.]. Кроме хвороста, валежника, сушняка вязанками переносили и вырубленную чашу, сушняк из мелкокося, заготавливаемые сучки, вырубамый «собашник» или «карагайник», приречный кустарник и т.п.

Для доставки сыпучих видов топлива, таких как шишки, использовались мешки. Респондент рассказывает: «Маленький был, собирал везде в мешок навоз [лепешки] и топили» [10. Иливера Дмитрий Петрович, 1939 г.р.] Обычными способами их транспортировки в летний сезон служило использование средств переноски – холщовые мешки, корзины и другая тара. Как говорила Р.Д. Сычева, «на веревочку, сюда мешок, шишек наберешь. Так и идешь – мешок на голове, тут корзина, там ведро... с шишками. Ага, да, чтоб побольше принести...». Для детей устанавливалась ежедневная норма, которую тоже измеряли мешками. Об этом рассказывали многие респонденты: «Зимой топиться было нечем, так нас мама отправляла собирать коровьи лепешки. Накажет, чтобы за день собрали три мешка. Вот и ходим, и собираем» [Там же. Хорошаева (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.]. В сосновом бору дети по наказу родителей занимались сбором шишек в мешки: «А как же, каждый день... обязанность такая... мешок – и в бор за шишками... Вместе с подругой ходили. И попробуй не принеси в день... Наберешь... надерешь, в мешок и прешь... Всю зиму топили... Жаркие...» [15].

Однако носить и вязанки, и мешки было тяжело, поэтому создавали самодельные средства, облегчающие эту работу. Анализ полевых материалов показывает, что они нашли широкое применение уже в 1930-е гг. По-видимому, связано это было с тем, что колхозный семейный коллектив, лишенный при коллективизации «крестьянкости», остался без традиционной силы – лошадей. На самодельных транспортных средствах возили навоз и глызы, стебли полыни, подсолнуха и солому. Одним из самодельных транспортных средств являлись самодельные «тележки». В сельских районах с солеными озерами на них возили и соль, и топливо. Коровьи лепешки, если набирали много мешков, тоже возили на тележках: «Целое лето возила на тележке коровьи лепешки с пастбища – топливо на зиму. Дров не было» [10. Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна, 1933 г.р.]. «В 8–9 лет на разных тележках ездили за коровьими лепешками в степь, где пасся скот, за дровами – в колки» [Там же. Сиротенко (Сопова) Анна Ивановна, 1933 г.р.]. Тележки использовали для доставки любых видов сушняка (хвороста, валежника), дров: «Вместе со старшими братьями ходила в околок за дровами, правда, дрова привозили на ручной тележке» [Там же. Беседина (Савченко) Анастасия Ивановна, 1930 г.р.]. «Ну еще было так, что ребяташки, у нас тут околки были, они и сейчас там есть, сейчас их уничтожили, там валежник разный, все ребяташки на тележках оттуда вывозили» [9].

Часто в семьях русского сельского населения тележки называются возками. Они, по словам респондентов, также были самодельные. Главным требованием было, чтобы они были легкие. «Летом на зиму готовили топливо, по степи собирали коровьи лепешки, на возку возили полынь» [10. Рощик (Дацко) Нина Ивановна, 1941 г.р.].

Анализ экспедиционных материалов показывает, что изготовление средств транспортировки адаптировалось ко времени года. Среди самодельных приспособлений

соблений были средства перевозки и для лета, и для зимы. Если летом широко использовались ручные возки и тележка, то зимой – ручные саночки, ручные волокуши, для тягловой – сани и волокуши. Респонденты рассказывали: «Особенно трудно было зимой – и холодно, и голодно. Почему-то в то время нельзя было брать топливо в лесу, а бор был рядом, где-то в 1,5–2 км от села, однако люди всякими правдами и неправдами заготавливали сухие сучки, а вечерами брали саночки, ехали за ними. Так делала и мама со своей подругой Евдокией Ваулиной» [Там же. Рзынина (Илющенко) Валентина Ивановна, 1938 г.р.].

В отличие от подростков и детей женщины чаще использовали своих коров для доставки топлива. В.А. Лапина (с. Масляха, Крутихинский район) рассказывала, как она вместе с мамой ездила в бор за сухими лесинами «пока еще был небольшой снег». Укладывали на самодельные полозья комлями к корове и доставляли в село, почти таща волоком. На коровах ездили в запыленные снегом поля за соломой.

Одним из видов транспортировки были изготовляемые из досок по принципу «волокуш» универсальные «сани» без полозьев или колес – и для зимы, и для осени, и даже лета. Так, М.Е. Малахов, имевший вернувшегося с войны без руки старшего брата Николая, рассказывал, что брат «мастерил» маленькие «саночки» и «большие санки без полозьев». И те, и другие делались из досок: их ровно укладывали параллельно друг с другом. Сверху «связывали двумя досками», прибавляемыми поперек. В передней части таких саней у досок срезались под углом концы, как бы закруглялись снизу-вверх, чтобы при скольжении доски своими передними концами не втыкались в снег, траву, землю – не тормозили, а скользили. Чтобы укладываемое «топливо» не скатывалось, его не только привязывали, но и делали крайние доски повыше по нарастающей от центра к краям или обтесывали. К санкам приделывалась веревка, и их тащили волоком, накидывая на себя веревку, чтобы было легче.

Когда семья Малаховых жила с матерью в горах Чарышского района в селе Малая Сосновка, за топливом брали маленькие «санки». Дорога была неровная, если вообще была; чаще шли по неровному, или каменистому, или поросшему мелким кустарником, или заснеженному целиннику. Подростки забирались на горы до мест произрастания карагайника – низкорослого горного кустарника, вырубали его и бросали или скатывали вниз с горы. Там привязывали сформированные пучками торчащие во все стороны кусты карагайника к саночкам-волокушам веревкой сверху, накидывали веревку на плечи и тащили. Когда семья переехала в степное село Огни Усть-Калманского района, то одним из распространенных видов топлива стали «бодулы» подсолнуха. Поля с убранным подсолнухом находились далеко от села – на поле оставались стебли подсолнуха. Подростки накидывали на себя веревку с большими санными-волокушами и ходили в поля за ним. Там стебли укладывали плотными рядами на них, получались высокие «горы» сухих и почерневших стеблей подсолнуха, прихватывали сверху веревкой и волоком тащили сани домой. Также

они ездили и за початками кукурузы на удаленные бригады, где ее обшелушивали.

Условия перевозки и летом, и зимой были сложными, особенно для детей. Собирачество топлива стала трудовой традицией детей в годы войны. Им вменялось в обязанность заготавливать шишки и коровьи лепешки, собирать сушняк, ломать и приносить полынь или катуны. Превращение заготовки топлива в повседневные обязанности детей показывает установка ежедневных норм. Нормы устанавливались мешками (шишки, глыбы), вязанками (сухостой), тележками (хворост): от 1 до 3 мешков шишек, до 5–7 ручных тележек хвороста. Так, Н.Д. Черных вменялось в обязанность заготавливать сушняк по околкам: «Тележка ручная такая была, в день четыре-пять раз поедом, мы жили, тут рядом околки были» [18]. Е.И. Михайличенко: «Каждый день собрать по два мешка. Шишки складывали в кладовку» [10. Михайличенко (Хромешкина) Ефросинья Иосифовна, 1934 г.р.].

Конечно, как и в случае других объемных заданий, помогали традиционные коллективные работы, своеобразные детские «помочи». Проявлялось это в формировании детских коллективов для собирачества. «Каждый день получали задание от бабули привезти целую тележку топлива. Детвора собиралась гурьбой, поскольку тележки были не у всех, и шла в степь или близлежащие околки выполнять задание» [10. Николаенко (Мирко) Любовь Егоровна, 1937 г.р.]. Это мог быть семейный коллектив братьев и сестер: «Вот дает нам с сестрой мама на утро задание: насобирать тележку кизяков за коровами. Мы с раннего утра – в поле» [Там же. Савченко (Однораленко) Дарья Иосифовна, 1936 г.р.]. Доставку топлива существенно облегчало использование животных в качестве тягловой силы. В военное время основной тягловой силой, в том числе при заготовке топлива, была корова. Но на ней ездили за крупногабаритными грузами. Как правило, на коровах ездили женщины за соломой или сеном. Заготовка же сушняка велась небольшими объемами каждый день, и груз доставлялся вручную. У детей тягловой силой для транспортировки дневных «порций» топлива в годы войны стала собака. Для этого использовался возок. Часто всего на собаках перевозили топливо зимой. Как только снег ложился, использовали санки. Судя по описаниям респондентов, при использовании собак также изготавливали упряжь. В с. Романово в большесемейной семье «дети как могли, помогали Марфе по хозяйству. Запрягали собаку в сани и на ней возили ветки деревьев, сучки для топки, добывали пропитание» [Там же. Сапа (Ковтун) Марфа Иосифовна, 1908 г.р.]. В с. Усть-Козлуха глухонемой брат респондента, которого не взяли на фронт, также «собаке сшил хомут, ошейник, санки сделал. Он у нас рукодельный, прямо глухонемой, но на все рукодельный и сапожник. Берет этого кобелька, ведет, приезжает туда, сразу там нарубает, как в печку ложить. Ну вот, они же сырые, не сухие» [14].

Заготовка топлива предполагала его просушку и хранение. Поэтому благоприятным сезоном заготовки служило безснежное время. Респонденты рассказывали, что заготовку топлива начинали с весны, чтобы

успеть заготовить в течение лета. «С весны начинали готовить дрова. Собирали валежник и на зиму, на тележке двухколесной наваживали. Дома пилили, рубили, складывали» [10. Захарова (Зинина) Нина Ивановна, 1934 г.р.].

Любое топливо – шишки, глызы, сушняк, хворост, полынь и др. – не должно было терять сухости зимой. Для хранения выбирались или формировались особые места на усадьбе или в жилище – кладовки, чердаки, загородки в избах, сараи, навесы, подвесы. Так, для хранения шишек делались специально загородка, чтобы не попадала вода: «В загородке, сарай» или «шишки складывали в кладовке». Часто для хранения топлива использовали чердак, складывая или ссылая собранное под крышу. Как вспоминали респонденты, сухие кукурузные початки «на крышу поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь. Еще в лесу шишки на зиму собирали, и тоже на крышу складывали. ссыпали кучами под навес...» [15]. Под крышу на чердак могли складировать и коровьи лепешки: «... коровьи лепешки... собрали три мешка. Потом на крышу поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь. Еще в лесу шишки на зиму собирали, и тоже на крышу складывали» [10. Хорошаева (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.]. Хотя часто коровьи лепешки складывали на улицы под навесы в виде сформированных куч или скирд по принципу скирдования кизяка. Особенно, если глыз собирали «на зиму, много». В таком случае для их хранения «был сарай, или под сеночкой³, где-то мы складывали, назывались как... скирды. Складывали их сами, представляете, как? Чтобы не намокли, ни в снегу, ни на дожде, и топились» [9].

Делались и специальные загородки, которые по аналогии с амбарами сельчане называли «закрома». При этом разнообразие вспомогательных средств отопления вело и к разнообразию приспособлений и обустройств для их хранения. «Шишки в заком, – говорила В.Д. Бойко, – снопы [солому] вязали, а потом топились... загородка, положат привяжут; надо – взяла» [10. Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г.р.]. Использовали и естественные навесы на усадьбе, например у завалинки или на завалинке под карнизом. «Полынь собирали старшие с матерью. Возле дома хранили» [Там же. Гребенюк Владимир Степанович. 1935 г.р.].

Таким образом, сбор топлива был повсеместной практикой. Способы заготовки были зимними (сучья,

валежник, травостой, коровьи лепешки) и летними (шишки, катуны, травостой, сучья и хворост). С одной стороны, в устных исторических источниках отмечается некоторая специализация этого собирательства, детерминированная природно-географическими условиями регионов: традиции различались у сельских обществ лесостепной и степной, предгорной и притаежной частей края. В степной части Алтая заготавливали в основном сухостой, чаще всего полынь, «катуны», солому, использовали «объедки» от сена; собирали по околкам и чащам хворост, в боровой зоне самостоятельным промыслом была заготовка сухих сосновых сучьев, шишек, валежника; для ряда лесостепных районов, в том числе Романовского, Волчихинского и др. с наличием большого количества озер, важное значение имела заготовка камыша. С другой стороны, существовали и универсальные виды топлива – хворост, солома, полынь. Так, хворост, по материалам полевых исследований, использовался и в степных районах с колками, и в лесостепных регионах, и на приборовых, приозерных, предгорных, притаежных и других территориях. Повсеместно использовали отходы огородничества: после уборки урожая в топку шли стебли подсолнечника, пустые початки кукурузы, пеньки с корнями капусты, картофельная ботва и т.п.

Для перевозки, переноски и хранения топлива семья русского сельского населения пользовались умениями и навыками крестьянского общества. Традиции заготовки и доставки зависели от вида топлива, расстояний доставки и участников заготовки. Все виды «сушняка» (стебли полыни, подсолнуха, валежника и хвороста) доставляли чаще всего вручную. Для этого их связывали вязанками пучками, связки с помощью трав или самодельными (коноплеными) веревками. Для облегчения доставки, особенно на дальние расстояния, делались самодельные средства транспортировки – возки, саночки, тележки. Привлекалась и тяловая сила. Подростки часто использовали собак, женщины – коров. На усадьбах и в жилых помещениях формировались места для хранения разных видов топлива: для легких видов – чердак или выделялись места в жилище – чердак, загородки, подпечье; для тяжелых, массивных или большого количества топлива – сооружения во дворе, специальные способы укладки, шишки, кизяк, хворост.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под дровами на приборовых территориях подразумевались сосновые сучки.

² Катуны – степное растение «перекати-поле». Другие названия: кувяркающийся сорняк, перекати-поле, русский чертополох, татарский чертополох, катун, верблюжье сено, верблюжья колючка, яндак.

³ Сени – холодная пристройка к теплomu жилому помещению, часто имела под полом пустоту, которую использовали для хранения инвентаря, глыз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / отв. ред. Ю.В. Бромлей; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1989. 243 с.
2. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах арм. сел. культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
3. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) / отв. ред. Л.М. Русакова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии и др. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1992. 251 с.
4. Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В.А. Александров; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 224 с.

5. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. / отв. ред. А.П. Деревянко; АН СССР, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука: Сиб. отд-е, 1991. 208 с.
6. Щеглова Т.К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 22–40.
7. Щеглова Т.К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980 гг.) // Традиционная культура : научный альманах. 2016. № 1 (61). С. 163–174.
8. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии : отчёт / сост. Н.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. СПб., 1886. 205 с.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р., с. Майский, Романовский район.
10. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны : рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
11. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. 448 с.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р., с. Гуселетово, Романовский район.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Давыдова Евдокия Ивановна, 1931 г.р., с. Залесово, Залесовский район.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р., с. Усть-Козлуха, Краснощековский район.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2013. Денисова Мария Васильевна, 1920 г.р., с. Лебяжье, Егорьевский район.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Лапутина Татьяна Константиновна, 1921 г.р., п. Благовещенка, Благовещенский район.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Медведева Мария Павловна, 1930 г.р., с. Усть-Белое, Краснощековский район.
18. Архив ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2012. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р., с. Подойниково, Панкрушихинский район.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2018 г.

HOUSEHOLD ECOLOGY AND FUEL GATHERING TRADITIONS OF RUSSIAN RURAL POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA DURING THE WAR YEARS, 1941–45: ON THE BASIS OF FIELD RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 167–176.

DOI: 10.17223/15617793/435/22

Tatiana K. Shcheglova, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tk_altai@mail.ru

Keywords: cultural anthropology; Russian; Siberia; war; gathering; fuel; natural environment; labor traditions.

The aim of the research was to reveal the means of providing Russian rural population with fuel. The objectives of the research include studying the traditions of gathering. According to the hypothesis, gathering was based on the interaction of a peasant family and the natural environment, as well as on the non-waste nature of agricultural production. The author analyses the types of fuel, ways of gathering and transportation, distribution of chores in the family, manufacturing of transportation means, kinds of draught animals in different natural and ethno-climatic zones. The sources were materials of historical ethnographic expeditions; the methods were technologies of ethnography and oral history on the basis of historical memory of tradition bearers. The author considers that in the Russian Siberians' culture household heating during long winters was the most important element of the life sustaining culture. Two types of fuel were identified – natural materials and homesteading wastes. During the war years, they were the predominant types. The methods of their stocking up was gathering. The specific character of fuel types was determined by the natural-geographic conditions of the regions. The most advantageous zones were forest territories, with forest by-products as the main objects of gathering – branch timber, cones, brushwood. In steppe territories, resources for heating were limited – dead-grass, sagebrush, clay balls, waste products of farming and cattle breeding (straw, hay leftovers, dry dung). In lakeside territories, reed and sedge were gathered; in mountainous territories, dead-grass was gathered. The universal types of fuel were waste products of vegetable gardening – waste products of sunflowers, cabbage and potatoes. The author asserts that fuel gathering became an important life sustaining strategy. Traditions of gathering, transportation and stocking up were determined by types of fuel, its volume, its weight, the distance and family composition. Gathering in immediate surroundings were children's duty with fixed norms. Old men were involved in gathering connected with danger; women and teenagers were involved in long-distance gathering. There existed two ways of transportation – manual transportation and transportation with the help of draught animals. Draught animals for adults were cows, for children dogs. In case of manual transportation, people used bags and baskets, or carried bound fuel – bunches, bundles. Transportation means adapted for different seasons were made: wheel carts or sledge coaches. A universal transportation means was a travois. Male adults with disabilities and teenagers made them. Houses and farms had special spaces for storing the gathered fuel.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury. Razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and cultures. Development and interaction]. Moscow: Nauka.
2. Arutyunov, S.A. & Markaryan, E.S. (eds) (1983) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos: Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh arm. sel. kul'tury)* [Life support culture and ethnos: Experience of ethnocultural research (on the materials of Armenian village culture)]. Erevan: ArmSSR AS.
3. Shelegina, O.N. (1992) *Ocherki material'noy kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia (18th – first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. izd. firma.
4. Lipinskaya, V.A. (1987) *Russkoe naselenie Altayskogo kraia: Narodnye traditsii v material'noy kul'ture (XVIII–XX vv.)* [Russian population of Altai Krai: Folk traditions in material culture (18th–20th centuries)]. Moscow: Nauka.
5. Minenko, N.A. (1991) *Ekologicheskie znaniya i opyt prirodnopol'zovaniya russkikh krest'yan v Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Ecological knowledge and experience of nature management of Russian peasants in Siberia in the 18th -i first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
6. Shcheglova, T.K. (2016) *Ustnaya istoriya (Oral history) kak metod i istochnik etnograficheskikh issledovaniy sel'skogo naseleniya v kontekste istoricheskikh sobyitiy XX – nachala XXI stoletiy* [Oral history (Oral history) as a method and source of ethnographic studies of the rural population in the context of the historical events of the 20th – early 21st centuries]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Ustnaya istoriya: zhiznennyye strategii i povsednevnyye praktiki sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. nauch. statey i istochnikov* [Oral history: life strategies and daily practices of the rural population of southern Western Siberia during the Great Patriotic War: articles and sources]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
7. Shcheglova, T.K. (2016) *Traditsii i novatsii v obustroystve zhiloy sredy russkogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v kontekste istoricheskogo razvitiya (1860–1980 gg.)* [Traditions and innovations in the arrangement of the living environment of the Russian population in the south of Western Siberia in the context of historical development (1860–1980)]. *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh*. 1 (61). pp. 163–174.

8. Vaganov, N.A. & Ukhtomskiy, A.P. (1886) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskoy gubernii: otchet* [Economic and statistical description of the volosts of the Altai province: a report]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2014. *Izotov Nikolay Semenovich, 1930 g.r., p. Mayskiy, Romanovskiy rayon* [Nikolay Izotov, born in 1930, v. Maysky, Romanovsky District].
10. Archive Department of the Administration of the Romanovsky District of Altai Krai. Fund R-67. List 1. File 47. *Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobyitiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Ch. 1. Zhenshchina i voyna. Ch. 2. Deti voyny: rukopis'* [Collection of memoirs of citizens of the Romanovsky District on the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. Part 1. Woman and war. Part 2. Children of War: a manuscript].
11. Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) (2012) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
12. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2014. *Sycheva Raisa Dmitrievna, 1927 g.r., s. Guseletovo, Romanovskiy rayon* [Raisa Sycheva, born in 1927, v. Guseletovo, Romanovsky District].
13. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Davydova Evdokiya Ivanovna, 1931 g.r., s. Zalesovo, Zalesovskiy rayon* [Evdokia Davydova, born in 1931, v. Zalesovo, Zalesovsky District].
14. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Kharlova Mariya Egorovna, 1933 g.r., s. Ust'-Kozlukha, Krasnoshchekovskiy rayon* [Maria Kharlova, born in 1933, v. Ust-Kozlukha, Krasnoshchekovsky District].
15. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2013. *Denisova Mariya Vasil'evna, 1920 g.r., s. Lebyazh'e, Egor'evskiy rayon* [Maria Denisova, born in 1920, v. Lebyazhie, Egoryevsky District].
16. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Laputina Tat'yana Konstantinovna, 1921 g.r., p. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskiy rayon* [Tatyana Laputina, born in 1921, v. Blagoveshenka, Blagoveshchensky District].
17. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Medvedeva Mariya Pavlovna, 1930 g.r., s. Ust'-Beloe, Krasnoshchekovskiy rayon* [Maria Medvedeva, born in 1930, v. Ust-Beloe, Krasnoshchekovsky District].
18. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2012. *Chernykh Nina Dmitrievna, 1929 g.r., s. Podoynikovo, Pankrushikhinskiy rayon* [Nina Chernykh, born in 1929, v. Podoynikovo, Pankrushikhinsky District].

Received: 15 April 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.853

А.В. Баранов, А.И. Родионов

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИИ, ДВИЖЕНИИ И ЭНЕРГИИ В КОНТЕКСТЕ ГНОСЕОЛОГИИ И ОНТОЛОГИИ XXI в.

Представлено исследование проблемы формирования у обучающихся базовых представлений о материи, движении и энергии в курсе физики с учетом их гносеологических и онтологических трансформаций в XXI в. Исследование проводилось на основе анализа результатов контрольных мероприятий (включая PISA) в области естественнонаучных представлений, содержания учебников и учебных пособий, высказываний известных ученых о роли физики, работ в сфере гносеологии и онтологии физических понятий.

Ключевые слова: обучение физике; формирование системы научных понятий у обучающихся; материя; движение материи; энергия.

Постановка проблемы. Цель исследования

О дидактических достоинствах курса физики неоднократно говорилось во многих публикациях [1–11]. Для научной и педагогической общественности совершенно очевиден тот факт, что физика как учебная дисциплина является бесспорным инвариантом школьного образования XXI в. [7–10] и остается необходимым фундаментом для большинства направлений подготовки в университетах [2, 4, 8, 9]. По мнению Дэвида Хестенеса (медаль Эрстеда за выдающийся вклад в преподавание физики), в происходящих реформациях образования физике должно отводиться центральное место, так как знакомство с ее концепциями и методологией позволяет сформировать у обучающихся когнитивный базис для понимания многих проявлений реальности, не обязательно имеющих физическое происхождение [8]. Характерным примером доказательства последнего является появившееся в конце XX в. научное направление, связанное с применением методологии физики к анализу различных процессов в обществе, – эконофизика. Специалистами, работающими в этой области, на основе использования методов квантовой и статистической физики были, в частности, спрогнозированы национальные и мировые кризисы [12].

В школьном и университетском образовании физика служит краеугольным камнем в основании фундаментальных знаний, которые формируют научное мировоззрение [5, 9, 13] и стратегическое мышление, крайне необходимые человеку для существования в усложняющейся реальности и актуализации современной парадигмы непрерывного образования [13]. Очевидно, к преподаванию физики как важнейшей фундаментальной дисциплине требуется подходить с большой ответственностью, не допуская поверхностного отношения к изложению предмета и его профанации [1, 2, 11].

Успешное изучение и адекватное восприятие содержания любой науки невозможны без освоения ее терминологии или понятийного аппарата. Как подчеркивала академик А.В. Усова, «...формирование системы научных понятий у учащихся школ и студентов вузов является одной из ведущих задач процесса обучения» [14. С. 12].

Проводимые педагогические исследования показывают, что к моменту окончания школы и вуза у многих обучавшихся уровень сформированности научных понятий оказывается весьма низким [2, 6, 7, 10, 11, 14]. И в наибольшей степени это касается физики [2, 10, 11].

Наш опыт работы со школьниками и абитуриентами, преподавание физики и теоретической механики в техническом университете, анализ результатов тестирования (включая данные PISA) демонстрируют, что системному и последовательному формированию понятийного аппарата у обучающихся не уделяется должного внимания как в школьном курсе физики, так зачастую и в вузовском. Ряд определений понятий и формулировок законов, до сих пор кочующих по учебникам и транслируемых учителями и преподавателями, не выдерживает критики [3, 4, 11]. Особенно много терминологических неточностей и парадоксальных дефиниций встречается в самом первом разделе курса физики – «Механика», в котором у обучающихся должны закладываться важнейшие представления о базовых концепциях науки [11]. А между тем в своем докладе на Президиуме РАН (27 октября 2009 г.) академик Л.Б. Окунь констатировал, что в школах и даже в вузах сегодняшнее изложение физики фактически ограничивается представлениями начала XX в. [15].

Что же тогда говорить о физике века XXI!

Целью исследования является определение ключевых составляющих для процесса формирования в курсе физики базовых представлений о материи, движении и энергии в контексте гносеологии и онтологии XXI в.

Методология и результаты исследования

Раз в три года, начиная с 2000 по 2015 г., работала Международная исследовательская программа PISA (Programme for International Student Assessment) по оценке образовательных достижений учащихся 72 стран. В 2015 г. эксперты констатировали, что в последние годы показатели учащихся российских школ по естественным наукам остались практически без изменений – на уровне ниже среднего [16, 17].

С целью выявления степени владения понятийным аппаратом и умения пользоваться им для анализа

конкретных ситуаций нами проводилось входное тестирование студентов технического университета на начальной стадии освоения курса общей физики.

Для иллюстрации результатов анализа приведем некоторые из перечня вопросов, приводивших многих тестируемых к замешательству:

1. Что такое «физическая величина»?
2. Почему выражения «величина массы», «величина силы» являются некорректными?
3. Какие физические величины называются аддитивными?
4. Чем единица измерения отличается от размерности физической величины?
5. Может ли движение тела быть равномерным, если у тела есть ускорение?
6. Почему первый закон Ньютона не является следствием второго закона?
7. Может ли энергия тела принимать отрицательные значения?
8. Может ли работа силы трения быть положительной величиной?
9. Должно ли вещество сохраняться в процессе взаимодействий?

Наблюдавшееся замешательство студентов во многом обусловлено отсутствием элементарных знаний определений физических понятий, не говоря уже о понимании законов и умении анализировать физические ситуации.

Безусловно, такое положение дел может быть связано не только с отсутствием у обучающихся достаточной внутренней мотивации при изучении физики, но и с возможными методическими упущениями педагогов.

Вот лишь несколько *примеров высказываний*, встречающихся в том числе в учебниках и учебных пособиях и демонстрирующих поверхностное отношение к используемым понятиям, определениям и формулировкам при изложении механики:

1) **«материальная точка – это тело, размерами которого можно пренебречь».**

После такого «определения» для студентов может казаться совершенно необъяснимым факт, что понятие «материальная точка» не работает при описании движения микрообъектов (например, электронов в атоме или в сверхрешетке). Ведь, казалось бы, что размерами микрообъектов как раз и можно пренебречь при анализе их пространственного перемещения!

Материальная точка это не реальное тело! Это *идеальная модель*, которая используется нами для описания механического движения реального объекта, который движется поступательно, или нас интересует только поступательная составляющая движения объекта вне зависимости от его размеров. И только эксперимент может продемонстрировать будет ли данная модель адекватно описывать движение реального тела или нет;

2) **«масса есть мера инертности тела, зависящая от скорости».**

Масса тела *при ее однозначном определении* не может зависеть от скорости, так как является инвариантом внешнего движения тела, а мерой инертности является «постольку, поскольку...и только при малых скоростях» [18. С. 4];

3) **«энергия не возникает из ничего, и не исчезает бесследно, а только переходит из одной формы в другую».**

Но энергия не флюид и не субстанция! Это *физическая величина*, представляющая собой универсальную динамическую скалярную меру всякого физического движения материального объекта, аддитивную относительно вкладов этих движений, и, стало быть, *размерное число*. Разумеется, число «ни возникать, ни исчезать» не может! Но оно может, будучи *количественной мерой свойства материи, оставаться неизменным (сохраняться) при определенных условиях!*

Фридрих Энгельс в своем epochальном философском труде «Диалектика природы» фактически сформулировал закон о сохранении движения материи [19]. *Неуничтожимым является именно движение материи! Это оно не возникает из ничего и не исчезает бесследно, а может только переходить из одной формы в другую;*

4) **«масса превращается в энергию».**

Эти две *размерные физические величины* являются лишь *количественными мерами* определенных свойств материи. Они связаны друг с другом: энергия покоя тела, определяемая его внутренними движениями, связана с его массой [15, 20]. Внутреннее движение тел, как показывает опыт, может трансформироваться во внешнее движение *с соответствующим перераспределением составляющих полной энергии* [20, 21]. Но превращение массы в энергию, то есть, условно говоря, «килограмма» в «джоули»! Это, очевидно, *абсурд* [21. С. 17].

А вот элементарные частицы могут претерпевать «превращения». Например, нейтрон может превратиться в набор частиц, состоящий из протона, электрона и антинейтрино. Электрон и позитрон, взаимодействуя, превращаются в два фотона. При этом результирующие продукты таких превращений не входят в состав первичных компонент. Удивительные свойства реальности! Но, безусловно, *никаких «превращений массы в энергию» при этом не происходит!* Хотя в последнем примере вместо двух частиц, обладающих массой, образуются два безмассовых (в рамках современной парадигмы) фотона.

Приведенные нами примеры встречающихся высказываний демонстрируют настораживающий факт, что уже при изложении механики – базового раздела физики – в сознании обучающихся могут быть заложены неверные представления о *фундаментальных понятиях* не только физики, но и естествознания в целом – представления о *материи, движении и энергии*.

Как здесь снова не вспомнить слова академика А.В. Усовой о том, что одной из актуальных проблем, стоящих перед педагогикой и связанных с процессом формирования понятий у учащихся школ и студентов вузов, является «...*раскрытие методологического знания о фундаментальных научных понятиях, таких как материя, движение, энергия*» [14. С. 13].

А проводимые исследования показывают, что в современном образовательном дискурсе представления о материи, движении и энергии могут разниться даже при изложении таких предметов естественнона-

учного цикла, как, например, физика, химия и биология [22–26].

Педагогам необходимо осознавать, что формирование понятийного аппарата у обучающихся является одним из наиболее сложных и трудоемких процессов. Требуется максимально ответственно подходить к этому процессу, своевременно уточнять и корректировать как содержание используемых понятий, так и способы их формирования [1]. При этом не стоит забывать, что в качестве опорной методологической системы при формировании понятийного аппарата фундаментальных знаний о Природе выступает диалектика. Понимание гносеологического и онтологического аспектов формирования понятий может помочь педагогам правильно расставлять акценты при их введении и использовании в образовательном процессе.

Прежде чем обсуждать особенности базовых представлений о фундаментальных понятиях, уточним, что именно *с современных позиций изучает физика и «как она это делает»*.

Согласно исходным положениям методологии, у каждой науки следует различать «объект» и «предмет» исследования (изучения) [27. С. 118]. *Объект исследования* – это та действительность (реальность), с которой исследователь («субъект») имеет дело, на что направлено его внимание [Там же]. *Предмет исследования* – это та сторона, тот аспект, та точка зрения, с которой исследователь познает объект, выделяя при этом главные, наиболее существенные (*с точки зрения исследователя*) признаки объекта [Там же].

Объектом изучения для физики является *материя*.

Предметом изучения для физики являются *фундаментальные структуры, движения и взаимодействия материи*. Они служат реальным базисом для устройства, эволюции, многообразия и сложности материального мира нашей Вселенной.

В основе изучения реальности в физике лежит *научный метод познания* и особенности его циклической схемы, разворачивающейся поэтапно во времени (по В.Г. Разумовскому): «*факты реальности – гипотеза – модель – предсказания модели – эксперимент – факты реальности*» [6. С. 18].

Гипотеза и модель, выступая этапами научного метода, представляют собой *продукты деятельности человеческого сознания*. Это наши предположения и представления о свойствах изучаемой реальности. Конечной целью появления и развития этих представлений является *понимание*! На этом этапе *наукой* и вводятся *понятия*, которые *с точки зрения исследователей* отражают и характеризуют свойства изучаемых аспектов реальности. Именно система введенных научных понятий служит семантической основой языка, с помощью которого *происходит развитие самой науки, а также трансляция знаний и представлений о реальности в процессе обучения*. Безусловно, система научных понятий со временем может претерпевать определенные трансформации [1, 7, 9]. Понятия уточняются в процессе постоянной реализации научного метода применительно к изучаемой реальности.

Окончательным критерием правильности наших представлений, адекватности используемых понятий

и моделей всегда является *эксперимент*. Ряд физических экспериментов, поставленных в XX и XXI вв., продемонстрировал такие свойства реальности, о которых в XIX в. даже не подозревали. Наукой были выдвинуты революционные гипотезы и предложены *новые понятия и модели* для описания поведения реальности (специальная и общая теории относительности, квантовая физика, космология и т.п.).

При изложении физических концепций чрезвычайно важно донести до обучающихся мысль о том, что необходимо *различать реально существующие материальные объекты (с их разнообразными проявлениями) и модельные представления о них*, которые формирует наука в процессе познания. *Модели* отображают действительность в главном, в существенном с позиций вопросов, поставленных наукой в конкретной проблеме, которую требуется решить. Вопрос о соответствии той или иной модели изучаемому явлению разрешается только совокупным опытом на данный момент. Вопрос об адекватности *Реальности* лежит еще глубже.

Какие же *базовые представления о материи, движении и энергии* должны быть преподнесены обучающимся, исходя из сегодняшнего научного понимания реальности? Представления, учитывающие как гносеологический, так и онтологический аспекты процесса познания!

Материя. В гносеологическом контексте под материей понимается *философская категория для обозначения всей объективной реальности, данной нам в ощущениях (непосредственно или опосредованно), отражаемой нашим сознанием, но не зависящей от него*. Такое определение, данное В.И. Лениным в известной работе «Материализм и эмпириокритицизм», носит обобщенный *гносеологический характер*, является универсальным и предполагает возможное существование видов материи, еще не известных науке на данный момент времени, в силу ограниченности наших знаний о реальности.

Познание существующих разновидностей материи приводит к появлению *онтологических определений материи*, носящих конкретный содержательный характер. Примером онтологической формулировки является определение, приведенное в работе [28. С. 70]: «*Материя (в онтологическом аспекте) – это совокупность всех вещей во Вселенной (микрочастиц, атомов, молекул, макротел, мегател и полей), обладающая такими всеобщими свойствами, как пространственная бесконечность, вечность во времени, движение и развитие, причинность и закономерность, единство прерывности и непрерывности и другие, а также всеобщая “чувствительность”, или “духовность”, а на определенной стадии развития – психика и сознание*».

Современная физика, опираясь на результаты анализа множества наблюдений и экспериментов, констатирует, что материя в нашей Вселенной представлена *разными формами*. В начале XXI в., в отличие от физики начала XX в., наука выделяет пять разновидностей материи в наблюдаемой и изучаемой нами части Вселенной [29–35]:

– вещество;

- поле;
- физический вакуум;
- темная материя;
- темная энергия.

Если вещество и поле относительно хорошо изучены, то последние три разновидности требуют более детальных исследований, выдвижения гипотез, формулировки модельных представлений и постановки верифицирующих экспериментов.

Вещество во Вселенной организовано в структуры различного уровня: атомы, молекулы, кристаллы, планеты, звезды, Человек .... При изложении содержания курса физики необходимо продемонстрировать обучающимся исключительно важный факт реальности, связанный с существованием определенной иерархии структурных форм организации вещества [36].

Все известные нам *вещественные структуры* в конечном счете состоят из *элементарных частиц*, одной из отличительных характеристик которых является *масса, определяющая энергию покоя частиц*. Современная парадигма физики (или «стандартная модель») сводит структурные частицы к *шести бесструктурным кваркам и трем бесструктурным лептонам* [29, 30, 34]. Те и другие являются *фермионами – частицами с полуцелым спином*, проявляющими свойства индивидуалистов, подчиняясь принципу запрета Паули.

Поле, согласно стандартной модели, также представлено своеобразными частицами – квантами полей – переносчиками взаимодействий (фотон, глюон, W-, Z-бозоны, возможно и гравитон) [29, 30, 34]. Сегодня известны четыре фундаментальных взаимодействия: сильное, электромагнитное, слабое и гравитационное. Они и обуславливают существование, а также иерархию различных структур вещества: сильное – атомных ядер, электромагнитное – атомов и молекул, гравитационное – планет, звезд, галактик. Благодаря слабому взаимодействию в звездах происходит термоядерные реакции синтеза более тяжелых (по сравнению с водородом) ядер химических элементов (слабое взаимодействие ответственно за превращение нейтрона в протон).

В отличие от частиц вещества, некоторые частицы, *определяющие фундаментальные взаимодействия* (фотон, глюон, гравитон), являются безмассовыми ($m = 0$). Все они являются *бозонами – частицами с целым спином*, проявляющими свойства коллективистов.

Безмассовые частицы существуют только в движении, обеспечивая *обменное полевое взаимодействие* частиц вещества. В силу присутствия определенной иерархии структур (от элементарных частиц до Метагалактики) и детерминированности проявлений *нашей Вселенной*, мы полагаем, что подобное возможно лишь в том случае, если *скорость распространения таких фундаментальных взаимодействий является одинаковой, предельной и инвариантной величиной*, т.е. *фундаментальной постоянной*! Впервые как факт реальности это было установлено для электромагнитного взаимодействия (эксперимент Майкельсона – Морли). Значение скорости света (скорость фотонов) в вакууме и оказалось тем *предельным фундаментальным значением*

скорости материальных объектов в наблюдаемой нами Вселенной. Для частиц с ненулевой массой такое значение скорости *недостижимо* (подтверждено экспериментами на ускорителях заряженных частиц), а для безмассовых частиц это значение скорости является *единственно возможным и инвариантным*.

Физический вакуум. Под физическим вакуумом в современной физике понимают пространство с *низшим энергетическим состоянием его квантованных полей*. Нулевые колебания полей сопровождаются постоянным рождением и исчезновением *виртуальных частиц* в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга [32]. Такое проявление реальности и соответствующее ему представление квантовой теории поля уже подтверждены экспериментально: *эффект Казимира* [37] и *лэмбовский сдвиг энергетических уровней атомов* [38] обусловлены нулевыми колебаниями электромагнитного поля физического вакуума.

Темная материя и темная энергия. Согласно представлениям современной космологии, на обычную (барионную) материю во Вселенной приходится лишь 4%. Около 23% приходится на темную материю и 73% – на темную энергию [33, 35]. *Темная материя* вызывает эффект гравитационного притяжения, как и обычная барионная материя. А вот *темная энергия*, преобладающая во Вселенной, вызывает эффект гравитационного отталкивания. Физическая природа темной материи и темной энергии пока неизвестна [31, 33, 35].

Движение. Под движением в диалектике понимают *любые изменения, происходящие с материальными объектами* в Пространстве и Времени (гераклитовское «Все течет, все изменяется»). По Ф. Энгельсу «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [19. С. 50].

Таким образом, источником движения является сама материя. Это способ ее существования. Это неотъемлемое *свойство материи*. Данное определение понятия «движение» носит гносеологический характер. Не уточняя конкретные виды движения материи, оно подразумевает познавательный аспект, ориентирующий исследователей на анализ любых возможных видов изменений. Открытие и анализ существующих форм движения материи приводят к конкретным онтологическим представлениям о свойствах реальности. В физических науках выделяют, экспериментально и теоретически изучаются различные *формы движения материи*, такие, например, как *механическая, тепловая, электромагнитная, ядерная, спиновая*.

И как уже упоминалось ранее, по Ф. Энгельсу *движение материи сохраняется, но при этом может изменять свою форму*. Движение как имманентное свойство материи проявляется в таких трансформациях: механическая форма движения может трансформироваться в тепловую форму, тепловая форма – в электромагнитную и т.п.

Анализ реальных фактов позволяет в физике ввести *количественные меры движения* и соотношения между ними, математически отражающие сохранение движения с учетом возможной трансформации его формы. Движениям *ставятся в соответствие меры – физические величины* – размерные обобщенные числа (скаляры, векторы, тензоры, спиноры...) [11].

Введение меры в контексте закона сохранения движения материи предполагает необходимость:

– дать ей *определение как сохраняющейся* при условии сохранения или стационарности движения и сконструировать ее *аддитивной*;

указать *способ или способы ее измерения*;

указать *способ или способы ее вычисления*.

Энергия. В качестве универсальной скалярной меры всех физических движений материи выступает энергия. Энергия является скалярной мерой, поскольку движения, в которых участвует материальный объект, могут быть разного типа. Энергия *аддитивна относительно вкладов всех движений объекта*.

Такое определение энергии носит обобщенный гносеологический характер, предполагающий существование различных форм движения материи. Онтологическое содержание понятия может быть развернуто только в ходе применения научного метода к конкретным проявлениям реальности.

Концепция энергии пронизывает всю физику. Вероятно, нет ни одного раздела современной физики, где бы не использовалось понятие энергии и не фигурировал бы закон сохранения энергии. Применение последнего для анализа явлений и процессов хотя и не позволяет однозначно вскрыть динамику и механизмы их протекания, но *накладывает фундаментальные ограничения* на количественные соотношения для ряда физических величин, характеризующих движения и связанные с ними взаимодействия материальных объектов. Эти фундаментальные ограничения как раз и определяются фактом *сохранения движения материи* и выражаются *количественно в форме закона сохранения энергии*.

Концепция энергии и закон сохранения энергии являются одними из наиболее сложных представлений и понятий для восприятия обучающимися [22, 26]. И это неудивительно, ведь даже высказывания выдающихся ученых-физиков свидетельствуют о непросто-м отношении к ним в научном мире (если не принимать во внимание чисто формальное использование понятия энергии и закона ее сохранения при анализе конкретных процессов). Вот как в своих знаменитых лекциях говорил об энергии Ричард Фейнман:

«Важно понимать, что физике сегодняшнего дня неизвестно, что такое энергия. Мы не считаем, что энергия передается в виде маленьких пилюль. Ничего подобного. Просто имеются формулы для расчета определенных численных величин, сложив которые, мы получаем число – всегда одно и то же число. Это нечто отвлеченное, ничего не говорящее нам ни о механизме, ни о причинах появления в формуле различных членов» [39. С. 74].

Проблема осознания концепции энергии существует уже на протяжении около двух столетий [22. Р. 1363].

Канадский физик Марио Бунге, известный своими трудами в области философии науки, процитировав данное высказывание Фейнмана и проведя собственный анализ энергетической концепции, пришел к выводу, что энергию следует отнести к наиболее общим онтологическим понятиям, имеющим отношение не только к физике [40. Р. 458]. По мнению М. Бунге, энергия является универсальным свойством материи, проявляющимся в ее изменениях (движениях). Энергия это не материальный объект, не состояние или процесс. Это свойство, а значит, оно может быть представлено *функцией* (классическая физика) или *оператором* (квантовая физика) [40. Р. 459].

Очевидно, что, как и ряд других физических величин (например, температура и масса), энергия является величиной, которая не может быть сразу воспринята и однозначно понята обучающимися (особенно в школьном курсе) только за счет знакомства с этим понятием в форме некоторой универсальной дефиниции. Она нуждается в последовательном прогрессивном конструировании смысла, что может быть достигнуто только *в процессе использования понятия энергии* при решении и обсуждении *физических проблем с различным контекстуальным содержанием*.

Необходимо осознать, что наши высказывания и рассуждения о том, что *«энергию нельзя ни создать, ни уничтожить»* и что она способна *«перетекать»* или *«распространяться в пространстве»*, могут привести к формированию у обучающихся неверного представления о некотором субстанциональном содержании этого понятия. А утверждения о том, что энергия *«способна совершать работу»*, окончательно могут превратить ее в реально существующую *«работающую вещь»* [22. Р. 1362]. Такое толкование понятия энергии уже на рубеже XIX–XX вв. вызывало критику в работах крупнейших представителей науки – Г. Герца, А. Пуанкаре и М. Планка [22. Р. 1362].

При изложении курса физики требуется периодически заострять внимание обучающихся на том, что энергия это количественная мера, а не специфическая субстанция! А все высказывания по поводу неуничтожимости, превращения или распространения энергии по сути своей являются *своеобразными метафорами*. Необходимо вводить в рассмотрение понятие *носителя энергии*, поскольку бессмысленно говорить об *энергии как самостоятельной сущности*. Это количественная мера, введенная для характеристики свойства материи – ее движения. Только с материальными объектами можно ассоциировать и связывать энергию.

Представление об энергии как аддитивной мере движения наиболее глубоко находит свое отражение в *специальной теории относительности* (СТО). Движения материального объекта делятся на его *внутренние движения, определяющие качества этого объекта как такового*, и его *внешние* по отношению к другим объектам движения [11, 18].

В отсутствие внешних сил для *поступательного движения* тела массой m энергия складывается из энергии покоя $E_0 = mc^2$, связанной со всеми внутренними движениями и взаимодействиями объекта, и кинетической энергии внешнего движения.

В общем случае (произвольная система частиц) величина E_0 связана с определенной составляющей полной энергии материального объекта – *энергии объекта в системе центра инерции*. Таким образом, в релятивистской концепции (концепции СТО) масса – это не мера количества вещества и не мера инертности, а *мера* всех (в том числе и непознанных еще) *внутренних движений материального объекта*, определяющих с точки зрения физики этот объект как таковой. В таком контексте масса оказывается определенной однозначно и является *инвариантом для внешнего движения*. Поэтому, согласно современной трактовке СТО, масса от скорости зависеть не может [20, 21, 41, 42]. В отличие от энергии системы, масса не является аддитивной величиной (масса системы не равняется сумме масс ее составляющих).

Так выглядят основные аспекты, на которые, по мнению авторов, необходимо обратить внимание при решении актуальной проблемы изложения в курсе физики вопросов, связанных с определением фундаментальных понятий естествознания – материи, движения и энергии. Появление инновационных проектов развития школьного физического образования в стиле концепций физики XXI в. [43, 44] отнюдь не упрощает сложившуюся ситуацию, а еще больше заостряет внимание на проблеме формирования у обучающихся адекватных представлений о фундаментальных понятиях естествознания.

Как же построить обучение физике в старших классах школы и на младших курсах вуза, чтобы проблема формирования базовых представлений находила свое *последовательное решение*?

Безусловно, формирование у обучающихся представлений *о материи, движении и энергии* не является одномоментным актом, сводящимся к системе дефиниций и трансляции определенного содержательного контента, связанного с современными концепциями. Это достаточно протяженный во времени *процесс* становления в сознании обучающихся *картины физической реальности* через призму *научных представлений* о ней. Поэтому при изложении курса физики в качестве важной опоры должна выступать циклическая схема *научного метода познания*: *факты реальности – гипотеза – модель – предсказания – эксперимент – факты реальности* [6]. Только в этом случае, наряду с восприятием информационного содержания курса, в сознании обучающихся возможен не менее важный *когнитивный процесс* – процесс осмысления того, каким образом можно анализировать реальность, формировать и использовать модельные представления, объяснять поведение реальности, делать прогнозы.

Как создание живописного полотна начинается с эскиза, детальное изложение содержания картины физической реальности следует начинать с *эскизной ретроспекции современных представлений* о ней. Примером может служить начальный экскурс в известных лекциях Р. Фейнмана [39]. В нем выдающийся ученый и педагог сразу вводит нас в увлекательный мир современных представлений физики о материи, движении и энергии. Попутно обсуждается метод, используемый наукой при решении проблем.

И весь экскурс Р. Фейнмана, да и весь курс, постоянно сопровождаются вопросами, иногда очень неожиданными для аудитории: «*Что значит «понять» что-либо?*» [39. С. 39].

Предъявление начального эскиза будущей картины является важным элементом для *мотивации обучающихся*. Такое предъявление может заинтересовать и даже заинтриговать их. Дальнейшее изложение курса должно приводить к углублению и детализации разворачивающейся картины физической реальности, последовательного формирования в сознании обучающихся понятийного аппарата.

Кардинальную роль может сыграть *проблемный способ изложения*, связанный, в частности, с постановкой вопросов, значимых для содержания и восприятия курса. Достаточно очевидны самые первые «простые» вопросы, которые обозначают *объект, предмет и метод физики* как науки: «*Что изучает физика?*», «*Как она это делает?*», «*Что из этого получается?*».

Необходимо с самого начала ввести в рассмотрение понятие «*объект*». И прежде чем прозвучит ответ на вопрос «*Что изучает физика?*», следует предложить обучающимся разбить некоторый список *знаковых объектов реальности* на две категории – *материальные и нематериальные объекты*. Обсуждение результата такого разбиения позволит естественным путем ввести обобщенное гносеологическое понятие «*материя*»!

А далее возникает вопрос «*Существуют ли какие-то общие по своей сути свойства у принципиально разных материальных объектов?*». И обсуждение должно привести к ответу: «*Структура, движение, взаимодействие*».

Тогда и появляются утверждения о том, что изучает физика:

Объект изучения физики – *материя*.

Предмет изучения физики – *фундаментальные структуры, движения и взаимодействия материи*.

После этого необходим *мотивирующий «популярный» экскурс* в современные представления физики о структурах, движениях и взаимодействиях материи. Большой интерес могут вызвать вопросы, касающиеся иерархии материальных структур во Вселенной, концепции тонкой настройки Вселенной и антропного принципа. Современные мультимедийные средства и доступ к информационным базам Интернета позволяют сопроводить обсуждение выразительным *визуальным рядом*.

Ответ на вопрос *о методе* должен привести к изложению особенностей и этапов *научного метода познания*. Как результат работы человеческого сознания в соответствии с этим методом и формируются наши научные представления о материи – *концептуальные модели реальности*. Требуется объяснить и примерами продемонстрировать, что процесс формирования концептуальных моделей и «окончательных» физических теорий достаточно непростой, иногда даже драматичный в своих проявлениях, приводящих к научным революциям и революциям в человеческом осознании реальности.

Очень важен предварительный разговор с обучающимися о *языке науки*. В процессе изучения реально-

сти физика формирует свой язык – систему понятий, обозначая и определяя их: *объекты реальности* (вещество, тело, поле, ...), *свойства объектов реальности* (движение, взаимодействие, инертность, ...), *количественные характеристики свойств объектов реальности* (скорость, сила, масса, энергия...), *элементы идеализированных моделей реальности* (материальная точка, абсолютно твердое тело, идеальный газ, идеальная жидкость, ...). В процессе обсуждения и вводятся *физические величины*, являющиеся *мерами свойств* материальных объектов. Среди таких мер особую роль играет *энергия – универсальная мера*, связанная с движением материи, трансформацией форм движения и сохранением движения. Необходимо привести примеры различных форм движения, количественных выражений для соответствующей энергии и примеры «работы» закона сохранения энергии.

Такой начальный экскурс в учебный предмет должен послужить опорой для последующего более детального изложения *разделов физики*, в которых понятия *материи, движения и энергии* должны получать свое дальнейшее наполнение и смысловое развертывание. В этом изложении, неизбежно употребляя устоявшиеся метафорические высказывания и аналогии, не следует забывать о том, что необходимо различать выделяемые нами *свойства реальности* и определяемые нами *меры* этих свойств.

И необходимо чаще задавать обучающимся «простой» вопрос — «*Что это такое?*» [4. С. 9].

Заключение

Процессу формирования понятийного аппарата у обучающихся должно уделяться самое пристальное внимание, так как понятийный аппарат является семантической основой языка, на котором происходит передача и усвоение знаний. Решение актуальной проблемы обучения, связанной с раскрытием методологического знания о фундаментальных понятиях естествознания, должно опираться на современное прочтение, претерпевшее определенные трансфор-

мации, связанные с гносеологическим и онтологическим аспектами, обусловленными последними данными науки.

В статье фокусируется внимание как на современных представлениях физики, так и на общесофских определениях, которые необходимо учитывать в процессе формирования у обучающихся адекватных базовых представлений о материи, движении и энергии.

Гносеологическое определение материи, данное в диалектике, должно продемонстрировать школьникам и студентам принципиальную возможность познания материальной составляющей реальности, *данной нам в ощущениях, отражаемой нашим сознанием, но не зависящей от него*. Раскрытие онтологии этой реальности показывает познаваемость материального мира и демонстрирует открытые Человеком различные формы материи с их структурными особенностями и возможными трансформациями. Необходимо познакомить обучающихся с современными представлениями парадигмы стандартной модели и концепцией иерархии материальных структур.

Гносеологическое определение движения материи, лежащее в основании диалектики, позволяет наполнить его конкретным содержанием, формирующим онтологию понятия с опорой на открытия XX–XXI вв. Разнообразие форм движения материи должно иллюстрироваться примерами их взаимных превращений и диалектической концепцией сохранения движения материи.

Обсуждение проблемы понятия энергии должно приводить к пониманию обучающимися различия между свойством материи – движением и количественной мерой этого свойства – энергией. Для разных форм движения количественная мера может выражаться по-разному (например, энергия движущегося электрона и энергия движущегося фотона). Прекрасной иллюстрацией содержания закона сохранения энергии является релятивистская концепция об энергии покоя и ее изменении при трансформации внутреннего движения объектов во внешнее движение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханов А.Д. К вопросу об определении понятий и формулировок законов в физике // Физическое образование в вузах. 2003. Т. 9, № 1. С. 88–93.
2. Гладун А.Д. Профанация в преподавании физики // Физическое образование в вузах. 2004. Т. 10, № 4. С. 5–7.
3. Идиатуллин В.С. Физика как наука и учебная дисциплина // Физическое образование в вузах. 2006. Т. 12, № 1. С. 23–37.
4. Николаев В.И. О дидактических достоинствах курса физики // Физическое образование в вузах. 2006. Т. 12, № 2. С. 8–14.
5. Пурешева Н.С., Гурина Р.В. Интерпретации физической картины мира // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 50–55.
6. Разумовский В.Г. Решение проблемы научной грамотности – неотложная перспектива развития физического образования // Сибирский учитель. 2012. № 3 (82). С. 12–25.
7. Синенко В.Я. Естественнонаучные знания – основа современного образования. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2012. 314 с.
8. Hestenes D. Remodeling science education // European Journal of Science and Mathematics Education. 2013. Vol. 1, № 1. P. 13–22.
9. Ларченкова Л.А. О факторах, определяющих формирование научного мировоззрения учащихся основной школы // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 6. С. 14–18.
10. Баранов А.В. Физика как инвариант школьного образования XXI века // Сибирский учитель. 2013. № 6 (91). С. 5–7.
11. Баранов А.В., Родионов А.И. О концепции энергии в курсе физики // Преподавание естественных наук, математики и информатики в вузе и школе: сб. материалов X Междунар. науч.-метод. конф. Томск : Изд-во ТГПУ. 2017. С. 91–94.
12. Хавинсон И.Ю. Экономифизика: от анализа финансов до судьбы человечества // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 144–166. DOI: 10.14530/se.2015.1.144–166.
13. Пушкарев Ю.В., Пушкарева Е.А. Фундаментальное знание в непрерывном образовательном процессе: методология и аксиология проблемы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (29). С. 87–98. DOI: 10.15293/2226–3365.1601.0
14. Усова А.В. Некоторые методические аспекты проблемы формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 11–14.

15. Окунь Л.Б. О движении материи. М. : Физматлит, 2012. 228 с.
16. http://fulledu.ru/news/school/news/3660_pisa-uroven-znaniy-rossiyskikh-shkolnikov-nizhe-sre.html (дата обращения: 18.07.2017).
17. http://obrnadzor.gov.ru/common/upload/RON_PISA_Kravtsov.pdf (дата обращения: 18.07.2017).
18. Родионов А.И., Ким А.И. Теоретическая механика: конспект лекций с приложениями. Ч. 3. Динамика. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 240 с.
19. Энгельс Ф. Дialeктика природы. М. : Политиздат, 1987. XVI; 349 с.
20. Okun L.B. Mass versus relativistic and rest masses // *American Journal of Physics*. 2016. Vol. 77, Issue 5. P. 430–431. DOI: 10.1119/1.3056168
21. Розман Г.А. Может ли масса превращаться в энергию // *Физическое образование в вузах*. 2006. Т. 12, № 2. С. 15–19.
22. Coelho R.L. On the Concept of Energy: Eclecticism and Rationality // *Science & Education*. 2014. Vol. 23, Issue 6. P. 1361–1380. DOI:10.1007/s11191-013-9634-1
23. Dreyfus B.W., Gouvea J., Geller B.D., Sawtelle V., Turpen C., Redish E.F. Chemical energy in an introductory physics course for the life sciences, Am. J. // *Phys*. 2014. Vol. 82, № 5. P. 403–411. DOI:10.1119/1.4870391
24. Hartley L.M., Momsen J., Maskiewicz A., D'Avanzo C. Energy and Matter: Differences in Discourse in Physical and Biological Sciences Can Be Confusing for Introductory Biology Students // *BioScience*. 2012. 62 (5). P. 488–496. DOI:10.1525/bio.2012.62.5.10
25. Lancor R. An Analysis of Metaphors Used by Students to Describe Energy in an Interdisciplinary General Science Course // *International Journal of Science Education*. 2015. Vol. 37, Issue 5–6. P. 876–902. DOI:10.1080/09500693.2015.1025309
26. Lancor R. Using Metaphor Theory to Examine Conceptions of Energy in Biology, Chemistry, and Physics // *Science & Education*. 2014. Vol. 23, Issue 6. P. 1245–1267. DOI:10.1007/s11191-012-9535-8
27. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М. : Либроком, 2010. 280 с.
28. Гумицкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Философское понятие материи в аспекте соотношения категорий вещи и свойства // *Известия вузов. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2016. Т. 7, № 1. С. 66–70.
29. Johansson K.E. Exploring quarks, gluons and the Higgs bosons // *Physics Education*. 2013. Vol. 48, № 1. P. 96–104. DOI:10.1088/0031-9120/48/1/96
30. Johansson K.E., Watkins P.M. Exploring the standard model of particles // *Physics Education*. 2013. Vol. 48, № 1. P. 105–114. DOI:10.1088/0031-9120/48/1/105
31. Saha A., Choudhury P.D. What is dark energy and dark matter // *International Journal of Scientific & Engineering Research*. 2017. Vol. 8, № 3. P. 146–152.
32. Мартыненко А.П. Вакуум в современной квантовой теории // *Соросовский образовательный журнал*. 2001. Т. 7, № 5. С. 86–91.
33. Новиков И.Д. Темные объекты и темная материя // *Земля и Вселенная*. 2009. № 5. С. 5–12.
34. Окунь Л.Б. Элементарное введение в физику элементарных частиц. 3-е изд., испр. и доп. М. : Физматлит, 2009. 128 с.
35. Черепашук А.М. Новые формы материи во Вселенной // *Земля и Вселенная*. 2010. № 1. С. 3–18.
36. Дубицкая Л.В. Содержание понятия «вещество» в курсе естествознания профильной школы // *Вестник ВСГУТУ*. 2015. № 3 (54). С. 137–142.
37. Wilson C.M., Johansson G., Pourkabirian A., Simoen M., Johansson J.R., Duty T., Nori F., Delsing P. Observation of the dynamical Casimir effect in a superconducting circuit // *Nature*. 2011. Vol. 479. 17 November. P. 376–379. DOI: 10.1038/nature10561
38. Сивухин Д.В. Общий курс физики. Атомная физика. М. : Наука, 1986. Т. V, Ч. 1. 426 с.
39. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике: Т. 1, 2: Современная наука о природе. Законы механики. Пространство. Время. Движение: пер. с англ. Т. 1, 2. Изд. 11. URSS, 2014. 448 с.
40. Bunge M. Energy: Between Physics and Metaphysics // *Science and Education*. 2000. Vol. 9, № 5. P. 457–461. DOI: 10.1023/A: 008784424048.
41. Гольдман В.М., Новоселов В.И. Понятие массы в классической и релятивистской динамике // *Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов / под ред. О.Р. Шефер: материалы Усовских чтений: XX Междунар. науч.-практ. конф., 4–5 апреля, 2013 г. Челябинск. Часть 1. Челябинск : Край Ра, 2013. С. 136–141.*
42. Мамулай А.А., Сыркин Е.С., Човпан А.А. Изложение понятия массы в специальной теории относительности в рамках курса общей физики // *Физическое образование в вузах*. 2010. Т. 16, № 3. С. 62–69.
43. Wiener G.J., Schmeling A.M., Hopf M. Why not start with quarks? Teachers investigate a learning unit on the subatomic structure of matter with 12-year-olds // *European Journal of Science and Mathematics Education*. 2017. Vol. 5, № 2. P. 134–157.
44. Марков В.Н. Основы современной квантово-релятивистской физики и космологии как инновационный проект развития школьного физического образования // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2015. № 173. С. 147–156.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 18 июня 2018 г.

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE BASIC CONCEPTS OF MATTER, MOTION AND ENERGY IN THE CONTEXT OF THE 21ST-CENTURY GNOSEOLOGY AND ONTOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 177–186.

DOI: 10.17223/15617793/435/23

Alexander V. Baranov, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: baranov@corp.nstu.ru

Andrey I. Rodionov, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rodionov@corp.nstu.ru

Keywords: teaching physics; formation of system of scientific concepts; matter; motion of matter; energy.

The article presents a study on the problem of the formation of the basic concepts about matter, motion and energy in physics courses. The preliminary stage of the study was devoted to the analysis of results of questionnaires and control activities (including PISA) for schoolchildren and students in the field of natural science representations. The authors' analysis has demonstrated a fairly low average level of acquisition of scientific concepts in the field of natural science. This led the authors to realize the existing problem. The formation of a system of scientific concepts in schoolchildren and students is one of the most important tasks of the education system. The conceptual apparatus is the semantic basis of the language for knowledge transfer and acquisition. Therefore, the formation of the conceptual apparatus requires a very close attention. The solution of the topical problem of teaching connected with the disclosure of methodological knowledge about the fundamental concepts of natural science (matter, motion and energy) must be based on a modern reading that has undergone certain transformations connected with the gnosological and ontological aspects conditioned by the latest data of science. The authors analyzed the content of physics textbooks and manuals, the statements of famous scientists about the role of physics, works in the sphere of gnosology and ontology of physical concepts, and also with the nature of the problems associated with the acquisition of the concepts while learning physics. The article focuses attention both on modern ideas of physics and on general philosophical definitions that must be taken into account in the formation of adequate basic ideas about matter, motion and energy. The gnosological definition of matter, given in dialectics, should demonstrate the fundamental possibility of knowing the material component of the reality, given to us in our senses, reflected by our consciousness, but not de-

pendent on it. Disclosure of the ontology of this reality shows the cognizability of the material world and demonstrates the various forms of matter discovered by man with their structural features and possible transformations. It is necessary to teach students modern concepts of the standard model's paradigm and the concept of the hierarchy of material structures. Thegnoseological definition of the motion of matter, which lies at the basis of dialectics, allows us to fill it with concrete content that forms the ontology of the concept, based on the discoveries of the 20th and 21st centuries. The variety of motion forms should be illustrated by examples of their mutual transformations and by the concept of conservation of the motion of matter. Discussion of the concept of energy should lead to an understanding of the difference between the fundamental property of matter – its motion, and the quantitative measure of this property – energy. For different forms of motion, the quantitative measure can be expressed in different ways (for example, the energy of a moving electron and the energy of a moving photon). An excellent illustration of the content of the energy conservation law is the relativistic concept of the rest energy and its changes in transformations of internal motions of objects into external motions.

REFERENCES

1. Sukhanov, A.D. (2003) K voprosu ob opredelenii ponyatiy i formulirovok zakonov v fizike [On the definition of concepts and formulations of laws in physics]. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh – Physics in Higher Education*. 9(1). pp. 88–93.
2. Gladun, A.D. (2004) Profanation in physics teaching. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh*. 10(4). pp. 5–7. (In Russian).
3. Idiutulin, V.S. (2006) Physics as a Science and Educational Subject. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh – Physics in Higher Education*. 12(1). pp. 23–37. (In Russian).
4. Nikolaev, V.I. (2006) On Didactic Merits of General Physics. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh – Physics in Higher Education*. 12(2). pp. 8–14. (In Russian).
5. Purysheva, N.S. & Gurina, R.V. (2011) Interpretatsii fizicheskoy kartiny mira [Interpretations of the physical picture of the world]. *Znanie. Poni-manie. Umenie*. 2. pp. 50–55.
6. Razumovskiy, V.G. (2012) Reshenie problemy nauchnoy gramotnosti – neotlozhnaya perspektiva razvitiya fizicheskogo obrazovaniya [Solving the problem of scientific literacy is an urgent perspective for the development of physical education.]. *Sibirskiy uchitel'*. 3 (82). pp. 12–25.
7. Sinenko, V.Ya. (2012) *Estestvennonauchnye znaniya – osnova sovremennogo obrazovaniya* [Natural science knowledge is the basis of modern education]. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO.
8. Hestenes, D. (2013) Remodeling science education. *European Journal of Science and Mathematics Education*. 1(1). pp. 13–22.
9. Larchenkova, L.A. (2013) On the factors that determine secondary school students' scientific view of the world formation. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 6. pp. 14–18. (In Russian).
10. Baranov, A.V. (2013) Fizika kak invariant shkol'nogo obrazovaniya XXI veka [Physics as an invariant of schooling in the 21st century]. *Sibirskiy uchitel'*. 6 (91). pp. 5–7.
11. Baranov, A.V. & Rodionov, A.I. (2017) [On the conception of energy in a physics course]. *Prepodavanie estestvennykh nauk, matematiki i informatiki v vuze i shkole* [Teaching natural sciences, mathematics and computer science in university and school]. Proceedings of the X International Conference. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 91–94. (In Russian).
12. Khavinson, I.Yu. (2015) Econophysics: from finance analysis to the fate of mankind. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 1. pp. 144–166. (In Russian). DOI: 10.14530/se.1.144–166
13. Pushkarev, Yu.V. & Pushkareva, E.A. (2016) Fundamental'noe znanie v nepreryvnom obrazovatel'nom protsesse: metodologiya i aksiologiya problemy [Fundamental knowledge in the continuous educational process: methodology and axiology of the problem]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin NSPU*. 1 (29). pp. 87–98. DOI: 10.15293/2226–3365.1601.08
14. Usova, A.V. (2011) Nekotorye metodicheskie aspekty problemy formirovaniya nauchnykh ponyatiy u uchashchikhsya shkol i studentov vuzov [Some methodological aspects of the problem of the formation of scientific concepts among school and university students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (29). pp. 11–14.
15. Okun', L.B. (2012) *O dvizhenii materii* [On the motion of matter]. Moscow: Fizmatlit.
16. Fulledu.ru. (2016) *PISA: Uroven' znaniy rossiyskikh shkol'nikov nizhe srednego* [PISA: The level of knowledge of Russian schoolchildren is below average]. [Online]. Available from: http://fulledu.ru/news/school/news/3660_pisa-uroven-znaniy-rossiyskih-shkolnikov-nizhe-sre.html. (Accessed: 18.07.2017).
17. Kravtsov, S.S. (2015) *Itogi uchastiya v mezhdunarodnom issledovanii PISA-2015* [Results of participation in international research PISA-2015]. [Online]. Available from: http://obrnadzor.gov.ru/common/upload/ron_pisa_kravtsov.pdf. (Accessed: 18.07.2017).
18. Rodionov, A.I. & Kim, A.I. (2010) *Teoreticheskaya mekhanika: konspekt lektsiy s prilozheniyami* [Theoretical mechanics: lecture notes with appendices]. Pt. 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
19. Engels, F. (1987) *Dialektika prirody* [Dialectics of nature]. Moscow: Politizdat.
20. Okun, L.B. (2016) Mass versus relativistic and rest masses. *American Journal of Physics*. 77(5). pp. 430–431. DOI: 10.1119/1.3056168
21. Rozman, G.A. & Pan'kova, S.V. (2006) Can Mass Turn into Energy? *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh – Physics in Higher Education*. 12(2). pp. 15–19. (In Russian).
22. Coelho, R.L. (2014) On the Concept of Energy: Eclecticism and Rationality. *Science & Education*. 23(6). pp. 1361–1380. DOI:10.1007/s11191–013–9634–1
23. Dreyfus, B.W. et al. (2014) Chemical energy in an introductory physics course for the life sciences. *Am. J. Phys.* 82(5). pp. 403–411. DOI:10.1119/1.4870391
24. Hartley, L.M., Momsen, J., Maskiewicz, A. & D'Avanzo, C. (2012) Energy and Matter: Differences in Discourse in Physical and Biological Sciences Can Be Confusing for Introductory Biology Students. *BioScience*. 62(5). pp. 488–496. DOI:10.1525/bio.2012.62.5.10
25. Lancor, R. (2015) An Analysis of Metaphors Used by Students to Describe Energy in an Interdisciplinary General Science Course. *International Journal of Science Education*. 37(5–6). pp. 876–902. DOI:10.1080/09500693.2015.1025309
26. Lancor, R. (2014) Using Metaphor Theory to Examine Conceptions of Energy in Biology, Chemistry, and Physics. *Science & Education*. 23(6). pp. 1245–1267. DOI:10.1007/s11191–012–9535–8
27. Novikov, A.M. & Novikov, D.A. (2010) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Methodology of scientific research]. Moscow: Librokom.
28. Gumnitskiy, G.N. & Zelentsova, M.G. (2016) Filosofskoe ponyatie materii v aspekte sootnosheniya kategoriy veshchi i svoystva [The philosophical concept of matter in the aspect of the correlation between the categories of things and properties]. *Izvestiya vuzov. Ser. "Gumanitarnye nauki"*. 7(1). pp. 66–70.
29. Johansson, K.E. (2013) Exploring quarks, gluons and the Higgs bosons. *Physics Education*. 48(1). pp. 96–104. DOI:10.1088/0031–9120/48/1/96
30. Johansson, K.E. & Watkins, P.M. (2013) Exploring the standard model of particles. *Physics Education*. 48(1). pp. 105–114. DOI:10.1088/0031–9120/48/1/105
31. Saha, A. & Choudhury, P.D. (2017) What is dark energy and dark matter. *International Journal of Scientific & Engineering Research*. 8(3). pp. 146–152.
32. Martynenko, A.P. (2001) Vacuum in modern quantum theory. *Sorosovskiy obrazovatel'nyy zhurnal – Soros Educational Journal*. 7(5). pp. 86–91. (In Russian).

33. Novikov, I.D. (2009) Dark Objectes and Dark Matter. *Zemlya i Vseleennaya*. 5. pp. 5–12. (In Russian).
34. Okun', L.B. (2009) *Elementarnoe vvedenie v fiziku elementarnykh chastits* [Elementary introduction to the physics of elementary particles]. 3rd ed. Moscow: Fizmatlit.
35. Cherepashchuk, A.M. (2010) New forms of matter in the Universe. *Zemlya i Vseleennaya*. 1. pp. 3–18. (In Russian).
36. Dubitskaya, L.V. (2015) The content of the concept “substance” in the course of natural science of profile school. *Vestnik VSGUTU*. 3 (54). pp. 137–142.
37. Wilson, C.M., et al. (2011) Observation of the dynamical Casimir effect in a superconducting circuit. *Nature*. 479. 17 November. pp. 376–379. DOI: 10.1038/nature10561
38. Sivukhin, D.V. (1986) *Obshchiy kurs fiziki. Atomnaya fizika* [General course of physics. Atomic physics]. Vol. 5. Pt. 1. Moscow: Nauka.
39. Feynman, R., Leighton, R. & Sands, M. (2014) *Feynmanovskie lektzii po fizike: T. 1, 2: Sovremennaya nauka o prirode. Zakony mekhaniki. Prostranstvo. Vremya. Dvizhenie* [The Feynman Lectures on Physics: Vols 1, 2: Modern science of nature. The laws of mechanics. Space. Time. Movement]. 11th ed. Translated from English. Moscow: URSS.
40. Bunge, M. (2000) Energy: Between Physics and Metaphysics. *Science and Education*. 9(5). pp. 457–461. DOI: 10.1023/A: 008784424048.
41. Gol'dman, V.M. & Novoselov, V.I. (2013) [The concept of mass in classical and relativistic dynamics]. *Metodologiya i metodika formirovaniya nauchnykh ponyatiy u uchashchikhsya shkol i studentov vuzov* [Methods and techniques for the formation of scientific concepts in school and university students]. Proceedings of the Usov Readings: XX International Conference. Chelyabinsk. 4–5 April 2013. Part 1. Chelyabinsk: Kray Ra. pp. 136–141. (In Russian).
42. Mamulay, A.A., Syrkin, E.S. & Chovpan, A.A. (2010) Mass in Special Relativity in General Physics Course. *Fizicheskoe obrazovanie v vuzakh – Physics in Higher Education*. 16(3). pp. 62–69. (In Russian).
43. Wiener, G.J., Schmeling, A.M. & Hopf, M. (2017) Why not start with quarks? Teachers investigate a learning unit on the subatomic structure of matter with 12-year-olds. *European Journal of Science and Mathematics Education*. 5(2). pp. 134–157.
44. Markov, V.N. (2015) The fundamentals of quantum relativity physics and cosmology as an innovative project of school physics education. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 173. pp. 147–156. (In Russian).

Received: 18 June 2018

ИНСТРУМЕНТЫ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Рассматриваются инструменты корпусного анализа, обосновывается целесообразность привлечения их к обучению иностранному языку, раскрывается лингвометодический потенциал корпусного инструментария при формировании лингвистической компетенции, описываются пути интеграции корпусных исследований в процесс обучения. Приводятся примеры корпусных заданий. Используются материалы англоязычных лингвистических компьютерных корпусов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; корпусная лингвостатистика; корпусные инструменты лингвистического анализа; корпусная компетенция; конкорданс; коллокации; семантическая просодия; лексическая плотность; статистическая наглядность; английский язык.

Введение

Сегодня использование корпусов в лингводидактике еще только складывается. Однако целесообразность содружества методики и лингвостатистики отмечалась многими авторами, начиная от И.В. Рахманова [1] и заканчивая сегодняшними корпусными лингводидактами (Н.Б. Гвишиани [2], R. Carter [3], D. Biber, R. Reppen [4, 5] и др.). Совершенно разумно, что достижения и наработки корпусной лингвистики, появление которой явилось значительным событием в истории науки, не может и не должно оставаться в рамках одной науки лингвистики. Одним из первых результатов интеграции корпусных методов стало изменение технологий создания словарей, вслед за которыми последовали значительные трансформации учебных материалов. Ни одно из уважаемых изданий учебной литературы на сегодняшний день уже не может обходиться без корпусов при отборе содержания учебника, устранения расхождений между содержанием обучения и объектами контроля, а также анализа ошибок обучаемых для непрерывного уточнения содержания обучения. Корпус как эффективная справочная система стал одним из обязательных форматов представления языковых данных в совокупности с более традиционными грамматиками и словарями. Более того, очевидно, что традиционный методический принцип наглядности под воздействием корпусных грамматик сегодня превращается в **принцип статистической наглядности**. Визуализация лингвостатистических результатов в виде гистограмм, графиков и словарных облаков стала неотъемлемой частью не только словарей, но и современных учебников английского языка. Таким образом, вслед за корпусной трансформацией в практике создания словарей существенно изменилась технология создания лингвометодических материалов, а также наметились новые лингвостатистические тенденции в способах предъявления языковой информации в учебной литературе.

Вместе с тем практика применения корпусных инструментов в аудиторной работе при обучении иностранному языку не приживается так же стремительно. Поэтому **целью** данной статьи является популяризация идеи корпусного обучения, информирование профессиональной аудитории о потенциале корпусного инструментария при обучении иностранному язы-

ку. В разделе 1 статьи последовательно рассматриваются инструменты корпусного анализа и релевантные им вопросы на основе уже имеющегося опыта их применения. Обоснованность отрефлексированных нами элементов работы с опорой на корпус подтверждается результатами опытно-экспериментального исследования, которое проводилось в группах студентов уровня владения языком B2+ по шкале Совета Европы. Следует отметить, что применение корпусного подхода в обучении не ограничивается указанным уровнем и во многом зависит от желания преподавателя приобретать корпусную компетенцию и включать в процесс обучения задания с опорой на корпус. Как корпусные инструменты, так и основанные на них задания вариативны и обладают существенной гибкостью в плане их применения в обучении. Иллюстративный материал **разделов 1 и 2** дает более полное представление о категориях обучающихся и типах корпусных заданий, которые могут обогатить как аудиторную практику, так и самостоятельную работу студентов. В **заключении** обсуждается необходимость развития корпусной компетенции у обучаемых, а также ее совершенствования у преподавателей, которым, мы надеемся, будет полезен как наш собственный опыт, так и реферативный анализ методической литературы по обучению с опорой на корпус.

1. Корпусные инструменты

Мы рассмотрим те инструменты корпусного анализа, пришедшие к нам из корпусной лингвистики, которые могут стать основой для создания лингводидактических материалов. Они могут быть полезны преподавателям иностранного языка, но в первую очередь статья адресована тем, кто обучает иностранному языку будущих лингвистов и преподавателей, а также ведет профессионально направленное обучение иностранному языку.

1.1. Лингвистическая наглядность конкорданса.

К корпусным инструментам анализа в рамках обучения с помощью баз данных (Data-driven approach) традиционно относится *генерирование строк конкорданса*, которые представляют собой «нарезку текстов корпуса с рассматриваемой лексической единицей (ЛЕ)» [6. С. 13]. Т. Джонс, стоявший у истоков обучения с опорой на конкорданс, полагал, что обучаемый

должен совершать «открытия» (discovery learning) в изучаемом языке, а преподаватель создает условия, в которых эти открытия могут состояться. Таким образом, была предложена модель обучения, опирающаяся на лингвистическую наглядность конкорданса. Обучаемый получает доступ к фактам состоявшихся, отработанных речевым сообществом употреблений и выступает в роли исследователя [7, 8]. Прием вертикального чтения [3], или сканирования, конкорданса позволяет обучаемому составить лексико-грамматический профиль (ЛГК) ЛЕ, т.е. выявить наиболее вероятное грамматическое оформление слова и его типичную сочетаемость. Этот процесс также представляет собой конденсированное чтение, так как обучаемый фактически прочитывает много текстов одновременно, подмечая важные для собственной речепродукции особенности употребления лексических единиц в наиболее вероятностном грамматическом окружении, т.е. самостоятельно изучает коллокационно-коллигационный профиль слова [9]. Кроме того, студент примеряет на себя роль исследователя, использует корпусные инструменты для развития навыков корпусного анализа. Пионеры корпусного подхода не указывали, что существует минимально возможный уровень, с которого можно начинать корпусное обучение. Вместе с тем упражнения на сортировку способны выполнять студенты и уровня владения языком A1–A2. Например, рассортировать строки конкорданса по заданным параметрам с целью усвоения лексико-грамматических особенностей употребления: на строки с существительным *influence (on)* и строки с глаголом *influence*.

1.2. Профилактика интерференции и фоссиляции ошибок. Изучая строки сочетаемости, студент также получает профилактику возможной интерференции. Н.Б. Гвишиани, на основании опыта обучения студентов-лингвистов с опорой на корпус, отмечает, что при контрастивном анализе речепродукции носителей языка и учащихся частотными оказываются ошибки, вызванные интерференцией родного и изучаемого языков. Так, по данным международного корпуса («английский как иностранный») речи обучающихся (The International Corpus of Learner English, ICLE), национально-специфической ошибкой русскоговорящих студентов является употребление *possibility to do something* («возможность делать что-либо»). Если же обратиться к британскому компоненту корпуса (ICE-GB), то самым частым распространением выражения окажется *possibility of, possibility that, possibility for*, в то время как вариант *possibility to do* отсутствует вообще. На основе изучения 10–15 строк конкорданса обучаемый может самостоятельно прийти к выводу о том, что продиктованное схемой родного языка употребление *possibility to* следует исключить [2. С. 24]. В некоторых случаях ошибки и заблуждения обучаемых настолько укоренились в «русском» английском: *to explain me; sorry me; to influence on; in the nearest future; highest education; the humanitarian department; you have two variants* и т.д., – что требуется существенная доказательная база для их осознания. Так как закрепившиеся ошибки встречаются практически на всех уровнях обучения, то и от-

бор корпусных примеров может проводиться с учетом уровня сложности.

1.3. Расширенный контекст в корпусе. Еще одна функция корпусного инструментария – опция *расширенный контекст*, которая существует в каждом корпусе и дает доступ к нескольким предложениям исходного текста. Расширенный контекст способствует сохранению включенности ситуации, сообщает сведения о времени и обстоятельствах создания текста, авторе и источнике публикации. В профессиональной литературе высказывается достаточно радикальная точка зрения о том, что корпус, в особенности большой диверсифицированный корпус (например, БНК – Британский национальный корпус), является «музеем» текстов, в котором включенность ситуации потеряна. Текст оказывается оторванным от коммуникативной ситуации, поскольку «реальность текст не сопровождает» [10. Р. 32–33]. Обозначенная функция расширенного контекста помогает представить ситуацию, в которой данное употребление слова состоялось, и в какой-то мере снять обозначенную трудность. Однако, возможно, полностью снять такие трудности может небольшой специализированный корпус, составление которого имеет целый ряд преимуществ [11].

1.4. К вопросу о преимуществах компиляции «малого» корпуса. В этой связи следует упомянуть возможность самостоятельного составления усилиями команды преподавателей небольшого корпуса, ориентированного на нужды будущих специалистов. Известно, что сегодня для таких языков, как английский, русский и другие созданы большие диверсифицированные и репрезентативные аннотированные корпуса. Вместе с тем ни один корпус не в состоянии эффективно служить всем целям сразу. Поэтому создание на базе университетов специализированных так называемых домашних (home-made) языковых корпусов, ориентированных на нужды факультета, кафедры или университета, становится повседневной университетской практикой. Подобные университетские проекты могут ставить перед собой задачи по компиляции, например, таких профессионально ориентированных лингвистических баз данных, как корпус дискурса преподавателей в аудитории, корпус ошибок обучаемых, корпус изучаемой предметной области и т.д. При сегодняшнем развитии программного обеспечения по управлению лингвистическими базами данных (например, корпус-менеджер WordSmith Tools) создание малого корпуса становится как технически реализуемым, так и оправданным с точки зрения затрат усилий университетской команды специалистов. Примерами таких «малых» университетских корпусов могут служить мультимедийный корпус устных текстов и упражнений ELISA (English Language Interview Corpus as a Second-Language Application [12]), созданный в университете г. Тюбинген, Германия; корпус ошибок обучаемых, собранный в РГПУ им. А.И. Герцена [13]; ресурс LINGUATORIUM, созданный коллективом центра лингвистических исследований им. А.А. Худякова в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете; корпус инженерных текстов на базе Томского политехнического университета [14]; корпус

профессионально-направленных текстов, созданный нами для экспериментального обучения [6], и др.

1.5. Обзор корпусной статистики в применении к обучению. Сегодня, когда филологически компетентная текстовая база данных обладает разметкой и корпус-менеджером (управляющей программой), к основным методам работы с корпусами текстов могут быть причислены все виды корпусной лингвостатистики: подсчет абсолютной частотности слов, выделение наиболее частотных содержательных (в отличие от служебных) слов по отдельным жанрам корпуса (включая профессионально релевантные), диаграмма частотности слова по различным жанрам корпуса, определение ключевых слов, выделение кластеров (статистически значимых цепочек слов, расположенных контактно), корпусный поиск сочетаемости (коллокатов, которые могут располагаться дистантно). Легко заметить, что многие из этих функций основаны на статистических показателях корпуса. Следует подчеркнуть, что до прихода компьютерного анализа больших массивов лингвистических данных основным индикатором верности и естественности высказывания служила интуиция носителей языка. Сегодня и у не-носителей появилась возможность оценить аутентичность речи как письменной, так устной с помощью лингвостатистических показателей.

1.6. Семантическая просодия и корпусная статистика. Многочисленные корпусные примеры дают возможность изучения еще более тонких особенностей употребления. Так, внимание корпусных лингвистов привлекло явление *семантической про-*

содии (semantic prosody), которая понимается как вероятное употребление слова в определенных контекстах, положительных или отрицательных [2, С. 24]. Например, отмечается, что глагол *cause* ('являться причиной') в более чем 90% случаев (автором изучались 250 вхождений в корпусе объемом в 1 млн словоупотреблений и 38 тыс. вхождений в корпусе объемом в 120 млн словоупотреблений) встречается с негативно коннотированными словами *cancer, crisis, delay* [15]. По корпусу LOB (The Lancaster-Oslo/Bergen Corpus, LOB corpus) глагол сочетается с негативными словами в 80% употреблений, с нейтральными и позитивными – в 18% и в 2% употреблений соответственно [15].

В нашем исследовании кластер *something of a* выступает в препозиции: (i) к отрицательно коннотированным существительным – в 49% случаев; (ii) к нейтрально коннотированным существительным – в 39% случаев; (ii) к положительно коннотированным существительным – в 12% случаев. Если сопоставить процентное отношение отрицательных и положительных коннотаций существительных коллокатов, то явственна тенденция сочетания кластера *something of a* с отрицательными словами: 80 против 20%. Самые иллюстративные результаты представлены в таблице. Такое тяготение к отрицательным контекстам связывается с функцией кластера *something of a* как средства выражения коммуникативной стратегии смягчения негативности и категоричности высказывания, характерной для носителей английской лингвокультуры [16].

Корпусная статистика сочетаемости кластера *something of a* с негативно окрашенными существительными

Слово	Количество вхождений в БНК с кластером <i>something of a</i>	Общее количество вхождений слова в БНК	Процентное соотношение вхождений с кластером	Коэффициент взаимного притяжения (MI) в БНК
SHOCK	29	4 163	0,70	7,60
PROBLEM	22	28 251	0,08	4,44
MISNOMER	19	93	20,43	12,47
DISAPPOINTMENT	16	1 451	1,10	8,26
PARADOX	11	651	1,69	8,87
CULT	10	878	1,14	8,31
DILEMMA	9	1 062	0,85	7,88

Разнообразная статистика корпуса имеет существенный объяснительный потенциал и может использоваться для оценки аутентичности высказывания самим преподавателем, а также для постановки задач исследования для обучаемых. (см. пример в разделе 2).

В отличие от *cause* и *something of a*, слово *provide* тяготеет к положительным контекстам в сочетаниях со словами *care, help, relief, support* [15]. В «докорпусную» эпоху данное явление не изучалось с возможностью количественного подтверждения на аутентичных материалах. Ранжирование коллокаций по силе притяжения и выявление семантической просодии были использованы нами при составлении лексически-направленных заданий.

1.7. Поиск коллокаций по корпусу. Говоря о развернутом поиске коллокаций, или сочетаемости, сле-

дует обозначить некоторые особенности корпусного поиска. При автоматическом поиске коллокаций задается как искомая часть речи коллоката, так и «расстояние» (измеряемое в словах) между изучаемым словом и его коллокатом. Кроме того, при составлении корпусного запроса можно выбирать *тип контекста*, или *жанр*, – например, отдать предпочтение профессионально ориентированному, устному или письменным жанрам. Еще одна замечательная особенность корпусного поиска заключается в том, что при поиске коллокатов в корпусе есть возможность задать *зону поиска*, например: от 1 до 5 слов, слева или справа от изучаемого слова. При поиске сочетающихся прилагательных, например, к существительному *stigma* мы получим частотное словосочетание *a huge stigma*. Если же расширить поиск до 2–4 слов в окрестности от изуча-

емого, то есть вероятность обнаружить так называемый чанк (chunk – англ. ‘кусок’, chunking – образование типичных, в разной степени устойчивых цепочек слов), например (*there is*) *a huge stigma attached to...* (‘существует презрительное / негативное отношение к...’) или цепочку (*it*) *takes a bit of getting used to* (‘к этому надо привыкнуть’). С точки зрения когнитивных теорий именно способность оперировать такими частотными, отработанными речевым сообществом (в том числе и профессиональным) чанками и составляет основу беглости речи носителей языка. Выявление подобных статистических особенностей речи является, на наш взгляд, важным профессионально релевантным навыком специалистов языка и образования, которые ведут обучение иностранному языку специалистов разных направлений.

Как уже указывалось, возможность поиска статистически значимой комбинации слов особенно важна для не-носителей английского языка и способствует формированию корректной сочетаемости. Корпусные примеры действуют как профилактика интерференции, если у говорящего нет упроченного в прошлом опыта употребления коллокаций, узואльно ограниченных словосочетаний [17]. Важными для корпусного исследования являются трудные с точки зрения употребления слова случаи «деформации идиом», «оживления» их компонентов, намеренное обыгрывание или мета-метафора (*his eggs were in too many baskets*) [18]. Такие употребления частотны, например, в политическом дискурсе как средство убеждения. Как преподаватель, так и студент могут научиться проводить корпусное исследование по дистрибуции изучаемого идиоматического выражения в разных жанрах корпуса, отобрать лишь релевантные в контексте исследования употребления. В зависимости от целей исследования внимание может быть сосредоточено на диалектных, регистровых, стилистических особенностях функционирования такой фразеологической единицы.

Самостоятельные корпусные исследования помогают оказывать одновременное воздействие на все анализаторы обучаемого, способствуют усвоению, ведут к идиоматичной и правильной речепродукции. Вместе с тем такой корпусный анализ развивает исследовательские навыки будущих специалистов, лингвистов и преподавателей иностранного языка.

1.8. Классификация заданий по приемам корпусного инструментария. В нашей работе был создан банк лексически направленных заданий и предложена классификация по приемам используемого корпусного инструментария: (i) задания с использованием строк сочетаемости; (ii) задания с использованием функции поиска коллокаций; (iii) задания с использованием статистически выделяемых ключевых слов и других видов статистической наглядности корпуса; (iv) комбинированные задания, в которых используются и корпусные, и традиционные приемы. Также был введен прием «решение исследовательской задачи», под которым понимается самостоятельное исследование студента с использованием корпусных инструментов [6]. Так, студенту-лингвисту может быть поручено исследовать, действительно ли в устном академическом дискурсе, как и в письменном, не исполь-

зуются идиомы и фразовые глаголы; подобрать примеры их использования, если таковые существуют. Вопрос, например, который должен решить будущий преподаватель иностранного языка с помощью корпусного исследования, заключается в следующем: правильно ли то, что использование идиом и фразовых глаголов при оценке устной части высказывания в рамках обучения академическому английскому языку приравнивается к ошибке? Прodelав небольшое корпусное исследование, будущий профессионал образования сможет верифицировать свои догадки с опорой на аутентичные массивы лингвистических данных.

1.9. Лексическая плотность. К функциям корпусного инструментария можно также отнести элемент корпусной статистики под названием *соотношение количества словоформ к количеству лексем* (type / token ratio). Этот показатель является индикатором *лексической плотности* [19] и вариативности текста и может использоваться при отборе содержательных текстов для аннотирования.

Кроме того, с помощью показателя лексической плотности внимание будущего специалиста по английскому языку может быть привлечено к существенным регистровым особенностям письменной и устной речи. Так, по данным последних корпусных грамматик английского языка, самыми лексически плотными являются новостные сообщения, в то время как устные обиходно-бытовые диалоги представляют собой самые лексически неплотные высказывания [20]. В противоположность выверенным и отредактированным текстам новостных статей, обиходно-бытовой диалог между участниками разворачивается в «живом эфире», когда отсутствие временных ресурсов исключает редактирование грамматических средств и планирование, корректировка сказанного происходит в последующих репликах, а произнесенное высказывание нельзя удалить. Предметы, окружающие собеседников, могут быть вовлечены в ситуацию дейктическими средствами или жестами. В среднем по корпусу LSWE (Longman Corpus of Spoken and Written English) лексические (содержательные) слова составляют 50% от всех слов корпуса. Типичная дистрибуция содержательных слов по устным (разговорным) и письменным (новостным) источникам составляет 41 и 63% соответственно; количество служебных слов в письменном дискурсе превышает их число в устном: 44 и 37% соответственно, а включения (*erm, right, yeah, please*) наблюдаются только в устной речи – 15% [Там же].

Следует отметить, что такая корпусная статистика стала неперенным атрибутом грамматик, словарей и учебников английского языка, создаваемых для обычных студентов, изучающих иностранный язык. Излишне говорить, что навыки анализа такой корпусной статистики, безусловно, имеют большое значение для формирования профессиональной компетентности будущих языковых специалистов.

Как будет показано в следующем разделе, приоритеты в пользу выбора того или иного корпусного инструмента могут меняться сообразно потребностям обучаемых, целям, задачам обучения. В этой связи необходимо также отметить лингводидактический

потенциал *переводного корпуса* (тексты оригиналов и их переводов), позволяющий уделять пристальное внимание межъязыковым соответствиям. Анализ иллюстративного материала при сопоставлении текстов оригинала и перевода при обучении художественному переводу [18] представляет собой еще одно использование корпусного инструментария, который может служить основой достоверности выводов при исследовании трудностей перевода.

2. Примеры корпусных заданий и учебных исследований

Приведем ряд примеров отдельных заданий, а также небольших самостоятельных исследований типа «решение исследовательской задачи», которые были апробированы в группах студентов – лингвистов, регионоведов и переводчиков II и IV курсов

On the one hand, it seems that it is the illegality and stigma attached to heroin use which cause users their problems more than the drug itself.
feel that why the hell shouldn't they, y'know. It's all the stigma attached to it and all the things that people have to do to obtain i
men defined as 'exchanging information'. Clearly, there is a stigma attached to gossip among English males, an unwritten rule to...
Besides all these difficulties, the bankrupt also faces problems with the social stigma still attached to going bankrupt. In the public eye the bankrupt is seen as
we know how to get public funding. There is a stigma against Muslims, so your name is important.
migrants from former colonies carry an additional stigma that affects their political attitudes.
illness and hypochondria must shoulder some of the blame in such situations, because the stigma attached to these disorders owes much to doctors' negative attitudes. Patients who mistakenly

Ожидаемый результат состоит в том, что в полном конкордансе студенты отметят наиболее частотные коллокации с прилагательными *certain (certain amount of)*, *huge*, *additional* и выделяют другие наиболее существенные черты грамматики слова. С точки зрения грамматически возможных вариантов существительного *stigma* привлекают внимание сочетание с глагольной формой в постпозиции и явственная тенденция наполнения этой коллигационной схемы глаголом *attached to* (38 вхождений из 264 в БНК), реже – с *associated with*.оборот *there is* – заметное синтаксическое предпочтение сочетания (*certain / huge / certain amount of*) *stigma attached to*. Закрепление лексической единицы происходит в дальнейших заданиях на составление обучаемыми собственных предложений, поиск примеров с изучаемой единицей в текстах СМИ, коммуникативных заданиях.

2.2. Пример задания «решение исследовательской задачи». Как показало наше исследование, корпусная статистика по употребимости слова или словосочетания в разных регистрах и контекстах корпуса обладает значительным объяснительным потенциалом. Данное исследовательское задание нацелено на изучение регистровых особенностей и было апробировано в аудиториях студентов-регионоведов, лингвистов и переводчиков.

Задание формулируется следующим образом: «В материалах BBC в синхронном переводе цитаты российского политика глагол *exclude* (*We do not “exclude” the possibility of joining the UN sanctions*) дается в кавычках как не совсем соответствующий контексту. Во всех последующих цитированиях высказывания источ-

обучения. Обучение проводилось с привлечением материалов нашего собственного корпуса, составленного из текстов, профессионально релевантных для данных направлений, и лингвистической базы БНК, из которой также отбирались контексты профессиональной направленности.

2.1. Пример задания с опорой на конкорданс. Это задание направлено на усвоение лексической единицы, которая трудна с узальной точки зрения, и рекомендовано студентам начиная с уровня владения языком B2. Задания на сортировку конкорданса, как указывалось ранее, могут включаться на самых ранних уровнях обучения. В данном задании обучаемому предлагается трансформировать информацию, представленную в конкордансе, в коллокационно-коллигационный профиль слова. Задание направлено на развитие коллокационной компетентности. Представлен фрагмент конкорданса существительного *stigma*:

ники британских СМИ отдают предпочтение глаголу *rule out*, несмотря на то что в словаре (Longman) эти два глагола определяются как синонимы. Используя разбивку корпуса БНС по жанрам, исследуйте данные единицы и найдите объяснение таким фактам употребления». Ожидаемый результат состоит в том, что, по данным корпуса, коллокация *rule out the possibility* встречается преимущественно в новостных, газетных текстах, а *exclude the possibility* частотна лишь в текстах академического жанра. Логичный вывод состоит в том, что узус глагола латинского происхождения *exclude* ограничен академическими контекстами и употребление *exclude* в новостном контексте не соответствует ожиданиям языкового сообщества.

Задания с использованием корпусной статистической наглядности могут комбинироваться с другими традиционными заданиями на закрепление лексических единиц. Приемы корпусного обучения лучше варьировать с коммуникативными заданиями, т.е. выходом в речевую практику.

Ограничением в использовании корпусного инструментария на занятиях может быть несформированность корпусной компетенции преподавателя, недостаточная техническая оснащенность учебного заведения и нехватка времени, отводимого на изучение дисциплины.

Обоснованность предлагаемых заданий подтверждается результатами экспериментального обучения. Апробация заданий с опорой на корпусные инструменты, преимущественно нацеленная на совершенствование лексических навыков, проводилась в группах студентов – лингвистов, регионоведов и переводчиков. По

результатам проверки уровня сформированности лексических навыков средний балл в экспериментальных группах по сравнению с контрольными вырос на 6–8%. Среди положительных моментов применения корпусного подхода были отмечены: рост ряда специфических умений (инструментальных, эвристических, умений учиться), высокая доля самостоятельности при решении возникающих затруднений, более высокая степень вовлеченности студентов в учебный процесс. Расчет достоверности результатов, или неслучайности приращений, производился на основании вычисления критерия Крамера–Уэлча и уточнялся по критерию Вилкоксона–Манна–Уитни [21].

Заключение

Необходимо подчеркнуть, что для того, чтобы пользоваться возможностями корпуса, как студенту, так и преподавателю необходимо ознакомиться с правилами корпусного запроса и освоить элементарные навыки работы с такой базой данных. Последовательное рассмотрение возможностей корпусной лингвистики в лингводидактическом контексте позволяет убедительно продемонстрировать ее потенциал для развития ключевых иноязычных компетенций. Усилия по освоению возможностей корпуса позволяют и преподавателю, и студенту эффективно пользоваться корпусом как большой, аутентичной справочной системой и сформировать навыки автономного исследователя.

Выдвигая идею развития корпусной компетенции, мы, прежде всего, видим необходимость ее развития при обучении лингвистов и будущих преподавателей иностранного языка, так как обращение к корпусам

текстов и корпусным технологиям как к средству поддержки обучения иностранному языку является одним из актуальных направлений совершенствования существующих методик. В своей убежденности мы опираемся на существенный потенциал корпусного обучения.

Такие характеристики языкового компьютерного корпуса, как достоверность и аутентичность, репрезентация различных регистровых особенностей, лингвистическая и статистическая наглядность, а также разнообразные поисковые возможности, рассмотренные в лингвометодическом контексте, позволяют эффективно развивать ключевые иноязычные компетенции.

Приведенный в разделе 1.4 опыт составления малого профессионально направленного корпуса предполагает работу не только одного преподавателя, но и коллектива преподавателей в содружестве со специалистами-предметниками. Целесообразность компиляции корпуса предметной области также состоит в использовании корпусных процедур для отбора более точного содержания обучения. В нашей практике преподавания профессионально ориентированного иностранного языка идея создания небольшого корпуса доказала свою состоятельность и универсальность, т.е. применимость при обучении иностранному языку для различных специальностей. Разработанный нами курс, посвященный лингвометодическому потенциалу корпусных исследований, включен в программу магистратуры по тестологии СПбГУ. Мы искренне благодарим руководителя программы профессора И.Ю. Павловскую за еще одну возможность реализации наших идей при подготовке магистров-тестологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахманов И.В., Гез Н.И., Зимняя И.А. и др. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / под ред. И.В. Рахманова. М.: Педагогика, 1972. 317 с.
2. Гвишиани Н.Б. Практикум по корпусной лингвистике: учеб. пособие по английскому языку. М.: Высш. шк., 2008. 191 с.
3. O'Keefe A., McCarthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 315 p.
4. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. 300 p.
5. Reppen R. Using Corpora in the Language Classroom. New Edition. S. I.: Cambridge Univ. Press, 2010. 118 p.
6. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 24 с.
7. Johns T. Should You Be Persuaded – Two Samples of Data-driven Learning Materials // Johns T., King Ph. (eds.) Classroom Concordancing: ELR Journal. 1991. Vol. 4. P. 1–16. URL: http://www.lexically.net/wordsmith/corpus_linguistics_links/Tim%20Johns%20and%20DDL.pdf (дата обращения: 1.12.2015).
8. Горина О.Г. Психологические основы обучения иностранному языку специальности с опорой на языковой корпус // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2014. Т. 7, № 1. С. 172–179.
9. 12th Teaching and Language Corpora Conference. URL: <https://www.uni-giessen.de/faculties/f05/engl/ling/talc> (дата обращения: 30.02.2017).
10. Brawn S. Designing and exploiting small multimedia corpora for autonomous learning and teaching // Hidalgo E., Quereda L., Santana J. (eds) Corpora in the Foreign Language Classroom: Selected Papers from the Sixth International Conference on Teaching and Language Corpora (TaLC 6). Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 32–33.
11. Горина О.Г. Определение словарного запаса обучаемых с помощью корпуса // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2013. Т. 7, № 2. С. 201–209.
12. ELISA – English Language Interview Corpus as a Second-Language Learning Application // Xmarks. URL: http://www.xmarks.com/s/site/www.uni-tuebingen.de/elisa/html/elisa_index.html (дата обращения: 30.02.2017).
13. Камшилова О.Н., Колина М.В., Николаева Е.А. Разработка корпуса текстов петербургских школьников: задачи и перспективы // Прикладная лингвистика в науке и образовании. СПб., 2008. С. 92–98.
14. Шаламова Н.Н., Фильченко А.Ю. Корпусная лингвистика и ее использование в профильно-ориентированном преподавании иностранных языков. Томск: ТПУ, 2004.
15. Stubbs M. Corpus evidence for norms of lexical collocation // Cook G., Seidlhofer B. (eds.) Principle and Practice in Applied Linguistics: Studies in Honour of H.G. Widdowson. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. P. 245–56.
16. Gorina O.G., Khrabrova V.E. Linguistic Hedging as a Communicative Strategy (Within the Scope of Corpus Studies). Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2017. Vol. 15, № 3. P. 44–53. (In Russ.)
17. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов: дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 325 с.

18. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи : онтология и эвристика : Общая и английская синтагматика составных номинативных групп. 2-е изд. М. : Либроком, 2009. 200 с.
19. Гвишани Н.Б. Введение в контрастивную лексикологию (Англо-русские межъязыковые соответствия). М. : Либроком, 2010. 288 с.
20. Biber D., Johansson S., Leech G. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. S. 1. : Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
21. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях : Типовые случаи. М. : МЗ-Пресс, 2004. 67 с. URL: <http://www.mtas.ru/uploads/stat.zip> (дата обращения: 10.02.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 апреля 2018 г.

CORPUS RESEARCH TOOLS IN L2 TEACHING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 187–194.

DOI: 10.17223/15617793/435/24

Olga G. Gorina, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: gorina@bk.ru.

Keywords: corpus linguistics; corpus linguistic statistics; corpus tools of linguistic analysis; corpus competence; concordance; collocation; semantic prosody; lexical density; visualization of language patterns; English language.

The aim of the article is to inform professional readership of corpus analysis potential for L2 teaching purposes, which is based on the author's own implementation experience of corpus-based activities in L2 classroom. Thus, the article is divided into four sections, including Introduction (1), Corpus Tools (2), Examples of Classroom Use (3) and Conclusion (4). Introduction outlines the recent corpus-driven changes in attitudes to language statistics, which are reflected in corpus-informed text books. Section Two, which has nine subsections, deals with corpus tools and notions of corpus analysis (concordance, collocation and colligation search, corpus statistics, semantic prosody etc.) in L2 teaching context. In particular, the author discusses condensed reading, concordance vertical scanning for lexico-grammatical profiling and other teaching tools to develop L2 linguistic competence. These are later supported (Section 3) by some corpus-oriented classroom activities with possible teaching outcomes outlined. Some experience-based comments are also given regarding the language level of students that could benefit from corpus data analysis. Based on the research results, Conclusion elaborates on the idea of corpus competence as well as the necessity of corpus tools to be used by both language teaching professionals and students. Theoretically, as was initially suggested by data-driven teaching pioneers, not only the researcher, but also the learner should be given the chance of studying language through corpus. The article advocates that corpus tools for collocation search together with colligation (or probable grammar structures) detection are powerful means to develop both language and research skills. In addition to corpus-based activities and theoretical grounding behind that, the author also shared her own experience on compiling a corpus of professional discourse. Both the idea and the practicality of a small university-made corpus are evaluated. A brief comparison of a diversified corpus (such as the British National Corpus) versus a "home"-made corpus is provided. The research also draws attention to a term *chunk of language*, which has been adopted by western teaching methodology, and is being considered in the article through frequency – probability (corpus) terms. It is suggested that a chunk of language bigger than a collocation lends itself to being discovered through the combination of various corpus tools. These frequent language chunks (such as *there is certain stigma attached to...*) account for a large part of native speaker's vocabulary and fluency. They are believed to be stored in memory in great amounts and retrieved virtually undivided. Chunks could be subject to minor colligational corrections while speaking. The author believes that frequent language chunks could be discovered by language learners as an educational research activity under the guidance of a language instructor. As has already been mentioned, the article provides some research activity examples in Section 3. Thus, the article will equip the reader with a clear understanding of corpus linguistic potential in the foreign language classroom as well as with the capacity and confidence to engage in corpus analysis. It might be particularly beneficial for non-native speakers of English who happen to teach English in ESP context, since the author believes that corpus research ends the monopoly of language intuition, which in today's world is being gradually replaced by corpus statistics.

REFERENCES

1. Rakhmanov, I.V. et al. (1972) *Osnovnye napravleniya v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov v XIX–XX vv.* [The main directions in the methodology of teaching foreign languages in the nineteenth and twentieth centuries]. Moscow: Pedagogika.
2. Gvishiani, N.B. (2008) *Praktikum po korpusnoy lingvistike: ucheb. posobie po angliyskomu yazyku* [Workshop on corpus linguistics: studies. An English manual]. Moscow: Vyssh. shk.
3. O'Keeffe, A., McCarthy, M. & Carter, R. (2007) *From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
4. Biber, D., Conrad, S. & Reppen, R. (1998) *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
5. Reppen, R. (2010) *Using Corpora in the Language Classroom*. New Edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
6. Gorina, O.G. (2014) *Ispol'zovanie tekhnologii korpusnoy lingvistiki dlya razvitiya leksicheskikh navykov studentov-regionovedov* [Using the technology of corpus linguistics for the development of lexical skills of regional students]. Abstract of Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
7. Johns, T. (1991) Should You Be Persuaded – Two Samples of Data-driven Learning Materials. *Classroom Concordancing: ELR Journal*. 4. pp. 1–16. [Online] Available from: http://www.lexically.net/wordsmith/corpus_linguistics_links/Tim%20Johns%20and%20DDL.pdf. (Accessed: 1.12.2015).
8. Gorina, O.G. (2014) Psychological grounds of using corpora in the ESP classroom. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 7(1). pp. 172–179. (In Russian).
9. Giessen University. (2016) *12th Teaching and Language Corpora Conference*. [Online] Available from: <https://www.uni-giessen.de/faculties/f05/engl/ling/talc>. (Accessed: 30.02.2017).
10. Brawn, S. (2007) Designing and exploiting small multimedia corpora for autonomous learning and teaching. In: Hidalgo, E., Quereda, L. & Santana, J. (eds) *Corpora in the Foreign Language Classroom: Selected Papers from the Sixth International Conference on Teaching and Language Corpora* (TaLC 6). Amsterdam: Rodopi.
11. Gorina, O.G. (2013) Using Corpus Evidence to Compile Learner's Vocabulary. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 7(2). pp. 201–209. (In Russian).
12. Uni-tuebingen.de. (n.d.) *ELISA – English Language Interview Corpus as a Second-Language Learning Application*. [Online] Available from: http://www.uni-tuebingen.de/elisa/html/elisa_index.html. (Accessed: 30.02.2017).
13. Kamshilova, O.N., Kolina, M.V. & Nikolaeva, E.A. (2008) Razrabotka korpusa tekstov peterburgskikh shkol'nikov: zadachi i perspektivy [Development of a corpus of texts of Petersburg schoolchildren: tasks and prospects]. In: *Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii* [Applied linguistics in science and education]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 92–98.

14. Shalamova, N.N. & Fil'chenko, A.Yu. (2004) *Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v profil'no-orientirovannom prepodavanii inostrannykh yazykov* [Corpus linguistics and its use in the profile-oriented teaching of foreign languages]. Tomsk: TPU.
15. Stubbs, M. (1995) Corpus evidence for norms of lexical collocation. In: Cook, G. & Seidlhofer, B. (eds) *Principle and Practice in Applied Linguistics: Studies in Honour of H.G. Widdowson*. Oxford: Oxford Univ. Press.
16. Gorina, O.G. & Khrabrova, V.E. (2017) Linguistic Hedging as a Communicative Strategy (Within the Scope of Corpus Studies). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 15(3). pp. 44–53. (In Russian).
17. Gorina, O.G. (2014) *Ispol'zovanie tekhnologiy korpusnoy lingvistiki dlya razvitiya leksicheskikh navykov studentov-regionovedov* [Using the technology of corpus linguistics for the development of lexical skills of students majoring in regional studies]. Pedagogy Cand. Dis. Moscow.
18. Ter-Minasova, S.G. (2009) *Sintagmatika rechi: ontologiya i evristika: Obshchaya i angliyskaya sintagmatika sostavnykh nominativnykh grupp* [Speech syntagmatics: ontology and heuristics: General and English syntagmatics of composite nominative groups]. 2nd ed. Moscow: Librokom.
19. Gvishiani, N.B. (2010) *Vvedenie v kontrastivnyuyu leksikologiyu: (Anglo-russkie mezh'yazykovye sootvetstviya)* [Introduction to contrastive lexicology: (English-Russian interlanguage correspondence)]. Moscow: Librokom.
20. Biber, D., Johansson, S., Leech, G. et al. (1999) *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Pearson Education Limited.
21. Novikov, D.A. (2004) *Statisticheskie metody v pedagogicheskikh issledovaniyakh: Tipovye sluchai* [Statistical methods in pedagogical research: Typical cases]. Moscow: MZ-Press. [Online] Available from: <http://www.mtas.ru/uploads/stat.zip>. (Accessed: 10.02.2017).

Received: 26 April 2018

Т.А. Костюкова

ВЛИЯНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ВОСПИТАНИЕ ДОВЕРИЯ И СОГЛАСИЯ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ»)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (Проект 16-06-00282 – ОГН - ОГН-А).

Исследуется проблема разработки инструментария научно-педагогического измерения воспитательного влияния предметной области «Духовная и нравственная культура народов России» на укрепление доверия и гармонии в межкультурном и межконфессиональном российском обществе. Исследование проводится на материале курса «Основы религиозных культур и светской этики». Дан анализ его содержательного и методического потенциала. Обосновывается программа мониторинга «Оценка влияния предмета ОРКСЭ на формирование доверия и согласия в обществе», направленного на выявление эффективности преподавания предмета ОРКСЭ как средства накопления опыта социального доверия.

Ключевые слова: социальное доверие; духовно-нравственная культура; религиозная и светская культура; мониторинг.

В ситуации роста социального разнообразия в России, активных миграционных процессов, угроз экстремизма, международной нестабильности перед системой образования ставится задача разработки и создания условий консолидации различных слоев гражданского общества, уменьшения социальной напряженности между представителями различных конфессий и национальных культур. Об этом читаем в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», где отмечается, что образовательные учреждения призваны обучать школьников умению выстраивать взаимоотношения между социальными, национальными, этническими, конфессиональными общностями на основе принципов веротерпимости, толерантности, миролюбия, гражданского патриотизма, становясь школами накопления социального доверия и согласия [1].

В социологических теориях (Lewis D. and Weigert A., 1985; Misztal, 1996; Hardin, 2001) социальное доверие трактуется как уверенность человека при исполнении им его социальной роли, соответствующей его социальным ожиданиям; как ожидание надежности от других индивидов. От уровня социального доверия зависят сохранение социальной стабильности, экономический рост, взаимосвязь различных институциональных систем и разных по глубине слоев культуры.

Сегодняшнее российское общество находится в ситуации дефицита доверия. С учетом исторической специфики периода, переживаемого Россией, неизбежные кризисы подросткового и раннего юношеского возраста, традиционно окрашенные негативом в силу хорошо изученных психологических особенностей возрастного развития, углубляются под воздействием социально-экономического кризиса в стране и мире, вызывая рост негативной идентичности («своичужие»). Следствием этого становятся экстремистские настроения в среде молодежи, этнические, конфессиональные конфликты, формирование ксенофобных установок, распространение преступности. Отсюда вытекает необходимость активизации поиска средств преодоления указанных выше явлений, в том числе в системе образования.

Помимо того что доверие является важным социокультурным фактором, обеспечивающим стабильность государства, его конкурентоспособность, безопасность, оно относится и к важнейшим нравственным качествам личности. В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России подчеркнуто, что духовно-нравственное воспитание граждан является ключевым фактором политической и экономической стабильности государства и безопасности, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, снижения напряженности в обществе, проявлений неприязни и вражды среди представителей разных сообществ и общностей, культур [2].

По мере углубления фиксируемого ныне экономического кризиса, вызванного объективными обстоятельствами (экономические санкции, обесценивание национальной валюты, спад производства, нарушение равновесия в финансовой сфере, падение платежеспособности населения и т.д.), все более заметными становятся некоторые негативные тенденции.

Во-первых, это нарастание отчуждения, тотальное разъединение людей, связанное с конкуренцией, лидерски ориентированными ценностями; социальной атомизацией, характеризующейся обособлением личности, сокращением внутреннего мира; возрастающей агрессивностью среды, увеличивающей масштаб поля недоверия человека к человеку. Гиперболизированная персоналистическая позиция разрушает установку на семью, подменяет содержание понятия «нравственность» («нравственно то, что мне нравится»).

Во-вторых, это недостаток любви как ценности, когда любовь рассматривается в качестве сугубо потребностного феномена, что искажает ее понимание как духовной составляющей и самым пагубным образом сказывается на состоянии современной семьи, когда, как писал Ф.М. Достоевский, «все врозь.... Даже дети врозь» [3. С. 233]. Многие психологи свидетельствуют: на консультациях, связанных с отношениями как между родителями и детьми, так и между мужчиной и женщиной, убеждаются, что мало кто из клиентов осознает любовь как исключительное чувство человека, один из самых емких феноменов, обладающих индивидуально неповторимыми гранями,

включающими любовь детей к родителям, и к друзьям-товарищам, и к семье, и к своему делу, и родительскую любовь, и гуманизм, и патриотизм, и любовь к природе, путешествиям, искусству. Имея в своей основе альтруистское начало, любовь расширяет в человеке личностные горизонты, обнаруживает неожиданные резервы, открывает новые краски жизни, делает человека, выше, чище, светлее, добрее, позволяет приподняться над обыденностью, переосмыслить ценностные приоритеты. Смыслом любви является принятие и признание ценности Другого, самого себя, обретения внутренней гармонии.

В-третьих, массовая культура формирует явление, о котором писал Ортега-и-Гассет: «Не в том беда, что заурядный человек считает себя незаурядным и даже выше других, а в том, что он провозглашает и утверждает право на заурядность и самое заурядность возводит в право, не видя необходимости развиваться, совершенствоваться духовно» [4. С. 124].

Известно, что темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей.

В связи с этим особое значение имеет введенная в 2010 г. в федеральные государственные стандарты в качестве эксперимента предметная область «Духовно-нравственная культура России», и один из предметов, ее реализующих в начальной школе, – «Основы религиозных культур и светской этики» как принципиально новое явление, породившее до сих пор не затихающие дискуссии среди педагогов и родителей школьников.

«Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) – новый предмет для российской школы во всех отношениях (*предмет мировоззренческий, относящийся к религиозноведческим курсам; введенный впервые как обязательный в светскую школу в неконфессиональном варианте; просвещенческого характера*), с одной стороны, создает беспрецедентную возможность для совместного решения государственными структурами, общественными и религиозными организациями задач консолидации российского общества, развития доверия и согласия в нем, диалога культур и мировоззренческих позиций, определяющих процесс формирования общественного мнения, рассматриваемого в качестве одного из значимых условий развития России; с другой стороны, остается сегодня весьма проблемным для педагогической теории и практики как на уровне разработки содержания, подходов, методики преподавания, так и на уровне организационных задач его введения, преподавания, кадрового обеспечения.

Цель курса как целостной содержательной и методической системы – воспитание готовности к нравственному поведению, поэтому акцент в преподавании должен быть сделан на нравственных ценностях, формировании мотивации к осознанному слову и поступку, развитию почитания культурных и религиозных традиций народов России, а также способности к диалогу с представителями других культур и мировоззрений.

Курс включает шесть модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Его можно охарактеризовать, что уже было подчеркнуто выше, как мировоззренческий; ключевое слово в нем не «вероучение», а «культура»; он должен вестись в светской школе в культурологическом контексте как просвещенческое знание.

Очевидно, что вопросы внедрения курса ОРКСЭ (*заметим, что в мировой педагогической теории и практике эта область знания именуется религиозным образованием, в российской – в ФГОС – предметной областью «духовно-нравственная культура»*) и изучения возможностей его влияния на межнациональные и межконфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации следует рассматривать в контексте общей проблемы формирования социального доверия и согласия в обществе, которая стоит сегодня перед нашей страной и российским образованием, как его социальным институтом. Ее основные положения четко сформулированы в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», направленной на укрепление единства многонационального народа РФ (русской нации), гармонизацию межнациональных отношений и гражданского единства.

Особенность данного курса обусловлена его интегративным характером. Он относится к так называемым надпредметным, поскольку аккумулирует в себе первоначальные представления из различных отраслей социально-гуманитарного знания: истории, этики, литературы, культурологии, религиоведения, обществознания; обладает системообразующей направленностью; призван структурировать и упорядочить иерархию духовных ценностей в сознании обучающихся [5. С. 10]. Знакомство школьников с религиозной и светской культурой, основными ценностями человечества происходит не только через высокие идеи, но и через традиции, язык, быт людей, поскольку они и являются реальной жизнью представителей каждой культуры, дают возможность ее увидеть, услышать, почувствовать. Это и знакомство с жилищем, родом занятий, распорядком дня, характером труда и досуга, ритуалами, языком (священные книги, словесные формы языка: приветствие, прощание, обращение и т.д.). Курс предоставляет педагогам богатую возможность дополнить материал учебников этнографическим материалом, привлекая и разрабатывая региональный компонент.

В рамках культурологического подхода в процессе изучения курса школьники осознают национальные и религиозные реалии, традиции, ценности как формы выражения культуры, которая всегда связана с историей. Содержательно предмет предполагает знакомство школьников с основами отечественной культуры, которая состоит из множества культур, населяющих нашу многонациональную, многоэтническую и многоконфессиональную страну, религиозных и светской. Это призвано обеспечить непрерывность нравствен-

ной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. Такое широкое понимание культуры важно для процесса самоидентификации школьников как представителей всего человечества, своей страны, национальной, этнической, религиозной общности.

Следует подчеркнуть еще и личностный характер курса, его ориентацию на знакомство школьника с самим собой, с собственной душой, на привитие навыка нравственного самоанализа. Содержание курса необходимо педагогически выстраивать в максимальном приближении к проблемам, волнующим и занимающим умы школьников, на которые они ищут ответы. Знаниевый компонент предмета связан с формированием у младших школьников ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы, первичных представлений о религиозных культурах [6. С. 17].

Методически курс выстроен так, чтобы активно вовлекать в познавательную деятельность не только педагогов и обучающихся, но и родителей, в основе партнерства с которыми обязательно должны лежать доверие и взаимное уважение. Особенно важна такая позиция при изучении тем, связанных с различными аспектами семейного устройства, праздниками, духовными ценностями. Без взаимодействия с семьей, общности с родителями, без эмоциональной и этической поддержки со стороны семьи изучение данного предмета будет неполноценным и недостаточно эффективным. Отсюда нередко домашнее задание при изучении отдельных тем курса начинается так: «Посоветуйтесь с родителями и назовите несколько традиций, принятых в Вашей семье». Совместное обдумывание таких заданий сплачивает семьи, заставляет многое вспомнить, переосмыслить, чтобы передать потомству этические нормы, имеющие общее основание – доверительные отношения между людьми.

По этой же причине в процессе освоения курса широко практикуется проектный метод, когда ребенку приходится самостоятельно, но в сопровождении родителей, добывать необходимые знания и с их помощью достигать поставленную цель. Участие в ученических проектах дает каждому школьнику возможность раскрыть свой творческий потенциал, приобрести навыки научно-исследовательской работы, расширить знания по образовательным предметам, реализовать оригинальные идеи, научиться различным формам презентации. Работа над проектом предоставляет ребенку ресурс для определения, проверки, уточнения своих интересов, апробации собственных сил. Очень важно, чтобы проект предусматривал не только образовательные, но и социальные цели: «я что-то знаю, чему-то учусь не только для себя, но и могу поделиться результатами своей деятельности с теми, кому это нужно». Благодаря этому повышается значимость образования в глазах детей, усиливается учебная мотивация.

Перед преподавателем курса стоит еще одна обязательная задача – создание благоприятного психологического климата на занятиях, который выступает

своеобразным условием, обеспечивающим развитие личности: на его фоне ребенок либо раскрывается, проявляет свои дарования, активно взаимодействует с другими членами группы и педагогом, либо, напротив, становится пассивным, замкнутым, отчужденным.

В философии доверие основывается на идее диалога как условия развития личности и формы взаимоотношений между людьми, как основы понимания людей друг другом (М. Бубер, М.М. Бахтин). «Диалогические отношения... это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Где начинается сознание, там... начинается и диалог. Доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого» [7. С. 71].

Отсюда ведущим методом преподавания курса избран именно диалог как доминанта на собеседнике (А.А. Ухтомский), призванный помочь ребенку понять и раскрыть свой потенциал, научиться выслушивать Другого, рефлексировать внутренние проблемы, анализировать собственные поступки. Все это можно рассматривать как предпосылки формирования и развития внутреннего диалога с голосом совести, установки на творческое духовное общение. Однако следует помнить, что подлинный диалог возможен только в ситуации искренности, лицемерные подмены разрушают его. Диалоговые технологии в рамках преподавания курса ОРКСЭ ориентированы в первую очередь на формирование эмоционально-ценностных отношений, что позволяет учителю организовать учебный процесс вокруг наиболее важных тем, волнующих учеников. Таким образом, использование учебного диалога как специфического вида педагогической технологии в сочетании с личностно-ориентированным подходом позволяет осуществить переход на личностно-смысловой уровень воспитания. Диалог выступает и как средство активизации познавательной активности учащихся, и как значимый ценностный элемент обучения, основа жизненного опыта, фактор актуализации смыслообразующей, рефлексивной, критической и других функций личности.

Особую роль в преподавании курса играет внеурочная работа, среди наиболее оптимальных форм которой можно выделить очные и заочные экскурсии, заочные путешествия, просмотр и обсуждение кинофильмов, тематические праздничные мероприятия, пресс-конференции, мастер-классы. Внеурочные занятия необходимы для расширения кругозора детей, развития их интереса к конкретной области знаний – религиозно-этической, наполнения личного опыта ребенка, обучения сотрудничеству. В организации и проведении внеурочных мероприятий могут прини-

мать участие не только педагоги и учащиеся, но и родители, священнослужители, религиоведы, деятели культуры и спорта, представители служб социальной помощи населению, что также способствует обогащению палитры поликультурного образования.

Задаваясь вопросом о влиянии курса на эффективность процесса воспитания, следует уделить внимание самому понятию. Влияние в логике социально-психологической науки – это и процесс, и результат существенного изменения смысловых образований, установок, систем ценностей, а также поведенческой активности человека при взаимодействии в условиях совместной деятельности и общения.

В чем разница между словами «влияние» и «воздействие»? Отвечая на этот вопрос, Т.А. Флоренская делится своим впечатлением: «влияние» похоже на «вливание» [8. С. 266].

Проведенный анализ содержательных и методических особенностей курса ОРКСЭ показывает, что его «вливание» в систему образования способно внести свой весомый вклад в решение вышеобозначенных в начале статьи задач. Важнейшими доминантами при этом выступают его воспитательный потенциал; возможности в плане социализации молодежи, обучения миролюбию и согласию, диалогу культур, критическому мышлению; формирование российской (гражданской) и общечеловеческой идентичности, доверия как феномена стабильности общества, представлений о традиционных конфессиональных системах. Последнее представляется совсем не лишним. В большинстве стран мира религиозное образование в процессе обучения учащихся в школе предоставляет им возможность получать знания, касающиеся истории религии и ее влияния в процессе развития человеческой цивилизации и в жизни современных людей [9. С. 20].

В случае успешной реализации предмета возрастет вероятность реального достижения таких важнейших системных социальных эффектов:

- осознание представителями подрастающих поколений себя ответственными гражданами России и мира;
- укрепление веры в Россию, формирование чувства гордости за свою Родину;
- развитие гражданского общества;
- рост конкурентоспособности российского общества в современном мире;
- уважение к власти, армии и силовым структурам вообще;
- уменьшение риска распада страны на отдельные территории по этническим, конфессиональным и (или) региональным признакам;
- развитие доброжелательности и эмоционально-нравственной отзывчивости, понимания и сопереживания чувствам других людей.

Особого акцента требует вопрос об оценке результатов освоения курса: как знания о ценностях переводятся в реально действующие, осознанные мотивы поведения; как присваиваются смыслы ценностей и становятся личностными. В соответствии с требованиями к результатам освоения курса его содержание направлено в том числе на достижение обучающимися личностных, метапредметных (регулятивных, по-

знавательных и коммуникативных) и предметных результатов. Важнейшим результатом изучения данного курса для школьников может стать понимание того, что каждая духовная культура имеет собственный контекст, свою логику развития: ни одна из них не может быть лучше или хуже другой, поскольку обладает значимым для развития человечества ценностным содержанием.

Новый предмет не должен рассматриваться обособленно, в отрыве от других учебных предметов. Являясь органичной частью образовательной программы начальной школы, он может предоставить возможности для выстраивания горизонтальных связей между различными предметными областями: связать воедино представления о происхождении жизни на Земле, о человеке, географии и культуре древних цивилизаций.

Наиболее проблемным вопросом реализации предмета ОРКСЭ является вопрос измерения его влияния на формирование у молодежи согласия и доверия. Психологи признаются, что они не могут до конца познать индивидуальность человека научным способом: ни экспериментом, ни каким угодно количеством тестов, ни изошренностью методик. Однако, как бы ни была сложна эта проблема, невозможно отказаться от попыток ее разрешения.

Анализ научной литературы по проблеме социального доверия позволяет акцентировать внимание на следующих важнейших для педагогической теории и практики аспектах: рассмотрение возможностей социального доверия и согласия в гражданском воспитании молодежи как социокультурных феноменов на межличностном уровне; исследование отношения к этим феноменам как к мировоззренческой установке индивидов, свидетельствующей об их предрасположенности к доверию и умению его оказывать окружающим [10. С. 41].

Оба этих феномена относятся к нравственным качествам личности, а диагностика в этой области действительно представляет собой одну из наиболее труднодостижимых задач. Это связано, в первую очередь, с тем, что в педагогической теории пока не существует единого взгляда на правильное соотношение роли формальной и содержательной стороны процессов развития, воспитания и формирования; их содержательная сторона связана с процессом передачи (трансляции) нравственных ценностей и идеалов и их усвоения / присвоения школьниками. Кроме того, и потому, что в современной образовательной политике признается мировоззренческий плюрализм в качестве нормы социальных отношений, и это предполагает множественность ценностных (аксиологических) систем, а значит, множественность критериев нравственной воспитанности гражданина [11–13].

Педагогические измерения в современном формате рассматриваются как конструирование функции, осуществляющей изоморфное отображение некоторой эмпирической структуры в соответствующим образом подобранную числовую структуру, представляющую собой шкалу оценок качества тех или иных достижений или других конструкторов, являющихся целью измерения, и считаются весьма проблематичными. Поэтому в диагностике развития и воспитания прибега-

ют, как правило, к группе комплексных методов, которые уже имеют опыт применения их в педагогике.

Среди них важнейшее место занимает мониторинг, обоснование которого является важным этапом нашего исследования. Он может включать в себя опросы школьников, родителей обучающихся, учителей. Сроки, территории, очередность проведения опросов, обработка данных и их интерпретация, кадровый состав, финансирование проведения мониторинга представляют собой специальную программу мониторинга и требуют своей детальной разработки. Так, в программу мониторинга оценки влияния предмета ОРКСЭ на формирование взаимоотношений между национальными и межконфессиональными сообществами в России целесообразно включить его цель, этапы проведения, ресурсное обеспечение.

Цель мониторинга – определить влияние предмета ОРКСЭ на формирование доверия и согласия в обществе, а именно выявить, насколько преподавание предмета ОРКСЭ способствует тому, чтобы образование выступало в роли института накопления опыта социального доверия и согласия в обществе, диалога культур. Этапы проведения мониторинга: разработка программы мониторинга, разработка его инструментария, реализация предусмотренных программой этапов и процедур, обработка и анализ полученных данных. В программу мониторинга включены:

- сбор первичных данных, которые лягут в основу инструментария мониторинга (в социологических опросах – фокус-группа): специально организованные опросы различных категорий (педагогические работники, ученые, родители, представители конфессий) с целью выявления критериев эффективности влияния курса ОРКСЭ на формирование межличностных, межконфессиональных, межнациональных отношений;

- определение, что будет признано результатами мониторинга и как будет производиться оценка качества проведения мониторинга (качественные показатели оценки, например: объективность, точность, полнота, достаточность, систематизированность и т.д.);

- выделение критериальной базы проведения мониторинга (критерии и показатели оценки влияния курса ОРКСЭ на формирование межличностных, межконфессиональных, межнациональных отношений), отбор и обоснование критериев;

- выявление области и способа применения результатов мониторинга в дальнейшем (например, для совершенствования чего-либо, для создания перспективы, для использования где-то и т.д.);

- выбор способов получения результатов мониторинга, их обработки и анализа;

- описание формы хранения / распространения результатов мониторинга (база данных по результатам мониторинга);

- определение формы проведения мониторинга (опрос, анкетирование и т.д., контактно или дистанционно);

- определение масштаба проведения мониторинга (сколько регионов / образовательных организаций, количество респондентов и т.д.). Выбор регионов (образовательных организаций) для проведения отдельных исследований в рамках мониторинга, позволяющих сделать его результаты репрезентативными;

- выделение целевых групп (педагогические работники, ученые, родители, обучающиеся, представители конфессий, представители общественности и т.д.);

- отработка механизмов взаимодействия различных уровней, задействованных в проведении мониторинга (руководство проведением мониторинга – исполнители, например, региональные и муниципальные координаторы, модераторы и т.д.), определение функций и полномочий специалистов различных уровней, задействованных в проведении мониторинга;

- составление графика проведения мониторинга (этапы, сроки, исполнители) с описанием каждого этапа.

В ресурсное обеспечение программы мониторинга входят:

- финансовая поддержка программы мониторинга;

- выпуск методических пособий по системе отслеживания процесса духовно-нравственного становления личности, влияния курса ОРКСЭ на формирование гражданской, этнической, общечеловеческой идентичности молодежи, развития добрососедских отношений, обучения миролюбию, профилактике религиозного экстремизма;

- материальная поддержка в проведении научных исследований по проблеме, конференций, круглых столов и совещаний;

- материальная поддержка в углублении и расширении сфер мониторинга в ходе его реализации [14–16].

Следующий – эмпирический – этап исследования, который будет осуществлен в 2018/19 учебном году в образовательных учреждениях таких регионов, как Москва, Томск, Новосибирск, Кемерово, Рязань, Тверь, позволит оценить и при необходимости откорректировать характеристики сбора информации, которые были отобраны в модель мониторинга, с тем чтобы осуществить анализ состояния введения и преподавания предмета, разработать механизм оценивания его влияния на формирование межэтнических, национальных и конфессиональных отношений, выделить теоретические основы формирования названных феноменов в процессе изучения школьниками курса ОРКСЭ, а также проанализировать современное состояние проблемы формирования социального доверия и согласия в молодежной среде. Важно понять, имеет ли изучение нового предмета позитивное влияние на формирование межнациональных, этнических и межконфессиональных отношений в обществе, решение вопросов обеспечения консолидации различных слоев гражданского общества, уменьшение социальной напряженности между представителями различных конфессий и национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения: 2.05.2018).

2. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontsepsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html> (дата обращения: 3.05.2018).
3. Долинин А.С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963.
4. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega15.txt> (дата обращения: 12.06.2018).
5. Костюкова Т.А. Диалог культур: толерантность в национальных и конфессиональных отношениях (опыт организации современной жизни народов Сибири) / под ред. Г.И. Петровой. Томск: Центр ксерокопирования и ризографии «ЧП Кнышева Л.Н.», 2002.
6. Шапошникова Т.Д., Савченко К.В. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. 4-й класс (4–5-е классы). Рабочая программа для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2013. 187 с.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972.
8. Флоренская Т.А. Мир дома твоего: Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский Хронограф, 2006.
9. Шапошникова Т.Д., Якушкина М.С. Поликультурное образование в современном мире // Начальная школа плюс: До и После. 2011. № 2. С. 20–22.
10. Костюкова Т.А., Шапошникова Т.Д. Формирование опыта социального доверия и согласия у молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 39–42.
11. Антонова Д.О., Шапошникова Т.Д. Перспективы развития российского образования в рамках общемировых образовательных тенденций // Вестник Университета Российской академии образования. 2007. № 4. С. 20–22.
12. Костюкова Т.А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10. С. 25–30.
13. Костюкова Т.А. Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13. С. 141–144.
14. Козырев Ф.Н. Q-сортировка в педагогической диагностике личностного развития // Вестник ПХГА. 2011. Т. 12, вып. 3. С. 260–271.
15. Козырев Ф.Н. Диагностика ценностных ориентаций школьника методом сортировки предложенных суждений // Вестник Северо-Западного отделения РАО. 2011. Т. 11. С. 54–61.
16. Елькина О.Ю., Сабурова Н.Л. Мониторинг учебных достижений младших школьников как средство повышения качества начального образования. М.: Директ-Медиа, 2015.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 27 августа 2018 г.

INFLUENCE OF THE SUBJECT AREA “SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA” FOR TRAINING SCHOOLCHILDREN’S TRUST AND CONSENSUS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 195–201.

DOI: 10.17223/15617793/435/25

Tatyana A. Kostyukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kostyukova@inbox.ru

Keywords: spiritual and moral culture; religious and secular culture; teaching problems; monitoring; trust and consensus.

(* The research was carried out with the support of the RFBR Project 16-06-00282-OGN-OGN-A)

The aim of the article is to investigate the problem of developing a tool for scientific and pedagogical measurement of the educational influence of the subject area “Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia” on the strengthening of trust and consensus in the intercultural and interconfessional Russian society. The study is based on the material of the course “Foundations of Religious Cultures and Secular Ethics” (ORKSE) introduced into federal state educational standards. The methodological basis is culturological, activity-oriented and person-oriented approaches. The first part of the article gives an analysis of the main agents of influence on the personality that is being formed when studying the course – its conceptual and methodological potential. A conclusion is made about its significant educational resource in the formation of social trust among the younger generations. The result of the article is the scientific substantiation of the monitoring program “Assessment of the Influence of the ORKSE Discipline on the Formation of Trust and Consensus in Society” aimed at revealing the effectiveness of teaching ORKSE as a means of accumulating the experience of social trust and consensus in society, promoting a dialogue of cultures between national and interconfessional communities in Russia. The monitoring program includes: collection of data on risks; determination of how the quality of the monitoring procedure will be assessed (qualitative assessment indicators); allocation of the criteria for monitoring (criteria and indicators for assessing the impact of the ORKSE course on the development of interpersonal, interconfessional, inter-ethnic relations); determination of the scope and method of application of monitoring results; choice of methods for obtaining monitoring results, their processing and analysis; description of the form of storage / dissemination of monitoring results (a database on monitoring results); determination of the scope of monitoring (number of regions / educational organizations / number of respondents, selection of regions (educational organizations), identification of target groups that make monitoring results representative; development of mechanisms for interaction of different levels involved in monitoring; identification of the functions and powers of specialists related to monitoring at different levels; monitoring planning (stages, deadlines, executors) with a description of each stage. Monitoring will be implemented in the 2018–2019 academic year in educational institutions of Moscow, Tomsk, Novosibirsk, Kemerovo, Ryazan and Tver regions.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2014) *Ukreplenie edinstva rossiyskoy natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)* [Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the peoples of Russia (2014–2020)]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/>. (Accessed: 2.05.2018).
2. Mosmetod.ru. (n.d.) *Kontsepsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia]. [Online] Available from: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontsepsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html>. (Accessed: 3.05.2018).
3. Dolinin, A.S. (1963) *Poslednie romany Dostoevskogo: Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ya Karamazovy"* [Dostoevsky's last novels: How the “Teenager” and “The Karamazov Brothers” were created]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel'.
4. Ortega y Gasset, J. (1991) *Vosstanie mass* [The Revolt of the masses]. Translated from Spanish by A.N. Geleskul. [Online] Available from: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega15.txt>. (Accessed: 12.06.2018).
5. Kostyukova, T.A. (2002) *Dialog kul'tur: tolerantnost' v natsional'nykh i konfessional'nykh otnosheniyakh (opyt organizatsii sovremennoy zhizni narodov Sibiri)* [Dialogue of cultures: tolerance in national and confessional relations (the experience of organizing the modern life of the peoples of Siberia)]. Tomsk: Tsentr kserokopirovaniya i rizografii “ChP Knysheva L.N.”.

6. Shaposhnikova, T.D. & Savchenko, K.V. (2013) *Osnovy dukhovno-nravstvennoy kul'tury narodov Rossii. Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoy etiki. 4-y klass (4–5-e klassy). Rabochaya programma dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fundamentals of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia. Fundamentals of religious cultures and secular ethics. 4th grade (4–5th grades). Syllabus for educational institutions]. Moscow: Drofa.
7. Bakhtin, M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozh. lit.
8. Florenskaya, T.A. (2006) *Mir doma tvoego: Chelovek v reshenii zhiznennykh problem* [The world of your home: Man in solving life problems]. Moscow: Russkiy Khronograf.
9. Shaposhnikova, T.D. & Yakushkina, M.S., (2011) Polikul'turnoe obrazovanie v sovremennom mire [Polycultural Education in the Modern World]. *Nachal'naya shkola plyus: Do i Posle*. 2. pp. 20–22.
10. Kostyukova, T.A., Shaposhnikova, T.D., Gorbacheva, T.A. & Tishina O.Yu. (2017) Formation of social trust and cohesion among contemporary youth as the basis of civil unity by means of polycultural education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (66). pp. 39–42. (In Russian).
11. Antonova, D.O. & Shaposhnikova, T.D. (2007) Perspektivy razvitiya rossiyskogo obrazovaniya v ramkakh obshchemirovykh obrazovatel'nykh tendentsiy [Prospects for the development of Russian education in the framework of global educational trends]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 4. pp. 20–22.
12. Kostyukova, T.A. & Shul'gin, A. (2010) Orthodox pedagogy in modern spiritual, cultural and historical situation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10. pp. 25–30. (In Russian).
13. Kostyukova, T.A. (2011) Traditional cultural wealth and modern educational practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 13. pp. 141–144. (In Russian).
14. Kozyrev, F.N. (2011) Q-sortirovka v pedagogicheskoy diagnostike lichnostnogo razvitiya [Q-sorting in the pedagogical diagnosis of personal development]. *Vestnik RKHG A*. 12(3). pp. 260–271.
15. Kozyrev, F.N. (2011) Diagnostika tsennostnykh orientatsiy shkol'nika metodom sortirovki predlozhennykh suzheniy [Diagnostics of schoolchildren's value orientations by sorting the proposed judgments]. *Vestnik Severo-Zapadnogo otdeleniya RAO*. 11. pp. 54–61.
16. El'kina, O.Yu. & Saburova, N.L. (2015) *Monitoring uchebnykh dostizheniy mladshikh shkol'nikov kak sredstvo povysheniya kachestva nachal'nogo obrazovaniya* [Monitoring of educational achievements of younger students as a means of improving the quality of primary education]. Moscow: Direkt-Media.

Received: 27 August 2018

ПРАВО

УДК 343

В.Ф. Анисимов, Н.Ю. Акинина

ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Анализируется обоснованность введения административной преюдиции в УК РФ. Данная норма позволяет декриминализовать деяния небольшой тяжести, где впервые совершенное правонарушение влечет наступление административной ответственности, повторный проступок квалифицируется как преступление. Их применение допустимо в отношении отдельных деяний, позволяющих эффективней разграничивать преступления и правонарушения. Они также обладают превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие последствия, нежели чем само деяние.

Ключевые слова: административная преюдиция; административное правонарушение; преступление; эффективность уголовного закона.

Особенной чертой современной уголовно-правовой политики России является декриминализация уголовно-правовых деяний небольшой тяжести через введение так называемого института административной преюдиции, где только повторное совершение проступка квалифицируется как уголовное деяние.

Толчком введения в Уголовный кодекс РФ административной преюдиции послужило Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г. [1], где было сказано, что в уголовном законе следует шире использовать административную преюдицию, т.е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения. В результате в УК РФ в 2009 г. была введена ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за неоднократное злоупотребление доминирующим положением. Первый опыт использования уголовно-правового запрета с административной преюдицией оказался не совсем удачным, в связи с чем Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ ст. 178 УК РФ была принята в новой редакции без использования административной преюдиции. Однако в 2011 г. была введена еще одна уголовно-правовая норма с административной преюдицией, предусматривающая ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно (ст. 151.1 УК РФ). Затем, в 2014 г. в УК РФ появился состав преступления, предусматривающий ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК).

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2015 г. вновь уделено внимание использованию административной преюдиции [2]. В результате начиная с 2015 г. УК РФ постоянно пополняется новыми составами с административной преюдицией. Так, уголовная ответственность установлена за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ), неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), незаконную роз-

ничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) и другие противоправные деяния.

Стоит отметить, что институт административной преюдиции не является порождением современного уголовного законодательства, а активно использовался ранее в уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.). Особенно активно использовалась административная преюдиция в УК РСФСР 1960 г., где таких составов насчитывалось 19 (ст. 152; ч. 2 ст. 153; ч. 3 ст. 154, 157; ч. 2 ст. 159; ч. 1 ст. 162; ч. 3 ст. 166; ч. 1 ст. 169, 190.1, 197, 197.1, ст. 198, 198.1, 198.2; ч. 3 ст. 206, 209; п. «а» ст. 245; п. «а» ст. 260; п. «а» ст. 268).

Наряду с административной преюдицией в уголовном законодательстве советского периода также использовались такие ее виды, как общественная и дисциплинарная. К примеру, непредставление должностными лицами в срок по требованию центральных или местных властей необходимых сведений, справок, отчетов и т.п., представление коих для них обязательно по закону, каралась в первый раз в дисциплинарном порядке, во второй раз – принудительными работами на срок не ниже трех месяцев с увольнением от должности (ст. 118 УК РСФСР 1922 г.). Кроме того, в соответствии со ст. 51 УК РСФСР 1960 г. лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, если оно совершило впервые деяние небольшой тяжести и к нему могли быть применены меры общественного воздействия.

Использование уголовно-правовых норм с административной и иными видами преюдиции среди исследователей уголовного права подвергалось жесточайшей критике.

Один из основных доводов о недопустимости административной преюдиции заключался в том, что сколько бы ни было административных правонарушений, они не могут перерасти в преступление [3. С. 83].

Профессор М.И. Ковалев также полагал, что повторность проступка не в состоянии превратить его в

качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. По его мнению, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту. М.И. Ковалев полагал, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования [4. С. 11, 12].

Аналогичную позицию высказывал и А.Н. Тарбагаев, в соответствии с которой повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т.е. менять характер и степень общественной опасности [5. С. 62–68].

При этом в теории уголовного права имела и другая позиция, в соответствии с которой общественная опасность преступного деяния определяется не только объективными, но и субъективными свойствами, в частности устойчивостью его правонарушающего поведения. На неоднократность действий как свойство поведения, обладающее степенью устойчивости антиобщественного личностного отношения, указывал В.Д. Филимонов [6. С. 32].

Однако при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 г. законодатель отказался от использования административной преюдиции. В основу такого отказа была положена позиция тех исследователей, которые утверждали, что повторность поступка не может образовывать общественную опасность деяния.

Кроме того, социальная практика столкнулась с тем, что зачастую достаточно сложно было установить грань между общественной опасностью преступления и вредоносностью административного правонарушения, особенно в тех случаях, когда криминообразующими признаками деяния являлись оценочные признаки. По этой причине в последнее время круг таких деяний, за которые предусмотрена ответственность по норме с административной преюдицией, растет.

Так, с 3 июля 2016 г. внесены изменения в ст. 157 УК РФ, в соответствии с которыми уголовная ответственность наступает за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно. Ранее до внесения изменений уголовная ответственность наступала за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. Признак злостности являлся криминообразующим, в соответствии с которым уголовное преступление отграничивалось от непроступных форм поведения. Стоит отметить, что признак злостности в данном составе преступления перешел в действующий закон из советского уголовного законодательства, когда трудовая занятость была гарантирована государством. Вопрос о том, является ли уклонение от уплаты по решению суда или постановлению народ-

ного судьи алиментов на детей злостным, решался судом в каждом конкретном случае с учетом продолжительности и причин неуплаты лицом алиментов и всех других обстоятельств дела. В качестве признаков злостного уклонения от уплаты алиментов указывались повторность совершения аналогичного преступления, уклонение от уплаты алиментов, несмотря на соответствующие предупреждения, розыск лица, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им своего местонахождения и т.д. [7]. В период же рыночной экономики неуплата алиментов была зачастую связана с потерей работы, и по этой причине правоприменительная практика стала испытывать определенные сложности с установлением данного признака. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор мирового судьи участка № 8 Советского района г. Самары от 18 июля 2001 г., определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 26 ноября 2001 г., постановление президиума Самарского областного суда от 13 марта 2003 г. в отношении С.И. Шубина, осужденного по ст. 157 УК РФ, были отменены, дело прекращено за отсутствием в деянии состава преступления. Надзорная инстанция пришла к такому заключению в связи с отсутствием признака злостности. Как указано в решении, Шубин не выплачивал алименты с февраля по май 2001 г., принимал меры к трудоустройству, начав выплачивать их с июля 2001 г. [8].

Введение административной преюдиции в ст. 157 УК РФ не только способствует более четкому разграничению преступного деяния и правонарушения, но также является способом частичной декриминализации деяний. Так, за неуплату алиментов лицо привлекается изначально к административной ответственности. И только в случае, когда административное взыскание не возымело должного воздействия, и лицо, подвергнутое административному взысканию продолжает не исполнять алиментные обязательства, в отношении него применяются уголовно-правовые меры.

Так, если обратиться к уголовной статистике, то на протяжении последних лет вплоть до 2016 г. (года введения административной преюдиции в ст. 157 УК) отмечалась тенденция к непрерывному росту лиц, привлекаемых по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Так, к уголовной ответственности по данному составу было привлечено в 2009 г. 40 262 чел., в 2010 г. – 47 905, в 2011 г. – 54 359, в 2012 г. – 57 680, в 2013 г. – 60 654, в 2014 г. – 62 703, в 2015 г. – 64 927, в 2016 – 34 032, в 1-м полугодии 2017 г. – 14 618 чел. [9].

Стоит отметить, что с начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 157 УК РФ предусматривала наказание в виде обязательных работ, исправительных работ либо ареста. При этом внесение изменения Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 1 ст. 157 УК РФ, в соответствии с которым наказание было ужесточено вплоть до лишения свободы сроком до одного года, никаким образом не повлияло на снижение количества совершаемых преступлений.

При этом введение административной преюдиции с июля 2016 г. позволило наиболее эффективно воз-

действовать на должников алиментных обязательств в отношении детей. Так, по информации Федеральной службы судебных приставов, с указанного момента в отношении должников по алиментам возбуждено 59 тыс. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ, а в отношении 2,7 тыс. человек, которые, невзирая на административное наказание, так и не приступили к исполнению своих обязательств, возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ. Комплексная реализация органами дознания указанных законодательных изменений позволила дополнительно взыскать на содержание детей более 64,3 млн руб. [10].

С целью декриминализации деяний небольшой тяжести были внесены изменения в ст. 116 УК РФ, где уголовно-правовым деянием признаются побои, если они совершены из хулиганских побуждений, и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В отношении остальных случаев побоев уголовная ответственность наступает, только если побои совершены лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ). Однако декриминализация бытового насилия обществом была воспринята неоднозначно. Противники полагают, что данное нововведение приведет к росту бытового насилия, имеющего более тяжкие последствия. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. за побои было осуждено 16,2 тыс. чел. За первое полугодие 2017 г. (период действия нового законодательства) к административной ответственности привлекли 51,7 тыс. чел., к уголовной ответственности – 74 чел. [9]. В то же время сторонники декриминализации отмечают, что рост обращений, напротив, свидетельствует о том, что административная норма эффективней защищает от насилия, поскольку жертвы бытового насилия, обратившись в полицию, впоследствии отзывают свои заявления под давлением членов своих же семей. Кодекс об административных правонарушениях не предусматривает возможности отзыва заявления. Кроме того, привлечение лиц к административной ответственности в отличие от уголовного расследования носит более оперативный характер. В настоящее время в связи с незначительной судебной практикой, позволяющей объективно оценить эффективность нормы, не представляется однозначно сделать вывод об обоснованности уголовно-правовой нормы с административной преюдицией.

Кроме того, необходимость введения некоторых составов с административной преюдицией было обусловлено невозможностью воздействия на определенный вид общественно опасного поведения мерами административного характера, что вполне соответствует одному из условий криминализации деяния – невозможности воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами. Данное условие означает отсутствие норм в других отраслях права, эффективно воздействующих на нарушение [11. С. 259].

Именно из этих посылов было криминализировано нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Не подлежит сомнению тот факт, что статистика аварийности и жертв автомобильных катастроф носит угрожающий характер. Одной из причин аварийности, вне сомнения, является управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При этом ужесточение административного законодательства, а именно: значительное увеличение административных штрафов (до 30 тыс. руб.), введение административного ареста, особо не повлияло на ситуацию. Между тем возможности административных мер воздействия являются ограниченными. Данная ситуация обусловила принятие мер уголовно-правового воздействия к лицам, которые оказались нечувствительными к мерам административной ответственности, поскольку многие из них, лишённые прав, свободно продолжали управлять автомобилями.

Так, если обратиться к уголовной статистике, то она отображает следующую картину. За нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 264 УК РФ), осуждены в 2011 г. – 1 821 чел., в 2012 г. – 2 087, в 2013 г. – 2 314, в 2014 г. – 2 203, в 2015 – 1 244, в 2016 г. – 1 237, в 1-м полугодии 2017 г. – 716 чел. [9]. Согласно уголовной статистике с 2011 по 2013 г. наблюдается рост преступлений по данной статье, в 2014 г. – небольшое снижение. В то же время в 2015 г. отмечается значительное снижение преступных деяний по ч. 2 ст. 264 УК РФ.

Снижение количества преступных деяний в период 2015 – 2016 гг. отмечается и по ч. 4 ст. 264 УК РФ и в 2016 г. по ч. 6 ст. 264 УК РФ, где в качестве квалифицирующего признака также выступает лицо, находящееся в состоянии опьянения. Так, по ч. 4 ст. 264 УК РФ были осуждены в 2011 г. – 1510 чел., 2012 г. – 1908 чел., 2013 г. – 1 817 чел., 2014 г. – 1 843 чел., 2015 – 1 645 чел., 2016 – 1 148 чел., 1 полугодие 2017 – 569 чел.; по ч. 6 ст. 264 УК РФ – 2011 г. – 211 чел., 2012 г. – 240 чел., 2013 г. – 239 чел., 2014 г. – 259 чел., 2015 – 262 чел., 2016 – 152 чел., 2017 г. (1 полугодие) – 82 чел. [9].

Данный период характеризуется вступлением в действие (с 01.07.2015) уголовной нормы, предусматривающей ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). В 2015 г. по данной статье осуждено 18 987 чел., в 2016 г. – 75 282, в 2017 (1-е полугодие) – 33 446 чел. Следовательно, анализ уголовной статистики свидетельствует о снижении преступлений по частям 2, 4, 6 ст. 264 УК и одновременном росте преступлений по ст. 264.1 УК РФ.

Соответственно, можно констатировать тот факт, что привлечение лиц по ст. 264.1 УК РФ частично смогло предупредить совершение преступлений, предусмотренных по частям 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, где в качестве преступных последствий является тяжкий вред здоровью, а также смерть человека, смерть двух и более лиц.

Соответственно, ст. 264.1 УК РФ обладает превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие уголовно-правовые последствия, нежели само деяние, за которое наступает уголовная ответственность.

Таким образом, стоит согласиться с тезисом С.А. Маркунцова о том, что наличие уголовно-правовых запретов, сконструированных с административной преюдицией, и постепенное расширение их числа в УК РФ необходимо рассматривать как реальность [12. С. 31–42]. В этой связи данные уголовно-правовые запреты должны получить советующее научное обоснование.

Стоит ответить, что в УК РФ само понятие «административная преюдиция» не используется. Уголовно-правовые нормы с данной конструкцией характеризуются наличием такого признака, как неоднократность. Эта ситуация объясняется тем, что административная преюдиция, как правильно отмечает С.А. Маркунцов, является особым средством юридической техники, устанавливающим сложный фактический состав, заключающийся в учете при привлечении к уголовной ответственности лица за повторное совершение в течение определенного периода времени аналогичного деяния [12. С. 31–42].

Действующий УК РФ не содержит понятия «неоднократность». Ранее в нем данное понятие рассматривалось как вид множественности преступлений, под которой понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК. Также под неоднократностью могло признаваться совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК, если это было установлено соответствующими статьями.

В 2003 г. законодатель отказался от такого вида множественности преступности, как неоднократность. При этом законодатель, исключив ее из УК РФ, полностью от нее не отказался и сохранил в отдельных уголовно-правовых нормах в виде сложного состава преступления, который выражался в неоднократности действий. Например, ст. 180 УК (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) — для квалификации уголовного преступления указанные деяния должны быть совершены неоднократно; ст. 110 УК (доведение до самоубийства) — унижения человеческого достоинства потерпевшего должны носить систематический характер; п. «а» ч. 2 ст. 105 УК (убийство двух и более лиц).

В настоящее время законодатель вновь пошел по пути расширения использования неоднократности. Так, данный вид множественности представлен как неоднократность уголовных проступков (например, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135), где в качестве квалифицирующего признака выступает судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Как вид множественности необходимо рассматривать неоднократность правонарушений, которая сконструирована с помощью административной преюдиции. В этом случае неоднократность выражается в том, что лицо должно совершить деяние. При этом оно ранее должно было быть привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние.

Вместе с тем по мере расширения уголовно-правовых норм с административной преюдицией вновь обострилась полемика по поводу обоснованности их использования.

Одним из самых ярких противников использования административной преюдиции является Н.А. Лопашенко. Она аргументирует свою позицию тем, что все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе законодатель объявляет преступной абсолютно по механическому признаку — повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, никоим образом не связаны между собой [13. С. 68].

По мнению А.А. Гогиной, признание некоторых проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления независимо от иных обстоятельств [14. С. 31].

Вне всякого сомнения, в основе преступности деяния лежит общественная опасность деяния. При этом А.В. Шеслер отмечает, что общественная опасность выражается одновременно как во вредоносности преступления, так и в прецедентности, т.е. наличии у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных деяний в будущем [15. С. 25–32]. При этом свойство повторения деяния в будущем может быть обусловлено только самой личностью. Соответственно, общественно опасное деяние характеризуется как характером и степенью такого деяния, так и личностью самого преступника.

Кроме того, неоспорим тот факт, что деяние, совершенное повторным преступником, опаснее деяния лица, совершившего преступление, как в силу большего негативного психологического воздействия на окружающих, так и большей степени вины преступника [6. С. 42–47]. Соответственно, по мнению А.В. Шеслера, по аналогии можно предположить, что вредоносность второго нарушения после наложения на правонарушителя административного взыскания за аналогичное первое нарушение достигает степени общественной опасности, которая свойственна преступлению [16. С. 63].

Личность преступника в качестве связующего звена между административным взысканием и преступлением рассматривает В.П. Малков, считая, что виновный при совершении повторных преступлений демонстрирует вызов обществу и тем самым обнаруживает свою повышенную опасность, которая формирует у него в дальнейшем преступный профессионализм [17. С. 25].

П.Д. Фризен, давая оценку личности правонарушителя, неоднократно совершающего однородные правонарушения, отмечает, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъект, совершивший деяние. То есть конструкция данного состава предполагает не переход из количества совершенных правонарушений в их качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление

[18. С. 12–14]. Данную позицию разделяют многие [19. С. 114; 20. С. 70; 21. С. 11; 22. С. 103].

Соответственно, неоднократность правонарушений необходимо рассматривать как признак субъекта преступления, обладающего устойчивостью антисоциальных свойств личности и являющегося источником преступного поведения, который выражается через факт предшествующего наложения административного взыскания в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Таким образом, общественная опасность уголовно-правовой нормы с административной преюдицией выражается через характер и степень общественной опасности деяния, а также через антисоциальные свойства личности, являющейся источником преступного пове-

дения. Введение таких уголовно-правовых запретов позволяет декриминализовать уголовно-правовые деяния небольшой тяжести через введение так называемого института административной преюдиции, где впервые совершенное противоправное деяние влечет наступление административной ответственности, и только повторное совершение проступка квалифицируется как уголовное деяние. При этом их применение допустимо в отношении отдельных видов общественно-опасных деяний, позволяющих наиболее эффективно разграничивать преступления и административные правонарушения, а также обладающих превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие уголовно-правовые последствия, нежели само деяние, за которое наступает уголовная ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации : послание от 12 нояб. 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию: послание от 3 дек. 2015 г. // Российская газета. 2015. 4 дек.
3. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 78–86.
4. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. С. 3–14.
5. Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62–68.
6. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 153 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР : постановление Пленума Верхов. Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 46 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. М. : Юридическая литература, 1994.
8. Определение суда надзорной инстанции от 18 апреля 2005 г. по уголовному делу 46-ДО5-11. ГАС «Правосудие» [офф. сайт]. Режим доступа. URL: <http://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=da89db07229c7c845d4103b41c061187&shard=%DO%A3%DO%B3%DO%A3%B3%DO%BE%DO%BB%DO%BE> (дата обращения: 29.03.2018).
9. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Москва, [2007–]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (дата обращения: 21.03.2018).
10. Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2016 году. Электрон. текстовые дан. // ФССП России. URL: http://fssp.rus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyj_doklad_zh_2016_god_2017441647.pdf (дата обращения: 29.03.2018).
11. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
12. Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 31–42.
13. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
14. Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27–31.
15. Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменением практики. Красноярск, 2002. Вып. 5. С. 25–32.
16. Шеслер А.В. Некоторые аспекты совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение законодательства о выборах // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 26–27 окт. 2007 г.). Тюмень, 2007. С. 59–64.
17. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань : Таглитат, 2006. 140 с.
18. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 208 с.
19. Борзенков Г.Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 110–114.
20. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.
21. Оноколов Ю.П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации // Миграционное право. 2013. № 3. С. 11–15.
22. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 97–103.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июля 2018 г.

VALIDITY OF CRIMINAL PROVISIONS WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 202–207.

DOI: 10.17223/15617793/435/26

Valery F. Anisimov, Yuga State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: anisimov.vf@gmail.com

Natalia Yu. Akinina, Yuga State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: anu8671@mail.ru

Keywords: administrative prejudice; administrative offense; crime; criminal law effectiveness.

The subject of the study is criminal provisions with administrative prejudice, views of researchers setting forth their stances on adopting such provisions, as well as statistics and law enforcement, that allows assessing their validity. The article addresses several problems. (1) The views of researchers on introducing the institution of administrative prejudice into the criminal law have been considered. The first viewpoint reveals the fact that further offenses cannot constitute the public danger of an act. The second viewpoint, on the contrary, suggests that the public danger of a criminal act is determined not just by material elements but also by mental

ones, in particular, the persistence of its offending behavior. (2) The reasons for legislators' return to the institution of administrative prejudice, which they initially refused to adopt in the 1996 Russian Criminal Code, have been analyzed. The first viewpoint of researchers laid the basis for this refusal. However, legislators again came to use this institution for the following reasons. Firstly, administrative prejudice is a way to partially decriminalize acts. Secondly, it contributes to a clearer delineation between a criminal act and a wrongdoing, especially the cases wherein judgmental elements are deemed to be criminogenic elements of an act. Thirdly, the need to adopt some cases with administrative prejudice is due to a failure to influence certain types of socially dangerous behavior through administrative measures. (3) The public danger of criminal provisions with administrative prejudice has been justified, which is expressed in the nature and degree of the public danger of an act, as well as in the antisocial traits of a person being the source of criminal misbehavior. Alongside general scientific methods (analysis, synthesis, system approach), specific scientific methods (studying court verdicts available in the "Justice" state automatic system, as well as judicial statistics analysis) have been used in the study. The article concludes that the public danger of a criminal provision with administrative prejudice reveals in the nature and degree of the public danger of the act, as well as in antisocial traits of a person being the source of criminal misbehavior. Imposing such bans allows decriminalizing criminal acts of minor gravity, wherein a first wrongful act leads to administrative liability, and only further offenses qualify as a criminal act. At the same time, their application is feasible with regard to certain types of socially dangerous acts allowing to distinguish crimes and administrative offenses more efficiently, as well as those that have a preventive nature allowing to prevent more serious criminal consequences than the act which incurs criminal liability.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (2009) Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii: poslanie ot 12 noyab. 2009 g. [Address of President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation: address of 12 November 2009]. *Rossiyskaya gazeta*. 13 November.
2. Rossiyskaya gazeta. (2015) Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu: poslanie ot 3 dek. 2015 g. [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly: address of 3 December 2015]. *Rossiyskaya gazeta*. 4 December.
3. Kuznetsova, N.F. (1992) Tseli i mekhanizm reformy Ugolovnogo kodeksa [Objectives and mechanism for the reform of the Criminal Code]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 78–86.
4. Kovalev, M.I. (1982) Prestuplenie i prostupok [Crime and misconduct]. In: Kovalev, M.I. et al. (eds) *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usilenie bor'by s pravonarusheniyami* [Problems of improving legislation to strengthen the rule of law and the fight against offenses]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
5. Tarbagaev, A.N. (1992) Administrativnaya otvetstvennost' v ugovnom prave [Administrative responsibility in criminal law]. *Pravovedenie*. 2. pp. 62–68.
6. Filimonov, V.D. (1973) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti otdel'nykh kategoriy prestupnikov i ee ugovno-pravovoe znachenie* [The public danger of the personality of certain categories of criminals and its criminal law significance]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Supreme Court of the Russian Federation. (1994) O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 122 UK RSFSR: postanovlenie Plenuma Verkhov. Suda RSFSR ot 19 marta 1969 g. № 46 [On court practice in cases of crimes under Art. 122 of the Criminal Code of the RSFSR: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 19, 1969, No. 46]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 1961–1993* [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 1961–1993]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Pravosudie. (2005) *Opreделение суда надзорной инстанции от 18 апреля 2005 г. по уголовному делу 46-ДО5-11* [The determination of the supervisory instance court of April 18, 2005 in criminal case 46-DO5-11]. [Online] Available from: <http://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=da89db07229c7c845d4103b41c061187&shard=%DO%A3%DO%B3%DO%A3%B3%DO%BE%DO%BB%DO%BE>. (Accessed: 29.03.2018).
9. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2007–present) *Dannye sudebnoy statistiki* [Court statistics data]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0>. (Accessed: 21.03.2018).
10. FSSP Russia. (2016) *Itogovyy doklad o rezul'tatakh deyatelnosti Federal'noy sluzhby sudebnykh pristavov v 2016 godu* [The final report on the results of the activities of the Federal Bailiff Service in 2016]. [Online] Available from: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyy_doklad_za_2016_god_2017441647.pdf. (Accessed: 29.03.2018).
11. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (obshchaya chast')* [Criminology (general part)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Markuntsov, S.A. (2016) Administrative Prejudice as a Special Legal Tool and Expanding its Use in the Criminal Code of Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 31–42.
13. Lopashenko, N.A. (2011) Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave – net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 3. pp. 64–71.
14. Gogin, A.A. (2004) Otvetstvennost' za narushenie Federal'nogo zakona "O reklame" [Responsibility for violation of the Federal Law "On Advertising"]. *Pravo i politika*. 5. pp. 27–31.
15. Shesler, A.V. (2002) Soderzhanie obshchestvennoy opasnosti prestupleniya [The content of the public danger of crime]. In: Gorobtsov, V.I. (ed.) *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimeneniem praktiki* [Topical problems of the theory of combating crime and law enforcement practice]. Is. 5. Krasnoyarsk: SibYul MVD. pp. 25–32.
16. Shesler, A.V. (2007) [Some aspects of the improvement of criminal law on liability for violation of the legislation on elections]. *Osobennosti realizatsii izbiratel'nogo zakonodatel'stva na sovremennom etape* [Features of the implementation of electoral legislation at the present stage]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tyumen. 26–27 October 2007. Tyumen: Vektor Buk. pp. 59–64. (In Russian).
17. Malkov, V.P. (2006) *Mnozhestvennost' prestupleniy: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* [Plurality of crimes: essence, types, legal value]. Kazan: Taglimat.
18. Frizen, P.D. (2004) *Administrativno-pravovoe preduprezhdenie otdel'nykh vidov prestupleniy* [Administrative and legal prevention of certain types of crimes]. Law Cand. Dis. Barnaul.
19. Borzenkov, G.N. (2002) [Trends and prospects for the development of criminal legislation in the 21st century (the experience of comparative-temporal analysis)]. *Ugolovnoe pravo v XXI veke* [Criminal law in the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: LeksEst. pp. 110–114. (In Russian).
20. Korobeev, A.I. (1987) *Sovetskaya ugovno-pravovaya politika: problemy kriminalizatsii i penalizatsii* [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok: Far Eastern State University.
21. Onokolov, Yu.P. (2013) Rasshirenie primeneniya administrativnoy preyuditsii povysit preventivnoe vozdeystvie Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Expanding the use of administrative prejudice will increase the preventive effect of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation]. *Migratsionnoe pravo*. 3. pp. 11–15.
22. Ustinova, T.D. (2003) Rasshirenie ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnoe predprinimatel'stvo [Expansion of criminal liability for illegal business]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 97–103.

Received: 17 July 2018

В.Н. Белик, И.Д. Семеновский

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В РОССИИ И БРАЗИЛИИ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

На основе сравнительно-правового и системного методов анализируется регулирование права на квалифицированную юридическую помощь в системе конституционных прав человека России и Бразилии, являющихся членами БРИКС. Сделан вывод о сходствах и различиях в правовом регулировании и реализации права на квалифицированную юридическую помощь в России и Бразилии, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: Конституция России; Конституция Бразилии; защита прав и свобод; право на квалифицированную юридическую помощь; уголовное судопроизводство; адвокат; защитник; федерализм; БРИКС.

Продолжая международный диалог по актуальным вопросам федерализма, верховенства права и режима законности, защиты конституционных и иных прав человека, рассмотрим такой важный аспект его правового статуса, как право на квалифицированную юридическую помощь в системе конституционных прав России и Бразилии, являющихся членами БРИКС.

Тематика защиты прав человека и его основных свобод, важности их реализации неизменно присутствует в итоговых декларациях саммитов БРИКС, а также ежегодных юридических форумов государств – членов БРИКС, что свидетельствует о ее актуальности, вместе с рядом других правовых и иных проблем и вопросов, обсуждаемых в рамках данных дискуссионных площадок.

Между тем Бразилия, как и Россия, будучи крупнейшим по количеству населения и площади государством своего континента, продолжает решение ряда проблем, связанных со значительным социальным неравенством в различных субъектах федерации и достаточно высоким уровнем преступности, рядом иных факторов общественного развития. Сходство данного процесса обусловлено, на наш взгляд, продолжающимся переходным периодом после принятия Конституции Бразилии 1988 г. и Конституции России 1993 г., послужившего важной вехой в процессе демократизации двух государств и начала реального действия многих декларирувавшихся, но не реализовавшихся ранее на практике прав.

Проводя общее сравнение конституций России и Бразилии, отметим, что конституция крупнейшего латиноамериканского государства, состоящая из 64,5 тысяч слов, наряду с Конституцией Индии 1949 г. (146,4 тысяч слов) и Конституцией Нигерии 1999 г. (66,3 тысяч слов), также являющихся федерациями, входит в тройку самых объемных по содержанию основных законов мира. Конституция России является 116-й в мире по данному показателю и содержит порядка 13 тысяч слов. В то же время по количеству формально закрепляемых прав человека Бразилия находится на 10 месте в мире (79 прав), а Россия на сорок шестом (64 права). Лидерами по данному показателю являются Эквадор (99 прав), Боливия и Сербия (по 88 прав), Португалия и Кабо-Верде (по 87 прав). При этом авторы отмечают, что в отли-

чие от ряда других, Бразилия является государством, в котором практически отсутствует «разрыв между «буквой закона» и применением его на практике» [1. С. 182]. В то же время относительно данной позиции имеются и более критические точки зрения [2]. Всего же совокупный анализ конституций современных государств позволяет выделить порядка 1 170 закреплённых в них относительно самостоятельных прав человека [3].

Конституция Бразилии охватывает гораздо больше сфер правового регулирования по сравнению с Конституцией России, а также осуществляет их более детальное правовое регулирование, в том числе используя множество конституционных принципов и достаточно конкретных отраслевых правовых норм. В.В. Маклаков, в частности, отмечает, что Конституция 1988 г. отвечает на большое количество вопросов из различных областей, которые навечно требовались времени [4. С. 406]. В то же время бразильские авторы объясняют ее значительный объем также тем, что «в стране, где законы не имели большого значения, различные социальные группы пытались внести в текст конституции максимальное количество правил и установлений, чтобы таким образом добиться гарантии их исполнения в будущем... Конституция 1988 г. может рассматриваться как рубеж, покончивший с последними рудиментами авторитарного режима» [5. С. 386]. Российская Конституция на этом фоне выглядит весьма компактной, но и оставляющей множество вопросов на усмотрение законодателя.

В соответствии с номерным абзацем I ст. 22 Конституции Бразилии уголовное и процессуальное право относится к исключительному предмету ведения федерации, что отражает аналогичный российских подход к данному вопросу, закрепленный в ст. 71 (п. «о») Конституции России. Вместе с тем следует отметить, что права человека не выделены в Бразилии в качестве отдельной и самостоятельной сферы правового регулирования со стороны одного из трех уровней федеративной системы. В то же время российский подход такого умолчания (или даже пробела) не имеет, однако несет в себе конституционную ошибку, относя защиту прав и свобод человека и гражданина одновременно к исключительному предмету ведения федерации и предмету совместного ведения федерации и субъектов Российской Федерации. В то же вре-

регулирование прав и свобод человека и гражданина однозначно отнесено к федеральному уровню.

Переходя к непосредственному рассмотрению системы конституционных прав человека и гражданина России и Бразилии, отметим, что как в России, так и в Бразилии осуществлено их обширное закрепление в схожих по своей конституционно-правовой природе разделах «Основные права и гарантии» в Бразилии и «Права и свободы человека и гражданина» в России, идущими вслед за первыми главами, составляющими основы конституционного строя двух государств. Если Конституция России проводит разграничение между правами человека и правами гражданина в каждой конкретной статье гл. 2, то ст. 5 Конституции Бразилии устанавливает перечень из 78 прав, подчеркивая, что все люди равны перед законом без какого-либо различия, а перечисленные в ней права принадлежат как бразильцам, так и иностранцам. Иные права (социальные, политические) могут принадлежать именно гражданам, а не в целом человеку в силу прямого указания Конституции.

Среди обширной группы прав, закрепленных в конституциях двух государств, возможно выделить права и процессуальные гарантии лиц, находящихся в статусе подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, а также права заключенных [6. С. 30]. Именно среди данной категории прав находится такое специфическое право, как право на квалифицированную юридическую помощь, являющимся производным от более широкого права на защиту.

Как отмечается в науке, право на квалифицированную юридическую помощь представляет собой «гарантированную, обеспеченную Конституцией РФ, УПК РФ возможность каждому обратиться за защитой своих либо чьих-то прав и законных интересов к адвокату, на которого государством возложена публичная обязанность по оказанию каждому желающему достаточно высокого уровня любого из видов предоставляемой в уголовном судопроизводстве юридической помощи...» [7. С. 21]. При этом, рассматривая само понятие квалифицированной юридической помощи, необходимо отметить, что «это юридическая деятельность в целях защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц и обеспечения доступа к правосудию, осуществляемая членами адвокатского сообщества и лицами, имеющими ученую степень по юридической специальности, а также в пределах должностных обязанностей нотариусами и служащими органов государственной власти и местного самоуправления» [8. С. 109].

Право на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве является, на наш взгляд, именно специфическим правом, поскольку потребность в его реализации возникает лишь при привлечении лица в каком-либо процессуальном статусе в рамках конкретного уголовного дела, т.е. его реализация не может осуществляться абстрактно, независимо от каких-либо юридических фактов. Оно состоит из множества входящих в его смысловую структуру элементов реализации. Указанными обстоятельствами может, по нашему мнению, обуславливаться (однако отнюдь не оправдываться) заведомо

менее внимательное отношение правоприменителей к лицам, нуждающимся в реализации рассматриваемого права полностью или в части, в отличие, например, от реализации таких безусловных прав как право на жизнь, право на свободу мысли и слова, право частной собственности.

Право на квалифицированную юридическую помощь имеет конституционную природу, и его закрепление осуществляется непосредственно в основных законах двух государств. Так, ст. 48 (ч. 1) Конституции России прямо говорит, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» [9. Ст. 4398], подчеркивая тем самым принадлежность данного права всем лицам независимо от их гражданства или вообще факта отсутствия такового в принципе. Частью 2 указанной статьи устанавливается, что моментом возникновения указанного права является факт задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. При этом нормы ст. 48 говорят о том, что квалифицированную юридическую помощь в первоочередном порядке в уголовном судопроизводстве имеет право оказывать исключительно адвокат – лицо, обладающее специальным правовым статусом и определенным набором гарантий независимости профессиональной деятельности. Именно квалифицированная юридическая помощь имманентно присуща адвокатской деятельности как особому виду профессиональной деятельности лиц, обладающих статусом адвоката [10. Ст. 2102].

В то же время раскрытие права на квалифицированную юридическую помощь не только в уголовном судопроизводстве, но и в целом на конституционном уровне ограничивается содержанием лишь одной нормы, опосредованно дополняемой нормами о более широком праве на защиту, в том числе судебную (ст. 17, 45, 46, 123 Конституции), однако оно получает свое развитие в федеральном законодательстве, в первую очередь в УПК РФ [11. Ст. 4921]. Статья 16 УПК РФ указывает, в частности, что подозреваемым и обвиняемым обеспечивается право на защиту, которое они могут, в том числе, осуществлять с помощью защитника. В соответствии со ст. 49 УПК РФ им может выступать только адвокат. Исключением является случай, когда при производстве у мирового судьи судья может удовлетворить ходатайство обвиняемого о допуске одного из его близких родственников или иного лица в качестве защитника не только наряду с адвокатом, но и вместо адвоката. Таким образом, конституционная норма получает в данном случае конкретизацию. Более подробно раскрывается в ст. 49 УПК РФ и момент, с которого защитник имеет право принимать участие в уголовном деле. Важным в этом отношении аспектом является введенный с 2013 г. п. 6 ч. 3 ст. 49 об участии в деле адвоката непосредственно с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

В то же время Федеральный закон от 07.02.2011 «О полиции» по-прежнему неоправданно сужает круг временных рамок, начиная с которых задержанное лицо вправе пользоваться услугами адвоката (защит-

ника), фиксируя это право моментом задержания [12. Ст. 900]. Очевидно, что подобное расхождение законодательных норм оставляет возможности их недобросовестного толкования и правоприменения. Аналогичный, хотя и более объяснимый с точки зрения предназначения законодательного акта, подход можно наблюдать в Федеральном законе от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [13. Ст. 2759]. Эти факты свидетельствуют, в том числе, о нереализованных на практике воззрениях Конституционного Суда Российской Федерации, отмечающего, что праву каждого на получение квалифицированной юридической помощи должна соответствовать «обязанность государства обеспечить надлежащие условия, в том числе нормативно-правового характера, с тем чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за юридической помощью для защиты и отстаивания своих прав и законных интересов» [14. Ст. 828].

В целом следует также отметить, что проблема усиления и конкретизации прав стороны защиты в уголовном судопроизводстве является весьма актуальной задачей для совершенствования законодательства [15. С. 98]. Вопросы практической реализации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что «при судебном разбирательстве должно строго соблюдаться гарантированное Конституцией право каждого на получение квалифицированной юридической помощи» [16. № 247], также остаются актуальными, однако еще более остро стоит вопрос его реализации на досудебной стадии уголовного судопроизводства, что может оказаться решающим при защите прав и свобод граждан в конкретном случае.

Говоря о регулировании права на квалифицированную юридическую помощь в Бразилии, следует отметить в целом более широкую и подробную регламентацию гарантий прав человека, включая процессуальные права обвиняемых, подозреваемых и осужденных на конституционном уровне. Это в том числе касается и конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве. Если ст. 46 (ч. 1) Конституции России говорит о гарантии судебной защиты прав и свобод человека, то Конституция Бразилии такой вид защиты подразумевает а priori и сразу конкретизирует, что сторонам в судебном или административном процессе обеспечивается право на полную и своевременную защиту, а также на необходимые в таких случаях средства и возможности (ст. 5 (номерной абзац LV). Номерной абзац LXIII уточняет, что любому арестованному лицу вместе с информированием его обо всех правах гарантируется помощь со стороны семьи и адвоката [17]. Вместе с тем бразильские авторы также отмечают трудности с доступом к данному виду помощи на стадии предварительного расследования [18. С. 25], касающиеся, в частности, затрудненности доступа защитника к подозреваемому или обвиняемому при совершении первых следственных действий, создания препятствий для их последующих встреч с защитником при применении различных мер пресечения, что наблюдается и в России. В то же вре-

мя отметим, что помощь со стороны родственников закрепляется в России не на уровне Конституции, а ниже на уровне УПК РФ.

Крайне важной для факта оказания квалифицированной юридической помощи является ст. 133 Конституции Бразилии, гарантирующая статус адвоката, получающего дальнейшее раскрытие в специальном федеральном законодательстве [19]. Ею устанавливается, что адвокат независим от органов управления юстицией, он не несет ответственности за свои действия и выступления при исполнении своих профессиональных обязанностей в пределах, установленных законом. Отметим также высокий уровень института адвокатуры, имеющей, таким образом, прямую конституционную основу, получающую толкование в практике Федерального верховного суда Бразилии [20]. Кроме того, уголовное законодательство Бразилии предоставляет правовую охрану отдельным элементам, составляющим законную деятельность адвоката. Так, ст. 356 Уголовного кодекса Бразилии устанавливает ответственность в виде штрафа или тюремного заключения за частичное или полное уничтожение документов, являющихся доказательствами по делу, полученных не только прокурором, но и адвокатом [21]. Это положение свидетельствует об одном из признаков равенства участников уголовного судопроизводства. В то же время уголовное законодательство ни Бразилии, ни России не устанавливает полноценный институт ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката.

Важным для качества и скорости реализации права на квалифицированную юридическую помощь, т.е. ее эффективности, является установление, что об аресте любого лица, а также о месте лишения его свободы должны быть уведомлены не только компетентный судебный орган, но и семья арестованного или лицо, которое будет им назначено, которым, по сути, является адвокат (ст. 5, номерной абзац LXII).

Раскрытие права на квалифицированную юридическую помощь в Бразилии также получает свое развитие в федеральном законодательстве, в первую очередь – в УПК ФРБ [22], принятом еще 3 октября 1941 г. и действующем по настоящее время с учетом множества изменений и дополнений. Следует отметить, что взаимодействию подзащитного и защитника в УПК ФРБ посвящена специальная структурная часть данного документа, состоящая из 9 статей, а также другие его нормы. Статья 261 УПК ФРБ устанавливает, что ни одно лицо не может быть обвиняемым или подсудимым очно или заочно без участия в таком процессе адвоката. Оно, в свою очередь, находит конкретизацию в ряде других норм. В частности, ст. 185 УПК ФРБ устанавливает общее правило о возможности проведения допроса только в присутствии адвоката. В § 5 ст. 185 УПК ФРБ указывается, что судья обязан предоставить обвиняемому или подсудимому право предварительного и конфиденциального общения с адвокатом перед допросом, в том числе при проведении допроса в формате видеоконференции. В § 6 этой же статьи подчеркивается равенство участников состязательного процесса путем установления, что помещение, предназначенное для совершения процессуальных действий в формате видеоконференции, контро-

лируется не только судом и прокуратурой, но также и Бразильской ассоциацией адвокатов.

Вместе с тем достаточно схожее регулирование в конституциях двух государств имеет институт бесплатного оказания квалифицированной юридической помощи. Так, ст. 48 Конституции России указывает, что «в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно». При этом при расширительном толковании данной нормы речь может идти о бесплатном оказании нуждающимся как квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве, так и об оказании иных ее видов более широким кругом лиц [23]. С учетом федеративного характера Российского государства ее предоставление может предусматриваться также законодательством субъектов Российской Федерации. Статья 5 (номерной абзац LXXIV) Конституции Бразилии, в свою очередь, закрепляет близкую по смысловому наполнению норму, что государство предоставляет полную и бесплатную юридическую помощь тем, кто может доказать недостаточность своих средств. Статья 134 Конституции устанавливает, что органы публичной защиты являются основным институтом юрисдикционной функции штата в данном вопросе и на них лежит обязанность по оказанию бесплатной квалифицированной юридической помощи [24]. Конституционные нормы раскрываются в ст. 32 УПК ФРБ, указывающей, что судья по просьбе стороны, доказавшей отсутствие необходимых для пользования услуг адвоката средств, самостоятельно назначает адвоката за счет государства. Отметим положительные отзывы зарубежных авторов по поводу работы данного института в Бразилии [25. С. 176].

Подводя итоги, отметим, что конституционное регулирование прав и свобод человека, в том числе ряда процессуальных прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных в Бразилии является более широким, чем в России. Регулирование права на квалифицированную юридическую помощь в системе конституционных прав человека также регламентируется в Бразилии более детально, чем в России. Это, в том числе, выражается в его изначальной конституционной гарантированности в судебном и административном процессах, обязанности уведомления семьи или адвоката задержанного лица, которому необходима квалифицированная юридическая помощь, более подробном обеспечении данного права в уголовно-процессуальном законодательстве. В том числе крайне важным и весьма полезным для заимствования из бразильской на российскую правовую почву является право предварительного и конфиденциального общения обвиняемого или подсудимого с адвокатом перед допросом. Требуется усиления и в России, и в Бразилии доступ к реализации права на квалифицированную юридическую помощь в досудебной части уголовного судопроизводства. В России, в частности на федеральном уровне, целесообразно также внесение изменений в Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ и Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ в части устранения противоречий, конкретизации сроков и стадий уголовного судопроизводства, с которых лицо имеет право на получение

квалифицированной юридической помощи, основанной на нормах УПК РФ и Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ.

Закреплен на конституционном уровне и имеет высокий статус в Бразилии институт адвокатуры, о содержании которого Конституция России не упоминает в принципе. Вместе с тем ни в Бразилии, ни в России не установлена полноценная уголовная ответственность за воспрепятствование законной деятельности адвоката, лишь отдельные элементы которой присутствуют в Бразилии (уголовно-правовая защита доказательств, собранных адвокатом). В этой связи как в России, так и в Бразилии целесообразно закрепить в уголовном кодексе санкции за данное правонарушение, что будет создавать баланс и способствовать состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Аналогичный охранительный институт предусмотрен, к примеру, для защиты профессиональной деятельности журналистов [26]. Учитывая значимость и конституционный статус такого важнейшего должностного лица, как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, видится крайне неоправданным лишь административно-правовая охрана его деятельности. Ответственность за воспрепятствование его законной деятельности также должна носить уголовно-правовой характер, как и профессиональная деятельность адвокатов.

Также в Бразилии именно на конституционном, а не федеральном законодательном уровне, как в России, гарантируется помощь со стороны родственников подозреваемым, обвиняемым и подсудимым. Изложенные аспекты позволяют сделать вывод о целесообразности более комплексного подхода к регламентации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, крайне слабо закрепленного в российском конституционном и отраслевом (в первую очередь УПК РФ) законодательстве. В этой связи следует поддержать позицию Е.В. Виноградовой, отмечающей, что «при наличии практических механизмов реализации права на квалифицированную юридическую помощь существует актуальная необходимость его доктринальной проработки и институализации» [27. С. 41].

Совершенствование регулирования прав человека, в том числе права на квалифицированную юридическую помощь будет служить не только развитию их формально-юридического закрепления, но и эффективности их непосредственного правоприменения, усилению защиты граждан. Полагаем, что в этом процессе не нужно бояться вносить дополнение в действующую Конституцию России, увеличивая ее объем, поскольку обобщение текстов конституций мира демонстрирует, что современная конституция нуждается в большем объеме, чем многие действующие документы [28. С. 141].

Принимая во внимание наличие у России и Бразилии схожих проблем, связанных с потребностями масштабной модернизации экономики и социальной жизни, отметим актуальность проведения дальнейшего исследования конституционно-правового опыта государств – членов БРИКС в сфере защиты прав человека и других областях, в том числе актуальный бразильский опыт [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Левчук С.В., Бранзбург П.А. Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека в Бразилии // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3. С. 181–186.
2. Mendonça A.B. The Criminal Justice System in Brazil: a brief account. URL: <http://www.mpf.mp.br/> (дата обращения: 31.03.2018).
3. The Comparative Constitutions Project. URL: <http://comparativeconstitutionsproject.org/ccp-ranking> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010. 656 с.
5. Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М. : Весь мир, 2013. 448 с.
6. Белик В.Н., Семеновский И.Д. Отдельные аспекты законодательных ограничений конституционно-правового статуса личности на основе исследования опыта Федеративной Республики Бразилии и Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 28–32.
7. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 526 с.
8. Белик В.Н. Правовые аспекты реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 7. С. 106–109.
9. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
12. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
13. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 6. Ст. 828.
15. Крымов А.А. Проблемы регулирования уголовно-процессуальных аспектов правового положения осужденных // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 94–99.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. № 247.
17. Constituição da República Federativa do Brasil // Constituição da República Federativa do Brasil. Brasília : Supremo Tribunal Federal, Secretaria de Documentação, 2017.
18. Fingermaier I. The challenges of access to justice and enforcement of the right to counsel in Brazil // Criminal Justice Matters. 2013. № 92:1. P. 24–25.
19. Lei № 8.906, de 4 de julho de 1994 (Dispõe sobre o Estatuto da Advocacia e a Ordem dos Advogados do Brasil – OAB). URL: <http://www.lexml.gov.br/> (дата обращения: 08.04.2018).
20. Acao direta de inconstitucionalidade 1.127 (2006) Distrito Federal. URL: <http://www.lexml.gov.br/> (дата обращения: 08.04.2018).
21. Decreto-Lei nº 2.848, de 7 de Dezembro de 1940 (Código Penal). URL: <http://www.lexml.gov.br/> (дата обращения: 02.05.2018).
22. Lei № 3.689 de 3 de outubro de 1941 (Código de Processo Penal). URL: <http://www.lexml.gov.br/> (дата обращения: 08.04.2018).
23. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
24. Официальный сайт органов публичной защиты штата Рио-де-Жанейро. URL: <http://www.defensoria.rj.def.br/> (дата обращения: 08.04.2018).
25. Cleber F.A. Access to justice and legal aid in brazil and. England/Wales: contemporary challenges and comparative perspectives // Lex Humana. 2015. Vol. 7, № 1. P. 172–177.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
27. Виноградова Е.В. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 36–43.
28. Чиркин В.Е. Глобализация и базовые изменения современных конституций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1 (56). С. 137–141.
29. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом Российской Федерации 09.02.2013). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/17715> (дата обращения: 01.04.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июля 2018 г.

CONSTITUTIONAL RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN RUSSIA AND BRAZIL: ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS LEGISLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 208–214.

DOI: 10.17223/15617793/435/27

Valeriy N. Belik, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). Email: 7226905@mail.ru

Igor D. Semenovskiy, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). Email: i.semenovskiy@yandex.com

Keywords: Constitution of Russia; Constitution of Brazil; protection of rights and freedoms; right to qualified legal assistance; criminal proceedings; lawyer; defender; federalism; BRICS.

This article is devoted to the comparative analysis of the legal regulation of the right to qualified legal assistance in the system of constitutional human rights of Russia and Brazil, the BRICS member-states. The methodology of the study is based on the comparative law and systemic methods applied in the study of legislation and law enforcement acts of Russia and Brazil, as well as theoretical works of Russian and Brazilian authors. The article briefly reviews the constitutions of the two states and the constitutional human rights system enshrined in them. The constitutional regulation of the right to qualified legal assistance of these states and its federal legislative support is discussed in detail. The law enforcement acts of the highest judicial bodies on the implementation of the

right to qualified legal assistance in criminal proceedings is considered. On the basis of the study of the basic laws and other acts, a conclusion is made about similarities and differences in the legal regulation and implementation of the right to qualified legal assistance in the constitutional human rights system of Russia and Brazil. It is noted that the constitutional regulation of human rights and freedoms, including a number of procedural rights of suspects, accused and convicted, including the legal regulation of the right to qualified legal assistance, in Brazil is broader than in Russia. This, in particular, is expressed in its initial constitutional guarantee in the judicial and administrative processes, in the obligation to notify the family or lawyer of the detained person who needs qualified legal assistance, in a more detailed enforcement of this right in the criminal procedure legislation. It is stressed that the right to confidential communication of the accused or the defendant with the lawyer before the interrogation is extremely important and very useful for borrowing from Brazilian to Russian legal field. Both in Russia and in Brazil, access to the exercise of the right to qualified legal assistance in the pre-trial part of criminal proceedings requires elaboration. On the basis of the comparative legal analysis, proposals to improve Russian legislation in the field of legal regulation and exercise of the right to qualified legal assistance are made. The role of the institute of advocacy in Russia and Brazil in the exercise of the right to qualified legal assistance is also considered, proposals to improve its status as a defense party in criminal proceedings are made.

REFERENCES

1. Levchuk, S.V. & Branzburg, P.A. (2013) Constitutional and legal protection of human rights in Brazil. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo – RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 3. pp. 181–186. (In Russian).
2. Mendonça, A.B. (n.d.) *The Criminal Justice System in Brazil: a brief account*. [Online] Available from: <http://www.mpf.mp.br/>. (Accessed: 31.03.2018).
3. Comparativeconstitutionsproject.org. (n.d.) *The Comparative Constitutions Project*. [Online] Available from: <http://comparativeconstitutionsproject.org/ccp-ranking>. (Accessed: 30.04.2018).
4. Maklakov, V.V. (2010) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya, Braziliya* [Constitutions of foreign states: United Kingdom, France, Germany, Italy, United States of America, Japan, Brazil]. 7th ed. Moscow: Volters Kluver.
5. Faustu, B. (2013) *Kratkaya istoriya Brazili* [A concise history of Brazil]. Translated from Portuguese by L. Okuneva, O. Okuneva. Moscow: Ves' mir.
6. Belik, V.N. & Semenovskiy, I.D. (2015) Separate aspects of the legislative restrictions of the constitutional-legal status of the individual based on the study of the experience of the Federative Republic of Brazil and the Russian Federation. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4 (91). pp. 28–32. (In Russian).
7. Kudryavtsev, V.L. (2008) *Realizatsiya konstitutsionno-pravovogo instituta kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v deyatelnosti advokata (zashchitnika) v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i problemy obespecheniya* [The implementation of the constitutional and legal institution of qualified legal assistance in the activities of a lawyer (defender) in Russian criminal proceedings: theoretical foundations and problems of securing]. Law Dr. Dis. Moscow.
8. Belik, V.N. (2009) Pravovye aspekty realizatsii konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' [Legal aspects of the implementation of the constitutional right to qualified legal assistance]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 7. pp. 106–109.
9. Russian Federation. (2002) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4398.
10. Russian Federation. (2002) Ob advokatskoy deyatelnosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ [On advocacy and bar in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002, No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23. Art. 2102.
11. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52. Art. 4921.
12. Russian Federation. (2011) O politzii: Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ [On the Police: Federal Law of February 07, 2011, No. 3-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 7. Art. 900.
13. Russian Federation. (1995) O soderzhanii pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy: Federal'nyy zakon ot 15.07.1995 № 103-FZ [On the custody of suspects and accused of committing crimes: Federal Law of July 15, 1995, No. 103-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29. St. 2759.
14. Russian Federation. (2007) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23.01.2007 № 1-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 1 stat'i 779 i punkta 1 stat'i 781 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Agentstvo korporativnoy bezopasnosti" i grazhdanina V.V. Makeeva" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007, No. 1-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Paragraph 1 of Article 779 and Paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of the limited liability company "Agentstvo korporativnoy bezopasnosti" and citizen V.V. Makeev"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 828.
15. Krymov, A.A. (2017) Problemy regulirovaniya ugolovno-protsessual'nykh aspektov pravovogo polozheniya osuzhdennykh [Problems of regulation of criminal procedure aspects of the legal status of convicts]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 3. pp. 94–99.
16. Rossiyskaya gazeta. (1995) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 31.10.1995 № 8 "O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii pri osushchestvlenii pravosudiya" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 31, 1995, No. 8 "On some issues of the application by courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice"]. *Rossiyskaya gazeta*. 247.
17. Brasil. (2017) *Constituição da República Federativa do Brasil* [Constitution of the Federative Republic of Brazil]. Brasília: Supremo Tribunal Federal, Secretaria de Documentação, 2017.
18. Fingermaier, I. (2013) The challenges of access to justice and enforcement of the right to counsel in Brazil. *Criminal Justice Matters*. 92:1. pp. 24–25. DOI: 10.1080/09627251.2013.805371
19. Lexml.gov.br. (1994) *Lei № 8.906, de 4 de julho de 1994 (Dispõe sobre o Estatuto da Advocacia e a Ordem dos Advogados do Brasil – OAB)* [Law No. 8.906, of July 4, 1994 (Provides for the Statute of Lawyers and the Brazilian Bar Association – OAB)]. [Online] Available from: <http://www.lexml.gov.br/>. (Accessed: 08.04.2018).
20. Lexml.gov.br. (2006) *Acao direta de inconstitucionalidade 1.127 (2006) Distrito Federal* [Direct action of unconstitutionality 1.127 (2006) Federal District]. [Online] Available from: <http://www.lexml.gov.br/>. (Accessed: 08.04.2018).
21. Lexml.gov.br. (1940) *Decreto-Lei n° 2.848, de 7 de Dezembro de 1940 (Código Penal)* [Decree-Law No. 2,848, of December 7, 1940 (Penal Code)]. [Online] Available from: <http://www.lexml.gov.br/>. (Accessed: 02.05.2018).
22. Lexml.gov.br. (1941) *Lei № 3.689 de 3 de outubro de 1941 (Código de Processo Penal)* [Law No. 3,689 of October 3, 1941 (Code of Criminal Procedure)]. [Online] Available from: <http://www.lexml.gov.br/>. (Accessed: 08.04.2018).
23. Russian Federation. (2011) O besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ [On free legal assistance in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011, No. 324-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 6725.

24. Public Defender of the State of Rio de Janeiro Website. [Online] Available from: <http://www.defensoria.rj.def.br/>. (Accessed: 08.04.2018).
25. Cleber, F.A. (2015) Access to justice and legal aid in brazil and. England/Wales: contemporary challenges and comparative perspective. *Lex Humana*. 7(1). pp. 172–177.
26. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
27. Vinogradova, E.V. (2014) Konstitutsionnoe pravo na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' [The constitutional right to qualified legal assistance]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 2. pp. 36–43.
28. Chirkin, V.E. (2016) Globalizatsiya i bazovye izmeneniya sovremennykh konstitutsiy [Globalization and basic changes of modern constitutions]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1 (56). pp. 137–141.
29. Kremlin.ru. (2013) *Kontseptsiya uchastiya Rossiyskoy Federatsii v ob"edinenii BRIKS (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 09.02.2013)* [The concept of the Russian Federation's participation in BRICS (approved by the President of the Russian Federation on February 09, 2013)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/news/17715>. (Accessed: 01.04.2018).

Received: 17 July 2018

А.В. Габов, И.А. Хаванова

ЭВОЛЮЦИЯ РОБОТОВ И ПРАВО XXI ВЕКА

Проводится анализ правового режима роботов в России и за рубежом, оцениваются нормотворческие инициативы. По мнению авторов, в настоящее время ставить вопрос о наделении роботов правосубъектностью преждевременно, однако в перспективе он рано или поздно войдет в юридическую повестку. В статье предложены возможные модели будущего регулирования сферы робототехники.

Ключевые слова: робот; робототехника; искусственный интеллект; правосубъектность; цифровая экономика.

Робототехника в развитии

Робот – такой же результат развития человеческого общества в процессе его взаимодействия с природой, как и многие иные феномены искусственного мира. Академик В.С. Степин справедливо пишет, что основа взаимодействия человека с природой – практическая деятельность, в процессе которой он присваивает вещество и энергию природы (исходный материал), преобразуя их в формы, пригодные для своего потребления, а чтобы целенаправленно изменять исходный материал, человеку необходимы различные средства, которые служат проводниками воздействия на преобразуемый предмет и представляют собой усилители его естественных органов [1. С. 19–20]. Место робота в ряду таких средств очевидно: с его помощью человек, с одной стороны, хотел избавить себя от наиболее тяжелых, изнурительных видов деятельности, требующих объединения значительных ресурсов (эта идея видна уже в научно-фантастическом произведении «R.U.R.» К. Чапека – автора, из произведений которого и было заимствовано слово «робот»), с другой – преумножить свои возможности не за счет изменений в человеческой натуре. Такое функциональное назначение роботов прослеживается и в специальной литературе, где робототехника рассматривается как сформировавшаяся в 60-х гг. XX в. наука «о технических устройствах, способных заменять человека при выполнении сложной, однообразной, утомительной, небезопасной работы» [2. С. 11].

Первые роботы в полной мере отвечали этим подходам, представляя собой специальное оборудование – манипулятор (в некоторых документах слова «робот» и «манипулятор» – синонимы [3; 4.]), который управлялся по определенной программе, осуществляя установленный набор функций (действий). Эти роботы обладали строго ограниченной, контролируемой автономностью, и дальше их использования как оборудования, необходимого для улучшения производственных процессов, в практической плоскости речь не шла. Однако технологии развивались. Нейронные сети, способные опознавать изображения, понимать человеческую речь, самообучаться [5. С. 148], начали копировать принципы работы человеческого мозга. По мере совершенствования технологии искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI), основное назначение которой – разработка алгоритмов, обеспечивающих компьютерное решение ко-

гнитивных задач, свойственных мозгу человека [6; 7. С. 70], развитие роботов приобрело новое направление. Они стали «социализироваться», встраиваясь в различные коммуникации в качестве субъектозаместителей (робот-полицейский, робот-сиделка, робот-банковский служащий и т.д.) или помощников. В результате и в правовой науке появились суждения о том, что в некоторых отношениях робот выступает если не субъектом, то их участником [8. С. 85–102].

Отметим, что ряд экспертов относят искусственный интеллект к сфере робототехники, однако чаще его все-таки обособляют из-за способности к существованию без привязки к какому-либо устройству [9. С. 7–27]. В докладе Исследовательской службы Конгресса США от 26 апреля 2018 г., посвященном вопросам искусственного интеллекта, отмечается, что практически все открытые академические источники признают отсутствие общепринятого определения искусственного интеллекта во многом из-за существенно различающихся подходов. При этом исследователи, как правило, разграничивают понятия «робот» и «искусственный интеллект», и большинство из них сходятся во мнении, что искусственный интеллект является необходимым элементом автономной системы [10. С. 1, 4]. Х. Эйденмюллер, рассматривающий робота как воплощенный искусственный интеллект (embodied AI), подчеркивает, что разумные роботы с возможностями машинного обучения (machine learning) не только используют огромный объем имеющихся данных, но и черпают их из собственного опыта и поступающей информации [11], адаптируя поведение и совершенствуя свои качества при взаимодействии с окружающим миром. Робот нового поколения, которого Н. Ричардс и У. Смарт определяют как небиологического автономного агента (non-biological autonomous agent) [12. С. 4], отличаясь высокой степенью автономности, действует как агент человека либо организации. Обобщив существующие подходы, Р. Кало определяет современных роботов как механические объекты, 1) воспринимающие мир, 2) обрабатывающие полученную информацию, 3) воздействующие на окружающую среду [13. С. 116, 118]. Идея современного робота, претендующего на «юридическую маску», состоит в том, что технология объединяет все три указанных качества. Отмечая воздействие на окружающую среду, мы имеем в виду, прежде всего, реальный мир, хотя дискуссии о пограничных состояниях виртуального и реального являются частью современного научно-правового дискурса [14. С. 35–40].

Такое проявление вонне может стать источником проблем, поскольку искусственный интеллект порождает сложные модели поведения. Программирование, ориентированное на развитие адаптивного потенциала и способностей робота к саморазвитию, в свою очередь, генерирует возможность непредсказуемой реакции с его стороны. Вместе с тем такие роботы способны к созданию оригинальных текстов, изображений (с неочевидностью их принадлежности какому-нибудь человеку), испытывая тем самым на прочность правовое регулирование интеллектуальной собственности [15. С. 66]; совершению действий, имеющих положительные правовые последствия (сделки); нанесению вреда действиями, которые осуществлены с высокой степенью самостоятельности (независимости) и не могут быть безусловно связаны с каким-либо физическим или юридическим лицом. В результате все больше экспертов приходят к выводу о необходимости устранения пробела в применении (распределении) ответственности за действия роботов, который не может быть преодолен с помощью существующих нормативных моделей [16. С. 175–183].

Последствия появления и развития разумных роботов для социальных отношений, общества в целом обсуждаются уже не только в связи с рисками и преимуществами автоматизации, но и в контексте угрозы утраты контроля за саморазвивающимся автономным искусственным интеллектом. Исследователи указывают на множество далеко идущих процессов, характеризующих их не иначе как «опасная ситуация», «волна потрясений», «разрыв ткани истории» [17; 18. С. 305–310; 19]. Впрочем, нельзя не отметить и наличие альтернативной позиции: «искусственного интеллекта нет, не было и в ближайшее время не будет», а то, что называется искусственным интеллектом, — лишь компьютерная имитация некоторых человеческих функций [20]. Еще категоричнее С. Фокс, по мнению которого такие опасения не учитывают параллельно идущий процесс физического совершенствования человека: технологии, изменяющие природные способности людей, повышают их потенциал, и киборги превосходят по возможностям роботов. Соответственно, дебаты о будущем, сконцентрированные на роботах, некорректны, они не учитывают потенциал киборгов, число которых будет неуклонно увеличиваться [21].

И, тем не менее, какие бы споры ни сопровождали развитие феномена искусственного интеллекта, следует констатировать две важные для нашего исследования тенденции:

1) разделение «мира» роботов в результате развития технологий, прежде всего искусственного интеллекта, на две группы:

— часть современных роботов — это оборудование, манипуляторы, выполняющие ограниченный набор функций и обладающие ограниченной автономностью;

— другая часть — умные (sophisticated), саморазвивающиеся роботы с высокой степенью (уровнем) автономности (далее — «разумные роботы»);

2) постепенная и неуклонная социализация разумных роботов. Эта тенденция может быть обозначена

так: от производственного оборудования до помощника (а где-то уже и субъектозаместителя) в определенных отношениях. В литературе в отношении роботов, созданных для взаимодействия с людьми, нередко используется термин «социальный робот» (social robot) [11].

Философами признается формирование двух реальностей: мира «естественного» и мира «искусственного» [22. С. 3, 9]. И нарастающая «самостоятельность» искусственного мира нередко определяет содержание фундаментальных проблем в различных сферах человеческого бытия. Важно отметить, что для научного дискурса разумные роботы уже обозначены как вызов, ведущие ученые указывают на необходимость выяснения социальных и психологических последствий внедрения «самопрограммирующихся роботов» в различные сферы жизнедеятельности [23. С. 5–31]. Более того, по мнению ряда исследователей, пришло время для признания универсального когнитивного разнообразия (universal cognitive diversity), поскольку без нового подхода, не сфокусированного на примере человека, будет сложно понять проблемы, с которыми мир столкнется при появлении интеллекта, превосходящего по возможностям человеческий [24].

Робот в российском праве

Изначально робот рассматривался в праве исключительно как объект, т.е. часть внешнего для субъекта (человека и коллективных образований, в том числе имеющих статус «юридического лица») мира вещей, которые могли быть присвоены (созданы, уничтожены, переданы в результате сделки и т.д.). Такой подход господствует и сегодня: в юридическом смысле робот — имущество, а не «persona»; объект, а не субъект правоотношений. Тем не менее в последние годы все активнее развивается дискуссия о возможной субъектности робота, в которой уже выявились несколько направлений.

Первый и самый сложный блок вопросов, обсуждаемых в связи с развитием разумных роботов, — определение их правового положения как объекта или субъекта [25–30]. Вторая часть правового дискурса менее футуристична. Ее исходная посылка: робот — объект права. Однако объект объекту рознь, и право должно учитывать уникальные черты разумных роботов и специфические риски, которые возникают в связи с их развитием [16; 31]. Третья составляющая дискуссии — предложение различного рода норм, направленных на развитие робототехники. В рамках этого направления не обсуждаются фундаментальные вопросы теории права, скорее, преобладают различные организационные аспекты при понимании того, что главный вопрос о пользе / вреде роботов решен: они признаются необходимыми и полезными. Таким образом, полемика о месте робота в праве включает очень широкий круг вопросов: от фундаментальных до организационных.

В отечественной юридической доктрине до последнего времени (в данном случае «до последнего» следует понимать практически буквально: мы не найдем публикаций до 2016–2017 гг.) вопрос о право-

вом положении робота не обсуждался. Или, точнее, такого предмета обсуждения просто не существовало. Право рассматривало робота исключительно как «оборудование». Например, в советский период в отдельных актах [32] встречается указание на различные виды роботов в зависимости от их функций, особенностей устройства («промышленный робот», «роботы промышленные с контурным программным управлением», «роботы бытовые», «электромагнитные или пневматические роботы» и т.д.). В силу отсутствия специфики объекта нормы, относящиеся к робототехнике, содержались в основном в стандартах и классификаторах. В законах роботы даже не упоминались, что объективно соответствовало как состоянию технологического развития, так и уровню общественных отношений того периода.

После 1991 г. российские нормативные акты, сохраняя понимание робота как оборудования («средства», «технического устройства», «устройства»), следуют советской традиции [33], во многих из них используется и прежняя терминология, основанная на функциях робота [34] («промышленный робот», «конвейерный робот», «терапевтический робот», «робот для подъема и размещения» (ГОСТ Р ИСО 9999-2014) или на особенностях его устройства («мобильный робот» ГОСТ Р 54344-2011). Однако нельзя не указать и на существенные отличия от советского периода.

Во-первых, терминология обновляется: «робототехническое средство», «робототехнический комплекс» (ГОСТ Р 54344-2011.); вводится определение робота. Национальный стандарт «Роботы и робототехнические устройства...» (ГОСТ Р 60.0.0.2-2016) рассматривает робота (robot), подобно международному стандарту, как «исполнительное устройство с двумя или более программируемыми степенями подвижности, обладающее определенным уровнем автономности и способное перемещаться во внешней среде с целью выполнения поставленных задач» [35]. Понятие «автономность» (autonomy) документ определяет как способность выполнять поставленные задачи в зависимости от текущего состояния и восприятия окружающей среды без вмешательства человека.

Во-вторых, закрепляются понятия, отражающие нарастание автономности машин: «безлюдные технологии» (технологии, осуществляемые без непосредственного участия человека) (ГОСТ Р 54344-2011), «интернет вещей» (концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека), «индустриальный интернет» (концепция построения информационных и коммуникационных инфраструктур на основе подключения к сети «Интернет» промышленных устройств, оборудования, датчиков, сенсоров, систем управления технологическими процессами, а также интеграции данных программно-аппаратных средств между собой без участия человека) [36].

В-третьих, в последние два-три года появляется сразу несколько документов стратегического планирования, направленных на развитие технологий искусственного интеллекта; специальные программы,

предусматривающие нормативные изменения в этой области; соответствующие поручения. Они формируют политико-правовой базис для развития права – именно на их основе и с учетом их содержания готовятся проекты нормативных правовых актов. К числу интересующих нас положений¹ [37], в частности, следует отнести:

- признание необходимости развития высоких технологий в сфере робототехники и искусственного интеллекта в качестве стратегического направления (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (п. 70) [38]; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (п. 36) [36]);

- отнесение робототехники к числу важнейших «сквозных технологий» (применяемых во всех отраслях). В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. отсутствие таких технологий признано угрозой «зависимого, уязвимого положения» для любой страны. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [39] в число основных сквозных цифровых технологий включает: нейротехнологии и искусственный интеллект, компоненты робототехники и сенсорику;

- постановка задач по созданию в кратчайшие сроки передовой нормативной базы в рассматриваемой сфере (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г.), с признанием необходимости ее постоянного обновления и построения на «гибком подходе к каждой сфере и технологии» [40]. Такая работа должна способствовать признанному необходимому снятию барьеров для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных. Согласно Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» разработка проектов нормативных правовых актов, обеспечивающих «регулирование правовых вопросов, связанных с использованием робототехники, инструментов искусственного интеллекта», должна быть осуществлена ко II кварталу 2019 г.

Таким образом, наблюдается явное возрастание внимания к теме робототехники и искусственного интеллекта на государственном уровне, включение этой предметной тематики в сферу права, с конкретными планами по созданию специального регулирования. Намечаются (пока в самом общем виде) его принципы («гибкий подход к каждой сфере и технологии»). При этом документы стратегического, программного и порученческого характера являются очень общими, в них отсутствует терминологическое единство, что отчасти обусловлено слабой разработанностью принципиальных вопросов в правовой доктрине. Нельзя не заметить также, что вопросы робототехники и искусственного интеллекта в указанных документах к 2018 г. «растворились» в рамках более общего предмета – «цифровой экономики». Так, в Перечне поручений от 16 марта 2018 г. по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от

1 марта 2018 г. слова «робототехника» и «искусственный интеллект» не упоминаются, поглощаясь более общим направлением «цифровая экономика» [41].

Несмотря на зримые технологические достижения, долгое время ни теоретиками, ни практиками не ставились вопросы ни о совершенствовании юридической модели робота как объекта прав, ни об изменении его места в субъект-объектной парадигме. Такое положение дел стало представлять очевидный «разрыв» между правом и реальными потребностями участников общественных отношений, вызванный отмеченным разделением «мира» роботов на обычные машины и разумных роботов. Расположение последних в субъект-объектной системе координат стало, в частности, приобретать крайне важное практическое следствие, как мы уже отмечали, в наиболее чувствительной области юридической ответственности. П.М. Морхат не без оснований замечает, что до недавнего времени проблема определения ответственности за действия машины разрешалась традиционно: «такая машина должна была рассматриваться исключительно как инструмент лица, обладающего или управляющего ей. Не возникало вопроса о личной ответственности такой машины или ее правосубъектности, поскольку машины не были способны осуществлять автономную или полуавтономную деятельность» [27. С. 128].

В 2016 г. группой российских юристов и представителей бизнеса был предложен направленный на устранение наметившегося «разрыва» проект закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [42]. Он появился на фоне отсутствия какой-либо юридической доктрины в области робототехники и искусственного интеллекта и содержал довольно много противоречивых новаций. Главной целью разработчиков было вовсе не комплексное регулирование вопросов робототехники, а поиск нового места разумных роботов, названных «роботизированными агентами». Авторы предлагали разделить мир роботов на собственно роботов и таких агентов. «Просто» роботы обозначались как имущество (с учетом специфики – источник повышенной опасности). Сложнее (и противоречивее) определялось положение роботизированного агента. В отношении него даже использовалось понятие «правоспособность», предоставлялась хоть ограниченная, но все-таки субъектность (правосубъектность). Роботизированный агент, по мысли авторов проекта, мог иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам; от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. При этом слово «субъект» напрямую к роботизированному агенту не применялось (интересно, что некоторые авторы текста в обсуждениях для объяснения своей позиции именовали его «квазисубъектом, наделенным ограниченной правоспособностью»).

Законопроект подвергся критике, иногда обоснованной, а порой – не в полной мере корректной, однако должный эффект он произвел: правовое положение

робота стало предметом дискурса юристов. И как бы ни пытались иногда иронизировать над излишне футуристическими взглядами его авторов, плотину «прорвало», и в 2016–2018 гг. наблюдался небывалый всплеск активности ученых, возросло число работ о правовом положении робота [25, 28–31]. Спектр оценок предложенного проекта весьма разнообразен. Так, согласно точке зрения А.А. Иванова, «признание роботов-агентов субъектами права предполагает, что они обладают сознанием и волей, достаточными для участия в гражданском обороте», однако сейчас они не в состоянии оторваться от человеческого интеллекта [30]. В качестве возможного варианта им было предложено признание роботов-агентов «имуществом особого рода». Г.А. Гаджиев предположил, что по мере совершенствования искусственного интеллекта может возникнуть потребность в признании юридической личности роботов-агентов как «особой разновидности юридических лиц» («дополнение в виде слова «агент» означает, что такие роботы являются представителями кого-либо – физического или, чаще, юридического лица») [25. С. 21–22]. Впрочем, в отношении текущего периода его позиция, скорее, отличается сдержанностью: «Когда появится субъект, обладающий сознанием, совестью человека, тогда и настанет время для признания его субъектом правоотношений. Смогут ли программисты и специалисты в области вычислительной техники создать робота-агента, выполняющего множество социальных ролей? Если да, тогда и возникнет потребность в юридической маске» [Там же. С. 29]. Мнение В.В. Архипова, В.Б. Наумова состоит в том, что к роботам «могут быть применимы различные аналогии – от правил, применимых к животным (в том числе в случаях ответственности владельца источника повышенной опасности) или к юридическим лицам» [43]. О.А. Ястребов, соглашаясь с тем, что рассуждения о наделении правами субъектов, не принадлежащих к человеческому роду, полезны с точки зрения анализа самой возможности использования аналогии, тем не менее не видит смысла в рассуждениях об эволюционности регулирования в сфере искусственного интеллекта «в силу отсутствия в этой области непрерывности и повторяемости, присущих процессу эволюции». Он оперирует понятием «электронное лицо», понимая под ним «персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект (электронный индивид), обладающий критериями “разумности”» [28. С. 46, 50].

Важный эффект упомянутого законопроекта состоял в том, что после всплеска публикаций дискуссии не прекратились: в той или иной форме вопрос обсуждался в рамках мероприятий по тематике Legal tech. Это свидетельствует о признании проблемы юридическим сообществом, и, значит, до непосредственных правовых решений не так далеко. Некоторые авторы полагают, что они должны быть формализованы в 10–15-летний срок, в противном случае «связанные с этим коллизии станут источником многих социальных противоречий и напряженности» [44]. В целом сформулированные в ходе дискуссии подхо-

ды к развитию правового регулирования в сфере робототехники могут быть представлены следующим образом:

- решение проблем в рамках существующих правовых конструкций (робот – имущество);
- применение права по аналогии;
- изменение подхода к правовой оценке разумных роботов: консервативный вариант – признать их имуществом со специфическими особенностями; инновационный вариант – признать определенную категорию роботов «лицами».

Анализируя как проект, так и различные точки зрения, высказанные по предметам, которые в нем затронуты, можно заметить, что даже мнения конструктивных критиков, признающих пользу законодательных перемен, пронизаны мыслью, что предложенная модель исходит из преувеличенного представления об уровне развития искусственного интеллекта. Позиции авторов, допускающих юридическое «олицетворение» роботов, весьма разнятся и, скорее, пока формируют лишь общий абрис в отсутствие отчетливого представления о системе и последовательности нормативных перемен.

Робот в зарубежных правовых порядках

Теперь обратимся к законодательству и юридической доктрине зарубежных стран. Здесь вопросы правового положения роботов стали разрабатываться раньше, чем в России (хотя и не значительно), причем соответствующие решения находили свое место и непосредственно в законах. Так, в Южной Корее в 2008 г. был принят Закон об умных роботах [45], в котором они понимаются как механические устройства, воспринимающие окружающую среду, распознающие обстоятельства, в которых функционируют, и наделенные способностью самостоятельно передвигаться. Документ в большей степени определяет развитие робототехники, включая меры государственной поддержки; он не затрагивает весь спектр проблем (дискурса), изложенный выше, концентрируясь на вопросах развития робототехники.

Весьма практично поступила Эстония, где в 2017 г. в Закон о дорожном движении от 17 июня 2010 г. [46] были внесены изменения, регулирующие особенности правового режима «самодвижущегося робота», который определяется как передвигающееся на колесах или иной ходовой части в контакте с поверхностью земли, частично или полностью автоматическое или дистанционно управляемое транспортное средство, использующее датчики, камеры или иное оборудование для получения информации об окружающей среде, способное, используя эту информацию, передвигаться (частично или полностью) без контроля водителя. Схожие подходы мы наблюдаем в Германии, где 16 июня 2017 г. был принят Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении [47], разрешивших вопросы передвигания автомобилей со значительной или полностью автоматизированной функцией вождения. Среди закрепленных в законе качеств таких автомобилей – возможность для водителя перевести управление на себя либо деактивировать соответствующее устройство.

Значимым событием в мире робототехники стало объявление в октябре 2017 г. на мероприятии «Инвестиционная инициатива будущего» (г. Эр-Рияд) о том, что человекоподобный робот Sophia, разработанный Hanston Robotics, получил подданство королевства Саудовская Аравия [48]. Более конкретные сведения о последствиях данного акта не раскрывались, хотя экспертов интересовало, получил ли робот какие-то права или правительство лишь собирается разработать систему прав для роботов. Некоторые из них подвергли критике данное решение, посчитав неправильным предоставлять гражданство роботу в ситуации, когда нарушаются права человека [49].

Как хорошо видно из предыдущего изложения, в зарубежных правовых порядках имеется гораздо более существенное продвижение в части учета изменений в «мире» роботов. Во многом это следствие того, что имеющие значение для права вопросы гораздо раньше начали осмысливаться различными исследователями.

Уже во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в ряде зарубежных публикаций вопрос о правах робота был переведен из области научной фантастики в область права. Так, Л. Солум в работе 1992 г. задался вопросом, может ли искусственный интеллект стать лицом в юридическом смысле (*legal person*) [50. С. 1231–1287]. И хотя, по мнению ученого, на тот момент проблема имела сугубо теоретический характер в силу технологических причин, был исследован широкий спектр вопросов правосубъектности искусственного интеллекта (возможность выступать в качестве *trustee*, обладать конституционными правами и т.д.). Представьте себе, – размышлял Л. Солум, – что искусственный интеллект (одно из наделенных им устройств) будет утверждать, что он человек (*person*) и поэтому должен иметь конституционные права [50. С. 1257]. Ответ на этот «гипотетическое» обращение, по мнению ученого, зависит от существа таких прав. Например, им приведены аргументы в пользу предоставления права на свободу слова, поскольку это способствовало бы генерированию полезной информации. Однако самые сложные вопросы, пока не нашедшие окончательного решения, касались наделения искусственных существ правами не для реализации человеческих потребностей, а ради защиты самой искусственной индивидуальности (искусственного интеллекта).

Указанный автор в своих рассуждениях отталкивался от одной из классических американских работ – исследования Дж. Грэя, содержащего обстоятельный и весьма интересный раздел о правосубъектности [51. С. 27–62], где отдельное внимание было уделено вопросам наделения ею неживых объектов (*inanimate thing*). Немало наблюдений Л. Солума, в свою очередь, стали важной отправной точкой для последующей дискуссии о комплексе прав агентов с искусственным интеллектом (*artificially intelligent agents*) как юридических лиц [52. С. 22]. Например, при всех различиях, особенно заметных при сравнении физических лиц и корпораций, правосубъектность обычно предполагает возможность иметь права собственности, выступать истцом и ответчиком в суде [50. С. 1231, 1239].

В том же 1992 г. Л. Уэйн предельно конкретизирует предмет дискурса: будем мы рассматривать автономные машины в качестве простых орудий их собственников или как неодушевленных зависимых юридических агентов (legal agents) принципала-человека [53. С. 105–106]. Данный автор склонен поддержать идею, что автономная техника, наделенная искусственным интеллектом, эволюционирует к точке, когда у некоторых машин появятся обязанности. Сущности, порождающие своеобразные юридические результаты, по его мнению, представляют собой «юридических агентов» и в какой-то степени несут самостоятельную ответственность за свои действия. Однако в связи с тем, что такие устройства порождают ответственность иного характера, нежели люди, выполняющие аналогичные задачи, их правильнее рассматривать как «неполные» юридические лица («incomplete» legal persons) [53. С. 107]. Данный подход впоследствии будет поддержан П. Асаро, допускающим наделение роботов как квазиагентов (quasi-agents) или квази-персон (quasi-persons) правами и обязанностями лишь частично [54]. Логика подобного «усеченного» варианта субъектности во многом подпитывается отсутствием у машин сознания и воли, а также «искусственностью» их интеллекта.

В более развернутом виде вопрос о правосубъектности роботов поставил футуролог Г. Дворски [55], отметив, что развитие искусственного интеллекта и робототехники приближает нас к моменту, когда сложные машины будут соответствовать возможностям человека во всех смыслах, включая интеллект, сознание и эмоции. И тогда придется решить, являются ли они лицами (субъектами права). Постановка вопроса более чем ясна, в ее основе – понимание прогресса, который с неизбежностью приведет к появлению такого класса машин, который «задаст» человечеству вопросы онтологического характера. Однако ответы, которые даются на этот вопрос в различных источниках, разнятся. Часть авторов, подобно Г. Дворски, полагают, что когда развитие машин достигнет определенного уровня, уже не будет веских причин отказывать роботам в правах, поскольку это было бы «равносильно дискриминации и рабству». В обосновании наряду с технологическими аспектами прослеживается морально-этическая сторона, которая, заметим, едва ли не превалирует. Тот же морально-этический посыл, но несколько в другом аспекте, мы находим у В. Хартзога. Ссылаясь на исследования К. Дарлинг [56], чьи работы подтвердили склонность человека к формированию эмоциональных связей с человекоподобными роботами, ученый предупреждает, что насилие над ними влияет на людей. Кто-то, ударив ножом такого робота, может проявить тем самым антигуманные качества, что скажется и на его жизни, и на жизнях других людей. И с этой точки зрения целесообразно наделить роботов правами [57]. В научной литературе можно встретить и обобщенное представление о возможных специальных правах робота, например: не быть отключенным (против его «воли»), право на полный и беспрепятственный доступ к своему коду, право не подвергаться экспериментам, право на создание своей копии, право на неприкосновенность «частной жизни» [58].

В этих рассуждениях невольно проявляется многолетняя дискуссия о правах животных, которых именно гуманизм не позволяет считать безликим имуществом. В некоторых источниках авторы как раз прибегают к этой аналогии. Так, А. Сиддик обращает внимание, что признание прав за животными является напоминанием о том, что не только люди могут быть наделены правами [59]. В пользу наделения правами роботов выдвигаются и иные аргументы гуманистического свойства [60]. Вместе с тем часть исследователей убеждены, что машина останется машиной, она никогда не превзойдет человека и никогда не получит (не должна получить) никаких прав, и уж тем более прав, присущих человеку. Сторонники данной позиции готовы рассматривать роботов в юридическом смысле не более чем рабами, но уж никак не «партнерами» людей [61]. Признание машины сознательным существом, – высказывают опасения эксперты, – обязало бы уважать основные права робота. И – при таком допущении – человечество, следуя логике развития, было бы обречено на исчезновение в результате естественного отбора [62].

Пока явных плодов этой дискуссии на уровне национального законодательства не наблюдается, и право идет по весьма рациональному пути признания необходимости отражения особенностей разумных роботов в правовых нормах именно как машин – объектов прав. Пожалуй, впервые в юридическом дискурсе вопрос о правилах взаимодействия роботов и людей, ранее бывший предметом обсуждения писателей-фантастов (А. Азимов с его тремя законами [63. С. 62–63] и другие), был переведен в практическое русло в принятой 16 февраля 2017 г. Парламентом Европейского Союза резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике» с рекомендациями для Еврокомиссии (European Parliament resolution with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics) (далее – Резолюция о роботах) [54]. Резолюция, ориентированная на разработку законодательства в ближайшие 10–15 лет, предложила характеристики умных автономных роботов (autonomous robots), этический кодекс для их производителей, подпитав дискуссию о наделении роботов в перспективе особым правовым статусом (status of electronic persons), когда наиболее совершенные из них смогут создаваться как электронные лица (персоны) и нести ответственность за причиненный ущерб, если принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами. Среди характеристик умного робота упомянуты способности: 1) становиться автономным; 2) самообучаться; 3) адаптировать поведение.

Специалисты неоднозначно восприняли тезис о наделении роботов правовым статусом, особенно фактическое предоставление прав, тем более «прав человека» [62; 65]. Р. Бикерстаф образно охарактеризовал «причудливыми видениями», основанными на научной фантастике, предложения об электронных лицах [66]. В апреле 2018 г. более 150 экспертов, среди которых специалисты по искусственному интеллекту и робототехнике, лидеры отрасли, специалисты в области права, медицины и этики, разместили От-

крытое письмо Еврокомиссии [67], отметив, что не стоит спешить с наделением роботов статусом электронной личности, такое решение неприемлемо ни с этической, ни с правовой позиций. 25 апреля 2018 г. Еврокомиссия представила ряд мер по развитию робототехники [68], и многие ученые вздохнули с облегчением, поскольку, как заметил Т. Бурри, она не поддалась призывам Европарламента предоставить правосубъектность искусственному интеллекту [69].

10 апреля 2018 г. европейскими государствами была подписана Декларация о сотрудничестве в сфере искусственного интеллекта [70]. Сходные процессы наблюдаются и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В соответствии с Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 7 марта 2017 г. № 2 [71] к группе «отраслей будущего», имеющих высокую степень приоритетности как для большинства государств – членов ЕАЭС, так и для ряда ключевых игроков глобального научно-технологического развития (стран и / или компаний), отнесено производство роботов-помощников, свободно передвигающихся и взаимодействующих с людьми. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» отмечается (в части развития цифровой экономики) необходимость внедрения национального механизма осуществления согласованной политики государств – членов ЕАЭС.

Робот и право будущего. Некоторые выводы

Понятия «субъект права», «лицо», «правосубъектность», «правопособность», по справедливому выражению Г.А. Гаджиева – ««входной билет» в юридический мир» [25. С. 17]. Предоставляет его позитивное право, соответственно, выстраивание субъект-объектной реальности (признание кого-либо субъектом, равно как и признание кого-либо, чего-либо объектом) – это результат сознательной деятельности человека. Человек является первичным и главным субъектом, то есть тем, кто имеет возможность разделять все остальные явления в мире в логике «объект–субъект», именно он (и только он в настоящее время) наделяет тех или иных представителей растительного или животного мира, природные объекты, искусственные (антропогенные) объекты или вымышленные объекты свойством субъекта [26. С. 108].

Поиск оснований для возникновения новой субъектности показывает, что все сводится к вопросу удовлетворения практических потребностей общества: универсального научно обоснованного теста на субъектность не существует. И здесь нельзя не отметить справедливость следующей мысли: субъект права – это социально-правовая реальность. Для права не имеют значения физические свойства человека или организационный, имущественный, людской субстрат юридического лица, а важны лишь их правовые свойства, качества, собственно, и определяющие их как субъектов права [72. С. 24, 109, 120]. Не случайно ряд исследователей, апеллируя к правосубъектности кор-

пораций, подчеркивают, что присвоение отдельного юридического статуса конкретной сущности (реальности) – не более чем фикция, необходимая для адекватного урегулирования отношений в обществе, обеспечения согласованности внутри правовых систем. И если дело доходит до причинения вреда правовым и нравственным устоям человечества, причина этого – в развитии искусственного интеллекта, а вовсе не в наделении его постфактум самостоятельным юридическим статусом [52].

Признавая свободу общества в разрешении вопроса о том, кто есть субъект права, а кто (или что) его объект, тем не менее, стоит уточнить: распространяется ли этот подход (или следует ли его распространить) в полной мере на роботов. Главный вопрос, который возникает в отношении возможного наделения их субъектностью, таков: зачем в принципе роботу субъектность? Этот вопрос можно поставить и несколько иначе: что не устраивает участников отношений в роботе-объекте настолько, чтобы присваивать ему статус субъекта?

При ответе на вопрос «зачем» – особенно в зарубежных публикациях – хорошо прослеживается гуманистический аспект (см. выше), именно соображения гуманизма для многих авторов – основание для изменения правового положения робота. Нам представляется, что соответствующих рассуждений пока весьма мало для того, чтобы на их основе радикально изменять правовое положение робота в сложившейся субъект-объектной систем координат, а возражений для такого изменения более чем достаточно как с практической, так и с онтологической позиций. В частности, велик риск «размывания» фигуры лица, ответственного за причинение вреда: за «маску» робота могут прятаться его реальные причинители. Совершенно очевидно, что для настоящего этапа развития искусственного интеллекта наделение разумных роботов правосубъектностью приведет институт ответственности в кризисное состояние. Вместе с тем уже упоминавшийся Т. Бурри, равно как и авторы Открытого письма Еврокомиссии, уверены, что такая юридическая индивидуальность не является необходимой для решения проблем ответственности, закон не знает недостатка в механизмах для ее установления в ситуациях риска и неопределенности [69]. Сделать ответственным лицом робота, а безответственными – людей, которые являются его творцами, операторами, хозяевами и т.д., – вряд ли идеальная модель для XXI в., по крайней мере (пофантазируем), его первой половины.

Поэтому сложно подвергнуть сомнению тезис Резолюции о роботах: на сегодняшний день ответственность должна лежать на человеке, а не на роботе. Это важно в контексте возмещения ущерба, обеспечения обратной связи, своевременного внесения изменений в технологии. От идеи о полной юридической автономии робота придется отказаться, в том числе исходя из соображений безопасности. Мы должны признать, что пока даже самый технически развитый робот не может принимать решения, требующие моральных суждений, на которые способен только человек. В безнадежной ситуации, когда самодвижущийся

(беспилотный) автомобиль, вовлеченный в аварию, вынужден делать выбор (столкновение более двух машин, травмы большого числа людей или угроза жизни детей), моральное суждение человека-водителя может подсказать решение, – пусть менее рациональное, но позволяющее защитить детей как наиболее уязвимых участников отношений.

Если подойти к вопросу о наделении роботов правосубъектностью в другом упомянутом нами аспекте – «что не устраивает», то вот здесь очевидна более продуктивная линия рассуждений. «Не устраивает», как думается, то, что появился феномен, который нельзя в полной мере отнести только к категории механизмов – он сам программирует свое поведение (хотя и в известных рамках); «не устраивает» то, что разумный робот способен к самообучению, которое осуществляется, в том числе исходя из его собственного опыта, и это не позволяет «назначить» ответственным за деяния робота ни его разработчика, ни программиста, ни владельца. «Не устраивает» то, что отсутствуют системные юридические решения по дальнейшему развитию разумных роботов, а это порождает страх утраты контроля как за технологиями, так и за людьми, которые их могут использовать во все не для блага общества, а во вред ему, отдельным его членам и группам. Наконец, «не устраивает» то, что умный робот может внешне почти не отличаться от человека, а мы уже упоминали, что люди относятся к антропоморфным роботам как к себе подобным [57; 73], и к тому же быть в очень высокой степени социализирован (робот-помощник). В. Хартзог верно подметил, что, возможно, главная причина, по которой мы уязвимы для роботов, – то, что мы им доверяем [74. С. 791]. Все эти аспекты (а это, как видно, не только ответственность, но и определенные морально-этические вопросы) современное право не учитывает.

Следует ли для решения этих вопросов ставить сегодня вопрос о субъектности роботов? Нам представляется это нецелесообразным. Пока их можно достаточно успешно решать в рамках совершенствования действующего регулирования. Примечательно, что некоторые исследователи изыскивают возможности отнесения искусственного интеллекта к юридическим лицам и в рамках существующих законов. В частности, Ш. Байерн продемонстрировал, как корпоративное право США может быть использовано для создания компании, контролируемой искусственным интеллектом, в результате чего последний, по мнению ученого, приобретает правосубъектность на основе действующих норм [75].

В целом же можно отметить, что даже у противников фундаментального (универсального) закона о роботах [66], которые подобно Дж. Штраубу постоянно напоминают юридическому сообществу, что именно отсутствие регулирования позволило Интернету в полной мере развить свой потенциал [76], нет сомнений в необходимости совершенствования законодательства. По образному выражению О. Этциони, «лошадь» искусственного интеллекта покинула конюшню, и лучше всего попытаться управлять ею (искусственный интеллект не должен быть вооружен,

и его следует снабдить неуязвимым, надежным «выключателем») [77]. Данный автор убежден, что не следует пытаться обуздать быстро развивающуюся отрасль в целом, регулирование должно быть сосредоточено лишь на сферах с наиболее ощутимым воздействием (например, безопасность при применении автономных транспортных средств). Его подход созвучен выводам О.А. Ястребова о том, что хотя многие отрасли российского права успешно справляются с проблематикой автономных роботов, обозначились приоритетные для введения регулирования сферы: безопасность, юридическая ответственность, защита прав потребителей, интеллектуальная собственность и т.д. [78. С. 283].

Такая тактика нормативного «продвижения» не вызывает возражений при условии, что изменения будут носить комплексный, взаимосвязанный характер, а это невозможно без выработки хотя бы самых общих принципов с осознанием динамики регуляторных усилий. Например, по мнению Х. Эйденмюллера, правовое регулирование в рассматриваемой сфере должно быть: 1) предметным (учитывать специфику роботов) и контекстно-зависимым (с глубоким пониманием микро- и макроэффектов их поведения в конкретных сферах); 2) существующие правовые категории – с учетом изменения – могут применяться к роботам и регулированию соответствующих отношений; 3) законы в сфере робототехники формируются исходя из характера общества, под влиянием его глубинных нормативных моделей (основ); и если эта структура прагматична, в недалеком будущем умные роботы (smart robots) должны быть наделены правосубъектностью, получить возможность приобретать имущество (владеть им) и заключать договоры. Доводы против обращения с роботами как с людьми опираются на гносеологические и онтологические аргументы: могут ли машины думать и что значит быть человеком [11].

Заметим, что даже при наличии высокого уровня физической автономии разумный робот не обязательно может (и должен) быть наделен автономией юридической. Можно согласиться с тем, что на современном этапе даже самые «продвинутые» разумные роботы должны быть признаны «имуществом особого рода» [30]. В рамках этой модели, которая, как нам представляется, сама по себе достаточно революционна, можно решить практические вопросы, возникающие в связи с развитием роботов. Она в полной мере отражает реальность, в которой роботы перестали быть только манипуляторами с заранее известной программой и требуется урегулировать множество вопросов, связанных с разумными роботами. Например, О. Этциони предложены три правила, вдохновленные законами А. Азимова, согласно которым система искусственного интеллекта должна: 1) подчиняться всему спектру законов, которые применяются к оператору-человеку. Это предотвратит оправдание незаконных действий на том основании, что они совершены искусственной сущностью; 2) четко раскрывать, что это не человек, чтобы предотвратить в том числе потенциальное мошенничество; 3) исключать хранение или раскрытие конфиденциальной инфор-

мации без явного одобрения ее источника. Это необходимая предосторожность, так как искусственный интеллект способен запрашивать, поглощать (усваивать), анализировать и использовать информацию намного быстрее людей [77].

Однако все эти рассуждения касаются исключительно текущего этапа. Между тем искусственный интеллект становится все более совершенным, а потому в будущем вопрос о субъектности вновь может стать не предметом теоретических рассуждений, а практической проблемой для правовой системы. Сложно сказать, что может послужить импульсом для этого, достаточно ли, чтобы наука получила доказательства, того, что появился субъект, обладающий сознанием человека [25. С. 29], или это может произойти при наличии каких-то иных обстоятельств. Однако понятно, что для права возникнет вопрос, который перед ним ставился в истории не так часто: создать нового субъекта права.

Первый возможный путь – «отождествление» робота с человеком. Теоретически представить такое решение возможно, особенно с учетом стремления ученых создать в максимальной степени человекоподобного робота (андроида). Именно человек, как справедливо отмечается исследователями, является естественной отправной точкой для анализа правосубъектности [79. С. 22]. Впрочем, для этого юридического концепта есть и существенное возражение: интеллект робота не естественный, а искусственный, это не живое существо в биологическом смысле, а потому в лице робота перед нами все-таки нечто иное, а не человек, робот не наделен естественными правами. Его права вторичны, производны от человека. М. Бенасайг отмечает абсурдность вопроса о том, может ли машина заменить собой человека. По его мнению, смысл явления придает живое существо, а не математические расчеты; машина не способна осмыслить свои действия [80. С. 15–16]. Отметим, что многим экспертам робот видится – даже в перспективе – не как «электронный человек», истинный юридический актор. Они более склонны рассматривать его как вымышленную интеллектуальную конструкцию.

Скорее всего, на определенном этапе развития технологий придется пойти по пути создания юридической личности (юридического лица в его классическом понимании). С советского времени мы тяготеем к узкому определению юридического лица как некой организации (ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации), между тем есть и иная точка зрения, согласно которой юридическое лицо – это лицо, не являющееся человеком («всякое отвлеченное понятие, которому присваиваются права и обязанности» [81. С. 50], «все лица в юридическом смысле, которые не суть человеческие существа» [82. С. 17], «все то, что не будучи человеком способно состоять правовым субъектом» [83. С. 1–2]). Через конструкцию юридического лица в принципе можно наделить субъектностью любой феномен (природный объект, живое существо, вымышленного субъекта).

При использовании такого приема может возникнуть ложное чувство определенности, связанное с восприятием конструкции юридического лица в сего-

дняшних представлениях о нем. Оно состоит в том, что за искусственно сконструированным лицом, не существующим в реальности, всегда «проглядывает» человек. Соответственно, он и остается истинным действующим лицом. Ошибочность данного предположения заключается в том, что разумный робот – вовсе не аналог животного или какого-либо известного правовой науке искусственного (вымышленного) лица. В силу своей разумности, автономности, человекоподобности он не похож ни на что, известное ранее. Это новый участник социальной жизни, способный – независимо от человека и непредсказуемо для него – действовать во внешнем мире. И при всей стандартности подхода к созданию нового субъекта его реализация невозможна без формирования новых институтов, очертания которых еще не столь отчетливы и будут открываться для юридической действительности по мере развития действительности технологической. Среди проблем, затрудняющих законодательные решения в сфере искусственного интеллекта, в литературе обоснованно отмечаются опережающее развитие технологий (по сравнению с регулированием) и ограниченность механизмов обеспечения соблюдения правовых норм [84].

При этом несложно подобрать термин для обозначения нового субъекта: «электронное лицо», «механическое лицо», «биомеханическое лицо» – строго говоря, большого значения это не имеет. Важно, каким объемом прав это производное от человека лицо будет им наделено. Не потерял актуальности тезис Л. Уэйна об иерархии правовых статусов роботов, когда наиболее продвинутые устройства смогут подниматься выше статуса юридического агента и – по аналогии с корпорациями – быть наделены достаточно весомым объемом прав и обязанностей [53. С. 109]. Видимо, разные роботы получат различный объем прав. Так, электронное / механическое лицо определенного (высокого) уровня интеллекта и главное – автономности может быть наделено правами на машинно-генерируемое произведение, что позволит учесть специфику указанных прав, особенности их реализации и доступа к таким произведениям. Важно и то, как будет описана имущественная сфера, возможности этого лица (к примеру, обязательность надления фондами, поддерживаемыми на установленном в законе уровне, при отсутствии которых может вставать вопрос о прекращении существования такого лица).

Еще большее значение будет иметь, каким образом и насколько за этой новой личностью будет «проглядывать» человек или в перспективе его присутствие будет в максимально возможной степени «стерто»? Пока представляется возможным следующее решение: каждому сложному, наиболее конструктивно-развитому электронному / механическому лицу должен назначаться «опекун», что позволит в том числе разрешать вопросы судебного представительства. Для определенной категории роботов это должны быть квалифицированные лица, несущие ряд обязанностей публичного характера. Такая конструкция поможет исключить коллизии между множественностью субъектов, которые имеют отношение к роботу

и потенциально ответственны за последствия его действия (бездействия). Все указанные изменения повлекут совершенствование не только гражданского законодательства, но и норм различных публичных отраслей законодательства.

Особый вопрос – сам порядок «рождения» новой личности. В силу ее производного характера и специфики появления здесь должно быть жесткое регулирующее начало: новое лицо может считаться возникшим и наделенным правами с момента создания, который следует отсчитывать не ранее даты регистрации в специальном реестре с присвоением индивидуального названия (номера), что позволяло бы установить характеристики лица, идентифицировать физических и / или юридических лиц, которые являются его производителями (создателями), владельцами, «учителями», пользователями (операторами). Без решения этих основополагающих вопросов сложно достичь консенсуса в отношении модели ответственности. Причем если в настоящее время распространенной идеей является введение ответственности за действия робота, то нам представляется не менее проблемным его непонятное (непрогнозируемое) бездействие. В Резолюции о роботах отдано предпочтение двум принципам: объективной ответственности и управления рисками. Однако такое решение не является единственно возможным, экспертами обсуждаются и иные конструкции, в том числе подходы, близкие модели уголовной ответственности корпораций [85].

По мнению ряда исследователей, в отличие от уголовного права, систему гражданского права возможно приспособить для введения ответственности роботов. При этом страны, которым известен институт уголовной ответственности корпораций, справятся с этой проблемой быстрее [86]. Государства, чья доктрина сопротивляется идее распространения уголовной ответственности на корпорации, будут вырабатывать иные механизмы, поскольку основные теоретические возражения убедительны и в отношении искусственного интеллекта. Ведь даже если предположить, что робот способен на суждения, он, по крайней мере на сегодняшний день, не имеет собственной цели и не понимает социальных (не говоря уже о нравственных) последствий своих действий. Роботы неспособны к осознанию противоправности своего поведения. Их можно научить принимать решения на основе оценки собственных возможностей, отказываться от выполнения задачи, если это обусловлено причинением ущерба, однако специалисты так и не ответили на главный вопрос: сможет ли робот воспринять систему принятия решений, основанную на морали, учитывая, что человеческие ценности сложны и их трудно даже конкретизировать [87]. Здесь мы подходим к вопросу о необходимости разделения машинной этики (что пока еще ближе к области научной фантастики) и этики для создателей роботов. В Резолюции о роботах отмечается, что этические законы адресованы разработчикам, производителям и операторам, поскольку их невозможно преобразовать в машинный код.

Упомянутые идеи, несмотря на сложность реализации, все-таки не подрывают веру в реальность раз-

работки нормативных моделей. Однако следует отметить вот какую мысль: пока мы рассуждаем о том, следует ли наделять робота правосубъектностью, пришло ли для этого время и т.д., может так случиться, что такая субъектность возникнет фактически. В сущности, именно эти опасения и высказывают И. Маск, С. Хокинг и другие известные ученые, футурологи, практики, когда указывают на риски, возникающие в связи с бесконтрольным развитием искусственного интеллекта. Такая фактическая субъектность может привести к тому, что новые сущности могут начать воспроизводить собственную «жизнь», по своему автономному усмотрению формируя субъект-объектную реальность [26. С. 116–117]. Это гораздо серьезнее, нежели вопрос о субъектности робота. Должны ли и как, если должны, разрабатываться технологии, которые помогут выходу искусственного интеллекта из-под контроля человека? Проблема (во многом не правовая, а этическая) уже давно обсуждается учеными, правда, пока без системного понимания того, к чему вообще могут привести эксперименты с искусственным интеллектом. Весьма интересен в данном контексте взгляд Ю.Н. Харари, оценивающего создание небиологических существ в качестве одного из способов изменения законов природы, вытеснения естественного отбора продуманным дизайном [88. С. 482, 492].

К числу острых этических проблем относится, в частности, разработка автономных роботизированных систем для военных целей. В данной нише развития искусственного интеллекта непопулярны законы А. Азимова, основное начало которых – непричинение роботом вреда человеку. Вместе с тем и новых согласованных подходов пока не предложено, несмотря на активную дискуссию экспертов [89–91]. Некоторые из них даже проявляют оптимизм [89. С. 19], отмечая, что если мы начнем уже сейчас учитывать этические нормы при конструировании такого оружия, то постепенное движение к полной машинной автономии может быть использовано для того, чтобы служить целям закона на поле битвы.

Боевые автономные роботизированные системы (Lethal autonomous robotics (LARs), Lethal autonomous weapons (LAWs)) способны выбирать и поражать цели без вмешательства оператора. Вместе с тем, как отмечает П. Асаро, в международном гуманитарном праве содержится имплицитное требование: решения о применении смертоносной силы должны приниматься человеком, и этот процесс не может делегироваться машинам [92]; машина, независимо от того, насколько она совершенна технически, не сможет заменить присутствие истинно нравственного агента (человека), обладающего совестью и способностью к моральному суждению [89].

В 2013 г. в международной повестке в рамках многостороннего форума впервые был заострен вопрос о контроле над роботизированными вооружениями. Это произошло после того, как специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях К. Хейнс подготовил доклад, в котором рекомендовал ввести национальный мораторий на ав-

тономное оружие и учредить группу высокого уровня по данным вопросам. В документе отмечалось, что перспектива появления указанного оружия будет «стирать различие между вооружениями и воинами, поскольку такие системы будут автономно принимать решения о своем использовании». Контролируемая автономия означает присутствие оператора «над контуром управления» (в отличие от «в контуре» или «вне контура»). Такой оператор контролирует и может отменить решения робота. Однако возможность отмены может в реальности быть весьма ограничена, поскольку процесс принятия решения роботами зачастую измеряется наносекундами, и информационная база таких решений может быть недоступна для контролера [93].

27–31 августа 2018 г. в Женеве под эгидой ООН прошли переговоры Группы правительственных экспертов по смертоносным автономным системам (Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS)) [94], где были согласованы несколько принципов, на которых мог бы базироваться подход международного сообщества. Одним из ключевых является необходимость сохранить ответственность человека за принятие решений о применении данных систем (ответственность не может быть передана машинам) [95]. Основной проблемой в дискуссии, по мнению России, продолжает оставаться отсутствие реально работающих образцов автономных систем вооружений, трудность проведения разграничения между гражданскими и военными разработками, основанными на одних и тех же технологиях. Здесь необходим сбалансированный, взвешенный учет как гуманитарных озабоченностей, так и законных оборонных интересов государств [96].

Заметим, что социальные роботы, получившие широкое распространение, также порождают немало этических проблем, многие из которых затрагивают сферу права. Так, в Докладе независимого эксперта для Совета по правам человека при ООН (2017 г.) отмечается, что «использование ассистивных технологий и робототехники при уходе за пожилыми людьми может повысить их достоинство или, наоборот, унизить его». По мере того, как технические средства становятся более сложными и автономными, возникает необходимость интеграции правозащитного подхода в процесс их разработки, планирования и внедрения [97]. Несмотря на известную фантастичность проблематики, важные ориентиры могут быть намечены в соответствии с общепризнанными принципами международного права и конституционными основами: каждый имеет право на жизнь; достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления и т.д. В целом следует отметить, что значение конституционных принципов здесь многоаспектно:

1) идентификация основных прав и свобод человека, обязательных для соблюдения, даже если при этом сдерживаются инновационные процессы. Вспомним, например, закон о временном запрете на клонирование человека [98];

2) установление пределов в использовании технологий (гарантии безопасности). При наличии угрозы причинения вреда подлежащим защите конституционным ценностям ответственное отношение состоит в

запрете (моратории) на разработку, производство, распространение определенных робототехнических устройств;

3) выявление приоритетных целей и направлений развития: предоставление благоприятного режима технологиям, гарантирующим реализацию основных прав (стимулирование), и наоборот, создание правового заслона для технологий, не соответствующих этим целям.

В заключение от вопроса о том, каким образом следует регулировать отношения, которые связаны с роботами в праве, перейдем к не менее важному аспекту: как изменится само наше представление о праве в связи с развитием умных роботов

Относительно существующего подхода приведем мнение Г.Ф. Шершеневича: «...правовые нормы имеют своей задачей определить поведение человека относительно других людей» [99. С. 36]. Соответственно, когда мы пытаемся урегулировать взаимодействие людей (физических / юридических лиц) по поводу роботов, это, безусловно, вопросы права. Но как относиться (и как квалифицировать) к взаимодействию нескольких разумных роботов между собой без участия человека?

Право создавалось людьми и для людей, что предопределило его структуру, набор специфических средств и способов воздействия, сложное сочетание с другими регуляторами, например моралью. Если учитывать особенности искусственного интеллекта, возникают сомнения в применимости к подобным отношениям такого инструмента социального регулирования, содержащего много допущений. Следует признать, что роботы воспримут систему норм, которая будет заложена в них человеком. То есть они вберут в себя правила, рожденные человечеством исходя из его уникального социального опыта. Вместе с тем разумные роботы смогут осваивать мир и развивать собственное представление о правилах бытия, накапливая опыт, адаптируя изначально заданную систему норм и создавая нечто, отличное от нее. Человечество заметит рождение этого феномена, когда появится достаточно значительная общность сходных по характеристикам разумных роботов, существенным образом влияющих на жизнь людей, способных к самоидентификации себя как единого «сообщества» и выстраивающих взаимоотношения с учетом «своих» правил-алгоритмов. Тогда есть вероятность возникновения проблемы взаимодействия норм «естественных» и «искусственных», и человечеству, привыкшему к вербальной форме выражения права, возможно, придется осваивать иные, в том числе цифровые, формы.

И здесь, конечно, надо внимательно анализировать некоторые новые веяния в юридической доктрине, в частности, тенденцию к использованию математических методов в праве. Сторонники данного подхода исходят из того, что право стремится к полной формализации, и «система права в идеале состоит из типологических высказываний, соединенных правилами логики» [100]. Критики такой позиции не без оснований отмечают, что «важной внутренней причиной, которая препятствует машинизации права, является...

воля человека» [101. С. 37]. Однако этот контраргумент убедителен, когда мы рассуждаем о праве, допущение же возникновения нового регулятора позволяет предположить, что алгоритмический подход не лишен определенных перспектив.

Технологии и их развитие – давно уже не просто цель регулирования, они – самостоятельный актор, «провоцирующий» новые формы и расширяющий возможности регуляции, обогащающий юридический инструментарий. Однако есть и опасение, что мы попадаем в рабство к алгоритмам, которые все чаще воздействуют на нашу жизнь. Некоторые из них опосредуют каналы коммуникации и рекламы в социальных сетях, в поисковых системах или на новостных сайтах. Другие используются для принятия жизненно важных решений в таких областях, как кредитование, занятость, образование и даже правосудие. Ответственность лишь относительно недавно осознала, каким образом ее судьба может регулироваться системами, которые она не понимает и не может контролировать. В известной книге Ф. Паскуале описывается это как «общество черного ящика» (black box society) [102. С. 3]. Отсюда все более частые призывы к регулированию алгоритмического процесса принятия решений. Дополнительный импульс им придало вступление в силу 25 мая 2018 г. Общего Регламента ЕС о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR) [103]. В соответствии с положениями статьи 22 данного документа субъект данных должен иметь право не подпадать под действие решения, основанного исключительно на автоматической

обработке, которое порождает юридические последствия (воздействует) в отношении него или нее.² При оценке предложенных принципов (санация данных (data sanitization) и алгоритмическая прозрачность (algorithmic transparency)) в литературе высказываются аргументы в пользу «аудита алгоритмов» [104].

Противники негативного отношения к алгоритмам отмечают, что призывы к ограничениям, особенно что касается искусственного интеллекта, проистекают из распространенных, но ошибочных представлений о том, что такие технологии создают стимулы для их использования во вред людям и что существующие законы недостаточны для эффективного надзора. Получившие известность истории о потенциальном вреде алгоритмов (например, алгоритмы оценки риска в системе уголовного правосудия, которые демонстрируют расовую предвзятость) таких экспертов не убеждают. Они уверены, что вероятность реализации рисков завышена, рыночные механизмы не позволят системам с неудачными решениями получить широкое распространение, а самое главное – регуляторные запреты будут вести к ограничению инноваций [105]. В научной литературе немало таких мнений-опасений стагнации искусственного интеллекта вследствие «за-регулированности» [106]. Заметим, однако, что его развитие не является самоцелью. При правовом регулировании важно найти тонкую грань между преимуществами и социально-экономическими рисками роботизации. Мы не должны построить общество, в котором машина станет нормой, а человек – исключением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим, что вопросы робототехники и искусственного интеллекта в различной степени затрагивались и в иных документах, в частности, в поручениях Президента Российской Федерации (к примеру, см.: поручение Пр-1566, п. 3б [37]).

² Данное положение не применяется, если решение необходимо для заключения или исполнения договора между субъектом данных и контролером данных; допускается законодательством ЕС или государства – члена ЕС, под действие которого подпадает контролер и которое также устанавливает приемлемые меры защиты прав, свобод и законных интересов субъекта данных или основывается на прямом согласии субъекта данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПб ГУП, 2011. 408 с.
2. Воротников С.А. Информационные устройства робототехнических систем. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. 384 с.
3. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 26 июня 1989 г. № 213/11-39 «О внесении дополнений в Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих, выпуск 2, утвержденный постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 16 января 1985 г. № 17/2-54, с дополнениями, утвержденными постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 23 июня 1986 г. № 234/14-55». URL: www.consultant.ru
4. Концепция совершенствования организации и нормирования труда в условиях перехода к рыночной экономике, утвержденная постановлением Госкомтруда СССР от 14 ноября 1990 г. № 429 «О концепции совершенствования организации и нормирования труда в условиях перехода к рыночной экономике». URL: www.consultant.ru.
5. Макаров И.М., Топчиев Ю.И. Робототехника: история и перспективы. М.: Наука; Изд-во МАИ, 2003. 349 с.
6. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2018. 1408 с.
7. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. 2-е изд. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2018. 1104 с.
8. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
9. Keisner A., Raffo J., Wunsch-Vincent S. Robotics: Breakthrough Technologies, Innovation, Intellectual Property // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10, № 2. P. 7–27.
10. Hoadley D., Lucas N. Artificial Intelligence and National Security. Congressional Research Service. April 26, 2018. 142 p.
11. Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans (March 26, 2017). Oxford Legal Studies Research Paper. 2017. № 27. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941001> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2941001> (дата обращения: 15.08.2018).
12. Richards N.M., Smart W.D. How should the Law Think about Robots? // Robot Law. Ed. by R. Calo, A.M. Froomkin, I. Kerr. Cheltenham, UK. Northampton, USA. Edward Elgar Publishing, 2016. 402 p.
13. Calo R. Robotics and the new cyberlaw. 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/272547345_Robotics_and_the_New_Cyberlaw (дата обращения: 28.08.2018).
14. Хаванова И.А. Виртуальное и реальное: теория потоков в контексте налогово-правового регулирования // Финансовое право. 2017. № 4. С. 35–40.
15. Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 63–71.

16. Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // *Ethics and information technology*. 2004. № 6 (3). P. 175–183.
17. Stephen Hawking: Transcendence looks at the implications of artificial intelligence – but are we taking AI seriously enough? // *Independent*. Thursday 1 May 2014. URL: <https://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-9313474.html> (дата обращения: 01.09.2018).
18. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.
19. Маск И. Интервью, данное на World Government Summit в Дубае. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0Nbs6QRClQq> (дата обращения: 01.09.2018).
20. Новицкая Ю., Каляев И. Миф об искусственном интеллекте. Беседа с членом-корреспондентом РАН, профессором Игорем Каляевым. URL: <http://zavtra.ru/blogs/mif-ob-iskusstvennom-intellekte>; <http://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=8d311816-7c78-4892-a202-1ccbf2983b09> (дата обращения: 15.08.2018).
21. Fox S. Cyborgs, Robots and Society: Implications for the Future of Society from Human Enhancement with In-The-Body Technologies // *Technologies*. 2018. URL: <https://www.mdpi.com/journal/technologies> (дата обращения: 15.08.2018).
22. Пушкарев А.В. Философские основания искусственного интеллекта : дис. ... канд. философских наук. Уфа, 2017. 164 с.
23. Степин В.С., Аршинов В.И., Гусейнов А.А., Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Федотова В.Г. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Степина // *Вопросы философии*. 2017. № 12. С. 5–31.
24. Yampolskiy R.V., Fox J. Artificial General Intelligence and the Human Mental Model. In *Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment*. Edited by Amnon Eden, Johnny Søraker, James H. Moor, and Eric Steinhart. Berlin : Springer. 2012. URL: <https://intelligence.org/files/AGI-HMM.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).
25. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования экономики) // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 15–30.
26. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 2(121). С. 105–121.
27. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.
28. Ястребов О.Я. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Том 13. № 2. С. 36–55.
29. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 157–170.
30. Иванов А.А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? (15.02.2017). URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovcakh (дата обращения: 26.08.2018).
31. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // *Юридические исследования*. 2017. № 8. С. 14–25.
32. Классификатор ЕСКД. Класс 44. Оборудование технологическое специфическое, утвержденное постановлением Госстандарта СССР от 6 сентября 1979 г. № 100; «ГОСТ 26329-84 (СТ СЭВ 4292-83). Государственный стандарт Союза ССР. Машины вычислительные и системы обработки данных. Допустимые уровни шума технических средств и методы их определения», утв. Постановлением Совмина РСФСР от 30 июня 1987 г. № 275 «О мерах по дальнейшему совершенствованию работы жилищно-коммунального хозяйства в РСФСР»; «Общесоюзный классификатор. Стандарты и технические условия. ОКСТУ 1 80 011», утвержденный решением Госстандарта СССР от 13 ноября 1980 г. № 38. URL: www.consultant.ru
33. «ГОСТ Р 54344-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Техника пожарная. Мобильные робототехнические комплексы для проведения аварийно-спасательных работ и пожаротушения. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний», утвержденный в действие Приказом Росстандарта от 28 июня 2011 г. № 158-ст; «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности», утвержденный приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст; «ГОСТ Р ИСО 9999-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Вспомогательные средства для людей с ограничениями жизнедеятельности. Классификация и терминология», утвержденный и введенный в действие приказом Росстандарта от 23 сентября 2014 г. № 1177-ст; «ГОСТ Р 60.0.0-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация», утвержденный и введенный в действие приказом Росстандарта от 29 ноября 2016 г. № 1842-ст.
34. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утвержденный приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст.
35. ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices. Classification». URL: <https://www.iso.org/standard/55890.html> (дата обращения: 01.09.2018).
36. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: www.consultant.ru
37. Перечень поручений по итогам встречи с участниками форума «Интернет-предпринимательство в России», состоявшейся 10 июня 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/46152> (дата обращения: 01.09.2018)
38. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. URL: www.consultant.ru
39. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: www.consultant.ru
40. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: www.consultant.ru
41. Перечень поручений от 16 марта 2018 по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. URL: www.consultant.ru
42. Проект закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». URL: https://vk.com/doc3420_439923163?hash=0a76aafed49c254276&dl=a16c15f566c9bef73f (дата обращения: 26.08.2018).
43. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // *Информационное право*. 2017. № 1. С. 19–27.
44. Шустиков В. Коллизии «права роботов». URL: http://sk.ru/news/b/press/archive/2017/05/25/kollizii_1c20_prava-robotov_1d20.aspx (дата обращения: 25.08.2018).
45. Закон об умных роботах. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=17399&type=part&key=18 (дата обращения: 25.08.2018).
46. Закон о дорожном движении от 17 июня 2010 г. <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%20%D0%9E%D0%94%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%96%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%94%D0%92%D0%98%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%98%2002.07.2018.pdf> (дата обращения: 25.08.2018).
47. Закон о дорожном движении от 16 июня 2017. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl_start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D__bgbl_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D__1533560692630 (дата обращения: 06.08.2018).

48. Cuthbert O. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot. URL: <http://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia> (дата обращения: 26.08.2018).
49. Greene T. Opinion: Saudi Arabia was wrong to give citizenship to a robot. URL: <https://thenextweb.com/artificial-intelligence/2017/10/31/opinion-saudi-arabia-was-wrong-to-give-citizenship-to-a-robot/> (дата обращения: 26.08.2018).
50. Solum L. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review, (April 1992). URL: <http://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3447&context=nclr> (дата обращения: 26.08.2018).
51. Gray J. The nature and sources of the Law. New York. The Columbia University Press. 1909. 349 p.
52. Filipe M. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control (June 1, 2017). Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2985466> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2985466> (дата обращения: 26.08.2018).
53. Wein L. The Responsibility of Intelligent Artifacts: Toward an Automation Jurisprudence // Harvard Journal of Law & Technology. 1992. Vol. 6, Fall Issue. P. 103–154.
54. Asaro P.M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective. 2007. URL: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 21.08.2018).
55. Dvorsky G. When will robots deserve human rights. URL: <https://gizmodo.com/when-will-robots-deserve-human-rights-1794599063> (дата обращения: 27.08.2018 г.).
56. Darling K. Extending Legal Rights to Social Robots. 2012. URL: http://robots.law.miami.edu/wp-content/uploads/2012/03/Darling_Extending-Legal-Rights-to-Social-Robots.pdf (дата обращения: 27.08.2018 г.).
57. Callahan M. Should robots have rights? URL: <https://phys.org/news/2017-12-robots-rights.html> (дата обращения: 21.08.2018).
58. Dvorsky G. When the Turing Test is not enough: Towards a functionalist determination of consciousness and the advent of an authentic machine ethics. URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2012/03/when-turing-test-is-not-enough-towards.html> (дата обращения: 21.08.2018).
59. Siddique A. Robot rights? URL: <https://www.citylawsociety.co.uk/single-post/2017/12/18/ROBOT-RIGHTS> (дата обращения: 21.08.2018).
60. Renstrom J. Should Robots Have Rights? URL: <https://www.thedailybeast.com/should-robots-have-rights> (дата обращения: 21.08.2018).
61. Bryson J. Robots Should Be Slaves // <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/Bryson-Slaves-Book09.html> (дата обращения: 21.08.2018).
62. Nevejans N. European civil law rules in robotics: study for the JURI Committee. European Parliament. Directorate-General for Internal Policies, Policy Department C, Citizens' Rights and Constitutional Affairs, Legal Affairs. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf) (дата обращения: 21.08.2018).
63. Азимов А. Runaround / I, Robot = Я, робот. СПб. : Антология, 2018. 320 с.
64. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2017-0051#BKMD-12> (дата обращения: 01.08.2018). Перевод на русский язык доступен: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 21.08.2018).
65. Caytas J. European Perspectives on an Emergent Law of Robotics (April 4, 2017). Columbia Journal of European Law : Preliminary Reference (Apr. 4, 2017). Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2956958/> (дата обращения: 21.08.2018).
66. Bickerstaff R. Do we need robot law?. URL: <https://www.britac.ac.uk/events/do-we-need-robot-law> (дата обращения: 15.08.2018).
67. Open letter to the European commission artificial intelligence and robotics. URL: <http://www.robotics-openletter.eu/> (дата обращения: 21.08.2018).
68. Artificial intelligence: Commission outlines a European approach to boost investment and set ethical guidelines. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-3362_en.htm (дата обращения: 21.08.2018).
69. Burri T. The EU is right to refuse legal personality for Artificial Intelligence. URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/opinion/the-eu-is-right-to-refuse-legal-personality-for-artificial-intelligence/> (дата обращения: 29.08.2018).
70. Declaration of cooperation on Artificial Intelligence. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/2018aideclarationatdigitaldaydocxpdf.pdf> (дата обращения: 29.08.2018).
71. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 7 марта 2017 г. № 2 «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование». URL: www.consultant.ru
72. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2004. 469 с.
73. Darling K., Nandy P., Breazeal C. Empathic Concern and the Effect of Stories in Human-Robot Interaction (February 1, 2015). Proceedings of the IEEE International Workshop on Robot and Human Communication (ROMAN), 2015. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2639689> (дата обращения: 21.08.2018).
74. Hartzog W. Unfair and Deceptive Robots // 74 Md. L. Rev. 785 (2015). P. 785–829.
75. Bayern Sh. The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems // 19 Stanford Technology Law Review 93 (2015). P. 93–112.
76. Straub J. Does regulating artificial intelligence save humanity or just stifle innovation? (October 23, 2017). URL: <https://theconversation.com/does-regulating-artificial-intelligence-save-humanity-or-just-stifle-innovation-85718> (дата обращения: 31.08.2018).
77. Etzioni O. How to Regulate Artificial Intelligence. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/01/opinion/artificial-intelligence-regulations-rules.html> (дата обращения: 31.08.2018).
78. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти проф. С.Н. Братуся. М. : Статут, 2017. С. 271–283.
79. Zimmerman E. Machine Minds: Frontiers in Legal Personhood (February 12, 2015). Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2563965> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2563965> (дата обращения: 31.08.2018).
80. Бенасайяг М. Мышление за пределами мозга // Искусственный интеллект: перспективы и угрозы. Курьер ЮНЕСКО. Июль–сентябрь 2018 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002652/265211r.pdf> (дата обращения: 31.08.2018).
81. Пахман С. О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30 августа 1861 года. Харьков : В Университетской Типографии, 1861. 159 с.
82. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам. В применении к русскому законодательству. Опыт систематического обозрения. С.-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1879. 143 с.
83. Азаревич Д.А. Юридические лица // Временник Демидовского юридического лицея. Книга двадцать восьмая. Ярославль : В типографии: Губернского Правления, Земской Управы и г. Фальке в Ярославле, 1882. С. 1–84.
84. Guihot M., Matthew A. F., Suzor N. P. Nudging robots: Innovative solutions to regulate artificial intelligence. Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. 2017. URL: http://www.jetlaw.org/wp-content/uploads/2017/12/2_Guihot-Article_Final-Review-Complete_Approved.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
85. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities - from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal: 2010. Vol. 4, is. 2. Article 1. P. 171–201.
86. Gless S., Silverman E., Weigend T. If Robots Cause Harm, Who Is to Blame? Self-Driving Cars and Criminal Liability (January 29, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2724592> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2724592> (дата обращения: 01.09.2018).
87. Muehlhauser L., Salamon A. Intelligence explosion: Evidence and import. In Singularity hypotheses: A scientific and philosophical assessment, ed. A. Eden, J. Søraker, J. H. Moor, and E. Steinhart. The Frontiers Collection. Berlin : Springer. 2012. URL: <https://intelligence.org/files/IE-El.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).

88. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; пер. с англ. Л. Сумм. М. : Синдбад, 2017. 570 с.
89. Anderson K., Waxman M. Law and Ethics for Robot Soldiers (April 5, 2012). Policy Review, 2012; Columbia Public Law Research Paper No. 12–313; American University, WCL Research Paper № 2012-32. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2046375> (дата обращения: 01.09.2018).
90. Anderson K., Waxman M. Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems: Why a Ban Won't Work and How the Laws of War Can (April 10, 2013). Stanford University, The Hoover Institution (Jean Perkins Task Force on National Security and Law Essay Series), 2013; American University, WCL Research Paper 2013-11; Columbia Public Law Research Paper 13-351. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2250126> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2250126> (дата обращения: 01.09.2018).
91. Anderson K., Waxman M. Debating Autonomous Weapon Systems, Their Ethics, and Their Regulation Under International Law (February 28, 2017). Roger Brownsword, Eloise Scotford, Karen Yeung, eds., The Oxford Handbook of Law, Regulation, and Technology (Oxford University Press, July 2017), Chapter 45; Columbia Public Law Research Paper No. 14-553; American University, WCL Research Paper No. 2017-21. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2978359> (дата обращения: 01.09.2018).
92. Asaro P. On Banning Autonomous Weapon Systems: Human Rights, Automation, and the Dehumanisation of Lethal Decision-making // International Review of the Red Cross. Volume 94. Number 886. Summer 2012. P. 687–709.
93. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christof Heyns (9 April 2013). URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf (дата обращения: 30.08.2018).
94. [https://www.unog.ch/80256EE600585943/\(httpPages\)/F027DAA4966EB9C7C12580CD0039D7B5](https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/F027DAA4966EB9C7C12580CD0039D7B5) (дата обращения: 05.09.2018).
95. Emerging Commonalities, Conclusions and Recommendations. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/EB4EC9367D3B63B1C12582FD0057A9A4/\\$file/GGE+LAWS+August_EC,+C+and+Rs_final.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/EB4EC9367D3B63B1C12582FD0057A9A4/$file/GGE+LAWS+August_EC,+C+and+Rs_final.pdf) (дата обращения: 05.09.2018).
96. Рассмотрение различных аспектов новых технологий в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений в контексте целей и задач Конвенции (Представлено Российской Федерацией). Женева, 13–17 ноября 2017 г. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/E9178CB855E3D8EDC12581D70065EF31/\\$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9178CB855E3D8EDC12581D70065EF31/$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf) (дата обращения: 01.08.2018).
97. Доклад Независимого эксперта по вопросу об осуществлении пожилыми людьми всех прав человека для Совета по правам человека при ООН // A/HRC/36/48. Совет по правам человека. Тридцать шестая сессия. 11–29 сентября 2017 г. URL: http://digitallibrary.un.org/record/1304243/files/A_HRC_36_48-RU.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
98. Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека». URL: www.consultant.ru
99. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Лекции профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича, читанные в Московском Коммерческом институте в 1909/10 академ. году. Редактированное автором издание Студ. комиссии общ-ва взаимопом. С.К.И. Б/г, 1910. 320 с.
100. Переверзев С., Подолин А. Социальная математика = право. Новый язык юридической науки. URL: <http://speranskyllabs.ru/> (дата обращения: 01.09.2018).
101. Иванов А.А. О глубине механизации права // Закон. 2018. № 5. С. 35–41.
102. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information // Harvard University Press. 2015. 311 p.
103. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС».
104. Goodman B. A Step Towards Accountable Algorithms? Algorithmic Discrimination and the European Union General Data Protection // 29th Conference on Neural Information Processing Systems. Barcelona, Spain. 2016. URL: <http://www.mlandthelaw.org/papers/goodman1.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).
105. Joshua N., Castro D. How Policymakers Can Foster Algorithmic Accountability. 2018. May 21. URL: <https://itif.org/publications/2018/05/21/how-policymakers-can-foster-algorithmic-accountability> (дата обращения: 01.09.2018).
106. Guidelines on Regulating Robotics. 2014. URL: http://www.robotlaw.eu/RoboLaw_files/documents/robotlaw_d6.2_guidelinesregulatingrobotics_20140922.pdf (дата обращения: 15.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 октября 2018 г.

EVOLUTION OF ROBOTS AND THE 21ST-CENTURY LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 215–233.

DOI: 10.17223/15617793/435/28

Andrey V. Gabov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: gabov@izak.ru

Inna A. Khavanova, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: ahavanov@mail.ru.

Keywords: robot, robotics, artificial intelligence, legal personality, digital economy.

The aim of this article is evaluation of the legal regime of robotics in Russia and abroad, and determination of the directions of the development of legal regulation of this sphere of robotics on its basis. This aim determines the objectives of the research. A dialectical method of science allowed the authors to conduct analysis and evaluation of the legal regime of robotics. Using a historical method, the authors identified tendencies of the evolution of robotics and particularities of the legal regime of robots in Russia and abroad. A comparative legal method allowed the authors to give evaluation of already existing regulatory initiatives, to determine social, legal, ethical problems and risks, to suggest possible models of regulating the sphere of robotics.

The authors come to following conclusions. Nowadays, it is too early to raise the issue of giving robots a legal status. At present, even the most “advanced” intellectual robots should be admitted as “sui generis property”. In the frame of this model, which seems revolutionary enough itself to the authors of this article, it is possible to decide practical problems arising with evolution of robots. Artificial intelligence becomes more and more advanced, that is why in the nearest future the question on subjectivity may be not only a theoretical matter, but a practical problem for the legal system. It is apparent that there is a question for law to create a new subject of law. Meanwhile, it is highly likely that at one point of technological evolution it will be necessary to head down the way of creation of a legal person (legal entity in its classical understanding). Throughout the construction of legal entity it is possible to endue any phenomenon (natural object, creature, fictional subject) with subjectivity. Every functional well developed electronic/ mechanic individual should have a “tutor”, which will allow to deal with problems of legal representation. For certain categories of robots there should be qualified persons responsible for a range of duties of public nature. The authors come to a conclusion that it is necessary to find a delicate balance between advantages and socio-economic risks of robotics in the context of legal regulation. We should not build a society where a robot is a norm and man is an exception.

REFERENCES

1. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg: SPb GUP.
2. Vorotnikov, S.A. (2005) *Informatsionnyye ustroystva robototekhnicheskikh sistem* [Information structure of robotic systems]. Moscow: Moscow State Technical University.
3. USSR. (1986) *Resolution of the USSR State Labor Committee, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions No. 213/11-39 of June 26, 1989 "On Amendments to the Unified Tariff and Qualification Reference Book of Work and Professions of Workers, Issue 2, approved by a resolution of the State Committee on Labor of the USSR and the Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions No. 17/2-54 of 16 January 1985, with supplements approved by the decision of the USSR State Labor Committee and the Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions No. 234/14-55 of 23 June 1986"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
4. USSR. (1990) The concept of improving the organization and rationing of labor in the transition to a market economy, approved by the USSR State Labor Committee Resolution No. 429 of November 14, 1990, "On the concept of improving the organization and rationing of labor in the transition to a market economy". [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
5. Makarov, I.M. & Topcheyev, Yu.I. (2003) *Robototekhnika: istoriya i perspektivy* [Robotics: history and prospects]. Moscow: Nauka; Izd-vo MAI.
6. Russel, S. & Norvig, P. (2018) *Iskusstvennyy intellekt: sovremennyy podkhod* [Artificial Intelligence: A Modern Approach]. Translated from English. Moscow: OOO "I.D. Vil'yams".
7. Khaykin, S. (2018) *Neyronnyye seti: polnyy kurs* [Neural networks: a full course]. 2nd ed. Moscow: OOO "I.D. Vil'yams".
8. Khabriyeva, T.Ya. & Chernogor, N.N. (2018) The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 85–102. (In Russian).
9. Keisner, A., Raffo, J. & Wunsch-Vincent, S. (2016) Robotics: Breakthrough Technologies, Innovation, Intellectual Property. *Foresight and STI Governance*. 10(2). pp. 7–27. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.2.7.27
10. Hoadley, D. & Lucas, N. (2018) Artificial Intelligence and National Security. *Congressional Research Service*. April 26.
11. Eidenmueller, H. (2017) The Rise of Robots and the Law of Humans (March 26, 2017). *Oxford Legal Studies Research Paper*. 27. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2941001>. (Accessed: 15.08.2018). DOI: 10.2139/ssrn.2941001
12. Richards, N.M. & Smart, W.D. (2016) How should the Law Think about Robots? Calo, R., Froomkin, A.M. & Kerr, I. (eds) *Robot Law*. Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar Publishing.
13. Calo, R. (2014) *Robotics and the new cyberlaw*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/272547345_Robotics_and_the_New_Cyberlaw. (Accessed: 28.08.2018).
14. Khavanova, I.A. (2017) Virtual and Real: Flow Theory in the Context of Tax Regulation. *Finansovoye pravo – Financial Law*. 4. pp. 35–40. (In Russian).
15. Rolinson, P., Ariyevich, E.A. & Ermolina, D.E. (2018) Ob'yekty intellektual'noy sobstvennosti, sozdavayemyye s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom [Intellectual property created using artificial intelligence: features of the legal regime in Russia and abroad]. *Zakon*. 5. pp. 63–71.
16. Matthias, A. (2004) The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata. *Ethics and Information Technology*. 6 (3). pp. 175–183.
17. The Independent. (2014) Stephen Hawking: Transcendence looks at the implications of artificial intelligence – but are we taking AI seriously enough? *The Independent*. Thursday 1 May. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-9313474.html>. (Accessed: 01.09.2018).
18. Ford, M. (2016) *Roboty nastupayut: razvitiye tekhnologii i budushcheye bez raboty* [Robots are coming: technology development and the future without work]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
19. Mask, I. (2017) *Interv'yū, dannoye na World Government Summit v Dubaye* [Interview given at the World Government Summit in Dubai]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=0Nbs6QRC1qQ>. (Accessed: 01.09.2018).
20. Novitskaya, Yu. & Kalyayev, I. (2015) *Mif ob iskusstvennom intellekte. Beseda s chlenom-korrespondentom RAN, professorom Igorem Kalyayevym* [Myth about artificial intelligence. Interview with Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor Igor Kalyayev]. [Online] Available from: <http://zavtra.ru/blogs/mif-ob-iskusstvennom-intellekte>; <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=8d311816-7c78-4892-a202-1ccb2983b09>. (Accessed: 15.08.2018).
21. Pushkarev, A.V. (2017) *Filosofskie osnovaniya iskusstvennogo intellekta* [Philosophical foundations of artificial intelligence]. Philosophy Cand. Dis. Ufa.
22. Fox, S. (2018) Cyborgs, Robots and Society: Implications for the Future of Society from Human Enhancement with In-The-Body Technologies. *Technologies*. [Online] Available from: <https://www.mdpi.com/journal/technologies>. (Accessed: 15.08.2018).
23. Stepin, V.S. et al (2017) The Analyses of Structure and Dynamics of Science in Social-Cultural Context. Materials of the Discussion of V.S. Stepin's Selected Works. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 5–31. (In Russian).
24. Yampolskiy, R.V. & Fox, J. (2012) Artificial General Intelligence and the Human Mental Model. In: Eden, A., Søraaker, J., Moor, J.H. & Steinhart, E. (eds) *Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment*. Berlin: Springer. [Online] Available from: <https://intelligence.org/files/AGI-HMM.pdf>. (Accessed: 15.08.2018).
25. Gadzhiev, G.A. (2018) Whether the Robot-Agent is a Person? (Search of Legal Forms for the Regulation of Digital Economy). *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 15–30. (In Russian).
26. Gabov, A.V. (2018) Legal personality: Traditional category of law in the modern era. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2(121). pp. 105–121. (In Russian).
27. Morkhat, P.M. (2017) *Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad* [Artificial Intelligence: A Legal View]. Moscow: Buki Vedi.
28. Yastrebov, O.Ya. (2018) Legal Capacity of Electronic Person: Theoretical and Methodological Approaches. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of RAS*. 13(2). pp. 36–55. (In Russian).
29. Arkhipov, V.V. & Naumov, V.B. (2017) O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'yektnosti [On some issues of the theoretical basis for the development of legislation on robotics: aspects of the will and legal personality]. *Zakon*. 5. pp. 157–170.
30. Ivanov, A.A. (2017) Mechtayut li androidy ob elektroovtsakh? [Do androids dream of electric sheep?]. 15 February. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2017/02/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovtsah. (Accessed: 26.08.2018).
31. Neznamov, A.V. & Naumov, V.B. (2017) On the regulation of robotics in Russia and in the world. *Yuridicheskiye issledovaniya – Legal Studies*. 8. pp. 14–25. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23292
32. USSR. (1979) *Unified System for Design Documentation Classifier. Class 44. "Specific technological equipment"*, approved by the Decree of the USSR GosStandart No. 100 of September 6, 1979. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
33. "GOST R 54344-2011. National standard of the Russian Federation. Fire equipment. Mobile robotic systems for rescue and fire fighting. Classification. General technical requirements. Test Methods, approved by the Order of RosStandart No. 158-st of June 28, 2011. (In Russian).
34. OK 029-2014 (NACE Ed. 2). All-Russian classifier of types of economic activity, approved by the Order of RosStandart No. 14-st of January 31, 2014. (In Russian).
35. ISO 8373:2012 "Robots and robotic devices. Classification". [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/55890.html>. (Accessed: 01.09.2018).

36. Russian Federation. (2017) *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody, utverzhennaya Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. № 203* [Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017]. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
37. Kremlin.ru. (2014) *Perechen' porucheniy po itogam vstrechi s uchastnikami foruma "Internet-predprinimatel'stvo v Rossii", sostoyavsheysya 10 iyunya 2014 goda* [The list of instructions following a meeting with the participants of the forum "Internet Entrepreneurship in Russia", held on June 10, 2014]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/46152>. (Accessed: 01.09.2018).
38. Russian Federation. (2015) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683* [National Security Strategy of the Russian Federation Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015]. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
39. Russian Federation. (2017) *Programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii", utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r* [The program "Digital Economy of the Russian Federation", approved by the Decree of the Government of the Russian Federation da No. 1632-r of July 28, 2017]. [Online] Available from: www.consultant.ru.
40. Russian Federation. (2017) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2018 g. № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018, "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. [Online] Available from: www.consultant.ru.
41. Russian Federation. (2017) *Perechen' porucheniy ot 16 marta 2018 po realizatsii Poslaniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 1 marta 2018 g.* [The list of instructions of March 16, 2018, on the implementation of the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of March 1, 2018]. [Online] Available from: www.consultant.ru.
42. Vk.com. (n.d.) *Proyekt zakona "O vnesenii izmeneniy v Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnosheniy v oblasti robototekhniki"* [The draft law "On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in terms of improving the legal regulation of relations in the field of robotics"]. [Online] Available from: https://vk.com/doc3420_439923163?hash=0a76aafed49c254276.
43. Arkhipov, V.V. & Naumov, V.B. (2017) Informational and Legal Aspects of Drawing up Robotics Legislation. *Informatsionnoye pravo – Information Law*. 1. pp. 19–27. (In Russian).
44. Shustikov, V. (2017) Kollizii "prava robotov" [Collisions of the "rights of robots"]. [Online] Available from: http://sk.ru/news/b/press/archive/2017/05/25/kollizii_1c20_prava-robotov_1d20_aspx. (Accessed: 25.08.2018).
45. Elaw.klri.re.kr. (n.d.) *Zakon ob umnykh robotakh* [The law on smart robots]. [Online] Available from: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=17399.
46. V1.juristaitab.ee. (2010) *Road Traffic Act of 17 June 2010*. [Online] Available from: <http://www.juristaitab.ee/files/elfinder/russia-%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%9E%D0%94%D0%9ED0%A0%D0%9E%D0%96%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%94%D0%92%D0%98%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%98%2002.07.2018.pdf>. (Accessed: 25.08.2018). (In Russian).
47. Bgbl.de. (2017) *Road Traffic Act of 16 June 2017*. [Online] Available from: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D#_bgbl_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D_1533560692630. (Accessed: 06.08.2018).
48. Cuthbert, O. (2017) *Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot*. [Online] Available from: <http://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia>. (Accessed: 26.08.2018).
49. Greene, T. (2017) *Opinion: Saudi Arabia was wrong to give citizenship to a robot*. [Online] Available from: <https://thenextweb.com/artificial-intelligence/2017/10/31/opinion-saudi-arabia-was-wrong-to-give-citizenship-to-a-robot/>. (Accessed: 26.08.2018).
50. Solum, L. (1992) Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*. April. [Online] Available from: <http://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3447&context=nclr>. (Accessed: 26.08.2018).
51. Gray, J. (1909) *The nature and sources of the Law*. New York. The Columbia University Press.
52. Filipe, M. (2017) *The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control*. June 1, 2017. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2985466>. (Accessed: 26.08.2018). DOI: 10.2139/ssrn.2985466
53. Wein, L. (1992) The Responsibility of Intelligent Artifacts: Toward an Automation Jurisprudence. *Harvard Journal of Law & Technology*. 6. Fall Issue. pp. 103–154.
54. Asaro, P.M. (2007) *Robots and Responsibility from a Legal Perspective*. [Online] Available from: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf>. (Accessed: 21.08.2018).
55. Dvorsky, G. (2017) *When will robots deserve human rights*. [Online] Available from: <https://gizmodo.com/when-will-robots-deserve-human-rights-1794599063>. (Accessed: 27.08.2018).
56. Darling, K. (2012) *Extending Legal Rights to Social Robots*. [Online] Available from: http://robots.law.miami.edu/wp-content/uploads/2012/03/Darling_Extending-Legal-Rights-to-Social-Robots.pdf. (Accessed: 27.08.2018).
57. Callahan, M. (2017) *Should robots have rights?* [Online] Available from: <https://phys.org/news/2017-12-robots-rights.html>. (Accessed: 21.08.2018).
58. Dvorsky, G. (2012) *When the Turing Test is not enough: Towards a functionalist determination of consciousness and the advent of an authentic machine ethics*. [Online] Available from: <http://www.sentientdevelopments.com/2012/03/when-turing-test-is-not-enough-towards.html>. (Accessed: 21.08.2018).
59. Siddique, A. (2017) *Robot rights?* [Online] Available from: <https://www.citylawsociety.co.uk/single-post/2017/12/18/ROBOT-RIGHTS>. (Accessed: 21.08.2018).
60. Renstrom, J. (2017) *Should Robots Have Rights?* [Online] Available from: <https://www.thedailybeast.com/should-robots-have-rights>. (Accessed: 21.08.2018).
61. Bryson, J. (2010) *Robots Should Be Slaves*. [Online] Available from: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/Bryson-Slaves-Book09.html>. (Accessed: 21.08.2018).
62. Nevejans, N. (2016) *European civil law rules in robotics: study for the JURI Committee. European Parliament. Directorate-General for Internal Policies, Policy Department C, Citizens' Rights and Constitutional Affairs, Legal Affairs*. [Online] Available from: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf). (Accessed: 21.08.2018).
63. Azimov, A. (2018) *Runaroud / I, Robot*. St. Petersburg: Antologiya.
64. European Parliament. (2017) *European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL))*. [Online] Available from: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2017-0051#BKMD-12>. (Accessed: 01.08.2018).
65. Caytas, J. (2017) European Perspectives on an Emergent Law of Robotics (April 4, 2017). *Columbia Journal of European Law: Preliminary Reference*. Apr. 4. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2956958/>. (Accessed: 21.08.2018).

66. Bickerstaff, R. (2017) *Do we need robot law?* [Online] Available from: <https://www.britac.ac.uk/events/do-we-need-robot-law>. (Accessed: 15.08.2018).
67. Robotics-openletter.eu. (n.d.) *Open letter to the European Commission. Artificial Intelligence and Robotics*. [Online] Available from: <http://www.robotics-openletter.eu/>. (Accessed: 21.08.2018).
68. Europa.eu. (2018) *Artificial intelligence: Commission outlines a European approach to boost investment and set ethical guidelines*. [Online] Available from: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-3362_en.htm. (Accessed: 21.08.2018).
69. Burri, T. (2018) *The EU is right to refuse legal personality for Artificial Intelligence*. [Online] Available from: <https://www.euractiv.com/section/digital/opinion/the-eu-is-right-to-refuse-legal-personality-for-artificial-intelligence/>. (Accessed: 29.08.2018).
70. Ec.europa.eu. (2018) *Declaration of cooperation on Artificial Intelligence*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/2018aideclarationatdigitaldaydocxpdf.pdf>. (Accessed: 29.08.2018).
71. Consultant.ru. (2017) *Rasporyazheniye Evraziyskogo mezhpriatel'stvennogo soveta ot 7 marta 2017 g. № 2 "O sferakh ekonomiki, obladayushchikh integratsionnym potentsialom v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze, i merakh, napravlennykh na ego ispol'zovaniye"* [Decree of the Eurasian Intergovernmental Council no. 2 of 7 March 2017 "On the spheres of economy possessing integration potential in the Eurasian Economic Union and measures to use it"]. [Online] Available from: www.consultant.ru.
72. Arkhipov, S.I. (2004) *Sub'yekt prava: teoreticheskoye issledovaniye* [Subject of law: A theoretical study]. St. Petersburg: Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press".
73. Darling, K., Nandy, P. & Breazeal, C. (2015) Empathic Concern and the Effect of Stories in Human-Robot Interaction. Proceedings of the IEEE International Workshop on Robot and Human Communication (ROMAN). February 1, 2015. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2639689>. (Accessed: 21.08.2018).
74. Hartzog, W. (2015) Unfair and Deceptive Robots. *74 Md. L. Rev.* 785 pp. 785–829.
75. Bayern, Sh. (2015) The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems. *19 Stanford Technology Law Review*. 93 pp. 93–112.
76. Straub, J. (2017) *Does regulating artificial intelligence save humanity or just stifle innovation?* October 23. [Online] Available from: <https://theconversation.com/does-regulating-artificial-intelligence-save-humanity-or-just-stifle-innovation-85718>. (Accessed: 31.08.2018).
77. Etzioni, O. (2017) *How to Regulate Artificial Intelligence*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2017/09/01/opinion/artificial-intelligence-regulations-rules.html>. (Accessed: 31.08.2018).
78. Yastrebov, O.A. (2017) [Artificial Intelligence in the Legal Space: Conceptual and Theoretical Approaches]. *Pravosub'yektnost': obshcheteoreticheskiy, otraslevoy i mezhdunarodno-pravovoy analiz* [Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis]. Materials for XII Annual Readings in Memory of Professor S.N. Bratus. Moscow: Statut. pp. 271–283. (In Russian).
79. Zimmerman, E. (2015) *Machine Minds: Frontiers in Legal Personhood*. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2563965> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2563965>. (Accessed: 31.08.2018).
80. Benasayag, M. (2018) *Myshleniye za predelami mozga* [Intelligence beyond brain]. [Online] Available from: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002652/265211r.pdf>. (Accessed: 31.08.2018).
81. Pakhman, S. (1861) *O zadachakh predstavlyashchey reformy aktsionernogo zakonodatel'stva. Rech', napisannaya dlya proizneseniya v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, 30 avgusta 1861 goda* [On the tasks of the forthcoming reform of corporate legislation. Speech written for the solemn assembly of Imperial Kharkov University]. Kharkov: V Universitetskoy Tipografii.
82. Kavelin, K. (1879) *Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam. V primenenii k russkomu zakonodatel'stvu. Opyt sistematicheskogo obozreniya* [Rights and obligations for property and obligations. In application to the Russian legislation. Experience of a systematic review]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
83. Azarevich, D.A. (1882) *Yuridicheskiye litsa* [Legal entities]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*. Book 28. Yaroslavl: V tipografiyakh: Gubernskogo Pravleniya, Zemskoy Upravy i g. Fal'ke v Yaroslavl. pp. 1–84.
84. Guihot, M., Matthew, A. F. & Suzor, N.P. (2017) Nudging robots: Innovative solutions to regulate artificial intelligence. *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*. [Online] Available from: http://www.jetlaw.org/wp-content/uploads/2017/12/2_Guihot-Article_Final-Review-Complete_Approved.pdf. (Accessed: 01.09.2018).
85. Hallevy, G. (2010) The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control. *Akron Intellectual Property Journal*. 4(2). pp. 171–201.
86. Gless, S., Silverman, E. & Weigend, T. (2016) *If Robots Cause Harm, Who Is to Blame? Self-Driving Cars and Criminal Liability*. January 29. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2724592>. (Accessed: 01.09.2018). DOI: 10.2139/ssrn.2724592
87. Muehlhauser, L. & Salamon, A. (2012) Intelligence explosion: Evidence and import. In: Eden, A. Søraker, J., Moor, J.H. & Steinhart, E. (eds) *Singularity hypotheses: A scientific and philosophical assessment*. The Frontiers Collection. Berlin: Springer. [Online] Available from: <https://intelligence.org/files/IE-EL.pdf>. (Accessed: 01.09.2018).
88. Harari, Yu.N. (2017) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: a Brief History of Humankind]. Translated from English by L. Summ. Moscow: Sindbad.
89. Anderson, K. & Waxman, M. (2012) *Law and Ethics for Robot Soldiers. Policy Review*. Columbia Public Law Research Paper No. 12–313. American University, WCL Research Paper 2012-32. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2046375>. (Accessed: 01.09.2018).
90. Anderson, K. & Waxman, M. (2013) *Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems: Why a Ban Won't Work and How the Laws of War Can*. Stanford University, The Hoover Institution (Jean Perkins Task Force on National Security and Law Essay Series). American University, WCL Research Paper 2013-11. Columbia Public Law Research Paper 13-351. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2250126> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2250126>. (Accessed: 01.09.2018).
91. Anderson, K. & Waxman, M. (2017) Debating Autonomous Weapon Systems, Their Ethics, and Their Regulation Under International Law. In: Brownsword, R., Scotford, E. & Yeung, K. (eds) *The Oxford Handbook of Law, Regulation, and Technology*. Oxford University Press. Columbia Public Law Research Paper No. 14-553. American University, WCL Research Paper No. 2017-21. Available at SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2978359>. (Accessed: 01.09.2018).
92. Asaro, P. (2012). On Banning Autonomous Weapon Systems: Human Rights, Automation, and the Dehumanisation of Lethal Decision-making. *International Review of the Red Cross*. 94(886). Summer. pp. 687–709.
93. Heyns, Ch. (2013) *Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development*. 9 April 2013. [Online] Available from: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf. (Accessed: 30.08.2018).
94. UNOG. (2017) 2017 Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). [Online] Available from: [https://www.unog.ch/80256EE600585943/\(httpPages\)/F027DAA4966EB9C7C12580CD0039D7B5](https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/F027DAA4966EB9C7C12580CD0039D7B5). (Accessed: 05.09.2018).
95. UNOG. (2018) *Emerging Commonalities, Conclusions and Recommendations*. [Online] Available from: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/EB4EC9367D3B63B1C12582FD0057A9A4/\\$file/GGE+LAWS+August_EC,+C+and+Rs_final.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/EB4EC9367D3B63B1C12582FD0057A9A4/$file/GGE+LAWS+August_EC,+C+and+Rs_final.pdf). (Accessed: 05.09.2018).
96. UNOG. (2017) *Rassmotreniye razlichnykh aspektov novykh tekhnologiy v sfere sozdaniya smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzheniy v kontekste tsey i zadach Konventsii (Predstavleno Rossiyskoy Federatsiyey). Zheneva, 13–17 noyabrya 2017 g.* [Consideration of various aspects of new technologies in the field of the creation of deadly autonomous weapon systems in the context of the goals and objectives of the Conven-

- tion (Presented by the Russian Federation). Geneva, November 13-17, 2017]. [Online] Available from: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/E9178CB855E3D8EDC12581D70065EF31/\\$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9178CB855E3D8EDC12581D70065EF31/$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf). (Accessed: 01.08.2018).
97. UN. (2017) Report of the Independent Expert on the enjoyment of all human rights by older persons. A/HRC/36/48. [Online] Available from: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/36/48.
  98. Russian Federation. (2010) *Federal'nyy zakon ot 20 maya 2002 g. № 54-FZ (red. ot 29.03.2010) "O vremennom zaprete na klonirovaniye cheloveka"* [Federal Law No. 54-FZ of May 20, 2002 (as amended on March 29, 2010) "On the temporary ban on human cloning"]. [Online] Available from: www.consultant.ru.
  99. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava. Lektsii professora Moskovskogo universiteta G.F. Shershenevicha, chitannyye v Moskovskom Kommercheskom institute v 1909/10 akadem. godu* [The general theory of law. Lectures of Professor of Moscow University G.F. Shershenevich, read at Moscow Commercial Institute in the 1909/10 academic year]. S.l.: [s.n.].
  100. Pereverzev, S. & Podolin, A. (n.d.) *Sotsial'naya matematika = pravo. Novyy yazyk yuridicheskoy nauki* [Social mathematics = law. New language of legal science]. [Online] Available from: <http://speranskylabs.ru/>. (Accessed: 01.09.2018).
  101. Ivanov, A.A. (2018) O glubine mashinizatsii prava [On the depth of the mechanization of law]. *Zakon*. 5. pp. 35–41.
  102. Pasquale, F. (2015) *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Harvard University Press.
  103. EU. (2016) *Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC*. [Online] Available from: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3e485e15-11bd-11e6-ba9a-01aa75ed71a1/language-en>.
  104. Goodman, B. (2016) A Step Towards Accountable Algorithms? *Algorithmic Discrimination and the European Union General Data Protection*. 29th Conference on Neural Information Processing Systems. Barcelona, Spain. [Online] Available from: <http://www.mlandthelaw.org/papers/goodman1.pdf>. (Accessed: 01.09.2018).
  105. Joshua, N. & Castro, D. (2018) *How Policymakers Can Foster Algorithmic Accountability*. May 21. [Online] Available from: <https://itif.org/publications/2018/05/21/how-policymakers-can-foster-algorithmic-accountability>. (Accessed: 01.09.2018).
  106. Robolaw.eu. (2014) *Guidelines on Regulating Robotics*. [Online] Available from: http://www.robolaw.eu/RoboLaw_files/documents/robolaw_d6.2_guidelinesregulatingrobotics_20140922.pdf. (Accessed: 15.08.2018).

Received: 31 October 2018

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследуются аспекты совместительства как одного из центральных институтов трудового права. Системообразующими положениями, в рамках которых проводятся исследования, являются утверждения о том, что «все равны перед законом и судом», «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина», «права работника-совместителя и гражданина, претендующего на эту работу, не взаимосвязаны». Источниками выступают как научные исследования, так и судебная практика.

Ключевые слова: совместительство; совмещение; трудовое право; Трудовой кодекс; судебная практика.

В соответствии со ст. 60.1 ТК РФ работник имеет право заключать трудовые договоры о выполнении в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство) и (или) у другого работодателя (внешнее совместительство). В ч. 2 и 3 ст. 282 ТК РФ законодатель конкретизирует общую норму трудового права: «Заключение трудовых договоров о работе по совместительству допускается с неограниченным числом работодателей, если иное не предусмотрено федеральным законом. Работа по совместительству может выполняться работником как по месту его основной работы, так и у других работодателей».

Вместе с тем в ч. 5 ст. 37 Конституции Российской Федерации содержится норма права, в соответствии с которой «каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск». При таком правовом регулировании представляются по меньшей мере спорными нормы права, содержащиеся в ч. 2 и 3 ст. 282 ТК РФ, в соответствии с которыми «заключение трудовых договоров о работе по совместительству допускается с неограниченным числом работодателей».

Кроме того, на мой взгляд, законодатель по существу спорно допускает различное оформление во многом аналогичных трудовых отношений – «внутреннего совместительства» и «совмещения профессий (должностей)». Так, согласно ч. 1 ст. 60.2 «с письменного согласия работника ему может быть поручено выполнение в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены) наряду с работой, определенной трудовым договором, дополнительной работы по другой или такой же профессии (должности) за дополнительную оплату». Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 282 ТК РФ «Совместительство – выполнение работником другой регулярной оплачиваемой работы на условиях трудового договора в свободное от основной работы время». Думаю, необходимость заключения трудового договора с определением заработной платы и в процессе выполнения дополнительной работы по «совмещению профессий (должностей)» также возможно аргументировать ст. 56 ТК РФ. «Трудовой договор – соглашение между работодателем и работником, в соответ-

ствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

Согласно ч. 6 ст. 282 ТК РФ «Особенности регулирования по совместительству отдельных категорий работников (педагогических, медицинских и фармацевтических работников, работников культуры) помимо особенностей, установленных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, могут устанавливаться в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений». Следовательно, названные органы в соответствии с буквальным толкованием нормы права, установленной в ТК РФ, вправе ее лишь конкретизировать, т.е. уточнять, детализировать и т.д. в пределах, определенных законодателем, но не исключать каких-либо работников из сферы правового регулирования.

Вместе с тем не Правительство Российской Федерации, а Министерство труда и социального развития Российской Федерации 30 июня 2003 г. приняло Постановление № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры», в котором сформулировало по существу не «особенности» трудовых отношений названных категорий работников, а установило необходимость заключения с ними не трудовых, а гражданских договоров. Так, в п. 2 названного постановления, в частности, написано:

«Для указанных в п. 1 настоящего Постановления **категорий работников** (выделено мной. – Е.Е.) не считаются совместительством и не требуют заключения (оформления) трудового договора следующие виды работ:

а. литературная работа, в том числе работа по редактированию, переводу и рецензированию отдельных произведений, научная и иная творческая деятельность без занятия штатной деятельности;

в. педагогическая работа на условиях почасовой оплаты в объеме не более 300 часов в год;

е. педагогическая работа в одном и том же учреждении начального или среднего профессионального образования, в дошкольном образовательном учреждении, в образовательном учреждении общего образования, учреждении дополнительного образования детей и ином детском учреждении с дополнительной оплатой;

з. работа в том же образовательном учреждении или ином детском учреждении сверх установленной нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы педагогических работников, а также концертмейстеров, аккомпаниаторов по подготовке работников искусств» [1].

К сожалению, научные и практические работники, как правило, лишь констатируют данные «особенности» [2. С. 48–49], не анализируют их на предмет соответствия нормам трудового права, установленным в ТК РФ. Вместе с тем, например, «педагогическая работа на условиях почасовой оплаты в объеме не более 300 часов в год», как представляется, по существу соответствует всем отмечаемым в специальной литературе основным признакам совместительства. Например, А.В. Завгородский выделяет следующие основные признаки работы по совместительству:

«– если трудовой договор заключен с работником, уже состоящим в трудовых правоотношениях с тем же или другим работодателем;

– если выполняемая по другому трудовому договору работа является регулярной и оплачиваемой;

– если по другому трудовому договору выполняет другая работа помимо основной работы;

– если эта работа выполняется работником в свободное от основной работы время» [3. С. 78–79].

На мой взгляд, в частности «педагогическая работа на условиях почасовой оплаты в объеме не более 300 часов в год» является, во-первых, «регулярной и оплачиваемой»; во-вторых, выполняется «помимо основной работы»; в-третьих, выполняется «в свободное от основной работы время». Отсутствует лишь трудовой договор, но по основаниям, спорно установленным названным постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 41.

В части 5 ст. 282 ТК РФ указано, что «не допускается работа по совместительству лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, если основная работа связана с такими же условиями, а также в других случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами» [4]. Можно также привести целый ряд специальных федеральных законов, запрещающих работу по совместительству целому ряду работников, кроме научной, преподавательской (педагогической) и иной творческой деятельности, например, членам Правительства Российской Федерации (Федеральный Конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2 «О Правительстве Российской Федерации», ст. 5712 [5]).

В соответствии с ч. 2 ст. 59 ТК РФ по соглашению сторон срочный трудовой договор, в частности, мо-

жет заключаться также и с «лицами, поступающими на работу по совместительству». В то же время ч. 2 ст. 59 ТК РФ, думаю, вошла в очевидное противоречие с первоначальной редакцией ч. 2 ст. 58 ТК РФ: «Срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом и иными федеральными законами» (в ред. Федерального закона от 30.12.2001 № 197-ФЗ).

Следовательно, ч. 1 ст. 58 ТК РФ в первоначальной редакции, как общее правило, гарантировала заключение трудового договора на неопределенный срок. Срочный же трудовой договор было возможно заключать, возможно, не по вынужденному «соглашению сторон», а лишь в случаях, исчерпывающе установленных в ТК РФ и других федеральных законах. При таком правовом регулировании убедительным был вывод И.А. Костян: «Если работа носит постоянный характер, то заключение срочного трудового договора не является законным (обоснованным). Поэтому нет законных оснований для установления соглашением сторон определенного срока действия трудового договора, заключаемого по совместительству, если работа не ограничена никаким временным характером, носит постоянный характер. К такому же мнению в то время пришел и Верховный Суд Российской Федерации, давая разъяснения по поводу правомерности заключения трудовых договоров на определенный срок» [6]. Соответствующее толкование норм трудового права было дано и в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [7].

Однако, к сожалению, Федеральным законом от 30.06.2006 № 90-ФЗ ч. 2 ст. 58 ТК РФ была дополнена предложением: «В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 59 настоящего Кодекса, срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон трудового договора без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения» [8]. В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации был вынужден изменить свое толкование ст. 59 ТК РФ: «В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 59 Кодекса, срочный трудовой договор может заключаться без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения. При этом необходимо иметь в виду, **что такой договор может быть правомерным, если имелось соглашение сторон (ч. 2 ст. 59 ТК РФ), то есть если он был заключен на основе добровольного согласия работника и работодателя** (выделено мной – Е.Е.)» [9].

По убедительному мнению В.В. Шишкина, названное изменение в правовом регулировании срочных трудовых договоров носит дискриминационный характер [10. С. 133]. На мой взгляд, запрещение дискриминации в сфере труда является одним из основополагающих (общих) принципов международного трудового права (*jus cogens*). Более того, данный принцип трудового права нашел свое закрепление и в

ст. 3 ТК РФ «Запрещение дискриминации в сфере труда». В соответствии с ч. 2 ст. 3 ТК РФ «Никто не может быть ограничен в своих правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от... обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника». Представляется обоснованным мнение В.В. Ершова о том, что «с целью объективного развития действующего права, его непрерывного движения от меньшей степени определенности к... большей степени определенности правотворческие органы... прежде всего должны вырабатывать специальные принципы и нормы права не произвольно, а в порядке конкретизации... основополагающих (общих) принципов национального и (или) международного права (*jus cogens*)» [11. С. 367].

В ТК РФ, думаю, также имеются и спорные термины, связанные с совместительством, например, «основная работа» (ч. 1 ст. 60.1, ч. 1 ст. 282). Видимо, в этой связи уже в специальной литературе зачастую возможно встретить дискуссионное понятие – «основное место работы» [12. С. 14]. В Постановлении Совета Министров СССР от 22.09.1988 № 1111 «О работе по совместительству» [13], утратившем силу в связи с принятием ТК РФ, также применялся термин «основное место работы». Госкомитетом СССР по труду и социальным вопросам, Министерством Юстиции СССР и Секретариатом ВЦСПС 9 марта 1989 г. было утверждено Положение «Об условиях работы по совместительству», утратившее силу в связи с изданием Приказа Минтруда России от 29.12.2016 № 848, в котором был введен термин «основная другая регулярная оплачиваемая работа на условиях трудового договора» [14].

В этой связи возникает целый ряд вопросов и в современной судебной практике. Например, И.А. Костян пишет: «Трудовое законодательство не предусматривает каких-либо правил поведения работодателя и в том случае, когда последний узнает, что в период работы по совместительству работником прекращены трудовые отношения с работодателем по месту основной работы. Отсутствуют также дополнительные основания прекращения трудового договора по совместительству с работником, который по тем или иным причинам не имеет больше основного места работы – иной регулярной оплачиваемой работы» [6. С. 7].

Т.Ю. Коршунова предлагает изменять условия трудового договора, ранее заключенного на условиях совместительства по соглашению сторон. Так, она пишет: «В том случае, если сторонами будет достигнуто соглашение о заключении трудового договора на условиях полного рабочего времени, в соответствии с которым работник станет основным сотрудником (несовместителем), то в трудовой договор с работником должны быть внесены изменения. Если же стороны решили сохранить прежние условия работы, то из договора следует исключить условие о совместительстве, так как само по себе выполнение работы на условиях неполного рабочего времени не является основным признаком работы по совместительству» [15. 29].

На мой взгляд, термины «основная работа», «основной договор» и т.д. являются по меньшей мере дискуссионными. Предлагаю, во-первых, исключить

их из национальных правовых актов в сфере труда; во-вторых, дополнить национальные правовые акты в сфере труда термином «правовое регулирование трудовых правоотношений работников, выполняющих работу по, например, различным (нескольким) и т.д. трудовым договорам». Данное предложение, полагаю, подтверждается и системным толкованием статей 56 и 282 ТК РФ.

К сожалению, в национальных правовых актах в сфере труда имеются также и противоречивые термины. Например, «заключение трудового договора» (ст. 63, 64 и 64.1 ТК РФ) и «прием на работу» (ст. 68 ТК РФ). В то же время В.В. Шишкин, не критически относясь к данным терминам, думаю, пришел к спорному заключению: «Можно сделать вывод о разграничении законодателем момента заключения трудового договора и момента приема на работу. Следовательно, выполняя требования ст. 283, работник, заключивший трудовой договор на условиях внешнего совместительства, при ознакомлении с приказом о приеме на работу (то есть непосредственно в момент приема на работу) обязан повторно предъявить работодателю документ, удостоверяющий личность, а в особых случаях, документ об образовании или профессиональной подготовке, или справку о характере и условиях труда по основному месту работы. Непонятен смысл такого двойного контроля документов работника-совместителя» [10. С. 133–134].

Как представляется, с аргументами В.В. Шишкина трудно согласиться. На мой взгляд, во-первых, термин «прием на работу» является устаревшим и не соответствующим классическому термину «заключение трудового договора», так же содержащемуся в ТК РФ. В этой связи предлагаю назвать ст. 68 ТК РФ, например, «Оформление заключения трудового договора». Во-вторых, заключая трудовой договор на условиях внешнего совместительства, работник вступает в трудовое соглашение с иным работодателем, в другой период, возможно, на несовпадающих условиях и потому обязан предъявить работодателю все необходимые документы. В-третьих, ч. 1 ст. 61 ТК РФ устанавливает лишь возможность разграничения «вступления трудового договора в силу» и «день фактического допущения работника к работе».

Е. Ковалева справедливо отмечает, что на практике возникают проблемы, связанные с тем, что нередко внутреннее совместительство оформляется как уход от сверхурочной работы [16. С. 78–79]. Как представляется, заключение с работником трудового договора о внутреннем совместительстве не лишает его права на заработную плату за фактически выполненную работу сверх нормальной продолжительности рабочего времени в установленном законом размере.

Так, ч. 2 ст. 9 ТК РФ гарантирует: «Коллективные договоры, соглашения, трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению». Кроме того, ч. 3 ст. 37

Конституции Российской Федерации содержит норму права, гарантирующую право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации. Наконец, в ст. 1 Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий установлено: дискриминация включает всякое различие, исключение или предпочтение, «... имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращение в области труда и занятий». Характерно: ТК РФ не устанавливает каких-либо запретов на законное привлечение совместителей к сверхурочной работе, а также к работе в выходные и праздничные дни с соблюдением гарантий, установленных соответствующими национальными правовыми актами.

Один из наиболее дискутируемых вопросов, связанных с лицами, работающими по совместительству, является прекращение трудового договора по ст. 288 ТК РФ. Многие специалисты анализируют ст. 288 ТК РФ без какой-либо критики [3. С. 88]. Другие высказывают определенные сомнения. Например, К.Н. Гусов, Е.П. Циндякина и И.С. Цыпкин пишут: «Представляется, что **некоторые опасения** в отношении того, что данное положение ТК РФ не соответствует ст. 19 Конституции РФ, **не являются беспочвенными**... (выделено мной. – Е.Е.)» [17. С. 48]. Ю.П. Орловский также называет некоторые ограничения в применении ст. 288 ТК РФ. В частности, он полагает: «При применении ст. 288 ТК РФ имеют место факты, когда работодатель переводит работника на работу, выполняемую совместителем, а последний увольняется в связи с тем, что на его место принят другой работник, для которого эта работа основная. С такой практикой применения ст. 288 ТК РФ нельзя согласиться. Ключевые слова в контексте данной статьи: «В случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной». Это означает, что дополнительным основанием для увольнения совместителя является не любая форма поступления работника на основную работу (заключение нового трудового договора или изменение определенных сторонами условий ранее заключенного трудового договора), а лишь первоначальное заключение трудового договора.

Т.С. Иванова, проанализировавшая практику судов по рассмотрению споров, связанных с рассмотрением трудовых договоров работников-совместителей, с которыми трудовой договор был расторгнут по ст. 288 ТК РФ, формально точно выделила несколько юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению судами в процессе рассмотрения данных споров. Так, по мнению Т.С. Ивановой, трудовой договор должен являться договором о работе по совместительству, быть заключен на неопределенный срок; на работу, которую выполнял по трудовому договору совместитель, был принят фактически работник, для которого эта работа является основной; должен быть соблюден порядок (процедура) рассмотрения трудового договора [18. С. 32].

В то же время, например, В.В. Шишкин сделал другой вывод: «Следует согласиться с мнением о неправомерности увольнения совместителя на основании ст. 288 Трудового кодекса Российской Федерации независимо от продолжительности рабочего времени, определенного трудовым договором с работником, устраивающимся на основную работу вместо совместителя...» [10. С. 139].

Еще в 2004 г. была высказана следующая позиция: «Статья 288 ТК РФ находится в противоречии со ст. 3 ТК РФ, гарантирующей всем работникам: каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав...» [2. С. 49–51]. Статья 3 ТК РФ практически дословно воспроизводит ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации: «Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. Права работника-совместителя и гражданина, претендующего на эту работу, не взаимосвязаны. Федеральным законом права гражданина могут быть ограничены лишь в том случае, если у другого гражданина имеется право на данную работу или законный интерес (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, ст. 16 ТК РФ). На практике же по ст. 288 ТК РФ прекращают трудовой договор с лицами, работающими по совместительству, как правило, в других случаях: когда у граждан имеется лишь интерес, не защищаемый судом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры: Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 41 г. Москва // Российская газета. 2003. № 162. 16 авг.
2. Ершова Е.А. Сравнительный анализ Конституции Российской Федерации и Трудового кодекса РФ // Трудовое право. 2004. № 4–5. С. 49–51.
3. Завгородний А.В. Особенности и проблемы правового регулирования труда совместителей // Трудовое право. 2011. № 6. С. 77–93.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
5. Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.
6. Костян И.А. Совместительство: сложные вопросы. МЦФЭР. 2006.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».
8. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании недействующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ (ред. от 22.12.2014).
9. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.
10. Шишкин В.В. Конституционные основы (принципы) регулирования труда лиц, выполняющих работу по нескольким трудовым договорам. М. : Юрлитинформ, 2014. 184 с.
11. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП. 2018. 627 с.
12. Скрябина О.Н. Совмещение и совместительство // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2007. № 12.
13. СП СССР. 1998. № 33. Ст. 93.
14. Образование в документах. 1997. № 23.
15. Коршунова Т.Ю. Особенности регулирования труда отдельных категорий работников // Трудовое право. 2004. № 6. С. 25–32.
16. Ковалева Е.О. Совмещение и совместительство: практика применения // Трудовое право. 2012. № 3. С. 78–79.

17. Гусов К.Н., Циндяйкина Е.П., Цыпкина И.С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников : науч.-практич. пособие. М. : Проспект, 2018. 240 с.
18. Иванова Т.С. Правовое значение обязательных условий в трудовых договорах с совместителями и юридически значимые обстоятельства при применении положений статьи 288 Трудового кодекса Российской Федерации // Трудовое право. 2011. № 3. С. 27–37.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 сентября 2018 г.

SECONDARY EMPLOYMENT: DISCUSSION ISSUES OF LEGAL AND INDIVIDUAL REGULATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 234–238.

DOI: 10.17223/15617793/435/29

Elena A. Ershova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). Email: trudpravo00@mail.ru

Keywords: concurrent employment; secondary employment; labor law; labor code; judicial practice.

The article explores the aspects of secondary employment as one of the central institutes of labor law. The system-forming provisions in the framework of which the research is conducted are statements that “all are equal before the law and the court”, “the state guarantees equality of rights and freedoms of man and citizen”, “the rights of a part-time worker and a citizen claiming this work” are not interrelated. The sources are both scientific research and judicial practice. Research methods are a general scientific method, a comparative legal method and the method of peer review. Separately, the article draws attention to the fact that there are contradictory terms in national legal acts in the sphere of labor, e.g., “conclusion of an employment contract” (Articles 63, 64 and 64.1 of the Labor Code of the Russian Federation (LC RF)) and “recruitment” (Article 68 of LC RF). A number of authors, not critically referring to these terms, come to a contentious conclusion. “We can draw a conclusion about the delimitation by the legislator of the moment of the conclusion of an employment contract and the moment of recruitment. Therefore, fulfilling the requirements of Art. 283, an employee who has concluded an employment contract on the conditions of outside secondary employment upon acquaintance with the order for employment (that is, immediately at the time of being hired) is required to repeatedly present to the employer an identification document and, in special cases, a document on education or vocational training, or a certificate of the nature and conditions of work at the place of primary employment. The meaning of this double control of the documents of this employee is not clear”. The author, in her conclusion, asserts that “Article 288 of LC RF contradicts Article 3 of LC RF that guarantees equal opportunities for the exercise of their labor rights to all workers”. Article 3 of LC RF almost literally reproduces Parts 1 and 2 of Article 19 of the Constitution of the Russian Federation: “All are equal before the law and the court. The state guarantees equality of rights and freedoms of man and citizen. The rights of a part-time employee and a citizen claiming this job are not interrelated. The federal law can restrict the citizen’s right only if the other citizen has the right to a given job or a legitimate interest” (Part 3, Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, Article 16 of LC RF). In practice, according to Article 288 of the Labor Code of the Russian Federation, secondary employment contracts are generally terminated in other cases: when citizens only have an interest not protected by the court.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (2003) Ob osobennostyakh raboty po sovmestitel'stvu pedagogicheskikh, meditsinskikh, farmatsevticheskikh rabotnikov i rabotnikov kul'tury: Postanovlenie Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 30 iyunya 2003 g. № 41 g. Moskva [On the peculiarities of part-time work of pedagogical, medical, pharmaceutical workers and cultural workers: Decree of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation of June 30, 2003 No. 41, Moscow]. *Rossiyskaya gazeta*. 162. 16 August.
2. Ershova, E.A. (2004) Sravnitel'nyy analiz Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i Trudovogo kodeksa RF [Comparative analysis of the Constitution of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo*. 4–5. pp. 49–51.
3. Zavgorodniy, A.V. (2011) Osobennosti i problemy pravovogo regulirovaniya truda sovmestiteley [Features and problems of legal regulation of part-time labor]. *Trudovoe pravo*. 6. pp. 77–93.
4. Russian Federation. (2001) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ].
5. Russian Federation. (1997) *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51. Art. 5712.
6. Kostyan, I.A. (2006) *Sovmestitel'stvo: slozhnye voprosy* [Secondary employment: complex issues]. Moscow: MTsFER.
7. Russian Federation. (2015) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004, No. 2 (as amended on November 24, 2015) “On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation”*. (In Russian).
8. Russian Federation. (2014) *On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation, declaring some regulatory legal acts of the USSR inactive on the territory of the Russian Federation and invalidating certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation: Federal Law of June 30, 2006 No. 90-FZ (as amended on December 12, 2014)*.
9. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2007) 3.
10. Shishkin, V.V. (2014) *Konstitutsionnye osnovy (printsipy) regulirovaniya truda lits, vpolnyayushchikh rabotu po neskol'kim trudovym dogovoram* [The constitutional bases (principles) of labor regulation of persons performing work under several employment contracts]. Moscow: YurLitinform.
11. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: RGUP.
12. Skryabina, O.N. (2007) *Sovmeshchenie i sovmestitel'stvo* [Concurrent and secondary employment]. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*. 12.
13. *SP SSSR*. (1998) 33. Art. 93.
14. *Obrazovanie v dokumentakh*. (1997) 23.
15. Korshunova, T.Yu. (2004) Osobennosti regulirovaniya truda otdel'nykh kategoriy rabotnikov [Features of regulation of labor of certain categories of workers]. *Trudovoe pravo*. 6. pp. 25–32.
16. Kovaleva, E. (2011) O sovmeshchenii i sovmestitel'stve: praktika primeneniya [On concurrent and secondary employment: the practice of application]. *Trudovoe pravo*. 3. pp. 78–79.
17. Gusov, K.N., Tsindyaykina, E.P. & Tsypkina, I.S. (2018) *Osobennosti trudovogo dogovora s otdel'nymi kategoriyami rabotnikov* [Features of the employment contract with certain categories of workers]. Moscow: Prospekt.
18. Ivanova, T.S. (2011) *Pravovoe znachenie obyazatel'nykh usloviy v trudovykh dogovorakh s sovmestitelyami i yuridicheski znachimye obstoystatel'stva pri primenenii polozheniy stat'i 288 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The legal significance of compulsory conditions in labor contracts with part-timers and legally significant circumstances when applying the provisions of Article 288 of the Labor Code of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo*. 3. pp. 27–37.

Received: 11 September 2018

Л.В. Зайцева, А.С. Митрясова

ТРУД ВОДИТЕЛЕЙ ТАКСИ НА ОСНОВЕ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках реализации гранта фонда РФФИ № 17-03-00676.

Рассматривается влияние применения агрегаторов такси на общественные отношения, связанные с применением труда водителей. Правовая неопределенность в квалификации отношений между водителем такси и агрегатором создает разнообразные риски, в том числе в сфере безопасности дорожного движения, соблюдения прав потребителей и водителей. Авторами обозначаются вызовы, наметившиеся в связи с развитием агрегаторов такси, а также предлагаются отдельные направления развития правового регулирования.

Ключевые слова: цифровые технологии; интернет-платформа; трудовые и нетипичные трудовые отношения; труд водителей; риски безопасности дорожного движения.

В последнее время применение интернет-платформ для предоставления услуг такси выявило целый ряд социальных и правовых проблем, которые горячо обсуждаются широкой, в том числе юридической, общественностью [1], профессиональным водителем сообществом и в итоге выливаются в ряд судебных [2, 3] и других административных решений [4, 5], связанных с широким кругом вопросов, начиная от борьбы с недобросовестной конкуренцией и заканчивая требованиями о возмещении вреда, причиненного здоровью пассажиров [6].

Наиболее острым является вопрос о характере деятельности интернет-платформ, таких как, например, Яндекс-такси, Uber и др. Он является, безусловно, концептуальным, поскольку от ответа на него зависит правовое положение всех участников общественных отношений по предоставлению услуг по перевозке пассажиров. Сами компании придерживаются позиции, согласно которой они являются лишь сервисом по оказанию информационных услуг, помогая людям связаться друг с другом. Но в Европейском союзе сегодня складывается другой подход. Европейский суд (European Court of Justice) в Люксембурге постановил, что в Европе работа Uber Technologies Inc. должна регулироваться как деятельность компании такси, а не как приложение. «Предоставляемый Uber сервис по связи людей с непрофессиональными водителями относится к услугам в сфере транспорта. Страны – члены ЕС вправе регулировать условия предоставления этой услуги» [2], – отмечается в решении суда.

Судебному разбирательству в Европейском суде предшествовало решение властей Барселоны, обязавшее Uber соблюдать правила, установленные для городского такси [4]. Определенные претензии у властей к этой интернет-платформе вплоть до ее запрета возникали в таких странах, как Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия [7]. Основные претензии были вызваны протестами со стороны традиционных такси и их водителей в связи с обострившейся конкуренцией, с другой стороны, вопросами к обеспечению безопасности пассажиров и дорожного движения. В городах других стран тоже происходят подобные процессы. Наиболее резонансные из них наблюдались в Лондоне [8], Нью-Йорке [9] и Вене [3].

В России и странах СНГ судебные процессы с интернет-платформами, связанными с услугами такси, касаются, как правило, исков о возмещении вреда, причинного жизни или здоровью пассажиров [6, 10]. Отдельные административные решения связаны с попытками властей легализовать их деятельность и обеспечить защиту прав потребителей. Например, Московское управление Роспотребнадзора оштрафовало Uber на сумму 100 тыс. рублей за введение потребителей в заблуждение, поскольку эта компания не информирует потребителей «о лицензии и прохождении медицинского освидетельствования водителей такси, а также относительно потребительских свойств услуги по перевозке, а именно об исполнителе услуги» [5]. Девятый арбитражный апелляционный суд 26 октября 2016 г., а в дальнейшем и Арбитражный суд Московского округа 14 февраля 2017 г. оставили без изменения решение Арбитражного суда города Москвы от 01 сентября 2016 г. об отказе удовлетворить жалобу ООО «Убер Текнолоджи» на указанное решение Роспотребнадзора [11].

Как видим, регулятор сегодня в большей степени озабочен вопросами качества предоставляемых услуг, защитой прав потребителей. Но трудно не заметить, что защита прав потребителей зависит и от уровня организации труда лиц, непосредственно эти услуги предоставляющих, т.е. водителей такси.

Итак, использование цифровых технологий сегодня является существенным фактором производства и оказывает влияние на рынок труда [12. С. 41]. Распространение агрегаторов такси как современная технология позволяет выполнять водителям трудовую функцию в любом месте и в любое время. Их труд становится более гибким и в меньшей степени поддается традиционным способам правового воздействия, поскольку законодательство не успевает реагировать на происходящие в жизни изменения.

Представляется, что труд водителей такси может регулироваться как трудовым, так и гражданским законодательством. Значительная часть экспертного сообщества полагает, что интернет-платформы, поскольку они предоставляют информационные услуги, связаны с водителями гражданско-правовыми отношениями по договору оказания услуг. Но, как свиде-

тельствует ранее процитированное решение Европейского суда, как минимум, это не только информационные услуги. И если признать, что интернет-платформа является полноценным участником рынка предоставления транспортных услуг в сфере пассажирских перевозок, то ее деятельность в значительной мере ограничивается соответствующим законодательством. С точки зрения российского законодательства в этой сфере возможен один из двух подходов. Или водитель является самозанятым и признается таковым в силу государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и несет всю полноту ответственности как лицо, предоставляющее услуги по перевозке пассажиров на коммерческой основе, или является наемным работником, организация-работодатель которого несет ответственность за правомерность и качество предоставляемых им услуг. Третий вариант невозможен хотя бы в силу нормы, обозначенной в ч. 2 ст. 15 Трудового кодекса РФ и запрещающей заключать гражданско-правовой договор с целью урегулировать собственно трудовые отношения.

Организация (агрегатор), используя интернет-платформу, предлагает неограниченному кругу субъектов выполнить определенное задание на основе открытого запроса. Данная технология использования трудовых ресурсов довольно распространена в зарубежной практике и получила название «краудсорсинг» (англ. crowdsourcing, crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») [13. С. 170]. Но так ли уж неограничен этот круг лиц, если речь идет об услугах такси?

В 2016 г. Uber подписал соглашение о сотрудничестве с Департаментом транспорта Москвы, по которому обязался работать только с легальными таксистами, имеющими разрешение на таксомоторную деятельность, а также передавать данные по движению их автомобилей по городу [14]. Под легальными таксистами понимаются лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей и имеющие разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, выдаваемым уполномоченным органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации [15. Ст. 9]. К легальным таксистам также относятся водители, которые являются работниками, т.е. заключили трудовой договор с автотранспортной организацией, имеющей соответствующее разрешение.

Если водитель не является индивидуальным предпринимателем и не имеет трудового договора с автотранспортным предприятием или имеет формальный трудовой договор с организацией, существующей лишь на бумаге, но осуществляет пассажирские перевозки, пользуясь «посредническими услугами» агрегатора такси, то какие отношения возникают между указанными субъектами? Как можно квалифицировать эти отношения? Представляют ли они собой принципиально новые формы занятости или являются выражением тех тенденций, которые продолжают складываться в последние десятилетия, т.е. выступают в качестве уже сложившихся нетипичных форм занятости? Да и наличие у водителя

статуса индивидуального предпринимателя не снимает всех вопросов. За рубежом ученых сейчас очень интересует вопрос распространения действия трудового права на самозанятых лиц в целях недопущения их дискриминации и возможностей распространения на их труд минимальных социальных стандартов. Вопросы о необходимости или возможности применения трудового законодательства к самозанятым лицам поднимались на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Экономическая функция трудового права: прошлое настоящее, будущее» («Восьмые Пашковские чтения»), прошедшем 2 марта 2018 г. в Санкт-Петербурге в рамках Международного форума труда. Об этом в своих докладах, в частности, говорили профессор Манфред Вайсс (Германия), профессор Йоко Хашимото (Япония), доцент София Оливейра Паис (Португалия), Набийла Рисфа Иззати (Индонезия) и др. В рамках состоявшегося научного обмена мнениями, профессором С.Ю. Головиной была высказана справедливая позиция о том, что трудовое законодательство РФ решает вопрос широкого распространения трудового права на всех лиц наемного труда с помощью правовой конструкции, предусмотренной ст. 15 ТК РФ, запрещающей заключать гражданско-правовые договоры для регулирования трудовых отношений, признаки которых закреплены той же статьей. Мало того, ч. 4 ст. 11 ТК РФ предусматривает возможность квалификации гражданско-правового договора как трудового по решению суда, если договор фактически регулирует трудовые отношения. Но означает ли это, что и в этом вопросе российское трудовое законодательство традиционно занимает передовые позиции и уже решило все вопросы, над которыми сегодня размышляет значительное число зарубежных исследователей?

Представляется, что проблемы правильного установления статуса самозанятого возникли не на пустом месте и имеют гораздо более глубокие корни, чем теоретическое разграничение сферы действия трудового и гражданского права. И эти проблемы наиболее фактурно проявились именно в случаях нестандартной занятости с применением новейших цифровых технологий, а также в процессе проведения в нашей стране экономических преобразований, направленных, в том числе на развитие частной инициативы и декларированной поддержки развития малого предпринимательства. В этой связи рано или поздно возникнет целый ряд вопросов. Не является ли попыткой сузить сферу применения трудовых гарантий отечественная практика стимулирования вчерашних работников регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей? Насколько она законна и с точки зрения трудового законодательства, и с позиций законодательства о налогах и сборах? Позволяет ли статус ИП фактически выполнять трудовую функцию в условиях, соизмеримых с условиями трудового договора, и при этом не приобретать статуса работника?

Зарубежные ученые последние лет 20 пытаются изучить эти вопросы и дать им правовую оценку. Британские ученые-социологи Брендан Бурчелл, Симон Дикин и Шейла Мед, исследуя в конце XX в. не-

стандартные формы занятости, отмечали неопределенность в статусе «зависимых самозанятых». Предлагая распространить на них сферу действия «защитного законодательства», они рассматривали возможность приравнять в правах к работникам таких самозанятых, которые, заключив контракт на предоставление своих личных услуг с работодателем, экономически зависят от его бизнеса, т.е. получают большую долю своих доходов от этой конкретной работы. Такое расширение сферы действия трудового законодательства рассматривалось ими как способ для достижения «целей равного обращения» в области заработной платы, рабочего времени и занятости [16. Р. 2].

Канадский ученый Джуди Фадж отмечает существующие проблемы квалификации лиц, выполняющих, по сути, одну и ту же работу, но в одном случае являющихся работниками, в другом – самозанятыми. В своем исследовании 2003 г. она делает вывод о том, что самозанятые традиционно рассматриваются как предприниматели, но обладают признаками, более свойственными «сотрудникам, чем предпринимателям», особенно если не используют труд других работников [17. Р. 36]. Она, как и многие другие ученые, в том числе упоминаемые в настоящей статье, актуальность вопроса о гибкости трудового права в отношении самозанятых, выполняющих экономически зависимые работы, объясняет, прежде всего борьбой этих лиц за получение коллективного представительства (а значит, права на свободу ассоциации и ведение коллективных переговоров с работодателем), искоренения дискриминации в предоставлении трудовых гарантий и получении прав в области социального страхования, соизмеримых с работающими по трудовому договору [17, 18].

Отмечая различия между работниками и самозанятыми в Европейском Союзе и Норвегии, Роберто Педерсини и Диего Колетто указывают на действия, предпринимаемые для усиления мер защиты самозанятых, а также на необходимость регулирования «экономически зависимой работы» [18]. Однако в разных странах это регулирование и степень защиты самозанятых находятся на совершенно разных уровнях, что можно объяснить как уровнем экономического развития, так и национальными особенностями правовых систем.

Миа Рёнмар в своей работе о действии трудового права по кругу лиц в Швеции предлагает категорию «квазисотрудник», к которой относит предусмотренного шведским трудовым законодательством так называемого зависимого подрядчика. Эта категория в шведское коллективное трудовое право была введена еще в 1940-х гг. и сохранилась в действующих сегодня законах, которые предоставляют зависимым подрядчикам те же права, что и работникам в части свободы ассоциации, коллективных договоров, прав на информацию, безопасности труда, социального страхования (в том числе от безработицы) и т.п. [19. Р. 163]. И хотя многие считают, что применение труда зависимых подрядчиков в Швеции перестало быть актуальным, другие предлагают расширить сферу действия коллективного трудового права на лиц, работающих в бизнесе франчайзинга [20. Р. 45; 21. Р. 70].

В Южно-Африканской Республике закон исключает независимого подрядчика из сферы действия трудового и социального законодательства, но судам, тем не менее, приходится рассматривать дела, связанные с разграничением работника и независимого подрядчика, используя подход «доминирующего впечатления» без должного выяснения содержания фактически сложившихся отношений, что критикуется учеными-юристами [22]. В качестве положительного опыта в этой связи приводится практика США, где независимым подрядчиком признается тот, кто предоставляет услуги «широкой публике», имеет ряд клиентов, несет экономический риск потери работы. Подрядчики же, которые экономически зависят от лица, для которого они выполняют услуги в целом, должны рассматриваться как работники. Такие факторы, как низкая заработная плата, низкий уровень квалификации и наличие одного или нескольких работодателей, должны препятствовать признанию лица в качестве независимого подрядчика [23].

Сегодня продолжается не только научная полемика по вопросам гибкого трудового регулирования деятельности экономически зависимых подрядчиков (мелких предпринимателей), но и предпринимаются реальные попытки по совершенствованию национального правового регулирования. Например, в 2018 г. в Британский парламент лейбористская партия вносит законопроект, призванный уравнивать самозанятых с другими работниками, предлагая, например, распространить на них права на отпуск в связи с рождением ребенка [24].

Обобщая зарубежный опыт, можно сделать вывод о том, что в России еще предстоит осмыслить и начать решать проблемы, связанные с искусственным выводом из сферы действия трудового права индивидуальных предпринимателей, которые занимаются экономически зависимой от одного заказчика-работодателя деятельностью. Однако уже сегодня, используя доступные правовые конструкции, можно не только в спорных случаях применять вышеупомянутые нормы ст. 11, 15 и 19.1 ТК РФ с целью переквалификации гражданско-правовых в трудовые договоры, но сделать и ряд теоретических выводов, свидетельствующих о наличии в деятельности водителей такси, независимо от их персонального правового статуса, отдельных признаков трудовых и атипичный трудовых отношений.

Итак, труд водителя такси на основе интернет-платформ имеет отдельные признаки, свойственные нетипичным трудовым отношениям, поскольку в данных отношениях отсутствуют (либо видоизменены) некоторые признаки традиционных трудовых отношений [25. С. 124]:

- 1) лицо выполняет работу с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (как в случае с дистанционными работниками);

- 2) труд осуществляется нерегулярно, не носит систематического характера, работа выполняется исключительно по волеизъявлению лица (подобный режим характерен для работающих по гибкому графику в СМИ, торговле недвижимостью, личного страхования и т.п.).

Общественным отношениям по использованию труда на основе интернет-платформ свойственны и отдельные признаки трудовых отношений:

1) лицо получает вознаграждение за проделанную работу – аналог заработной платы по трудовому договору. И хотя агрегатор может ссылаться на то, что его сервис предоставляет услугу по зачислению средств от потребителя непосредственному исполнителю, но и работодатель, получив доход от реализованной услуги, также начисляет зарплату работнику как некую долю от полученной прибавочной стоимости. Примером того, что действия интернет-платформы по оплате труда водителя сближаются с обязательствами по оплате труда, можно рассматривать групповой иск американских водителей к Uber в Калифорнии, обвиняющих компанию в снижении фактических выплат за поездки [26];

2) компании, использующие интернет-платформы для продвижения услуг такси, вводят дополнительные системы материальных стимулов к труду – премиальные баллы, иные доплаты за качественно выполненное задание (такие «бонусы» сопоставимы с премиями);

3) водитель такси выполняет строго определенные действия, обусловленные запросом, – осуществляет перевозку пассажиров, т.е. фактически выполняет трудовую функцию;

4) в рассматриваемых отношениях присутствует элемент подчиненности водителя компании-агрегатору, которая предъявляет определенные требования к водителю и автомобилю, назначает цену за оказываемые услуги, может применить санкции к водителю, отключив его от интернет-платформы за нарушение тех или иных условий.

Для водителей, предоставляющих услуги такси, работа с помощью интернет-платформы имеет как плюсы, так и минусы. К позитивным моментам можно отнести гибкость и удобство выполнения работы, что является важным обстоятельством для отдельных категорий граждан [27. С. 169]. Но все-таки это имеет значительное число минусов, что и вызывает разного рода протесты со стороны водительского сообщества.

Во-первых, не обеспечиваются элементарные правила охраны труда водителей, непосредственно влияющие на уровень безопасности дорожного движения. Агрегатор не осуществляет контроль за соблюдением лимита отработанных таксистом часов. Теоретически таксисты могут получать заказы непрерывно на протяжении неограниченного периода времени, что является грубым нарушением режима труда и может угрожать жизни и здоровью водителя и пассажиров. Эксперты считают, что агрегатор должен следить за тем, чтобы водитель работал не больше 8 часов в день [28]. Потом его нужно просто отключать от получения заказов. Возможно, на такси следует устанавливать тахографы, распространив на них действие Приказа Министерства транспорта РФ от 21 августа 2013 г. № 273 «Об утверждении Порядка оснащения транспортных средств тахографами» (ред. от 30.01.2018) [29], что, скорее всего, повлечет увеличение тарифов на перевозки. Также применение интернет-платформ не способствует соблюдению правил медицинских освидетельствований водителей, особенно предрейсовых

медосмотров [30]. Во всяком случае, агрегатор не отвечает за состояние здоровья водителя, которому предоставлен заказ. Также отсутствует система, обеспечивающая недопуск к работе недостаточно подготовленного водителя или водителя с автомобилем, не оформленным как такси при оформлении страхового полиса ОСАГО. Таким образом, перечисленные негативные моменты создают дополнительные профессиональные риски водителей такси и угрозы для безопасности дорожного движения.

Во-вторых, не обеспечивается минимальный уровень социально-трудовых гарантий, начиная от минимальной оплаты труда и заканчивая оплатой периода временной нетрудоспособности [31. С. 495]. Применение труда на основе интернет-платформ создает угрозу стабильности обязательного пенсионного страхования (сокращение числа лиц, состоящих в официальных трудовых или гражданско-правовых отношениях, уменьшения числа застрахованных в системе обязательного пенсионного страхования, снижение базы обложения страховыми взносами за счет перевода части работников в число индивидуальных предпринимателей и, как следствие, сокращение суммы уплачиваемых страховых взносов) [1. С. 54].

Кроме того, одной из основных проблем, требующих разрешения, является проблема ответственности участников рынка. Речь идет об ответственности за некачественно оказываемые услуги, а также за вред, который может быть причинен жизни и здоровью пользователю услуги.

В настоящее время идет судебный процесс по иску Гражданской к ООО «Яндекс.Такси» о возмещении вреда, причиненного здоровью, и о компенсации морального вреда. Представитель ответчика придерживается той правовой позиции, что «Яндекс.Такси» – это только программное обеспечение, которое связывает пользователей с таксопарками и диспетчерскими службами. Агрегатор занимается исключительно оказанием безвозмездных информационных услуг населению. Ответственность за качество и безопасность перевозки несет то лицо, которое ее осуществляет. Истец же полагает, что ООО «Яндекс.Такси» по факту является непосредственным организатором коммерческих пассажирских перевозок и имеет часть прибыли с этого бизнеса [28]. Аналогичные иски предъявляются к агрегаторам такси и в других странах. Пока нельзя говорить о формировании каких-то общих юридических подходов к таким делам. Сегодня деятельность интернет-платформ не урегулирована законом и согласно пользовательским соглашениям самих этих компаний они не являются стороной договора перевозки и не оказывают транспортные услуги, привлечь их к ответственности перед потребителем за причиненные убытки будет проблематично [32].

Возможно, что решение Европейского суда, признавшего Uber транспортной компанией, станет отправной точкой для формирования правовых подходов к регулированию деятельности агрегаторов такси. Эксперты по-разному оценивают возможные последствия такого решения. От очередной смены бизнес-

модели до последствий для других сфер гигиены [33]. В любом случае сегодня остро встал вопрос об устранении пробелов в правовом регулировании деятельности агрегаторов такси и водителей, их использующих, в целях обеспечения безопасности движения, сохранения социальной стабильности в сфере наемного труда и здоровой конкуренции на рынке соответствующих услуг.

Поэтому требуется либо разработка отдельного нормативного правового акта, регулирующего деятельность так называемых агрегаторов такси, либо внесение дополнений в существующие нормативные правовые акты, которые бы предусматривали:

- четкие требования к регистрации интернет-платформой водителей-пользователей услугами «агрегатора», включая проверку его статуса (работник автотранспортного предприятия или ИП, занимающийся легальным предоставлением услуг такси), проверку необходимых для автомобиля – такси – технических и правовых характеристик (включая полис ОСАГО);

- установку тахографов на автомобили, предоставляющие услуги такси;

- временное ограничение интернет-платформой предоставляемых водителю заказов в течение суток и недели с учетом установленных законодательством максимальных нормативов рабочего времени;

- субсидиарную имущественную ответственность «агрегатора» в случае причинения вреда жизни и здоровью пассажира такси, пешехода или других участников дорожного движения (при выполнении заказа), особенно в случае регистрации на платформе водителя и (или) автомобиля, не отвечающих требованиям, предъявляемым в сфере оказания услуг такси.

Что же касается труда водителей такси, занятых услугами с применением интернет-платформ, то можно говорить о том, что в отношениях по использованию их труда присутствуют некоторые признаки трудовых отношений, а также отдельные признаки нетипичных трудовых отношений. Полагаем, что устранить или хотя бы нивелировать выявленные негативные аспекты в данных отношениях позволит полноценное законодательное регулирование. Российское законодательство пока не учитывает происходящие изменения и объективно нуждается в совершенствовании. На наш взгляд, представляется интересным опыт некоторых стран, распространяющих отдельные социально-трудовые права и гарантии на зависимых самозанятых без признания их работниками. Для этого необходима дальнейшая разработка правовой категории «экономически зависимые самозанятые» с перспективой ее дальнейшего правового закрепления и регламентации, а также определения границ применения трудового права к указанной группе лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чесалина О.В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52–55.
2. Press Release № 136/17 Luxembourg, 20 December 2017 Judgment in Case C-434/15 Asociación Profesional Elite Taxi v Uber Systems Spain SL / Court of Justice of the European Union. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-12/cp170136en.pdf> (дата обращения: 06.05.2018).
3. Суд в Вене запретил работу Uber // RTVI. URL: <https://rtvi.com/news/sud-v-vene-zapretil-rabotu-uber-v-gorode/> (дата обращения: 06.05.2018).
4. Барселонские таксисты проводят забастовку против Uber // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20170316/1490166428.html> (дата обращения: 06.05.2018).
5. О привлечении к административной ответственности «Uber» за введение потребителей в заблуждение // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве. URL: <http://77.rosпотребнадзор.ru/index.php/napravlenie/sudebnayaapraktika/4955--luber-> (дата обращения: 06.05.2018).
6. Суд привлёк таксопарк к делу по иску пассажирки «Яндекс.Такси» на 66 млн рублей из-за ДТП // ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4864300> (дата обращения: 06.05.2018).
7. Бочкарева Е. 9 стран, в которых Uber запрещен // Rusbase. URL: <https://rb.ru/list/uber-ban/> (дата обращения: 06.05.2018).
8. Uber не продлили лицензию на работу в Лондоне // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41359393> (дата обращения: 06.05.2018).
9. Che J. Uber, New York City Reach Tentative Truce // The Huffington Post. URL: https://www.huffingtonpost.com/2015/07/22/uber-cap-new-york_n_7852288.html (дата обращения: 06.05.2018).
10. Суд вынес приговор по делу о смертельном ДТП с пассажиром Uber // AUTO.TUT.BY. URL: <https://auto.tut.by/news/road/591398.html?cmd=67522> (дата обращения: 06.05.2018).
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 октября 2016 г. по делу № А40-146579/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/WIN2HrDm8MdK/> (дата обращения: 06.05.2018).
12. Крекова М.М., Киселева Е.М., Красильников А.В. Влияние формирования цифровой экономики на развитие человеческих ресурсов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 12. С. 41–43.
13. Булавкина Л. Краудсорсинг, или как набрать интеллектуальную толпу // Кадровик. Рекрутинг для кадровика. 2012. № 9. С. 168–173.
14. Москва дала Uber 90 дней на отказ от «нелегалов» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2016/56d4cf279a7947378772ee1b#tor=AL-%5Binternal_traffic%5D--%5Brss.rbc.ru%5D-%5Btop_stories_brief_news%5D (дата обращения: 06.05.2018).
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 21.04.2011 № 69-ФЗ (ред. от 14.10.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 17. Ст. 2310.
16. Burchell B., Deakin S., Honey S. The Employment Status of Individuals in Non-standard Employment. London : Department of Trade and Industry, 1999. 103 p.
17. Fudge J. Labour Protection for Self-Employed Workers // Just Labour. 2003. Vol. 3. P. 36–45.
18. Pedersini R., Coletto D. Self-employed workers: industrial relations and working conditions. Dublin : European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2010. 66 p.
19. Rönmmar M. The Personal Scope of Labour Law and the Notion of Employee in Sweden // The 7th JILPT Comparative Labour Law Seminar. Tokyo, 9–10 March 2004. Tokyo, 2004. P. 159–165.
20. Bergqvist O., Lunning L., Toijer G. Medbestämmandelagen: lagtext med kommentarer. Stockholm: Publica, 1997. 595 p.
21. Engblom S. Self-employment and the personal scope of labour law: comparative lessons from France, Italy, Sweden, the United Kingdom and the United States: EUI PhD theses. Florence, 2003. 314 p.

22. Fourie E.S. Non-standard workers: the South African context, International law and regulation by the European Union // Potchefstroomse Elektroniese Regsblad – Potchefstroom Electronic Law Journal. 2008. Vol. 11, № 4. P. 110–152.
23. Benjamin P. An accident of history: Who is (and who should be) an employee under South African labour law? // Industrial Law Journal (Juta). 2004. Vol. 25. P. 787–804.
24. Hall J. This law could give the self-employed the same rights as employees // Simply business. URL: <https://www.simplybusiness.co.uk/knowledge/articles/2018/02/law-could-give-self-employed-workers-same-rights-as-employees/> (дата обращения: 06.05.2018).
25. Закалюжная Н.В. Нетипичные трудовые отношения: видоизменение классических признаков // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия, социология, право. 2014. № 16 (187). С. 123–129.
26. Dulberg v. Uber Technologies, Inc. Class action complaint (case no. 3:17-cv-00850) in the United states district court northern district of California // Court Listener. URL: <https://www.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.308005.1.0.pdf> (дата обращения: 06.05.2018).
27. Долженко Р.А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 1. С. 168–173.
28. Баршев В. На такси – опаснее: подан иск на миллион долларов к организатору сервиса перевозок // Российская газета – Федеральный выпуск. 2017. № 7386 (220). URL: <https://rg.ru/2017/09/28/reg-cfo/protiv-odnogo-iz-krupnejshih-agregatorov-taksi-podali-isk-na-1-mln.html> (дата обращения: 04.04.2018).
29. Об утверждении Порядка оснащения транспортных средств тахографами : приказ Министерства транспорта РФ от 21 августа 2013 г. № 273 (ред. от 30.01.2018) // Российская газета. 2014. № 48.
30. Об утверждении Порядка проведения предсменных, предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров : приказ Минздрава России от 15.12.2014 № 835н // Российская газета. 2015. № 90.
31. Харченко В.С. Фриланс, е-ланс, аутстаффинг, аутсорсинг, ко-воркинг – осваивая новый словарь занятости // Вопросы структуризации экономики. 2010. № 2. С. 494–498.
32. Филатов А. Можно ли судиться с мобильной платформой // Газета РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/17/56c2f7af9a794704ac3342aa> (дата обращения: 06.05.2018).
33. Европейский суд приравнял Uber к такси. Что из этого следует? // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42428805> (дата обращения: 06.05.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 мая 2018 г.

LABOR OF TAXI DRIVERS ON THE BASIS OF INTERNET PLATFORMS: SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 239–245.

DOI: 10.17223/15617793/435/30

Larisa V. Zaitseva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

Angelina S. Mityasova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: angelina9657@yandex.ru

Keywords: digital technologies; Internet platform; labor and atypical labor relations; driver's work; road safety risks.

The aim of this study is to identify legal problems with the use of Internet platforms for the provision of taxi services as they change the content of relations in the sphere in question and create new legal links between the participants. The research is based on the study of the practice of using Internet platforms to provide taxi services by large aggregators, which carry out their activities practically all over the world. The introduction of this network technology leads to the same problems in many countries and large metropolitan areas. Uncertainty in the qualification of legal relations between the taxi driver and the aggregator creates a variety of risks, including the risks for road safety, fair competition, observance of the rights of consumers of transport services, as well as professional risks for drivers themselves because of the reduced level of their social and labor guarantees. The legal regulation systems existing in Russia and abroad do not allow to regulate the activity of Internet platforms rendering services in the field of taxis. This leads to social tension, unfair competition, violations of the rights of professional drivers, passengers and other road users and, as a consequence, to discussions and litigations. To overcome negative trends in different countries, various means, related to the administrative and judicial resolution of emerging conflicts, are adopted. The article contains examples of attempts to regulate the activity of taxi aggregators in the countries of the European Union and Russia. Based on the analysis of Russian and mainly foreign experience, the general context of problems and possible directions for their resolution are formulated. Special attention is paid to the problems of interaction between the Internet platform, which positions itself exclusively as a provider of information services, and a taxi driver, who is in fact an economically dependent self-employed person. In this regard, possible legal approaches to the legal regulation of the activities of such a person are considered, taking into account the experience of such countries as Sweden, Norway, the United States, Great Britain, South Africa, etc., as well as the possibility of applying already existing legal structures aimed to regulate atypical labor relations in Russia. Thus, the main methodological approaches used in the work are comparative studies as well as the method of peer review. The authors come to a conclusion that modern law does not possess the necessary arsenal of means that would provide effective legal protection to all participants of the investigated relations, starting from the consumer of transport services and ending with the driver. The authors identify the main challenges that have emerged in connection with the development of taxi aggregators and some directions for the development of legal regulation in the field under investigation.

REFERENCES

1. Chesalina, O.V. (2017) Work on the Basis of Internet Platforms (Crowdwork and Work on Demand via Apps) as a Challenge to Labor and Social Law. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 1. pp. 52–55. (In Russian).
2. Court of Justice of the European Union. (2017) *Press Release № 136/17 Luxembourg, 20 December 2017 Judgment in Case C-434/15 Asociación Profesional Elite Taxi v Uber Systems Spain SL*. [Online] Available from: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-12/cp170136en.pdf>. (Accessed: 06.05.2018).
3. RTVI. (2017) *Sud v Vene zapretil rabotu Uber* [The court in Vienna banned the work of Uber]. [Online] Available from: <https://rtvi.com/news/sud-v-vene-zapretil-rabotu-uber-v-gorode/>. (Accessed: 06.05.2018).
4. RIA Novosti. (2017) *Barselonskie taksisty provodyat zabastovku protiv Uber* [Barcelona taxi drivers go on strike against Uber]. [Online] Available from: <https://ria.ru/world/20170316/1490166428.html>. (Accessed: 06.05.2018).
5. Department of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare in Moscow. (2017) *O privlechenii k administrativnoy otvetstvennosti "Uber" za vvedenie potrebitелей v zabluzhdenie* [On bringing Uber to administrative responsibility for misleading consumers]. [Online] Available from: <http://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/sudebnayapraktika/4955-luberr->. (Accessed: 06.05.2018).

6. TASS. (2017) *Sud privilek taksopark k delu po isku passazhirki "Yandeks.Taksi" na 66 mln rubley iz-za DTP* [The court brought a taxi company to justice on the case of a Yandex.Taxi passenger's claim for 66 million rubles for an accident]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ekonomika/4864300>. (Accessed: 06.05.2018).
7. Bochkareva, E. (2017) *9 stran, v kotorykh Uber zapreshchen* [9 countries in which Uber is prohibited]. [Online] Available from: <https://rb.ru/list/uber-ban/>. (Accessed: 06.05.2018).
8. BBC Russian Service. (2017) *Uber ne prodli litsenziyu na rabotu v Londone* [Uber did not have the license renewed to work in London]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/news-41359393>. (Accessed: 06.05.2018).
9. Che, J. (2015) Uber, New York City Reach Tentative Truce. *The Huffington Post*. 22 July [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.com/2015/07/22/uber-cap-new-york_n_7852288.html. (Accessed: 06.05.2018).
10. AUTO.TUT.BY. (2018) *Sud vynes prigovor po delu o smertel'nom DTP s passazhirom Uber* [The court passed a verdict in the case of a fatal accident with an Uber passenger]. [Online] Available from: <https://auto.tut.by/news/road/591398.html?crnd=67522>. (Accessed: 06.05.2018).
11. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. (2016) Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of October 26, 2016 on case No. *A40-146579/2016*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/arbitral/doc/WIN2HrDm8Mdk/>. (Accessed: 06.05.2018). (In Russian).
12. Krekova, M.M., Kiseleva, E.M. & Krasil'nikov, A.V. (2017) The impact of the digital economy the development of human resources. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, Series "Law and Economics". 12. pp. 41–43. (In Russian).
13. Bulavkina, L. (2012) *Kraudsorsing, ili kak nabrat' intellektual'nyu tolpu* [Crowdsourcing, or how to recruit an intellectual crowd]. *Kadrovik. Rekrutiny dlya kadrovika*. 9. pp. 168–173.
14. RBK. (2016) *Moskva dala Uber 90 dney na otkaz ot "nelegalov"* [Moscow gave Uber 90 days to refuse from "illegal immigrants"]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2016/56d4cf279a7947378772ee1b#xtor=AL-%5Binternal_traffic%5D-%5Brss.rbc.ru%5D-%5Btop_stories_brief_news%5D. (Accessed: 06.05.2018).
15. Russian Federation. (2011) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21.04.2011 № 69-FZ (red. Ot 14.10.2014)* [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of April 21, 2011 No. 69-FZ (as amended on October 14, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 17. Art. 2310.
16. Burchell, B., Deakin, S., & Honey, pp. (1999) *The Employment Status of Individuals in Non-Standard Employment*. London: Department of Trade and Industry.
17. Fudge, J. (2003) Labour Protection for Self-Employed Workers. *Just Labour*. 3. pp. 36–45.
18. Pedersini, R. & Coletto, File (2010) *Self-employed workers: industrial relations and working conditions*. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions.
19. Rönmar, M. (2004) The Personal Scope of Labour Law and the Notion of Employee in Sweden. *The 7th JILPT Comparative Labour Law Seminar*. Tokyo, 9–10 March 2004. Tokyo: JILPT. pp. 159–165.
20. Bergqvist, O., Lunning, G. & Toijer, G. (1997) *Medbestämmandelagen: lagtext med kommentarer* [Co-decision Act: Law text with commentaries]. Stockholm: Publica.
21. Engblom, S. (2003) *Self-employment and the personal scope of labour law: comparative lessons from France, Italy, Sweden, the United Kingdom and the United States*: EUI PhD theses. Florence.
22. Fourie, E.S. (2008) Non-standard workers: the South African context, International law and regulation by the European Union. *Potchefstroomse Elektroniese Regsblad – Potchefstroom Electronic Law Journal*. 11 (4). pp. 110–152. DOI: 10.17159/1727-3781/2008/v11i4a2787
23. Benjamin, P. (2004) An accident of history: Who is (and who should be) an employee under South African labour law? *Industrial Law Journal* (Juta). 25. pp. 787–804.
24. Hall, J. (2018) This law could give the self-employed the same rights as employees. *Simply business*. [Online] Available from: <https://www.simplybusiness.co.uk/knowledge/articles/2018/02/law-could-give-self-employed-workers-same-rights-as-employees/>. (Accessed: 06.05.2018).
25. Zakalyuzhnaya, N.V. (2014) *Netipichnye trudovye otnosheniya: vidoizmeneniye klassicheskikh priznakov* [Atypical labor relations: modification of classical features]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, pravo*. 16 (187). pp. 123–129.
26. Court Listener. (2017) *Dulberg v. Uber Technologies, Inc. Class action complaint (case no. 3:17-cv-00850) in the United States District Court Northern District of California*. [Online] Available from: <https://www.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.308005.1.0.pdf>. (Accessed: 06.05.2018).
27. Dolzhenko, R.A. (2014) *Novye formy trudovykh otnosheniy: utocnenie ponyatiy* [New forms of labor relations: clarification of concepts]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1. pp. 168–173.
28. Barshev, V. (2017) *Na taksi – opasnee: podan isk na million dollarov k organizatoru servisa perevozok* [Taxi is more dangerous: a lawsuit for a million dollars was filed against the organizer of the transport service]. *Rossiyskaya gazeta – Federal Issue*. 7386 (220). [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/09/28/reg-cfo/protiv-odnogo-iz-krupnejshih-agregatorov-taksi-podali-isk-na-1-mln.html>. (Accessed: 04.04.2018).
29. Rossiyskaya gazeta. (2014) *Ob utverzhdenii Poryadka osnashcheniya transportnykh sredstv takhografami: prikaz Ministerstva transporta RF ot 21 avgusta 2013 g. № 273 (red. ot 30.01.2018)* [On approval of the procedure for equipping vehicles with tachographs: Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation of August 21, 2013 No. 273 (as amended on 01.30.2018)]. *Rossiyskaya gazeta*. 48.
30. Rossiyskaya gazeta. (2015) *Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya predsmennykh, predreysovykh i poslesmennykh, poslereysovykh meditsinskikh osmotrov: prikaz Minzdrava Rossii ot 15.12.2014 № 835n* [On approval of the Procedure for pre-shift, pre-trip and post-shift, post-trip medical examinations: Order of the Ministry of Health of Russia of December 15, 2014 No. 835n]. *Rossiyskaya gazeta*. 90.
31. Kharchenko, V.S. (2010) *Frilans, e-lans, autstaffing, outsorsing, ko-vorking – osvayaya novyy slovar' zanyatosti* [Freelance, e-lance, outstaffing, outsourcing, co-working – mastering a new vocabulary of employment]. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*. 2. pp. 494–498.
32. Filatov, A. (2016) *Mozhno li sudit'sya s mobil'noy platformoy* [Is it possible to sue the mobile platform]. *Gazeta RBK*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/17/56c2f7af9a794704ac3342aa>. (Accessed: 06.05.2018).
33. BBC Russian Service. (2017) *Evropeyskiy sud priravnyal Uber k taksi. Chto iz etogo sleduet?* [The European Court classified Uber as a taxi. What follows?]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/news-42428805>. (Accessed: 06.05.2018).

Received: 18 May 2018

Ю.А. Каиуба, И.С. Нустратова

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ИМЕЮЩИХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Раскрываются особенности исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, имеющих социально значимые заболевания, а также их социальной реабилитации в аспекте реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Проанализирована статистическая информация Федеральной службы исполнения наказаний о заболеваемости данной категории осужденных и названы объективные причины высокого показателя социально значимых заболеваний в воспитательных колониях.

Ключевые слова: места лишения свободы; воспитательные колонии; несовершеннолетние осужденные; социально значимые заболевания; социальная адаптация; здоровье несовершеннолетних осужденных.

Преобразования уголовно-исполнительной системы России, направленные на гуманизацию и приближение условий отбывания наказания к международным стандартам соблюдения прав человека, затронули порядок и условия организации исполнения наказаний в воспитательных колониях (ВК). ВК среди исправительных учреждений занимают особое место, поскольку главным фактором, определяющим условия отбывания наказания в них, является несовершеннолетие осужденных, которые требуют более льготных по сравнению со взрослыми условий содержания. Это выражается не только в улучшенных условиях быта, обучения, питания, организации физической и культурно-воспитательной работы, труда, но и в системе стимулирования (в том числе мер поощрения и взыскания), организационно-управленческих аспектах всего уклада жизни осужденных, деятельности администрации и общественных формирований. Открываются также широкие воспитательно-педагогические возможности для исправления несовершеннолетних осужденных [1. С. 27]. Такие лица освобождаются из ВК в возрасте, позволяющем социально определиться и закрепиться в будущем: продолжить учебу, трудоустроиться, создать семью. Социальная перспективность несовершеннолетних предопределяет отличия в организации деятельности ВК.

Несомненно, первоочередными задачами ВК являются создание необходимых условий для умственного, духовного, нравственного, психологического, физического развития воспитанника, профилактика и лечение социально значимых заболеваний (СЗЗ), его реабилитация и адаптация, что при исключении гуманистической направленности отношений не может эффективно реализовываться.

Для решения задачи адаптации к каждому несовершеннолетнему осужденному, имеющему СЗЗ, необходим индивидуальный подход, предполагающий использование наиболее эффективных и подходящих форм и методов работы, а также создание соответствующих условий для изменения, развития личности, стимулирования работы несовершеннолетнего над собой.

Социальная адаптация больных СЗЗ подростков практически всегда определяется не только степенью заболевания, но и особенностями их поведения. Не-

самостоятельные, слабовольные несовершеннолетние, имеющие СЗЗ, чувствуют себя беспомощными, усталыми, неспособными справиться с жизненными трудностями. Агрессивное поведение может возникнуть у таких несовершеннолетних в ответ на обиды и наказания, оно выражается в нанесении себе членовредительства.

Содержание в ВК осужденных, имеющих СЗЗ, заботит многие государственные учреждения здравоохранения, политические, медицинские и общественные организации. Среди них – Комитет по охране здоровья и спорту Госдумы РФ, Минздрав РФ, Союз педиатров России, Международный фонд охраны здоровья матери и ребенка, Научный центр здоровья детей РАМН и др.

По состоянию на 1 января 2018 г. в ВК отбывали наказание 1 443 [2] наиболее криминализированных и педагогически запущенных несовершеннолетних осужденных. Это дети чаще всего с отягощенной наследственностью и подверженные развитию хронических заболеваний. Общая заболеваемость несовершеннолетних осужденных превышает величину показателя, регистрируемого в муниципальном здравоохранении, на 35–40%.

По прибытии в ВК все осужденные проходят обязательный медицинский осмотр, при проведении которого медицинские работники обращают особое внимание на наличие инфекционных, СЗЗ и других заболеваний, выявляют лиц, нуждающихся в лечении у психиатра, в психологической помощи. Начальник филиала медико-санитарной части (МСЧ), принимающий несовершеннолетних осужденных в составе комиссии, дает рекомендации по их рациональному трудоустройству, направлению на профессиональное и общеобразовательное обучение.

На основании показателей состояния здоровья, а также физической подготовленности осужденных распределяют для занятий физической подготовкой на следующие группы: основную, подготовительную, специальную и инвалидов. По мере улучшения показателей состояния здоровья их переводят из одной группы в другую.

К специальной группе относятся дети-инвалиды и лица, имеющие значительные отклонения постоянного или временного характера в состоянии здоровья,

допущенные к учебе и трудовой деятельности. Занятия по физической подготовке с ними проводятся по специальной программе с учетом характера и тяжести заболевания и носят лечебную направленность.

Медицинские работники ВК проводят отбор подростков, нуждающихся по состоянию здоровья в медицинском наблюдении, оздоровительном режиме и усиленном питании. В оздоровительные группы, создаваемые при филиалах МСЧ, направляются подростки, имеющие отклонения в состоянии здоровья стойкого характера, отнесенные к специальной группе учета и подлежащие постоянному диспансерному наблюдению по наличию СЗЗ.

Для оказания специализированной, консультативной и стационарной медицинской помощи осужденным ВК прикрепляются по месту их дислокации к краевым, областным, городским, районным больницам. Такая договоренность предусматривает оказание необходимого содействия филиалам МСЧ: проведение профилактических медицинских осмотров врачами-специалистами; организация и осуществление диспансерного наблюдения за больными СЗЗ; оказание практической помощи в проведении необходимых лечебно-профилактических мероприятий.

Несмотря на то что детское население страны подлежит стопроцентному диспансерному наблюдению, многие из числа несовершеннолетних осужденных впервые узнают о своем заболевании при поступлении в СИЗО или в ВК. Почти у каждого второго есть различные хронические заболевания, выявленные именно в период поступления в учреждения УИС [2].

В последние годы в учреждениях УИС стремительно увеличивается число несовершеннолетних преступников, страдающих психическими и поведенческими расстройствами вследствие употребления психоактивных веществ [3. С. 29], входящих в «Перечень социально значимых заболеваний». Так, в 2016 г. прослеживается увеличение доли лиц, страдающих наркотической зависимостью, – 11,44% (2014 г. – 4,62%), алкогольной зависимостью – 6,74% (2014 г. – 3,98%), больных с психическими расстройствами – 63,34% (2014 г. – 39,97%). В 2017 г. 25 больных алкоголизмом и 67 больных наркоманией отбывали наказание в ВК. Численность лиц с психическими расстройствами достигла 437 осужденных [2].

Начало потребления психоактивных веществ с 13 до 17 лет совпадает с периодом интенсивных процессов социализации подростков, для которых характерно освоение профессиональных навыков, формирование коллективного мировоззрения и др. Пропущенный этап социализации у таких несовершеннолетних формирует своеобразный личностный дефект, делаая их, в отличие от взрослых, менее способными к продуктивному взаимодействию.

Вместе с тем зачастую игнорируются отличия клиники, течения, последствий наркологических заболеваний у осужденных подростков по сравнению со взрослыми осужденными. Попытка решить проблему СЗЗ несовершеннолетних, применяя одинаковые методы воздействия ко взрослым осужденным, не дает положительного эффекта. Это объясняется тем, что психика подростка отличается от психики последних.

И если СЗЗ у взрослого могут развиваться скрыто, не отражаясь на трудовой деятельности, социальном статусе, то у несовершеннолетних, как правило, сначала происходит социальная дезадаптация личности, а потом присоединяется заболевание.

Данные факты указывают на сложность задач, стоящих перед работниками ВК, а также на необходимость актуализации работы психолога, психиатра, нарколога, узких специалистов, пересмотра всех имеющихся в арсенале сотрудников форм, методов и технологий лечения в использовании дифференцированного подхода к несовершеннолетним осужденным, имеющим СЗЗ, и их эффективного и преемственного постпенитенциарного сопровождения.

Одним из приоритетных направлений антинаркотической деятельности является включение в основные и дополнительные образовательные программы общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций ВК разделов по профилактике употребления наркотических и психоактивных веществ. Это, несомненно, усилит профилактику и диагностику их употребления на ранней стадии, когда лечение наиболее эффективно и менее затратно. В ВК необходимо четко выполнять требования приказа Минздрава России от 19 августа 2009 г. № 597н «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака» в отношении несовершеннолетних осужденных.

В ВК, несмотря на принимаемые меры, в 2016 г. отмечается рост СЗЗ: ВИЧ-инфекция – 0,78% (2014 г. – 0,44%), сифилис – 0,59% (2014 г. – 0,25%). Зафиксированы единичные случаи туберкулеза [2]. В связи с этим требуется продолжить работу по созданию надлежащих гигиенических условий в основных сферах жизнедеятельности осужденных, повышению уровня санитарной культуры и гигиенического воспитания, активному выявлению и профилактике туберкулеза, проведению просветительской работы, оказанию дополнительной психологической помощи и др. Успешность такой работы будет способствовать осознанному отношению подростка к своему здоровью, личной безопасности, формированию здорового образа жизни.

Многочисленные данные свидетельствуют об ухудшении здоровья осужденных подростков за последние годы. В связи с этим актуальным является создание программы медико-социальной адаптации, частью которой является прием в филиалах МСЧ один раз в месяц всех узких специалистов.

Решению проблемы лекарственного обеспечения таких осужденных мог бы способствовать отдельный «Перечень необходимых и важнейших лекарственных средств для осужденных, больных социально значимыми заболеваниями, отбывающих наказание в воспитательной колонии». Согласно опросу медицинских работников филиалов МСЧ в существующем Перечне Минздрава РФ не представлены многие препараты, необходимые для лечения подростков, имеющих СЗЗ, с учетом того что в условиях постоянного стресса вероятность обострения таких заболеваний увеличи-

вается. Респонденты отметили, что после сильного эмоционального потрясения у пациентов не только происходит обострение болезней, но и повышается их восприимчивость к инфекциям, что требует дополнительного медикаментозного лечения.

Рассматривая вопрос о месте отбывания наказания несовершеннолетними осужденными, можно отметить, что российское законодательство в отношении этой категории лиц делает исключение, так как во многих субъектах РФ нет ВК для несовершеннолетних осужденных (ч. 3 ст. 73 УИК РФ). Представители общественных организаций и некоторых государственных органов, а также ученые в области уголовно-исполнительного права неоднократно выражали свою обеспокоенность тем, что многие регионы лишаются специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, вследствие чего подростки вынуждены отбывать наказание за многие сотни и даже тысячи километров от дома и семьи. Все это негативно сказывается на организации воспитательной работы и порождает массу других проблем.

До прибытия в ВК проходит до трех месяцев, в результате чего неокрепшая подростковая психика дополнительно травмируется. Все это время несовершеннолетние осужденные, имеющие СЗЗ, содержатся в СИЗО, при этом ухудшается их здоровье, теряется время, в течение которого можно было начать проводить лечебно-профилактическую, учебно-воспитательную и коррекционную работу. Отрыв от постоянного места жительства негативно сказывается на возможности решить вопросы трудового и бытового устройства после освобождения. Руководители субъектов РФ, органы местного самоуправления охотно помогают ВК, в которых содержатся несовершеннолетние из этих регионов, но не заинтересованы в оказании финансовой и иной поддержки тем, кто разъедется в иные субъекты.

Немаловажной является проблема разрыва связей с семьей, так как немногие родственники могут позволить себе приехать на свидание в дальние регионы. Как следствие, данный разрыв приводит к тому, что еще больше усиливается влияние криминальных структур на несовершеннолетних, затрудняя их ресоциализацию. На практике встречаются случаи, когда осужденные, потеряв смысл жизни, становятся равнодушными к окружающим, не принимают участия в воспитательных процессах, не работают, отказываются от лечения СЗЗ. Но после посещения свиданий и общения с родственниками, которые позиционируют им уверенность в себе, в успешном достижении поставленных целей, оказывают доверие, ободряют их хорошим исходом течения заболевания, подросток начинает активно следовать рекомендациям медицинских работников, что является немаловажным для достижения цели исправления, так как он начинает соблюдать так называемый медицинский режим, подражательный вежливое обращение с медицинским персоналом, посещение медицинской части в определенное время и в установленной законом одежде и др. Поддержка семейных связей положительно влияет на исход течения заболевания.

Однако даже если ВК расположена недалеко от места проживания родителей, очередей на длитель-

ные и на краткосрочные свидания нет, так как родители и родственники сами не стремятся поддерживать социально значимые связи. Эта проблема на сегодняшний день значительно серьезнее, чем отдаленность ВК от родителей несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ. В результате сокращения числа ВК необходимо усилить роль общественных организаций, которые бы решали задачи восстановления и поддержания социальных связей между подростками и их родителями, находящимися вдали друг от друга, в том числе для эффективности их лечения.

Одной из возможностей решения проблемы отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в других регионах являются совместные выезды сотрудников УИС, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства, соцзащиты в ВК в другие районы для налаживания более прочного сотрудничества между субъектами, а также обеспечения преемственности в воспитательной работе с несовершеннолетними. Осужденные получают информацию об услугах, которыми они могут воспользоваться по возвращению домой: материальная и социальная помощь, содействие в трудоустройстве и профессиональном обучении, поддержка подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и др. Этот подход является актуальным, поскольку они уже будут иметь четкое представление, куда и к кому обратиться после освобождения для продолжения лечения. Создание таких общественных «мостов» поможет развитию гражданского общества и будет способствовать превращению пенитенциарной системы в более открытый государственный институт [4. С. 61].

К сожалению, необходимо констатировать факт, что в России нет специальности «медицинский работник воспитательной колонии» и отсутствуют организации, готовящие таких работников к условиям этого специфического вида исправительного учреждения. Поэтому многие медицинские работники оказываются психологически не готовыми к данным условиям и часто увольняются. Несовершеннолетние осужденные вынуждены привыкать к тому, что взрослые вокруг них постоянно меняются, что является фактором, негативно влияющим на развитие личности подростка и его социализацию. Для осужденных, имеющих СЗЗ, это еще и смена лечащего врача.

К проблемам, препятствующим адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям изоляции от общества, относится и качество профессиональной подготовки сотрудников УИС. До сих пор встречаются случаи грубого отношения к больным воспитанникам со стороны сотрудников, что воспринимается несовершеннолетними крайне негативно. Для работы с такой трудной категорией лиц требуются квалифицированные специалисты, постоянно совершенствующие свой профессиональный уровень, способные качественно и эффективно осуществлять обучение воспитанников.

В условиях нестабильности социально-политической обстановки, безработицы и вынужденной миграции населения, снижения жизненного уровня семей отмечается постоянный рост социального

сиротства, что не может не отразиться на УИС. Самое опасное последствие социального сиротства – это прямой вред здоровью. Среди несовершеннолетних осужденных все больше детей хронических алкоголиков, наркоманов, больных наследственными болезнями и т.п. В 30–40% случаев преступлений установлено интенсивное отрицательное влияние примера со стороны родителей и других старших членов семьи (злоупотребление алкоголем, грубость и жестокость) [5. С. 277] и как следствие – СЗЗ в раннем возрасте. Некоторые из подростков поступают в ВК уже с запущенными формами данных заболеваний. Каждый из них нуждается в персональной опеке со стороны государственных, муниципальных органов и общественных организаций.

Нередки случаи, когда администрации ВК сложно разобраться, не нарушены ли права несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ. Например, администрации ВК не хватает полномочий для ознакомления с их жилищной ситуацией, а у отдела опеки и попечительства они имеются. С помощью последнего можно выяснить конкретные обстоятельства по соблюдению прав в отношении осужденных-сирот, осужденных-инвалидов и осужденных, оставшихся без попечительства родителей. В ВК должна быть исчерпывающая информация о родственниках, жилищных условиях, здоровье воспитанника, оставшегося без попечения родителей. Часто данные о состоянии здоровья приходится собирать практически с нуля. Медицинские карты, как правило, заводятся заново, со слов воспитанника, где часть информации требует тщательной перепроверки. Случается, что вновь прибывший несовершеннолетний заявляет, что он круглый сирота, хотя на самом деле оба родителя имеются, а другой пытается скрыть, что родители лишены родительских прав. Помощь в сборе нужной информации смогут оказать органы опеки и попечительства. В свою очередь сотрудники ВК также должны оказывать содействие органам опеки. Случается, что органы опеки даже не знают, что подросток отбывает наказание в местах лишения свободы.

Не решен вопрос юридического статуса администрации ВК в отношении несовершеннолетних осужденных-сирот, в том числе имеющих СЗЗ. Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об опеке и попечительстве”» были внесены изменения в п. 4 ст. 35 Гражданского кодекса РФ. Обязанности опекунов и попечителей теперь возлагаются на администрацию ВК, но только в отношении недееспособных и не полностью дееспособных. Ранее администрация ВК выступала в качестве опекуна или попечителя в отношении всех нуждающихся осужденных. Согласно действующим правовым нормам данные обстоятельства закреплены за территориальными органами опеки и попечительства по месту жительства несовершеннолетнего осужденного [6. С. 214].

Поскольку администрация ВК не имеет необходимых полномочий при решении вопросов защиты прав и социальных гарантий несовершеннолетних сирот, в

том числе имеющих СЗЗ, она вынуждена регулярно обращаться с ходатайствами в территориальные органы опеки. Такое взаимодействие ведется в условиях территориальной удаленности, связь с подопечным осужденным теряется, а функции по защите прав и законных интересов подопечных органами опеки и попечительства (за исключением контроля за сохранностью жилья и имущества опекаемых) фактически возлагаются на администрацию ВК.

Полагаем, что порядок выполнения обязанностей по оказанию подопечным различной помощи, их правовой и социальной защите должен быть конкретизирован и законодательно закреплен внесением соответствующих изменений в Федеральный Закон «Об опеке и попечительстве». Кроме того, в указанный закон необходимо включить положения, устанавливающие полномочия администрации ВК по организации социальной помощи несовершеннолетним осужденным, имеющим статус сирот.

Важным фактором, замедляющим успешную адаптацию подростка, является отсутствие свободного помещения в ВК, в котором он мог бы отдохнуть от других осужденных. Особенно остро данная проблема наблюдается у несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ. Часто подростки скрывают свои заболевания от других осужденных, однако в условиях ограниченного пространства осуществить это бывает очень сложно. В большинстве своем здоровые подростки относятся отрицательно к больным осужденным, что нередко приводит к конфликтным ситуациям.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» предполагают дальнейшее развитие благоприятных условий для получения осужденными общего, начального, среднего, профессионального и высшего образования посредством заочного и дистанционного обучения; разработку и внедрение специальных методик обучения, учитывающих уровень умственного развития и педагогической запущенности осужденных, а также образовательных и коррекционных программ работы с различными категориями осужденных (в том числе имеющих СЗЗ).

В последнее время наблюдается тревожная тенденция снижения уровня образования у осужденных, поступающих в ВК: увеличилось число осужденных, не имеющих никакого образования, каждый второй из них, кроме того, имеет то или иное психическое заболевание. У большинства несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ, возраст не соответствует уровню образования. Сегодня общеобразовательная школа и профессиональные училища в ВК – это не просто организации по оказанию образовательных услуг, по своей значимости они являются основным социальным институтом, т.е. центром не только образовательного, но и воспитательного процесса с осужденными (ч. 1 ст. 141 УИК РФ) [7. С. 24].

Ситуация складывается таким образом, что осужденные подростки, имеющие СЗЗ, часто оказываются ограничены в получении школьного или профессио-

нального образования, многие из них не могут учиться в обычной школе или профессиональном училище по состоянию здоровья, не всегда одноклассники готовы «принять» больного подростка. Проблема таких осужденных должна иметь исключительно индивидуальное решение для подростка, учитывая степень тяжести заболевания, психологическое и психическое состояние и др. Обучение в общеобразовательной школе подходит далеко не всем. К сожалению, не всегда педагоги готовы работать с больными осужденными. Часто их переводят в категорию «необучаемых». Возможно, эти осужденные еще просто психологически не совсем готовы к пребыванию в большом коллективе. Для некоторых осужденных, имеющих СЗЗ, лучшим вариантом может оказаться обучение в отряде по индивидуальному плану.

Значительную помощь в разрешении этих проблем может оказать социальный работник, прямой обязанностью которого является установление цепочек взаимодействия: связь с психологом, медицинскими работниками, учителями, администрацией ВК, а также связь с представителями вспомогательных социальных структур. В соответствии с приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» социальный работник должен иметь не только кратковременные задачи по адаптации осужденного в ВК. Обязанность его состоит и в разъяснении всех прав и льгот, положенных несовершеннолетнему, имеющему СЗЗ, при достижении совершеннолетия. С целью содействия позитивной социализации и ресоциализации, предотвращения совершения ими повторных преступлений социальным работникам ВК необходимо оказывать адресную помощь при подготовке их к освобождению.

Проблемы ухудшения состояния здоровья несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ, стоят достаточно остро. Укрепить здоровье и сберечь от повторных преступлений подростков – значит проявить реальную заботу об охране и пополнении трудового потенциала общества. В связи с этим является важным забота о своем здоровье в жизни несовершеннолетних осужденных. Такие осужденные должны научиться в ВК правильно планировать свою трудовую, семейную и личную жизнь, нести индивидуальную ответственность за все, включая собственное здоровье и благополучие.

Актуальной проблемой является правовая безграмотность несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ. В настоящее время государством проводится активная политика, направленная на предоставление детям различных социальных льгот и преимуществ, их качественное улучшение. Данную позицию отражает Указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», которым определено направление деятельности по преодолению важнейших проблем детства и материнства в России. Помимо указанного правового акта, выделяются и другие, направленные на поддержку отдельных категорий несовершеннолетних. Например, распоряжение Пра-

вительства РФ от 21 сентября 2013 г. № 1701-р «Об утверждении комплекса мер по предоставлению жилья детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа на период 2013–2017 годов», а также многочисленные законы и иные нормативно-правовые акты органов власти субъектов РФ [8. С. 8].

К сожалению, о предоставляемых льготах (и их изменении) часто не знают не только осужденные подростки, но и их родители или законные представители. Когда речь идет об осужденных, имеющих СЗЗ, и инвалидах, проблема обостряется многократно, что подтверждает правильность решения законодателя о возможности таких лиц узнать о своих правах, способах их реализации и защиты, а также получить квалифицированную бесплатную юридическую помощь.

Основная роль в деле оказания бесплатной юридической помощи осужденным отводится «специализированным» субъектам, т.е. государственным организациям и структурам, курирующим вопросы защиты прав детей-инвалидов, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, несовершеннолетних осужденных. К их числу можно отнести различные федеральные и региональные министерства и ведомства (например, ФСИН России), а также Уполномоченного по правам человека в РФ, Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и др. [Там же. С. 9].

Одной из наиболее перспективных форм оказания юридической помощи несовершеннолетним, имеющим СЗЗ, в рамках деятельности юридических клиник является систематическое правовое просвещение и правовое информирование, проводимое курсантами и студентами образовательных организаций ФСИН (например Академии ФСИН России и Вологодского института права и экономики ФСИН России). Не менее перспективной и эффективной формой оказания правовой помощи несовершеннолетним осужденным может служить создание на базе ВК постоянно действующих приемных. Их главное отличие от основных форм деятельности клиник заключается в том, что контроль за приемом воспитанников, качество консультаций ложится на плечи сотрудников ВК, на базе которой будет образована приемная [Там же. С. 10].

Указанные формы оказания юридической помощи несовершеннолетним осужденным, имеющим СЗЗ, в рамках функционирования юридических клиник не являются единственными и обязательными. Однако они могут служить гарантией того, что несовершеннолетние, преступившие закон, будут иметь возможность дополнительно реализовывать конституционное право на бесплатную и квалифицированную юридическую помощь.

Серьезной проблемой, связанной с несовершеннолетними осужденными, имеющими СЗЗ, является то, что часто отбываемый срок лишения свободы не заканчивается с наступлением совершеннолетия данного лица. Подавляющее большинство таких осужденных по достижении 18 (19) лет переводятся в исправительные колонии общего режима для совершенно-

летних осужденных, где условия содержания и нормы обеспечения иные.

При переводе осужденных из ВК в исправительные учреждения для взрослых такие лица испытывают большие трудности, связанные с адаптацией, им необходима дополнительная психологическая поддержка. Психологи констатируют, что среди осужденных, отбывающих лишение свободы и совершивших суицид, большой процент приходится на лиц, переведенных из ВК.

На наш взгляд, причин этого у таких осужденных много. Одна из них – это внезапное прекращение работы с ними психологов. Если в ВК несовершеннолетний получает постоянную помощь психолога, его поведение корректируется, с ним работают над формированием его личности, системы ценностей, то после перевода эта работа прекращается. Соответственно, он вынужден сам справляться со всеми проблемами, возникающими у него, а их много, поскольку действительная реальность исправительных учреждений для взрослых не соответствует его предыдущим представлениям.

Вместе с тем оставление в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, а именно в целях завершения среднего общего образования или профессионального обучения осужденными, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет, регламентируется ст. 139 УИК РФ. Полагаем, что в данную статью следуют включить и норму о возможности оставления в ВК осужденных, достигших совершеннолетия, а именно в целях завершения диагностики и назначения методов лечения СЗЗ для больных осужденных, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет.

План медицинских мероприятий в отношении такого больного определяет врач филиала МСЧ для каждого индивидуально. Перед переводом из ВК необходимо производить заключительный осмотр больного СЗЗ врачом, а при необходимости – врачом-специалистом муниципального здравоохранения. При переводе осужденного, имеющего СЗЗ, из ВК в ИК общего режима требуется преемственность медицинской помощи – продолжение диагностической концепции или схемы лечения, что нередко вызывает сложности. Для того чтобы обеспечить качественную медицинскую помощь и сохранить доверие больного подростка СЗЗ, а также до стабилизации состояния здоровья и необходима предлагаемая норма.

Осужденный, имеющий СЗЗ, продолжая находиться в ВК, в свою очередь, обязан: заботиться о собственном здоровье, принимать своевременные меры по его сохранению, укреплению и восстановлению; уважительно относиться к работникам филиала МСЧ; выполнять рекомендации медицинских работников, необходимые для реализации избранной тактики лечения; соблюдать правила внутреннего распорядка ВК. Если осужденный, имеющий СЗЗ, не выполняет указанные требования, администрации предоставляется возможность перевести его в ИК общего режима.

В настоящее время продолжается реализация программы по совершенствованию ВК на 2015–2018 гг. Решается вопрос о внесении поправок в УИК РФ, предусматривающих увеличение срока отбывания

наказания в ИУ для несовершеннолетних в тех случаях, когда срок наказания переходит за границу совершеннолетия осужденного. Для положительно характеризующихся осужденных предлагается увеличить возрастную границу до 21 года. Эта инициатива возникла на основании многочисленных обращений воспитанников колоний к уполномоченным по правам ребенка по всей стране и разработок специалистов в этой области [9. С. 12]. В большинстве случаев срок отбывания наказания в ВК превышает наступление совершеннолетия и воспитанники, как только им исполняется 19 лет, отправляются в колонии общего режима, несмотря на то что многие из них стали исправляться и могли бы остаться в учреждении. К тому же большинство несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, в связи с желанием изменить свою жизнь к лучшему и положительными характеристиками переведены в облегченные и льготные условия и потенциально готовы к переводу в колонию-поселение. В связи с этим законопроект «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» наряду с оставлением осужденных в ВК до 21 года предусматривает также возможность: перевода положительно характеризующихся несовершеннолетних осужденных, достигших 18 лет, из ВК в колонию-поселение; создания в ИК участков, функционирующих как ВК. Предполагаемые поправки в УИК РФ позволят сохранить постоянство лечащего врача и медицинского персонала для осужденных, имеющих СЗЗ.

Статья 142 УИК РФ закрепляет за родителями осужденных *право создавать в ВК родительские комитеты*, которые играют большую роль в воспитании несовершеннолетних осужденных. Деятельность родительских комитетов регулируется положением, утверждаемым начальником ВК. Необходимо привлекать членов родительского комитета для решения вопросов трудового и бытового устройства подростков, имеющих СЗЗ, по месту жительства после освобождения. Полагаем, что родительские комитеты необходимо отнести к формам общественного воздействия (как это было ранее).

При диагностировании СЗЗ у несовершеннолетних осужденных в СИЗО или в ВК необходимо реагировать на данную проблему на уровне надзорных органов по выявлению виновных. Следует проводить прокурорские проверки в отношении органов по делам несовершеннолетних, органов опеки, органов здравоохранения по выполнению ими должностных обязанностей по выявлению подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, контроль за прохождением обязательных медицинских осмотров в учебных заведениях. Как показывает практика, именно несовершеннолетние, ведущие аморальный образ жизни, употребляющие наркотики, алкоголь, чаще подвержены СЗЗ. В этом случае необходимо выявить и лиц, подтолкнувших подростка к употреблению наркотиков, алкоголя. Следовательно, сегодня в борьбе с СЗЗ целесообразно внести в законодательство нормы, определяющие ответственность контролирующих органов за социальное положение несовершеннолетних в обществе.

В заключение можно констатировать, что СЗЗ относятся к наиболее актуальным вопросам современности и стали одной из основных угроз здоровью населения, прежде всего подростков и молодежи. В последние десятилетия наблюдается существенное увеличение числа несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ. Подростки, поступающие в пенитенциарные учреждения России, характеризуются крайне низким уровнем физического и психического здоровья. Существенная их часть страдает сочетанной патологией. Среди причин плохого здоровья важное место принадлежит неблагоприятному социальному фону, низкому общекультурному уровню, а также недостаточному знанию вопросов соблюдения личной гигиены. Ведущей причиной, влияющей на состояние здоровья поступающих в ВК подростков, оказывается растущая приверженность к различным пагубным зависимостям. Практика показывает, что у несовершеннолетних осужденных абсолютно отсутствует интерес к сохранению собственного здоровья, несмотря на то что 84,2% имеют те или иные нарушения здоровья. Эта проблема требует не только лечебно-профилактических и воспитательных мер со стороны специалистов медицинских и педагогических структур учреждения, но и формирования потребности в здоровом образе жизни несовершеннолетних преступников. С этой целью предлагается особое внимание уделять темам профилактики заболеваний большого социального риска, вреда здоровью негативных форм поведения, а также мероприятиям, направленным на популяризацию здорового образа жизни.

Полное отсутствие компетенции в вопросах личной гигиены способствует высокой доле инфекций, передающихся преимущественно половым путем среди подростков, поступающих в ВК [3]. В связи с этим требуется большая работа по повышению уровня санитарной культуры данной категории граждан, гигиеническому воспитанию и санитарному просвещению, настойчивому внедрению элементарных гигиенических навыков, способствующих осознанному отношению к своему здоровью и личной безопасности.

Необходимо признать актуальной задачу по охране здоровья подростков, содержащихся в местах лишения свободы, как одного из неотъемлемых компонентов социально реабилитированной личности. Существует объективная необходимость подготовки врачей-педиатров и медицинского персонала ВК в области подростковой медицины. При поступлении несовершеннолетнего осужденного в ВК требуется активизировать деятель-

ность социального работника, направленную на обеспечение благоприятных условий для адаптации подростка к условиям лишения свободы, осуществление его социальной защиты в период отбывания наказания, восстановление и укрепление социально полезных связей, содействие в трудовом и бытовом устройстве после освобождения. Необходимо совершенствование механизма социальной защиты осужденных, имеющих СЗЗ, с целью пресечения фактов нарушения их прав в ВК. Для этого целесообразно разработать программу повышения уровня знаний сотрудников ВК в сфере социальной защиты больных осужденных.

Для решения проблемы обучения несовершеннолетних нами предлагается создать в ВК психолого-медико-педагогические комиссии, по решению которых для осужденных, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, организуется специальное обучение в отряде по индивидуальному плану.

Необходимо разработать программу по профилактике СЗЗ и обеспечить ее выполнение в образовательных учреждениях ВК, что будет способствовать сохранению и укреплению физического и психического здоровья, активизировать проведение спортивных соревнований, обеспечить активный творческий досуг и занятость осужденных в секциях, шире использовать информационно-просветительскую работу.

Кроме того, целесообразно укомплектовать штаты врачами-специалистами (нарколог, психиатр, инфекционист), повысить ответственность пенитенциарных врачей по своевременному выявлению осужденных с факторами риска возникновения СЗЗ и эффективность работы по их профилактике, лечению и реабилитации, организовать в образовательных учреждениях ВК наркологические посты (в состав которых входят психолог, педагог, медицинский работник) по выявлению подростков, склонных к употреблению наркотиков, проводить индивидуальные работы с данным контингентом.

Проблема СЗЗ у несовершеннолетних осужденных в научном и практическом аспектах отличается высокой актуальностью. При хорошо организованной диагностике, качественном лечении, правильном воспитании, обучении, подготовке к трудовой деятельности подавляющее число несовершеннолетних осужденных, имеющих СЗЗ, способны социально адаптироваться, на бытовом уровне они почти не отличаются от здоровых сверстников. Это возможно в тех случаях, когда несовершеннолетний будет жить в психологически и социально защищенных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов П.В. Роль воспитательных колоний в системе исполнения наказания // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 5 (19). С. 27–29.
2. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 01.03.2018).
3. Половникова А.А., Давыдова Н.В. Оценка состояния здоровья осужденных в воспитательных колониях, участвующих в эксперименте по апробации модели воспитательного центра // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 4 (131). С. 28–33.
4. Ощепков А.Л. Некоторые дискуссионные вопросы преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры для несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 43 (302). С. 58–63.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / М.П. Журавлев и др.; под ред. А.И. Рарога. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. 784 с.
6. Тищенко Е.Я. Социально-правовая защищенность несовершеннолетних осужденных : сб. тез. выступлений и докл. участников II Междунар. пенитенциарного форума (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2015. С. 213–216.

7. Аналитические материалы работы по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры. : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.В. Быкова. М., 2013. 130 с.
8. Борцов А.В. Оказание бесплатной юридической помощи несовершеннолетним: пути реализации в рамках деятельности юридических клиник при образовательных организациях УИС // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2015. № 3. С. 7–11.
9. Краснов Ю.А. Исполнение лишения свободы в отношении осужденных, достигших совершеннолетия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. : Академия ФСИН России, 2013. 24 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2018 г.

EXECUTING THE SENTENCE OF IMPRISONMENT FOR MINORS WITH SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 246–253.

DOI: 10.17223/15617793/435/31

Yuriy A. Kashuba, Academy of the Federal Penitentiary System of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: koshianatol@yandex.ru

Irina S. Nistratova, Academy of the Federal Penitentiary System of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: nistratova_is@mail.ru

Keywords: places of deprivation of liberty; juvenile correctional facilities; juvenile convicts; socially significant diseases; social adaptation; health of juvenile convicts.

The aim of the article is to consider the features relating to the execution of deprivation of liberty in respect of juvenile convicts with socially significant diseases, and their social rehabilitation. Execution of sentences in juvenile correctional facilities faces the problems of deterioration of minors' health and an increase in the number of persons with socially significant diseases. Among the reasons for this state of convicts, an important place belongs to the unfavorable social background, low cultural level, drug or alcohol addiction, as well as a completely insufficient observance of personal hygiene. The authors' research shows that juvenile offenders have no interest in protecting their own health, although 84.2 per cent have some health disorders. Consequently, when executing the sentence of imprisonment, medical professionals and teaching staff should not only arrange therapeutic, preventive and educational measures, but also help juvenile offenders cultivate the basic hygienic habits and the need to live a healthy life. It is recognized that the task of protecting the health of adolescents in juvenile correctional facilities as an integral component of a socially rehabilitated person is important. In order to ensure the adaptation of a minor to the prison environment and to provide social protection during their serving the sentence, it is necessary to strengthen the role of a social worker in juvenile correctional facilities, as well as to develop a training program for employees in the field of social protection of convicts with health problems. The existing limitations due to socially significant diseases prevent many minors from attending normal classes or a vocational school for health reasons and for problems of peer relations. For this reason, it is proposed to establish psychological, medical and pedagogical committees which will provide special training for convicts with serious health problems according to an individual plan in juvenile correctional facilities. Health care is an essential element of minors' term in a juvenile correctional facility. When such convicts are transferred to a general penal colony, they must take care of their health on their own. Therefore, in order to provide adequate health care and to carry on diagnosis and therapy of convicts with socially significant diseases up to stabilization of their health, it is necessary to keep persons who have reached the age in juvenile correctional facilities until the expiration of their sentence, but no longer than by the age of 19.

REFERENCES

1. Ivanov, P.V. (2008) Rol' vospitatel'nykh koloniy v sisteme ispolneniya nakazaniya [The role of juvenile correctional facilities in the penitentiary system]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*. 5 (19). pp. 27–29.
2. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Characteristics of persons held in juvenile correctional facilities]. [Online] Available from: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/>. (Accessed: 01.03.2018)
3. Polovnikova, A.A. & Davydova, N.V. (2013) Otsenka sostoyaniya zdorov'ya osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh, uchastvuyushchikh v eksperimente po aprobatsii modeli vospitatel'nogo tsentra [Assessment of the health status of convicts in juvenile correctional facilities that participated in the experiment on testing the model of an educational center]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 4 (131). pp. 28–33.
4. Oshchepkov, A.L. (2012) Nekotorye diskussionnye voprosy preobrazovaniya vospitatel'nykh koloniy v vospitatel'nye tsentry dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley [Some debatable questions of the transformation of juvenile correctional facilities into educational centers for juvenile offenders]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of South Ural State University, Series "Law"*. 43 (302). pp. 58–63.
5. Rarog, A.I. (ed.) (2014) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. General and Special Parts']. 8th ed. Moscow: Prospekt.
6. Tishchenko, E.Ya. (2015) [Social and legal protection of juvenile convicts]. Proceedings of the II International Penitentiary Forum (on the 60th anniversary of the adoption of the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners and the 30th anniversary of the adoption of the Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice). Ryazan. 25–27 November 2015. Ryazan: FSIN of Russia Academy. pp. 213–216. (In Russian).
7. Bykov, A.V. (2013) *Analiticheskie materialy raboty po preobrazovaniyu vospitatel'nykh koloniy v vospitatel'nye tsentry* [Analytical materials of work on the transformation of juvenile correctional facilities into educational centers] Moscow: NII FSIN Rossii.
8. Bortsov, A.V. (2015) Okazanie besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi nesovershennoletnim: puti realizatsii v ramkakh deyatel'nosti yuridicheskikh klinik pri obrazovatel'nykh organizatsiyakh UIS [Providing free legal assistance to minors: the ways of implementation within the framework of the activities of legal clinics at educational institutions of the penitentiary system]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 3. pp. 7–11.
9. Krasnov, Yu.A. (2013) *Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh, dostigshikh sovershennoletiya* [Execution of imprisonment in respect of convicts who have reached the age]. Abstract of Law Cand. Dis. Ryazan.

Received: 05 September 2018

К ПРОБЛЕМЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрены изменения, внесенные в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности» Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ. Анализируется соответствие указанных изменений выделенным в юридической литературе принципам криминализации деяний. Рассматривается, насколько эти принципы учтены законодателем при принятии им решения о необходимости криминализации деяний, запрещаемых статьями 171.3 и 171.4 УК РФ. Дается предложение о необходимости совершенствования ст. 171.3 УК РФ.

Ключевые слова: проблема; Уголовный кодекс Российской Федерации; общественные отношения в сфере экономической деятельности.

В июле 2017 г. в охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации законодателем снова были внесены значительные дополнения. В соответствии с Федеральным законом РФ от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ в обозначенную главу введены новеллы: ст. 171.3 – «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; ст. 171.4 – «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». По мнению законодателя, обозначенное дополнение обусловлено следующими обстоятельствами.

Начавшаяся в 2012 г. акцизная реформа привела к двукратному росту цен на легальную водку: если в 2010 г. самая дешевая стоила от 100 до 110 руб. за 0,5 л, то в 2015 г. – от 200 до 220 руб. за 0,5 л. При этом цены на нелегальную водку остались прежними – 100 руб. за 0,5 л. Таким образом, потребителем делается выбор в пользу именно дешевой нелегальной водки. В результате занимаемый легальной водкой сегмент рынка постепенно оказывается замещенным дешевой нелегальной водкой, при обороте которой не уплачиваются налоги. Одновременно с их неуплатой, по данным Минздрава России, в стране ежегодно от потребления нелегальной водки умирает 35–40 тысяч человек. При этом санкции ст. 171 УК РФ фактически несоизмеримы как с доходами, извлекаемыми в результате осуществления рассматриваемой деятельности без лицензии, так и с приведенными тяжкими последствиями [1]. На наш взгляд, применение для борьбы с данной деятельностью ст. 171 противоречит и принципу законности уголовного права, отраженному в ст. 3 УК РФ, поскольку правоприменитель сможет произвольно «расширить» сферу действия указанной нормы, используя ее по аналогии. Таким образом, введение в главу 22 УК РФ рассматриваемых новелл и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности являются необходимыми, поскольку ликвидируется значительный законодательный пробел.

Несмотря на указанную необходимость, может возникнуть ситуация, когда введенные законодателем уголовно-правовые новеллы оказываются практически неприменимыми. Одновременно может возникнуть

ситуация, когда эти новеллы, несмотря на кажущуюся, с точки зрения законодателя, необходимость их введения, окажутся «лишними». Приведенные ситуации представляют собой последствия пренебрежения законодателем принципами криминализации деяний. В настоящее время глава 22 УК РФ является ярким примером такого пренебрежения [2. С. 93]. Таким образом, актуальной является проблема соответствия указанным принципам решения законодателя о дополнении этой главы рассматриваемыми новеллами.

Прежде всего следует установить, является ли обозначенное решение научно обоснованным. В качестве одного из принципов криминализации деяний выделяется принцип научного подхода к ней. Этот принцип рекомендует законодателю активно привлекать к созданию уголовно-правовых новелл как ученых, так и практических работников. Важность их привлечения в том, что ученые обладают возможностью прогнозировать действия уголовно-правовых новелл в будущем, а практические работники способны дать полезные рекомендации при формулировке этих новелл, а также по учету законодателем при решении вопроса об их введении особенностей правоприменительной практики. Из приведенной Пояснительной записки [1] следует, на наш взгляд, что законодатель при решении вопроса о криминализации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 171.3–171.4 УК РФ, принял во внимание ситуацию, сложившуюся в области противодействия незаконному производству и реализации алкогольной продукции. Об этом свидетельствуют, в частности, содержащиеся в указанной записке статистические данные по числу лиц, умерших от употребления нелегально произведенной алкогольной продукции. Одновременно в этой записке сумма «крупного размера» применительно к ст. 171.3 рассчитывается достаточно точно, «исходя из стоимости минимальной партии алкогольной продукции, возможной к перевозке автомобилем “Газель”, – 150 коробок водки по 20 бутылок каждая» [Там же]. Таким образом, решение законодателя о криминализации указанных деяний выглядит научно обоснованным.

В качестве следующего рассматривается принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления. Особенная часть Уголовного кодекса РФ объединяет разделы и главы. В каждую из глав вклю-

чены нормы, охраняющие конкретные общественные отношения. В частности, в главе 21 «Преступления против собственности» сконцентрированы все общественно опасные посягательства на отношения собственности. Таким образом, в обозначенной главе этот принцип криминализации деяний законодателем соблюден. Однако в главе 22 УК РФ законодатель от указанного принципа отступил. Пример тому – отсутствие в данной главе единого объекта, объединяющего все преступления. Большинство из преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами главы 22, посягают на общественные отношения, не являющиеся рыночными экономическими отношениями. В частности, преступления, запрещаемые статьями 174–175 УК РФ. По своей правовой природе эти преступления представляют собой посягательства на деятельность органов правосудия, о чем отмечается в юридической литературе [3. С. 9]. Поэтому данные нормы следует перенести в главу 31 «Преступления против правосудия». То же необходимо и в отношении иных норм, например, ст. 169 УК РФ, предусматривающей ответственность за «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», являющихся по своей правовой природе разновидностью должностных преступлений, запрещаемых нормами главы 30 УК РФ.

По нашему мнению, для избежания «перегрузки» главы 22 УК РФ нормами, запрещающими преступления, не посягающие на рыночные экономические отношения, необходимо исследование правовой природы деяний, запрещаемых статьями 171.3, 171.4 УК РФ. Согласно логике законодателя состав преступления, запрещаемого ст. 171.3, является специальным по отношению к ст. 171 [1]. На это указывает такой элемент диспозиции ст. 171.3 УК РФ, как отсутствие «соответствующей лицензии», имеющий место и в диспозиции ст. 171 УК РФ. Объективная сторона деяния, запрещаемого ст. 171.3, представляет собой незаконную деятельность как по производству, так и по закупке, поставке, хранению, перевозке либо розничной продаже этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без указанной лицензии. Таким образом, обозначенное деяние по своей правовой природе представляет собой одно из проявлений недобросовестной конкуренции, причиняющей существенный вред нормальному функционированию рыночной экономики, «нервом» которой и является конкуренция. Следовательно, введение законодателем ст. 171.3 именно в главу 22 УК РФ, как и в предыдущей ситуации, не противоречит исследуемому принципу криминализации деяний.

Статьями 171.4 УК РФ, также представляющая собой новеллу, направлена на борьбу с незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Обозначенная продажа, согласно Примечанию 1 к данной уголовно-правовой норме, представляет собой «розничную продажу такой продукции физическим лицом либо продажу алкогольной продукции лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица». Таким образом, следуя буквально логике законодателя, указанная новелла по ее правовой при-

роде представляет собой проявление незаконной предпринимательской деятельности, в отличие от ст. 171.3, только в сфере розничной торговли пищевыми продуктами. Поэтому какое-либо противоречие принципу криминализации деяний по видовому объекту преступления в рассматриваемой ситуации отсутствует.

Во избежание появления «мертвых» уголовно-правовых новелл законодателю следует связывать свое решение о криминализации деяний, запрещаемых ими, с положениями Общей части УК РФ. В этом состоит основное содержание следующего принципа криминализации деяний – принципа соответствия вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части уголовного закона. Среди последних особое влияние на криминализацию какого-либо деяния оказывают принципы уголовного права, отраженные в статьях 3–7 УК РФ, в частности принцип законности (ст. 3) и принцип вины (ст. 5).

Одно из важнейших значений принципа законности состоит в обозначении четких границ преступного и непротивоправного. По нашему мнению, в диспозициях статей 171.3–171.4 УК РФ указанные границы установлены законодателем достаточно четко. Об этом свидетельствует, в частности, такой конструктивный признак ст. 171.3, как установление законодателем в ее диспозиции «крупного размера», а также «особо крупного размера», превышающих соответственно «сто тысяч рублей» и «один миллион рублей». В рассматриваемой ситуации законодатель указывает адресатам закона, что деяние, запрещаемое обозначенной новеллой, преследуется в уголовно-правовом порядке только тогда, когда лицо совершает действия, выходящие за пределы этого уголовно-правового критерия.

Также на четкое установление границ преступного и непротивоправного поведения указывает и Примечание к ст. 171.4 УК РФ, в котором даются четкие дефиниции отдельных элементов ее диспозиции – «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» и «неоднократное совершение ее». Согласно буквальному толкованию диспозиции обозначенной уголовно-правовой новеллы последняя должна применяться лишь в случаях «неоднократного совершения» лицом запрещаемого ею деяния. Этим, по нашему мнению, и определяются четкие границы действия ст. 171.4. Таким образом, данный принцип законодателем соблюден. Представляется, что при практическом применении рассматриваемых новелл у правоприменителя не возникнет каких-либо сложностей, связанных с толкованием отдельных элементов их диспозиций.

Отраженный в ст. 5 УК РФ принцип вины устанавливает, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Последняя представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и общественно опасным последствиям. В сфере экономической деятельности все преступления совершаются с прямым умыслом –

лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления – ч. 2 ст. 25 УК РФ. Рассматриваемые новеллы, на наш взгляд, не исключение, поскольку лицо, совершая запрещаемые ими деяния, преследует цель незаконного извлечения доходов, причиняя ущерб как отношениям конкуренции, так и иным субъектам, осуществляющим экономическую деятельность. Следуя букве закона, указанное лицо действует «намеренно». Таким образом, обозначенный принцип также принят во внимание законодателем.

Во избежание формулирования как «мертвых», так и имеющих низкую эффективность уголовно-правовых новелл законодателю необходимо принять во внимание и правила законодательной техники, значение которых достаточно велико. В этом состоит такой принцип криминализации деяний, как принцип соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета. Следуя обозначенным правилам, элементы, составляющие уголовно-правовой запрет, должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключалось их произвольное толкование. Не являются исключением и статьи 171.3–171.4 УК РФ.

Согласно названию, ст. 171.3 предусматривает уголовную ответственность за «незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». В названии указанной новеллы законодателем оказались использованы сразу два союза – «и», «или». Таким образом, данное название оказалось «размытым», поскольку не ясно, за совершение какого именно деяния ст. 171.3 УК РФ установлена ответственность. Одновременно оказалась «размытой» и диспозиция этой новеллы, поскольку в ней законодателем также не «отделяется» производство этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции от ее закупки, поставок, хранения, перевозок. При этом только один элемент данной диспозиции – «розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» – оказался «отделенным» от остальных, как и в названии ст. 171.3, двумя союзами – «и», «или», что также свидетельствует о недостатках ее законодательной конструкции. В связи с этим, по нашему мнению, могут возникнуть затруднения с практическим применением ст. 171.3, поскольку не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к уголовной ответственности – либо только за производство, либо только за закупку (включая импорт), либо только за поставки (включая экспорт), либо только за хранение, либо только за перевозки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции «без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере». При этом дефиниция «крупный размер» имеет место в Примечании к ней. Также в этом примечании имеет место и дефиниция «особо крупного размера», о котором отмечается в ч. 2 ст. 171.3 УК РФ. Согласно данному Примечанию «крупным размером в настоящей статье признается

стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии, превышающая сто тысяч рублей», «особо крупным – один миллион рублей». Указанные размеры законодателем устанавливались индивидуально для ст. 171.3 с учетом специфики охраняемых ею общественных отношений, что не противоречит правилам законодательной техники [4. С. 25]. Таким образом, в диспозиции этой новеллы законодателем достаточно точно раскрыты лишь отдельные ее элементы, и то являющиеся оценочными терминами. Объективная сторона запрещаемого ею деяния фактически оказалась «размытой», что, по нашему мнению, свидетельствует о несоблюдении последним исследуемого принципа криминализации деяний. Таким образом, необходима доработка законодательной конструкции рассматриваемой уголовно-правовой новеллы.

Статья 171.4 УК РФ, как видно из ее названия, предусматривается ответственность за «незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Для понимания сущности запрещаемого этой уголовно-правовой новеллой деяния законодателем в Примечаниях 1–2 к ней даны подробные дефиниции как «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», так и «неоднократного» совершения этой продажи. Таким образом, законодательная конструкция ст. 171.4, по сравнению со ст. 171.3, выглядит более совершенной, что свидетельствует о соблюдении законодателем рассматриваемого принципа криминализации деяний.

Одновременно, во избежание создания «мертвых» уголовно-правовых норм, законодателю следует принять во внимание и такой принцип криминализации деяний, как принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права. Выражением указанной согласованности являются бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм. Данные диспозиции имеет большинство составляющих главу 22 УК РФ норм. Не будут исключением и исследуемые новеллы. Подтверждение этому – наличие в диспозиции ст. 171.3 УК РФ элемента «в случаях, если такая лицензия обязательна». Для понимания указанных случаев следует принять во внимание положения ст. 18 Федерального закона РФ от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Таким образом, рассматриваемый элемент диспозиции ст. 171.3 оказался согласованным с положениями норм регулятивной отрасли права.

Одновременно в названии и в диспозиции ст. 171.4 УК РФ имеет место элемент «незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», для уяснения сущности которого необходимо принять во внимание положения ст. 3 Федерального закона РФ от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Как и в предыдущей, в рассматриваемой ситуации также

наблюдается согласование элементов диспозиции уголовно-правового запрета с положениями норм регулятивных отраслей права. Таким образом, обозначенный принцип законодателем соблюден.

Наряду с рассмотренными в процессе криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность, законодателю следует соблюдать и принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений. Известно, что уголовно-правовое вмешательство в указанные отношения является необходимым. Несмотря на обозначенную необходимость, имеют место и пределы такого вмешательства. Представляется, что уголовно-правовые новеллы следует вводить тогда, когда отношения конкуренции, которые являются «нервом» рыночной экономики, причиняется прямой и косвенный вред. В рассматриваемой ситуации под прямым вредом понимаются реальные убытки, понесенные добросовестным предпринимателем; под косвенным – экономический ущерб, причиненный интересам потребителей и экономической безопасности государства. Запрещаемое ст. 171.3 УК РФ деяние представляет собой специальный состав по отношению к ст. 171 УК РФ [1]. Дополнение УК РФ ст. 171.3 было обусловлено нарастающими масштабами проблемы нелегального оборота алкогольной продукции. В указанной ситуации предпочтение отдается именно нелегальной алкогольной продукции, поскольку последняя имеет по сравнению с легальной более дешевую цену [Там же]. В результате реальные убытки способен понести именно добросовестный предприниматель, который окажется неспособным противостоять «оттоку» потребителей обозначенной продукции к нелегальным ее продавцам. Таким образом, имеет место прямой вред. Косвенный вред в рассматриваемой ситуации состоит в причинении ущерба как здоровью потребителей нелегальной алкогольной продукции, так и экономической безопасности государства в виде непоступления значительных сумм налогов в соответствующие бюджеты. При этом нелегальный алкогольный рынок приносит его участникам ежегодно более 100 млрд рублей [Там же]. Таким образом, обозначенный принцип криминализации деяний также соблюден законодателем.

Статья 171.4 УК РФ, следуя ее названию, направлена на борьбу с «незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Обозначенное деяние, как и ст. 171.3, следует рассматривать как специальный состав по отношению к незаконному предпринимательству – ст. 171 [1]. Дополнение главы 22 УК РФ ст. 171.4 имело целью «сокращение объема нелегального оборота алкогольной продукции» [Там же]. Как и в предыдущей, в исследуемой ситуации потерпевшими оказываются как добросовестный предприниматель, так и граждане – потребители нелегальной алкогольной продукции. Таким образом, дополнение указанной главы ст. 171.4 не противоречит рассматриваемому принципу криминализации деяний.

Также законодатель обязан соблюдать и такой принцип криминализации деяний, как принцип недо-

пустимости криминализации деяния без надлежащего правового регулирования экономических отношений. Известно, что для предпринимателей как субъектов рыночных экономических отношений должны быть установлены четкие и однозначные «правила игры». Эти правила устанавливают границы дозволенного, разрешенного поведения в сфере экономической деятельности. Государство должно вести борьбу с противоправными действиями в указанной сфере тогда и постольку, когда и поскольку предпринимательские отношения урегулированы гражданско-правовым, налоговым и иным законодательством. В ситуации, если законодатель не примет во внимание обозначенное обстоятельство, возникает опасность размыwania границ преступного и не преступного, нарушения принципа законности. Побочным эффектом этого размыwania выступает «латентная» криминализация деяний – внутрисистемная дисгармония, дающая возможность трактовать положения уголовно-правовых норм достаточно широко и неопределенно. С данной точки зрения, в диспозициях ст. 171.3–171.4 УК РФ указанная дисгармония отсутствует. В частности, в диспозиции ст. 171.3 законодатель напрямую указывает, что запрещаемое ею деяние является уголовно наказуемым, когда оно осуществляется «без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна». Таким образом, «вторжения» уголовного права в область дозволенного гражданско-правовыми нормами поведения в исследуемой сфере применительно к ст. 171.3 не наблюдается.

То же, по нашему мнению, следует отметить и о ст. 171.4, поскольку данная законодателем в Примечании 1 к ней дефиниция «незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», как и в ситуации со ст. 171.3, сформулирована с учетом положений норм регулятивных отраслей права.

Проведенное исследование ст. 171.3–171.4 УК РФ через призму принципов криминализации деяний позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, введение указанных новелл в Уголовный кодекс является не только необходимым, но и научно обоснованным, поскольку ликвидируется значительный законодательный пробел. Во-вторых, несмотря на обозначенную необходимость, законодательная конструкция диспозиции ст. 171.3 имеет недостаток, заключающийся в «смешении» производства обозначенной в ней продукции с ее закупкой, поставками, хранением, перевозкой, что способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением этой новеллы.

Таким образом, несмотря на дополнение уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности рассмотренными новеллами, проблема его дальнейшего совершенствования, как и ранее, решена не в полном объеме. Обозначенная ситуация является результатом несоблюдения законодателем отдельных принципов криминализации деяний. В частности, принципа соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета. Указанный принцип явно не был принят во внимание в процессе формулирования ст. 171.3 УК РФ, о чем свидетельствуют

серьезные недостатки ее законодательной конструкции. Один из них – использование в ее названии сразу двух взаимоисключающих союзов «и», «или». В обозначенной ситуации, по нашему мнению, следует использовать только один из этих союзов – «и», поскольку это не противоречит положениям норм регулятивной отрасли права, в частности Федерального закона РФ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Следующий из указанных недостатков состоит как в использовании в диспозиции ст. 171.3 перед ее элементом «розничная продажа» сразу двух союзов «и», «или», так и в отсутствии их в начале ч. 1 данной диспозиции. Представляется, что в рассматриваемой ситуации, как и в предыдущей, необходимо перед обозначенным элементом оставить союз «и», что соответствует положениям вышеназванного федерального закона. Также, следуя этим положениям, элементы диспозиции ст. 171.3 УК РФ «закупка (в том числе импорт)», «поставки (в том числе экспорт)», «хранение», «перевозки» относятся к «обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». К данному обороту относится и элемент «розничная продажа». В этой ситуации, на наш взгляд, возможно сформулировать ч. 1 рассматриваемой диспозиции следующим образом:

«1. Производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицен-

зия обязательна, совершенные в крупном размере, – наказываются...».

Обозначенная законодательная конструкция предусматривает и дополнение диспозиции ст. 171.3 Примечанием следующего содержания:

«Примечание 1. Для целей настоящей статьи под оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции понимается закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и розничная продажа такой продукции физическим лицом».

Представляется, что в результате указанной «доработки» ст. 171.3 УК РФ окажется невозможным произвольное толкование отдельных элементов, составляющих ее диспозицию. О негативных последствиях такого толкования, состоящих, в частности, в необоснованном прекращении практическими работниками уголовных дел, отмечалось и в юридической литературе [5. С. 93]. Данная точка зрения не утратила актуальности и сегодня [6. С. 72].

Таким образом, как во избежание этих последствий, так и для решения проблемы дальнейшего совершенствования главы 22 Уголовного кодекса РФ законодательно в процессе принятия им решений о криминализации того или иного деяния, посягающего на общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует придерживаться системы принципов криминализации деяний. В результате указанные решения будут обоснованными, уголовно-правовые запреты, являющиеся результатом криминализации деяний, – глубоко продуманными и разумными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 50030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/57263400/> (дата обращения: 06.12.2017).
2. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
3. Серёжкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : автореф. дис. .... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 24 с.
4. Кострова М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. № 10. С. 24–27.
5. Парог А.И., Грачёва Ю.В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93–100.
6. Ляскало А. Квалификация корпоративных (рейдерских) захватов: вопросы применения ст. 185.4 и ст. 185.5 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 2. С. 70–77.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 мая 2018 г.

ON THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL LEGISLATION FOR THE PROTECTION OF SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 254–259.

DOI: 10.17223/15617793/435/32

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: problem; Criminal Code of the Russian Federation; social relations in sphere of economic activity.

This article focuses on the changes introduced into Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes in the Sphere of Economic Activity” on the basis of Federal Law No 203-FZ of 26 July 2017. In accordance with the law, the chapter was supplemented with Article 171.3 that establishes criminal liability for “production and/or turnover of illicit alcohol”, and Article 171.4 that establishes liability for “illegal retail of alcoholic and alcohol-containing products”. Thus, the legislator first introduces specific legal rules that institute criminal proceedings for production of illicit alcohol, illegal retail of alcoholic and alcohol-containing products, which will make up for gaps in the current legislation. The objective of the research is to examine how far the legislator, under the decision on criminalization of acts prohibited by Article 171.3 and Article 171.4, takes into account the legal principles of criminalization of acts. The comparative method and the method of analysis are applied in the analysis of the legal changes. The research showed that the legislator, in deciding on criminalization of acts where the responsibility is established by the novels subject to Article 171.3 of Criminal Code of the RF, does not observe the “principle of legal rule on criminal injunction planning”. In this connection, the name of the novel proves to be “vague” as it becomes ambiguous: what criminal act is subject to criminal liability – “illegal production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products” or “illegal production or turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products”. Its disposition appears to be “vague” as well since it does not

clearly state the cases of criminal liability – for production only, for purchase only, including import, for delivery only, including export, for possession only or for shipping of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products without a relevant license only. Furthermore, it is still not clear how the component “retail sale” with conjunctions “and/or” correlates with the disposition of Article 171.3. To sum up, to improve the Chapter, amendments should be made to Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; particularly, only the conjunction “and” should remain in the title. The components after “production” can be added to “turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products”.

REFERENCES

1. Garant.ru. (n.d.) *Explanatory note to the draft Federal Law No. 50030-7 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/57263400/>. (Accessed: 06.12.2017). (In Russian).
2. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative techniques in the fight against economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Serezhkina, K.N. (2009) *Prikosnovennost' k prestupleniyu v ugovnom prave Rossii: optimizatsiya norm i praktiki ikh primeneniya* [Implication in a crime in the criminal law of Russia: optimization of the norms and practices of their application]. Abstract of Law Cand. Dis. Samara.
4. Kostrova, M. (2001) *Krupnyy razmer i krupnyy ushcherb po UK RF: yazykovoy aspekt* [Large size and large damage under the Criminal Code of the Russian Federation: the language aspect]. *Zakonnost'*. 10. pp. 24–27.
5. Rarog, A.I. & Gracheva, Yu.V. (2002) *Zakonodatel'naya tekhnika kak sredstvo ogranicheniya sudeyskogo usmotreniya* [Legislative technique as a means of limiting judicial discretion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 93–100.
6. Lyaskalo, A. (2017) *Kvalifikatsiya korporativnykh (reyderskikh) zakhvatov: voprosy primeneniya st. 185.4 i st. 185.5 UK RF* [Qualification of corporate (illegal) takeovers: questions of the application of Art. 185.4 and Art. 185.5 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 70–77.

Received: 16 May 2018

Р.П. Мананкова

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОШИБКИ

Анализируется состояние науки частного права; дается оценка разработкам проблем периодизации, обозначается участие в дискуссии о методологическом кризисе в теории права и судьбе понятия «отрасль права». Критикуется практика недооценки и игнорирования результатов научных исследований в законопроектах. Обращено внимание на неудовлетворительное состояние жилищного законодательства. Отвергается конструкция наследственного фонда. Сделаны критические замечания по поводу качества семейного законодательства, а также выводы о непригодности и несвоевременности концепции по его совершенствованию.

Ключевые слова: правовая система; доктрина; концепция; наследственный фонд; игнорирование; достоинства; ошибки.

Попытки осмыслить качество и своевременность важнейших нормативных актов и обосновывающих их доктринальных источников приобрели уже настолько массовый характер, что пришла пора обобщений.

Авторами многих реализованных законопроектов частно-правового характера уже опубликованы работы, посвященные периодизации гражданского законодательства. Этот вклад трудно переоценить, поскольку в основном, пусть даже иногда схематично, но восполнил существенный пробел в отечественной цивилистике. В учебной дисциплине для магистрантов «История и методология юридической науки» всегда ощущались зияющие пустоты в части вклада конкретных российских ученых в науку гражданского права.

Сейчас четко вырисовывается возможность квалифицированно читать курсы «Кодификация российского частного права», «История развития отечественного гражданского законодательства» и т.д.

На вопрос о достижениях в нашей науке ответить просто – это результат огромного труда, сам действующий Гражданский кодекс Российской Федерации, отвечающий основным запросам времени. Никто больше цивилистов ничего не сделал в эти десятилетия новой жизни. За текстами остались утраты талантливых ученых, страдания, резкие повороты судьбы и т.д. Но есть кодекс и как памятник времени, и как фундамент – «Экономическая Конституция России». В его создании и совершенствовании принимает участие все цивилистическое сообщество, поскольку в целом сложились благоприятные условия для реализации творческих планов. Участие в конференциях перестало быть уделом избранных (в советское время только заведующий кафедрой раз в году имел право на научную командировку и потом подробно докладывал о ее содержании всем остальным членам кафедры). Категории «молодых ученых» вообще, можно сказать, не существовало. Научные сборники трудов вуза позволяли аспиранту опубликовать только одну полноценную статью и одни тезисы в год. Сегодняшние условия несравнимы с прежними, и это тоже факт и тоже достижение, без которого кодекс не мог бы появиться.

О значении нового гражданского законодательства сказано уже так много и верно, что в рамках небольшой статьи есть смысл обратить внимание, причем в

тезисном исполнении, лишь на отдельные существенные моменты.

Прежде всего сокрушительный удар по всей системе советского законодательства нанесли новеллы центрального института права собственности. Закрепленный приоритет частной собственности обусловил исчезновение социалистической собственности как вида и соответственно трех ее форм, а также личной собственности, производной от социалистической, трудовой по происхождению и потребительской по назначению. Эффекта добавили нормы о том, что количество и стоимость любого имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются. Это общие правила, к которым теперь уже привыкли.

Однако некоторые невидимые последствия этого мощного, разрушительного удара по прежней правовой системе начинают проявляться со всей очевидностью буквально в последнее десятилетие. Имеется в виду объявленная дискуссия ученых-теоретиков о методологических проблемах современной российской науки.

Центральный вопрос – о месте и судьбе понятия «отрасль права» в отечественной правовой системе. Суть проблемы заключается в чрезмерной эксплуатации и обесценивании понятия «отрасль права», в размывании критериев отраслеобразования. Появилось более ста отраслей права (!) и более 30 критериев разграничения отраслей вместо традиционных предмета и метода [1. С. 34–40]. На полном серьезе отраслями называют футбольное право, модное право, фирменное право, деликтно-наказательное право, исправительно-лечебное право, право саморегулирования и т.д., причем процесс возрастания их числа продолжается.

Было бы смешно, если бы не было так грустно. За этим нескончаемым валом новых «отраслей права» стоят многочисленные диссертации, в том числе докторские, а также крупные монографии и статьи солидных авторов (Е.М. Ашмарина, Н.В. Витрук, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева и др.). В поисках баланса и предложена очередная (четвертая по счету) дискуссия о системе права, а не просто мероприятия в форме конференций.

А пока зеленый свет получает концепция экономического права, именуемого как мегаотрасль рос-

сийского права. В течение 2011–2017 гг. появилось много работ разного плана, включая монографии Е.М. Ашмариной, В.В. Ершова, Г.Ф. Ручкиной, а также многочисленные статьи в журнале «Государство и право». Опубликованы и обстоятельные обзоры материалов трех российских межвузовских научно-практических конференций на тему «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты».

В последней по времени публикации профессор Е.М. Ашмарина констатирует, что к настоящему моменту юридическая общественность перестала категорически отрицать экономическое право в качестве самостоятельного правового образования, однако еще не в полной мере адаптировалась к факту его наличия в системе российского права как мегаотрасли [2. С. 28].

Обратим внимание на предложенную авторами дефиницию мегаотрасли, поскольку это и свежо, и любопытно. Мегаотрасль – это «правовое построение, основанное на системной рецепции основ всех доктринально признанных отраслей материального российского права и переструктурированное в соответствии с актуальными отечественными направлениями и видами экономической деятельности» [Там же].

Громоздить псевдонаучную концепцию «Экономического права» и рассчитывать на ее официальное признание в качестве мегаотрасли, как видно, вполне реально в условиях рыночных отношений. Для серьезной критики по существу вопроса нет ни малейшего интереса. И хотя конструкторы экономического права упоминают в структуре этого якобы правового образования экономическое уголовное право, специалистам в данной отрасли не стоит рассчитывать на то, что им помогут наконец разобраться с объектом преступления в сфере экономики. Представляется безнадежно неэффективной концепция экономического права как мегаотрасли, а для решения острых насущных проблем в отраслевых науках, в уголовном праве, прежде всего, нужно искать другие пути.

Советский опыт здесь не поможет, он, скорее, отрицательный. По большому счету, полного взаимопонимания между экономистами и юристами по ключевым вопросам не было. Дошло до того, что в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, введенных в действие с 1 мая 1962 г., и затем в Гражданском кодексе РСФСР, действовавшем с 1 октября 1964 г., закреплены нормы о трех формах социалистической собственности, которые применялись в течение многих лет. Однако в Конституции СССР 1977 г. одну из форм потеряли; выяснилось, что над проектом работала комиссия ведущих экономистов, убежденных в наличии двух форм социалистической собственности. Скандал был хотя и в узких кругах, но большой силы; компромисс нашли, добавив в ст. 10 Конституции не совсем корректную с правовой позиции, но все же определенную по смыслу фразу «социалистической собственностью являлся также имуществу профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач». Так или иначе, но советские экономисты-ученые не оставили внятных определений понятий, пригодных для изготовления

легальных, приемлемых для нужд в особенности уголовного права, а именно для норм главы 22 УК РФ. Видные специалисты в области уголовного права уделяют внимание понятиям «экономика», «экономические отношения», «экономическая деятельность». Но со стороны кажется, что внутри отрасли все аргументы уже исчерпаны и нет смысла «буксовать» в рамках одной отрасли еще много лет, нужно выходить на совместные разработки и с экономистами, и с цивилистами. Необходимость объединения усилий ученых, представляющих разные отрасли, обусловлена постоянно проявляющимися проблемами правоприменения. В свою очередь, и в доктрине давно уже нет стабильности, соотношение частного права с публичным только обывателю может показаться простым: новые прогрессивные нормы гражданского законодательства должны найти отражение, например, в Уголовном кодексе РФ. Хотя бы нормы о понятии, структуре и содержании вещных прав. Следовательно не будет читать учебники по гражданскому праву, необходимая информация должна быть совсем рядом, т.е. в «Примечании» либо в «Постатейных материалах» как неотъемлемой части кодекса (практика известна с советских годов и она себя оправдала). Эта почти техническая работа требует совместных усилий представителей соответствующих отраслей. В то же время нужно признавать, что и ГК РФ – вовсе не безупречный двигатель прогресса, не идеальный образец для внедрения его важнейших норм и легальных понятий в другую чужеродную публично-правовую материю.

Объективности ради и в интересах достижения общей цели совершенствования действующего законодательства есть смысл обратить внимание на ряд существенных обстоятельств. Частное право в объективном смысле понимается как система норм, составляющих такие массивы, как гражданское законодательство (центральное ядро и по объему, и по значимости); другим элементом системы частного права является семейное законодательство. Наконец, третьим элементом этой системы считается жилищное законодательство. Эта структура служит отправной точкой при обсуждении разных проблем, обусловленных восстановлением феномена частного права в отечественной науке. Существование, развитие, совершенствование огромного массива законодательства обслуживает доктрина современного частного права, т.е. творческие произведения юридической науки в областях гражданского, семейного и жилищного права. Это, разумеется, азы. Но на данном этапе существования частного права в литературе пока не делается различий между нормой и научной мыслью. Поэтому далеко не всегда можно понять, о чем идет речь; особенно интересно, когда так говорят творцы законопроектных [3. С. 9–12].

Наука и законодательство развиваются параллельно, но вовсе не синхронно. Не все, что опубликовано в виде монографий высокого качества (не говоря уже о защищенных диссертациях и статьях), удостоивается какой-либо реакции создателей законопроектов. Это негативное явление, которое можно назвать недооценкой, а иногда даже игнорированием реальных научных достижений. Новизна выводов и пред-

ложений в диссертациях после защиты никого, как правило, уже не интересует. Наивный добросовестный диссертант может разве что в мечтах увидеть свои драгоценные строчки в тексте закона. Накопились огромные залежи научных достижений, достойных внимания законодателя. И трудно понять, почему многие отработанные в науке положения не находят реализации в нормативных актах. Примеров подобного отношения к научным результатам множество, любой научный руководитель способен это подтвердить.

При отборе научного материала для законодателя необходимы определенные критерии. Существенными в этом плане представляются следующие обстоятельства. Во-первых, наличие потребности в совершенствовании конкретного института. Всем видны «пустые» нормы ст. 33–34 ЖК РФ. Для заполнения их уже достаточно готовой научной продукции. Во-вторых, завершенность, достаточность научных результатов для восполнения пробелов и устранения иных недостатков действующих норм. Примером такого завершенного научного достижения является комплекс работ (в том числе докторская диссертация и ряд монографий, посвященных гражданско-правовому статусу лиц с психическими расстройствами). Но наше гражданское законодательство ориентировано на здоровое население, без проблем. А в жизни выходит, что защищать нужно как самих больных, так и общество от них. В-третьих, обстоятельства с учетом потенциала и тенденций развития соответствующего института. В этом плане особого внимания заслуживает глава 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг». Ее нормы представляются как прообраз будущей подотрасли с общей частью, включающей легальную дефиницию услуги, существенные признаки и критерии классификации. Особенная часть могла бы быть посвящена наиболее важным видам этих обязательств. В-четвертых, обогащение и корректировка понятийного аппарата как основного научного инструмента. Все изложенное может быть и спорно, но сказано с убеждением, что копить залежи научной продукции в достойных диссертациях и монографиях просто нерационально.

Оценивая современное состояние отечественной цивилистики, нельзя не видеть ее слабых звеньев. Так сейчас выглядит наука жилищного права. На упомянутой юбилейной конференции профессор А.Я. Маковский, научный руководитель Исследовательского центра частного права «посетовал на то, что сегодня из науки и преподавания выпадают целые пласты гражданского права. А жилищное право? Сколько у нас работ защищается по жилищному праву? Даже считанных единиц нет» [3. С. 11].

Считанные единицы все же есть [4], но чаще наука жилищного права проявляет себя на многочисленных провинциальных конференциях. Выводы ученых в совокупности позволяют утверждать о наличии обоснованных предложений как по совершенствованию жилищного законодательства, так и прямо противоположных. Речь идет о позиции ученых, предлагающих вообще отказаться от Жилищного кодекса. В подобных ситуациях обычно организуются дискуссии в той или иной форме, а в итоговых документах опре-

деляются основные направления на перспективу. В советское время тематика рекомендуемых научных исследований периодически доводилась до сведения ученых-юристов в соответствующем разделе журнала «Советское государство и право».

Сейчас ориентиром является исследовательский Центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. В последней книге, посвященной кодификации российского частного права 2017 г., изложена позиция ведущих специалистов-жилищников, от мнения которых напрямую зависит сегодня судьба жилищного права и как науки, и как законодательства. Авторы по существу повторяют содержание статьи, опубликованной в книге второй «Кодификация российского частного права 2015». Повторяется и мысль «об отсутствии стратегической линии при совершенствовании жилищного законодательства. Отсутствует концептуальный подход. Нет прогнозирования. Есть недостаточно взвешенная (зато быстрая) реакция на вдруг обнаружившиеся проблемы и т.д. [5]

В системе частного права давно уготовано место семейному праву, вопрос об этом дискутировался много лет. Слишком уже очевидной и в советское время была его генетическая связь с правом гражданским, также как и низкое качество всех семейных кодексов. Действующий Семейный кодекс в сравнении с мощным Гражданским кодексом явно проигрывает по всем показателям. Уже выявлены причины и объективные (90-е гг.) и субъективные, о которых известно, но говорить не принято, хотя и необходимо. Если коротко – проект был подготовлен узким кругом фамилиаристов, игнорирующих и поэтому мало знающих гражданское право. Не было ни широкого обсуждения, ни предварительного опубликования, ни цивилистической экспертизы. В результате появился и живет очередной теоретически очень слабо разработанный нормативный акт, адресованный каждому гражданину России. В нем не нашли отражения результаты научных разработок предшествующих лет, в том числе диссертации и монографии. В 2007 г. была опубликована работа «Пояснительная записка к проекту Концепции нового Семейного кодекса», целью которой было объявлено подключение семейного законодательства к частному праву, определены задачи и отражено собственно ее содержание. В частности, предлагалось: 1) включить в семейное законодательство систему понятий (семьи, члена семьи, субъекта семейных правоотношений и др.); закрепить известную всему миру с римских времен систему родства. Обосновывалась необходимость детального закрепления правового положения лиц, состоящих в фактических брачных отношениях и в отношениях свойства и др. Эти предложения в литературе обсуждаются и сейчас, в частности в связи с негативным эффектом Концепции совершенствования семейного законодательства и соответствующих предложений. Об этой концепции сказано и написано много и в том числе много интересного. Например, о том, что рано нам пока заниматься концепциями, поскольку слишком мала теоретическая база. Современные достижения в семейно-правовой доктрине фрагментарны, разрозненны, не способны составить цельную семейно-

правовую картину соответствующей российской действительности.

О месте и судьбе Семейного кодекса тоже пока не договорились. Если достигнуто взаимопонимание о принадлежности его к частному праву, то в принципе новая форма существования решающего значения не имеет. Можно внедриться в ГК (французский вариант), можно прицепить к ГК в виде 5-й части, ведь нашлось же место в ГК даже международному частному праву. Но все же более оптимальным представляется оставить все как есть, не разрушая, а просто совершенствуя. Что же касается науки, то определилась и стратегия для молодых ученых – уже нельзя замыкаться в узких рамках семейного права, полагая, что этот ранее привычный путь является более легким. Теперь это вовсе не так, от гражданского права не уйти.

Вместе с тем, осознавая масштаб и грандиозный эффект от восстановления частного права в нашей стране, нельзя не заметить негативных явлений, сопровождающих этот процесс. Выдающиеся цивилисты, ученые и практики, много лет работавшие на пределе человеческих возможностей, не могли не ошибаться в условиях цейтнота. Обсуждать важнейшие законопроекты с юридической общественностью с целью получить объективную оценку, как правило, не получалось. Поэтому частное право России как живой организм и сейчас четко реагирует на события и другие факты реальной действительности. Концепция совершенствования гражданского законодательства изначально не могла быть безупречной, корректировки были неизбежны. Но кто бы мог предполагать, что юридическим лицам посвятят шесть лет работы, финансовым сделкам – пять с половиной. В результате местами кодекс заполняют сугубо процедурные нормы, азы документоведения. На концептуальном уровне это обстоятельство, по-видимому, не обсудили. Тут уже не до граждан, тоже, между прочим, субъектов гражданских правоотношений в количестве 146 миллионов человек. Они и пропадают по 120 тысяч человек в год и страдают от нищеты и болезней, но как безликий фон присутствуют за древними по происхождению нормами о правосубъектности граждан (гл. 3 ГК ст. 17–47).

Не получила ответной реакции авторов идея создания Детского кодекса (А.Р. Бахман), разработкой которого занимаются также представители и других отраслей.

Без внимания остались работы, в том числе диссертации и монографии цивилистов, ориентированные на ситуации, характеризующие в наше время понятие «системный кризис» [6–8]. Соответствующие

нормы (статьи 202, 242, 401 ГК) существуют в нетронутом виде.

Довольно трудно удержаться от эмоций и скептических оценок при изучении и осмыслении последних масштабных новелл частного-правового характера. Основные из них – долгожданный и давно обещанный раздел в ГК о финансовых сделках и «явление» в качестве наследника так названного наследственного фонда, с помощью которого, по словам авторов этой идеи, им удалось решить проблему «лежащего наследства» (*hereditas jacens*). Попутно отметим, что теперь уже легко «проглочено» нами и «совместное завещание супругов», и «наследственный договор», и нотариусы высшего уровня уже засуетились на процедурном поприще. Так и хочется провозгласить: «Виват, академия! Виват, профессоре!»

Научная общественность уже достаточно внятно продолжает реагировать и на новые нормы о наследственном фонде, и на ожидаемые проблемы с совместными завещаниями и наследственным договором. Нотариусы в личных доверительных беседах говорят, что они вникать в эти дебри не собираются, их клиентам это не нужно. П.В. Крашенинников в многочисленных интервью в «Российской газете» (на первой полосе и непременно с собственным портретом) объясняет, что эти нормы (о наследственном фонде) нужны не просто богатым, а очень богатым людям, приводит пример Альфреда Нобеля и рассчитывает на благотворительный эффект от наших «капитанов бизнеса».

Не вступая в детальную полемику, есть повод обратить внимание на некоторые явные несовершенства норм о наследственном фонде. Конструкция чрезмерно громоздкая и выглядит чужеродным звеном в ткани традиционно логичного отшлифованного столетиями нормативного материала. Смехотворно, по крайней мере, нелепо усложнена первая стадия, что в переводе на нормальную лексику означает ситуацию, когда на смертном одре, прощаясь с жизнью, завещатель параллельно оформляет множество документов, проводит многоходовую операцию по организации наследственного фонда.

Новые нормы появились без оглядки на многовековую теорию наследственного права и буквально взрывают отработанную доктрину. Во введении конструкции наследственного фонда не было необходимости при наличии в нашем законодательстве института доверительного управления и испытанных временем норм об охране наследства и исполнении завещания. Кстати, уже началась работа по внесению поправок в, по-видимому, сомнительные по качеству нормы, хотя закон вступит в силу еще с 1 сентября 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–40.
2. Ашмарина Е.М. К вопросу о месте экономического права в системе российского права: инновационный подход // Государство и право. 2018. № 2. С. 27–33.
3. О юбилейной конференции Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 2. 327 с.
4. Суслова С.И. Правовые формы жилищных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014 г.
5. Гонгалло Б.М., Крашенинников П.В. Развитие кодификации жилищного права // Кодификация российского частного права 2017 / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут. 2017. 480 с.

6. Каплунова Е.С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия. Новокузнецк, 2004. 175 с.
7. Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 176 с.
8. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: цивилистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июля 2018 г.

MODERN STAGE OF RUSSIAN CIVIL LAW: SUCCESS AND MISTAKES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 260–264.

DOI: 10.17223/15617793/435/33

Raisa P. Manankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: loykon@rambler.ru

Keywords: legal system; doctrine; conception; estate; disregard; advantage; mistakes.

In the article, the author analyses the status of the private law doctrine. The emphasis is made on the discussion on a methodological crisis in the theory of law, on the notion “branch of law”. Elaborations of experts in the sphere of periodization are evaluated positively, the possibility to research the collected information in the learning process is noted. The practice of undervaluation and disregard of results of scientific research in legislative work is criticized. The author pays attention to the unsatisfying condition of housing legislation. The Construction of Estate is rejected as theoretically unworkable. The author comes to a conclusion on the qualitative inopportunity and impropriety of the Conception on Family Legislation Improvement. The general scientific methods of analysis, synthesis, system structural and dialectical methods, as well as specific scientific methods of cognition (comparative legal, historical legal, system, formal dialectical) are used in the study. The problems solved in the article are as follows. (1) The character of generalization of the legal reality allowed to impersonally evaluate the contribution of Russian lawyers to the filling of an essential gap in the doctrine. (2) The main success is the Civil Code of the Russian Federation itself; favorable conditions for its introduction and further improvement, especially for young scholars, have been created. (3) The problem of the place and fate of the notion “branch of law” is examined as a negative phenomenon. Nowadays the notion is too vague and continues to depreciate. The author criticizes the construction “economic law as a mega branch, as a pseudoscientific phenomenon”. (4) The disregard or undervaluation of the results of scientific research is noted. The author proposes some criteria for selecting material for the legislator. (5) The question on the necessity of the discussion on the fate of housing legislation is posed; attention is paid to the absence of a conceptual approach and forecasting. (6) The existing situation on the Family Code is severely criticized. (7) The latest vast innovations in inheritance law are skeptically evaluated. The Construction of Estate is rejected as a foreign part in the traditional logical material. The author concludes that suggestions to improve family and housing law as elements of private law are highly applicable for the high level of their relevance.

REFERENCES

1. Rad'ko, T.N. & Golovina, A.A. (2017) Sovremennaya sistemno-pravovaya teoriya: novyy etap razvitiya ili metodologicheskii krizis? [Modern systems and legal theory: a new stage of development or a methodological crisis?]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 34–40.
2. Ashmarina, E.M. (2018) K voprosu o meste ekonomicheskogo prava v sisteme rossiyskogo prava: innovatsionnyy podkhod [On the place of economic law in the system of Russian law: an innovative approach]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 27–33.
3. Vestnik grazhdanskogo prava. (2017) O yubileynoy konferentsii Issledovatel'skogo tsentra chastnogo prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF [On the anniversary conference of S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 17(2).
4. Suslova, S.I. (2014) *Pravovye formy zhilishchnykh otnosheniy* [Legal forms of housing relations]. Abstract of Law Dr. Dis. Moscow.
5. Gongalo, B.M. & Krashenninnikov, P.V. (2017) Razvitie kodifikatsii zhilishchnogo prava [Development of housing law codification]. In: Krashenninnikov, P.V. (ed.) *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2017* [Codification of Russian private law 2017]. Moscow: Statut.
6. Kaplunova, E.S. (2004) *Nepreodolimaya sila i smezhnye s ney ponyatiya* [Force majeure and related concepts]. Novokuznetsk: Tipografiya OAO “Novokuznetskiy poligrafkombinat”.
7. Afnas'eva, E.N. (2009) *Rekvizitsiya: grazhdansko-pravovye problemy* [Requisition: civil law problems]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Frolov, A.I. (2015) *Chrezvychaynaya situatsiya: tsivilisticheskiy aspekt* [Emergency: a civil aspect]. Moscow: Yurlitinform.

Received: 05 July 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИНИНА Наталья Юрьевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой конституционного, административного, муниципального права Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). E-mail: anu8671@mail.ru

АНИСИМОВ Валерий Филиппович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). E-mail: anisimov.vf@gmail.com

АРИСТОВ Станислав Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского энергетического института. E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

АРТАМОНОВА Анастасия Святославовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Иркутского технического университета. E-mail: art_nastya@inbox.ru

БАЖЕНОВА Яна Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: 54955594@mail.ru

БАРАНОВ Александр Викторович – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры общей физики Новосибирского государственного технического университета. E-mail: baranov@corp.nstu.ru

БЕЛИК Валерий Николаевич – канд. юрид. наук, вед. науч. сотр. Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: 7226905@mail.ru

БЕРСТЕНЕВА Арина Анатольевна – магистрант кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: arinachudinova@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГАБОВ Андрей Владимирович – чл.-корр. Российской академии наук, зам. директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: andrey.gabov.00@mail.ru

ГОРИНА Ольга Григорьевна – канд. пед. наук, ст. преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: gorina@bk.ru

ДРАЧЕВА Светлана Олеговна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета. E-mail: s.o.dracheva@utmn.ru

ЕРШОВА Елена Александровна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: trudpravo00@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Лариса Владимировна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета. E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

КАЛЯЕВА Екатерина Николаевна – аспирант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: ekalyaeva@hse.ru

КАШУБА Юрий Анатольевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань). E-mail: koshianatol@yandex.ru

КИРИЛЛОВА Сэсэгма Валерьевна – соискатель кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sesegkirillova@mail.ru

КОСТЮКОВА Татьяна Анатольевна – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: kostyкова@inbox.ru

КУЛЬТЕПИНА Ольга Александровна – ассистент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: okultepina@hse.ru

ЛАВОШНИКОВА Элина Константиновна – вед. программист лаборатории автоматизированных лексикографических систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: elavoshnikova@mail.ru

- ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна** – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: levburo@mail.ru
- ЛАРЬКОВ Николай Семёнович** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: larkov@mail.tsu.ru
- ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru
- МАНАНКОВА Раиса Петровна** – д-р юрид. наук, профессор лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета. E-mail: loykon@rambler.ru
- МАСЛОВ Денис Константинович** – мл. науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: denn.maslov@gmail.com
- МИТЯСОВА Ангелина Сергеевна** – студентка Института государства и права Тюменского государственного университета. E-mail: angelina9657@yandex.ru
- НИСТРАТОВА Ирина Сергеевна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань). E-mail: nistratova_is@mail.ru
- ПЕТРИК Валерий Владимирович** – д-р ист. наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: v.v.petrik@mail.ru
- РОДИОНОВ Андрей Иванович** – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры прочности летательных аппаратов Новосибирского государственного технического университета. E-mail: rodionov@corp.nstu.ru
- РУМЯНЦЕВ Петр Петрович** – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru
- СЕМЕНОВСКИЙ Игорь Дмитриевич** – преподаватель департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: i.semenovskiy@yandex.com
- СИРОТЕНКО Алина Дмитриевна** – аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного университета; аспирант Университета Ницца София – Антиполис (Франция). E-mail: aline-bel@rambler.ru
- СКУБНЕВСКИЙ Валерий Анатольевич** – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: koi@hist.asu.ru
- СТАРИКОВА Людмила Семеновна** – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета. E-mail: lyudvig.star@yandex.ru
- СЫРОВ Василий Николаевич** – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: narrat59@gmail.com
- ТРУФАНОВ Дмитрий Олегович** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: krassocio@yandex.ru
- ТУМАКОВА Елена Вадимовна** – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета. E-mail: e.v.tumakova@utmn.ru
- ТЯПКИН Михаил Олегович** – д-р ист. наук, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России. E-mail: tyapkin@rambler.ru
- ТЯПКИНА Ольга Александровна** – канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: olgaat@rambler.ru
- ХАВАНОВА Инна Александровна** – д-р юрид. наук, исполняющая обязанности заведующего отделом зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: ahavanov@mail.ru
- ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович** – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru
- ШЕВЧЕНКО Олег Константинович** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: skilur80@mail.ru
- ЩЕГЛОВА Татьяна Кирилловна** – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: tk_altai@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 435. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 октября 2018 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,5. Усл. печ. л. 31,1. Тираж 50 экз.
Заказ № 3585. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21 декабря 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru